

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2013 № 3 (55) Т. 1

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2013 № 3 (55) Vol. 1

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimov, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh

Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 *Мухин Е. М., Прохорова А. М., Спиринов М. Е., Мазур В. А., Федоров А. И.* Влияние психофизиологических особенностей водителей со стажем вождения до трех лет на совершение ими нарушений правил дорожного движения и дорожно-транспортных происшествий

ИНФОРМАТИКА

- 12 *Христов В. П., Танева Л. Р.* Исследование адаптивного механизма агрегации с ретрансляцией фрагментов для высокоскоростных беспроводных сетей

ИСТОРИЯ

- 18 *Айыжы Е. В., Базырчип А-Х. О.* Обряды и обычаи, связанные с культами природы у тувинцев республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI (сравнительный аспект)
- 23 *Айыжы Е. В., Конгу А. А.* Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский, автономный район Китая)
- 28 *Афанасова Е. Н.* Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг.
- 32 *Бахитов С. Б.* Отчуждение труда и престижное потребление в «Обществе спектакля» Ги Дебора
- 37 *Ильин И. В.* Обеспечение населения Кемеровской области жильем и учреждениями социально-культурной сферы в 1943 – 1948 гг.
- 42 *Колодий Н. А., Егорова Н. Н., Зеленин А. А., Юматов К. В.* Ресурсные центры индустрии туризма: концептуальные модели и реальность
- 46 *Макаrchук С. В.* Документы о социалистическом подполье Сибири начала XX в. в архивах Поволжья
- 51 *Орлов Д. С.* Нецелевое использование средств в аграрном секторе Западной Сибири во второй половине 60-х – первой половине 80-х годов XX века
- 56 *Соловенок И. С.* Действия органов власти по преодолению шахтерских протестов в Кузбассе во время перехода к рынку (1992 – 1999 гг.)

МАТЕМАТИКА

- 61 *Кучер Н. А., Краюшкина М. В., Малышенко О. В.* О конечномерной аппроксимации уравнений движений смесей вязких сжимаемых жидкостей

BIOLOGY

- 8 *E. M. Mukhin, A. M. Prokhorova, M. E. Spirin, V. A. Mazur, A. I. Fedorov.* The influence of psycho-physiological characteristics of drivers with up-to-three-year experience of driving on their committing traffic violations and accidents

INFORMATICS

- 12 *V. P. Hristov, L. R. Taneva.* A study on adaptive mechanism for aggregation with fragments retransmission in high-speed wireless networks

HISTORY

- 18 *E. V. Ayyzhy, A-Kh. O. Bazyrchap.* Ceremonies and customs associated with nature cults of the Tuvans living in Tuva Republic (Russia), China and Mongolia in the early 21st century. (comparative aspect)
- 23 *E. V. Ayyzhy, A. A. Kongu.* The Tuvans of Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (the materials of an ethnographic expedition to Xinjiang Uygur Autonomous Region of China)
- 28 *E. N. Afanasova.* The problems of providing children's health care in Eastern Siberia in the second half of the 1920s
- 32 *S. B. Bakhitov.* Alienation of labour and conspicuous consumption in Guy Debord's "The Society of the Spectacle"
- 37 *I. V. Ilyin.* Providing the population of the Kemerovo region with housing and establishments of the welfare sphere in 1943 – 1948
- 42 *N. A. Kolodiy, N. N. Egorova, A. A. Zelenin, K V. Yumatov.* Tourism resource centres: conceptual models and reality
- 46 *S. V. Makarchuk.* Documents on the socialist underground of the early 20th century Siberia in the archives of the Volga region
- 51 *D. S. Orlov.* Misuse of the agricultural sector funds in West Siberia in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s

MATHEMATICS

- 61 *N. A. Kucher, M. V. Krayushkina, O. V. Malyshenko.* Finite dimensional approximation of compressible navier-stokes equations for binary mixtures

ПЕДАГОГИКА

- 66 *Алексеева А. М.* Система принципов проектирования цикла занятий по иностранному языку в профессиональном образовании
- 71 *Васильева Т. В.* Особенности формирования ценностных ориентаций сельских школьников
- 75 *Кириченко В. В.* Оптимизация здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса в детско-юношеской спортивной школе
- 79 *Кириченко В. В., Тушина Г. И., Тарасова О. Л., Коваленко Н. В., Зубанов В. П., Казин Э. М.* Оптимизация двигательной активности школьников в системе непрерывного физического воспитания: анализ регионального опыта
- 84 *Ковтун Л. О.* Формирование потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности
- 90 *Московченко О. Н., Катцин О. А.* Модель ориентирования студента вуза на формирование здорового образа жизни
- 95 *Сапкулова Е. В.* О стандартизации системы общего образования

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 100 *Аглиуллина А. Х.* Политический дизайн мест проведения массовых протестных акций
- 103 *Пфетцер С. А.* Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия
- 110 *Чигаева В. Ю.* Теоретико-методологические и эмпирические основы угроз социальной безопасности выпускников вузов в сфере трудоустройства

ПСИХОЛОГИЯ

- 117 *Асриян О. Б., Кадыров Р. В., Черненко В. В.* О новом подходе в оценке психологической готовности к обучению в вузе (на примере студентов факультета медико-профилактического дела Тихоокеанского государственного медицинского университета)
- 125 *Винникова С. М.* Нейропсихологическая помощь детям с трудностями в овладении математикой
- 129 *Глозман Ж. М., Шевченко И. А.* Проблема синдрома дефицита внимания с гиперактивностью и подходы к его коррекции
- 137 *Горбатова М. М.* Разработка и использование модели компетенции среднего менеджмента производственных подразделений для формирования кадрового резерва
- 141 *Забалова Е. Ю.* Генезис института приемной семьи
- 145 *Колотилина В. В.* Субъективное благополучие ребенка, воспитывающегося в семье повторно-брака

PEDAGOGICS

- 66 *A. M. Alekseeva.* System of principles of designing a foreign language lessons series in professional education
- 71 *T. V. Vasilieva.* Peculiarities of forming value orientations of rural schoolchildren
- 75 *V. V. Kirichenko.* Optimization of health protection in the educational training process in sports schools for children and youth
- 79 *V. V. Kirichenko, G. I. Tushina, O. L. Tarasova, N. V. Kovalenko, V. P. Zubanov, E. M. Kazin.* Optimization of schoolchildren's motor activity in the system of continuous physical education: analysis of regional experience
- 84 *L. O. Kovtun.* Forming the future teacher's need for ensuring social safety
- 90 *O. N. Moskovchenko, O. A. Katsin.* Model of orienting higher school students at forming a healthy lifestyle
- 95 *E. V. Sapkulova.* On standardization of the general education system

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 100 *A. Kh. Agliullina.* Political design of places for holding mass protest actions
- 103 *S. A. Pfetser.* Theoretical and methodological bases of analyzing the problem of political participation
- 110 *V. Yu. Chigaeva.* Theoretical and methodological and empirical bases of threats to university graduates' social security in the sphere of employment

PSYCHOLOGY

- 117 *O. B. Asriyan, R. V. Kadyrov, V. V. Chernenko.* A new approach to the assessment of psychological readiness for higher education (the example of Preventive Medicine Faculty students at Pacific State Medical University)
- 125 *S. M. Vinnikova.* Neuropsychological help for children with difficulties in learning mathematics
- 129 *J. M. Glozman, I. A. Shevchenko.* Problem of attention deficit / hyperactivity disorder and approaches to its remediation
- 137 *M. M. Gorbatova.* Development and use of competency model of industrial units' middle management for forming personnel reserve
- 141 *E. Yu. Zabalova.* Genesis of the foster family institution
- 145 *V. V. Kolotilina.* Subjective well-being of the child brought up in the remarried family

- 152 **Кригер Г. Н.** Социокультурная идентичность представителей телеутского и русского этносов
- 155 **Неверова А. А.** Особенности развития поведенческого компонента восприятия дошкольниками сюжетов из киножурнала «Ералаш»
- 159 **Чернецкая Н. И.** Гендерные особенности творческого мышления младших школьников и подростков

ФИЗИКА

- 165 **Керимов Э. А.** Электрофизические свойства контактов с барьером Шоттки на основе IrSi – Si

ФИЛОЛОГИЯ

- 169 **Володина О. В.** Условия и особенности восприятия и понимания иноязычной литературы
- 173 **Крюкова В. Ф., Щербакова Н. В.** Семантика именных олицетворений в научно-популярных лингвистических текстах
- 177 **Локтюшина Е. А.** К проблеме роли языкового образования в профессиональной подготовке
- 182 **Мальчакитова Н. Ю.** Интерпретационное поле концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке
- 185 **Орлова О. Г.** Стереотипы о России и русских в американском публицистическом дискурсе XIX – XXI веков. Материалы к составлению словаря
- 192 **Рольгайзер А. А.** Символическая интерпретация концептов ‘звезда’ и ‘étoile’
- 196 **Сидорин Е. Ю.** Сонеты В. К. Кюхельбекера: опыт реконструкции религиозного контекста

ФИЛОСОФИЯ

- 201 **Грицкевич Т. И.** Смысл социальных преобразований инициированных человеком
- 205 **Данилкова М. П.** Принципы ранжирования ценностей
- 209 **Ефремова О. Н.** Онтологический статус иллюзии «спасения и защиты»
- 213 **Иванова Н. А.** К вопросу о социальной детерминации науки: в поисках концептуальных средств
- 221 **Козлова М. В.** Методологические основы качества жизни
- 225 **Макогон Т. И.** Процессы глобализации и собственная логика местных сообществ

ХИМИЯ

- 232 **Дубровкин И. М., Ананьев В. А.** Оценка погрешности количественного спектрохимического анализа многокомпонентной смеси в присутствии случайно изменяющейся базовой линии спектра

ЭКОНОМИКА

- 235 **Бондарева Г. С.** Продовольственное обеспечение населения: понятие, сущность и структура

- 152 **G. N. Kriger.** Social and cultural identity of Teleut and Russian ethnoses’ representatives

- 155 **A. A. Neverova.** Features of the behavioral component of perception of the newsreel "Eralash" plots by preschool age children

- 159 **N. I. Chernetskaya.** Gender peculiarities of elementary school and teenage schoolchildren’s creative thinking

PHYSICS

- 165 **E. A. Kerimov.** Electrophysical properties of contacts with IrSi – Si Schottky barrier

PHILOLOGY

- 169 **O. V. Volodina.** Conditions and peculiarities of foreign literature perception and comprehension
- 172 **V. F. Kryukova, N. V. Shcherbakova.** Semantics of nominal personifications in popular science linguistic texts
- 177 **E. A. Loktyushina.** On role of language education in professional training
- 182 **N. Yu. Malchakitova.** Interpretational field of «kutu/happiness»concept in the Evenk language
- 185 **O. G. Orlova.** ‘Russia’ stereotypes in the American journalistic discourse of the 19TH-21ST centuries. Materials for a dictionary

- 192 **A. A. Rolgayzer.** Symbolic interpretation of the ‘star’ and ‘étoile’ concepts

- 196 **E. Yu. Sidorin.** Sonnets by V. K. Kyukhelbeker: Experience of the religious context reconstruction

PHILOSOPHY

- 201 **T. I. Gritskevich.** The sense of the social changes initiated by people
- 205 **M. P. Danilkova.** Principles of ranking values
- 209 **O. N. Efremova.** The ontological status of the illusion of "salvation and protection"
- 213 **N. A. Ivanova.** On social determination of science: in search of conceptual means
- 221 **M. V. Kozlova** Methodological bases of quality of life
- 225 **T. I. Makogon.** The processes of globalization and the own logic of local communities

CHEMISTRY

- 232 **I. M. Dubrovkin, V. A. Ananiev.** Error estimation in the quantitative spectrochemical analysis of multicomponent mixture with randomly varying spectral baseline

ECONOMICS

- 235 **G. S. Bondareva.** Food securing of the population: concept, essence and structure

- 239 *Евдокимова Е. К., Щербакова Л. Н.* Специфика современной ступени развития мировой экономики
- 245 *Козырев О. Ю., Рубаник Ю. Т., Михальченко В. В.* Исследование показателей операционной эффективности бизнес-системы деvelopeмента и обоснование перспективных направлений ее инновационного развития
- 252 *Козырев О. Ю., Рубаник Ю. Т., Михальченко В. В.* Численная оценка риска инвестиционного проекта, обусловленного циклическими изменениями активности деловой среды
- 256 *Лавров А. М., Унщикова И. А.* Развертывание маркетинга по уровням управления

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 262 *Вылегжанина Е. Ю.* Проблемы нормативно-правового обеспечения безопасности и охраны труда на промышленном транспорте
- 266 *Гааг И. А.* Проблема определения незаконности заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ)
- 270 *Гулиева Н. Б.* Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителя власти
- 273 *Красильникова М. С.* Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)
- 278 *Силаев С. А.* Объективные признаки продолжаемого преступления
- 284 *Терентьева В. А.* Правовая природа помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа
- 287 *Трезубов Е. С., Щеглова Н. С.* Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации
- 293 *Фатьянов И. В.* Экспериментально-правотворческий процесс
- 299 *Филиппов В. Г.* Порядок ликвидации коммерческих организаций
- 302 *Черненко Т. Г., Суворова Н. В.* О некоторых вопросах назначения наказания по совокупности приговоров
- 307 Информация для авторов
- 309 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 239 *E. K. Evdokimova, L. N. Shcherbakova.* Specificity of the modern stage of world economy development
- 245 *O. Y. Kozirev, Y. T. Rubanik, V. V. Mikhaltchenko.* Research on operational excellence measures to substantiate innovation development path for real estate business
- 252 *O. Y. Kozirev, Y. T. Rubanik, V. V. Mikhaltchenko.* Quantitative Evaluation of Investment Project's Risk caused by business environment activity cyclic variations
- 256 *A. M. Lavrov, I. A. Unshchikov.* Deploying Marketing on the Levels of Control

JURISPRUDENCE

- 262 *E. Yu. Vylegzhanina.* Regulatory issues and safety on industrial transport
- 266 *I. A. Gaag.* Problem of determining illegality of detention (Art. 301 § 2 of the Criminal code of the Russian Federation)
- 270 *N. B. Gulieva.* Criminal law protection of the dignity and honour of authorities
- 273 *M. S. Krasilnikova.* Some issues of criminal legal regulation of punishment suspension (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation)
- 278 *S. A. Silaev.* Objective signs of delictum continuatum
- 284 *V. A. Terentieva.* The legal nature of placing minors in special educational institutions
- 287 *E. S. Trezubov, N. S. Shcheglova.* Fictitiousness of civil procedure: constitutive signs and mechanisms of prohibiting abuse of procedural rights in the Russian Federation
- 293 *I. V. Fatianov.* Experimental law-making process
- 299 *V. G. Philippov.* Liquidation procedure for commercial organizations
- 302 *T. G. Chernenko, N. V. Suvorova.* Some issues of imposing cumulative sentences
- 307 Information for authors
- 309 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 57.02; 612.821

ВЛИЯНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОДИТЕЛЕЙ СО СТАЖЕМ ВОЖДЕНИЯ ДО ТРЕХ ЛЕТ НА СОВЕРШЕНИЕ ИМИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ *Е. М. Мухин, А. М. Прохорова, М. Е. Спирин, В. А. Мазур, А. И. Федоров*

THE INFLUENCE OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRIVERS WITH UP-TO-THREE-YEAR EXPERIENCE OF DRIVING ON THEIR COMMITTING TRAFFIC VIOLATIONS AND ACCIDENTS

E. M. Mukhin, A. M. Prokhorova, M. E. Spirin, V. A. Mazur, A. I. Fedorov

Изучение индивидуально-типологических особенностей высшей нервной деятельности и значения их в целенаправленном поведении в условиях разной степени воздействия среды открывает путь к пониманию биологических основ индивидуальных различий между людьми, расшифровке нейрофизиологических механизмов сложных психических явлений. Без знания реальных основ индивидуальных психофизиологических различий нельзя по-настоящему реализовать практическую деятельность человека.

The study of individual and typological characteristics of higher nervous activity and their significance in goal-directed behavior in varying degrees of exposure opens the way to understanding the biological basis of individual differences between people, deciphering the neurophysiological mechanisms of complex psychological phenomena. Without knowing the real bases of individual psycho-physiological differences one can not really implement practical human activity man.

Ключевые слова: подготовка водителей, психофизиологические особенности, безопасность дорожного движения.

Keywords: drivers' training, physiological characteristics, road safety.

В системе современного научного познания одним из основных объектов исследования является человек. Необходимость изучения его индивидуальных особенностей диктуется как самой логикой развития, так и потребностями общества. В настоящее время дифференциальная психофизиология располагает определенными данными о важной роли человеческой индивидуальности в процессе воспитания, обучения, становления и развития профессиональных навыков.

Возможность прогнозирования поведения человека основана на представлении о его устойчивых свойствах, качествах, чертах личности. К числу таковых в первую очередь следует отнести основные свойства нервных процессов, являющиеся по высказыванию Б. М. Теплова – физиологической основой индивидуальности. Согласно данным литературы индивидуально-типологические особенности высшей нервной деятельности, составляя природную основу психофизиологических свойств личности, наряду с социальными факторами оказывают существенное влияние не только на динамическую структуру деятельности, но и на конечный результат деятельности человека. Основные свойства нервной системы вместе со свойствами психофизиологических функций являются одним из важных факторов формирования индивидуальных особенностей деятельности человека [1; 3; 6; 7; 8].

Эти и многие другие особенности ускорения научного прогресса вообще и научно-технического, в частности, ставят перед дифференциальной психофи-

зиологией, физиологией высшей нервной деятельности человека, авиационной и космической медициной, физиологией труда и спорта, педагогикой и рядом других дисциплин о человеке задачу дальнейшего поиска и разработок, направленных на изучение и совершенствование человеческого фактора, в т. ч. роли свойств высшей нервной деятельности и целого комплекса психофизиологических функций в становлении и формировании профессиональной деятельности [4, с. 10 – 21].

В связи с этим целью работы явилось изучение психофизиологических особенностей водителей и оценка их значения для надежности успешной безаварийной деятельности.

Методы исследования

Объектом исследования были выбраны кандидаты в водители, обучающиеся в автошколах Кемеровской области в возрасте от 16 до 58 лет в количестве 500 человек. Психофизиологическое обследование включало оценку:

1) функционального состояния нервной системы: латентного периода простой (ПЗМР) и сложной (СЗМР) зрительно-моторной реакций;

2) индивидуально-типологических свойств нервной системы: уровня функциональной подвижности (УФП) нервных процессов; работоспособности головного мозга (РГМ); уравновешенность нервных процессов (РДО);

3) индивидуальных особенностей развития отдельных психических функций: кратковременной памяти, внимания. Проводился анализ аварийности водителей прошедших психофизиологическое обследование.

Реализация психофизиологических методик проводилась с помощью автоматизированной программы «Статус ПФ» [2].

При выполнении работы соблюдались следующие условия: исследования проходили в первой половине дня в помещении с оптимальными гигиеническими условиями; в каждом отдельном случае давалась инструкция по выполнению тест-задания. Для формирования положительной установки испытуемых на психофизиологическое обследование им предварительно объяснялись смысл и значение исследований.

Результаты исследования

Средние значения психофизиологических показателей обследованных кандидатов в водители

Таблица 1

Показатель	$M \pm m$
Психические процессы:	
память, (балл)	$5,6 \pm 0,1$
внимание объем, (балл)	$2,3 \pm 0,1$
внимание переключение, (сек)	$183,1 \pm 1,9$
Нейродинамические особенности:	
простая зрительно-моторная реакция, (м/сек)	$306,9 \pm 2,8$
сложная зрительно-моторная реакция, (м/сек)	$476,2 \pm 3,1$
функциональная подвижность нервных процессов, (сек)	$67,0 \pm 0,4$
работоспособность головного мозга, (кол-во сигналов/5 минут)	$548,1 \pm 2,9$
уравновешенность нервных процессов, (м/сек)	$37,0 \pm 2,6$

В процессе обучения, при накоплении опыта и знаний в памяти откладываются навыки работы, соответствующие определенным дорожным ситуациям. При этом движения начинают выполняться автоматически. По данным статистики, невнимательность – наиболее часто встречающаяся причина ДТП.

Результаты психофизиологического обследования позволяют констатировать, что 85 % кандидатов в водители имеют низкий или средний уровни памяти, 90 % – низкий уровень объема внимания (в среднем в поле зрения удерживают 1 – 2 объекта).

Переключение и распределение внимания в сочетании с правильной последовательностью действий и активностью наблюдения являются основой осмотристности и предосторожности водителя. По показателю переключения внимания – 52 % обследованных имеют средний уровень переключения внимания, 28 % низкий и 20 % высокий уровень переключения внимания.

Водитель является оператором системы «Водитель-автомобиль-дорога». Вся деятельность водителя на дороге в основном сводится к операциям по приему и переработке оперативной информации, принятию решений, управляющих действий и контролю за их исполнением. Одним из важнейших навыков, обеспечивающих безопасность движения, является быстрота реакции – закономерный ответ организма на

Ключевой профессией на автомобильном транспорте является профессия водителя. Вместе с тем эту профессию можно считать наиболее массовой не только водительской, но и рабочей профессией вообще. А если учесть многочисленную армию автолюбителей, то массовый характер водительской деятельности становится еще более очевидным.

Научная и практическая литература представлена большим числом работ по относительной связи между трудовой деятельностью человека и его индивидуальными психофизиологическими особенностями. В то же время работ, посвященных изучению роли свойств основных нервных процессов и профессиональной деятельностью водителей автомобиля, очень мало.

В таблице 1 представлены результаты проведенного психофизиологического исследования.

внешнее воздействие. Деятельность водителя представляет собой непрерывную цепь различных двигательных реакций. Несвоевременные или неточные реакции нередко приводят к дорожно-транспортным происшествиям.

При предъявлении определенного количества следующих друг за другом с небольшими интервалами раздражителей в нервных структурах функциональной системы, обеспечивающей реализацию сенсомоторных реакций, развиваются изменения функционального состояния.

Полученные данные показывают, что 42 % обследованных кандидатов в водители имеют низкий уровень латентного периода простой зрительно-моторной реакции и 76 % низкий уровень латентного периода сложной зрительно-моторной реакции. У лиц со слабой нервной системой наблюдается увеличение латентных периодов реакции, тогда как у «сильных» они либо не изменяются, либо уменьшаются.

Исходя из литературных данных [5], есть основание считать, что индивидуальные различия функций памяти, внимания и мышления в значительной мере зависят от уровня функциональной подвижности нервных процессов. Функциональная подвижность нервных процессов характеризует наивысший уровень выполнения работы для индивида, предусматривающий наряду с положительными реакциями еще и

дифференцировку, т. е. экстренное переключение действий, быструю поочередную смену возбудительного и тормозного процессов. Таким образом, данное свойство отражает способность нервной системы к выполнению в единицу времени определенного количества рабочих циклов при действии положительных и тормозных сигналов, а не только цикла возбудительного процесса.

При изучении функциональной подвижности нервных процессов (УФП НП) у кандидатов в водители получены следующие данные: 73 % имеют высокие показатели УФП НП, 21 – средний и только 6 % низкий уровень УФП НП. От подвижности нервных процессов зависит количество информации, которое может быть воспринято из внешнего мира и переработано за единицу времени. Информация об уровне функциональной подвижности нервных процессов важна, прежде всего, с точки зрения прогнозирования успешности обучения, формирования индивидуального подхода к обучающимся.

По показателю силы нервных процессов 67 % кандидатов в водители отличаются низким уровнем силы нервных процессов, которая обеспечивает эмоциональную, психологическую устойчивость человека к воздействию сверхсильных раздражителей и тем самым повышает надежность в экстремальных ситуациях. Обычно в сложной обстановке лицам с сильной нервной системой легче сохранить самообладание, они способны принять правильное решение в условиях дефицита времени, не растеряться. В ряде профессий, в том числе и при управлении автомобилем, это необходимо для обеспечения безаварийной работы всей системы "человек-машина".

Длительная и интенсивная работа за рулем легкового автомобиля приводит к перенапряжению нервной системы водителя, требует постоянной собранности и внимательности. Таким образом, полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что большая часть кандидатов в водители не обладают необходимыми психофизиологическими качествами.

Анализ количества совершённых административных правонарушений и дорожно-транспортных происшествий (ДТП) у обследованных кандидатов в водители, уже получивших водительское удостоверение, позволил разделить их на 3 группы:

1 группа – водители, не имевшие правонарушений;

2 группа – водители, имевшие нарушения ПДД, но без совершения ДТП;

3 группа – водители, имевшие нарушения ПДД с совершением ДТП.

Проведённый статистический анализ позволил увидеть, что 33 % обследованных кандидатов в водители с момента получения водительского удостоверения (стаж вождения не превышал 8 месяцев) совершили нарушения правил дорожного движения (ПДД). Из них 4 % совершили грубые нарушения ПДД (управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, отказ от медицинского освидетельствования, выезд на полосу встречного движения, и т. д.) и 4 % явились виновниками в совершении ДТП.

Анализируя основные психофизиологические показатели водителей 2 и 3 групп, получены следующие результаты: в среднем 15 % имеют показатели памяти ниже нормы, 90 % водителей характеризуются низким уровнем объема внимания. Среди показателей нейродинамической сферы наиболее информативными оказались сила нервных процессов и зрительно-моторная реакция. Латентный период ЗМР имеет значение адекватного показателя функционального состояния нервной системы. Низкий уровень зрительно-моторной реакции характеризует 76 % водителей, имевших нарушения ПДД, но без совершения ДТП, а в группе водителей, имевших нарушения ПДД с совершением ДТП этот показатель увеличивается и составляет 100 %, то есть это те люди, которые не могут быстро реагировать на возникшую аварийную ситуацию. По уровню силы нервных процессов выделены две группы водителей – с низким (70 %) и средним уровнем по данному показателю. Эти люди характеризуются: быстрой утомляемостью, необходимостью в дополнительных перерывах для отдыха, резким снижением продуктивности работы на фоне отвлекающих факторов и помех, неспособностью распределить внимание между несколькими делами одновременно (низким уровнем перераспределения внимания). В ситуациях напряженной деятельности снижается эффективность работы, возникает тревога, неуверенность.

Достоверные отличия по психофизиологическим показателям водителей со стажем вождения до 3-х лет, совершивших и не совершивших нарушения ПДД и ДТП, представлены в таблице 2.

Среди показателей, характеризующих нейродинамические функции, обнаружены наиболее достоверные различия по работоспособности головного мозга (сила нервных процессов), двигательнo-координатным реакциям (выносливость) и простым сенсомоторным реакциям.

В качестве психофизиологического критерия, косвенно характеризующего эффективность выполняемой человеком работы, мы использовали показатели времени сенсомоторных реакций. Поскольку время простой сенсомоторной реакции является интегральным показателем скорости проведения возбуждения по различным элементам рефлекторной дуги. Однако основную роль играет проведение возбуждения по центральным структурам, что, по мнению ряда авторов, позволяет рассматривать время ПЗМР в качестве критерия возбудимости и лабильности ЦНС, достаточно адекватного показателя функционального состояния нервной системы. Изучение простой зрительно-моторной реакции кандидатов в водители позволило установить, что данный показатель достоверно ниже в 3 группе, что отражает более низкую функциональную активность звеньев рефлекторной дуги у водителей, имевших нарушения ПДД с совершением ДТП. Чем меньше времени затрачено на выполнение теста, тем совершеннее функционирование нервной системы. Этот показатель является важным для динамического контроля за функциональным состоянием ЦНС, и удлинение времени реакции говорит о снижении функциональной активности ЦНС.

Психофизиологические показатели водителей со стажем вождения до 3-х лет

	<i>Водители, не имевшие правонаруше- ний (1)</i>	<i>Водители, имевшие нарушения ПДД, но без совершения ДТП (2)</i>	<i>Водители, имевшие нарушения ПДД с совершением ДТП (3)</i>	<i>P < 0,05</i>
Простая зрительно-моторная реакция (м/сек)	315,1 ± 4,4	291,6 ± 4,5	347,6 ± 24,7	1 – 2, 2 – 3
Сложная зрительно-моторная реакция (м/сек)	476,7 ± 4,9	473,5 ± 6,9	514,5 ± 18,8	2 – 3
Работоспособность головного мозга (кол-во сигналов/5 минут)	549,3 ± 4,3	558,5 ± 5,0	513,8 ± 25,0	2 – 3

Осуществление простых реакций может происходить без особого участия сознания (ПЗМР), а выполнение сложной реакции выбора (СЗМР) связано с аналитико-синтетической деятельностью, то есть с центральной обработкой информации, которая включает не только восприятие и ответ, но и анализ, переработку, принятие решения. Самые высокие значения показателя СЗМР регистрируются опять же в группе водителей, имевших нарушения ПДД с совершением ДТП, в условиях выбора им требуется большее количество времени для принятия решения. Также у них достоверно ниже уровень силы нервных процессов, что свидетельствует о низкой работоспособности и высокой утомляемости.

Полученные данные свидетельствуют о важной роли индивидуальных психофизиологических особенностей, в частности уровня работоспособности головного мозга, сенсомоторных реакций, уравновешенности нервных процессов в приобретении и практическом использовании навыков профессиональной деятельности водителей.

Психофизиологические свойства человека могут количественно выражать профессионально важные

качества и для многих типов профессиональной деятельности обладают достаточно высокой прогностической ценностью. Лишь комплексное изучение индивидуальных особенностей будущих водителей может охарактеризовать профессиональный статус обучающихся.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что психофизиологические особенности личности водителя влияют на вероятность дорожно-транспортного происшествия с его участием и могут являться маркерами риска возникновения ДТП. Данные показатели могут дать прогноз, позволяющий определить склонность к совершению ДТП для каждого водителя, и они, равно как и аварийность, не зависят от стажа и опыта вождения, поскольку являются индивидуальной характеристикой личности.

Внедрение методологии тестирования индивидуальной психофизиологической предрасположенности к совершению дорожно-транспортных происшествий еще на этапе обучения является прогрессивным, инновационным решением в системе организации безопасности движения.

Литература

1. Гуревич, К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы / К. М. Гуревич. – М.: Наука, 1970. – 272 с.
2. Иванов, В. И. Оценка психофизиологического состояния организма человека («Статус ПФ») / В. И. Иванов, Н. А. Литвинова, М. Г. Березина // Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2001610233 от 5.03.2001. – М.: Роспатент. – 50 с.
3. Карцев, И. Д. Физиологические критерии профессиональной пригодности подростков к различным профессиям / И. Д. Карцев, Л. Ф. Халдеева, К. Э. Павлович. – М.: Медицина, 1977. – 176 с.
4. Макаренко, Н. В. Высшая нервная деятельность человека и профессиональный труд / Н. В. Макаренко, В. С. Лизогуб // Актуальные проблемы транспортной медицины. – 2008. – № 2(12).
5. Макаренко, Н. В. Психофизиологические функции человека и операторский труд / Н. В. Макаренко. – Киев: Наукова Думка, 1991. – 216 с.
6. Макаренко, Н. В. Роль функциональной подвижности нервных процессов в формировании психофизиологических функций и значение их в надежности операторской деятельности: автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Н. В. Макаренко. – Киев, 1987. – 40 с.
7. Небылицын, В. Д. Основные свойства нервной системы человека / В. Д. Небылицын. – М.: Просвещение, 1966. – 384 с.
8. Шафран, Л. М. Теория и практика профессионального психофизиологического отбора моряков / Л. М. Шафран, Э. М. Псядло. – Одесса, 2008. – 292 с.

Информация об авторах:

Мухин Евгений Михайлович – начальник Западно-Сибирского филиала федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России» (ФКУ НИЦ БДД МВД России), 8(3842) 387-688, zenic-bdd@inbox.ru.

Evgeniy M. Mukhin – Head of the West-Siberian Branch of the Russian Interior Ministry Scientific Research Centre for Road Safety.

Прохорова Анна Махмутовна – кандидат биологических наук, доцент, младший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФКУ НИЦ БДД МВД России, 8(3842) 718-503, anna_prohorova78@mail.ru.

Anna M. Prokhorova – Candidate of Biology, Associate Professor, Junior Researcher at the West-Siberian Branch of the Russian Interior Ministry Scientific Research Centre for Road Safety.

Спирин Михаил Евгеньевич – старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФКУ НИЦ БДД МВД России, spirin_me@mail.ru.

Mikhail E. Spirin – Senior Researcher at the West-Siberian Branch of the Russian Interior Ministry Scientific Research Centre for Road Safety.

Мазур Виктор Александрович – ведущий научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФКУ НИЦ БДД МВД России.

Viktor A. Mazur – Leading Researcher at the West-Siberian Branch of the Russian Interior Ministry Scientific Research Centre for Road Safety.

Федоров Александр Иванович – доктор биологических наук, директор Кемеровского областного психолого-валеологического центра, oprvc@mail.ru.

Alehander I. Fedorov – Doctor of Biology, Director of Kemerovo Regional Psychological and Valeological Centre.

ИНФОРМАТИКА

УДК 004.057.4

ИССЛЕДОВАНИЕ АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА АГРЕГАЦИИ С РЕТРАНСЛЯЦИЕЙ
ФРАГМЕНТОВ ДЛЯ ВЫСОКОСКОРОСТНЫХ БЕСПРОВОДНЫХ СЕТЕЙ

В. П. Христов, Л. Р. Танева

A STUDY ON ADAPTIVE MECHANISM FOR AGGREGATION
WITH FRAGMENTS RETRANSMISSION IN HIGH-SPEED WIRELESS NETWORKS

V. P. Hristov, L. R. Taneva

Современные беспроводные компьютерные сети предлагают более высокую скорость передачи данных на физическом уровне и отличаются использованием высокоэффективных протоколов в слое контроля доступа к среде. В-AFR механизме, несколько пакетов бывают фрагментированы, а затем объединены в большой кадр и посланы, но в случае возникновения ошибок во время передачи, только поврежденные фрагменты кадра передаются повторно.

Целью данной работы является предложение адаптивного механизма агрегации с ретрансляцией фрагментов, чтобы создать соответствующий симулятор и изучить эффективность этого механизма агрегации, с учетом характеристик прикладных программ и трафика в магистральной сети Интернет. Производительность этого механизма агрегации рассматривается через симуляции, которые были разработаны в рамках модели GPSS. Полученные результаты подтверждают правильность предложенного подхода в развитии-AFR механизмов.

Modern wireless computer networks offer a higher-speed data transmission in the physical layer and use highly efficient protocols in the Medium Access Control layer. In the A-AFR mechanism, multiple packets are fragmented and then aggregated into a larger frame to be sent, but if errors occur during the transmission, only the corrupted fragments of the frame will be retransmitted.

The aim of this paper is to propose an adaptive mechanism for aggregation with fragments retransmission, to create an appropriate simulator, and to examine performance of this aggregation mechanism, taking into account characteristics of the applications and the traffic in the backbone Internet network. The performance of this mechanism

for aggregation is examined through simulations which have been developed within GPSS model. The results confirm the correctness of the proposed approach in developing the A-AFR mechanism.

Ключевые слова: высокоскоростные беспроводные сети, адаптивный механизм агрегации с ретрансляцией фрагментов, протоколы передачи данных, сеть Интернет.

Keywords: high-speed wireless computer networks, adaptive mechanism for aggregation with fragments retransmission, data transmission protocols, the Internet.

Агрегация представляет собой процесс, в ходе которого несколько пакетов объединяются вместе в одном кадре для дальнейшей передачи по сети. При этом производительность повышается, потому что накладные расходы на передачу из многих пакетов сократилось до уровня трансфера только одного кадра. Метод AFR-агрегации с ретрансляцией фрагментов изложен в [2; 5; 6; 7]. Этот метод используется для улучшения производительности системы, применяя агрегацию пакетов, когда ретрансляция кадров происходит из-за изменяющихся во времени характеристик радиоканала. При этом размер кадров, которые должны быть повторно посланы, сравниваются с заданным порогом и если кадр меньше, чем этот порог, то он передается без изменений. Если кадр больше, то он делится на фрагменты, которые передаются по отдельности. В отличие от уже описанного, В-AFR механизм [9] имеет несколько фрагментированных пакетов, которые затем объединяются в большие рамы и посылаются в сеть. В случае возникновения ошибок во время передачи только поврежденные фрагменты кадра будут переданы повторно. Целью настоящей работы является предложить адаптивный механизм агрегации с ретрансляцией фрагментов, создать соответствующий симулятор и изучить эффективность этого механизма агрегации с учетом прикладных требований и, в частности, трафика в магистральной сети Интернет.

Определение оптимальной длины фрагментов

Адаптивный механизм агрегации с ретрансляцией фрагментов (A-AFR), предлагаемый ниже, является улучшенной версией обычного AFR-механизма и улучшает производительность системы, разрешая вопросы в двух основных областях:

- во-первых, с ним время задержек на AFR агрегацию снизилось;
- во-вторых, количество повторных передач из-за ошибок (потерь) при агрегировании кадров сведено к минимуму за счет оптимизации [8] размеров фрагментов, образующих кадры.

Алгоритм для определения оптимальной длины фрагментов использует так называемый коэффициент эффективности в качестве критерия оптимальности. Коэффициент эффективности при передаче информации есть отношение объема (в байтах) успешно переданных фрагментов данных d , к общему количеству отправленных байтов (который включает в себя успешно переданные данные фрагментов d , а также повторно переданные утраченные фрагменты и фрагменты заголовков – c). В [9] предложена формула для расчета оптимального размера фрагмента. Он должен корректироваться дополнительными расходами на передачу заголовка фрагмента и избытком ретрансля-

ции данных (весь фрагмент посылается повторно, даже если только один бит поврежден) после потери:

$$d = -c + \sqrt{c / BER}. \quad (1)$$

Из рис. 1 следует, что для широкого круга потерь – BER, можно ожидать, что роль метода не уменьшится существенно, если используются фрагменты с размером, близким к оптимальному. Это отражается соответствующим образом в аппаратной реализации AFR, например, с использованием FPGA, размер фрагмента должен быть установлен в 512 бит (почти оптимальный размер).

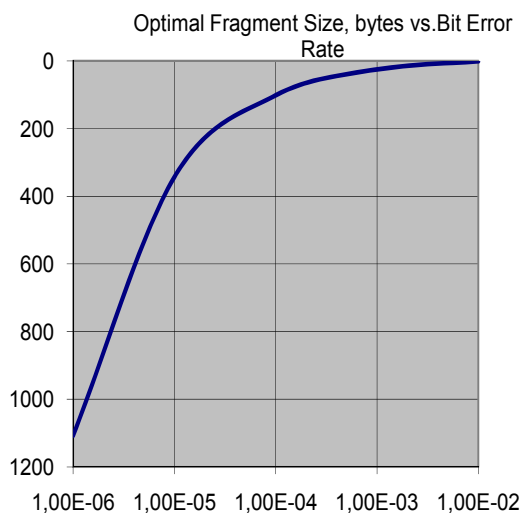

Рис. 1. Оптимальный размер фрагмента / BER

При определении оптимального количества фрагментированных пакетов, которые образуют агрегированный кадр, должно быть принято во внимание, что механизм агрегации достигает более высоких значений производительности при увеличении размера агрегированного кадра, но это достигается ценой увеличения задержки пакетов.

Время задержки агрегации

Механизмы агрегации, в том числе AFR-механизм, достигают более высокой производительности за счет увеличения размера агрегированного кадра (количества пакетов, которые формируют агрегируемый фрагмент). Другими словами, максимальная производительность достигается при максимальном размере кадра. Платой за это, конечно, является увеличение задержки пакетов.

Целью данного раздела является изучение задержки в агрегации, а также определение уровня оптимального использования ρ . Выше этого порога на-

чинается агрегация и устанавливается таким образом, что задержки являются минимальными.

Известно, что максимальный размер кадра в каждой сети ограничен, т. е. использование кадров с произвольным большими размерами не представляется возможным. Верхний предел размера кадра зависит от возможностей слоя РНУ и ограничивается внутренней памятью и размером буфера передачи для станций передачи. Для того, чтобы достичь 90 % эффективности на уровне МАС, максимальный размер кадра должна быть 32,768 байта в 216 Мбит скорость передачи данных и 65,536 байт со скоростью 648 Мбит. Таким образом, число агрегированных пакетов в кадре весьма ограничено.

Обозначим долю заголовка в кадре через h , а также введем в рассмотрение интенсивность прибытия пакетов λ и μ – скорость передачи пакетов (или скорость обработки). Тогда коэффициент загрузки или использования будет $\rho = \lambda / \mu$.

Предлагаемый в данной статье подход к определению оптимального количества агрегированных пакетов для AFR-адаптивного механизма использует известную формулу для времени ожидания в М/М/1 в системе:

$$T = \frac{1}{\mu - \lambda}, \quad (2)$$

где

μ – скорость передачи пакетов, λ – интенсивность рассылки пакетов.

Мы считаем, что время передачи кадра является временем для передачи заголовков этого кадра, сложением с временами для передачи всех индивидуальных пакетов в нем, определяемых числом n .

Для агрегации, в дополнение к (2), должно быть добавлено и среднее время, которое проходит с приходом каждого из предыдущих $n-1$ пакетов на момент прибытия последнего пакета:

$$T' = \frac{1}{\mu' - \lambda'} + \frac{n-1}{2\lambda}, \quad (3)$$

где

n – количество агрегированных пакетов, μ' – скорость передачи агрегированного кадров, и λ' – интенсивность прибытия агрегированных кадров.

Интенсивность агрегированных монтажных кадров в n раз меньше, чем интенсивность прибытия пакетов, потому что эти кадры формируются после прибытия n отдельных пакетов $\lambda' = \lambda / n$.

Время передачи без агрегации ($1 / \mu$) является суммой времени необходимого для передачи заголовка и поля данных в кадре. Время передачи одного агрегированного кадра ($1 / \mu'$) является суммой времени для передачи заголовков этого кадра и данные n -количество пакетов, т. е. n раз время передачи без агрегации, но без $n-1$ раз времени передачи заголовков других $n-1$ пакетов.

Таким образом,

$$\mu' = \frac{\mu}{n - (n-1)h}. \quad (4)$$

Подставляя в (4) время ожидания на агрегацию, получим:

$$T' = \frac{1}{\frac{\mu}{n - (n-1)h} - \lambda} + \frac{n-1}{2\lambda}. \quad (5)$$

Приведенная выше формула дает время ожидания для агрегирования, выраженное через долю заголовков в кадре – h , количество агрегированных пакетов – n , интенсивность прибытия пакетов λ и скорость обслуживания – μ .

Позже в этой работе, формула (5) используется для аппаратной реализации адаптивного механизма агрегации с ретрансляцией фрагментов. Анализ (5) показывает, что время ожидания может быть сведено к минимуму с точки зрения количества агрегированных пакетов – n , (первое слагаемое уменьшается с ростом n , а второе растёт).

Адаптивный механизм агрегации с фрагментом ретрансляция

В обоих A-AFR и AFR механизмах МАС-кадр состоит из заголовка и тела. Все поля заголовков кадров остаются неизменными, но добавлены три новых поля – размер фрагмента, количество фрагментов и одно резервное (свободное) поле.

Тело кадра содержит заголовки фрагментов, тела фрагменты и управляющее поле *последовательности проверки FCS-фрагментов*.

Входящие агрегированные пакеты хранятся в буфере, а затем отправляются к месту назначения. Пакеты данных объединяются в один кадр и в начале кадра добавляется заголовок. Каждый кадр состоит из заголовка и определенного количества пакетов данных, но не превышающего максимальный размер кадра – 64 байта, т. е. максимальное количество пакетов данных, которые могут быть объединены, ограничено.

Ниже описаны три шага предлагаемого адаптивного механизма агрегации с повторной передачей фрагментов.

1. По параметрам радиоканала определяется расстояние до приемника, а также препятствия на пути помех, датчик определяет тип модуляции, скорость РНУ и размер фрагмента. Также он рассчитывает h – долю времени передачи заголовков (МАС и РНУ) и общее время передачи.

2. Время прибытия каждого пакета в буфер записывается, а также фиксируется разница между моментами прибытия последовательных пакетов (как и в [3]) рассчитывается интенсивность прибытия пакетов. Кроме этого, фиксируется время прибытия в буфер первых пакетов (HOL – Head Of Line). Если оно превышает максимально допустимое, то пакет сразу же отбрасывается (фрагменты таких пакетов убираются из буфера). Таким образом, пересылки аудио и видео потока данных могут выиграть от агрегации пакетов, сохраняя при этом задержку ниже заданного значения.

3. В противном случае, число пакетов – n , которые будут фрагментированы и агрегированы, определяется из полученных в шагах 1 и 2 мгновенных значений h и ρ таким образом, чтобы задержки сводились к минимуму. Для этого используется связь между частью кадра, определяющего заголовок и количеством агрегированных пакетов). Если количество пакетов в буфере больше, чем n , то только первые n из них будут агрегированы, а остальные будут ждать в буфере до следующего кадра. Агрегированный кадр, созданный из фрагментов пакетов, поступает в буфер, начиная с самых ранних прибытий (FIFO). Пакеты, приходящие во время передачи этого агрегированного кадра, не могут быть объединены в текущий кадр и будут ждать в буфере до следующего кадра агрегации.

В аппаратной реализации [1] этот адаптивный механизм агрегации должен быть закодирован в таблице зависимости между количеством агрегированных пакетов и долей заголовков в кадре и использован, если задержка агрегации сведена к минимуму (см. шаг 3). Мы находим оптимальные (где задержка минимальна) количество агрегированных пакетов – n , путем нахождения первой производной (5) и приравнивания ее к нулю.

Следующая работа [10], показывает, что трафик Интернета в основном значительно отличается от M/M/1 модели. По этой причине число агрегированных пакетов – n близко к оптимальной величине.

Анализ текущей структуры трафика производился по типу передаваемых пакетов, используя IP диаграммы. TCP-протокол значительно доминирует в структуре трафика. Около 95 % всех байтов, 90 % пакетов или 75 % потоков принадлежат TCP. UDP-протокол составляет 5 % байтов; 10 % пакетов или 20 % потока. Другие протоколы IP-IP v6, инкапсулированные IP-в-IP и ICMP дополняют остальное до 100 % (в структуре общего трафика). Видно, что почти 80 % из MSS-пакетов имеют длину менее 512 байт, что для TCP-пакетов составляет 552 байта. Около половины пакетов имеют размер 44 байта или меньше. С точки зрения данных, выраженных в байтах, которые будут проводиться в таких пакетах, они составляют 7 % всего количества данных. Более половины от размера данных в байтах содержатся в пакетах объемом 1500 байт или больше.

Имитационная модель и результаты

Ниже описывается имитационная модель, которая разработана на языке GPSS и использована для изучения эффективности предложенного механизма передачи реального трафика. Эта модель также позволит найти правильные оценки числа совокупных пакетов – n для некоторых параметров трафика в беспроводной сети (в отличие от способа нахождения первой производной в (5)).

Формальное описание модели. Во время агрегации пакетов проходят процессы, характерные для систем массового обслуживания, поэтому они могут быть представлены как системы с источником, очередью и объектами (Q-системы). На рис. 2 показана Q-схема, отражающая процессы обслуживания по предлагаемому механизму. Пусть с символом R обозначается

порог буфера, а через X – текущий размер очереди в буфере.

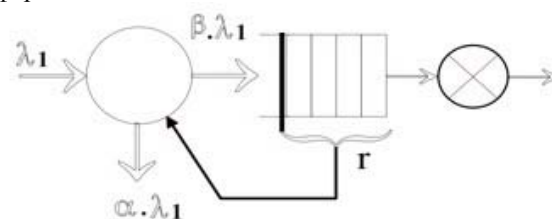

Рис. 2. Q-схема

Сетевая карта входящего потока пакетов и формирование фрагментов из этих пакетов моделируется источником G1. Интенсивность этого потока фрагментов обозначается как λ_1 . Фрагменты собираются в буфер Q, где они должны дожидаться обслуживания вплоть до момента перевода на соответствующий порт выхода сетевой карты. В зависимости от текущего размера очереди в буфере X и времени ожидания первых фрагментов, механизм агрегации решает, какие фрагменты будут обслуживаться. Значения h и ρ в это время используются для определения количества фрагментов R , которые будут агрегироваться. Если количество фрагментов в буфере X больше, чем соответствующий порог – R ($R < X$), то только первые фрагменты R агрегируются, а другие фрагменты в буфере будут ждать следующего кадра. Агрегированный кадр, созданный из фрагментов находится в текущий момент в буфере, начиная с самого раннего прибытия (FIFO). Пакеты, приходящие во время передачи этого кадра, не могут быть фрагментированы и агрегированы до текущего кадра и будут ждать в буфере следующей агрегации кадров.

По прибытии каждого пакета в буфер он отмечается меткой времени и рассчитывается время ожидания в буфере для первых прибывших пакетов (HOL-Head Of Line). Если время превышает максимально допустимое время, то фрагменты этого пакета сразу же отбрасываются.

Таким образом, интенсивность изменений входящего потока должна быть такова, чтобы минимизировать время ожидания фрагментов и, следовательно, уменьшить размер очереди α и β – соответствующие вероятности для уничтожения или сохранения фрагмента во время агрегации).

Следует иметь в виду, что дискретный характер процессов в модели (получение пакетов из источников, сегментация фрагментов; буферизация и оккупация выходного порта (канала)) реализации осуществляется на языке GPSS (General Purpose Simulation System).

Алгоритм GPSS программы (рис. 3) в полной мере отражает вышеизложенную концепцию модели и содержит описание всех ее блоков, и также отражает логику модели.

Для того, чтобы проверить работу GPSS имитационной модели, она была запущена с экспоненциальным распределением времени прихода и обслуживания пакетов, и полученные результаты моделирования согласовались с результатами расчетов по формуле (5).

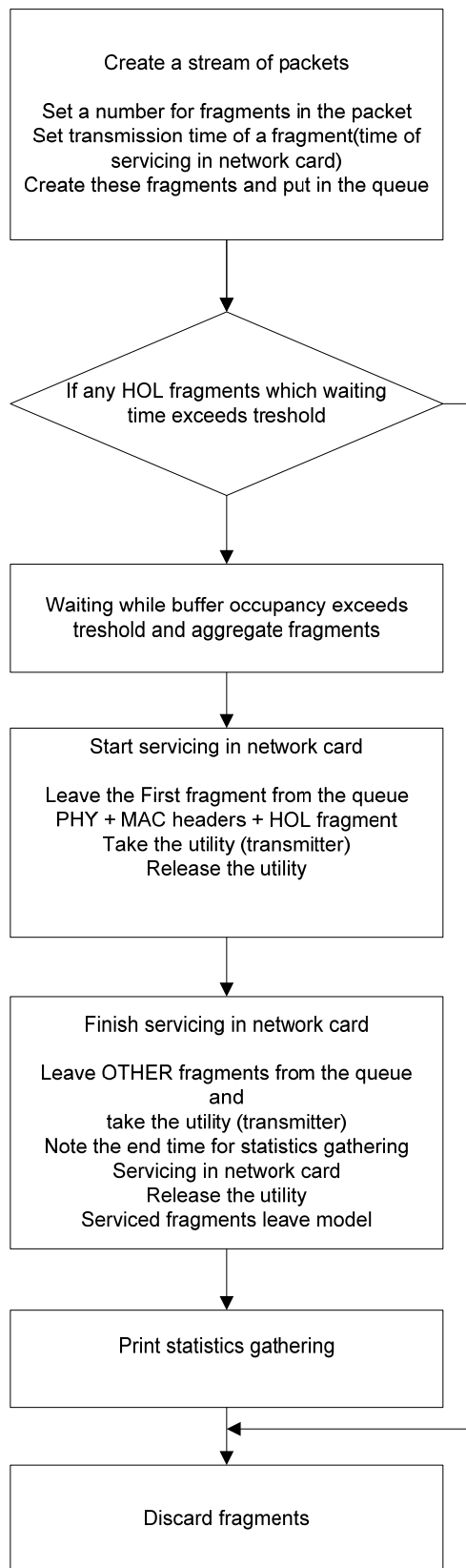

Рис. 3. Алгоритм GPSS имитационной модели

В этом случае изучены задержки A-AFR агрегации и более точно определены параметры влияние реальных источников и характеристик на трафик.

Также разработаны алгоритмы и программы на языке программирования C++ для нахождения оптимального количества агрегированных пакетов n при

сведении к минимуму задержки для различных значений h к ρ .

Таблица 1

Оптимальные (по минимуму задержки) значения агрегированных пакетов – n в зависимости от отношения h к ρ

$h \setminus \rho$	0.5	0.6	0.7	0.8	0.9
0.3	-	1.1	1.1	1.2	1.5
0.4	-	1.1	1.1	1.3	1.7
0.5	-	1.1	1.2	1.5	1.8
0.6	1.1	1.1	1.3	1.6	1.9

Параметры для GPSS модели, полученные с помощью этой программы приведены в таблице 1. Результаты моделирования приведены на рис. 4 и рис. 5. Увеличение доли заголовков в кадре – h и / или количества агрегированных пакетов – n , увеличивает значение ρ , для которых задержки сведены к минимуму, что согласуется с анализом (5), сделанным ранее аналитически.

Кроме того, из результатов моделирования и анализа видно, что время ожидания может быть сведено к минимуму, поскольку первое слагаемое в (5) возрастает с увеличением λ , второе – уменьшается.

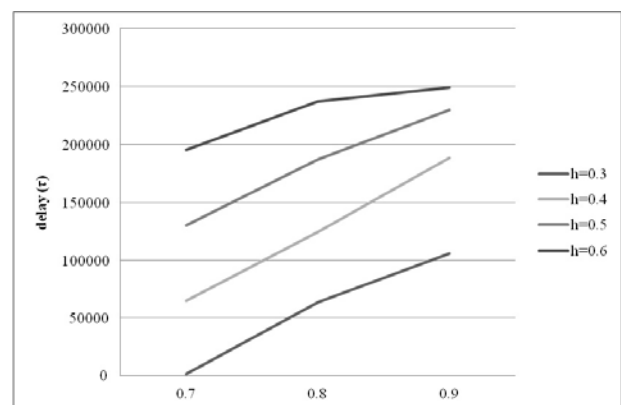

Рис. 4. Схема задержки в зависимости от нагрузки сети и транспортной системы

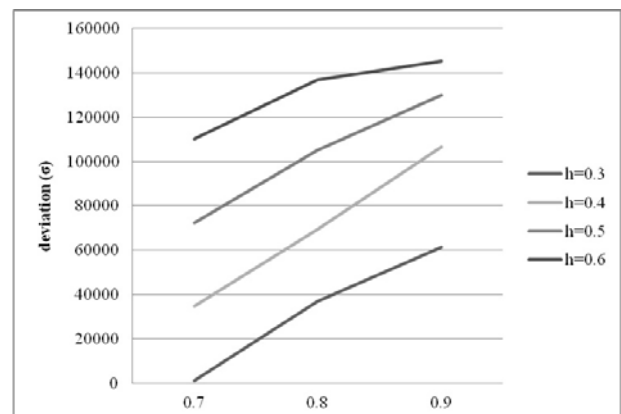

Рис. 5. Диаграмма отклонения в зависимости от нагрузки на сеть и системы движения

Сравнивая величины средней задержки и отклонения (рис. 4 и рис. 5), можно видеть, что среднее значение и стандартное отклонение значительно различаются. Это согласуется с нашим предложением о том, что обслуживание с агрегацией кадров из реального Интернет-трафика значительно отличается от из М/М/1 модели. Поэтому была создана и использована имитационная модель для исследования предложенного механизма агрегации с ретрансляцией фрагментов.

Заключение

На основе анализа агрегации задержки предлагается адаптивный механизм агрегации с ретрансляцией фрагментов (A-AFR-механизм).

Кроме того, разработана GPSS имитационная модель для изучения и исследования эффективности A-AFR механизма в отношении передачи трафика в реальном времени.

В работе изучено влияние параметров и характеристик источников трафика на задержку предлагаемой в этом механизме агрегации.

Литература

1. Chen, W. Synchronous fine- adjustable rate control circuit for ethernet congestion management / W. Chen. – Electronics letters. – Volume 44. – 2008. – P. 325 – 326.
2. Hong, J. On modeling, analysis, and optimization of packet aggregation systems / J. Hong, K. Sohrawy // IEEE transactions on communications. – Volume 58. – 2010. – P. 660 – 668.
3. Hristov, V. Implementation of adaptive mechanism with aggregation and fragment retransmission for 802.11 wireless networks. Proceedings of international conference on information technologies / V. Hristov. – Varna, Bulgaria, 2011. – P. 169 – 174.
4. Jain, R. Level modeling of IEEE 802.16e mobile wimax networks: key issues / R. Jain, C. So-In, A. Tamimi // IEEE Wireless Communications. – 2008. – October. – P. 73 – 79.
5. Tianji, L. Aggregation with fragment retransmission for very high-speed WLANs. IEEE / L. Tianja // ACM Transactions on Networking. – Volume 17. – 2009. – P. 591 – 604.
6. Olteanu, A. Security overhead and performance for aggregation with fragment retransmission (AFR) in very high-speed wireless 802.11 LANs // A. Olteanu, Y. Xiao // IEEE Transactions on Wireless Communications. – Volume 9. – 2010. – P. 218 – 226.
7. Maaroufi, S. Performance evaluation of new MAC mechanisms for IEEE 802.11n. Global Information Infrastructure Symposium / S. Maaroufi, W. Ajib, H. Elbiaze. – 2007. – P. 39 – 45.
8. Туджаров, Б. WEB-базиран подход и средства за оптимизиране на логистична техника чрез структуриране на активи от знания / Б. Туджаров, Н. Казаков // Международна научно-приложна конференция, HCTech. – 2008. – 30 – 31 октомври.
9. Христов, В. Адаптивен агрегиращ механизъм с препредаване на фрагменти за високоскоростни безжични мрежи. Българско списание за инженерно проектиране, брой 7 / В. Христов, Б. Туджаров. – 2011. – С. 15 – 22.
10. Zhang, Z.-L. Small-time scaling behaviors of Internet backbone traffic: an empirical study; INFOCOM 2003 // Z.-L. Zhang, V. J. Ribeiro, S. Moon [et al.] // Twenty-Second Annual Joint Conference of the IEEE Computer and Communications. IEEE Societies. – Minnesota Univ., MN, USA.
11. Режим доступа: <http://www.vbns.net/presentations/papers/MCItraffic.ps>

Информация об авторах:

Христов Валентин Петрович – профессор, заведующий кафедрой компьютерных систем и технологий Юго-Западного университета, Благоевград, Болгария, +359895581133, v_hristov@swu.bg.

Valentin P. Hristov – Professor, Head of the Department of Computer Systems and Technology, South West University, 66 Ivan Michailov str, Blagoevgrad, 2700, Bulgaria.

Танева Людмила Р. – ассистент кафедры компьютерных систем и технологий Юго-Западного университета, Благоевград, Болгария, +359887210714, lusy_t@yahoo.com.

Liya R. Taneva – assistant Lecturer at the Department of Computer Systems and Technology, South West University, 66 Ivan Michailov str, Blagoevgrad, 2700, Bulgaria.

ИСТОРИЯ

УДК 390 (510/517)

**ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТАМИ ПРИРОДЫ У ТУВИНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА
РФ, КИТАЯ, МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XXI (сравнительный аспект)***Е. В. Айыжы, А-Х. О. Базырчап***CEREMONIES AND CUSTOMS ASSOCIATED WITH NATURE CULTS OF THE TUVANS LIVING IN
TUVU REPUBLIC (RUSSIA), CHINA AND MONGOLIA IN THE EARLY 21st CENTURY****(comparative aspect)***Е. V. Ayyzhy, A-Kh. O. Bazyrchap**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 12-11-17600/е.*

Статья посвящена культам природы у тувинцев, проживающих в Республике Тыва, Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая, Кобдосском аймаке Монголии в сравнительном аспекте. Особое внимание уделено различным обрядам и обычаям, связанным с культами природы, которые соблюдаются и в современное время. Показано, что на современном этапе происходят некоторые изменения в отношении культов природы.

The paper discusses the nature cults of the Tuvans living in Tyva Republic, Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China and Kobdos aimak of Mongolia in the comparative aspect. The special attention is paid to the various ceremonies and the customs connected with nature cults which are observed and in modern time. The paper shows that at the present stage the nature cults are experiencing some changes.

Ключевые слова: культ природы, обряды, обычаи, традиции, родовые оваа, духовная культура, шаман, лама.

Keywords: nature cult, ceremonies, customs, traditions, patrimonial ova, spiritual culture, shaman, lama.

В ходе выполнения гранта РГНФ 12-11-17600/е на тему «Исследование особенностей традиционной и природно-средовой культуры тюрко-монгольских народов Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (на примере ойратов и тувинцев)» была проведена с 12 сентября по 05 октября 2012 году этнографическая экспедиция в Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая, где собраны интересные материалы по культам природы у тувинцев.

Руководитель экспедиции – канд. ист. наук, доцент кафедры Всеобщей истории и археологии ТувГУ Е. В. Айыжы. Участники экспедиции: Л. Д. Шимит – канд. с-х. наук, зав. кафедрой зоотехнии ТувГУ, М. А. Резяпкин – научный консультант МГУ им. М. В. Ломоносова, А-Х. О. Базырчап, А. А. Конгу – аспиранты кафедры этнологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Источником для написания статьи послужили собранные полевые материалы, в частности привлечены материалы по культам природы у тувинцев республики Тыва, Кобдосского аймака Монголии, Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая.

В настоящей статье объектом исследования является система культов природы у тувинцев, проживающих в Республике Тыва, Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая, Кобдосском аймаке Монголии.

Цель данной статьи – изучение системы культов у тувинцев в сравнительном аспекте на современном этапе. Материалы собраны на основе полевых этнографических экспедиций в Хубсугульский аймак (Се-

верная Монголия) в июле – августе 2010 г, в Ховдский аймак Монголии в июле 2011 года, Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая в сентябре – октябре 2012 года.

Предметом исследования являются обряды и обычаи, система запретов и предписаний, связанные с культами природы у тувинцев.

При исследовании данной темы в методологическом отношении использован комплексный подход, обусловленный с привлечением этнографических, социологических, фольклорных данных. Методологические принципы комплексного подхода в изучении культов природы у тувинцев нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Для написания работы использованы следующие методы: сравнительный метод (дал возможность выявить общие и различные черты в обрядах и обычаях) этносоциологические методы (опрос, беседа, интервьюирование), в результате которых были получены интересные сведения о системе культов природы у тувинцев. Полученные материалы очень ценны, так как получены от живых носителей, мало подверженных внешнему идеологическому воздействию.

Материалы статьи могут послужить учителям и преподавателям при проведении семинарских занятий по «Этнографии народов Центральной Азии», «Историческому краеведению». Также отдельные моменты работы студенты, школьники могут использовать для дальнейших исследований.

В настоящее время, когда происходят различные этнические процессы, каждый этнос стремится сохра-

нить свою этническую культуру (материальную, духовную), чтобы она не исчезала, а передавалась из поколения в поколение.

В духовной жизни тувинцев до настоящего времени сохранились многие формы древних верований, и связанные с ними различные обряды, ритуалы, взгляды и представления. Эти верования связаны с объектами, играющими важную роль в жизни кочевников – реками и их истоками, перевалами, переправами, горными вершинами, деревьями, отличающимися своим необыкновенными или необычайными видами. В связи с этим на сегодняшний день заметна тенденция усиления внимания к соблюдению традиций и обрядов, что, на фоне изменений, которые происходят в динамичном современном обществе.

На современном этапе тема до сих пор актуальна, так как тувинцы поклоняются различным явлениям природы, культу предков. Интересным является то, что из ранних этапов истории обряды и обычаи, связанные с культами гор и пещер сохранились, передавая из поколения в поколение, при этом какие – то элементы исчезали, а целом в мировоззрении «Природа и человек» взаимосвязаны, взаимодополняемы.

Выявление общих и особенных черт в построении и проведении культовых обрядов, значение и роль системы культов природы в жизни тувинского народа может привести к выяснению сохранения тех или иных традиционных представлений, обрядов и обычаев, в частности, связанных с культом природы в наши дни, а также оно может пролить свет на некоторые моменты этнической истории (в частности; территории расселения тувинцев, родоплеменной состав на современном этапе, межкультурное взаимодействие с другими соседними народами и т. д.). Не менее важно его использование в экологическом воспитании подрастающего поколения, для передачи ему культуры бережного отношения к природной среде.

Таким образом, изучение культов природы, обрядов и обычаев у тувинцев на современном этапе может дать интересный и ценнейший материал по духовной культуре.

На сегодняшний день культ природы, связанные с ними обряды и обычаи, священные места тувинцев изучены достаточно хорошо благодаря работам отечественных и зарубежных ученых Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, Е. К. Яковлев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ф. Я. Кон, Д. Каррутерс, Д. В. Родевич, М. Кастрен, Г. Е. Каррутерс, хотя отдельной исследовательской работы, посвященной различным культам природы, связанным с ними обрядам и обычаям, также как и полного описания священных мест тувинцев, к сожалению, в настоящее время недостаточно.

Они в своих трудах затрагивали различные культы природы, обряды и обычаи, топонимию. Но сведения о религиозных представлениях очень отрывочные, некоторые носят лишь описательный характер.

В религиозных представлениях народа природные объекты олицетворяли силы реального и мифического космоса, и человек призывал их к себе в союзники, в честь них устраивал различные культовые обряды. Он как бы заручался их поддержкой, чтобы обеспечить благополучие рода. Совершение обряда – это важная часть жизни общества, от его проведения зависела вся

последующая жизнь участников, суть которого заключался в умиловлении духов – хозяев мест, своеобразном приручении их, установлении контактов с ними ради благополучия рода на конкретный срок. Так, Э. Таубе, в своей монографии пишет: «*все существующие на свете является одушевленным, и весь мир населен множеством добрых и еще большим числом злых духов*» [25]. Из этих представлений сложились и различные формы почитания таких природных объектов, к ним относятся – почитание священных гор, оврагов, перевалов, водных источников, огня, солнца, луны, шамана – дерева. Для проведения различных почитаний и освящений нужен священнослужитель. Священнослужителями культа на современном этапе выступают шаманы, который является посредником между миром людей и потусторонним миром, совершает главные обрядовые действия, общается с ними. Если тувинцы раньше для проведения обряда освящения какого-нибудь природного объекта приглашали шаманов, то на современном этапе обряды проводят и ламы. У тувинцев Кобдосского аймака Монголии точно также, приглашают шаманов и лам. Это было зафиксировано во время полевой этнографической экспедиции в июне 2012 г. организованной, кафедрой Всеобщей истории и археологии исторического факультета ТувГУ под руководством канд. ист. наук, доцента Е. В. Айыжы по изучению материальной и духовной культуры тувинцев Кобдосского аймака Монголии. Участники экспедиции обследовали несколько населенных пунктов: г. Ховд; местность Цагаан-Эрик (букв. Белый берег; тув. Ак-Эрик), где располагались летние стоянки тувинцев. Здесь в течение двух недель студенты работали с информаторами, собирали материалы по своим темам. По словам информатора Тас (из рода Донгак, 93 лет) освящение оврага проводит и лама и шаман, но если шаман не сможет по своей силе (на тув. – куш четпейн баарга), то вместо него проводит лама. В Хубсугульском аймаке (Северная Монголия) в результате этнографических экспедиций в июле – августе 2010 г. было зафиксировано, что у них шаманизм до сих пор не утратил своих позиций и продолжает играть доминирующую роль в религиозных представлениях тувинцев. Об этих фактах свидетельствуют сведения многих информантов. Например, информант Хурал – Калдан (1945 г. р. 65 лет, из рода Соян, родился в местечке Денгит, мама из рода Балыкчы, отец – Соян). По его сообщению мы узнали, что они поклоняются в основном шаманам, приглашают их, когда захотят, или в случаях, когда что-либо случается (например, кто-то заболел, для того чтобы провели обряд).

Интересные сведения о духовной культуре тувинцев мы узнали во время полевой этнографической экспедиции в Синьцзянь Автономном округе Китая в сентябре-октябре 2012 г. В результате исследований мы зафиксировали, что тувинцы Китая (кок-мончак), для того, чтобы провести обряд освящения, почитания природного объекта, приглашают буддийских монахов. В связи с этим возникает вопрос, почему именно лам, а не шаманов. Далее мы приводим слова некоторых наших информаторов: «*шаманов в настоящее время нет, что большинство тувинцев придерживаются буддизма, раньше сильных шаманов было очень*

много, особенно в Ак-Хабэ: сильным шаманами были – Озугур, Булдек, Дожу, которые проводили разные обряды, обычаи, связанные с освящением оваа, огня, горы, минеральных источников, воды, деревьев, животных». Информант Бейзеге (56 лет, родился в местечке Ханас) из рода Кызыл Соян сообщает, что «в 1960 – 1970 гг. были репрессии и в связи с этим были репрессированы очень многие шаманы, отбирали у них бубны, одежды, шаманские атрибуты. После этого они потеряли свою книгу» (здесь имеется в виду то, что после всех этих происшествий шаманизм утратил силу, не стало шаманов). Действительно в начале XX века много священнослужителей культа подверглись гонениям, после чего их численность уменьшилось, а также до настоящего времени некоторые скрывают свои способности. Точно такие же сведения отмечает известный этнограф М. В. Монгуш: «что в начале XX века политические события привели к определенной ломке традиционной календарной системы тувинцев. Испытав сильное влияние со стороны бывшего СССР, Монголия и Китай не только встали на путь социалистического развития, но и приняли атеизм в качестве основной идеологии народных масс. В результате стали производиться гонения на служителей культа, которые чередовались с жесткими репрессивными мерами» [21]. Таким образом, в результате экспедиции, авторы пришли к выводу, что влияние буддизма очень сильное, но, несмотря на все изменения и влияния со стороны буддизма, шаманизм до сих пор сохраняет свои позиции, и занимает доминирующее положение в религиозных представлениях тувинцев Китая до настоящего времени.

Культовый культ природы относится к дошаманским верованиям, и следовательно к особо почитаемым культам, которые бытовали в прошлом у тувинцев, не утрачившие и по сей день значения, относятся культ солнца, неба, воды, луны, земле, огню. Интересные сведения об этих обрядах приводят в своих работах такие ученые как Л. П. Потапов [23], Г. Н. Потанин [22], Д. Каррутерс [10], С. И. Вайнштейн [6], В. П. Дьяконова [12], Г. Н. Курбатский [19], Г. Е. Грумм-Гржимайло [8], Ф. Я. Кон [17], Н. Я. Бичурин [5], Хэ Синлянь [26], Н. Л. Жуковская [14], М. Б. Кенин-Лопсан [15], Л. К. Аракчаа [3], А. К. Кужугет [18], Э. Таубэ [25], Н. В. Абаев [1], М. В. Монгуш, [20], Е. В. Айыжы [2], В. К. Даржаа [9] и т. д.

Рассмотрим обряд почитания солнца в Хубсугульском аймаке Монголии во время освящения овоо Шадар ван Чингунжавын. Сам обряд начался ранним утром. Тувинцы совершают поклонение солнцу, как источнику тепла и света. Когда солнце взошло, все стали молиться, поклоняться солнцу, читать молитвы, произносить священные слова, притом руки у всех (от маленьких до взрослых) были открыты и направлены в сторону солнца, тем самым устанавливали взаимосвязь с природой. Они просили о благополучии семьи и дома, о хорошем урожае. Исследователи Хэ Синлянь, М. В. Монгуш отмечают, что перед принятием первой утренней пищи тувинцы непременно совершали обряд поклонения солнцу, как источнику тепла и света. Кроме того алтайские урянхайцы (кок мончаки), веря в то, что солнце – это нечто святое и драгоценное, люди запрещали отправляться в сторону солнца,

громко кричать или плакать в сторону солнца. Когда случалось солнечное затмение, это рассматривалось как дурной признак, и люди испытывали беспокойство и страх. Они полагали, что затмение происходит потому, что на небе злой демон борется с солнцем. В связи с этим люди прекращают свою деятельность. Некоторые берут охотничьи ружья, заряжают их порохом и стреляют в сторону затемненного солнца, некоторые бьют в медную или железную утварь, веля при этом кричать своим детям. Женщины в такие дни отрезают прядь волос и бросают ее в огонь. Весь этот шум продолжалось до тех пор, пока затмение солнца не прекратится [26]. По мнению автора, подобные действия людей вызваны их безграничным уважением к солнцу и в то же время являют собой невежественный способ действия. В настоящее время в ходе полевых экспедиций было видно, что вышеописанные действия не совершаются, а проводится обряд окропления – «ежедневно утром, в первую очередь, варили чай с молоком, наливали его в пиалу или другую посуду, выходили из юрты и брызгали девятиглазницей чай в сторону солнца, неба со словами молитвы, прося дать им счастье, здоровье, радость, тепло. «Хурмусту бурган, Алтай Тээдис!». При этом все молятся. И только после этого брызгали чай в огонь очага.

Следующим распространенным обрядом у тувинцев является поклонение небу (тэнгрианство). Он сводился к кормлению духа неба, в жертву которому приносили жеребенка синей масти. Тувинцы надеялись на то, что Небо-отец, он же бог мироздания, даст все, что надо людям на земле: счастье, здоровье, радость, зажиточную жизнь, высокие урожаи, богатую добычу на охоте, рыбалке, множество скота и др. [15]. И поэтому, поклоняясь небу, произносили следующие благопожелания:

Когерген кок дээрим
Кокурген кок дээрим
Хамык тынныг чувени чаяаткан
Хан делегей!

(информант Кузук, из рода Кызыл Соян, 62 лет, родился в местечке Хом (Китай)).

Смысл обряда заключался в том, чтобы попросить у духа неба обильных дождей во время летней засухи [20]. Отличие данного обряда состоит в том, что у монгольских тувинцев в основном распространен голубой хадак, что символизирует цвет неба, Тэнгри, а тувинцы Китая и России связывают на священном дереве или кустарнике, которые находятся на святой земле, хадаки, чалама различных цветов.

Также до сих пор у тувинцев Китая и Монголии существует обряд поклонения луне, который представлял собой трехкратную молитву. Из слов информантов было видно, что моления совершались мужчинами и женщинами в разное время. Женщины молились в полнолуние (на тувинском 15 – тин айында), а мужчины в начале нового месяца (информант Шагаан, из рода Танды). У тувинцев России такой обряд на сегодняшний день мало проводится, разве что, только среди старшего поколения.

Культовый культ оваа, т. е. освящение оваа (монг. обоо) является самым распространенным обрядом у тюрко-монгольских народов. Культовый культ оваа достаточно изучен на материалах очень многих ученых исследователей:

Е. Г. Кагаров [16], К. М. Герасимова [7], Н. Л. Жуковская [14], В. П. Дьяконова [11, с. 189] и др. Оваа считается священным местом духов – хозяев гор и воды и небесных духов. Поклонение оваа первоначально было обрядом поклонения земле и только впоследствии оваа стали считать местом, где живут многие различные духи. Оваа бывает несколько типов: оваа из нагроможденных камней и плит, также воздвигались в виде конусообразных шалашей из жердей, хвороста, в которые втыкались шесты с привязанными к ним лентами (чалама). Шесты, воткнутые в землю, означало право на землю определенного рода. Оваа из дерева возводили у озер и в местах слияния двух рек хем белдири, или в тайге, выполняли функцию пунктов связи с Верхним Миром. Также такие оваа символизировали источник жизни (воду) и единство рода, а также право на землю определенного рода, кроме того оваа из дерева символизировал род людей, который мог исчезнуть, менять дислокацию и т. д., поэтому такие оваа делали из ветхого материала – дерева. Оваа из камней возводили на перевалах и несли в себе функцию пограничного знака на границах территории. В рукописном фонде в Тувинском институте гуманитарных исследований при Правительстве РТ хранятся материалы Государственного архива Иркутской области с 1911 года (Ф. 1, Оп. 1, Дело № 103, л. 62) «Урянхайский край». Материалы были получены в результате экспедиций, организованных К. И. Иванушкиным в 1911 году. Для нашей темы, интерес вызывает то, что идет описание границы урянхов (тувинцев). Отмечали границы знаками – оваа (с монгольского обо): «8-й: Пограничный знак Урчин-цаган-нуру обо /на западном отроге хребта Ханкукуй/, соединяет 3 границы – того же Гун – Супсандандоба, Дербетского князя Гун – Лупсана и нашу урянхайскую. Отсюда граница идет/ до следующего знака/ к северу с незначительным уклоном на 3. На протяжении 40 км. Пограничный знак Мухур – Сарин обо/ отсюда граница идет в том же направлении 26 км» [24].

В работе П. Б. Балданжапова «Тувинские летописи» выпуск I (1960 г.) высказано предположение об овоо, как маркере границы: «в 1869 году было построено восемь обо в результате определения границ Урянхайского кочевья совместно /комиссией/ /в составе/ цзянь-цзюня, Улясутайского хэбэл-амбына и русских чиновников». Этот материал был переведен из монгольского языка [4].

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что, скорее всего границы обозначали ранее установленными оваа тувинцев, и оваа служили некими маркерами между соседними территориями, то есть всю границу отмечали овоо, чтобы не запутаться. Такую точку зрения в результате исследований выдвинула и Н. Л. Жуковская [13, с. 35 – 37].

В большинстве у тюрко-монгольских народов оваа возводили на возвышенностях (оваа на горе Бай-Тайга, Монгун-Тайга, Ак-Баштыг, Кызыл-Тайга (Сут-Холе), Танну-Ола (Танды), Хайыракан, Ханас, Хом, Куруун Сайгыр, Куруун Саар, Чар и т. д.), в некоторых случаях даже на труднодоступных местах, чтобы не было видно, но скорее всего они принадлежали в основном родовым местам. Сооружение оваа имеет

огромный смысл. Например: Кок мончаки, (тувинцы) Китая, для того чтобы возводить оваа выбирали особое место на возвышенности. Информанты сообщают: «Для того, чтобы возводить оваа, нужно быть очень внимательным. Здесь нужно учитывать то, что где изначально предки обосновались на этой территории, в данной местности. Только после этого нужно возводить оваа, именно с той стороны, где их предки начали жить на этой местности». Другой информант Кузук из рода Ак Соян сообщает, что «оваа нужно возводить на самом видном месте, где все вокруг было видно для духа-хозяина этой местности и красиво, но обязательно на возвышенности. Например, оваа Ханаса возведен на возвышенности, спереди оваа есть озеро, на двух сторонах большие могущественные горы». У тувинцев Китая в отличие от материнского этноса (тувинцев Республики Тыва) и Монголии имеются следующие различия в возведении оваа: для того, чтобы сохранить от осквернения священный оваа от недоброжелателей, устанавливают «ложное» дополнительное оваа, чтобы любой мог подойти и поклониться, а настоящее оваа сооружен неподалеку от него, за следующей горой. Например, «ложное» оваа можно увидеть в местности Хом, при въезде в сумон на возвышенности.

Во время посещения оваа существует следующие запреты и предписания, которых нужно соблюдать. Около оваа нельзя смеяться или петь песни. При устройстве оваа внутри них помещали изготовленные из дерева фигурки домашних животных. Кроме того, на шесты оваа привязывали шнурки с нанизанными на них веревками – метками от овечьих ушей – с целью благополучия скотоводства. Они должны были магически оберегать людей и их скот. Чалама, указывали, что это место священное, почитаемое. Овоо почитается каждый год. Самое удобное время года, для освящения оваа, весна и лето, когда становится тепло и все начинает оживать. На сегодняшний день, освящение оваа является общественным праздником, который играет большую роль в объединении людей. Проведение обряда тоже играет большую роль в жизни тувинского народа. Обряд проводит шаман либо лама. Значительное место в обряде отводится благопожеланиям, высоким речам пожилых людей, которые знают, как проводить этот обряд. Религиозная часть обряда состоит в том, что приглашенный лама или шаман совершает основные обрядовые действия, устраивает кормление духов – хозяев местности, приносит им жертвоприношение, просит о благополучии, здоровья. У тувинцев Китая имеются некоторые различия во время освящения оваа: старейшина не может провести обряд освящения оваа, для этого существует определенный человек – хранитель оваа, и в каждой отдельной местности имеется определенный человек, отвечающий за оваа, за этой местностью и он проводит ежегодно обряд освящения (на тув. овааны коруп харыылап турар кижы, дагыкчызы). Перед тем как священнослужитель начнет читать священные благопожелания, сутры, хранитель оваа обязан произнести речь, благопожелания. Только после этого начинается обряд.

Оваа возводили на священных местах, они существовали с древних времен. Под священной землей

подразумевалось территория священной горы (весь комплекс вместе с подножием), или территория отдельной акватории (озера), которая по тем или иным причинам считается священной. Священными землями считались: священная земля родовой группы, места лечебных источников – аржааны, священное место, где растет дерево-шаман [3]. Священное место это сакральное место, где проводятся различные обряды, обычаи, и служат местом для различных ритуальных целей. И поэтому для определения своих земель тувинцы воздвигали оваа в качестве маркеров. В. П. Дьяконова отмечает, что культ оваа носит родоплеменной характер, потому что каждый род отмечал свою территорию, сооружая оваа, что это земля является их собственностью, что это земля считается сакральным центром, местом поклонений и жертвоприношений. Для каждого человека родная земля – это священное, сакральное место, откуда ведутся их жизненные корни, где обитают духи – хозяева покровители рода.

В каждой стране имеются свои родовые места, которые каждый год совершают обряд освящения. Такие родовые места также существовали и у тувинцев Китая, которые сооружали оваа на земле их предков. В настоящее время о существовании родовых оваа у тувинцев Китая мнения расходятся.

Информант Шагаан из рода Танды сообщает, что «В настоящее время в Ханасе у родов сохранились свои оваа, но их очень мало, и освящать, почему что перестали, раньше их было очень много, и каждый род освящал ежегодно, а сейчас нет, прекратили освящение и не сооружают. Так, например, в настоящее время на местечке Кара-Суг сохранился оваа рода Кызыл-Соян. Он находится недалеко, до него только час езды от Ханаса. Но освящать, почему то перестали».

Информант Бейзеге из рода Кызыл-Соян (56 лет, родился в местечке Ханас) тоже говорит, что «в настоящее время существуют родовые оваа. В местечке Кок оорга есть родовое оваа рода Кара-Сал. Оваа был возведен и освящен 1931 г. Сыскак Мээреном. После этого он переехал в Монголию, и очень много членов

рода Кара-Сал тоже разъехались, в настоящее время оставшиеся здесь род Кара-Сал до сих пор освящают и почитают оваа».

По словам другого информанта видно что, в Ханасе, Хоме, Ак-Хаба вообще нет родовых мест, есть только общие оваа – оваа одного народа, в данном случае тувинцев (кок-мончаков). Во время экспедиции нам удалось зафиксировать оваа на разных местностях Ханас, Хом, Ак-Хава, Хандагайты. Все эти оваа большие по форме и названы по названию местностей.

Таким образом, культ природы у народов тувинцев остается одним из важнейших, центральных элементов мифоритуального комплекса. Религиозно-мифологическое мышление у тувинцев делило мир на две разнородные сферы – обыденного и священного. Важная роль культа природы была обусловлена тем, что она позволяла осуществлять взаимодействие человека с космическими силами, в том числе с астральными объектами. Кроме этого в связи с проводимой властями политикой он подвергался изменениям, и в результате этого некоторые его элементы исчезали, почитание, и освящение священных мест в некоторое время прекращался. Но, несмотря на это в настоящее время стали возрождаться, и распространяться. Также настоящего времени у тувинцев сохранились с культами природы, хотя имеются различия при проведении обрядов и обычаев, даже в отношении освящения оваа. Отличие состоит при возведении оваа, при повязывании священных ленточек чалама и хадак, также в том, что обряд должен провести не лама или шаман, а определенный человек у тувинцев Китая. Обоснованием к такому выводу служат собранные материалы во время экспедиций у носителей самой культуры. Результаты этнографических экспедиций указывают на то, что почитание сакральных родовых мест, освящение родовых оваа, которые находятся в труднодоступных местах у тувинцев Китая, стали забываться, стали проводиться реже. Изучение этнокультурных традиций выявляет своеобразие культа оваа, и представления каждого этноса об окружающей среде и своем месте в ней.

Литература

1. Абаев, Н. В. Тенгрианство и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов Алтай-Байкалии / Н. В. Абаев. – Абакан, 2011.
2. Айыжы, Е. В. Тувинцы Кобдосского аймака Монголии / Е. В. Айыжы. – Кызыл, 2007.
3. Аракчаа, Л. К. Экологический туризм в Республике Тыва / Л. К. Аракчаа, Г. И. Дадаа. – Кызыл, 2011.
4. Балданжапов, П. Б. Тувинские летописи. – Вып. 1. – Кызыл, 1960. РФ. ТИГИ Ф. 1, О. 1. Дело 280, л. 2 – 19.
5. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I / Н. Я. Бичурин. – М.: Л., 1950.
6. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центра Азии / С. И. Вайнштейн. – М., 1991.
7. Герасимова, К. М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии / К. М. Герасимова // Этнографический сборник. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 1969.
8. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. – Л., 1926.
9. Даржаа, В. К. Традиционное мировоззрение тувинцев-номадов / В. К. Даржаа. – Кызыл, 2007.
10. Дуглас, К. Неведомая Монголия / К. Дуглас. – Петроград, 1914.
11. Дьяконова, В. П. Религиозные культы тувинцев / В. П. Дьяконова // Памятники культуры народов Сибири и Севера. – Вып. 33. – Л., 1977.

12. Дьяконова, В. П. Культ оваа у тувинцев / В. П. Дьяконова // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. – М., 1970.
13. Жуковская, Н. Л. Народные верования монголов и буддизм / Н. Л. Жуковская // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск, 1987.
14. Жуковская, Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская // АН СССР Ордена Дружбы народов институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 1988.
15. Кенин-Лопсан, М. Б. Мифы тувинских шаманов / М. Б. Кенин-Лопсан. – Кызыл, 2006.
16. Кагаров, Е. Г. Монгольское «обо» и их этнографические параллели / Е. Г. Кагаров // Сб. МАЭ. – Т. 6. – Л., 1927. – С. 115 – 124.
17. Кон, Ф. Я. За пятьдесят лет / Ф. Я. Кон. – М., 1936.
18. Кужугет, А. К. Духовная культура тувинцев / А. К. Кужугет. – Кемерово, 2006.
19. Курбатский, Г. Н. Тувинские праздники / Г. Н. Курбатский. – Кызыл, 1973.
20. Монгуш, М. В. Тувинцы Монголии и Китая / М. В. Монгуш. – Новосибирск, 2002.
21. Монгуш, М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте / М. В. Монгуш. – Осака, 2010.
22. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению РГО / Г. Н. Потанин. – Вып. IV. – СПб., 1883.
23. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев / Л. П. Потапов. – М., 1969.
24. Результаты исследований края экспедиций, организованные Иванушкиным К. И. в 1911 году. Урянхайский край в связи с помещением торгового и промышленного капитала для эксплуатации его естественных богатств. – Кызыл, 1956., Р.Ф. ТИГИ Ф. 1, О. 1. Дело 103, л. 26.
25. Таубе, Э. Сказки и предания алтайских тувинцев / Э. Таубе. – М., 1994.
26. Синлян, Х. Первые шаги в изучении религиозных верований алтайских урянхайцев / Х. Синлян // Р.Ф. ТИГИ Ф. 1, О. 1. Дело 52, л. 3-29. (Перевела с китайского на русский язык аспирантка Ленинградского отделения (ЛО) института Востоковедения АН СССР Доржу Л. Ю., август 1987 г.).

Информация об авторах:

Айыжы Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета, 89835165213, aiygy@mail.ru.

Elena V. Ayyzhy – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History and Archaeology, Tyva State University.

Базырчап Анай-Хаак Орлан-ооловна – аспирант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 89232679268, 89263782927, anaihaak1990@mail.ru.

Anay-Khaak O. Bazyrchap – post-graduate student at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

УДК 390 (510/517)

ТУВИНЦЫ СИНЬЦЗЯНЬ-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КИТАЯ (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский, автономный район Китая) Е. В. Айыжы, А. А. Конгу

THE TUVANS OF XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION OF CHINA (the materials of an ethnographic expedition to Xinjiang Uygur Autonomous Region of China) E. V. Ayyzhy, A. A. Kongu

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 12-11-17600/е.

Статья посвящена тувинцам Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В частности, привлечены полевые материалы, посвященные родоплеменному составу и различным аспектам жизнедеятельности и культуры данной группы на современном этапе. Показано, что на современном этапе происходят трансформационные процессы, вносящие новые формы диалога и общения в полиэтнической среде.

The paper addresses the Tuvans of China's Xinjiang Uygur Autonomous Region. In particular, it focuses on the field material reflecting the tribal structure and various aspects of life and culture at the modern stage. The authors show that some transformation processes are taking place at the present stage, providing new forms of dialogue and communication in the multi-ethnic environment.

Ключевые слова: родоплеменные группы, родоплеменный состав, кок-мончаки, термины родства.

Keywords: tribal groups, tribal structure, Kok-Monchaks, kinship terms.

В ходе выполнения гранта РГНФ 12-11-17600/е на тему «Исследование особенностей традиционной и природно-средовой культуры тюрко-монгольских народов Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (на примере ойратов и тувинцев)» была проведена в 2012 году Международная этнографическая экспедиция в Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая.

Руководитель экспедиции – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии исторического факультета ТувГУ Е. В. Айбыж. Участники экспедиции: Л. Д. Шимит – кандидат сельскохозяйственных наук, заведующая кафедрой зоотехнии сельскохозяйственного факультета ТувГУ, М. А. Резяпкин – научный консультант МГУ им. М. В. Ломоносова, А-Х. О. Базырчап – аспирант кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, А. А. Конгу – аспирант кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Источником для написания статьи послужили собранные полевые материалы, в частности привлечены материалы по родоплеменному составу тувинцев Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая, также материалы по разным топонимам.

Исследование родоплеменного состава, родовых традиций, изучение происхождения, этимологии (народной и научной) этнонимов, расселения отдельных родоплеменных групп тувинцев Китая, как в прошлом, так и в настоящем является одной из самых важных и в то же время сложных историко-этнографических проблем. Нарисовать объективную картину происхождения родоплеменных имен (этнонимов) в комплексе с родословными сказаниями, родовыми тамгами с привлечением обширного круга источников (этнографических, лингвистических, топонимических, фольклорных и т. д.) означает, разумеется, не что иное, как изложить решение этой проблемы.

Изучение данной темы на сегодняшний день вызывает ее *актуальность* в связи с тем, что оно может пролить свет на некоторые моменты этнической истории и этнического состава тувинцев, в этногенезе которого приняли участие различные племена и роды [4].

Таким образом, изучение родоплеменного состава современных тувинцев и связанных с ним преданий, их расселение на современном этапе может дать весьма ценный и интересный материал.

Первые сведения о родоплеменных группах тувинцев встречаются в трудах путешественников и русских послов, а также они получили попутное освещение в трудах, посвященных этногенезу и этнической истории тувинцев.

На сегодняшний день этногенез и этническая история тувинцев (в частности, тувинцев России) изучена достаточно хорошо, благодаря работам ряда отечественных ученых [Л. П. Потапов, 1969; С. И. Вайнштейн, 1972; Сердобов, 1971 и др.].

Они в своих исследованиях затрагивали различные аспекты этнической истории, материальной и духовной культуры тувинцев, однако родоплеменные группы получили в них лишь попутное освещение.

Сложнее в данном отношении обстоит дело с тувинцами, живущими в Китае. К сожалению, очень ма-

ло работ, посвященных их этнической истории, материальной и духовной культуре, в том числе и родоплеменным группам [5].

Мы можем упомянуть монографию ведущего научного сотрудника ТИГИ РТ, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РТ Марины Монгуш «Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте». Книга издана Национальным музеем этнологии (Минпаку) г. Осака, в котором исследовательница работала в 2009 – 2010 гг. в качестве приглашенного профессора.

Данная монография посвящена исследованию тувинцев России, Монголии и Китая в сравнительном плане. Основная ее цель состоит в изучении этнических и этнокультурных процессов, происходящих у тувинцев, проживающих в Российской Федерации, а также в Баян-Улэгэйском, Кобдосском, Хубсугульском аймаках Монголии и Алтайском аймаке Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая.

Предметом изучения М. В. Монгуш явилось этническое и этнокультурное развитие российских и зарубежных тувинцев, которое исследуется на основе анализа состояния таких важнейших этнических признаков, как язык, этническое самосознание, материальная и духовная культура, способность этнографов к внешнему контакту.

Для более полного раскрытия темы автору пришлось раскрыть вопросы, без рассмотрения которых невозможно решение поставленной задачи, а именно: выделение основных этапов этнического и исторического развития тувинцев, анализ объективных и субъективных причин вхождения Тувы в состав СССР в 1944 году; анализ этнического, лингвистического и конфессионального состава населения Республики Тыва – основного региона наиболее компактного проживания тувинцев. Был также привлечен значительный круг самых разных по характеру и содержанию источников, которые можно разделить на следующие группы: литературные источники; данные, полученные из бывшего партийного архива Тувинского обкома КПСС, ныне Центра архивных документов партийных и общественных организаций – филиала Центрального Государственного архива Республики Тыва, Рукописных фондов Тувинского института гуманитарных исследований, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН, Красноярского краеведческого музея; Архива Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН; полевые материалы автора, характеризующие различные стороны хозяйства и культуры зарубежных тувинцев. Монография иллюстрирована черно-белыми архивными и современными фотографиями. Издана на русском языке с аннотацией на японском языке [1].

Синьцзянь-Уйгурский автономный район расположен на северо-западе Китая и является самой большой по площади территориально-административной единицей. Исторический топоним – Восточный Туркестан. Столица и крупнейший город – Урумчи. Интересно то, что в древности по территории Синьцзяна проходил Великий шелковый путь.

На западе автономный район граничит с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, на севере он

граничит с Россией, на северо-востоке его соседом является Монголия, а на востоке – провинции Цинхай и Ганьсу. На юге Синьцзян соседствует с Тибетским автономным районом, а на юго-западе – Индией, Пакистаном и Афганистаном [2].

Основную часть территории Синьцзяна занимает Джунгарская котловина, которая сложена из суглинков и песков, мелкосопочника и островных горных хребтов, а также Кашгарская равнина (ее часто называют Таримской впадиной), центральную часть которой занимает песчаная пустыня Такла-Макан. Эти равнины разделяют хребты Восточного Тянь-Шаня, высота которых превышает семь тысяч метров. С севера автономный район окружен полукольцом от гор Тарбагатай, Саура и Монгольского Алтая, а на юге рядом с ним расположены северные хребты Куньлуня. На границе Кашмира и Джамму находится гора Чогори, которая является второй по высоте вершиной планеты. Восточный Тянь-Шань, в свою очередь, скрывает самую низкую точку района – Турфанскую котловину, опускающуюся до 154 метров ниже уровня моря – она считается самой глубокой в Центральной Азии [2].

Восточный Туркестан с древних времен является районом, в котором сосуществуют многие религии, и важным узлом и каналом в культурном и экономическом обмене между Западом и Востоком. Еще до проникновения в здешние края ислама вдоль Шелкового пути был известен целый ряд религий – несторианство, манихейство, даосизм, буддизм, зороастризм. Часть из них процветала наряду с первобытной местной религией. Даже после проникновения ислама они продолжили сосуществовать, а со временем к ним добавилось и католичество [2].

Тувинцы компактно проживают на территории Алтайского аймака Синьцзянь-Уйгурского автономного района. Основная его часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Коктогай (Кок-Дугай) и Бурултогай (Бурул-Дугай) [5].

Наши полевые исследования велись в уездах Алтай, Ала-Хаак, Ак-Хава, Канас (Ханас), Хом, Бурчин.

Одним из сложных вопросов для исследователей является, конечно же, вопрос, связанный с причинами, по которым часть тувинского этноса проживает на территории Китая. На этот вопрос однозначного и полного ответа пока нет. Тем не менее, мы можем привести результаты исследований ученых, которые пытались найти ответы на этот вопрос.

Так, М. В. Монгуш в своей монографии пишет: «В разных источниках встречаются утверждения о том, что тувинцы живут в Синьцзяне уже, по крайней мере, два столетия. Русский путешественник М. И. Венюков, посетив эти места в 1871 г., отметил, что немногочисленная группа урянхов живет в долинах правых притоков Черного Иртыша и их численность не превышает 1000 человек. Известный исследователь Средней Азии С. М. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов, проживающих в Китае, установил, что в их этнический состав вошла небольшая группа тувинцев, принадлежащая к потомкам енисейских кыргызов, которая еще в начале XVIII в. была уведена джунгарами с Енисея в Синь-

цзянь. По мнению Э. Таубе, тувинцы изначально проживали не только на территории современной Тувы, но гораздо обширнее – на Монгольском и Китайском Алтае. Однако доподлинно известно, что в конце XVII в. небольшая группа тувинцев действительно обитала на территории Синьцзяна. Это было время, когда в Центральной Азии заметно ослабло влияние монголов, хотя они еще продолжали играть заметную роль в судьбах народов данного региона. Особое положение в этот период занимали западные монголы (ойраты): они имели довольно сильное государство – Джунгарское ханство, возникшее в 1635 г. и занимавшее территорию Джунгарии – северную часть современного Синьцзянь-Уйгурского автономного района и западные части нынешней Монголии. Территория Тувы также частично входила в состав Джунгарского ханства [6].

В конце XVII в. между Джунгарским ханством и Цинской династией Китая сложились особые отношения: участились раздоры и военные столкновения между джунгарским Галдан-ханом (1671 – 1697 гг.) и цинским императором Канси (1662 – 1722 гг.). Тувинцы, в одинаковой мере зависимые как от ойратов, так и от маньчжуров, было вовлечено в эту междоусобную борьбу, которая в конечном итоге завершилась победой Цинской династии. В результате разгрома Джунгарского ханства небольшая часть тувинского населения оказалась на смежных территориях – на Монгольском и Китайском Алтае.

Во время полевой работы нам неоднократно приходилось слышать о четырех сумонах (Дорт сумон), о которых упоминает А. М. Решетов. По мнению некоторых информантов, три из них были тувиноязычными, а один – монголоязычный, отсюда, собственно говоря, и произошло деление китайских тувинцев на тувиноязычных и монголоязычных. Последних в литературе часто называют «алтайскими урянхайцами» [6].

Видно, что исследователи, занимавшиеся изучением данной проблемы, пока не дают точного и полного ответа, так как не располагают достоверными сведениями. Этот вопрос до сих пор открытым и противоречивым.

В Синьцзянь-Уйгурском автономном районе тувинцев называют «кок-мончаками», хотя они сами себя называют «тыва». По словам пожилых людей, наших информаторов, мы выяснили о том, что их так начали называть казахи.

М. В. Монгуш по этому поводу пишет: «В научной литературе «кок-мончак» переводят как «синие ожерелье», а иногда «голубые шнуры» или «голубые ленты». По одной популярной версии, когда-то тувинцев отличали от других народов этого региона по синим лентам, которые они носили на шее, отсюда якобы и произошло название «кок-мончак» [6].

Также М. В. Монгуш предполагает о том, что среди тувинцев Синьцзянь-Уйгурского автономного района существует довольно большая родоплеменная группа *Мончак*. Возможно, в свое время из числа всех тувиноязычных групп, проживавших в Синьцзяне, мончаки были наиболее многочисленной группой и по этой причине мончаками стали называть тувинцев [6].

Интересные сведения о тувинцах мы узнали от нашего информатора, бабушки Суругчап. Далее мы приводим ее слова, записанные на диктофон:

«Родилась я в местечке Алаак-ак, родители мои тувинцы. Мама была из рода Иргит, а отец – Хойук. Тувинцы живут в Алтае, Ханасе, Хоме, Ак-Хава, Хандагайты (Ламажсо). Ак-Хава по-другому еще называют Чеди-Хава, так как есть семь разных мест: Кара-Хава (на севере), Нарын-Хава, Ак-Хава. Дальше уже не помню. При этом Хандагайты когда-то входил в состав 6 сумонов (6 суму). Тувинцы Хандагайты по-тувински не говорят, в основном общаются по-монгольски.

Мои родители говорили, что кок-мончаками нас стали называть казахи. Сами мы себя называем «тывалар». Бурун шагда (В далекие времена) Чингис-Хан хотел всех собрать и объединить в один народ, чтобы все говорили на одном языке, но ему это не удалось. Он, конечно, объединил разрозненные племена, но все равно все они говорили на родном языке. Говорят, что от других народов тувинцев отличали по красной бусинке (кызыл оннуг чинзе) на шапке».

Также от нее мы узнали терминологию родства тувинцев. Сравнив полученные данные со сведениями, полученными у тувинцев других уездов, мы пришли к выводу, что терминология родства совпадает.

Термины родства:

Кырган-авай (бабушка) – эне, кырган-авай.

Кырган – ачай (дедушка) – эжей.

Авай (мама) – авай.

Ачай (отец, папа) – аажай.

Даай (дядя) – даай, дай.

Даай авай (тетя) – даай авай.

Акый (брат) – агазы.

Угбай (сестра) – эгчи (монг. эгч).

Дунмай (младший брат или сестра) – дунмай.

Угбашкылар (сестры) – эгчешкилер.

Акышкылар (братья) – алышкылар, халышкылар.

Келин (невеста) – келин.

Кудээ (зять) – кудээ.

2 келин кыс (2 невесты) – кунчулушкылар.

2 кудээ (2 зятья) – бажалышкылар.

Заметим, что термины родства у тувинцев Синьцзяня такая же, как и у титульного этноса – тувинцев России. Тем не менее, некоторые термины пришли из монгольского языка. Например, угбай (старшая сестра) – монгольское слово эгч.

При этом существует запрет брачных отношений (тув. алышпас) внутри одного рода и между кровными и близкими родственниками до 6 – 7 колена.

Среди тувинцев Синьцзяня из-за их малочисленности почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником. Необходимость учитывать принадлежность каждого к сеоку обусловлено тем, что это дает ориентир в сложных правилах общения. При знакомстве называют свое имя, место рождения и проживания (определенный аймак, сумон), а также обязательно свой сеок.

Также нами были записаны слова, используемые тувинцами Синьцзяня:

Кем чок, кемдевес – ажырбас (ничего, пожалуйста).

Карга-кат-ыт-кады (шиповник).

Ачытаа (аштаа) – четтирдим (спасибо).

Дой чазаан силер бе? – оглуг силер бе? (вы женаты/замужем?).

В настоящее время численность тувинцев определить очень сложно в связи с тем, что они входят в число этнических меньшинств, в паспортах записывают как монголов. Наши информаторы называли разные числа: от 2300 до 3500 человек.

Родившиеся и выросшие в полиэтнической среде, тувинцы, кроме родного, знают еще три или четыре языка. В частности, это китайский, казахский, монгольский, уйгурский. Так, наши информаторы с легкостью переходили с тувинского на китайский, с китайского на монгольский и т. д.

Тувинцы, живущие в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе не имеют своей письменности. Дети в основном учатся в китайских, монгольских или казахских школах. Информаторы говорили о том, что в монгольских школах детей учат старомонгольской письменности. Кириллицу тувинцы не знают, пишут в основном на основе латинского алфавита или на старомонгольском. Так, в уезде Алтай внучка наших информаторов бабушки Суругчап, которой сейчас 5 лет, ходит в подготовительную школу (тув. уруглар малдаар чер – белеткел школа). Преподают на китайском. Заметили, что девочка, придя в дом бабушки и дедушки, начинала говорить по-тувински.

Основное занятие тувинцев – скотоводство. В основном держат коров, овец и коз, также разводят лошадей. Заметили, что они также имеют частное подсобное хозяйство, разводят кур, заняты также земледелием, сажают картофель.

При этом тувинцы готовят тувинские национальные блюда: топленое масло (саржаг), ааржы (вид сушеного творога), хойтпак, тарак, курут (сушеный творог), боорзак, тыва далган. Но при этом в их повседневном рационе наблюдаются много заимствований из других культур, в частности казахской, уйгурской, китайской и монгольской кухни.

Летом также перегоняют тувинскую араку – молочную водку (тув. шиме арагазы). Молочную араку наливают почетным гостям или во время праздников.

В уездах Канас (Ханас) и Хом нами также были собраны материалы по топонимике, родоплеменным названиям (этнонимам), культуре и различным сторонам жизни тувинцев.

Озеро Канас (Ханас) – извилистое озеро, находящееся в пятистах километрах севернее города Урумчи (в этом месте сходятся границы России, Казахстана, Монголии и Китая).

По словам нашего информатора, Бурун из рода Хойук, 1941 г. р., родившейся в Ханасе, численность тувинцев в Ханасе составляет 700 человек (130 ореге, т. е. домохозяйств). Отметим, что вопрос о численности тувинцев является одним из сложных и запутанных, так как китайская статистика не выделяет их в качестве самостоятельной народности.

Далее мы приводим информацию по родоплеменным группам, записанную на диктофон, полученную от информатора бабушки Бурун.

«В Ханасе живут следующие родоплеменные группы: Кызыл-Соян, Кара-Тош, Танды, Хойук, Ак-Соян, Кара-сал, Урянха суму, чаг-тыва (1 ог бар), Делег (1-2 кижси бар). Ак-Хава (4 суму): Сергит, Адай-Иргит, Хойук (Кара-Хойук, Хаа-Хойук, Донгак-Хойук), Конгуту (входит в группу Иргит), Кулубай, чаг-тыва,

Делег. А в Хоме в основном много чаг-тыва и шанагаши».

Таким образом, на основе полученных данных мы можем примерно составить картину локализации основных родоплеменных групп тувинцев:

Ханас: Кызыл-Соян, Кара-Тош, Танды, Хойук (их мало), Ак-Соян (мало), Кара-Сал, Калга (мало), Урян-ха суму – чаг-тыва (только 1 семья, юрта ог), Делег, Танды.

Ак-Хава (4 суму): Иргит, Адай-Иргит, Хойук (Кара-Хойук, Хаа-Хойук, Донгак-Хойук), Конгуту (входит в род Иргит), Кулубай, Чаг-Тыва, Делег.

Хом: много людей, относящихся к родоплеменным группам Чаг-тыва, Шанагаши.

Это только примерное расселение основных родоплеменных групп. Полученные данные в дальнейшем будут также проверяться архивными источниками.

Сравним собранный материал с исследованиями предыдущих ученых. Так, М. В. Монгуш пишет: «Весьма примечательно, что у мончаков до настоящего времени устойчиво сохраняется традиционное деление на родовые группы и подгруппы. Самыми распространенными родоплеменными группами у них являются Сояны, Иргиты, Койуки (Хоюк) и Мончаки. Вместе с ними проживает некоторое число представителей родоплеменных групп Ооржак (Оорцок), Шанагаши и Чаг-тыва. В меньшем количестве встречаются мончаки, относящие себя к роду Танды, Куулар (Хуулар), Кара-Тош, Кара-Тондуп, Кара-сал и Оюн. Есть также представители таких малоизвестных родов, как Бештелик и Конгуту.

Каждый род, несмотря на свою численность, делится внутри себя на более мелкие единицы (патронимии). Нам удалось зафиксировать только некоторые из них. Например, Сояны подразделяются на Ак-Соян, Кара – Соян, Кызыл-Соян и Кок Соян; Иргиты – на Улуг Иргит и Бичии Иргит; Койуки – на Хаа Хойук, Кара Хойук и Донгак Хойук» [5].

По словам нашего информатора Дупшун-Байыр (1962 г. р) из рода Ак-Соян, родился в местечке Кок-Суг Алтая, в группу **4 сумона (суму)** входят следующие родоплеменные группы: *Иргит, Донгак-Хойук, Хаа-Хойук, Чаг-Тыва*. При этом внутри 4 сумонов Хойуки также делятся на более мелкие подразделения. Также он указывает на то, что в Хоме проживают 653 тувинцев.

Также нами были собраны сведения по топонимам. Так, со слов информатора дедушки Хартыга топоним **Хом** имеет следующее значение: «*Когда-то эта земля пустовала, в ней никто не жил. Хомду означает теплая земля, а слово Хом означает медведь, а точнее жир медведя (адыгнын хому – адыгнын чаа). Однажды на эту землю пришли двое из халхи (калгалар). Они и узнали, что эта страна теплая и в ней обитает очень много медведей. Одного из них звали Дамбай*».

Про Канас (тувинский вариант Ханас): «*на берегу озера есть местечко, которое называется Бууре. Ханас означает Ханаан нуур (заметьте, что с монгольского слово «нуур» означает «озеро». Можно перевести как «глубокое озеро»-хандыр хол). Второй вариант – Хаан уур, Терме хол.*

Ак-Хава – означает Хаванын суу. Есть 7 мест, связанный со словом Хава: Ак-Хава, Нарзын-Хава, Хара – Хава. 6 из них – земли китайцев, 1 – халхов (калгаларнын).

По словам информатора Токуун из рода Кызыл-Соян, самой многочисленной родоплеменной группой является Соян (Кара-Соян, Кызыл-Соян, Ак-Соян). В состав Кара-Соянов также входят Кара-Сал и Кара-Тош.

В состав **4 сумонов** входят Хаа-Хойук (Иргит, Шанагаши-Иргит, Чаг-Тыва, Кара-Иргит, Адай-Иргит. При этом самый многочисленный род – Мончак и Иргит.

Тувинцы 6 сумонов (суму), в которую входит и **Хандагайты (Ламажоо)** не знают хорошо тувинский язык. Они в основном говорят по-монгольски.

Хом, Ханас, Хава, Кок-Суг – места компактного проживания тувинцев.

В Хоме и Ханасе тувинцев насчитывается 2 – 3 тысячи человек.

Приводим его слова, записанные на диктофон: «*Хом – место, где много медведей. Хом – жир медведя. Из Халхи люди в этом месте убили медведя. Остатки медведя, в основном его жир, повесили на дереве. До сих пор стали говорить: «Хом илген черге бараакай» («Пойдем в то место, где повешен жир медведя»). Раньше не называли это место просто Хом.*

Старое название Ханаса – Терме-Хол.

Тувинцы с давних пор держали коров, овец и коз, разводили лошадей. Также занимались земледелием, сажали пшеницу, в основном овес (арбай тараа).

А вы какие-нибудь песни, пословицы о родоплеменных группах знаете?

– *Мой отец знал. Он был очень веселым человеком, любил шутить. Я раньше знала, но теперь уже стала забывать. Могу только вспомнить несколько:*

Кодурун дырбашкан Конгуттар/Представители рода Конгуту всегда чешут свои ранки.

Кызылчы (кыпчактан унген) Кызыл-Сояннар /Вышедшие/пришедшие из кыпчаков Красные Сояны.

4 сумунун эдээ алгыг, эмиш суттуг/У 4 сумонов подол широкий, из груди всегда сочится молоко.

Шанагаштын дылы ажыг.

Шарлан ыяштын ыжы ажыг/У шанагашиев язык острый (горький), у осины запах острый.

Таким образом, у тувинцев Синьцзянь-Уйгурского автономного района до сих пор хорошо прослеживаются этнические образования, именуемые родоплеменными группами.

Под ними мы понимаем далеких потомков определенных родов и племен, унаследовавших в своих именах соответствующие этнонимы и осознающих, в той или иной степени, свою принадлежность к конкретным этническим общностям [8].

Родовая принадлежность передается по отцовской линии. Однако мы выяснили, что сейчас лишь немногие знают происхождение того или иного рода и могут воспроизвести свою родословную до пятого или седьмого колена, или знают только несколько имен или имеют смутное представление о ее происхождении и истории. Тем не менее, кок-мончаки по-прежнему ассоциируют себя с той или иной родоплеменной группой, идентифицируют друг друга как

представителей разных родов. С этим связана широко распространенная практика именования с использованием терминов родства незнакомых людей, или людей, родственниками не являющихся. При знакомстве, чаще всего, два человека стремятся выяснить, прежде всего, возраст друг друга и степень родства, принадлежность к определенной родоплеменной группе.

Так, нами у тувинцев Синьцзяня были зафиксированы следующие родоплеменные группы: *Соян* (*Кызыл-Соян*, *Кара-Соян*, *Ак-Соян*), *Кара-Тош*, *Танды*, *Хойук*, *Кара-сал*, *Чаг-Тыва*, *Делег*, *Сергит*, *Иргит*, *Адай-Иргит*, *Хойук* (*Кара-Хойук*, *Хаа-Хойук*, *Донгак-*

Хойук), *Конгуту* (*входит в группу Иргит*), *Кулубай*, *Шанагаи* и др.

Собранные материалы по родоплеменным группам, терминологии и системе родства, социальной организации тувинцев Синьцзянь-Уйгурского автономного района будут проверяться имеющимися архивными источниками и будут использованы при написании научных статей.

Предстоит еще кропотливая и долгая работа по всестороннему изучению родоплеменных групп тувинцев.

Список использованных источников и литературы

1. Режим доступа: <http://www.tuva.asia/news/tuva/1983-mongush.html>
2. Режим доступа: <http://china-ru.net/provincii-kitaya/sinczyan-uygurskiy-avtonomniy-rayon.shtml>
3. Вайнштейн, С. И. Историческая этнография тувинцев: монография / С. И. Вайнштейн. – М., 1972.
4. История Тувы: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. I. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск, 2001.
5. Монгуш, М. В. Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Ученые записки ТНУИЯЛИ. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995а. – Вып. XVIII. – (Серия: Историческая).
6. Монгуш, М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте / М. В. Монгуш. – Осака, 2010.
7. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев / Л. П. Потапов. – М., 1969.
8. Сердобов, Н. А. История формирования тувинской нации / Н. А. Сердобов. – Кызыл, 1971.

Информация об авторах:

Айыжы Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета, 89835165213, aiygy@mail.ru.

Elena V. Ayzyzhy – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History and Archaeology, Tyva State University.

Конгу Аржаана Алексеевна – аспирантка кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 89835913757, konguarzhaana@mail.ru.

Arzhaana A. Kongu – post-graduate student at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

УДК 94(571.5)"192":614.2-053.2

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Е. Н. Афанасова

THE PROBLEMS OF PROVIDING CHILDREN'S HEALTH CARE IN EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

E. N. Afanasova

В статье показаны проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. Автором представлены показатели детской смертности и заболеваемости, количественные и качественные характеристики элементов системы охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг.

The paper reveals the problems of organizing of children's health care in Eastern Siberia in the second half of the 1920s. The author presents the data on children's mortality and morbidity, as well as the quantitative and qualitative characteristics of the elements of children's health care system in Eastern Siberia in the second half of the 1920s.

Ключевые слова: охрана здоровья детей, социальная политика, история Восточной Сибири.

Keywords: children's health care, social policy, history of Eastern Siberia.

Одним из приоритетных направлений государственной социальной политики является здоровье детей. В качестве ключевых задач в области охраны детского здоровья на современном этапе выступают снижение детской смертности, предупреждение заболеваемости, улучшение качественных показателей всей детской медицины. В контексте решения современных задач большой интерес представляет опыт осуществления охраны здоровья детей в начальный период советской власти. Обращение к опыту прошлого поможет избежать совершения идентичных ошибок, способствовать повышению эффективности государственной политики в области охраны детского здоровья.

Советское государство в 1920-х годах столкнулось с необходимостью решения проблем высокого уровня детской смертности, эпидемического распространения заболеваний при отсутствии развитой системы здравоохранения и недостатка медицинских кадров. Целью данной статьи является осмысление проблем организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири в заявленный период.

Одним из важнейших показателей в области охраны здоровья детей является уровень смертности. Во второй половине 1920-х гг. уровень младенческой и детской смертности в Восточной Сибири оставался на достаточно высоком уровне, однако, в отдельных округах наметилась тенденция к его снижению, что доказывают данные таблицы 1.

Таблица 1
Соотношение детской смертности и рождаемости в Красноярском округе в 1926 – 1927-х гг. [13, л. 46]

<i>Показатели</i>	<i>1926 г.</i>	<i>1927 г.</i>
Рождаемость	15489	16302
Детская смертность	4080	3296
Процентное соотношение	26,3	20,2

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что при сохранении в целом высокого уровня детской смертности, за один год произошло снижение уровня смертности на 6,1 %. В Красноярске, по данным 1927 г., рождаемость составила 2365, а смертность – 408, что в процентном соотношении составляет 17,3 %. Уровень детской смертности в Красноярске был ниже, чем в Красноярском округе на 2,9 %, что было связано с более высоким уровнем развития социальной инфраструктуры, в том числе в сфере здравоохранения [13, л. 46].

Уровень детской смертности в аграрных районах Восточной Сибири, был существенно выше, чем в промышленных центрах. Особенно сложным было

положение детей в Бурятии, что подтверждают данные таблицы 2.

Таблица 2
Младенческая смертность в Аларском аймаке БМАССР в 1928 г. [22, с. 133]

<i>Национальность детей</i>	<i>Процент умерших детей в возрасте до одного года от количества родившихся</i>
Буряты	44,2 %
Русские	34,3 %
Буряты и русские	39,2 %

Данные таблицы 2 показывают превышение уровня младенческой смертности среди бурят на 9,9 % по сравнению с русским населением. В среднем, 39,2 % родившихся детей в Бурятии, умирали, не дожив до года. Основной причиной столь высокой смертности детей являлся значительный уровень заболеваемости родителей социально обусловленными заболеваниями. Во второй половине 1920-х гг. Республика была на первом месте по заболеваемости сифилисом и туберкулезом в СССР. Например, туберкулезом и сифилисом в 1928 г. в Аларском аймаке среди матерей бурятской национальности болело 44,3 %, среди русских женщин – 42 %. Заболеваемость отцов туберкулезом и сифилисом составляла 22 % [22, с. 131]. По материалам научно-исследовательских экспедиций зараженность бурятской части населения сифилисом в восточных аймаках колебалась от 25 до 63 %. В западных аймаках уровень заболеваемости был значительно ниже. Зато здесь заболеваемость туберкулезом была значительно выше, чем в восточных округах Бурятии. По данным экспедиции 1926 г. 35,2 % взрослых и 50 % детей Аларского аймака были больны туберкулезом. В Тункинском районе туберкулезом болело 9,7 % взрослых и 17 % детей [22, с. 131].

Массовым заболеванием во второй половине 1920-х гг. была корь. Неоднократно в данный период вспыхивали эпидемии такой болезни. В Бурятии в 1926 г. было отмечено 3658 случаев заболеваний детей корью [18, л. 6]. Большой процент заболевших умирали в виду недостаточно квалифицированной медицинской помощи, зачастую ее отсутствия, нехватки медицинских препаратов. Так, в Красноярске в 1926 г. в результате эпидемии кори в доме младенца заболело 16 детей, пятеро из них умерло, в яслях заболело 22, из них умерло 8 [8, л. 162]. Смертность заболевших составила 31 % и 36 % соответственно.

Крайне высокий уровень смертности был среди подкинутых детей, размещенных в государственные учреждения закрытого типа – дома младенца, что подтверждают данные таблицы 3.

Таблица 3
Смертность детей в домах младенца в 1925 г. [12, л.5; 17, л.4; 18, л.203]

<i>Населенный пункт</i>	<i>Поступило детей за год</i>	<i>Умерло детей из поступивших за год</i>	<i>Процент умерших детей от количества поступивших</i>
Ачинск	30	15	50
Канск	27	10	40
Верхнеудинск	25	15	60
Чита	82	25	30

Основными причинами смертности детей в учреждениях закрытого типа являлись недостаток грудного молока, отсутствие квалифицированной врачебной помощи, эпидемические заболевания.

На территории Восточной Сибири одним из распространенных заболеваний была трахома – хроническое инфекционное заболевание глаз, вызываемое хламидией. При несвоевременном или недостаточном лечении болезнь приводила к полной потере зрения. В 1925 г. только в детских домах Красноярска насчитывалось 144 ребенка, больных трахомой. В виду возможного распространения заболевания на здоровых детей, было принято решение об организации специализированного детдома для больных детей в здании бывшего Владимирского приюта [10, л. 44]. В Иркутске также для заболевших детей был создан детдом под названием «Трудовая жизнь» [21, с. 52]. В городе были открыты детдома, для больных и другими заболеваниями. В Иркутской губернии дети, больные туберкулезом, помещались в детдом им. Октябрьской революции, а больные сифилисом – в детдом имени III Интернационала.

Распространению трахомы, туберкулеза, кори и других заболеваний в Восточной Сибири способствовала эвакуация голодающих детей из Поволжья. В результате детские учреждения Восточной Сибири оказались сильно переполненными, что вызвало ухудшение санитарно-гигиенических условий. Недостаточное финансирование, отсутствие специальных помещений, постельных принадлежностей, достаточного количества одежды зачастую делало невозможным соблюдение даже элементарных гигиенических норм. Так, в 1926 г. в Киренском детдоме 12 детей, больных эпидемическим паротитом, спали в одной комнате и даже на одних кроватях со здоровыми детьми [4, л. 69]. Все эти факторы обусловили высокий уровень заболеваемости. Результаты медосмотров, проведенных в Иркутском округе в 1926 г. показывают крайне высокий уровень распространения заболеваний среди детей. Заболеваемость в детских домах составляла 95 – 96 %, а среди школьников – 50 – 60 % [5, л. 4].

Для снижения уровня заболеваемости принимались некоторые меры. Например, во многих регионах Восточной Сибири создавались детские лечебные учреждения, специализирующиеся на лечении инфекционных заболеваний. В это же время, в виду чрезвычайного распространения туберкулеза в Бурятии было организовано несколько лечебных противотуберкулезных учреждений. В феврале 1924 г. в селе Нарен Аларского аймака был открыт туберкулезный диспансер, аналогичный санаторий и кумысолечебница. Туберкулезный диспансер был открыт в Верхнеудинске. Там число детей, инфицированных туберкулезом, составляло 32 % от общего числа больных [2, с. 22 – 23]. Педиатром Верхнеудинского диспансера была Л. П. Коновалова, которая активно осуществляла работу по лечению и предотвращению распространения туберкулеза среди детей. По ее инициативе впервые было проведено обследование заболеваемости туберкулезом бурятских школьников Верхнеудинска [1, с. 39].

В период второй половины 1920-х гг. на территории Восточной Сибири начали работать первые детские консультации, призванные осуществлять профилактическую и просветительскую деятельность. Направлениями деятельности таких консультаций являлись наблюдение за новорожденными, пропаганда естественного вскармливания, практическое обучение матерей уходу за детьми. Впервые было введено патронажное обслуживание младенцев медицинскими сестрами на дому. Консультации обслуживали их от рождения до трехлетнего возраста. Первые консультации в Восточной Сибири появились в городах регионального значения. В 1925 г. в Красноярске принимала детей одна детская консультация, в 1928 г. – три. Две детские консультации были открыты в Ачинске [16, с. 108].

В Верхнеудинске первая детская консультация была открыта в 1929 г. [20, с. 90]. В сельской местности Бурятии к 1929 г. действовало три консультации объединенного типа, рассчитанные на прием женщин и детей [18, л. 6]. По одной объединенной консультации действовало на территории Борзинского, Заларинского, Тайшетского, Черемховского и Читинского районов [7, л. 23, 69, 89, 94].

Новым видом учреждений системы здравоохранения, которые появились в Восточной Сибири во второй половине 1920-х, стали молочные кухни. Они создавались с целью производства и выдачи молока для вскармливания грудных детей. Основной категорией населения, которые получили возможность пользоваться правом бесплатно получать молоко, стали малообеспеченные жители. В 1925 г. молочная кухня при детской консультации была открыта в Красноярске. Деятельность этой молочной кухни финансировалась за счет средств, собранных общественными организациями. Собранных денег хватало на ежедневное обеспечение бесплатной молочной продукцией 45 детей. Из них 67,5 % были детьми рабочих, имеющих заработок от 9 до 30 рублей и семью от 4 до 9 человек, и 32,5 % являлись детьми служащих, получающих оклад не выше 40 рублей [12, л. 1]. Дополнительно 45 порций молочной продукции ежедневно продавались. За год молочной кухней в Красноярске было отпущено 14186 порций молока, 19669 порций смесей для грудного вскармливания [8, л. 161]. Естественно, что деятельность одной молочной кухни не могла удовлетворить потребности всего детского населения Красноярска. В 1928 г. молочная кухня была открыта в Ачинске. К концу 1929 г. по одной молочной кухне было в Заларинском и Читинском районах [7, л. 23, 94].

Деятельность кухонь нередко сопровождалась определенными трудностями. Установленные государством нормы питания не соответствовали потребностям детского организма. Молочные кухни в виду отсутствия достаточного количества финансовых средств на приобретение продуктов питания и неэффективной организации снабжения продуктами нередко не могли обеспечить кормление детей даже по заниженным государственным нормам. По нормам Народного комиссариата здравоохранения для приготовления смесей полагалось 1,2 кг сахара в месяц. Фактически в Красноярске одной кухне отпускатся

300 гр. сахара в месяц на одного ребенка [14, л. 14]. Происходило занижение норм питания приблизительно в 2,5 – 4 раза. Качество основных составных элементов детских смесей на молочных кухнях оставалось крайне низким.

Во второй половине 1920-х гг. на территории Восточной Сибири были открыты первые детские поликлиники и больницы. На территории Красноярского округа медицинскую помощь оказывала детская заразная больница, которая была предназначена для лечения скарлатины и дифтерии и рассчитана на 30 коек. Данное учреждение располагалась на переулке Троицкого, занимало отдельное деревянное здание и было хорошо оборудовано относительно возможностей того времени. В больнице была канализация, электрическое освещение, водопровод. Учреждение обслуживало 11 служащих, в том числе врач, два фельдшера, четыре сиделки, завхоз, кухарка, прачка, сторож [11, л. 34]. Во второй половине 1920-х гг. детские больницы и амбулатория были открыты в Минусинске [9, л. 1]. В Верхнеудинске заработала детская поликлиника [20, с. 90]. В Иркутске прием осуществляла детская амбулатория [7, л. 30].

Несмотря на постепенное создание и развитие сети учреждений здравоохранения, предназначенных для охраны здоровья детей, их число оставалось недостаточным. На VI Всероссийском съезде по охране здоровья детей и подростков отмечалось, что лечебная помощь, оказываемая детям, недостаточна, как по размерам, так и по квалификации. Общее число детских коек в лечебных учреждениях и количество приемов по детским заболеваниям оставалось незначительным. В масштабах страны из общего количества стационарных лечебных учреждений только 6 % составляли детские учреждения. По данным 1925 г. в губернских городах одна детская койка приходилась на 1900 человек. В шести губерниях Сибири одна детская койка приходилась на 20193 человека. В Якутске детские койки в лечебных учреждениях отсутствовали вовсе. В сравнительно благополучном положении из губернских городов Сибири находился Иркутск, в котором приходилось менее двух тысяч человек на одну детскую койку [3, л. 20].

Кроме лечебной деятельности важным направлением охраны здоровья детей во второй половине 1920-х гг. в Восточной Сибири стала организация профилактической работы, одним из направлений которой стало массовое обследование детей. В результате своевременно выявлялись заболевания, оказывалась врачебная помощь. Так, в Иркутской губернии активно проводилось широкомасштабное обследование детей на заболеваемость трахомой, сифилисом, туберкулезом. В 1926 г. по г. Иркутску школьными врачами было осмотрено 5131 детей в детских домах, 6546 школьников, 412 рабочих подростков, а по Иркутскому округу – 13400 школьников [5, л. 4].

Снижению распространения заболеваний способствовала вакцинация, начало которой было положено еще в первой половине 1920-х гг., но массовый характер она приобрела только во второй половине 1920-х гг. Наибольшее значения для здоровья детей имели прививки против оспы, дифтерии и кори. Вак-

цинация осуществлялась в детских консультациях во время приема здоровых детей или участковой сестрой в домашних условиях. Прививки против оспы начинали делать с 6-недельного возраста, против дифтерии с 6 месяцев. Для получения готовой противокоревой сыворотки родители ребенка должны были сдать кровь в лабораторию, где изготавливалась вакцина. Вакцинация на территории Восточной Сибири осложнялась недостаточным количеством и нередко невысоким качеством вакцины, отсутствием необходимого числа медицинского персонала, недоверием местных жителей к прививочным кампаниям. Крайне сложно было доставлять вакцину в удаленные районы, например в Киренск и Бодайбо. Доставка медицинских препаратов в эти районы осуществлялась только один раз в год.

Немаловажное значение в деле охраны здоровья детей имела организация санитарного просвещения детей и взрослых. Одной из форм санитарного просвещения стало проведение лекций. Так, Иркутским отделением охраны здоровья детей и подростков в 1926 г. в г. Иркутске было проведено 428 лекций, в 1927 г. – 385 [5, л. 4, л. 8]. В Бурятии центром по распространению санитарно-гигиенической культуры стал Верхнеудинский Дом санитарного просвещения. Только за период 1928 – 1929-х гг. здесь было прочитано 147 лекций, проведено 59 экскурсий, 6 радиолекций. Кроме того посетило различные выставки 9100 человек, 25 % всех посетителей составляли приезжие из улусов буряты [19, с. 42]. На выставках в иллюстрированной форме поднимались вопросы кормления ребенка, гигиенического ухода, предотвращения инфекционных заболеваний, важность вакцинации детей и взрослых.

Препятствием решения проблемы детской заболеваемости был кадровый вопрос. Количество медицинского персонала было явно недостаточно. Так, в 1925 г. в ведении Иркутского губздравна находилось 515 детских учреждений с общим количеством детей 38611 человек. Эти учреждения обслуживало всего пять санитарных врачей, четыре зубных врача, два окулиста и два психиатра [5, л. 1]. На начало 1925 г. в Красноярске не было ни одного педиатра [15, с. 60].

Таким образом, в период второй половины 1920-х гг. на территории Восточной Сибири была предпринята попытка реализации охраны здоровья детей как одного из направлений государственной социальной политики. Выражением такой деятельности стало появление первых детских учреждений в системе здравоохранения, организация лечебной и профилактической работы. Однако, несмотря на обозначившуюся положительную тенденцию, уровень детской смертности и заболеваемости был явно высоким, что свидетельствует о недостаточной эффективности реализации такого направления государственной социальной политики. Серьезными препятствиями охраны здоровья детей стали ограниченные финансовые возможности советского государства, недостаточное количество медицинского персонала, отсутствие различных медикаментов и современного инвентаря.

Литература

1. Батоев, С. Д. Первые организаторы противотуберкулезной помощи детям Бурятии / С. Д. Батоев, Д. Б. Батоев // Актуальные вопросы туберкулеза и заболеваний органов дыхания в Сибири и приграничных районах России: материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ: «Вита Магистра» РЦМП, 2004. – С. 39 – 40.
2. Батоев, С. Д. История развития детской фтизиатрии в Бурятии / С. Д. Батоев // Актуальные вопросы туберкулеза и заболеваний органов дыхания в Сибири и приграничных районах России: материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ: «Вита Магистра» РЦМП, 2004. – С. 21 – 38.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. р-1393. Оп. 1. Д. 112.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 425.
5. ГАИО. Ф. р-1093. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАИО. Ф. р-2677. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАИО. Ф. р-3101. Оп. 1. Д. 55.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. п-10. Оп. 1. Д. 91.
9. ГАКК. Ф. р-136. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАКК. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 592.
11. ГАКК. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 634.
12. ГАКК. Ф. р-319. Оп. 1. Д. 24.
13. ГАКК. Ф. р-319. Оп. 1. Д. 390.
14. ГАКК. Ф. р-319. Оп. 1. Д. 494.
15. История Красноярского края. – Т. 3: Медицина. – Красноярск: Буква «С», 2008. – 384 с.
16. Крылов, И. И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921 – 1929 гг. / И. И. Крылов. – Красноярск: Кр. гос. торг-экон. ин-т, 2010. – 158 с.
17. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. р-251. Оп. 1. Д. 1.
18. НАРБ. Ф. р-665. Оп. 1. Д. 1.
19. Номогоева, В. В. Из истории становления народного здравоохранения в Бурятии в 1920 – 1930-е гг. / В. В. Номогоева // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. – Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998.
20. Перепанова, Л. С. Развитие системы охраны здоровья детей в Республике Бурятия / Л. С. Перепанова // 80 лет на страже здоровья: сб. статей: в 2-х ч. – Ч. 2; отв. ред. В. В. Кожевников. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2003.
21. Спасенные революцией: борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920 – 1931 гг.) / под ред. В. Т. Агалакова. – Иркутск: ГАИО, 1977. – 107 с.
22. Туберкулез и сифилис среди бурят и русских Аларского аймака // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 4 – 6.

Информация об авторе:

Афанасова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры права и гуманитарных наук филиала Байкальского государственного университета экономики и права в г. Усть-Илимске, lebeden81@mail.ru.

Elena N. Afanasova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Law and the Humanities, Ust-Ilimsk branch of Baikal State University of Economics and Law.

УДК 930.1.1

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В «ОБЩЕСТВЕ СПЕКТАКЛЯ» ГИ ДЕБОРА С. Б. Бахитов

ALIENATION OF LABOUR AND CONSPICUOUS CONSUMPTION IN GUY DEBORD'S "THE SOCIETY OF THE SPECTACLE" S. B. Bakhitov

В статье рассматривается использование марксистской концепции отчуждения в «Обществе спектакля» Ги Дебора для описания ситуации, возникшей в XX веке, когда появились новые формы отчуждения, основанные на навязывании престижных потребностей. Именно консьюмеризм становится важнейшей опорой существующего порядка. Ги Дебор считает, что общество потребления можно одновременно описать и как общество спектакля, который стал тотальным. Концепция Ги Дебора рассматривается в контексте предшествовавшей и последующей историографии: работ Т. Веблена, Г. Маркузе, Э. Фромма.

The paper focuses on the use of the Marxist theory of alienation in Guy Debord's "The Society of the Spectacle" for describing the conditions of work and life in the 20th century. In Marxist theory, alienation in the capitalist society

manifested itself in the increasing of poverty, while in Debord's theory alienation was based on promoting conspicuous needs. It was consumerism that became the new form of alienation. Guy Debord considered the new society of consumerism to be "the society of the spectacle", which became total. Debord's theory is discussed in the context of T. Veblen's, H. Marcuse's and E. Fromm's works.

Ключевые слова: отчуждение, престижные потребности, консьюмеризм, социальный характер, общество спектакля.

Keywords: alienation, conspicuous needs, consumerism, social character, society of the spectacle.

Сегодня отнесение России к полупериферии капиталистической мир-системы уже можно считать общим местом. По мнению И. Валлерстайна, роль полупериферии заключается в том, чтобы стабилизировать мир-экономику, сделать ее функционирование более плавным [2, с. 41]. Россия стала полупериферией западного мира-экономики еще в XVIII в. и сохранила этот статус после (а во многом – благодаря) революции 1917 г., сталинской модернизации и победы во Второй Мировой войне. Остается Россия таковой и сегодня, что определяет основные особенности ее развития. Полупериферия всегда имеет свои внутренние передовые и отсталые зоны, различие между которыми резко возрастает в период модернизации, осуществляемой за счет заимствований технологий из стран ядра и усиления эксплуатации ресурсов глубинки. При этом в наиболее выгодном положении оказываются те города, регионы и социальные слои, которые обслуживают интересы элиты ядра мира – экономики [3]. В этих условиях поставленная еще в XIX в. К. Марксом проблема отчуждения труда может приобретать в разных регионах и социальных группах различный вид: от использования внеэкономического принуждения при эксплуатации полурабского труда нелегальных иммигрантов до навязывания искусственных потребностей престижного потребления «благополучным» слоям наемных работников. Это заставляет нас все пристальней всматриваться в западные работы, посвященные отчуждению труда, слишком много возникает явных параллелей.

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г.-В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. В условиях капитализма деятельность саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение: «Деятельность выступает здесь как страдание, сила – как бессилие, зачатие – как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это и есть самоотчуждение...» [7, с. 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний

рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [7, с. 50].

Экономическо-философские рукописи (Парижские рукописи) писались в 1844 г., когда промышленная революция в континентальной Европе еще только начиналась, неся обнищание большей части рабочего класса и разорение массы ремесленников. Но с середины XIX в. ситуация меняется, сначала в Англии, а затем и в других наиболее промышленно развитых странах Запада заработная плата (в норме) начинает расти быстрее, чем цены [1, с. 673 – 678]. Как пишет отечественный историк-марксист Ю. И. Семенов: «Уже во второй половине XIX в. небольшая часть рабочих стала обеспеченными людьми. Она получила название рабочей аристократии. Во второй половине XX в. понятие рабочей аристократии исчезло, ибо обеспеченного положения добились большинство рабочего класса. Рабочий класс ортокапиталистических стран в большинстве своем перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова, что привело к потере им революционности» [10, с. 516].

Но исчезло ли отчуждение? Положение рабочих сблизилось с положением служащих и интеллигенции, но все они вместе оказались под контролем капиталистической и государственной бюрократии, что, думается, позволяет нам говорить о новом классе пролетариата, выделяемом именно по признаку отчуждения труда. В стимулировании к труду и контроле за поведением во вне рабочее время этого нового класса все большую роль начинают играть СМИ, особенно реклама, создающая новые искусственные потребности престижного типа во имя сохранения капитализма [10, с. 516].

Одним из первых новую ситуацию отчуждения попытался осмыслить германо-американский психоаналитик Герберт Маркузе, оказавший значительное влияние на бунтующую молодежь Запада в конце 1960-х годов. По мнению Б. Ю. Кагарлицкого, антибуржуазный молодежный протест 1960-х годов можно понять, только учитывая важные изменения в странах Запада после 1945 года. Среди них образовательная революция, предоставившая высшее образование значительной части молодежи, но одновременно породившая проблему перепроизводства интеллектуалов. Следует учесть также, что новое поколение, не прошедшее войны, не видело ничего выдающегося в комфортных условиях жизни. «Новые левые» выступили и против буржуазии, и против «старых левых». Западное общество воспринималось ими как тотально коррумпированное, подчиненное логике потребления и лишаящего человека возможности самореализации производства [6, с. 114 – 125]. Кумиром этой молодежи и стал Г. Маркузе, писавший, что современная элита правит путем манипули-

рования сознанием и бессознательным, стимулирования избыточного производства и потребления, навязывания ложных потребностей [8, с. 270 – 275].

Надо заметить, что Г. Маркузе был не первым, кто обратился к проблеме потребления как средства контроля элиты над обществом. Впервые эта проблема была поставлена основателем американского институционализма Торстейном Вебленом в работе «Теория праздного класса». Этот класс, согласно Т. Веблену, появляется в эпоху варварства вместе с частной собственностью и рабством [4, с. 73 – 77]. С переходом к эпохе варварства доблестная деятельность все более связывается с захватом чужого имущества и рабов [4, с. 68]. В конечном счете, для высшего класса становится обязательным воздержание от производительного труда [4, с. 84]. С развитием праздного класса формируется и его демонстративное потребление [4, с. 109]. В современном Т. Веблену капиталистическом обществе (работа была написана в 1899 г.) бизнесмен вынужден заниматься производственной деятельностью, а праздность и потребление перекладываются на его жену. С развитием экономики и урбанизации значение показной праздности падает, а показного потребления – растет вместе с увеличением числа социальных контактов индивида и подвижности населения [4, с. 118 – 123]. Требования показного потребления распространяются на большую часть общества. Увеличение доходов ведет к увеличению демонстративных расходов под угрозой обвинения в скупости [4, с. 134 – 135]. В результате завистнического соперничества, когда возрастающая эффективность производства позволяет уменьшить затраты труда, они не уменьшаются, усилия направляются на достижение более высокого уровня демонстративного потребления, который вполне может соседствовать со сравнительной убогостью повседневной жизни. Отсюда, кстати, проистекает стремление скрыть эту жизнь от посторонних. С потребностями престижного потребления Т. Веблен связывает и низкий уровень рождаемости в тех социальных слоях, для которых престижные расходы особенно настоятельны, например, среди ученых, вынужденных контактировать с представителями более богатых классов [4, с. 140 – 142].

Согласно Г. Маркузе, всеобщая механизация труда открывает возможность новой человеческой действительности – а именно, жизни в свободное время на основе удовлетворения первостепенных потребностей. Отказ от прибыльной расточительности и контроль рождаемости увеличили бы общественное богатство, предназначенное для распределения, а конец перманентной мобилизации сократил бы общественную потребность в отказе от удовлетворения индивидуальных потребностей. Новую социальную силу, способную изменить мир, Г. Маркузе видит в аутсайдерах, остающихся за бортом демократического процесса [8, с. 483 – 514].

Идеи Герберта Маркузе нашли наибольший отклик у молодежи, еще несвязанной социальными обязательствами, особенно у студентов, став идеологической основой студенческих выступлений 1968 года. Позднее, как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий, сам Маркузе в книге «Контрреволюция и бунт» пересмотрел

свои взгляды, придя к выводу, что молодежный протест в одиночестве бессилен, он должен запустить большой мотор рабочей революции [6, с. 139 – 140].

После 1968 года, однако на Западе происходит затухание революционного импульса. Герои прошлого либо умерли, либо перестали вызывать уважение. Причина этого, согласно Б. Ю. Кагарлицкому, заключается в мир-системном характере современного капитализма. «Рабочая аристократия» Запада боялась потерять свое потребительское благополучие. И хотя далеко не все западные трудящиеся относились к «рабочей аристократии», в целом господствовала идеология потребления. Часть бывших бунтарей превратилась в новых бюрократов. Что касается рядовой интеллигенции, то в ее поправлении, видимо, сказалось осознание того факта, что возможности роста общества потребления ограничены ресурсной базой. Если все будут потреблять на уровне граждан США, наступит экологическая катастрофа [6, с. 199 – 214].

После 1968 г. наиболее серьезным исследованием проблемы капиталистического отчуждения в рамках психоанализа стала работа Эриха Фромма «Иметь или Быть» (1976 г.). Основой соединения марксизма и психоанализа для Э. Фромма выступает социальный характер, являющийся результатом взаимодействия между индивидуальной психикой и социально-экономической формацией [11, с. 507]. Современный ему социальный характер западного человека Э. Фромм называет «рыночной личностью», подчеркивая, что человек этого типа самого себя воспринимает как товар, видит свою ценность не в своей «потребительской», а в «меновой стоимости» [11, с. 521]. Самооценка индивида прямо зависит от его меновой ценности, что ориентирует его в первую очередь на выгодное позиционирование своей персоны. В результате человек этого типа не имеет своего эго, каким располагал любой индивид в XIX веке. Члены общества превратились в безликие инструменты, их главная ценность теперь – в причастности к огромному концерну или другой бюрократической машине. Рыночная личность не умеет любить или ненавидеть, т. к. эти чувства мешают ей функционировать в алгоритме «мегамашины». Она ничего не принимает близко к сердцу в силу поверхностности оценок себя и других. Единственный вопрос, который она себе задает: достаточно ли хорошо я работаю, чтобы делать карьеру? В вещах для нее важны мода, престиж и комфорт. При этом сменить можно все: одежду, мебель, друзей, жен, любовниц, партнеров по бизнесу. Разум заменяется манипулятивным интеллектом (инструментальным мышлением). На языке психиатров такой тип называют шизоидным [11, с. 522 – 525]. Таким образом, рыночная личность – это предельный результат отчуждения труда, говоря словами К. Маркса, отчужденная личность [11, с. 525].

Новый человек, по Э. Фромму, должен быть готов отказаться от всех форм обладания в пользу бытия, быть уверенным в собственных силах и активным, внимательным к людям и сосредоточенным, должен уметь радоваться возможности служить людям и любить жизнь во всех ее проявлениях, развивать в себе способность жить без идолопоклонства, способность к критическому мышлению, к преодолению собствен-

ного нарциссизма, к познанию себя, уметь быть счастливым [11, с. 543 – 545]. Новому человеку должно соответствовать новое общество, сочетающее планирование в экономике с высокой степенью децентрализации, ориентированное не на бесконечный экономический рост, а на избирательное развитие отдельных областей, мотивирующее к труду не на основе материальной выгоды, а на основе удовлетворенности работой, исключающее возможность использования научных исследований во вред человечеству, обеспечивающее человеку счастье и избавляющее его от погони за «наслаждениями», создающее гарантии индивидуальной безопасности граждан и их независимости от бюрократической машины, формирующее условия для «личной инициативы» граждан во всех сферах жизни [11, с. 546 – 547]. Некоторые предложения Э. Фромма позднее были частично реализованы на Западе благодаря массовым альтернативным движениям, большинство же остались благими пожеланиями. Решить проблемы, выделенные Э. Фроммом, без решения вопросов о собственности и власти оказалось невозможно.

В одном ряду с Г. Маркузе и Э. Фроммом стоял и молодой французский философ Ги Эрнест Дебор, опубликовавший в 1967 г. (ему самому тогда было 36 лет) свою знаменитую работу «Общество спектакля». Ги Дебора, известного как создателя Ситуационистского Интернационала, призванного пропагандировать «сюр-революционное» искусство и «антикультурную» деятельность, обычно относят к постмодернистам [8, с. 111]. Однако, на наш взгляд, как раз наиболее известная его работа – «Общество спектакля», представляет собой случай последовательного марксистского подхода, даже более последовательно, чем у Г. Маркузе и Э. Фромма.

Предметом исследования Ги Дебора является, прежде всего, современное ему общество престижного потребления. «Общество спектакля» имеет оригинальную структуру, работа разбита на 221 тезис, что напоминает «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса. Уже в тезисе 6 Ги Дебор пишет о том, что современное общество спектакля является производным от развития способа производства: «Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства» [5, с. 13]. В тезисе 14 он продолжает развивать эту мысль: «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является зрительским. В спектакле – этом образе господствующей экономики, цель есть ничто, развитие – все» [5, с. 14]. Фактически для Ги Дебора общество спектакля есть общество престижного потребления. Словно предвосхищая название работы Э. Фромма, он пишет (тезис 17): «Первая фаза господства экономики над общественной жизнью в отношении определения любого человеческого творения повлекла за собой очевидное вырождение быть в иметь. Настоящая фаза тотального захвата общественной жизни накопленными плодами экономики ведет к повсеместному сползанию иметь в казаться, из которого всякое действительное «иметь» должно получать свое высшее назначение и свой непосредственный престиж» [5, с. 15].

В новых условиях увеличение времени досуга (к которому, например, призывал Г. Маркузе) уже не ведет к освобождению от отчуждения (тезис 27): «Невозможна свобода вне деятельности, но в рамках спектакля всякая деятельность отрицается, равно как и реальная деятельность оказывается полностью захваченной ради повсеместного достижения подобного результата. Таким образом, современное «освобождение труда», увеличение досуга никоим образом не является освобождением в труде, как и освобождением созданного этим трудом мира» [5, с. 17]. Экономика основана на циклическом воспроизводстве разобщения, спектакль воссоединяет разделенное, но именно в качестве разделенного (тезисы 28 и 29) [5, с. 17 – 18]. Отчуждение становится все более тотальным (тезис 40): «Та псевдоприрода, в какую был отчужден труд человека, требует до бесконечности продолжать ее обслуживание, и это обслуживание, которое оценивается и оправдывается только им самим, на самом деле получает в качестве своих служителей всю тотальность общественно узаконенных проектов и усилий» [5, с. 20].

При этом новая система отношений постепенно распространяется на всю планету, в самых мало индустриальных уголках, которой появляются престижные товары-звезды и зоны, лидирующие в развитии производительности, отчужденное потребление становится обязанностью масс, дополнительной по отношению к отчужденному производству (тезис 42) [5, с. 20]. Непрерывная фабрикация псевдо-потребностей становится необходимым элементом экономики (тезис 51) [5, с. 22]. Экономическое господство сростается с идеологическим (тезис 57): «Общество-носитель спектакля господствует над слабо развитыми регионами не только посредством экономической гегемонии. Оно господствует над ними и в качестве общества спектакля. Там, где для этого пока отсутствует материальное основание, современное общество зрительно уже заполнило социальную поверхность каждого континента. Оно определяет программу правящего класса и направляет его формирование. Подобно тому, как оно представляет псевдо-блага, которые следует вождель, оно также предлагает местным революционерам и фальшивые модели революции» [5, с. 24].

Помимо товаров-звезд фабрикуются такие же фальшивые люди-звезды. Удел такой звезды – зрительная компенсация за дробление проживаемых в действительности производительных специализаций (тезис 60) [5, с. 25]. При этом такой человек должен быть по сути антииндивидуален (тезис 61): «Перейдя в спектакль как модель идентификации, он отказывается от всякого автономного качества ради того, чтобы отождествить самого себя с общим законом подчинения ходу вещей» [5, с. 25].

Не выпадает из этой системы, по мнению Ги Дебора, и СССР, где партия большевиков после захвата власти стала партией собственников пролетариата (тезис 102) [5, с. 39]. Более того, советская модель, с точки зрения Ги Дебора, стала ухудшенным эрзацем западной (тезис 104): «Тотальная бюрократия является не «последним классом собственников» в истории, в смысле Бруно Ритца, а только эрзацем господ-

ствующего класса рыночной экономики. Отсутствующая капиталистическая частная собственность замещается менее дифференцированным упрощенным субпродуктом, сосредоточенным в коллективной собственности бюрократического класса» [5, с. 40]. Кстати, с подобным утверждением отчасти согласны и некоторые отечественные марксисты. Так, например, Ю. И. Семенов считает, что в результате революции 1917 г. и последующей гражданской войны в России утвердился не коммунистический, а неополитарный способ производства, другое дело, что его утверждение было, во-первых, вынужденным, во-вторых, прогрессивным для России явлением [10, с. 500 – 506].

Главной революционной силой современного мира Ги Дебор продолжает считать видоизменившийся пролетариат (тезис 114): «Этот пролетариат объективно усиливается как продолжающимся исчезновением крестьянства, так и распространением логики заводского труда, переносимой на значительную часть «сферы услуг» и интеллектуальных профессий. Субъективно этот пролетариат еще отдален от его практического классового сознания, и не только в среде служащих, но и в среде рабочих, еще только открывающих беспомощность и мистификации старой политики» [5, с. 45]. Но объективно он, согласно Ги Дебору, по-прежнему остается самым революционным классом: «Никакое количественное послабление его нищеты, никакие иллюзии иерархической интеграции не являются радикальным средством от его неудовлетворенности, ибо пролетариат поистине не может признать ни частную несправедливость, которую он когда-либо претерпел, ни, следовательно, возмещение какой-либо частной несправедливости, ни огромное число этих несправедливостей, но только несправедливость абсолютную – быть отброшенным на обочину жизни» [5, с. 45]. В новых условиях начинается новая борьба «за разрушение машин дозволенного потребления» (тезис 115) [5, с. 46]. Целью этой борьбы, по Ги Дебору, должна стать власть Советов трудящихся в международном масштабе, отрицающая зрелищное отрицание жизни (тезис 117) [5, с. 46]. Именно действенный характер теории является тем, что в наибольшей степени привлекает Ги Дебора в Марксе (тезис 81): «Рациональное понимание реально действующих в обществе сил тесно связывает теорию Маркса с научной мыслью. Но в своей основе она находится по ту сторону научной мысли, и последняя сохраняется в ней, только будучи преодоленной, ибо дело идет о понимании борьбы, а ни в коем случае не закона. «Мы знаем только одну науку – науку истории», – говорит «Немецкая идеология»» [5, с. 31].

Данная марксистская позиция распространяется Ги Дебором и на исследование культуры. Так, говоря о современном восприятии времени, он замечает, что буржуазия навязала обществу необратимое историческое время, но отказало обществу в его использовании, так как это время обнаруживало и ее конечность (тезис 143) [5, с. 54]. В результате возникло псевдоциклическое время потребления, которое «...есть время зрелищное, одновременно и как время потребления образов в строгом смысле, и как образ потребления времени во всех смыслах» (тезис 153) [5, с. 56].

В результате – эпоха постоянных праздников без праздника (тезис 154): «То, что в циклическом времени было моментом соучастия сообщества в роскошном растрачивании жизни, невозможно для общества без сообщества и без роскоши» [5, с. 56]. Псевдоциклическое потребление развитой экономики оказывается в противоречии с необратимым абстрактным временем ее производства [5, с. 57, 155]. Тот же подход мы видим и при изучении восприятия пространства, которое, по Ги Дебору, все более унифицируется капиталистическим производством, особенно благодаря урбанизму. «Урбанизм – это современное решение непрерывной задачи сохранения классовой власти, а именно – поддержание атомизации трудящихся, которых городские условия производства столь угрожающим образом собрали воедино» [5, с. 60], – пишет французский философ в тезисе 172. Подчиняется системе обезличивания и то, что, казалось бы, требует региональной индивидуализации, – туризм (тезис 168): «Субпродукт кругооборота товаров, человеческое круговращение, рассматриваемое как потребление, туризм, – сводится в своей основе к единственному развлечению: поехать и посмотреть то, что уже стало банальным» [5, с. 59]. Пожалуй, только в отношении истории искусства Ги Дебор демонстрирует классическую постмодернистскую позицию, когда пишет (тезис 189): «Искусства всех цивилизаций и эпох в первый раз могут быть поняты и приняты все вместе. Это «собирающее воспоминаний» истории искусства, становясь возможным, также является концом мира искусства» [5, с. 65].

Но наиболее марксистски, вероятно, звучит последний 221-й тезис книги Ги Дебора: «Избавиться от материальных оснований обращенной истины – вот в чем состоит самоосвобождение нашей эпохи. Эту «историческую миссию восстановления истины в мире» не могут выполнить ни изолированный индивид, ни подверженная манипуляциям атомизированная толпа, но единственно класс, способный стать разрушителем всех классов, приводя всякую власть к не отчуждающей форме осуществленной демократии, к Совету, в котором практическая теория контролирует сама себя и видит собственное действие» [5, с. 73]. Думается, сам Маркс подписался бы под такими словами.

При сравнении рассмотренных выше концепций бросается в глаза различие между Т. Вебленом, с одной стороны, и Маркузе, Фроммом, Ги Дебором – с другой. Веблен просто описывает престижное потребление, Маркузе, Фромм и Ги Дебор стремятся изменить его. И в этом, видимо, заключается главное значение марксистской составляющей их концепций. Конечно, престижное потребление значительно старше капиталистического способа производства (здесь прав Т. Веблен) и вряд ли исчезнет вместе с ним. Но его роль в обществе исторична, она зависит от развития способа производства, а, следовательно – поддается изменению. И. Валлерстайн, говоря о будущем капиталистической мир-системы, предрекает ей в ближайшие 40 – 50 лет острый моральный и институциональный кризис [2, с. 184]. Что касается роли интеллигенции в этих условиях, то, как он пишет: «Сегодня и на следующие 50 лет наша задача состоит в

построении утопий. Это задача измышлять этот новый общественный строй и бороться за его сотворение. Ведь никоим образом не гарантировано, что конец неэгалитарной исторической системы приведет к появлению лучшей» [2, с. 185 – 186]. Но, думается,

задача заключается не только и не столько в создании утопий, сколько в соединении теории и практической деятельности, что и является отличительной чертой учения Маркса.

Литература

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. – Т. 3: Время мира / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2007. – 752 с.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
3. Валлерстайн, И. Россия и капиталистический мир-экономика 1500 – 2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30 – 42.
4. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
5. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
6. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2005. – 480 с.
7. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Т. 42.
8. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: АСТ, 2003. – 526 [2] с.
9. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
10. Семенов, Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
11. Фромм, Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть: пер. с англ. и нем. / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 602, [6] с.

Информация об авторе:

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин СурГПУ, 89678835024, baxitova@mail.ru.

Stanislav B. Bakhitov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University.

УДК 94(571.17):332.821''1943/1948''

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЖИЛЬЕМ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В 1943 – 1948 гг.

И. В. Ильин

PROVIDING THE POPULATION OF THE KEMEROVO REGION WITH HOUSING AND ESTABLISHMENTS OF THE WELFARE SPHERE IN 1943 – 1948

I. V. Ilyin

В статье рассматривается вопрос о том, насколько существующий жилищный фонд и учреждения социально-культурной сферы удовлетворяли потребности населения Кемеровской области в 1943 – 1948 гг. Основное внимание уделяется проблеме строительства жилья и других гражданских объектов, а также укомплектованности социально-культурных учреждений кадрами. Кроме того рассматривается вопрос об обеспеченности населения водопроводной водой.

The paper discusses whether the housing stock and the establishments of the welfare sphere which existed in the Kemerovo region in 1943 – 1948 satisfied the requirements of the population. The main attention is paid to the problem of housing and other civil objects construction, and that of staffing the welfare establishments. Another issue to be considered is supplying the population with tap water.

Ключевые слова: Кемеровская область, жилищное строительство, школы, больницы, детские сады, библиотеки, клубы.

Keywords: the Kemerovo region, housing construction, schools, hospitals, kindergartens, libraries, clubs.

Великая Отечественная война послужила толчком к бурному промышленному развитию Кузбасса, большое число предприятий было эвакуировано в область из западных районов страны.

В годы войны, когда Донбасс был оккупирован, одним из главных источников снабжения промышленности каменным углем стал Кузбасс. Большой вклад в дело защиты страны внесла кузнецкая металлургия и коксохимия. В годы войны в городах области возникли новые отрасли промышленности, производящие алюминий, горные машины, стекло, электротехническую аппаратуру, оптико-механические приборы, радио и киноаппаратуру, изделия из пластмассы. В 1944 году около одной трети промышленной продукции выдали предприятия, построенные во время войны или эвакуированные и восстановленные в Кузбассе [24, с. 56].

Естественно, что в военные годы основные ресурсы сосредотачивались на развитии промышленности, в ущерб решения социальных проблем населения. Поэтому в данной статье рассматривается состояние социальной сферы Кемеровской области, а именно анализируется проблема дефицита жилья и учреждений социально-культурной сферы в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Одновременно с эвакуацией предприятий в область прибывали тысячи рабочих и их семей. Только в Кемерово и Сталинск к 1943 году было эвакуировано около 40 тысяч человек. Для эвакуированного населения строились в основном землянки и засыпные бараки [17, с. 150].

Приток большого количества людей из других регионов способствовал обострению дефицита жилья. Одной из главных составляющих социальной политики властей являлась помощь семьям военных, однако в документах отражены многочисленные случаи, когда семьи фронтовиков проживали в полуразвалившихся домах или даже землянках [2, л. 5].

На шахтах и предприятиях угольной промышленности в домах квартирного типа до войны приходилось 5,2 м² жилой площади на человека, но в мае 1944 года этот показатель составил уже 4,43 м². Многие дома временного типа и бараки, построенные в 1930 – 1935 годах, постепенно приходили в полную негодность: протекающие крыши, сгнившие полы и т. д. К маю 1944 года состояние жилищного фонда угольной промышленности характеризуется следующими показателями: каменные дома – 9,4 %, деревянно-рубленые – 44,2 %, каркасно-засыпные бараки – 46,4 %. При этом значительная часть каркасно-засыпного жилья представляло собой землянки. К примеру, в комбинате «Кемеровоуголь» 5400 человек проживало в полуземлянках и землянках [5, л. 77]. Еще хуже обстояло дело с жильем у рабочих черной и цветной металлургии, где на одного человека приходилось всего лишь 2 м² жилой площади [8, л. 49].

В 1944 году в области было построено и введено в эксплуатацию всего 124 тысячи м² жилья [11, л. 67]. Такой незначительный ввод новой жилой площади не мог хотя бы частично решить жилищный вопрос. Облпланом в 1945 году по всей области намечалось построить 278 тысяч м² жилья [6, л. 122], однако в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от

10 февраля 1945 года «об улучшении жилищно-коммунального и культурно-бытового обслуживания трудящихся Кузбасса» правительство обязывало построить в Кузбассе всего 210 тысяч м² жилой площади [8, л. 48]. Выполнение постановления правительства обсуждалось в июле 1945 года на пленуме областного комитета ВКП (б). За первое полугодие 1945 года в Кемерово было введено 9724 м² жилья или 28 % годового плана, в Сталинске – 6106 м² или 9,9 % годового плана, в Прокопьевске – 7500 м² или 20 % годового плана [7, л. 153 – 167]. В итоге за весь 1945 год в эксплуатацию сдали всего лишь 146 тысяч м² жилья [11, л. 67]. Невыполнение строительными организациями планов по вводу жилья, а также других гражданских объектов (школ, больниц, детских садов и т. д.) носило хронический характер. В результате в области широкое распространение получила практика, когда различные учреждения открывались в приспособленных зданиях, зачастую барачного типа.

Наряду с недостатком жилья в регионе наблюдался и дефицит учреждений социально-культурной сферы. В годы войны под эвакуированные предприятия приспособлялись учебные заведения, библиотеки, клубы. Только в городе Кемерово в 13 школах были развернуты госпитали [16, с. 82]. В ряде школ были размещены общежития для рабочих и военнопленных немцев. Из-за нехватки зданий часть школ была вынуждена работать в три смены. В связи с тем, что практически все мужчины-учителя ушли на фронт резко обострился кадровый дефицит, поэтому часто ряд предметов вообще не преподавался. Большие трудности возникали с учебной литературой, на целый класс зачастую приходился один учебник [21, с. 275].

На первый взгляд может показаться, что в суровые годы войны в городах области вообще не открывались новые больницы, школы, библиотеки. На самом деле это не так. Например, в 1943 году произошло открытие Кемеровской областной библиотеки, реорганизованной из центральной городской библиотеки. Библиотека была открыта на окраине города, в небольшом деревянном доме, но в тот же год была переведена во Дворец труда [18, с. 94]. 2 января 1944 года на базе Кемеровской городской больницы была организована первая областная клиническая больница, кроме нее в Кемерово располагались еще 7 больниц: детская больница, инфекционная, психиатрическая, Кировская больницы, больница шахты «Пионер», кроме того детская больница Центрального района и больница при медсанчасти завода номер 319. Однако состояние больниц не соответствовало никаким санитарным требованиям, они не имели канализации, водопровода, располагались в деревянных зданиях, приспособленных из жилых домов [19, с. 66]. В Сталинске городская больница располагалась в нескольких ветхих бараках [4, л. 13]. Аналогичное состояние медицинских учреждений было характерно и для других городов области.

Многие новые гражданские объекты в годы войны строились наспех в расчете на то, что в дальнейшем будут возведены капитальные здания. Так, к примеру, общежитие Прокопьевского горного техни-

кума было построено за лето 1944 года в основном силами самих студентов лишь под руководством квалифицированных рабочих [1, л. 165]. Однако на практике получалось так, что после окончания войны проходили многие годы, прежде чем различные учреждения переезжали из временных строений в капитальные здания.

Еще во время войны по всей области начался процесс освобождения школ, клубов, библиотек заня-

тых не по назначению. Так, в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 8 апреля 1944 года «Об освобождении помещений профсоюзных клубов, домов союзов и дворцов труда, используемых не по назначению» областной комитет ВКП(б) обязал Кузнецкий металлургический комбинат и трест «Сталинскпромстрой» освободить к 1 августа 1944 года помещения клуба строителей и клуба деревообделочного завода [3, л. 41 – 42].

Таблица 1

**Развитие сети учреждений социально-культурной сферы в Кемеровской области
в годы Великой Отечественной войны**

<i>Число начальных, неполных средних и средних школ</i>	<i>На 26 января 1943 года</i>	<i>На 1 января 1944 года</i>	<i>На 1 января 1945 года</i>
	<i>1824</i>	<i>1820</i>	<i>1895</i>
Число учащихся	261718	239331	265636
Число учителей	9117	9044	9868
Число детских садов	298	324	333
Число воспитанников детских садов	21387	22295	22900
Число воспитателей	1478	1079	1135
Число постоянных яслей (число мест)	232 (13139)	231 (13108)	226 (12702)
Число клубов (в том числе изб-читален)	479 (324)	537 (361)	563 (397)
Число массовых библиотек (экземпляров книг)	309 (1 млн 825 тыс.)	149 (866 тыс.)	179 (1 млн 001 тыс.)
Число больничных учреждений (число мест)	135 (9941)	153 (10225)	153 (10622)
Число амбулаторно-поликлинических учреждений	254	286	286
Число врачей (без стоматологов)	1164	1113	1115

Примечание: составлено по: ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 102. Л. 19 – 21.

Как показывают статистические данные, несмотря на то, что в годы войны по области сильно сократилось число библиотек, в целом сеть учреждений социально-культурной сферы выросла, однако кадровый дефицит в школах и больницах сохранялся. Увеличилось и число средних специальных учебных заведений, если на 15 октября 1943 года в области было 25 техникумов и училищ, то на 10 октября 1945 года уже 28 [9, л. 20]. К концу 1945 года насчитывалось всего два высших учебных заведения – Сибирский металлургический институт и Сталинский государственный педагогический и учительский институт.

Одна из главных проблем для населения Кузбасса заключалась в недостаточной протяженности водопроводных и канализационных сетей. За годы войны протяженность водопровода в городе Кемерово почти не выросла, и он охватывал лишь небольшую часть территории города. Лишь за счет значительного возрастания нагрузки на действующую сеть коммунальным работникам города за годы войны удалось увеличить мощность водопровода с 4,5 до 5,2 тыс. куб. метров отпускаемой воды в сутки [20, с. 121].

Мощность сети канализации за годы войны также не увеличилась, имевшаяся в Кемерово сеть работала с большой перегрузкой. Из-за постоянных аварий и

невыполнения планов по ремонту канализационной сети пропуск сточных вод за годы войны даже сократился [20, с. 121].

Не изменилась ситуация к лучшему и в послевоенные годы. Так средняя норма потребления воды в городах области составляла 18 литров при минимальной норме 90 литров в сутки. Имеющиеся водопроводы, построенные в 1935 – 1937 годах, приходили в аварийное состояние. В результате часть населения была вынуждена пользоваться водой из местных водоемов. Кроме того многие старые водопроводы вообще не имели никаких очистных сооружений, а вода в них очищалась только раствором хлорной извести. Такое положение с обеспечением водой городов Кузбасса было напрямую связано с частыми вспышками желудочно-кишечных и других инфекционных заболеваний [10, л. 1 – 2].

После окончания Великой Отечественной войны внимание областной власти было сосредоточено на реализации программы по охвату школьным образованием всех детей школьного возраста, однако в послевоенные годы по-прежнему тысячи детей оставались вне школы. Так на начало третьей четверти 1946/1947 учебного года по всей области школу не посещал 3981 ребенок.

Таблица 2

Причины непосещения школы детьми на начало третьей четверти 1946/1947 учебного года [12, л. 17]

<i>Причина, по которой не посещается школа</i>	<i>Число детей</i>
Отсутствие одежды и обуви	2062
Длительная болезнь	681
Отдаленность от школы	369
Из-за работы в колхозе	244
Из-за домашних работ	160
Из-за работы на предприятиях	143
Исключение из школы	17
Нежелание родителей определить детей в школу	24
Другие причины	281

Статистические данные показывают, что значительное число детей не посещало школу в связи с их отдаленностью, такая ситуация складывалась во многом из-за того, что на начало 1946/1947 учебного года еще 27 школьных зданий были заняты различными предприятиями и учреждениями. В связи с нехваткой зданий ряд школ продолжал работать в три смены. Строительство новых школ велось неудовлетворительно, за 1944 – 1946 годы по всей области строительными трестами было построено всего две большие школы. Остальные школы возводились в порядке инициативного строительства, так например, школа в Киселевском районе была построена исключительно собственными силами двух учителей в течение летнего отпуска [12, л. 45 – 46].

Еще одна проблема, с которой приходилось сталкиваться школам – кадровый дефицит учителей.

Таблица 3

Кадровый дефицит в школах области на начало 1946/1947 учебного года [12, л. 30]

<i>Всего учителей</i>	<i>1 – 4 классы</i>	<i>5 – 7 классы</i>	<i>8 – 10 классы</i>	<i>Итого</i>
	6156	2278	496	8930
Из них без педагогического образования	1691	1197	147	3035
Не замещено должностей по штату	288	218	131	637

Кадровый дефицит сложился в результате того, что существующие пять педагогических училищ и Сталинский государственный педагогический институт не могли удовлетворить потребности в учителях всей области, а многие приезжающие из других областей учителя возвращались обратно в связи с отсутствием жилья (аналогичная ситуация была характерна и для медицинских учреждений). В результате некоторые предметы в ряде школ вообще не изучались, например, не преподавались химия и биология в 8 – 10 классах Топкинской средней школы [12, л. 31].

В послевоенные годы темпы жилищного строительства были не в состоянии решить проблему дефицита жилья. Помимо невыполнения строительными трестами государственных планов, здесь необходимо учитывать, что одновременно шел процесс и убыли жилищного фонда: жилье сносилось из-за начала работ угленосных территорий, кроме того выходило из строя ветхое аварийное жилье. В итоге, к началу 1948 года на одного жителя области приходилось всего 3,6 м² жилой площади [22, с. 285] (при установленной государством нормой в 9 м²). По-прежнему значительную часть жилищного фонда составляли каркасно-засыпные бараки. Так на 1 января 1948 года жилой фонд комбината «Кузбассуголь» составлял 525 тысяч м², в том числе: кирпичные здания – 93 тысячи м², деревянные рубленые здания – 233 тысячи м², каркасно-засыпные здания – 167 тыс. м², землянки и полуземлянки – 14 тыс. м², прочие приспособленные здания – 18 тыс. м² [14, л. 9].

Большое число учреждений по-прежнему не имело своих собственных помещений: Сталинский педагогический институт вынужден был арендовать у Кузнецкого металлургического комбината жилое здание для студенческого общежития, в Белово в одном

двухэтажном деревянном здании размещались родильный дом и общежитие, в Кемерово областной драматический театр работал в одном здании с кинотеатром, также не имел собственного здания театр музыкальной комедии и т. д. [13, л. 1]. Тяжелое положение в области сложилось с детскими учреждениями. По причине закрытия аварийных помещений и срывов планов по строительству новых зданий, к началу 1947 года число детских садов сократилось до 310 [12, л. 41], против 333 в 1945 году.

В рассматриваемый период времени многие города Кузбасса представляли собой несколько далеко удаленных друг от друга рабочих поселков, зачастую не имевших школ, больниц, детских садов. Например, жители поселка «Физкультурник» (Анжеро-Судженск) с населением 10 тысяч человек были вынуждены ходить пешком (из-за отсутствия транспортных связей) в поликлинику, расположенную в пяти километрах. Также из-за отсутствия водопровода население поселка пользовалось водой из заболоченных водоемов, а в зимнее время было вынуждено растапливать снег [15, л. 336].

С 17 по 23 ноября 1948 года в Кемерово состоялась конференция по изучению производительных сил Кузбасса. В ее подготовке приняли участие Госплан СССР, Академия Наук СССР, ряд министерств и их исследовательские институты, кемеровские областные организации, представители крупнейших заводов Кузбасса, а также работники сибирских научных учреждений. На конференции была выдвинута комплексная программа развития Кемеровской области на перспективу, кроме того участники конференции подвели итоги послевоенного развития Кузбасса. Согласно материалам конференции к началу 1948 года в области насчитывалось всего 2002 школы, однако из

них 576 зданий пришло в негодность и требовало замены [22, с. 183, 273]. При минимальной норме классной площади на одного учащегося в 1,25 м², в городских школах Кузбасса приходилось всего 0,48 м². В связи с нехваткой зданий по всей области 91 школа работала в три смены. Сохранялся острый кадровый дефицит: 27 % учителей 1 – 4 классов, 51 % учителей 5 – 7 классов и 33 % учителей 8 – 10 классов не имели педагогического образования [22, с. 272 – 273].

Число средних специальных заведений выросло до 31 [22, с. 272], в области по-прежнему продолжали работать два высших учебных заведения. Одна из главных проблем заключалась в том, что многие учебные заведения не имели для студенческих общежитий даже зданий барачного типа.

Общее число городских и сельских больниц составило 162 [22, с. 281], а число врачей к октябрю 1948 года выросло до 1498 человек [23, с. 191]. В то же время многие города по-прежнему не имели достаточного числа необходимых специалистов, например, Гурьевск и Салаир не имели не одного отоларинголога. До войны на 1000 тысячу человек приходилось 6,8 мест в больничных учреждениях, к 1948 году этот показатель вырос всего лишь до 7,3 [23, с. 191, 193] (при установленной норме в 10 – 12 мест на 1000 человек). По-прежнему многие больницы размещались в аварийных бараках.

Культурные нужды населения в 1948 году обслуживали 365 библиотек, 450 клубов (число сократилось по сравнению с 1945 годом в связи с закрытием

изб-читален), 5 театров, 3 музея. В то же время в 13 городах и 21 поселке области имелось только 15 государственных массовых библиотек (9 из них размещалось в непригодных зданиях) и 10 детских библиотек. Не имело своих клубов 51 крупное предприятие [22, с. 275].

На конференции отмечалось, что строительство культурно-просветительских учреждений в Кемеровской области резко отставало от темпов развития промышленности и сельского хозяйства, роста городов и городского населения.

Таким образом, в течение 1943 – 1948 годов в области наблюдается рост сети учреждений социально-культурной сферы (за исключением детских садов и клубов), однако, на протяжении всего рассматриваемого периода, он достигался не только за счет строительства новых объектов, а также во многом благодаря приспособлению ветхих зданий барачного типа. Однако имевшиеся учреждения не могли полностью удовлетворить потребности растущего населения области. Трехсменные занятия в школах, отказы больным в госпитализации, очереди в детские сады были массовыми явлениями. Проблема недостаточного числа капитальных зданий для размещения школ и больниц усугублялась кадровым дефицитом учителей и врачей. Возможности строительных организаций не позволяли осуществлять массовое жилищное строительство, поэтому дефицит жилья в послевоенные годы сохранялся. Также оставалась нерешенной проблема недостатка воды для нужд населения, вследствие ограниченности водопроводной сети.

Литература

1. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 97.
2. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 112.
3. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 128.
4. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 153.
5. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 205.
6. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 208.
7. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 211.
8. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 102.
10. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 115.
11. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 120.
12. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 198.
13. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 217.
14. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 272.
15. ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 2. Д. 307.
16. Горбунов, В. С. Учителя г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны / В. С. Горбунов // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конференции, 14 апреля 2000 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.
17. Горизонты Кузбасса: экономический очерк. – Кемерово: Книжное изд-во, 1982. – 224 с.
18. Гурьшева, Р. С. Библиотеки г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны / Р. С. Гурьшева // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конференции, 14 апреля 2000 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.
19. Закиров, А. И. Здравоохранение города в годы Великой Отечественной войны / А. И. Закиров // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конференции, 14 апреля 2000 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.
20. Зяблицева, С. В. Коммунально-бытовое обслуживание населения г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны / С. В. Зяблицева // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конференции, 14 апреля 2000 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.
21. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Кемерово: Книжное изд-во, 1978. – 386 с.

22. Народнохозяйственные проблемы Кузбасса. – Т. 3. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
23. Сапожков, П. И. Вопросы здравоохранения в Кузбассе. – Т. 3 / П. И. Сапожков // Народнохозяйственные проблемы Кузбасса. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
24. Спидченко, К. И. Города Кузбасса (экономико-географический очерк) / К. И. Спидченко. – М.: Государственное изд-во географической литературы, 1947. – 148 с.

Информация об авторе:

Ильин Илья Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-903-909-24-39; 51-67-18, ilyin.89@inbox.ru.

Ilya V. Ilyin – post-graduate student at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

УДК 908; 378

РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Н. А. Колодий, Н. Н. Егорова, А. А. Зеленин, К. В. Юматов

TOURISM RESOURCE CENTRES: CONCEPTUAL MODELS AND REALITY

N. A. Kolodiy, N. N. Egorova, A. A. Zelenin, K. V. Yumatov

В статье анализируются результаты исследования, связанного с анализом условий функционирования современного ресурсного центра в индустрии туризма.

The paper addresses the results of studying the conditions required for the functioning of a contemporary tourism resource centre.

Ключевые слова: современный этап развития индустрии туризма, профессиональная подготовка и переподготовка в сфере туризма, дополнительное образование в сфере туризма, ресурсный центр индустрии туризма.

Keywords: contemporary stage of tourism industry development, professional training and retraining of tourism sector personnel, supplementary tourism education, tourism resource centres.

Современный туризм развивается в России сложно и парадоксально. Его развитие можно объяснить лишь обращаясь к современным социальным, экономическим и культуралистским теориям, но и в этом случае исследователи фиксируют отставание социальных теорий от туристских практик, понимаемых предельно широко как «...упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности» [1, с. 137].

Следует констатировать еще и то, что современный этап развития индустрии туризма отличается сложностью и высокой дифференцированностью профессиональной деятельности, что объективно предъявляет высокие требования к уровню и качеству подготовки специалистов. В Российской Федерации существует немало государственных и негосударственных высших учебных заведений, которые готовят кадры для индустрии туризма. Большинство из них основывают подготовку студентов на государственных образовательных стандартах по менеджменту, экономике, социально-культурному сервису и туризму. Вместе с тем, как известно, наша туристская индустрия продолжает испытывать недостаток в профессиональных кадрах.

Развитие туризма в России обуславливает необходимость профессиональной подготовки работников в области туризма через систему дополнительного образования. Проблема нехватки профессионально подготовленных специалистов для сферы туризма сегодня остро стоит во многих регионах. Большинство исследователей приходит к выводу, что «профессио-

нальное образование всех уровней не всегда адекватно реагирует на требования современной экономики» [2, с. 94].

Новые экономические отношения повлияли на процессы, протекающие в сфере туристских услуг, усложнили проблему подготовки кадров, потребовали переосмысления устоявшихся понятий, организационных форм и характера деятельности предприятий туризма. Наряду с государственным сектором экономики вырос негосударственный туристский сектор.

В ситуации, когда туризм все более принимает рыночные формы функционирования, на рынке труда требуются профессионалы, владеющие технологиями и продуктами, знающие основы продвижения туристских услуг, коммуникативно-психологические особенности общения с клиентами, обладающие навыками и умениями туристской специфики. Подготовка кадров должна способствовать росту конкурентоспособности туристского бизнеса, развитию структур предпринимательства, которые обеспечат прибыльность туристской отрасли. Но следует согласиться с тем, что «очевидно противоречие между необходимостью многоаспектного совершенствования современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров сферы туризма и сервиса и дефицитом обоснованных рекомендаций на этот счет» [2, с. 85].

Проведённое исследование отражает требования современного туристского рынка, а также проблемы, возникающие в ходе его динамичного развития (*прим.*

автора: Здесь и далее используются результаты исследования, проведенного участниками проекта TEMPUS «Сеть непрерывного образования в туризме» в декабре 2012 года, а именно:

1) фокус-групп, проведенных в городах: Иваново, Барнаул, Кемерово, Томск;

2) экспертного опроса руководителей департаментов культуры и туризма, руководителей туристических агентств, представителей образования (опрос проводился методом личного интервью)).

Подготовка кадров должна способствовать росту конкурентоспособности туристского бизнеса, развитию структур предпринимательства, которые обеспечивают прибыльность туристской отрасли.

Туристская индустрия в регионах, обладающими высоким туристским потенциалом, развивается высокими темпами. Об этом свидетельствует рост туристской активности, следовательно, с каждым годом сектору туристической индустрии необходимо все больше специалистов, способных обеспечить его дальнейшее развитие.

В ходе фокус-групп участники констатировали: в современных условиях существует зазор между образованием, образовательными технологиями в туризме и реальной практикой организации туризма, что характерно не только для въездного туризма, но и для других видов туризма, распространенных на рынке туризма (выездного и внутреннего).

По мнению участников опроса, минимизировать этот разрыв между теоретическими, концептуальными наработками, научными исследованиями и реальной практикой организации туризма, управления в туризме можно создав систему дополнительного образования.

«Кроме системы дополнительного образования можно интегрировать в существующую систему вузовского образования практические дисциплины, мастер-классы, семинары, тренинги и т. д. Необходимо ввести и дистанционное образование, диалоговое обучение...» (мнение председателя комитета по вопросам туризма, спорта и молодежной политики Кемеровской администрации).

В Иваново участники фокус-группы в качестве приоритетных направлений деятельности выделили следующие:

- корректировка существующих образовательных программ в сфере туризма;
- привлечение специалистов-практиков к образовательной деятельности;
- более тесное сотрудничество с субъектами туристического бизнеса при организации; организация курсов повышения квалификации работников сферы туризма.

По мнению всех участников, решение проблемы несоответствия между теоретическими, концептуальными наработками, научными исследованиями и реальной практикой организации туризма, управления в туризме возможно при создании ресурсных центров. Магистральной линией деятельности ресурсных центров должна стать система дополнительного образования. Научно-исследовательскую и информационно-коммуникативную деятельность могут и должны вести вузы. Программами дополнительного образования могут заниматься ресурсные центры. Следовательно,

существует необходимость в специальных обучающих программах, которые бы комбинировали в себе теоретические знания с практическим опытом (применение теории на практике). Предприниматели в сфере туризма, представители органов власти в области туризма видят единство теории и практики как основу профессионального обучения как важную составляющую на всех профессиональных уровнях. На их взгляд, самый приемлемый уровень образования – профессиональное обучение в виде системы дополнительной переподготовки.

Система дополнительной профессиональной переподготовки должна стать основной формой реализации задач в получении необходимых знаний, умений и навыков работниками туристской сферы. Большинство участников опроса отметили, что согласны с необходимостью проведения краткосрочных курсов, которые станут наиболее оптимальными для улучшения качественной составляющей туристского образования. Работодатели преследуют краткосрочные цели, нуждаясь уже сегодня в персонале, владеющем знаниями и навыками в сфере туризма.

«Годовые программы – это слишком большой период времени. Не эффективно. За год работы в агентстве менеджер (или сотрудник в гостинице, экскурсовод в туроператорской компании и т. д.) уже получит достаточный объем информации и навыков. Максимум трехмесячные курсы. На наш взгляд оптимально 72 – 120 часов» (позиция директора туристического предприятия: ТА «Вершина» г. Кемерово). Актуальность программ дополнительного профессионального образования туристских кадров определяется тем, что они формируют у выпускника:

- высокий уровень теоретической подготовки в области профессиональных дисциплин, учитывающий тенденции современного общественного развития, включение в учебный процесс ведущих отечественных и иностранных специалистов в сфере подготовки туристских кадров;
- развитие навыков аналитической деятельности, выполнение проектов, направленных на практическое применение современных методик и технологий организации деятельности туристских предприятий;
- развитие навыков комплексного анализа деятельности туристского предприятия и тенденций развития туристского рынка;
- оптимальное соотношение в учебном процессе теоретического и практического обучения;
- личностно-ориентированный подход к образовательному процессу, ориентированный на выработку ответственного отношения к результатам своей профессиональной деятельности;
- аспект саморазвития, где делается акцент на организацию профессиональной деятельности, в рамках которой специалист ориентирован на постоянное профессиональное самосовершенствование.

Эти конкурентные преимущества выпускников программы должны обеспечить способность принимать решения и действовать в конкурентных условиях, как правило, значительно продуктивнее и эффективнее специалистов, уже работающих в туристической отрасли.

Ресурсные центры должны сосредоточиться в обучении на сфере организации всех видов туризма, так ответили 50 % опрошенных. Мнение остальных участников разделилось следующим образом: сфера организации въездного туризма – 30 %; технологии внутреннего туризма – 20 %. Таким образом, программы дополнительного образования также должны быть «увязаны» со всеми видами туризма так считают 50 % участников фокус – группы в Иваново, Кемерово. Такой подход к кадровой подготовке будет способствовать развитию на территории регионов России различных видов туризма, во всей его многогранности и многоаспектности. Если ранжировать всю систему образовательных программ в ДПОУ, то нужно выделить такие закономерности. Первое место занимает программа: технологии продаж услуг туристической индустрии – 26 % участников всех фокус-групп отметили это. Далее места распределились следующим образом:

- рекламное обеспечение тура, пиар и выставочная деятельность в туризме – 21 %;
- информационные и Интернет-технологии в туристической индустрии – 21 %;
- методы разрешения и предупреждения конфликтов в туризме и гостеприимстве – 19 %;
- технологии развития въездного и внутреннего туризма – 17 %.

В Алтайском крае участники выделили такие базовые курсы, которые самым тесным образом связаны с магистральными тенденциями развития сферы услуг в туризме:

«Нужны курсы, отражающие следующие направления: проектирование, разработка и реализация инновационных программ (в процессе обслуживания туристов); иностранный язык в обслуживании туристов; продвижение турпродукта (маркетинг); повышение сервиса в средствах размещения туристов; менеджмент в туристской и гостиничной организации. Необходимо активизировать проектно-технологическую деятельность в туристских организациях, осмыслить технологию продаж; делового общения; использование местных достопримечательностей в туристских программах. Необходимы такие дисциплины как:

- «Организация и управление малым объектом размещения туристов»;
- «Тайм менеджмент и профессиональное саморазвитие»;
- «Организация продаж зарубежных туров»;
- «Организация продаж туров по России»;
- «Интернет-технологии и психология программного обеспечения продаж, обслуживания»;
- «Повышение сервиса в средствах размещения туристов»;
- «Менеджмент в туристской и гостиничной организации» (позиция президента Алтайской региональной ассоциации туризма).

Разработка более широкой образовательной программы будет отвечать, по мнению участников группы, всем необходимым требованиям туристского рынка. Это обусловлено тем, что в современных условиях сфера услуг не может развиваться отдельно от потребностей и ожиданий пользователей. Поэтому, главное, что необходимо утвердить в качестве цели –

качество и эффективность туристского образования для того, чтобы гарантировать качество и эффективность в индустрии туризма. В связи с этим, участники опроса отметили, что и среди ряда предлагаемых специализированных, более узко-ориентированных программ можно использовать в качестве обучаемого ресурса программу «Туризм и гостиничное хозяйство» – 120 часов.

«Существует необходимость формирования тренинговых центров в местах концентрации средств размещения туристов (гостиниц, гостевых домов). Со стороны местных жителей, владельцев гостевых домов есть определенное недоверие к преподавателям. Целесообразно начинать с обсуждения ситуаций в туризме, максимально пытаться заинтересовать слушателей. Более эффективны 2 – 3 дневные семинары» (так считает нач. отдела Главного управления сельского хозяйства Администрации Алтайского края, ответственный за развитие сельского туризма).

Организация ресурсными центрами отдельных программ обучения для экскурсоводов, проводников, гидов-переводчиков также считают целесообразным преимущественно все участники опроса.

Построение программ по модульной системе, предлагаемой в ходе опроса: экономический модуль, статистический модуль + маркетинг + менеджмент + право, является, на взгляд участников фокус-группы, наиболее оптимальной формой реализации образования. При этом все указали на первостепенное место в образовательных программах мастер-классов, тренинговых занятий. Данный подход обладает следующими преимуществами:

1) предполагается наличие постоянной обратной связи с позицией работодателей в определении требований к знаниям, умениям и навыкам работников;

2) в пределах одного модуля осуществляется комплексное освоение знаний, умений и навыков в рамках формирования конкретной компетенции, которая обеспечивает выполнение конкретной трудовой функции, в отличие от традиционного подхода, когда изучался один предмет (модуль) без взаимосвязи с другими знаниями, умениями, навыками;

3) обучающийся имеет возможность осуществлять непрерывное образование, приучается брать на себя ответственность за собственное обучение, а в дальнейшем – за собственный профессиональный рост и карьеру;

4) интегрируются теоретическая и практическая составляющие обучения: обеспечивается переосмысление места и роли теоретических знаний в процессе освоения компетенций, их упорядочивание и систематизация, что в конечном счёте приводит к повышению мотивации обучающихся в их освоении;

5) имеется возможность оперативно обновлять или заменять конкретные модули при изменении требований к специалисту вследствие изменений в технологиях организации труда, обеспечивая качество подготовки специалистов на конкурентоспособном уровне;

6) имеется возможность применять одни и те же модули в нескольких учебных программах;

7) имеется возможность индивидуализировать обучение для каждого обучающегося исходя из его

уровня знаний и умений и предыдущего обучения путём комбинирования необходимых модулей;

8) контроль качества полученного образования заключается не только в оценке уровня освоения дисциплин, но и в оценке компетенций обучающихся.

Модули представляют собой законченные "порции знаний и навыков" и включают все необходимые для учёбы компоненты: от формулировки целей обучения до финальных экзаменов и оценки слушателями качества модуля.

Кроме того, как отметили участники группы, в сфере туризма мастер-классы, тренинговые занятия должны существовать во всех видах профподготовки, отдавая при этом предпочтение мастер-классам.

Таким образом, эффективность ресурсного центра будет обусловлена проведением, в ходе реализации программы, мастер-классов, тренингов, а также различных форм интерактивного обучения. Предпочитаемые области изучения – определенные обучающие программы по всем видам туризма, содержащие модульную систему, что предполагает обучение специалистов с помощью multidisciplinary подготовки, которую можно было бы приспособить к определенным функциям каждой профессиональной категории. Предприниматели туристской сферы также идентифицировали свои приоритеты для базовых и технических знаний и персональные навыки, которые они считают необходимыми для каждого профессионального уровня.

Базовые элементы модели конкурентоспособности специалиста в сфере туризма и структура базовой модели подчиняются следующей логике: объекты освоения в процессе подготовки; требования к личностным качествам будущего специалиста; требования к умениям, навыкам и способности работника к деятельности. На современном этапе развития отрасли туризма в результате нашего исследования можно четко выявить профессиональную модель специалиста сферы туризма.

Наиболее подходящая сфера для приобретения навыков и знаний, требуемых для выполнения задач, связанных с турбизнесом, это ресурсные центры. Желательное сочетание теории и практики предполагает тесное взаимодействие организаторов дополнительного образования и предпринимателей сферы туризма в составлении программ обучения. Базовые профессиональные компетенции должны обсуждаться с работодателями, представителями турбизнеса, туристских организаций на этапе составления программ дополнительного образования. Недостаток качества образования должен восполняться специальным обучением, содержащим необходимые компетенции, которое повысит производительность и должно быть включено непосредственно в учебную программу дополнительного образования. Обучение должно расширять интеллектуальные способности специалистов туротрасли. Лучшим методом сотрудничества между учебными ресурсными центрами и туристскими организациями является развитие профессионализма, который определяется как подготовкой специалистов, так и формированием трудоспособности и правильного способа достижения мастерства.

Основными первостепенными компетенциями, которыми должен обладать выпускник ДПО должны стать – узкоспециализированные знания, а также знания и навыки эффективного общения. Однако необходимо отметить, что 30 % опрошенных считают: *«Такие компетенции, как знания и навыки стратегического мышления также необходимы для выпускников ДПО»*.

Заметим тот факт, что для предпринимателей считается качественным то образование и система подготовки, где умения и знания работников действительно отвечают ожиданиям или потребностям рынка. В противном случае, имеют место пробелы и недостатки в обучении, которые в большей или меньшей степени оказывают влияние на развитие туристской отрасли в целом. Все эти пробелы в подготовке определяются в этом исследовании, как сравнение между умениями и знаниями, которые участники группы считают существенными для работников турбизнеса, либо которые отсутствуют у последних. Цель заключалась в выявлении недостатков и определении существующей ситуации, которая сложилась при подготовке специалистов сферы туризма и определении желаемой ситуации для дополнительного обучения посредством выявления приоритетных умений и знаний, которыми, по мнению участников группы, должны обладать такие специалисты. В связи с этим необходимо, определить умения и знания, которые считаются наиболее нужными для работников сферы туризма, установить общее мнение участников группы для выявления и затем устранения качественных пробелов в подготовке специалистов в сфере туризма.

Наиболее востребованные знания и навыки в различных направлениях туристской деятельности, можно расположить в порядке приоритетного значения, следующим образом: нормативно-правовая база в туризме, география туризма, страноведческие знания, особенности создания турпродукта, знание туристских формальностей, межличностное общение, экономика туризма, технологии продаж, управление персоналом, деловые коммуникации, знание теорий менеджмента. Самым подходящим было бы вооружить работников обозначенными умениями и навыками. Так как большая часть работников туристского сектора не обладают вышеперечисленными компетенциями или обладают в разной степени. Предприниматели все-таки хотели бы использовать работников, которые не испытывают недостаток в междисциплинарной подготовке туристской сферы. Это касается, в первую очередь базовых и специальных технических знаний и умений, а также личностных и межличностных умений, необходимых для работы в команде и общения с туристами.

Литература

1. Лысикова, О. В. Российские туристы: типы идентичности и социальные практики / О. В. Лысикова // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 136 – 143.
2. Злоказова, Н. Е. Международный опыт подготовки кадров сферы туризма и сервиса в решении задач кадрового обеспечения Олимпиады «Сочи-2014» / Н. Е. Злоказова // Вестник Международных организаций. – 2008. – № 7 – 8(22). – С. 85 – 97.
3. Асанова, И. М. Экономика и управление в сфере услуг / И. М. Асанова // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1(37).
4. Чернышева, А. П. Создание образовательного центра: цели и задачи проекта / А. П. Чернышева // Маркетинг услуг. – 2010. – № 4(24). – С. 312 – 323.
5. Радьков, А. О кадрах для туристической отрасли / А. Радьков. – Режим доступа: http://www.akvobr.ru/radkov_kadry_dla_turizma.html (дата обращения: 12.04.2013).

Информация об авторах:

Колодий Наталья Андреевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии и социальной коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, kolodi@rambler.ru.

Natalia A. Kolodiy – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Social Communication, National Research Tomsk Polytechnic University.

Егорова Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, Кузбасская ассоциация предприятий туристической индустрии, egorovann@list.ru.

Natalia N. Egorova – Candidate of Economics, Associate Professor, Kuzbass Association of Tourist Industry Enterprises.

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей отечественной истории, начальник департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области, zelenin@kemsu.ru.

Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Head of the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University; Head of Kemerovo Region Department of Youth Policy and Sport.

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений КемГУ, yumatov@list.ru, yumatov@kemsu.ru.

Konstantin V. Yumatov – Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 323. 281 (093) (571.1/. 5): 930. 25 (470.4)

ДОКУМЕНТЫ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПОДПОЛЬЕ СИБИРИ НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ ПОВОЛЖЬЯ С. В. Макаrchук

DOCUMENTS ON THE SOCIALIST UNDERGROUND OF THE EARLY 20th CENTURY SIBERIA IN THE ARCHIVES OF THE VOLGA REGION S. V. Makarchuk

Изучается отражение подпольного социалистического движения в Сибири начала XX века в документах, сохранившихся в архивах Поволжья. Показано значение документации поволжских архивов для комплексного изучения сибирского социалистического подполья. Приводимые исторические документы впервые вводятся в научный оборот.

The paper addresses the reflection of the underground socialist movement in the early 20th century Siberia in the documents that survived in the archives of the Volga region. The importance of the Volga region's archives documentation for the integral study of the Siberian socialist underground is revealed. The historical documents analysed in the paper are introduced into scientific use for the first time.

Ключевые слова: Сибирь, Поволжье, документальные фонды, архивы, суды, жандармские управления, охранные отделения, социалистическое подполье, социал-демократы, социалисты-революционеры.

Keywords: Siberia, the Volga region, documentary collections, archives, courts of law, gendarmerie, security departments, socialist underground, social democrats, socialist revolutionaries.

Государственные архивы прилегающих к Сибири регионов Урала и Поволжья содержат ценные документальные сведения о социалистическом движении на обширной территории от Уральских гор до Тихого океана. Они в основной массе остаются не востребованными сибирскими историками, изучающими общественно-политические процессы в регионе. Нами предпринимались попытки показать значение документов уральских архивов для всестороннего изучения сибирского политического подполья [1]. В данной статье ставится цель проанализировать документы некоторых архивохранилищ Поволжья применительно к исследованию социалистического подполья в Сибири в начале XX века. Вследствие большей отдалённости Поволжья от сибирских регионов в его архивохранилищах сохранилось гораздо меньше, чем на Урале, документов, характеризующих общественно-политическое движение в Сибири и на Дальнем Востоке.

Для изучения подпольного революционного движения большое значение имеют документы судов. В судебном отношении Сибирь входила в округа Омской и Иркутской судебных палат и только Тобольская губерния вместе с Тобольским окружным судом входили в сферу деятельности Казанской судебной палаты. В Центральном государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ) хранится фонд 51 – Казанская судебная палата, где представлены материалы не только по Тобольской губернии, но и по другим регионам Сибири и Дальнего Востока. Особый интерес представляет судебное дело, касающееся функционирования Всероссийского общесеминарского союза в 1907 г., местные отделы которого находились под влиянием партийных организаций социалистов-революционеров и социал-демократов. Судом установлено, что при выемке и осмотре корреспонденции в Вятской почтово-телеграфной конторе оказалось 46 телеграмм, поданных в разные города империи выпускником Вятской духовной семинарии Кривошеинным [2, л. 18]. При обысках были найдены также многочисленные письма из Тобольского духовного училища [2, л. 699]. По данным суда в Вятку, в отделение общесеминарского союза, пришло письмо из Благовещенска с адресами и просьбой присылать «всё что выйдет» и «всё что найдёте нужным» [2, л. 697 об.]. Вся переписка «имела отношение к деятельности ЦК Всероссийского общесеминарского союза» в т. ч. в городах Якутске, Благовещенске, Иркутске, Тобольске, Томске [2, л. 18 – 19].

Но, всё же, в фонде Казанской судебной палаты преобладают уголовные дела, а в фонде 89 – Прокурора Казанской судебной палаты в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) нами не найдено материалов, касающихся Сибири. Во многом это связано с тем, что после поражения революции 1905 – 1907 гг. в Екатеринбурге действовала Выездная сессия Казанской судебной палаты, фонд которой (ф. 184) сохранился в Государственном архиве Свердловской области (ГАСВО). Дело, касающееся собственно организаций РСДРП или ПСР Тобольской губернии, в фонде нет, но сохранились обвинительные заключения по отдельным социал-демократам и эсе-

рам, связанным так или иначе с подпольными организациями Сибири.

В обвинительном заключении по делу Е. А. Преображенского, обвиняемого в принадлежности в 1908 г. к Челябинской организации РСДРП, сказано об изъятии у него «Устава профессионального союза работающих в портняжных и шапочных мастерских в г. Тюмени» [3, л. 299]. Евгений Алексеевич Преображенский являлся членом Уральского областного бюро РСДРП. Он немало сделал для установления партийных связей подпольных организаций Поволжья, Урала и Сибири, в т. ч. стал организатором проведения областной конференции РСДРП в г. Вятке. До 1917 г. вёл подпольную работу в городах Урала и Сибири. После октябрьского переворота один из высших руководителей коммунистической партии: секретарь ЦК, член редколлегии «Правды». В 1937 г. необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно [4].

Особый интерес представляет обвинительный акт по делу Ольги Ивановны Патлых за принадлежность в 1907 г. к Пермской организации РСДРП [5, л. 16 – 22]. Следственные материалы по этому делу сохранились и в других архивах Урала, Поволжья и Сибири. Так, из материалов Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИАРБ) следует, что квартира Двиняновой (девичья фамилия О. И. Патлых), являлась «явочной как для известного разбойника Лбова, так и для его шайки» [6, л. 428]. В дальнейшем О. И. Патлых совместно с мужем Николаем Павловичем активно работают в социал-демократической организации Красноярска. Из документов Красноярского госархива следует, что Н. П. Патлых с 1905 г. являлся членом Пермского комитета РСДРП, а с 1909 г. проходил по наблюдению за социал-демократической организацией в Казани. После обыска перебирается в Красноярск и входит в местную группу РСДРП [7, л. 6, 95].

Находясь в Красноярске, супруги Патлых были привлечены по делу работы в социал-демократических организациях Поволжья, Урала и Сибири. Об этом свидетельствует переписка, находящаяся в фонде Казанского губернского жандармского управления (ГЖУ). Из переписки следует, что в июне 1910 г. Николай Павлович проходил по делу Казанской организации РСДРП, а Ольга Ивановна – Пермской организации РСДРП [8, л. 125]. Начальник Пермского ГЖУ сообщал в Казань: «...сообщаю, что супруги Николай Павлов и Ольга Иванова Патлых в период проживания их в гор. Перми принимали деятельное участие в работе местной организации РСДРП, причём первый принадлежал к «меньшевистской» группе, а вторая примыкала к преобладавшей группе «большевиков» [8, л. 364].

Начальник Пермского ГЖУ называет «сплетней» распространяющиеся в среде социал-демократического подполья слухи о якобы провокаторской деятельности «Ольги Ивановны» и «Николая Павловича». Эта сплетня, по мнению главного пермского жандарма, пущена «...кем-либо из «дам» ничего общего с партийностью не имеющих» [8, л. 364 об.]. «Поводом о возникновении толков о провокации супругов, – считает жандарм, – могло послужить то, что О. И. Патлых в 1907 г. при ликвидации Пермской орг.

с-д, будучи привлечена к дознанию после суда некоторое время оставалась на свободе по причинам чисто семейных условий» [8, л. 365 об.].

Фонд Казанского ГЖУ содержит и другие свидетельства связей социал-демократов Казани с Красноярском и Енисейской губернией. Часто их поддерживали политические ссыльнопоселенцы. Так, в 1910 г. ссыльнопоселенец деревни Тихоновка Бельской волости Енисейской губернии П. А. Серебряков получил из Казани письмо от некоего «Василия» со своеобразной характеристикой местного подполья: «Скоро месяц как я в Казани. Какой-то затхлостью веет от неё. Относительно публики, то стоит ли говорить, здесь нет людей, здесь людишки, погрязшие в тину обыденно узко-мещанского эгоизма...» [9, л. 67 – 68]. В апреле 1912 г. при ликвидации Казанской группы РСДРП у В. А. Симонова среди адресов обнаружены: «Красноярск. Главная ж/д мастерская – конторщик механического цеха Александр Боровков» [10, л. 40].

Документы фонда дают возможность проследить связи местных подпольщиков и с другими городами Сибири. В распоряжении управления оказалась копия перлюстрированного письма от 10 декабря 1910 г. из Иркутска в Якутск Петру Черных: «Сегодня проводил на вокзал двух человек из нашей партии: Богданова и Ланно. Едут в Москву». Сам отправитель сообщает, что выезжает в Казань и оставляет адрес для переписки: «Казань, Нижне-Федоровская улица, дом Кюльхеровского. Косте Сотонину». При «разработке» адресата казанскими жандармами установлено, что Сотонин является «очень серьёзным революционным деятелем партии социалистов-революционеров» [9, л. 310 – 311].

Поводом для жандармской «разработки» и выяснения «связей» могла стать даже незначительная фраза из перлюстрированного письма. Особенно это касалось сибирских адресов, т. к. нахождение связи с политссыльными считалось удачей для жандармского ведомства. В 1908 г. было «перехвачено» письмо некой «Лидии» из Казани в Тобольск на имя Софьи Рувимовны Алесковской, в котором она писала, что нужно «сжиться с народом», бороться против его темноты. Кроме того, неизвестная Лидия хорошо отзывалась о лекциях в Казанском университете кадета, профессора Фирсова. Всё это послужило причиной заведения обширной «переписки» и выяснения политической благонадёжности обеих дам. В результате выяснилось, что «Лидия» – Лидия Фишман, дочь купца, училась в Тобольске, а Алесковская – ученица фельдшерской школы. Обе «ни в чём предосудительном в политическом отношении замечены не были» [11, л. 59 – 65].

Важным документальным источником для изучения политического подполья является переписка начальника Казанского ГЖУ с вышестоящими организациями и начальниками ГЖУ других губерний. В ней иногда содержатся сведения о сибирском подполье и связанных с ним политических событиях. В 1910 г. Министерство внутренних дел в своём письме ставило в известность Казанское ГЖУ, что «в Париже возник комитет по организации денежной помощи отбывающим в тюрьмах Европейской России и Сиби-

ри каторгу политическим преступникам». Обращалось внимание, что комитет принял меры к образованию в различных местностях групп лиц, сочувствующих его идее, причём каждый член группы делает ежемесячные взносы [9, л. 263].

Начальник Самарского ГЖУ отправил в июне 1910 г. начальнику Казанского ГЖУ письмо следующего содержания: «Начальник Омского жандармского управления запиской от 27 марта сего года за № 887 уведомил меня, что в феврале сего года из Омска выехал в село Новую Кармалу, Самарского уезда... Пётр Андреев Мещанкин, видный партийный работник по партии социалистов-революционеров». В письме сообщалось, что П. А. Мещанкин был арестован в июле 1909 г. при ликвидации Омского комитета ПСР – «после освобождения из под стражи Мещанкин в Омском Управлении состоял секретным сотрудником и за время полугодия служения не дал ничего, несмотря на большой получаемый оклад и по сведениям подерживает связи с партийными работниками» [9, л. 324].

Переписка начальников ГЖУ свидетельствует также о связи социал-демократического подполья Казани с Томском. Из переписки с начальником Томского ГЖУ следует, что в апреле 1910 г. при ликвидации Казанской организации РСДРП отобраны: свидетельство управляющего акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области от 19 января 1904 г.; свидетельство Томского городского полицейского управления за январь 1904 г. для проживания на территории Российской Империи; обязательство Томского общества взаимного кредита [8, л. 368]. Привлечённые в 1910 г. по делу социал-демократической организации Казани Г. М. Кувалдин и Т. Ф. Субботин избрали местом для отбывания надзора г. Томск и этапным порядком направлены в ведение томского губернатора [8, л. 483]. В 1914 г. Томское ГЖУ отвечало по запросу Казанского ГЖУ, что А. И. Котляров подвергся обыску при ликвидации 31 декабря 1906 г. тайной типографии томского социал-демократического комитета. Он же участвовал в незаконных сходках, бывших в здании Томского технологического института 20 октября 1907 г. и 17 января 1911 г. Выбыл из Томска 21 июня 1914 г. [12, л. 11].

В фонде Казанского ГЖУ содержатся агентурные сведения по местным анархистам [13], но в них связей с сибирскими анархистскими группировками не прослеживается. Это объясняется тем, что анархисты не признавали централизованной долговременной организации, а создавали временные малочисленные группы для совершения конкретного действия – теракта или экса. После этого группа моментально распадалась, стараясь не оставить после себя никаких следов. Отследить связи таких групп для жандармов было затруднительно.

В фондах ГЖУ других губернских центров Поволжья также сохраняется переписка начальников управлений с коллегами, в т. ч. из сибирских губерний: справки о неблагонадёжных лицах; агентурная информация; материалы обысков; отчётность перед вышестоящими органами; выписки из перлюстрированной корреспонденции. В этом потоке документации, как мы уже видели на примере Казанского ГЖУ,

встречаются данные и о сибирском социалистическом подполье. Небольшой объём статьи позволяет привести лишь отдельные примеры по некоторым другим ГЖУ Поволжья.

В фонде 489 – Самарское губернское жандармское управление, Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) сохранилось письмо начальника Иркутского охранного отделения, характеризующее сходку местной организации РСДРП 29 августа 1908 г. На сходке задержаны: ученик Иркутского горного училища А. В. Коваленко, Ф. Г. Тормасов, С. Р. Травников. В переписке, взятой у этих лиц, значился и адресат в Самаре: «Самара. Мостельная улица, второй временный лазарет Д. Пушкина. Илья Онтонич Терехин» [14, л. 34]. В 1909 г. начальник Красноярского ГЖУ сообщал начальнику Самарского ГЖУ о прехвате агентурным путём письма из Самары на имя ученицы Красноярской фельдшерской школы Анны Грозницкой, подозреваемой в принадлежности к социал-демократам. В этой же переписке, проходящей по направлению «с.-д.» сообщалось о таинственном «Красноярском деле», которое можно считать прекращённым вследствие вступления в силу приговора некому «Ив. Мих.» [14, л. 82].

В 1909 г. в Самарское ГЖУ поступил запрос от начальника Красноярского ГЖУ о содержащемся в самарской тюрьме А. А. Мельникове. По запросу был отправлен ответ: «Александр Александрович Мельников в 1905 г. в Красноярске принимал участие в вооружённом восстании, был заточён в тюрьму, из которой бежал» [14, л. 81]. В одном из писем начальник Самарского ГЖУ сообщал коллегам, что при Самарской организации РСДРП существовала организация Красного Креста и бежавшие из Сибири через Самару партийные работники снабжались паспортами и другими документами [14, л. 30].

В фонде содержатся полученные агентурным путём документы рабочей делегации Совещания областных военно-промышленных комитетов, состоявшегося в Самаре 13 – 15 декабря 1916 г. Среди представителей 12 городов на нём присутствовал делегат из Омска. Он примкнул к рабочей делегации, которая приняла специальную резолюцию об отношении к войне. В ней говорилось о необходимости вступления государств «на путь мирных переговоров ... для ускорения ликвидации войны в интересах международного пролетариата» [15, л. 14 – 15]. Резолюция, таким образом, выразила поддержку социал-демократам – интернационалистам.

Среди документации Самарского ГЖУ сохранилась жандармская справка о партийно-политической деятельности видного работника социал-демократического подполья Вергилия Леоновича Шанцера (партийная кличка «Марат»). В справке отражено и его пребывание в сибирской ссылке. Первый раз он был сослан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции 17 января 1902 г. По отбытии ссылки в 1905 г. прибыл в Москву, но за участие в подпольной работе, вновь арестован и сослан в Енисейскую губернию сроком на 5 лет, откуда бежал в октябре 1906 г. В апреле 1907 г. вновь арестован в Петербурге, содержался в красноярской тюрьме, а затем водворён на жи-

тельство в село Богучанское. В 1908 г. за революционную деятельность переназначен губернатором в Туруханский край, откуда скрылся» [16, л. 95]. После этого В. Л. Шанцер не появлялся в Сибири. Он вёл партийную и революционную работу за границей и в Москве, где скончался в результате тяжёлой болезни 29 января 1911 г. [17].

В Государственном архиве Кировской области (ГАКиО) в фонде 714 (Вятское ГЖУ) содержится письмо начальника Томского ГЖУ начальнику Вятского ГЖУ, датированное июлем 1909 г. В нём обращается внимание на подпольную работу в Томске уроженца Вятской губернии, впоследствии крупного партийного и государственного деятеля СССР С. М. Кирова (настоящая фамилия – Костриков). Начальник Томского ГЖУ сообщал: «Мещанин гор. Уржума Сергей Миронов Костриков привлечён мною к дознанию по делу обнаруженного в г. Томске тайника с частями печатного станка (типография социал-демократической организации) по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. и принятыми мерами розыска в настоящее время не обнаружен. Прошу распоряжения о сообщении мне всех имеющихся у Вас о нём сведений: о его связях, занятиях, судимости и вообще о его политической благонадёжности, а равно о принятии мер розыска его на родине» [18, л. 750].

Документы Вятского ГЖУ указывают на связи социалистического подполья Волго-Вятского региона с Сибирью. По сообщению начальника Иркутского ГЖУ такая связь осуществлялась через проживающую в Забайкалье «известную эсдечку» Е. М. Хрущёву [19, л. 77]. Связи с Сибирью имел эсер Н. И. Кондорский, служащий корреспондентом газеты «Вятская речь» и публикующий корреспонденции, касающиеся сибирских губерний [20, л. 6].

В Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) также сохранился фонд 53 – Саратовское губернское жандармское управление. В восьми описях фонда содержатся дела, характеризующие социалистическое подполье и его связи [21]. Но наибольший интерес представляет фонд 51 – Поволжское районное охранное отделение, в котором содержатся дела политической «охранки», касающиеся всего поволжского региона. В сводках агентурных сведений можно найти данные и о сибирском политическом подполье. Так, в одной из агентурных сводок сообщалось, что в посаде Дубовка, Царицынского уезда, в 1908 г. местные группы эсеров и эсдеков объединились. Библиотекарем и кассиром объединённой группы стал фармацевт Гейман, по кличке «Сибиряк». Полицейская «разработка» выяснила, что С. В. Гейман – из мещан г. Иркутска. В 1905 г. привлекался Иркутским ГЖУ по делу социал-демократов, а в 1906 г. привлекался в г. Царицыне по делу об объединённых группах с-р и с-д и отбывал по приговору Саратовской судебной палаты по этому делу наказание в царицынской тюрьме. В октябре 1907 г. Гейман выехал в Иркутскую губернию и «более о нём сведений не поступало» [22, л. 76 – 77].

В 1909 г. агенты внутреннего наблюдения сообщали, что центральную роль среди социал-демократов г. Саратова занял зубной врач Л. Х. Беркович (кличка наблюдения «Кирилловский»). К нему с ре-

комендательным письмом приехала «нелегальная социалдемократка, девица-еврейка, бежавшая из сибирской ссылки». Беркович достал ей паспорт на имя саратовской мещанки Н. И. Хлестовой [22, л. 6]. В 1913 г. в охранное отделение поступили сведения о том, что проходящий наблюдение за членами Киевской организации партии социалистов-революционеров Е. И. Лагунов (кличка «Цукерный») имеет связи с Саратовом. В «охранке» о нём было известно следующее: в 1910 – 1911 гг. находился в сношениях с политическим сыльным М. П. Забиранниковым, бывшем в ссылке в селе Черемхово Иркутской губернии, а в 1912 г. – «являлся получателем документа из Иркутска от брата своего Бориса, покушавшегося на жизнь начальника Зерентуйской каторжной тюрьмы Высоцкого [22, л. 98].

В фонде Поволжского районного охранного отделения можно найти циркуляры и переписку департамента полиции с начальником Саратовского ГЖУ. В 1908 г. в департаменте стало известно о перлюстрированной переписке некой «Нади» из Санкт-Петербурга с Поповым из Омска, в которой сообщалось о посылке «от Центрального комитета социал-демократической рабочей партии большевиков для сорганизования на Урале разрушенных организаций». Циркулярные письма по этому поводу были направлены начальником департамента полиции в жандармские управления и охранные отделения восточных регионов страны [23, л. 6].

Государственный архив Саратовской области содержит и другие документальные фонды, требующие тщательного изучения на предмет содержания в них сведений, характеризующих сибирское политическое подполье и его связи с подпольем Поволжья. Прежде

всего, это фонд 52 (Тамбово-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог), ф. 83 (Саратовское сыскное отделение), ф. 57 (Саратовское охранный отделение). В отношении политической ориентации ученических организаций интерес представляет фонд 92 (Попечитель Казанского учебного округа) Национального архива республики Татарстан. В Казанский учебный округ в рассматриваемый период входили и территории Сибири. В фондах воспоминаний поволжских революционеров также можно наткнуться на сибирские сюжеты. Так, в фонде 6810 (Коллекция личных документов) в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО) содержатся воспоминания И. Я. Возжаева, подробно описывающие стачку плотников весной 1915 г., работавших у подрядчика Бамбулевича на Русском острове во Владивостоке [24, л. 1].

Документы архивов Поволжья дополняют исторические знания о социалистическом подполье в Сибири и его общественно-политических связях с другими регионами страны. Большинство приведённых в статье фактов по разным причинам не нашли отражения в сибирских архивах и впервые вводятся в научный оборот. Они способствуют целостному пониманию феномена социалистического подполья, позволяя выявить его особенности и закономерности. Значение документации поволжских архивов для комплексного изучения сибирского социалистического подполья показано лишь на небольшой части документов некоторых архивов. Подробное изучение архивных фондов несибирских регионов страны в отношении сибирского политического подполья ждёт своего следователя.

Литература

1. Макаrchук, С. В. Документы о социал-демократическом движении в Сибири начала XX в. в архивах Урала / С. В. Макаrchук // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – С. 352 – 361.; Макаrchук, С. В. Документы Государственного архива Пермского края как источник изучения Тюменской организации партии социалистов-революционеров в начале XX в. / С. В. Макаrchук // Документ как социокультурный феномен. – Томск: Изд-во ТГУ, 2010. – С. 404 – 409; Макаrchук, С. В. Революционный экстремизм на Урале в начале XX в. / С. В. Макаrchук // Социально-правовые, гендерные и политические аспекты противодействия экстремистской деятельности. – Кемерово, 2011. – С. 107 – 113.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), Ф. 51. Оп. 9. Д. 213.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСвО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 55.
4. Политические деятели России 1917: Биографический словарь. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1993. С. 259 – 260; Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное издание. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 120 – 133.
5. ГАСвО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32.
6. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. И-187. Оп. 1. Д. 372.
7. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1350; Д. 805.
8. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1070.
9. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 758.
10. НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1286.
11. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 560.
12. НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1483.
13. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 642.
14. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 1238.
15. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2345.
16. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2488.

17. Виноградов, С. Ф. Его звали Маратом: документальная повесть / С. Ф. Виноградов. – М.: Госполитиздат, 1967.
18. Государственный архив Кировской области (ГАКиРО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1072.
19. ГАКиРО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1290.
20. ГАКиРО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1356.
21. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 16, 51, 18.; Оп. 5. Д. 33.
22. ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10.
23. ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 141.
24. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 6810. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

Информация об авторе:

Макарчук Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России КемГУ, makar@kemsu.ru.

Sergey V. Makarchuk – Doctor of History, Professor at the Department of History and Culture of Russia, Kemerovo State University.

УДК. 94/99

НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ XX ВЕКА

Д. С. Орлов

MISUSE OF THE AGRICULTURAL SECTOR FUNDS IN WEST SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1960s – THE FIRST HALF OF THE 1980s

D. S. Orlov

В статье анализируются слабо исследованные проблемы аграрно-экономической истории СССР второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., связанные с попытками государственных органов повысить эффективность использования ресурсов, выделяемых для развития аграрного сектора. Автор, используя материалы по Западной Сибири, делает вывод о том, что продолжавшаяся практика нецелевого использования средств в сельском хозяйстве свидетельствовала об отсутствии надёжного экономико-юридического механизма, способного предотвратить подобные действия, недостаточности административных методов руководства и ограниченности возможностей колхозной демократии.

The article analyzes the problems of the poorly studied agricultural and economic history of the USSR of the second half of the 1960s – the first half of the 1980s. The problems were caused by the state agencies' attempts to raise the effectiveness of using the resources allotted for the development of the agricultural sector. Basing on the materials on West Siberia, the author concludes that the ongoing misuse of agricultural sector funds was due to the absence of a reliable economic and legal mechanism capable of preventing such actions, the failure of administrative management methods, and the limited capacity of the collective farms democracy.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, отвлечение средств, Западная Сибирь.

Keywords: agriculture, agricultural policy, collective farms and state farms, diversion of funds, West Siberia.

Необходимость изучения темы обусловлена желанием дать объективную оценку опыту хозяйствования в СССР, определить сильные и слабые стороны советского экономического строя. Директивное планирование являлось его важнейшей составляющей, основой мобилизационной экономики. Во второй половине 1960-х гг. в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств верховное руководство страны приняло меры по ограничению директивного начала в управлении народным хозяйством, сделав ставку на увеличение капиталовложений и предоставление предприятиям большей хозяйственной самостоятельности. Однако в этих условиях распространение получила практика нецелевого использования средств, выделяемых для развития сельскохозяйственного производства. Механизмы нецелевого использования

ресурсов и формы противодействия им со стороны партийных и хозяйственных органов в рассматриваемый период к настоящему времени ещё не стали предметом специального научно-исторического анализа, а рассматриваются в рамках исследования более крупных вопросов аграрно-исторической проблематики. В настоящей статье делается попытка проанализировать проблему на примере колхозов и совхозов одного из крупных сельскохозяйственных регионов страны – Западной Сибири.

Практика нецелевого использования средств имела место во всех регионах Западной Сибири. В Викуловском и Сорокинском районах Тюменской области за счёт долевого участия велось строительство районных больниц. В Ишимском районе за счёт средств колхозов строилась водолечебница. В Сладковском

районе совхоз «Центральный» построил здание для районного управления сельского хозяйства, гараж, два дома. В Армизонском районе было построено административное здание за счёт сельскохозяйственных предприятий. В Аббатском районе совхозы «Успенский» и «Усовский» содержали шофёров легковых автомобилей районного управления сельского хозяйства [8].

В колхозах «Рассвет», «Гигант» и «Ударник полей» Промышленновского района Кемеровской области было перерасходовано от 2 до 36 тыс. руб. на оплату труда в строительстве наёмным бригадам. В колхозе «Искра» Ленинск-Кузнецкого района наёмной бригаде за выполненные работы по строительству жилого двухквартирного дома было выплачено 4483 руб., что составляло 89,6 % от сметной стоимости. Правление колхоза «им. 21 артполка» Юргинского района выплатило 500 руб. премиальных строительной бригаде за хорошее качество и досрочную сдачу объекта при невыполнении объёма работ, предусмотренного договором. Дирекции совхозов «Арлюкский» и «Восточный» произвели оплату проезда наёмным бригадам из Армянской ССР [1, с. 40 – 42].

В Советском районе Алтайского края хозяйства перечислили деньги на изготовление проектной документации районной больницы в сумме 17,6 тыс. руб., колхоз «Рассвет» и совхоз «Шульгинский» за наличный расчёт из колхозного фонда приобрели легковые автомобили для своего руководства. Колхоз «Великий перелом» безвозмездно передал сельсовету здание школы балансовой стоимостью 40 тыс. руб. В Хабаровском районе выдавались бесплатные турпутёвки по стране и за границу, общежитие совхоза им. Анатолия балансовой стоимостью 83 тыс. рублей было безвозмездно передано под редакцию газеты «Вестник целины». Производились затраты на приобретение оборудования и отдельных видов машин, которые мало использовались в хозяйстве. Подобная практика имела место и в Горно-Алтайской автономной области, входившей в состав Алтайского края. Так, на балансе совхоза «Ининский» годами числились две школы, а плата с сельсовета не взималась. В совхозе «Майминский» Манжерокским ремонтно-транспортным предприятием арендовалось три магазина без заключения договоров и арендной платы [2; 13].

Сельскохозяйственные предприятия производили нецелевое использование оборотных средств на капитальные вложения сверх имеющихся источников и установленных лимитов. Наличие крупных сумм отвлечения оборотных средств в капитальные вложения приводило к нарушению финансовой деятельности колхозов и являлось одной из основных причин того, что колхозы не были в состоянии производить расчёты с колхозниками по оплате труда, с поставщиками и подрядчиками за товарно-материальные ценности, выполнение работ и оказание услуг, в том числе расчёты с Госбанком по ссудам. Ситуация по стране и республике выглядела аналогично. Так, в 1970 году в аграрном секторе РСФСР было затрачено на неплановые капиталовложения 396,8 млн руб. или 5,7 % к наличию всех оборотных средств. Подобные отвлечения в Украинской ССР составили 86 млн руб. или 23,7 %,

в Азербайджане – 10,6 млн руб. или 23,9 %, в Армении – 8,6 млн руб. или 20,6 %, в Грузии – 12,6 млн руб. или 16,8 % [7].

Управление финансирования сельского хозяйства РСФСР Министерства сельского хозяйства РСФСР совместно с финансовыми органами в 1970 году проверило 3 автономных республики, 2 края и 11 областей на предмет целевого расходования средств, предназначенных для развития сельского хозяйства в 454 совхозах и 509 колхозах, 6 управлениях сельского хозяйства, 2 трестах откормочных хозяйств. Как отмечалось в справке, подготовленной по результатам проверки, средства в основном расходовались в соответствии с назначением. Однако в ряде случаев деньги шли на строительство административных зданий, жилых домов в районных и областных центрах, допускалось за счёт этих средств приобретение автомобилей, мотоциклов, мебели для аппарата областных и районных управлений сельского хозяйства, содержались сверх штата отдельные работники. Общая сумма отвлечений средств только на указанные цели превышала 17 млн руб. Кроме того, на выплату стипендий с нарушением законодательства колхозами и совхозами РСФСР было израсходовано 13 млн руб. Расходы на содержание школ и интернатов составили 403 млн руб., на содержание предприятий общепита хозяйств и потребкооперации – 326 млн руб., на строительство местных автомобильных дорог – 325 млн руб., на содержание культурно-бытовых учреждений – 360 млн руб., расходы на жилищно-коммунальное хозяйство – 242 млн руб. Всего было отвлечено 2,06 млрд руб., в т. ч. в совхозах – 663,6 млн руб., колхозах – 1,397 млрд руб [16].

В результате отвлечения оборотных средств во внеплановые цели, хозяйства становились финансово неустойчивыми, неплатёжеспособными. В записке управляющего Омской областной конторой Госбанка «О тяжёлом финансовом состоянии совхозов и колхозов области», датированной 25 мая 1970 г. отмечалось, что в текущем году 110 совхозов области имели недостаток собственных оборотных средств на 136,6 млн руб. Задолженность колхозов области по долгосрочным ссудам составляла 27,4 млн руб., срочные кредиты – 20 млн руб. Непроизводительные затраты в хозяйствах области увеличились с 33,9 млн руб. в 1968 г. до 36 млн руб. в 1969 г. Поправить создавшееся финансовое положение только за счёт кредитов Госбанка представлялось невозможным без реальной финансовой помощи и решительных мер со стороны руководства районов и области [10].

Реакцией на сложившуюся ситуацию стало принятие постановления ЦК КПСС от 8 августа 1969 года «О серьёзных нарушениях в использовании средств, предназначенных для сельского хозяйства». В решении рекомендовалось обкомам партии принять меры по устранению имеющихся нарушений в этом деле, возвращению средств и имущества, неправильно отвлечённых, переданных другим организациям или изъятых у колхозов и совхозов, а также к возмещению использованных не по назначению средств, выделенных для сельского хозяйства. Райкомам партии надлежало усилить контроль за деятельностью советских, хозяйственных и кооперативных организаций по пра-

вильному использованию средств, предназначенных для сельского хозяйства, привлекать к строгой ответственности лиц, допускающих отвлечение средств колхозов и совхозов на цели, не связанные непосредственно с сельскохозяйственным производством, а также руководителей партийных, советских и других организаций, понуждающих их к подобного рода нарушениям. Также предлагалось пересмотреть законодательство, устанавливающее неравноправные хозяйственные отношения совхозов и колхозов с другими предприятиями и организациями; твёрдо внедрять принципы хозрасчетных организаций; осуществлять строительство культурно-бытовых и иных объектов по единому плану размещения их на территории района; производить оказание услуг по утверждённым планам и сметам; усилить контроль за правильностью использования средств и т. д. [16].

Во всех регионах Западной Сибири данная проблема была рассмотрена на бюро обкомов и крайкомов партии. В Омской области этот вопрос обсуждался на бюро обкома 31 декабря 1971 года. По результатам бюро были предприняты меры по упорядочению расчетов с хозяйствами за строительство и аренду помещений, снижена дебиторская задолженность колхозов и совхозов, проведены проверки правильности расчетов с мясокомбинатами и хлебоприёмными пунктами, приняты меры по устранению нарушений при оплате труда наёмных бригад [11].

В Кемеровской области проблеме нецелевого использования средств было посвящено бюро обкома КПСС, прошедшее 15 октября 1969 г. Согласно решению бюро, управление сельского хозяйства облисполкома, трест совхозов комбината «Кузбассуголь», тресты «Птицепром», «Скотооткорм» должны были принять меры по устранению имеющихся нарушений и наведению порядка в использовании колхозных и совхозных средств, осуществлять постоянный контроль за правильностью расходования денежных средств в хозяйствах, рассмотреть состав дебиторской задолженности и принять срочные меры к ее взысканию. Областной прокуратуре, комитету народного контроля, финансовому отделу, конторе Госбанка надлежало организовать проверку правильности расходования средств в колхозах и совхозах области. Также бюро обязало райкомы Кемеровской области, Мариинский и Топкинский горкомы партии рассмотреть вопрос об использовании средств, предназначенных для сельского хозяйства, и о принятых мерах доложить обкому КПСС к 20 октября 1969 года [4].

На 8 пленуме Кемеровского обкома КПСС 7 января 1970 года глава региона А. Ф. Ештокин подверг критике практику нецелевого использования средств и выразил тревогу в связи с тем, что «за последние годы непонятные масштабы приобрело строительство разного рода административных зданий, дворцов, стадионов, плавательных бассейнов, что вскрыто много фактов нарушения государственной дисциплины, суть которых состоит в том, что некоторые руководители пытаются вести дело не по средствам, забегают вперед, затевают строительство объектов, на которые вовсе не выделяются ассигнования и строительные материалы» [5].

В Тюменской области бюро обкома КПСС рассмотрело этот вопрос 30 октября 1969 года. Особой критике подверглись Ишимский и Абатский районы этой области. В Ишимском районе колхоз «им. Матросова» вёл неплановое строительство 4 жилых домов сметной стоимостью 16 тыс. руб., а колхоз «Вперед к коммунизму» на 120 тыс. руб. В Абатском районе на деньги совхоза были построены школа, интернат, клуб, магазин на общую сумму 1,2 млн руб. В 65 квартирах, принадлежащих хозяйствам, жили 13 учителей, 12 рабочих строительных организаций, 36 врачей, медицинских сестёр и работников культуры. Перерасход по оплате труда наёмных бригад составил 42 тыс. руб. Данный вопрос также рассматривался на сессиях районных Советов народных депутатов. В Ишимском районе на бюро райкома вызывались председатели колхозов и директора совхозов, в которых были найдены нарушения. Проводились проверки всех хозяйств района с участием финансовых органов. Виновные привлекались к административной ответственности, Госбанк прекращал кредитование колхозов, ведущих внеплановое строительство [9].

Если в 1968 году по данным видам правонарушений было привлечено к уголовной и административной ответственности 2430 руководящих работников, то в 1969 году – 2855 человек, в 1970 году – 3264 человека [7].

В 1971 году по решению Алтайского краевого исполнительного комитета крайпотребсоюз должен был вернуть колхозам 891 тыс. руб., Омский облпотребсоюз восстановил 422 тыс. руб. хозяйствам области за строительство магазинов для предприятий потребкооперации. Были возвращены 1,2 млн руб. за использование зданий, 2,9 млн руб. было взыскано с предприятий «Сельхозтехники» в пользу колхозов и совхозов, 1 млн руб. за строительство административных и жилых зданий, 5,9 млн руб. возвращались системой потребительской кооперации [7].

Но как показала хозяйственная практика, подобные явления и даже в ещё больших масштабах стали проявляться в последующий период. В конце 70-х годов эта практика приобрела настолько широкий размах, что на это ещё раз обратило внимание центральное руководство страны. 10 июня 1978 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление № 626 «О предотвращении фактов отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства» [12]. В нём отмечалось, что за 1975 – 1977 годы из сельскохозяйственного производства было отвлечено около 250 млн руб. В основном, практиковалось строительство колхозами и совхозами различных зданий и сооружений и передача их другим организациям безвозмездно. Подобные действия были строго осуждены и подлежали искоренению.

Данный вопрос рассматривался на бюро Алтайского крайкома КПСС 28 декабря 1979 года. Было принято постановление «О фактах отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства в колхозе «Первое мая» Косихинского района». Практически во всех районах Алтайского края были выявлены подобные нарушения. Очень часто хозяйства продавали технику сторонним организаци-

ям. Например, опытное хозяйство «Чуйское» Майминского района продало 6 тракторов марки Т-40 и 2 трактора К-700 организации «Волгоградспецремонтаж» и 4 трактора Т-40 Бийской мебельной фабрики на сумму 30,3 тыс. руб. Всего в 1976 году и первом квартале 1977 года в 34-х районах в 64-х хозяйствах было незаконно продано несельскохозяйственным организациям 123 трактора, из них 60 штук К-700 и К-701 с четырнадцатью прицепными тележками, 51 грузовой и легковой автомобиль. В основном, техника обменивалась на передвижные краны, трансформаторы, цемент и т. д. Имели место случаи, когда хозяйства за наличный расчёт покупали у торговых организаций и частных лиц стройматериалы. Связано это было отчасти с тем, что хозяйства вели собственное производственное и жилищное строительство, а материалов выделяемых государством, им не хватало. В 1980 году колхозы Кош-Агачского района приобрели стройматериалов на 75 тыс. руб., совхоз «Еловский» Онгудайского района – на 4,2 тыс. руб., колхоз им. Чапаева приобрёл у частного лица дизельную электростанцию за 1,2 тыс. рублей, а колхоз им. XXIV партсъезда Онгудайского района обменял 113 кг мяса на 200 м троса. Нередки были случаи продажи ГСМ (горюче-смазочных материалов) сторонним организациям. Так, в 1977 году колхозы и совхозы Майминского района Горно-Алтайской автономной области продали 14 т дизтоплива и 13,2 т бензина, Турочакского района – 160 т дизтоплива, Усть-Коксинского – 46 т дизтоплива и 65 т бензина, а Завьяловского района – 25 т дизтоплива и 27 т бензина [3].

В хозяйствах также содержались внештатные единицы. Так, в совхозе «Поспелихинский» Поспелихинского района Алтайского края содержался экспедитор, который не был предусмотрен в штатном расписании. В 45 из 65 проверенных в 1978 году хозяйств региона за счёт незаконного изъятия средств из фонда зарплаты производственного персонала содержалось 45 аппаратных работников с годовым фондом зарплаты 49 тыс. руб., было выплачено непредусмотренных надбавок 2,5 тыс. руб. Общий перерасход средств по этой статье в 1978 году в Алтайском крае составил 211 тыс. руб. [2; 13].

В качестве мер для пресечения подобных действий применялись проверки хозяйств прокуратурой, банковскими служащими и работниками аппарата управления. В качестве дополнительных мер предусматривалось использовать дисциплинарные взыскания, штрафы, увольнения и т. д.

На совершенствование механизма защиты аграрного сектора от незаконных отвлечений были направлены постановление ЦК КПСС от 05.04.1978 года «О работе партийных и советских органов Иркутской области по повышению роли правовой службы на предприятиях промышленности, сельского хозяйства и строительства» и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.12.1978 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве». В соответствии с этими решениями в Новосибирской области было принято постановление бюро обкома от 12.08.1978 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве Новосибирской области». В районных управлениях сельского хозяйства вводилась должность юрискон-

сульта. Юрисконсульты проводили значительную работу по взысканию задолженностей, возмещению убытков от падежа скота, потрав и лесонарушений, по восстановлению средств, отвлечённых на нужды, не связанные с развитием сельского хозяйства. В 1977 – 1978 годах было возвращено 1,5 млн руб. В Венгеровском районе области в 1977 – 1978 годах было предъявлено 54 претензии, в основном к строительным организациям и организациям системы «Сельхозтехника» на сумму 73 тыс. руб. 34 иска были отправлены для рассмотрения в арбитражный суд [6].

В результате предпринятых действий количество отвлечений средств сократилось. В информации сельскохозяйственного отдела Алтайского крайкома от 11 сентября 1980 года отмечалось: «...За последние два года сократилось количество отвлечений средств, предназначенных для сельского хозяйства. Если в 1977 – 1978 годах сумма незаконно израсходованных средств превышала 3 млн руб., то в 1979 году и в первом полугодии 1980 года она сократилась в несколько раз. Колхозам и совхозам было возвращено 2,7 млн руб.». Если в 1978 году 700 человек были наказаны морально и материально, а 57 человек подверглись уголовной ответственности, то в 1979 году их количество значительно сократилось. 38 человек были привлечены к дисциплинарной ответственности, 47 – к материальной» [2].

Часть средств отвлекалась обслуживающими предприятиями системы «Сельхозтехника», молокозаводами, мясокомбинатами. Так, базы Горплодоовощторга № 1 и № 2 Новосибирской области при приёмке овощей и картофеля урожая 1965 года производили незаконные скидки в размере 23 % стоимости овощей вместо 9 % положенных. Таким образом база № 1 обчитала своих клиентов на 18 тыс. руб., а база № 2 на 20,4 тыс. руб. Также производились обвёсы. База № 1 обвешала своих поставщиков на 5 тонн овощей. Кроме того, базы незаконно брали с хозяйств деньги за сортировку. Занижалось качество сдаваемой продукции, подолгу производилась разгрузка автомашин [15, с. 70].

Позиция региональных и районных органов по отношению к практике отвлечения ресурсов из сельского хозяйства была неодинаковой. Если на уровне областей и краёв партийные, советские и хозяйственные органы однозначно осуждали нецелевое использование средств, то позиция районных органов власти по этой проблеме была двойственной. С одной стороны, как органы управления, они обязаны были на корню пресекать подобные действия. Но с другой, именно они зачастую выступали получателями, пускай и небольших, средств в форме строительства административных зданий, покупки мебели и автомобилей, содержания за счёт колхозов и совхозов водителей, обслуживающего персонала и др.

Кроме того, ввиду недостаточности средств, выделяемых государством на социально-культурное и бытовое развитие села, райкомы и райисполкомы порой просто закрывали глаза, а иногда и сами выступали инициаторами подобных отвлечений. Самая большая часть отвлечений приходилась именно на строительство больниц, школ, магазинов, интернатов, жи-

лых домов, оплату коммунальных и бытовых услуг, выплату стипендий и др.

Значительную часть отвлечений составляли средства, направленные на внеплановое строительство производственных помещений, коровников, свинарников и т. д. Ряд руководителей колхозов и совхозов, понимавших сложившуюся конъюнктуру цен, стремились расширять производство наиболее выгодной сельхозпродукции и получать дополнительные выплаты. Происходило это, не смотря на установленные планы и отсутствие бюджетных ассигнований на внеплановое строительство. Такое строительство велось хозяйственным способом, зачастую с использованием наёмных бригад и добытых нелегально строительных материалов. Необходимо отметить, что подобные действия по существовавшему хозяйственному законодательству не были законными. Сельскохозяйственные предприятия не имели широких полномочий по части распоряжения своим имуществом.

Четвёртую группу отвлечений составляли обман и обчёты со стороны обслуживающих организаций («Сельхозтехники», «Сельхозхимии», районных энергетических предприятий и др.), а также со стороны торговых партнёров – молокозаводов, мясокомбинатов, торговых баз.

Практика отвлечения и нецелевого использования средств колхозов и совхозов негативно отражалась на состоянии сельского хозяйства, невозмещённые рас-

ходы колхозов составляли 6 %, совхозов – 2,9 % от общих затрат на основное производство [14, с. 199].

Анализ практики нецелевого использования средств колхозами и совхозами, выделенных для производственных нужд, свидетельствует о попытках предприятий аграрного сектора действовать самостоятельно и решать свои насущные хозяйственные и социальные проблемы как можно быстрее, не дожидаясь помощи государства. Фактором, тормозящим развитие аграрного сектора, было отсутствие у государственных и кооперативных предприятий достаточных полномочий в области принятия хозяйственных решений и вопросах распоряжения имуществом. Совхозы, а особенно колхозы, пытались управлять денежными потоками и имуществом в собственных интересах.

Таким образом, на протяжении всего периода второй половины 60-х – первой половины 80-х годов XX века, не смотря на противодействие со стороны партийных и хозяйственных органов, продолжалась практика нецелевого использования средств и ресурсов в аграрном секторе Западной Сибири. Это свидетельствовало об отсутствии экономического и правового механизма, способного предотвратить нецелевое использование средств, о недостаточной эффективности административных методов руководства и партийной критики, о приниженном положении сельскохозяйственных предприятий и ограниченных возможностях колхозной демократии.

Литература

1. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965 – 1985 гг.): сборник документов / сост. и науч. ред. Д. С. Орлов. – Бийск, 2011.
2. ГААК (Государственный архив Алтайского края) Ф. 1. Оп. 127. Д. 409. ЛЛ. 2, 7-8, 29, 35-36, 45-46.
3. Там же. Оп. 135. Д. 89. ЛЛ. 3, 16, 17.
4. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области) Ф.П. – 75. Оп. 10. Д. 415. ЛЛ. 46-48.
5. Там же. Д. 533. ЛЛ. 9, 19.
6. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области) Ф.П. – 4. Оп. 34. Д. 978. ЛЛ. 2-3, 47-48, 57-60.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф.А. – 616. Оп. 3. Д. 6198. ЛЛ. 6-10, 16-19, 87-91.
8. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области) Ф.П. 124. Оп. 1. Д. 5069. ЛЛ. 23-30.
9. Там же. Д. 5804. ЛЛ. 1-5.
10. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области) Ф. 17. Оп. 1А. Д. 859. ЛЛ. 1-40.
11. Там же. Д. 1367. ЛЛ. 3-31.
12. КПДА РА (Комитет по делам архивов Республики Алтай) Ф. 1. Оп. 40. Д. 12. Л. 17.
13. Там же. Оп. 58. Д. 53. ЛЛ. 18, 24.
14. Наухацкий, В. В. Аграрная политика и модернизация российской деревни во второй половине XX века: противоречия и тенденции / В. В. Наухацкий. – Ростов н/Д, 2009.
15. Орлов, Д. С. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. / Д. С. Орлов, С. Н. Андриенков. – Бийск, 2010.
16. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории) Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. ЛЛ. 3, 4, 148, 150.

Информация об авторе:

Орлов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и права, заместитель декана по учебной работе факультета истории и права Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, 89132336581, orlovd2010@mail.ru.

Dmitry S. Orlov – Candidate of History, Associate Professor of the Department of World History and Law, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of History and Law, Shukshin Altai State Academy of Education.

УДК 94(470)«1992–1999»:908(Кем.)

ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ШАХТЁРСКИХ ПРОТЕСТОВ В КУЗБАССЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1992 – 1999 гг.)

И. С. Соловенко

GOVERNMENT ACTIONS ADDRESSING THE MINERS' PROTESTS IN KUZBASS DURING THE TRANSITION TO THE MARKET ECONOMY (1992 – 1999)

I. S. Solovenko

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009а/Т.

В статье рассматриваются действия местных, региональных и федеральных органов власти по преодолению шахтёрских протестов в Кузбассе во время перехода к рынку. Показаны общие и специфические подходы к решению проблем горняков.

The article examines the actions of local, state and federal governments addressing the miners' protests in Kuzbass during the transition to the market economy. The general and specific approaches to solving the miners' problems are revealed.

Ключевые слова: переход к рынку, Кузбасс, шахтёры, протесты, власть.

Keywords: transition to the market economy, Kuzbass, miners, protests, authorities.

Переход к рыночным отношениям сопровождался резким ухудшением социально-экономической обстановки и ростом протестного движения по всей стране. В 1990-е, как и в конце 1980-х гг., в центре протестного движения трудящихся были шахтёры. Они использовали разнообразные формы и методы борьбы, являлись инициаторами региональных и всероссийских акций протеста. Между тем в новых рыночных условиях горняки постепенно теряли свой протестный потенциал, в том числе и вследствие действенных мер со стороны местных, региональных и федеральных органов власти. Особенно ярко это проявилось в ведущем угледобывающем регионе страны.

Значимый вклад в преодоление протестного движения внесли местные органы власти шахтёрских городов и посёлков Кузбасса. Фактически все они напрямую зависели от состояния угольной промышленности. Благодаря шахтам и разрезам пополнялся местный бюджет, решались вопросы социально-бытовой сферы населённых пунктов, развивались смежные отрасли экономики и т. д. Немаловажными факторами участия местной власти в решении горняцких вопросов являлись профессиональные, родственные и другие связи. С целью поддержания угольной отрасли местная власть предоставляла шахтам и разрезам отсрочки по уплате налогов, совместно с руководителями угледобывающих предприятий решала вопросы погашения задолженности рабочим, искала инвесторов, вела переговоры с забастовщиками, отчитывалась перед жителями города о выполнении подписанных протоколов, предпринимала дополнительные меры по улучшению собираемости налогов, изыскивала новые способы социальной защиты трудящихся и их семей, сигнализировала о существующих проблемах в региональные и федеральные органы власти и т. д.

Там, где возникали очаги массовых и радикальных форм борьбы, руководство городов и посёлков работало в круглосуточном режиме с одной только

целью – погасить пламя разрастающегося протеста. Представители муниципалитетов регулярно посещали забастовочные штабы, обговаривали с руководителями акций протеста организационные вопросы, искали варианты решения проблем. Большой заслугой местных органов власти являлось то, что во всех шахтёрских городах даже во время массовых и радикальных акций протеста не было заметного роста цен и потребительской паники. В целом, поддерживая требования трудящихся, они искали альтернативные, мирные пути выхода из кризисной ситуации, например, усиливали меры надзора за исполнением трудового законодательства.

Мероприятия исполнительной власти шахтёрских городов, конечно же, способствовали оздоровлению экономической и социальной ситуации, но не могли в корне её изменить. Кризис, в котором оказались угледобывчики, имел системный характер. Его разрешение могло произойти только в результате целенаправленных мер всех уровней власти Российского государства. Исследование показало, что поведение местных органов власти, в первую очередь, зависело от позиции областной администрации.

Политику региональной власти по отношению к акциям протеста шахтёров необходимо разделить на два периода. Первый – с 1992 г. до середины 1997 г., когда губернатором области являлся М. Кислюк. Характерными мерами региональной политики по преодолению протестного движения шахтёров того времени были: во-первых, прямые обращения губернатора к руководителям предприятий с просьбой отказаться от всяких действий, направленных на дестабилизацию обстановки; во-вторых, политический союз между администрацией области и Советом рабочих комитетов Кузбасса, который обещал предотвращать массовые забастовки [1, с. 75]. Провал данной политики стал одной из причин «перевода» М. Кислюка на другую должность. Сам процесс смены власти произошёл накануне всекузбасской акции

протеста, результаты которой могли иметь далеко идущие последствия.

Со второго июля 1997 г., то есть с момента назначения А. Тулеева главой Администрации Кемеровской области, в политике региональной власти по отношению к акциям протеста шахтёров начинается второй период, который продлился до конца рассматриваемого времени. Несмотря на узкую хронологию, данный период был богат на количество принятых новой администрацией мер. Пиковым событием во взаимоотношениях областной власти с протестующими горняками стали «рельсовые войны» мая – июля 1998 г. [1, с. 11]. С того момента возросло количество принятых областным руководством нормативно-правовых актов, которые способствовали быстрому решению проблем работников угледобывающей отрасли. Поэтому второй период следует разделить на два этапа: первый – с июля 1997 г. до мая 1998 г., второй – с мая 1998 г. до конца 1999 г.

В течение первого этапа второго периода деятельность нового главы областной администрации сконцентрировалась на поиске механизма решения проблем угледобывающей отрасли. Главное внимание было уделено таким вопросам, как снижение объёмов бартерного расчёта и уровня железнодорожных тарифов, борьба с экономическими преступлениями и обеспечение занятости населения. А. Тулеев сумел снять социальную напряжённость в Кузбассе, но ненадолго. Ему мало что удалось сделать в первые месяцы своего губернаторства, так как угольная отрасль, в дополнение к имевшимся проблемам, стала первоочередной жертвой мирового финансово-экономического кризиса, который набирал обороты с конца 1997 г. Попытки губернатора Кемеровской области А. Тулеева обратить внимание Президента РФ и Генерального прокурора на ухудшение социально-экономического положения в ведущем угледобывающем регионе страны ни к чему не привели.

Роль нового главы администрации в преодолении протестного движения шахтёров Кузбасса заметно возросла со времени начала всероссийской акции протеста шахтёров России в мае 1998 г. Блокада важнейших железнодорожных путей, в том числе и на территории края, способствовала сближению усилий региональной и федеральной власти в решении неотложных проблем рабочих угольной отрасли. В тот критический для страны момент А. Тулеев проявил решительность, взяв на себя ответственность за разблокирование Транссибирской магистрали. Благодаря введённому им в Кемеровской области чрезвычайному положению предприятия сохранили рабочий ритм, а населённые пункты – общественно-политическую стабильность [3]. Смелые и эффективные действия А. Тулеева были полностью поддержаны Кремлём.

Региональная власть с первых дней «рельсовой войны» была вынуждена действовать энергично, так как массовые и радикальные забастовки резко ухудшали и без того сложную макроэкономическую ситуацию. Выход из кризиса угольной, а также смежных с ней отраслей она видела в новых подходах реализации политики реструктуризации угледобывающей промышленности и диверсификации региональной экономики. Главной задачей руководства Кемеров-

ской области стала борьба с широкомасштабным и непродуманным закрытием «бесперспективных» шахт [11, л. 18]. Однако сначала необходимо было разблокировать железную дорогу. Данная проблема не могла быть решена без использования непопулярных мер, что уже требовало от регионального руководства политической воли.

В условиях затянувшегося «рельсового» противостояния, областная администрация с одной стороны, заняла жёсткую позицию по отношению к тем протестным акциям, которые имели разрушительные для региона последствия, с другой – активизировала меры по борьбе с экономическими преступлениями, а также взяла курс на установление более тесных отношений непосредственно с важными для региона федеральными министерствами. По мере обострения кризиса представители региональной власти всё активнее контролировали ход выполнения социально-экономических обязательств, взятых на себя Правительством РФ; усилили контроль посреднической деятельности в процессе реализации продукции; стали больше уделять внимания развитию предпринимательства и т. д.

В ходе «рельсовых войн» руководству Кемеровской области пришлось взять на себя посредническую функцию в урегулировании конфликта между пикетчиками и Правительством РФ. Совместная деятельность региональной и федеральной власти строилась комплексно и ориентировалась на реализацию антикризисных задач. Первоочередное место среди них занимало выделение дополнительных материально-финансовых средств из государственного бюджета. Важным для края стал подписанный 25 мая 1998 г. вице-премьером О. Сысуевым и губернатором А. Тулеевым совместный документ – «Сводный протокол рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона». В содержании документа предусматривалось существенное расширение финансово-экономической самостоятельности, а также дополнительные меры материальной поддержки угольной отрасли и социальной сферы региона со стороны государства.

Отсутствие внятной позиции федерального центра порой подталкивало региональную власть выстраивать более жёсткую позицию в отношении радикальных действий пикетчиков. Руководство региона убеждало шахтёров отказаться от радикального требования – «Президента в отставку!». По мнению руководства области, имелся конституционный способ отставки главы государства, который мог быть использован только Федеральным Собранием России и не являлся компетенцией пикетчиков.

Региональная власть предлагала пикетчикам альтернативные варианты решения проблем, которые в основном сводились к отстаиванию идеи экономической самостоятельности. Для этого А. Тулеев предлагал заключить соглашение о разграничении полномочий между федеральным центром и областью, снизить железнодорожные тарифы, добиться выделения средств на техническое перевооружение ведущих отраслей хозяйства края и т. д. [20]. Руководство области активизировало свои действия и по укреплению

правопорядка, а также устранению возможных вариантов повторения крупномасштабных акций протеста.

Когда продолжение «рельсовой войны» теряло какой-либо политический и экономический смысл, областная администрация открыто и жёстко критиковала руководителей предприятий, чьи трудящиеся стояли на рельсах. Основным аргументом данной критики являлась их неспособность эффективно работать в новых рыночных условиях. Таким образом, в глазах общественности действия пикетчиков выглядели абсурдными.

Важно отметить личный вклад А. Тулеева в решение шахтёрских вопросов, на что обращают внимание многие отечественные и зарубежные эксперты. По мнению немецких исследователей, «Тулеев был первым российским губернатором, который развил и претворил в жизнь всеобъемлющую стратегию развития угольной промышленности своего региона» [2, с. 215].

Всё-таки ключевую роль в преодолении протестного движения шахтёров Кузбасса сыграли действия Президента и Правительства РФ. Разнообразные по своему содержанию и характеру, они выражали общую, неприемлемую для Кремля позицию к акциям протеста угледобытчиков. Федеральной власти пришлось корректировать избранную в 1992 г. стратегию экономического развития государства, идти на политический компромисс с горняками Кузбасса. Комплекс мер включал экономические и политические инструменты противодействия протестному движению.

В начале рыночных преобразований Кремль достаточно сдержанно реагировал на выступления шахтёров, считая их закономерными. В условиях дефицита бюджета государство не могло полностью выполнять свои обязательства перед рабочими. Основная ставка Правительства была сделана на позитивные результаты реструктуризации угледобывающей отрасли, но она явно пробуксовывала. В данной ситуации федеральному центру сложно было конструктивно выстраивать отношения с горняками. Отсутствие в стране механизма разрешения социально-трудовых конфликтов вылилось в принятие запоздалых, хаотичных и непоследовательных мер противодействия росту недовольства угледобытчиков. Как правило, они носили ответный характер и, таким образом, стимулировали новую волну протестов. Только в ходе всероссийских «рельсовых войн» 1998 г., когда вся страна содрогнулась от потенциальной возможности гражданской войны, Кремль стал более внимательно относиться к проблемам горняков. Для решения вопросов развития угольной отрасли активнее привлекались внутренние и внешние ресурсы, повышалась ответственность должностных лиц и т. д.

Политическое противодействие Президента и Правительства РФ протестному движению шахтёров строилось в основном на использовании методов психологического воздействия, подрыве шахтёрской солидарности, переориентации протестной агрессии на других субъектов политической и хозяйственной деятельности, например, региональную власть, директоров угледобывающих предприятий и т. д. Москва щедро раздавала обещания, уговаривала, заигрывала с

рабочими, использовала дружественные отношения с Советом рабочих комитетов Кузбасса и т. д. Конечно, такое «внимание» московского начальства сыграло свою роль в сдерживании протестного движения в крае, но эффект был кратковременным.

В моменты острых противостояний с протестующими шахтёрами руководители правительственных комиссий были вынуждены активнее использовать популистские меры воздействия – обещания и уговоры. Они всегда чувствовали готовность подавляющего большинства горняков отказаться от радикальных лозунгов и действий в обмен на деньги. Особенно это было очевидно во время «рельсовых войн» 1998 г., когда правительственные комиссии не только обещали деньги и разнообразную помощь, но даже были готовы подписывать протоколы, в которых имелось требование отставки Президента РФ [16].

Успешная работа правительственных комиссий во время «рельсовых войн» 1998 г. стала возможной благодаря умелой дипломатии Президента и Правительства России, которые изолировали радикальную политическую оппозицию, а также нашли компромисс с шахтёрскими профсоюзами и забастовочными комитетами. Кремлю удалось убедить Независимый профсоюз горняков России и Росуглепрофсоюз не заключать соглашения с коммунистами по постановке вопросов об изменении государственного строя и национализации угольных предприятий. За это Правительство РФ пообещало, что не будет подвергать участников выступлений репрессиям, отдавать их под суд [15, с. 90 – 91]. Таким образом, федеральная власть сумела переориентировать агрессию шахтёров в нужное ей русло и постепенно погасить конфликт.

Наиболее важные и конструктивные действия Президента и Правительства РФ приходится на кульминацию протестного движения кузбасских шахтёров (1997 – 1998 гг.). В первую очередь, это выразилось в смене руководителя и кадрового состава администрации Кемеровской области. Она произошла накануне всекузбасской стачки, намеченной на 11 июля 1997 г., грозившей перерасти во всероссийскую [13, с. 80 – 81]. Президент России Б. Ельцин был вынужден сменить главу администрации Кемеровской области М. Кислюка на популярного в крае политика – А. Тулеева.

Нейтрализация протестного движения была бы невозможна без реальных дел со стороны Правительства РФ по решению ключевых проблем в экономике и социальной сфере шахтёрских городов. Среди них выделяются следующие: борьба с экономическими преступлениями и недобросовестными посредниками, изменение роли и места государства в отношении угольной и смежных с ней отраслей, широкая приватизация шахт и разрезов, ликвидация «валютного коридора», диверсификация экономики угледобывающих регионов, развитие малого предпринимательства и другие.

Конкретная помощь угледобывающей отрасли Кузбасса со стороны Правительства РФ обозначилась в мае 1998 г., когда доведенные до отчаяния горняки стали перекрывать важные транспортные артерии страны. Материально-финансовая поддержка осуществлялась и в дальнейшем, что позволило оперативно

решить острые проблемы в социально-экономической сфере угольных регионов, оживить деятельность шахт и разрезов.

Увеличение финансирования угольной отрасли не могло в корне решить проблем горняков, Правительству РФ необходимо было выстраивать новую концепцию социально-экономической политики, ориентированную на интересы широких слоев трудящихся. Такая концепция приобрела реальные очертания в мае 1998 г. [18, с. 1] и была связана с изменением роли и места государства в системе хозяйственных отношений. По вполне объективным причинам макроэкономические преобразования в стране ускорились, прежде всего, в угольной и смежных с ней отраслях народного хозяйства.

Правительство РФ стало укреплять свои позиции на угольном рынке. С этой целью оно решило закрепить в федеральной собственности 51 % акций «Угольной компании «Северокузбассуголь»» и «Угольной компании «Киселёвскуголь»» [5]. Главный исполнительный орган страны активизировал свои действия по укреплению конкурентных преимуществ отечественных угледобывающих предприятий на внутреннем и внешнем рынках [7, л. 11]. Повысить рентабельность экспортноориентированных компаний позволила ликвидация «валютного коридора» в августе 1998 г.

Авторитет Правительства РФ возрос при премьер-министре Е. Примакове, который сумел на деле доказать желание улучшить ситуацию в угольной промышленности. По инициативе вице-премьера Ю. Маслюкова был создан регулируемый рынок сбыта угля и организован «Угольный комитет». Таким образом, государство стало внимательнее контролировать ситуацию на отечественном угольном рынке. Вместе с тем, курс на приватизацию шахт и разрезов даже усилился [12, с. 60], что указывает на сохранение в экономической политике исполнительной власти либеральных начал.

С первых дней своей деятельности новое Правительство Е. Примакова занималось решением социальных вопросов горняков. Исполнительная власть страны признала ответственность государства за часть задолженности по зарплате работникам угольной отрасли. Правительство РФ согласилось заключить тарифное соглашение с Независимым профсоюзом горняков России на 1999 – 2000 гг., который в свою очередь принял на себя обязательства (при выполнении положений протокола) воздержаться от проведения массовых акций протеста [14]. Таким образом, шахтёры поверили Е. Примакову, что, несомненно, повлияло на снижение их протестной активности.

Действия Е. Примакова и Ю. Маслюкова единодушно поддерживали все руководители шахтёрских регионов. По мнению А. Тулеева, обновлённый состав Правительства РФ оперативно принял очень важное постановление, благодаря которому региональным властям вменялось в обязанность контролировать финансовые потоки угледобывающих предприятий и соблюдение прав трудящихся. Данный документ стал первой фактической победой на пути к возрождению угольной отрасли [17, с. 354]. С того момента в Кузбассе прекратилось закрытие шахт и началось строи-

тельство новых угледобывающих предприятий. Впервые за все 1990-е гг. удалось остановить падение объёмов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост.

Успехи в развитии угледобывающей промышленности способствовали положительным изменениям в смежных с ней отраслях. Особое внимание со стороны Правительства уделялось производству в Кузбассе горно-шахтного оборудования и угледобывающих комплексов. Данные меры способствовали не только росту промышленного производства и повышению эффективности отечественного машиностроения, но и диверсификации региональной экономики, созданию новых рабочих мест, повышению налогооблагаемой базы, инвестиционной привлекательности реального сектора экономики.

Б. Ельцин был смелым политиком, что всегда признавали даже его оппоненты. В кризисные моменты развития российского государства он не неоднократно показывал свою готовность к использованию силовых методов решения проблем. В течение 1990-х гг. отношение Президента РФ к акциям протеста горняков существенно изменилось: от сочувствия до полного неприятия. Правительство РФ не считало себя виновным за несвоевременную выплату заработной платы рабочим, поэтому уже в конце 1993 г. со стороны федерального центра прозвучала угроза преследования организаторов незаконных забастовок.

Переход рабочих к радикальным методам отстаивания своих прав существенно изменил позицию органов исполнительной власти. Перекрытие Транссибирской магистрали горняками «Судженской» в 1994 г. показало шахтёрам, что они вынуждены противостоять огромной государственной машине. По факту перекрытия магистрали было возбуждено уголовное дело [6, с. 246 – 247]. Вскоре дело было закрыто, но рабочим был дан знак о готовности исполнительной власти к применению жёстких мер. В течение трёх лет шахтёры Кузбасса не использовали «рельсовую войну» как форму протеста.

Осложнение общественно-политической обстановки в 1998 г. в связи с небывалым размахом протестного движения шахтёров поставило Президента РФ в очень сложное положение. Неоспоримым фактом являлись незаконные действия по перекрытию железнодорожных магистралей. Вместе с тем на стороне рабочих было общественное мнение и моральная солидарность большинства трудящихся. Опасаясь ещё более дестабилизировать ситуацию, федеральная власть прибегла к морально-психологическому давлению на них. В мае-июне Кремль чаще применял такие меры воздействия, как угрозы, запугивания, а также создание негативного образа забастовщиков в глазах общественности.

С июля 1998 г., когда среди протестующих горняков обозначился раскол, а их требования и методы борьбы скатились к элементарному «выбиванию денег», федеральные органы власти стали больше использовать против них уголовные преследования, финансовый шантаж и демонстрацию силы. Президент Б. Ельцин по телевидению озвучил устное распоряжение Генеральному прокурору о необходимости привлечения к уголовной ответственности инициато-

ров радикальных форм протеста [10, л. 17], началось их массовое преследование, в том числе и в Кузбассе [4, л. 184]. Благодаря широкому общественному резонансу, никого из инициаторов железнодорожных блокад не осудили, но эффект запугивания, бесспорно, имел место. Прекращение в конце 1998 г. уголовного преследования лидеров пикетчиков только укрепило авторитет власти в обществе.

После «рельсовых войн» 1998 г. перед правоохранительными органами была поставлена задача недопущения попыток захвата железнодорожного полотна шахтёрами и другими трудящимися. Руководство силовых структур инициировало специальные учения, в ходе которых отрабатывались необходимые элементы противодействия «рельсовым» захватам [19]. Действия правоохранительных органов охотно демонстрировали на экранах телевизоров, чтобы шахтёры опасались вновь идти на рельсы и там отстаивать свои требования.

Понимая вынужденный характер выхода шахтёров на рельсы, власть, параллельно с давлением на «зачинщиков», стала активнее применять карательные меры по отношению к тем лицам и предприятиям, которые она считала виновными в инициировании железнодорожных блокад. Силовые структуры организовывали масштабные проверки исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов. Особое внимание уделялось «вопросам соблюдения законодательства о труде, охране труда, приватизации шахт, валютного законодательства, целевого использования денежных средств, выделенных на оплату труда, реструктуризацию отрасли, ценообразования при продаже угля посредникам, коррупции среди руководителей, исполнения решений судов о выплате зарплаты, возврате долгов» [4, л. 184].

Многие факты указывают на серьезные достижения силовых структур в борьбе с экономическими преступлениями в 1998 г., что, конечно же, ослабило протестное движение шахтёров Кузбасса. Уже в конце мая в области проводилось следствие по 55 уголовным делам, имеющим отношение к угольной промышленности. В августе 1998 г. по итогам работы комиссии МВД РФ в области были взяты под стражу руководители ряда посреднических компаний и фирм. Благодаря реализации арестованного имущества в счет погашения долгов за отгруженный уголь удалось получить около 30 млн руб. [8, с. 3]. Аресты, в том числе бывших директоров шахт, продолжились и в 1999 г. Данные факты стали достоянием общественности и были ею встречены весьма положительно.

Важнее для рабочих в деятельности силовых структур было не столько привлечение к ответственности конкретных лиц и посреднических фирм, сколько изменение отношения власти к ним. Поэтому правоохранительные органы вели себя не только активно и масштабно, но и открыто. Они доводили до сведения горняцких коллективов итоги работы по проверкам деятельности угольных компаний и шахт, высказывали планы на будущее. Таким образом создавалась прозрачность в отношениях между властью и обществом, что, несомненно, положительно сказывалось на укреплении доверия между ними и выходе из системного кризиса.

Таким образом, действия органов власти по преодолению протестного движения шахтёров были тесно взаимосвязаны и в целом отвечали интересам всех кузбассовцев. Новые, антикризисные подходы в хозяйственной и политической деятельности имели важные последствия для процесса трансформации российского общества, так как позволили смягчить многие социально-экономические противоречия.

Литература

1. Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov / Inna Donova / Konstantin Burnyshev / Olga Vinokurova // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – Köln, 1999. – № 36.
2. Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen / S. Harte, J. Grävingholt, H. Pleiners [et al.]. – Bremen, 2003. – 383 s.
3. Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm>
4. Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 99.
5. Балиев, А. Как помочь шахтёрам? / А. Балиев // Российская газета. – 1998. – 23 мая.
6. Борисов, В. А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989 – 1999 гг.) / В. А. Борисов. – М.: ИСИТО, 2001. – 416 с.
7. ГАРФ. – Ф. 10104. – Оп. 1. – Д. 3.
8. Гончаров, В. У последней рельсовой черты / В. Гончаров, Д. Иванов, А. Чичкин // Российская газета. – 1998. – 8 августа.
9. Гордон, Л. А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России (субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования) / Л. А. Гордон. – М.: Солидарность, 1993. – 76 с.
10. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. 1311. – Оп. 1. – Д. 88.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10128. – Оп. 1. – Д. 2620.
12. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина [и др.]. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. – 132 с.
13. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / под общ. ред. Ю. Н. Миловидова, А. Н. Крестьянинова. – М.: Акад. Труда и социальн. отношений; Междунар. Ин-т экономики и права, 1998. – 208 с.

14. Ильясова, Г. Профсоюзы шахтеров против забастовки / Г. Ильясова // Заполярье (Воркута). – 1998. – 7 октября.
15. Поцелуев, С. П. Ритуализация конфликта (по материалам «рельсовой войны» 1998 г.) / С. П. Поцелуев // Полис. – 2004. – № 3.
16. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
17. Тулеев, А. Преодоление / А. Г. Тулеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 583 с.
18. Указ президента Российской Федерации «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» // Пласт (Ростовская область). – 1998. – № 20 (37), май.
19. Учения на железной дороге // Шахтерская правда (Прокопьевск). – 1999. – 18 мая.
20. Худобин, Е. Требуя от Москвы, думать о Кузбассе / Е. Худобин // Кузбасс. – 1998. – 22 мая.

Информация об авторе:

Соловенок Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(38451)64432, igs-71@rambler.ru.

Igor S. Solovenko – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Economics and Automated Control Systems, Yurga Institute of Technology (branch) of National Research Tomsk Polytechnic University.

МАТЕМАТИКА

УДК 517.9

О КОНЕЧНОМЕРНОЙ АППРОКСИМАЦИИ УРАВНЕНИЙ ДВИЖЕНИЙ СМЕСЕЙ ВЯЗКИХ СЖИМАЕМЫХ ЖИДКОСТЕЙ

Н. А. Кучер, М. В. Краюшкина, О. В. Малышенко

FINITE DIMENSIONAL APPROXIMATION OF COMPRESSIBLE NAVIER-STOKES EQUATIONS FOR BINARY MIXTURES

N. A. Kucher, M. V. Krayushkina, O. V. Malysenko

В работе установлена корректность конечномерной системы операторных уравнений, возникающих в результате аппроксимации системы нелинейных дифференциальных уравнений составного типа, моделирующих пространственные нестационарные течения бинарных смесей вязких сжимаемых жидкостей. Результаты, полученные в этой работе, могут быть положены в основу численного алгоритма решения упомянутой задачи механики.

Nonlinear evolutionary equations modelling compressible flows of binary mixtures are considered. Well-posedness of boundary value problems for finite dimensional approximation of these equations is proved. The results can be used for numerical simulation of such flows.

Ключевые слова: смеси вязких сжимаемых жидкостей, краевая задача, динамика смесей.

Keywords: mixture of viscous compressible fluids, boundary value problem, dynamics of mixtures.

Математическая модель бинарной смеси вязких сжимаемых жидкостей, о конечномерной аппроксимации которой идет речь в данной работе, основана на подходе, предложенном в [1] и в некотором роде является обобщением классической модели Навье – Стокса. Нелокальные результаты для многомерных уравнений смесей с учетом сжимаемости и вязкости составляющих на сегодняшний день получены только для стационарных течений [2 – 4]. Более простые модели (в приближении Стокса и квази – стационарные модели) с позиции существования решений в целом изучены в работах [5 – 7]. Исследования, проведен-

ные в данной работе, являются необходимым этапом доказательства существования глобальных решений нестационарных уравнений смесей вязких жидкостей.

Вспомогательные предложения

В работе используются общепринятые (см., например, [8 – 10]) обозначения функциональных пространств: $L^p(\Omega)$ ($W^{l,p}(\Omega)$) – пространство функций, интегрируемых со степенью $p \geq 1$ (вместе с обобщенными производными до порядка $l \geq 0$ включительно). $C^l(\bar{\Omega})$ ($C_0^l(\Omega)$) – банахово пространство

функций, обладающих непрерывными частными производными до порядка $l \geq 0$ включительно в $\bar{\Omega}$ (с компактными носителями, лежащими в Ω). Мы не различаем обозначения пространств вектор – функций и скалярных функций.

Пусть Ω – ограниченная область в евклидовом пространстве R^3 точек $x = (x_1, x_2, x_3)$ и ее граница $\partial\Omega$ принадлежит классу $C^{2+\alpha}$, $0 < \alpha < 1$.

Рассмотрим следующую параболическую задачу:

$$\partial_t(\rho) + \operatorname{div}(\rho \vec{u}) = \varepsilon \Delta \rho \text{ в } Q_T = (0, T) \times \Omega, \quad (1.a)$$

$$\rho|_{t=0} = \rho^0 \text{ в } \Omega, \quad (1.b)$$

$$\nabla \rho \cdot \vec{n} = 0 \text{ в } (0, T) \times \partial\Omega, \quad (1.c)$$

для искомой функции $\rho(t, x)$, $t \in I = (0, T)$, $x \in \Omega$, где $\varepsilon > 0$ – заданная постоянная, ρ^0 – заданная в Ω функция, а $\vec{u}(t, x)$ – заданное векторное поле, обращаяющееся в нуль на границе $I \times \partial\Omega$ цилиндра Q_T .

Лемма 1. Предположим, что

$$\rho^0 \in W^{1,\infty}(\Omega), \quad 0 < \underline{\rho} \leq \rho^0 \leq \bar{\rho} < \infty,$$

где $\bar{\rho}, \underline{\rho}$ – постоянные и $\vec{u} \in L^\infty(I, W_0^{1,\infty}(\Omega))$.

Тогда существует единственное решение

$$\rho = S_{\rho^0}(\vec{u}) \text{ задачи (1) в классе}$$

$$\rho \in L^2(I, W^{2,p}(\Omega)) \cap C^0(\bar{I}, W^{1,p}(\Omega)),$$

$$\partial_t \rho \in L^2(I, L^p(\Omega)), \quad 1 < p < \infty.$$

При этом уравнение (1.a) выполнено п. в. в Q_T , начальное условие (1.b) – п. в. в Ω , а граничные условия (1.c) – в смысле следов п. в. в I .

Справедливы оценки

$$\begin{aligned} & \underline{\rho} \exp \left\{ - \int_0^t \|\operatorname{div} \vec{u}\|_{L^\infty(\Omega)} d\tau \right\} \leq \\ & \leq \left[S_{\rho^0}(\vec{u}) \right](x, t) \leq \\ & \leq \bar{\rho} \exp \left\{ \int_0^t \|\operatorname{div} \vec{u}\|_{L^\infty(\Omega)} d\tau \right\}, \end{aligned} \quad (2)$$

$t \in \bar{I}$, для почти всех $x \in \Omega$.

Если $\|\vec{u}\|_{L^\infty(I, W^{1,\infty}(\Omega))} \leq K$, где $K = \text{const} > 0$, то

$$\begin{aligned} & \|S_{\rho^0}(\vec{u})\|_{L^\infty(I, W^{1,2}(\Omega))} \leq \\ & \leq c \|\rho^0\|_{W^{1,2}(\Omega)} \exp \left\{ \frac{c}{2\varepsilon} (K + K^2) t \right\}, \end{aligned} \quad (3)$$

$t \in \bar{I}$.

$$\begin{aligned} & \|\nabla^2 S_{\rho^0}(\vec{u})\|_{L^2(Q_t)} \leq \frac{C}{\varepsilon} \sqrt{t} \|\rho^0\|_{W^{1,2}(\Omega)} \cdot \\ & \cdot K \exp \left\{ \frac{C}{2\varepsilon} (K + K^2) t \right\}, \quad t \in \bar{I}. \end{aligned} \quad (4)$$

$$\begin{aligned} & \|\partial_t S_{\rho^0}(\vec{u})\|_{L^2(Q_t)} \leq C \sqrt{t} \|\rho^0\|_{W^{1,2}(\Omega)} \cdot \\ & \cdot K \exp \left\{ \frac{C}{2\varepsilon} (K + K^2) t \right\}, \quad t \in \bar{I}. \end{aligned} \quad (5)$$

$$\begin{aligned} & \| [S_{\rho^0}(\vec{u}_1) - S_{\rho^0}(\vec{u}_2)](t) \|_{L^2(\Omega)} \leq \\ & \leq C_I(K, \varepsilon, T) \cdot t \cdot \|\rho^0\|_{W^{1,2}(\Omega)} \cdot \\ & \cdot \|\vec{u}_1 - \vec{u}_2\|_{L^\infty(I, W^{1,\infty}(\Omega))}, \quad t \in \bar{I}. \end{aligned} \quad (6)$$

Постоянная C в неравенствах (3) – (5) зависит от области Ω и не зависит от $\varepsilon, K, \rho^0, \vec{u}$. Доказательство леммы 1 имеется в [11].

Выберем систему достаточно гладких вектор – функций $\{\vec{\psi}_i\}_{i=1}^\infty$, образующую ортонормированный базис в $L^2(\Omega)$, а также ортонормированный базис в $W_0^{1,2}(\Omega)$. Рассмотрим последовательность конечно-мерных пространств X_n с базисом $\{\vec{\psi}_i\}_{i=1}^n$ и скалярным произведением $(\vec{u}, \vec{v}) = (\vec{u}, \vec{v})_{X_n} = \int_\Omega \vec{u} \cdot \vec{v} dx$, $\vec{u}, \vec{v} \in X_n$.

Отметим, что все нормы на X_n , и, в частности $W^{k,p}(\Omega)$ – норма $k = 0, 1, \dots$, $1 \leq p \leq \infty$ эквивалентны на X_n . Через $P_n = P$ обозначим ортогональный проектор из $L^2(\Omega)$ в X_n .

Пусть дана функция

$$g \in C^0(I, L^1(\Omega)), \quad \partial_t g \in L^1(Q_T), \quad \operatorname{ess\,inf}_{(t,x) \in Q_T} g(t, x) \geq a_I > 0.$$

Так как отображение $\vec{w} \rightarrow \int_\Omega g(t) \vec{v} \cdot \vec{w} dx$ является огра-

ниченным линейным функционалом на X_n , то по теореме Рисса его можно представить в виде скалярного произведения $(M_{g(t)} \vec{v}, \vec{w})$, $M_{g(t)} \vec{v} \in X_n$ и тем самым для всех $t \in \bar{I}$ определено линейное отображение $M_{g(t)} : X_n \rightarrow X_n$,

$$(M_{g(t)} \vec{v}, \vec{w}) = \int_\Omega g(t) \vec{v} \cdot \vec{w} dx, \quad \vec{v}, \vec{w} \in X_n.$$

Отметим следующие свойства оператора $M_{g(t)}$ [1]:

$$\|M_{g(t)}\|_{L(X_n, X_n)} \leq c(n) \int_\Omega g(t) dx, \quad t \in \bar{I}.$$

Обратный оператор $M_{g(t)}^{-1}$ существует для всех $t \in \bar{I}$ и при этом справедлива оценка

$$\|M_{g(t)}^{-1}\|_{L(X_n, X_n)} \leq \frac{1}{a_I}$$

$$\|M_{g_2(t)} - M_{g_1(t)}\|_{L(X_n, X_n)} \leq \frac{c(n)}{a_I} \|g_2(t) - g_1(t)\|_{0,I}.$$

Уравнения Фаздо-Галеркина

Для произвольно выбранного $T' = (0, T]$, $i = 1, 2$, ищутся вектор – функции $\vec{u}^{(i)} \in C^0(\bar{I}, X_n)$, $\bar{I} = (0, T')$, $i = 1, 2$, удовлетворяющие для любой $\vec{\varphi} \in X_n$ уравнениям:

$$\begin{aligned} & \int_\Omega \rho_i(t) \vec{u}^{(i)} \vec{\varphi} dx - \int_\Omega \vec{q}_i \vec{\varphi} dx = \\ & = \int_0^t \int_\Omega N_i(\rho_i, \vec{u}^{(1)}, \vec{u}^{(2)}) \cdot \vec{\varphi} dx dt, \end{aligned} \quad (7)$$

$$\begin{aligned} N_i(\rho_i, \bar{u}^{(1)}, \bar{u}^{(2)}) = & \sum_{j=1}^2 \mu_{ij} \Delta \bar{u}^{(j)} + \sum_{j=1}^2 (\lambda_{ij} + \mu_{ij}) \nabla \operatorname{div} \bar{u}^{(j)} - \\ & - \nabla \rho_i^{\gamma_i} - \delta \nabla \rho_i^{\beta_i} - \operatorname{div}(\rho_i \bar{u}^{(i)} \otimes \bar{u}^{(i)}) - \\ & - \varepsilon (\nabla \rho_i \cdot \nabla) \bar{u}^{(i)} + (-1)^{i+1} \cdot a(\bar{u}^{(2)} - \bar{u}^{(1)}). \end{aligned} \quad (8)$$

Здесь $\rho_i(t) = [S_{\rho_i^0}(\bar{u}^{(i)})](t)$ – решение задачи (1), построенные в лемме 1, функции $\rho_i^0(x)$, $i = 1, 2$, удовлетворяют условиям леммы 1, μ_{ij} и λ_{ij} , $i = 1, 2$ – заданные постоянные, характеризующие вязкостные свойства смеси, и удовлетворяющие условиям:

$$\begin{aligned} \mu_{11} &> 0, \quad \lambda_{11} + 2\mu_{11} > 0, \\ 4\mu_{11} \cdot \mu_{22} - (\mu_{12} + \mu_{21})^2 &> 0, \\ 4(\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \cdot (\lambda_{22} + 2\mu_{22}) - (\lambda_{12} + 2\mu_{12} + \lambda_{21} + 2\mu_{21})^2 &> 0 \end{aligned}$$

$$\bar{u}^{(i)}(t) = M \left[S_{\rho_i^0}(\bar{u}^{(i)}) \right]_{(t)} \left\{ P \bar{q}_i + \int_0^t P \left[N_i \left(S_{\rho_i^0}(\bar{u}^{(i)}), \bar{u}^{(1)}, \bar{u}^{(2)} \right) \right] d\tau \right\}, \quad i = 1, 2. \quad (9)$$

Лемма 2. Найдется $T' > 0$ такое, что на промежутке $0 < t < T'$ существует единственное решение $\bar{u}^{(i)} \in C^0((0, T'), X_n)$, $i = 1, 2$ системы (9).

Доказательство. Отметим сначала следующие факты.

1. Предположим, что

$$\|\bar{v}^{(i)}\|_{C^0(\bar{I}, X_n)} \leq K_i, \quad i = 1, 2, \quad (10)$$

K_i – некоторая положительная постоянная. Тогда справедливы неравенства:

$$\|P[N_i(\rho_i, \bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)})](t)\|_{X_n} \leq d_i, \quad i = 1, 2, \quad t \in I, \quad (11)$$

где постоянные d_i зависят от $K_i, T, n, \bar{\rho}$ и параметров задачи (7).

Рассмотрим пары $\{\rho_{i,1}, \bar{v}_1^{(i)}\}$, $\{\rho_{i,2}, \bar{v}_2^{(i)}\}$, $\rho_{i,1} = S_{\rho_i^0}(\bar{v}_1^{(i)})$, $\rho_{i,2} = S_{\rho_i^0}(\bar{v}_2^{(i)})$, $i = 1, 2$, где $\bar{v}_1^{(i)}, \bar{v}_2^{(i)}$ принадлежат классу $C^0(\bar{I}, X_n)$ и удовлетворяют условиям (10). Тогда имеют место неравенства:

$$\begin{aligned} & \|P[N_i(\rho_{i,1}, \bar{v}_1^{(i)}, \bar{v}_1^{(2)}) - N_i(\rho_{i,2}, \bar{v}_2^{(i)}, \bar{v}_2^{(2)})](t)\|_{X_n} \leq \\ & \leq L_i \left(\|\rho_{i,1}(t) - \rho_{i,2}(t)\|_{L^1(\Omega)} + \sum_{j=1}^2 \|(\bar{v}_1^{(j)} - \bar{v}_2^{(j)})(t)\|_{X_n} \right), \end{aligned} \quad (12)$$

$$i = 1, 2, \quad t \in \bar{I},$$

где постоянные L_i зависят от $K_i, T, n, \bar{\rho}$.

Положим для краткости записи $\rho_i(t) = [S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)})](t)$, где $\bar{v}^{(i)}$ принадлежат классу $C^0(\bar{I}, X_n)$ и удовлетворяют условиям (10). Тогда справедливы оценки:

$$\|M_{\rho_i(t)}^{-1}\|_{L(X_n, X_n)} \leq \bar{\rho}^{-1} \exp\{K_i \cdot t\} \quad (13)$$

$$\|M_{\rho_i(t)}^{-1} - M_{\rho_i(0)}^{-1}\|_{L(X_n, X_n)} \leq c(n, \Omega) \cdot \sqrt{t} \exp\{K_i \cdot t\} \cdot H(K_i, t), \quad (14)$$

где

a – положительная постоянная $\gamma_i > 1$ – показатели политропы компонентов смеси, $\delta, \varepsilon > 0$, $\beta_i > 1$ – параметры регуляризации, $\bar{q}_i(x)$ – заданные в Ω векторные поля (физически вектор $\bar{u}^{(i)}$ характеризует приближенное значение вектора скорости частиц i -той компоненты смеси, а ρ_i – приближенное значения поля плотностей i -той компоненты).

Уравнения (7), (8) могут быть записаны в операторной форме:

$$\begin{aligned} H(K_i, t) &= \bar{\rho}^{-2} \|\rho_i^0\|_{W^{1,2}(\Omega)} \cdot \\ & \cdot \left[I + K_i(I+t) \exp\left\{ \frac{c_0}{2\varepsilon} (K_i + K_i^2)t \right\} \right], \end{aligned}$$

c_0 – постоянная, зависящая только от области Ω .

Предположим, теперь что векторные поля $\bar{v}^{(i)}(t) \in C^0(\bar{I}, X_n)$ удовлетворяют условиям

$$\|\bar{v}^{(i)}(t) - \bar{v}_*^{(i)}\|_{X_n} \leq K_2, \quad i = 1, 2, \quad (15)$$

где $\bar{v}_*^{(i)} = M_{\rho_i^0}^{-1} P \bar{q}_i$, $i = 1, 2$, K_2 – некоторая положительная постоянная. В силу свойств проектора P

$$\|\bar{v}_*^{(i)}\|_{X_n} \leq \bar{\rho}^{-1} \cdot \|\bar{q}_i\|_{L^2(\Omega)} \text{ и тем самым}$$

$$\|\bar{v}^{(i)}(t)\|_{L_\infty} \leq K_3, \quad K_3 = c(n) \left(K_2 + \bar{\rho}^{-1} \max_i \|\bar{q}_i\|_{L^2(\Omega)} \right). \quad (16)$$

В силу леммы 1 имеет место соотношение

$$\operatorname{ess\,inf}_\Omega \rho_i(t) \geq \bar{\rho} \exp \left\{ - \int_0^t \|\bar{v}^{(i)}(\tau)\|_{L_\infty} d\tau \right\} \text{ и поэтому нера-$$

венство (16) влечет оценку

$$\operatorname{ess\,inf}_\Omega \rho_i(t) \geq \bar{\rho} \exp\{K_3 \cdot t\}. \quad (17)$$

Рассмотрим отображение

$$\begin{aligned} \mathbf{F}(\bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)})(t) &= \left\{ \begin{aligned} & \mathbf{F}_{\rho_1^0, \bar{q}_1}^{(1)}(\bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)})(t), \\ & \mathbf{F}_{\rho_2^0, \bar{q}_2}^{(2)}(\bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)})(t) \end{aligned} \right\}, \\ \mathbf{F}_{\rho_i^0, \bar{q}_i}^{(i)}(\bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)})(t) &= M_{\rho_i^0}^{-1} \left[S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)}) \right]_{(t)} \cdot \\ & \cdot \left\{ P \bar{q}_i + \int_0^t P \left[N_i \left(S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)}), \bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)} \right) \right] d\tau \right\} \end{aligned} \quad (18)$$

пространства $C^0(\bar{I}_0, X_n)$ в себя.

Пусть параметр $\tau_0 \in (0, T)$ выбран из условий

$$\exp\{K_3 \cdot \tau_0\} \leq 2, \quad \exp\left\{ \frac{c_0}{2\varepsilon} (K_3 + K_3^2) \tau_0 \right\} \leq 2, \quad (19)$$

$$2M_0[3 + 2K_3(I + \tau_0)] \sqrt{\tau_0} + 2d\tau_0 \leq K_2,$$

где $M_0 = c(\Omega, n) \rho^{-2} \cdot \sqrt{\sum_{i=1}^2 \|\rho_i^0\|_{L^2}^2 \cdot \|\bar{q}_i\|_{0,2}^2}$,

$$d = d(K_3, \rho_i, T, n) = \sqrt{\sum_{i=1}^2 d_i^2}.$$

Постоянные d_i взяты из неравенств (11), в которых роль постоянной K_l играет K_3 . На основании свойств (11), (13) и (14) может быть доказано, что при выполнении условий (19) отображение $\mathbf{F}$, определенное в (18), переводит шар

$$B_{K_2, \tau_0} = \left\{ \left(\bar{v}^{(1)}, \bar{v}^{(2)} \right) \in C^0(\bar{I}_{\tau_0}, X_n) : \sum_{i=1}^2 \|\bar{v}^{(i)} - \bar{v}_*^{(i)}\|_{C^0(\bar{I}_{\tau_0}, X_n)}^2 \leq K_2^2 \right\} \quad (20)$$

в себя.

Докажем теперь, что при подходящем выборе параметра $\tau_0 > 0$ отображение $\mathbf{F}$ является сжимающим.

Пусть элементы $\bar{v}_1 = (\bar{v}_1^{(1)}, \bar{v}_1^{(2)})$, $\bar{v}_2 = (\bar{v}_2^{(1)}, \bar{v}_2^{(2)})$ принадлежат шару B_{K_2, τ_0} . В силу свойств b), c) оператора $M_{g(t)}$ и неравенства (2), (6) имеют место оценки:

$$\begin{aligned} \|M_{\rho_i(t)}^{-1}\|_{L(X_n, X_n)} &\leq \frac{1}{\rho} e^{K_2 t}, \\ \left\| M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_1^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} - M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_2^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} \right\|_{L(X_n, X_n)} &\leq \\ &\leq c(n, \varepsilon, K_2, T) \cdot t \cdot \|\rho_i^0\|_{0,1} \cdot \|\bar{v}_1^{(i)} - \bar{v}_2^{(i)}\|_{L^\infty(I_i, W^{1,\infty}(\Omega))}. \end{aligned} \quad (21)$$

Из тождества:

$$\begin{aligned} \mathbf{F}_{\rho_i^0, \bar{q}_i}^{(i)}(\bar{v}_1^{(i)}, \bar{v}_1^{(2)})(t) - \mathbf{F}_{\rho_i^0, \bar{q}_i}^{(i)}(\bar{v}_2^{(i)}, \bar{v}_2^{(2)})(t) &= \\ &= \left\{ M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_1^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} - M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_2^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} \right\} P \bar{q} + \\ &+ \left\{ M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_1^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} - M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_2^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} \right\} \cdot \\ &\cdot \int_0^t P \left[N_i \left(S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)}, \bar{v}_1^{(i)}, \bar{v}_1^{(2)}) \right) \right] d\tau + \\ &+ M_{\left[S_{\rho_i^0(\bar{v}_2^{(i)})} \right]^{(t)}}^{-1} \int_0^t P \left[N_i \left(S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)}, \bar{v}_1^{(i)}, \bar{v}_1^{(2)}) \right) - \right. \\ &\left. - N_i \left(S_{\rho_i^0}(\bar{v}^{(i)}, \bar{v}_2^{(i)}, \bar{v}_2^{(2)}) \right) \right] d\tau, \end{aligned} \quad (22)$$

и оценок (21) получаем неравенство

$$\|\mathbf{F}(\bar{v}_1) - \mathbf{F}(\bar{v}_2)\|_{C^0(\bar{I}_{\tau_0}, X_n)} \leq \alpha(t) \cdot \|\bar{v}_1 - \bar{v}_2\|_{C^0(\bar{I}_{\tau_0}, X_n)}, \quad (23)$$

где

$$\begin{aligned} \alpha(t) &= \frac{c}{\rho^2} e^{2K_2 t} \cdot G(t), \quad G(t) = \\ &= \sqrt{\sum \left(\|\rho_i^0\|_{0,1}^2 \cdot \|\bar{q}_i\|_{L^2(\Omega)}^2 \cdot t^2 + \|\rho_i^0\|_{0,1}^2 \cdot d_i^2 \cdot t^4 + \|\rho_i^0\|_{0,1}^2 \cdot L_i^2 \cdot t^4 + 4t \right)}. \end{aligned}$$

Пусть параметр τ_0 наряду с условием (19) удовлетворяет требованию $c \rho^{-2} \cdot G(\tau_0) < 1$.

Тогда $\alpha(t) \leq \alpha(\tau_0) < 1$ и, следовательно, отображение $\mathbf{F}$ — шара B_{K_2, τ_0} в себя является сжимающим.

Лемма 2 доказана.

Основной результат работы сформулируем в виде следующей теоремы.

Теорема. На любом конечном промежутке $0 < t < T$ система уравнений (9) имеет единственное решение в классе $C^0((0, T), X_n)$.

Доказательство. Легко видеть, что возможность продолжения локального решения, построенного в лемме 2, на произвольный конечный временной интервал $(0, T)$, следует из ограниченности в пространстве $C^0((0, T), L^2(\Omega))$ семейства решений уравнений (9). Действительно, располагая оценкой

$$\|\bar{u}^{(i)}(t)\|_{L^2(\Omega)} \leq C, \quad (24)$$

получаем, что

$$\left\{ \sum_{i=1}^2 \|\bar{u}^{(i)} - \bar{v}_*^{(i)}\|_{C^0(I_i, X_n)} \right\}^{\frac{1}{2}} \leq \left\{ \sum_{i=1}^2 \left(C + \frac{1}{\rho} \|\bar{q}_i\|_{L^2(\Omega)} \right)^2 \right\}^{\frac{1}{2}} = \tilde{K}_2.$$

Таким образом, решение системы уравнений (9) принадлежит шару $B_{\tilde{K}_2, T}(\bar{v}_*)$, $\bar{v}_* = (\bar{v}_*^{(1)}, \bar{v}_*^{(2)})$, и поэтому выбирая в качестве радиуса K_2 шара B_{K_2, τ_0} , число $K_2 \geq \tilde{K}_2$, мы за конечное число шагов продолжим локальное решение уравнений (10) на произвольный конечный промежуток времени $(0, T)$. Докажем теперь оценку (24). Пусть

$\bar{u}^{(i)}(t) = \bar{u}_n^{(i)}(t, x) = \sum_{j=1}^n c_j^{(i)}(t) \bar{\psi}_j(x) \in C^0(I, X_n)$ — решение уравнений (9), которые в данном случае удобнее представить в форме (7), (8), где $\rho_i = S_{\rho_i^0}(\bar{u}^{(i)})$, $i = 1, 2$. Для каждой базисной функции $\bar{\psi}_k(x)$, $k = 1, \dots, n$, из (7), (8) после дифференцирования по t получаем тождество:

$$\begin{aligned} \frac{d}{dt} \int_{\Omega} (\rho_i \cdot \bar{u}^{(i)}) \cdot \bar{\psi}_k(x) dx &= \\ \frac{d}{dt} \int_{\Omega} N_i(\rho_i, \bar{u}^{(1)}, \bar{u}^{(2)}) \cdot \bar{\psi}_k(x) dx, \quad k = 1, \dots, n. \end{aligned}$$

Умножая эти уравнения соответственно на $c_k^{(i)}(t)$ и суммируя по k , получаем следующее энергетическое неравенство на решениях уравнений (9):

$$\begin{aligned} & \frac{d}{dt} \int_{\Omega} \sum_{i=1}^2 \left\{ \frac{1}{2} \rho_i |\vec{u}^{(i)}|^2 + \frac{1}{\gamma_i - 1} \rho_i^{\gamma_i} + \frac{\delta}{\beta_i - 1} \rho_i^{\beta_i} \right\} dx + c_0 \int_{\Omega} \left(|\nabla \vec{u}^{(1)}|^2 + |\nabla \vec{u}^{(2)}|^2 \right) dx + \\ & + \varepsilon \int_{\Omega} \sum_{i=1}^2 \left(\gamma_i \rho_i^{\gamma_i-2} + \delta \beta_i \rho_i^{\beta_i-2} \right) |\nabla \rho_i|^2 dx + a \int_{\Omega} |\vec{u}^{(1)} - \vec{u}^{(2)}|^2 dx \leq 0. \end{aligned} \quad (25)$$

Из (25), в частности, следуют неравенства:

$$\int_{\Omega} \rho_i |\vec{u}^{(i)}|^2 dx \leq \hat{\varepsilon}_{\delta,0}, \quad \int_0^t \left(\|\vec{u}^{(1)}\|_{W^{1,2}(\Omega)}^2 + \|\vec{u}^{(2)}\|_{W^{1,2}(\Omega)}^2 \right) d\tau \leq \frac{1}{c_0} \hat{\varepsilon}_{\delta,0}, \quad (26)$$

где $\hat{\varepsilon}_{\delta,0} = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^2 \bar{\rho} \|\vec{u}_0^{(i)}\|_{0,2}^2 + \sum_{k=1}^2 \left\{ \frac{1}{\gamma_k - 1} (\rho_k^0)^{\gamma_k} + \frac{\delta}{\beta_k - 1} (\rho_k^0)^{\beta_k} \right\} dx$ – известная постоянная, не зависящая от номера n .

На основании оценки (2) леммы 1 имеем:

$$\rho_i(t) \geq \underline{\rho} \exp \left\{ - \int_0^t c(n) \|\vec{u}^{(i)}\|_{1,2} d\tau \right\} \geq \underline{\rho} \exp \left\{ - c(n) \sqrt{T} \cdot \sqrt{\frac{1}{c_0} \hat{\varepsilon}_{\delta,0}} \right\}. \quad (27)$$

Из неравенств (26), (27) вытекает оценка (24), так как $\int_{\Omega} |\vec{u}^{(k)}|^2 dx \leq \hat{\varepsilon}_{\delta,0} \cdot \underline{\rho} \exp \left\{ c(n) \sqrt{\frac{T \hat{\varepsilon}_{\delta,0}}{c_0}} \right\}$, $k = 1, 2$.

Теорема доказана.

Литература

1. Rajagopal, K. R. Mechanics of mixtures / K. R. Rajagopal, L. Tao. – Singapore: Word Sci., 1995.
2. Кучер, Н. А. Стационарные решения смеси вязких сжимаемых жидкостей / Н. А. Кучер, Д. А. Прокудин // Сиб. журн. индустр. математики. – 2009. – Т. 12. – № 3. – С. 52 – 65.
3. Кучер, Н. А. Корректность первой краевой задачи для уравнений смесей вязких сжимаемых жидкостей / Н. А. Кучер, Д. А. Прокудин // Вестник НГУ. – 2009. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 33 – 53.
4. Кучер, Н. А. Стационарные решения уравнений смесей вязких сжимаемых жидкостей / Н. А. Кучер, А. Е. Мамонтов, Д. А. Прокудин // Сибирский математический журнал. – 2012. – Т. 23. – № 6. – С. 1338 – 1353.
5. Frehse, J. On a Stokes-like system for mixtures of fluids / J. Frehse, S. Goj, J. Malek // SIAM J. Math. Anal. – 2005. – V. 36. – № 4. – P. 1259 – 1281.
6. Goj, S. Analysis for mixtures of fluids: Dissertation / S. Goj // Universitat Bonn. Math. Inst. – 2005. – Режим доступа: <http://bib.math.uni-bonn.de/downloads/bms/BMS-375.pdf>.
7. Frehse, J. On quasi – stationary models of mixtures of compressible fluids / J. Frehse, W. Weigant // Appl. Math. – 2008. – V. 53. – № 4. – P. 319 – 345.
8. Соболев, С. Л. Избранные вопросы теории функциональных пространств и обобщенных функций / С. Л. Соболев. – М.: Наука – 1989. – 254 с.
9. Мазья, В. Г. Пространства С. Л. Соболева / В. Г. Мазья. – Л.: Из-во Ленинград. гос. ун-та, 1985. – 416 с.
10. Никольский, С. М. Приближение функций многих переменных и теоремы вложения / С. М. Никольский. – М: Наука, 1977. – 456 с.
11. Novotny, A. Introduction to the Mathematical Theory of Compressible Flow / A. Novotny // Oxford University Press. – 2004.

Информация об авторах:

Кучер Николай Алексеевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры дифференциальных уравнений математического факультета КемГУ, nakycher@rambler.ru.

Nikolay A. Kucher – Doctor of Physics and Mathematics, Professor at the Department of Differential Equations, Kemerovo State University.

Краюшкина Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры дифференциальных уравнений математического факультета КемГУ, krayushkinanv@mail.ru.

Marina V. Krayushkina – Senior Lecturer at the Department of Differential Equations, Kemerovo State University.

Малышенко Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры дифференциальных уравнений математического факультета КемГУ, molga81@list.ru.

Olga V. Malyschenko – Senior Lecturer at the Department of Differential Equations, Kemerovo State University.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.02 (37.016)

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЦИКЛА ЗАНЯТИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

А. М. Алексеева

SYSTEM OF PRINCIPLES OF DESIGNING A FOREIGN LANGUAGE LESSONS SERIES IN PROFESSIONAL EDUCATION

A. M. Alekseeva

Статья представляет обоснование системы дидактических и методических принципов проектирования цикла занятий по иностранному языку в профессиональном образовании. Автор рассматривает варианты их воплощения через технологические принципы проектирования цикла занятий, дает ряд практических рекомендаций, касающихся проектирования процесса обучения по предмету «Иностранный язык» в профессиональном образовании. Статья может представлять интерес для методистов, специалистов в области лингводидактики.

The paper provides the grounds for the system of didactic and methodic principles of designing a foreign language lessons series in professional education. The author considers the variants of their implementation through the technological principles of the lessons series design; some practical recommendations concerning the design of a foreign language lessons series in professional education are given. The article may interest material developers, and specialists in the field of linguodidactics.

Ключевые слова: принципы проектирования занятий, обучение иностранному языку в профессиональном образовании, индивидуальные образовательные траектории.

Keywords: principles of lessons design, teaching foreign languages in professional education (ESP), individual learning paths.

Изучение предмета «иностраннй язык» (далее – «ИЯ») традиционно является частью подготовки специалиста в профессиональном образовании. Нормативные документы (уставы, положения, квалификационные характеристики, примерные образовательные программы) указывают [5, с. 9] на то, что данный учебный предмет призван сыграть значимую роль в расширении образовательного кругозора студентов, в процессе социализации личности будущих специалистов, готовности к жизни в условиях многонационального и поликультурного мира. Первостепенное значение приобретает практическое владение иностранным языком делового общения в устной и письменной речи, умение использовать его в своей будущей профессиональной деятельности.

Оптимальная организация обучения ИЯ как средство достижения высоких результатов подразумевает построение системы принципов, исходных положений, определяющих содержание, формы, методы, средства и характер взаимодействия преподавателя и студентов.

В педагогической литературе вопрос о принципах обучения, в том числе методике обучения иностранному языку, рассматривался такими исследователями как Е. В. Борзова, А. С. Воронин, М. И. Махмутов, В. А. Сластенин, Е. Н. Соловова, А. Н. Щукин, Д. В. Чернилевский и многими другими. Существуют разные точки зрения относительно общего перечня и формулировки отдельных принципов, что, по нашему мнению, может быть объяснено ориентацией на раз-

личные условия обучения, различные возрастные группы обучающихся, предпочтением исследователями того или иного подхода к обучению.

С нашей точки зрения, обучение предмету может быть организовано наиболее эффективно только в том случае, когда в его основе лежит система принципов, отобранных с учетом особенностей условий организации обучения, возрастных особенностей студентов и ориентацией на цели обучения, воспитания и развития, установленные нормативными документами.

Определяя систему принципов при проектировании цикла занятий по иностранному языку в профессиональном образовании, по нашему мнению, целесообразно выделить три уровня:

- общедидактический, отражающий общие закономерности обучения, воспитания и развития;
- методический, учитывающий особенности обучения конкретному предмету;
- технологический, определяющий реализацию дидактических и методических принципов в конкретных методах, приемах, видах заданий.

**Учет дидактических и методических принципов при проектировании цикла занятий по ИЯ
в профессиональном образовании**

Дидактические принципы →	Методические принципы →	Принципы проектирования цикла занятий
Гуманистическая направленность образования. Доступность и посильность обучения для каждого учащегося.	Принцип индивидуализации и дифференциации обучения.	Гибкость и вариативность проектируемого цикла (саморазвитие, динамизм, нелинейность). Разнообразие используемых форм, методов, средств, содержания. Учет индивидуальных образовательных траекторий.
Развивающий характер, проблемность обучения.	Принцип моделирования проблемных ситуаций.	Использование технологий проблемного обучения, заданий на развитие критического мышления.
Воспитывающий характер обучения ИЯ.	Принцип учета взаимодействия культур.	Проектирование заданий, направленных на развитие умений межличностного и межнационального общения, уважение мнений других людей, развитие морально-этических качеств.
Целостность, систематичность и последовательность, преемственность обучения. Прочность усвоения.	Принцип дифференциации и интеграции. Принцип взаимосвязанности всех компонентов учебного процесса.	Проектирование заданий, обеспечивающих интегрированное и поэтапное развитие навыков и умений, систематизацию, коррекцию, обобщение учебного материала. Вариативность форм контроля.
Профессиональная направленность обучения ИЯ.	Опора на опыт учащихся. Принцип четкого осознания, учета и развития ближних и дальних перспектив изучения ИЯ. Учет родного языка.	Контекстность обучения, которая реализуется в заданиях, направленных на приобретение опыта, связанного с будущей профессиональной деятельностью.
Актуализация результатов обучения, связь обучения и реальной практики.	Принцип организации адекватной деятельности учащихся. Принцип коммуникативной направленности. Принцип развития комбинационной свободы в использовании усваиваемых языковых средств.	Адекватность заданий, их направленность на организацию содержательного, личностно-значимого общения, обеспечение опыта использования изученного материала.
Сознательность, активность, самостоятельность студентов. Принцип сотрудничества преподавателя и учащихся.	Развитие субъектности и автономности учащихся. Участие студентов в проектировании своей образовательной траектории.	Развитие умений самооценки, самостоятельной работы, индивидуальных учебно-познавательных стратегий, сотрудничества. Использование методов активного обучения.

В представленной таблице нами была предпринята попытка на основе анализа трудов исследователей и практики обучения иностранному языку в профессиональном образовании выделить три группы принципов и установить связи между ними.

Принцип гуманистической направленности образования в методическом плане связан с принципом индивидуализации и дифференциации образования. На этапе реализации проекта данные дидактические и методические принципы воплощаются в гибком, вариативном характере проектируемого цикла, определении вариантов деятельности преподавателя и студентов. Технологический принцип вариативности проектируемого цикла занятий, возможность вносить изменения, потенциал саморазвития проектируемой системы обусловлены тем, что даже имея представление об индивидуальных особенностях студентов, преподаватель не может учесть в полной мере все множество внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на учебный процесс. В первую очередь,

среди них можно назвать сложность усвоения и интерес к конкретной теме, результаты диагностических тестов и т. д. Обеспечить гибкость, адаптируемость цикла занятий под конкретные условия, с нашей точки зрения, возможно следующим образом:

- выделить вариативные и инвариантные элементы цикла;
- определить резерв времени (например, одно занятие в цикле), который может быть использован для систематизации и коррекции знаний, навыков, умений, либо для выполнения дополнительных творческих заданий;
- продумать возможности комбинации и перестановки элементов (учебных задач) внутри цикла;
- подготовить материал разного уровня сложности;
- создать «банк» дополнительных, резервных материалов и заданий.

Разнообразие методов, средств и форм обучения поможет преодолеть монотонность учебного процес-

са, учесть индивидуальные особенности студентов, в том числе стили учения. Индивидуализация обучения также проявляется в учете индивидуальных образовательных траекторий. Этот термин понимается нами в соответствии с определением, данным А. В. Хуторским, согласно которому «индивидуальная образовательная траектория» – это «персональный путь реализации личностного потенциала каждого ученика в образовании». Личностный потенциал он определяет как совокупность оргдеятельностных, познавательных, творческих и иных способностей учащегося [6, с. 44].

Необходимость разработки индивидуальных образовательных траекторий обусловлена самой природой обучения. С одной стороны, процесс овладения навыками и умениями профессионального общения на иностранном языке осуществляется в группах и строится в соответствии с логикой изучения ИЯ. С другой стороны, на пути от учителя к ученику знание неизбежно изменяется, трансформируется, учащиеся не отражают представленный учителем материал абсолютно точно, зеркально. Конечный продукт – знания, умения, навыки, приобретенные учащимися, никогда не могут быть в точности предсказаны и всегда окрашены его индивидуальными особенностями.

Необходимым требованием, обеспечивающим возможность учета индивидуальных образовательных траекторий, является такая организация учебного процесса, при которой учащийся выступает субъектом своей учебной деятельности, а преподаватель является, в первую очередь, консультантом, помощником. На практике формирование индивидуальных образовательных траекторий может быть реализовано следующим образом:

- индивидуализация и дифференциация заданий, ликвидация пробелов каждого конкретного учащегося («trouble-shooting»);
- индивидуальное консультирование преподавателем (возможность обсуждения проекта, письменной работы с преподавателем в аудиторное время, в то время как группа работает над другой учебной задачей);
- возможность выбора материалов на интересующую тему, выполнение индивидуального проекта, исследования;
- задания проблемного, творческого характера, «открытые» задания, допускающие варианты их выполнения.

Вместе с тем, необходимо отметить некоторые сложности обеспечения индивидуализации учебного процесса: во-первых, обучение иностранному языку осуществляется в группах, и количество времени, которое возможно уделять каждому отдельному студенту, напрямую зависит от ее размера. Во-вторых, такая организация работы требует намного больших затрат времени и сил преподавателя. Необходимость помнить, фиксировать «пробелы» каждого учащегося, подбирать необходимые задания, работать в быстрой смене режимов индивидуального консультирования и работы со всей группой требует тщательного планирования, серьезной подготовки и является утомительной. Однако, с нашей точки зрения, в той или иной мере этот принцип может и должен быть реализован

при проектировании цикла занятий по ИЯ в профессиональном образовании (в том числе и с привлечением соответствующих компьютерных программ). Принцип доступности и посильности связан с принципом индивидуализации обучения в том смысле, что организация обучения на оптимальном уровне трудности возможна только при учете индивидуальных особенностей и дифференцированном подходе к каждому студенту.

Дидактический принцип проблемно-развивающего обучения на уровне методики обучения иностранному языку воплощается в принципе моделирования проблемных ситуаций. Проблемная ситуация – это, по определению А. М. Матюшкина, «особый вид мыслительного взаимодействия субъекта и объекта, который характеризуется таким психическим состоянием, возникающим у субъекта (учащегося) при выполнении им задания, которое требует найти (открыть или усвоить) новые, ранее не известные субъекту знания или способы действия» [4, с. 93]. Две группы элементов – известное и неизвестное – составляют основу проблемной ситуации, порождаемой учебной или практической проблемой. Стремление разрешить возникшее интеллектуальное затруднение обуславливает необходимость сделать выбор, принять решение и, таким образом, служит средством активизации учебной деятельности студентов.

Воспитывающий характер обучения ИЯ обеспечивается заданиями на развитие умений межличностного и межнационального общения. Задания дискуссионного характера, представление различных точек зрения в ролевых играх, проблемные задания с ситуациями нравственного выбора способствуют развитию толерантности, уважению мнений других людей, развитию морально-этических качеств учащихся. Принцип учета взаимодействия двух культур определяет то, что при изучении иностранного языка происходит знакомство с иноязычной культурой и формирование умений представить свою собственную. В цикле занятий этот принцип реализуется при сравнении конкретного явления в нашей стране и за рубежом, знакомстве с жизнью и достижениями российских и зарубежных ученых, умении представить свою страну, действительность на иностранном языке.

Дидактический принцип преемственности, целостности, систематичности и последовательности учебного процесса в методике обучения ИЯ связан с принципом дифференциации и интеграции, а также принципом взаимосвязанности всех компонентов учебного процесса. Принцип дифференциации и интеграции заключается в том, что при развитии умений аудирования, говорения, чтения, письма в отдельном задании неизбежно затрагиваются несколько из них. Например, невозможно научиться использовать грамматическое правило в речи, не владея фонетическими навыками и лексикой. Взаимосвязанность всех компонентов учебного процесса при обучении ИЯ обеспечивает его целостность, непрерывность, преемственность на всех этапах обучения. Суть дифференциации заключается в том, что каждое явление отрабатывается посредством специально разработанной системы упражнений. Она проявляется на лингвистическом (повторяемость лексико-грамматиче-

ских средств) и технологическом планах (обобщающие, корректирующие уроки, универсальные опоры). Кроме того, дифференциация обеспечивается через такие приемы, как тестирование по изученному ранее, сквозные ретроспективные и перспективные задания, ситуации, требующие сопоставления новой и ранее изученной информации.

Профессиональная направленность обучения иностранному языку реализуется, в основном, за счет привлечения опыта учащихся. Их знания в профессиональной области из школьной программы, а также полученные при изучении предметов специальности в вузе составляют основу реализации контекстности обучения. Занятия по ИЯ включают в себя задания, выполняя которые учащиеся тренируются решать ситуации, возможные в их будущей профессиональной деятельности. Основными видами таких заданий являются тренировка в общении на иностранном языке в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью, поиск информации и работа с источниками на иностранном языке как часть исследования, подготовки доклада и т. п. Учет родного языка при выполнении подобного рода заданий обусловлен ориентацией на опыт студентов и выражается в сопоставлении грамматических, лексических и других явлений родного и иностранного языка, анализ сходств и отличий для более успешного включения их в речь студентов. В методической плоскости дидактический принцип профессиональной направленности выражается в принципе четкого осознания, учета и развития ближних и дальних перспектив изучения ИЯ, суть которого заключается в формировании средствами иностранного языка потребностей, интересов, мотивов студентов, развитии их познавательной сферы. В циклах занятий по иностранному языку в профессиональном образовании этот принцип проявляется при анализе целей и подцелей изучения ИЯ, подборе заданий, мотивирующих студентов к будущей профессиональной деятельности (аутентичные материалы на ИЯ, интересные статьи о последних достижениях науки, биографии ученых). Кроме того, важно показать учащимся перспективы использования иностранного языка в сфере бытового и профессионального общения, показать возможности личностного и профессионального развития посредством иностранного языка.

Актуализация результатов обучения предполагает немедленное применение на практике приобретенных учащимися знаний, умений, навыков, качеств. Поскольку главной целью обучения ИЯ в профессиональном образовании является формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции, принцип коммуникативной направленности обучения определяет цели и средства, составляющие основу проектируемого цикла занятий. Коммуникативная направленность обучения реализуется в заданиях, способствующих содержательному, личностно-значимому общению, обеспечивающих опыт использования изученного материала, в том числе умение работать с источниками информации на ИЯ. Методы активного обучения обладают большим потенциалом в том, что касается мотивации студентов на общение, интенсификации речевой деятельности, преодоления

боязни общения. Установление связи обучения и реальной практики повышает мотивацию учащихся, способствует более внимательному выполнению заданий, обеспечивает необходимую тренировку, облегчает перенос из сугубо учебной ситуации в реальную жизнь.

Конечно, при проектировании циклов занятий по ИЯ для студентов факультетов точных и естественных наук возникают определенные сложности с подбором достаточного количества коммуникативных заданий, связанных со специальностью. Тем не менее, все материалы должны соответствовать интересам и мотивам студентов, а их содержание должно побуждать учащихся к анализу, оценке, обмену мнениями, к усилению профессиональной мотивации.

Принцип развития комбинационной свободы в использовании усваиваемых языковых средств является логическим развитием принципов актуализации результатов обучения и коммуникативной направленности обучения. Действительно, для успешного общения необходимо умение обходиться имеющимся набором языковых средств. Способность комбинировать слова, речевые образцы значительно обогащает речевой репертуар учащихся, помогает при различении подобных комбинаций в чужой речи. Как средство развития умений комбинационной свободы в использовании языковых средств исследователями [2, с. 79] предлагается моделирование речевых ситуаций и речевых задач на основе комплекса общелогических действий, таких как классификация, выделение причинно-следственных связей, доказательство, рекомендации и т. д.

Принцип организации адекватной деятельности студентов также играет важную роль в актуализации результатов обучения, так как именно он обеспечивает достижение поставленных целей обучения иностранному языку. Очевидно, что в проектируемом цикле занятий каждое задание должно обеспечивать такую деятельность студентов, которая позволила бы достичь поставленные на данном этапе задачи обучения, причем обучение должно проходить в ситуации успеха, давать возможность каждому студенту развиваться, увидеть свои достижения.

Дидактический принцип сознательности, активности, самостоятельности, с нашей точки зрения, особенно важен при проектировании цикла занятий в профессиональном образовании. Это объясняется возрастными и психологическими особенностями студентов (Л. Е. Алексеева, И. М. Берман, П. И. Образцов, С. Д. Смирнов и др.). По результатам исследования ученых, для данного возраста характерно стремление к осознанию усваиваемых явлений и положений, их систематической оценке. Студенты стремятся к пониманию материала, его осознанному запоминанию вместо механического заучивания. Наблюдаются активность и последовательность в применении логических приемов, широкое использование творческой догадки. Большую роль в осознании и запоминании начинают играть наглядное обобщение материала в виде формул, схем, графиков и таблиц. Все это позволяет утверждать, что при проектировании курса по иностранному языку в вузе педагог должен ориентироваться на сознательный метод обуче-

ния, системность содержания, целесообразность обобщения материала в виде таблиц, схем и пр. Огромное значение приобретает целенаправленность обучения, то есть увязка обучения языку с обучением профилирующим предметам, с наглядной демонстрацией еще в процессе обучения реального применения полученных по ИЯ знаний, умений и навыков для решения специфических задач [1, с. 75].

Повышение сознательности, активности учащихся возможно путем развития их субъектности, автономности. Понятие «субъектность» в педагогической литературе определяется как «качество личности, обозначающее способность человека отдавать отчет в собственных действиях, быть стратегом деятельности, ставить цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать действия и оценивать их соответствие задуманному, корректировать цели, выстраивать планы жизни» [3, с. 329], в то время как термин «автономность» понимается как самостоятельность, самоуправляемость. С нашей точки зрения, эти два понятия родственны друг другу. Основное отличие заключается в том, что термин «автономность» делает акцент на независимом характере деятельности учащегося, а «субъектность» подчеркивает способность планировать свою деятельность и осуществлять ее в соответствии с самостоятельно заданными критериями.

Практическое воплощение принцип развития субъектности и автономности учащихся находит в системе заданий, развивающих умения самостоятельной работы, использования индивидуальных учебно-познавательных стратегий, самооценку, критически-рефлексивный тип мышления, так как именно в процессе рефлексии происходит осмысление человеком своих действий, осознаются те схемы и правила, согласно которым он действует [5, с. 145]. В процессе обучения значение рефлексии состоит в уточнении учащимся своих знаний, анализ своей деятельности, направленный на ее совершенствование. В практическом плане развитие умений рефлексии осуществля-

ется с помощью системы заданий, некоторыми из которых могут быть:

- 1) аннотирование статей;
- 2) предварительный просмотр материала, его оценка в соответствии с заданными критериями;
- 3) составление своих вопросов к тексту;
- 4) выражение оценочного суждения о тексте.

Принцип субъектности обучения, кроме заданий, стимулирующих речемыслительную активность, с нашей точки зрения, может находить отражение и в заданиях на само- и взаимопроверку. Задания такого рода могут включать:

- повторение материала по карточкам, подготовленным преподавателем, учебным пособиям, снабженным ключами, с последующим обсуждением трудных моментов;
- создание самими обучающимися учебных материалов для повторения (карточки, компьютерные тесты, например, в программе Hot Potatoes);
- опрос студентов заранее назначаемыми дежурными, которые проводят проверку знаний в различных формах, в том числе игровых.

Проектирование учебного процесса на основе системы принципов, учитывающих возрастные особенности студентов и их будущую специальность, ориентирующихся на основную цель – формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции, и связанные с этим требования, предъявляемые к содержанию и методам освоения учебной дисциплины, позволяют оптимизировать процесс изучения предмета «Иностранный язык» в профессиональном образовании. В данной статье нами была предпринята попытка анализа и отбора дидактических и методических принципов, играющих главную роль в обучении ИЯ в профессиональном образовании. Кроме того, нами представлены варианты их практической реализации в технологических принципах проектирования цикла занятий. Данная статья может быть полезна преподавателям дисциплины «Иностранный язык» в профессиональном образовании.

Литература

1. Берман, И. М. Очерки методики обучения чтению на иностранном языке / И. М. Берман, В. А. Бухбиндер. – Киев: Вища школа, 1977. – 174 с.
2. Борзова, Е. В. Урок иностранного языка в старших классах средней школы: монография / Е. В. Борзова. – Петрозаводск: КГПУ, 2004. – 188 с.
3. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2005. – 176 с.
4. Матюшкин, А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении: монография / А. М. Матюшкин. – М.: Педагогика, 1972. – 168 с.
5. Попков, В. А. Дидактика высшей школы: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Попков, А. В. Коржув. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2008. – 224 с.
6. Хуторской, А. В. Фрагмент из статьи. Деятельность как содержание образования / А. В. Хуторской // Организация обучения на основе индивидуальных образовательных программ: сб. ст. / М. А. Мкртчян, Г. В. Клепец, В. Б. Лебединцев [и др.]; сост. Г. В. Клепец. – Красноярск, 2007. – 66 с.

Информация об авторе:

Алексеева Анастасия Михайловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Карельской государственной педагогической академии, аспирант, г. Петрозаводск, +7 953 536 77 58, alekseeva_a_m@mail.ru.

Anastasia M. Alekseeva – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, post-graduate student, Karelian State Pedagogical Academy.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Т. В. Васильева

PECULIARITIES OF FORMING VALUE ORIENTATIONS OF RURAL SCHOOLCHILDREN

T. V. Vasilieva

В статье рассматриваются ценностные ориентации сельских школьников старших классов. Представлены результаты исследования, проведенного с помощью методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича. Определены особенности структуры ценностных ориентаций школьников, обусловленные сельским социумом.

Value orientations of rural schools' senior students are considered in the paper. The results of the research conducted with M. Rokeach's technique of studying value orientations are presented. The features school students' value orientations structure induced by rural society are defined.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценности, сельский социум, сельские школьники, терминальные ценности, инструментальные ценности.

Keywords: value orientations, values, rural society, rural schools' students, terminal values, instrumental values.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных компонентов структуры личности, определяют относительно устойчивое предпочтительное отношение субъекта к окружающему миру и оказывают достаточно большое влияние на выбор формы поведения. Ценностные ориентации определяют функционирование и развитие человека и проявляются во всех сферах человеческой деятельности.

Формирование ценностных ориентаций личности является сложным и многогранным процессом. В различные периоды жизни видоизменяется иерархия ценностных ориентаций личности, не теряя при этом определяющего значения для жизнедеятельности субъекта. Подрастающее поколение, являясь важным субъектом социальных перемен, представляют собой огромную инновационную силу, которую необходимо разумно использовать. Современному молодому поколению предстоит решать немало важнейших задач в различных сферах жизни общества. Следовательно, от этих решений будет зависеть дальнейшее развитие нашей страны, и то, что останется следующему поколению [7, с. 71 – 75]. Наиболее интенсивное формирование ценностных ориентаций личности происходит в старшем школьном возрасте, когда формируется внутренняя позиция по отношению к себе, другим людям, к моральным ценностям. Именно в старшем школьном возрасте происходит развитие самосознания, формирование жизненных планов, становление личностной идентичности и готовность к личностному самоопределению, структурирование ценностных ориентаций.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций личности является одной из важнейших тем, исследуемых педагогами, и особенно остро стоит в переходные моменты развития общества. В современных экономических условиях село оказалось незащищенным. Многие жители сельских поселений были не способны адаптироваться к новым условиям жизни, произошел процесс уничтожения многих сельских коллективных хозяйств. Государство пыталось проводить политику возрождения села, однако это удалось не везде [5, с. 100 – 103].

Основные проблемы на селе проявились в трудоустройстве сельских жителей: увеличилось число безработных, сельскохозяйственные предприятия остались без специалистов аграрных профессий. Произошли неблагоприятные процессы в современном селе: ухудшилось здоровье сельских жителей, материальное благосостояние большинства сельского населения оказалось на значительно низком уровне, имела место высокая миграционная активность наиболее трудоспособной части сельчан [3, с. 36 – 39].

Социально-экономические изменения, происходящие в российском обществе, значительно отразившиеся на образовательной сфере села, выявили бесспорное отставание сельской школы от городской по параметрам обучения и воспитания детей. Отличие образовательного учреждения, находящегося в сельской местности от городского определяется особенностями его месторасположения и социально-экономическими условиями жизни населения. Особенности сельского социума, а это замкнутость социального пространства, удаленность сельских поселений от городских центров создают многочисленные проблемы при организации образовательного процесса.

На селе все еще сохраняется низкий уровень образования сельского населения и, следовательно, общий уровень культуры взрослых, которые окружают ребенка значительно ниже, чем в городских семьях. Это в свою очередь сказывается на развитии детей и зачастую обуславливает заниженные требования к получаемому образованию [2]. Школьники, обучающиеся в городских или сельских образовательных учреждениях, существенно отличаются друг от друга. Отличия наблюдаются не только по темпераменту и характеру, но и по личным потребностям, стремлениям, интересам и способностям, также отличается степень самосознания личности.

Условия сельского социума определяют особенности сельских школьников. Дети, выросшие в сельских условиях, обладают такими положительными качествами как: трудолюбие, ответственность, высокая работоспособность, доброта, чувство благодарности, моральная устойчивость; незыблемость для сельских детей ценностей семейного уклада жизни и

родственных связей. Однако у сельских школьников в сравнении с городскими существуют определенные проблемы. В их числе неуверенность в своих силах, неадекватная самооценка, отсутствие собственной позиции, низкий уровень мотивации получения образования, низкий уровень коммуникативных способностей, сложности при адаптации в новых условиях [1, с. 66 – 73].

В то же время уровень современной жизни предъявляет к выпускникам сельских школ качественно новые требования. Выпускники школ должны обладать высокой степенью мобильности, быть социально ответственными, уметь принимать важные самостоятельные решения. Сельские школьники являются той группой сельского населения, от уровня культуры и жизненных планов которой во многом зависит возможность успешного функционирования села. В связи с этим особую актуальность приобрело изучение ценностных ориентаций сельских школьников старших классов, так как именно ценностные ориентации, являясь одной из важнейших характеристик личности, определяют относительно устойчивое избирательное отношение субъекта к окружающей действительности и оказывают значительное влияние на выбор формы поведения.

Необходимость изучения ценностных ориентаций сельских школьников на современном этапе развития общества была обусловлена тем, что от того, какие ценности будут сформированы у старшеклассников сегодня, от того, насколько они будут готовы к новому типу социальных отношений, зависят пути и перспективы развития российского села [4, с. 109 – 114].

Для изучения жизненных планов и ценностных ориентаций старшеклассников сельских школ были опрошены ученики 10-х, 11-х классов средних общеобразовательных учреждений, находящихся в Мариинском, Прокопьевском и Тяжинском районах Кемеровской области. Выборочная совокупность составила 145 старшеклассников в возрасте 16 – 17 лет.

Из исследования мы получили важный материал. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас означает хорошо жить?» вошедших в первую пятерку рейтинга, представлено в таблице 1.

Проведенное исследование показало, что главными составляющими «хорошей жизни» сельских старшеклассников являются желания: быть материально обеспеченным (60 %) и иметь хорошую работу (60 %), иметь семью (57,8 %) и быть здоровым (48,9 %). Необходимо отметить, что желание иметь хорошее образование высказало 31,1 % опрошенных школьников.

Таблица 1

Что для Вас означает «хорошо жить»?

Ответы	Процент от числа опрошенных		
	всего	юноши	девушки
Быть материально обеспеченным	60,0	37,8	22,2
Иметь хорошую работу	60,0	26,7	33,3
Иметь семью	57,8	26,7	31,1
Быть здоровым	48,9	17,8	28,9
Иметь хорошее образование	31,1	11,1	20,0

Как видно из таблицы 1, имеются гендерные различия в представлениях о хорошей жизни. Так быть материально обеспеченными желают больше юноши, чем девушки 37,8 и 22,2 % соответственно.

Доминирующие места в ответах девушек занимают желания иметь хорошую работу, семью, здоровье и хорошее образование. Таким образом, если для сельских девушек, приоритетными являются ценности профессиональной самореализации, общечеловеческие ценности личного счастья, то для юношей в большей степени характерны конкретные ценности.

Достижение материальной обеспеченности – наиболее распространенная в юношеской среде ценностная ориентация. Тем не менее, на этом не заканчиваются представления о «хорошей жизни», в отношении которой высока значимость ценностей «хорошей работы» (60 %), «семьи» (57,8 %), здоровья (48,9 %). Эти элементы и формируют сегодняшнее понимание счастья у школьников, представляют картину ожидаемого качества жизни в будущем. Сельские школьники оценивают как менее значимый фактор высокое положение в обществе, хотя, образ начальника, особенно в сельском понимании, все еще отождествляется в массовом сознании со стабильностью и достат-

ком. Сельские старшеклассники не стремятся быть независимыми и свободными. Что касается альтруистических убеждений – жить не для себя, а для людей – то они присутствуют у совсем незначительной части опрошенных (4 %).

Исследование показало, что у родителей и близких родственников 26,7 % опрошенных школьников работа была связана с сельским хозяйством. Вместе с тем, иметь собственное сельскохозяйственное производство хотели бы только 4 % старшеклассников. Это можно объяснить тем, что выпускники сельских школ не связывают свою судьбу с жизнью и работой в селе.

Старший школьный возраст традиционно считается возрастом, в котором личность ориентирована на будущее. Перед старшими школьниками встают сложные вопросы выбора социального, личностного, профессионального пути. Психологи, занимающиеся исследованием особенностей становления личности в подростковом периоде, отмечают, что основной направленностью личности становится ориентация в будущее, а центром внимания, интересов и планов старшеклассника становится вопрос выбора профессии [6, с. 88 – 93].

Старшеклассникам был задан ряд вопросов, касающихся профессионального самоопределения. На вопрос «Считаете ли Вы, что выбор профессии – это выбор на всю жизнь?» 57,8 % ответили «Скорее, да», 20 % ответили «Да», «Скорее, нет» ответили почти 9 %, столько же процентов респондентов затруднились ответить и 4 % ответили однозначно «Нет». Одним из важнейших жизненных выборов, совершаемых человеком в юности, является выбор профессии, так как, выбирая профессию, молодой человек выбирает и образ жизни. Выбирая будущую профессию, старшеклассники, делают упор на свои интересы, склонности, учитывая или не учитывая мнения окружающих. 53,3 % опрошенных старшеклассников уже определились с выбором профессии.

Исследование показало, что наибольшее влияние на сельских старшеклассников при выборе ими профессии оказывают родители, родственники, средства массовой информации, учителя. Анализ мотивов выбора профессии старшеклассниками показал, что значительную роль в этом играют советы родителей или родственников (80,9 %). Объясняется это тем, что социокультурная среда села более консервативна, устойчива и традиционна по сравнению с городской средой, вследствие этого родители имеют большое влияние на воспитание детей и выбор ими профессии. Под влиянием средств массовой информации выбирают профессию 44,4 % учащихся; 28,9 % опрошенных отметили, что на их выбор влияют учителя и только 20 % отметили профориентационные мероприятия. В ходе профориентационных мероприятий выпускники школы получали возможность определить направленность своих профессиональных интересов, наличие личностных и деловых качеств, необходимых для овладения определенной профессией, также старшеклассник получает информацию о содержании и условиях труда в рамках интересующей профессии. Окончательный же выбор будущей профессии школьники делают самостоятельно.

С целью выявления ценностных ориентаций сельских старшеклассников была использована методика определения ценностных ориентаций М. Рокича, основанной на прямом ранжировании списка ценностей [8]. М. Рокич выделяет две группы ценностей:

1) терминальные ценности (ценности-цели), то есть ценности определяющие, смысл жизни человека, указывающие, что для него наиболее важно и значимо. Всем известно, что умение определить свои цели, то есть найти самого себя и свое место в жизни, очень важный показатель личностной зрелости;

2) инструментальные ценности (ценности-средства), то есть убеждения человека в предпочтении определенного образа действий (свойств личности) в любой ситуации. Инструментальные ценности представляют собой средства, которые выбираются для достижения жизненных целей и выступают в качестве инструмента, с помощью которого можно реализовать терминальные ценности.

В результате исследования мы получили следующие данные. Среди терминальных ценностей, на первое место сельские старшеклассники поставили здоровье, материально обеспеченная жизнь и счастливая семейная жизнь. Среди инструментальных ценностей на первом месте – воспитанность, образованность, аккуратность. В таблице 2 представлены пять наиболее значимых для респондентов терминальных и инструментальных ценностей.

Таким образом, данные, полученные в ходе исследования, характеризуют особенности формирования ценностных ориентаций, свойственные старшим школьникам, обучающимся в условиях сельского социума. Ценностное сознание сельских старшеклассников характеризуется ярко выраженной ориентацией на конкретные ценности: здоровье, обеспеченная и счастливая семейная жизнь, на ценности профессиональной самореализации (интересная работа) и личной жизни (счастливая семейная жизнь, любовь).

Таблица 2

Ценности сельских школьников старших классов (в %)

<i>Терминальные ценности</i>	<i>Процент от числа опрошенных</i>	<i>Инструментальные ценности</i>	<i>Процент от числа опрошенных</i>
Здоровье	77,8	Воспитанность	51,1
Материально обеспеченная жизнь	42,2	Образованность	42,2
Счастливая семейная жизнь	26,7	Аккуратность	31,1
Интересная работа	24,4	Жизнерадостность	22,2
Любовь	24,4	Терпимость	17,8

Это объясняется тем, что семья для сельского жителя всегда представляла собой особую ценность, определяющую отношение к ней как к главному и неперемennomu условию жизни, ее хозяйственному и нравственному центру. Труд на селе всегда относился к ценностям первого порядка [5, с. 100 – 103].

Среди ценностей, оказавшихся на последних местах, находится творчество, удовольствия, красота природы и искусства. Связано это с тем, что сельские дети очень рано включаются в трудовую жизнь семьи

и в связи с большой загруженностью бытовым трудом у них остается очень мало времени на культурный досуг, причем на селе ограничены возможности для самостоятельного культурного роста. Жителям сёл сложнее, и иногда просто невозможно попасть в городские театры и музеи, а сельская природная среда включена в жизнь и быт людей, поэтому сельский школьник воспринимает природу как естественную среду собственного обитания [2].

Что касается инструментальных ценностей, то в системе ценностных ориентаций сельских старшеклассников высокое значение имеют интеллектуальные ценности (образованность), преобладают ценности общения (воспитанность, жизнерадостность, терпимость) и ценности дела (образованность, аккуратность). Выражены ценности межличностного общения с непосредственно-эмоциональным мироощущением (жизнерадостность). Менее значимыми для учащихся сельских школ являются: непримиримость к недостаткам в себе и других, высокие запросы, широта взглядов.

Необходимо отметить, что ценность это явное или скрытое представление о желаемом, которое влияет на выбор человека из всех возможных вариантов, средств и целей действий. И выбор ценностей у сельских старшеклассников связан с традиционными чертами российской ментальности, аккумулированными в сельском образе жизни.

Ценности связаны со смыслом жизни человека, как, например, «материально обеспеченная жизнь» показывает стремление сельских старшеклассников к более высокому уровню жизни, чем имеют их родители,

желание иметь такой уровень образования и профессию, которые гарантируют им высокую зарплату и, следовательно, другие виды материальных услуг.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что современные сельские юноши и девушки задумываются о материальных ценностях и ценностях индивидуальной самореализации. Сельские старшеклассники отмечают те ценности, которые важны не только в их жизни, но и в их дальнейшей профессиональной деятельности – здоровье, воспитанность, аккуратность, образованность.

Негативным моментом является то, что выпускники сельских школ не связывают свою судьбу с жизнью и работой в селе. Поэтому тенденция миграции молодежи из села сохраняется. В связи с этим, необходимо активизировать работу по формированию определенной системы ценностей сельских старшеклассников, как необходимого условия возникновения зрелых жизненных планов, личного и профессионального самоопределения учащихся, направленного на возрождение и сохранение российского села.

Литература

1. Байбородова, Л. В. Особенности введения федеральных государственных образовательных стандартов общего образования в сельской школе / Л. В. Байбородова, Т. А. Степанова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. II: Психолого-педагогические науки. – С. 66 – 73.
2. Байбородова, Л. В. Сельская малочисленная школа: какая она сегодня? / Л. В. Байбородова // Сидоров С. В. Сайт педагога-исследователя. – Режим доступа: <http://sv-sidorov.ucoz.com/> (дата обращения: 6.03.2013).
3. Ильин, И. Е. Человеческий капитал российского села на рубеже XX – XXI веков: состояние, проблемы, перспективы / И. Е. Ильин // Вестник Чувашияского университета. – 2012. – № 2. – С. 36 – 39.
4. Кузнецова, Е. Г. К вопросу формирования ценностных ориентаций подростков / Е. Г. Кузнецова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 109 – 114.
5. Мякишева, А. В. Формирование ценностных ориентаций сельских школьников / А. В. Мякишева // Вестник университета Российской академии образования. – 2009. – № 5. – С. 100 – 103.
6. Смирнова, Ю. Е. Ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения личности старшего школьника / Е. Ю. Смирнова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 125. – С. 88 – 93.
7. Тырнова, О. А. Особенности ценностных ориентаций современной молодежи / О. А. Тырнова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2010. – № 3. – С. 71 – 75.
8. Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. – N. Y., 1973.

Информация об авторе:

Васильева Татьяна Владимировна – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, sledding@yandex.ru.

Tatiana V. Vasilieva – post-graduate student at Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University.

УДК 371

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЕ

В. В. Кириченко

OPTIMIZATION OF HEALTH PROTECTION IN THE EDUCATIONAL TRAINING PROCESS IN SPORTS SCHOOLS FOR CHILDREN AND YOUTH

V. V. Kirichenko

Рассмотрена роль массового детского спорта в системе непрерывного физического воспитания. Показана необходимость совершенствования здоровьесберегающей деятельности в детской спортивной школе, предложена оригинальная педагогическая модель здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса на этапе начальной спортивной специализации. Эффективность реализации данной модели обоснована результатами динамического наблюдения за юными спортсменами в течение годичного тренировочного цикла.

The paper focuses on the role of mass children's sports in the system of continuous physical education. The need for improving health saving activities in children's sports school is proved, an original pedagogical model of health protection in the training process at the initial stage of sports specialization is proposed. The effectiveness of the implementing this model is supported by the results of observing young athletes in a one-year training cycle.

Ключевые слова: непрерывное физическое воспитание, массовый детский спорт, учебно-тренировочный процесс, здоровье, здоровьесберегающая деятельность, педагогическая модель.

Keywords: continuous physical education, mass children's sports, training process, health, health-saving activities, pedagogical model.

Разработка и утверждение Федеральной Целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006 – 2015 годы» свидетельствует, что важнейшей задачей государства и общества в целом является создание основы для сохранения и улучшения физического и духовного здоровья граждан посредством поддержания оптимальной физической активности в течение всей жизни каждого гражданина. Особенную роль в решении этой задачи играет детский и юношеский спорт. Спортивная деятельность, позволяющая удовлетворять не только естественную витальную потребность в двигательной активности, но и множество базисных социальных потребностей, является чрезвычайно привлекательным занятием для детей и подростков, а потому имеет огромный здоровьесберегающий и здоровьесформирующий потенциал [1, с. 2 – 6]. Взаимодействуя с процессом естественного развития организма, спортивная деятельность оказывает на него значительное и всестороннее влияние, характер которого определяется спецификой вида спорта и организацией учебно-тренировочного процесса.

Основу детского спорта составляют учреждения дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, являющиеся важными структурными звеньями системы непрерывного физического воспитания.

Основные цели деятельности детских спортивных школ – формирование у учащихся здорового образа жизни, культуры здоровья, привлечение их к систематическим занятиям физической культурой и спортом, и, конечно же, достижение спортивных успехов в соответствии с индивидуальными способностями детей и подростков [2]. Составной частью их работы должна быть информационно-образовательная деятельность, направленная на пропаганду детско-юношеского спорта и формирование навыков здорового

образа жизни. Основной вид деятельности детско-юношеской спортивной школы – учебно-тренировочный процесс, обеспечивающий многолетнюю подготовку спортсмена. Это специфический для спорта способ реализации физического воспитания, основными субъектами которого являются воспитанник (юный спортсмен) и тренер-педагог. Цели, задачи и функции, сформулированные в отношении процесса физического воспитания в целом, относятся и к учебно-тренировочному процессу, который должен обеспечивать решение комплекса образовательных, воспитательных, развивающих и оздоровительных задач [3].

Являясь образовательным учреждением, детская спортивная школа может и должна быть полноправным участником создания адаптивно-развивающей среды, которая определяется как совокупность организационно-педагогических и социально-гигиенических условий, психолого-физиологических факторов, способствующих реализации приспособительных возможностей индивида, сохранению и укреплению здоровья обучающихся, социализации и самоактуализации личности [4].

В условиях учреждений дополнительного образования детей физкультурно-спортивной направленности при организации такой среды применимы подходы, разработанные для системы образования в целом: системность, комплексность, индивидуальный, личностно-ориентированный, позитивный, гуманистический подход. Согласно этим подходам, одним из главных критериев оценки деятельности тренера по соответствующему спортивному профилю должно стать не только достижение высоких спортивных результатов, но и степень влияния занятий спортом на когнитивную сферу, физическое развитие и здоровье каждого воспитанника.

Наиболее существенными деятельностными компонентами, необходимыми для организации адаптивно-развивающего образовательного процесса являются: достаточно высокий уровень валеологической компетенции тренеров-педагогов, валеологическое воздействие на когнитивную сферу воспитанников, ориентированное на создание позитивного отношения к здоровью; психофизиологическое сопровождение учебно-тренировочного процесса, способствующее оптимизации тренировочных нагрузок на основе индивидуально-дифференцированного подхода [5].

Спортивная тренировка, как и весь процесс физического воспитания, это целенаправленное совершенствование двигательного потенциала ребенка, эффективность которого определяется степенью соответствия тренировочного воздействия ритму возрастной эволюции. Исследования показывают, что несоответствие направленности и содержания процесса физического воспитания и обучения детей в период постнатального онтогенеза, ритмам возрастной эволюции несет риск ухудшения физического и психического состояния ребенка, снижению адаптационного потенциала, что в дальнейшем неблагоприятно сказывается на развитии и здоровье ребенка [6].

Специалисты в области спортивной медицины утверждают, что ухудшение здоровья спортсменов связано не со спортивной деятельностью как таковой, а с действием определенных факторов риска, к которым относятся недочёты системы отбора и допуска к тренировкам и соревнованиям, нарушение режима и методики тренировки, нарушения требований гигиены и здорового образа жизни, недочёты врачебно-педагогического контроля и лечебно-профилактической работы [7]. Вышеуказанные факторы риска в той или иной мере характерны для учебно-тренировочного процесса во многих детских спортивных школах [8], тогда как массовый детский спорт – это, прежде всего, средство воспитания физически развитой, цельной и здоровой личности, и только потом – резерв для спорта высших достижений. Практически все из перечисленных факторов риска могут быть успешно устранены, что позволит сохранить здоровье спортсмена даже в условиях напряженной тренировки и тем самым повысить гуманистическую, социальную роль спорта.

Спортивная наука располагает результатами множества исследований, доказывающих нецелесообразность форсирования спортивной подготовки (особенно в младшем школьном возрасте) как для организма юного спортсмена, так и для решения задач профессиональной специализации в спорте высших достижений [9, 10]. Тем не менее, в детском спорте прослеживается отчетливая тенденция к ранней спортивной специализации и форсированию достижения максимальных результатов. К сожалению, существующая традиционная система оценки эффективности деятельности детских спортивных школ и качества работы тренеров-педагогов на первое место ставит результативность юных спортсменов, их успехи на соревнованиях различного уровня даже на этапе начальной подготовки.

Игнорирование возрастных особенностей юных спортсменов, стремление к быстрому достижению ре-

зультатов приводит к тому, что, выполнив 2 – 3 разряд, юные спортсмены к 12 – 13-летнему возрасту заканчивают заниматься спортом, не реализовав своих потенциальных возможностей. Это связано с тем, что «физиологическая стоимость» спортивных успехов на фоне интенсивных ростовых процессов и напряженной учебной деятельности оказывается чрезмерной: функциональные резервы организма снижаются, возникают проблемы со здоровьем, замедляется прирост результативности и, как следствие, снижается мотивация к занятиям спортом. Происходит утрата оздоровительного значения массового детско-юношеского спорта, снижение его роли в формировании здоровой и гармоничной личности, что неизбежно сказывается и на спорте высших достижений.

В связи с этим представляется особенно актуальной проблема дозирования тренировочных нагрузок в соответствии с функциональными возможностями каждого юного спортсмена и формирование индивидуального подхода к организации тренировочного процесса с учетом комплекса соматических, функциональных, психофизиологических характеристик. Планомерное и поэтапное решение данной проблемы в практике работы детских спортивных школ, сохранение и укрепление здоровья, формирование высокого двигательного потенциала, развитие спортивных способностей занимающихся предполагают осуществление мониторинга функционального состояния юных спортсменов на всех этапах учебно-тренировочного процесса, особенно при переходе от начальной подготовки к тренировкам с более высокой интенсивностью.

Анализ научно-методической литературы, посвященной вопросам оптимизации двигательной активности и практической деятельности ДЮСШ, направленной на сохранение и укрепление здоровья юных спортсменов и воспитание их валеологической культуры, показал, что имеющиеся возможности данного типа образовательных учреждений используются недостаточно.

Признавая значительное позитивное влияние занятий спортом на процесс формирования здоровья в школьном возрасте, следует признать, что деятельность учреждений дополнительного образования физкультурно-спортивного профиля нуждается в совершенствовании здоровьесберегающего сопровождения.

Под здоровьесберегающим сопровождением учебно-тренировочного процесса мы понимаем систему организационно-педагогических, образовательных, физиолого-гигиенических и медицинских мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья детей, повышение адаптационных возможностей организма юных спортсменов, формирование валеологической грамотности всех субъектов учебно-тренировочного процесса, формированию устойчивой мотивации к спортивной деятельности и спортивной подготовленности к избранному виду спорта.

Цель: внедрение в УТП системы мер, которые позволили бы на этапе начальной спортивной специализации актуализировать здоровьесберегающую и здоровьесформирующую деятельность тренера, воспитанника и родителей (семьи).

Задачи: 1) оптимизировать режим УТП как средства физического развития, укрепления здоровья, формирования ценности здоровья и здорового образа жизни;
2) формировать ценностное отношение к здоровью и здоровому образу жизни у воспитанников спортивной школы и их родителей (семьи);
3) формировать у воспитанников устойчивую мотивацию и позитивное эмоциональное отношение к занятиям плаванием;
4) повышать уровень функциональных резервов организма и предупреждать дезадаптивные нарушения в процессе занятий спортом;
5) определять для тренеров профессиональные компетенции, обеспечивающие формирование готовности воспитанников укреплять и сохранять здоровье.

Принципы: научность, целостность, последовательность, системность, гуманистичность, дифференциация и индивидуализация, адаптивность, аксиологичность, деятельностный подход.

Социальные факторы:

- изменение статуса ребенка;
- наличие положительных образцов для подражания и усвоения норм здорового образа жизни;
- уровень коммуникативной культуры воспитанников и их окружения;
- успешность в других видах деятельности;
- вера родителей в возможности ребенка, их умение создать и поддерживать оптимистические устремления ребенка.

Педагогические факторы:

- 1) *организационные:* оптимизация набора в группы, условий и режима УТП;
- 2) *процессуальные:* оптимизация тренировочных нагрузок и восстановления;
- 3) *профессиональные:* антистрессовая педагогическая тактика, валеологическая грамотность и культура тренера, дифференцированный подход к воспитанникам.

Медико-физиологические факторы:

- соответствие состояния здоровья, уровня адаптационных возможностей и психофизиологических особенностей требованиям УТП.

Условия реализации модели (основные направления деятельности)

I. Создание организационно-педагогических условий:

- рациональное формирование групп;
- постепенное увеличение нагрузок;
- организация летних сборов на базе учреждений отдыха и оздоровления;
- вовлечение родителей в здоровьесберегающую деятельность;
- повышение валеологической компетенции педагогов.

II. Информационно-обучающее сопровождение УТП:

- информирование воспитанников и родителей о здоровье и ЗОЖ;
- педагогическое сопровождение самообследования образа жизни;
- формирование знаний об адаптации к физическим нагрузкам и навыков самоконтроля;
- разработка практических рекомендаций.

III. Воспитательно-мотивирующая деятельность:

- использование игрового метода;
- использование средств и методов смежных видов спорта;
- разнообразие общеподготовительных и специально-подготовительных упражнений;
- поддержание положительного эмоционального фона УТП.

IV. Медико-физиологическое сопровождение:

- комплексный мониторинг функционального состояния и здоровья;
- коррекция нагрузок по его результатам;
- информирование спортсменов и родителей о результатах мониторинга;
- разработка индивидуальных рекомендаций по коррекции состояния.

Критерии результативности

Когнитивный

Мотивационно-волевой

Эмоциональный

Адаптивно-ресурсный

Деятельностный

Рис. 1. Педагогическая модель здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса в детской спортивной школе по плаванию

В г. Кемерово на базе спортивно-оздоровительного комплекса «Лазурный» работают Специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва по плаванию (СДЮСШОР) и Комплексная детско-юношеская спортивная школа «Атланта». В СДЮСШОР дети занимаются в учебно-тренировочных группах, занятия в школе «Атланта» направлены на обучение технике плавания и оздоровление. По существу, учащиеся «Атланты» 7–8-летнего возраста представляют собой группу начальной спортивной подготовки: часть детей отбирается в учебно-тренировочные группы СДЮСШОР. Этап начальной спортивной специализации является для воспитанников одним из наиболее сложных с точки зрения адаптации к спортивной деятельности с её высокими нагрузками, требованиями к дисциплине и самоорганизации, дефицитом времени для досуга, жестким регламентом режима дня, психоэмоциональным напряжением и другими факторами, вступающими в конфликт с психологическими и психофизиологическими характеристиками младшего школьного возраста. От того, насколько благополучно пройдет этот сложный период, во многом зависит и будущая спортивная судьба ребенка, и отношение к спорту и двигательной активности вообще в течение последующей жизни, и, конечно же, состояние здоровья.

Опыт тренерской работы и результаты физиологического мониторинга функционального состояния организма юных спортсменов показал необходимость разработки и реализации представленной на рис. 1 педагогической модели здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса на этапе начальной спортивной специализации.

Оценка эффективности данной модели проводилась в ходе динамического наблюдения за юными спортсменами в течение годичного тренировочного цикла. В обследовании участвовало три группы юных пловцов 8–10-летнего возраста. Первую составили дети, занимающиеся в учебно-тренировочной группе в обычном режиме, вторую – дети того же возраста из группы начальной подготовки, в третью, вошли ребята, в отношении которых реализовывались основные направления деятельности по оптимизации здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса. В динамике учебного года проводился контроль функционального состояния организма этих детей с помощью кардиоритмографического обследования, оценки показателей физической работоспособности, психомоторных показателей, психоэмоционального состояния. Результаты обследования предоставлялись тренерам-педагогам, которые могли использовать их для коррекции тренировочных нагрузок, а также родителям юных спортсменов.

Результаты мониторинга показали достаточную эффективность предлагаемых подходов. В частности, оценка характера вегетативной регуляции по показателям кардиоритма выявила, что в спортивной и физкультурно-оздоровительной группах симпатикотония, отражающая напряжение регуляторных систем организма, регистрировалась примерно у 1/3 пловцов и в начале, и в конце года (рис. 2). Наименьшее количество «симпатотоников» оказалось в «эксперименталь-

ной» группе, что характеризует более низкую физиологическую стоимость адаптации к физическим нагрузкам.

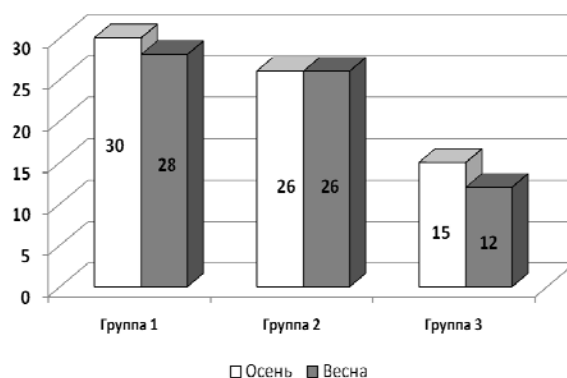

Рис. 2. Доля детей с симпатикотонией (%) в динамике учебного года

Примечание: группа 1 – спортивная, группа 2 – физкультурно-оздоровительная, группа 3 – «экспериментальная».

Важным показателем, характеризующим функциональные возможности организма, является уровень физической работоспособности, который оценивался по результатам Гарвардского степ-теста. В начале учебно-тренировочного периода, как и следовало ожидать, дети из обычной учебно-тренировочной группы отличались более высокой работоспособностью, но к концу учебного года различия сгладились, и у детей из спортивной группы, несмотря на интенсивные ежедневные тренировки, не произошло достоверного увеличения показателей, тогда как в других группах физическая работоспособность значительно увеличилась (рис. 3).

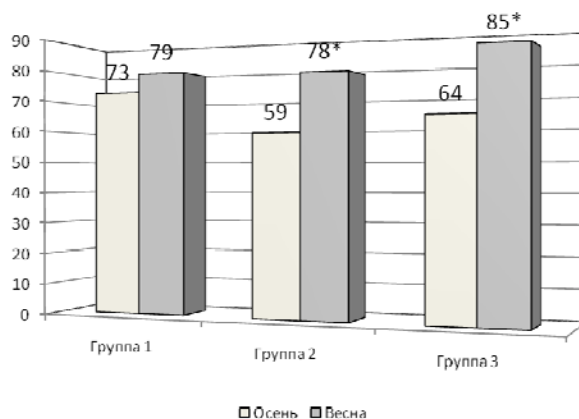

Рис. 3. Динамика показателя физической работоспособности (индекс Гарвардского степ-теста) в исследуемых группах

Примечание: группа 1 – спортивная, группа 2 – физкультурно-оздоровительная, группа 3 – «экспериментальная»

Оценка уровня тревожности по результатам теста Филлипса показала, что у детей из «экспериментальной» группы показатель общей тревожности в школе ниже, чем у спортивной группы (рис. 4).

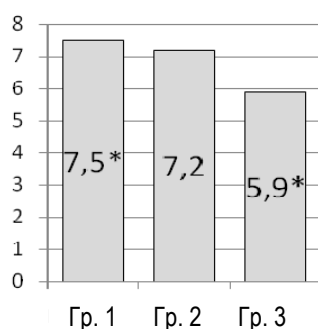

Рис. 4. Показатель общей тревожности в школе по тесту Филлипса

Примечание: группа 1 – спортивная, группа 2 – физкультурно-оздоровительная, группа 3 – «экспериментальная»

Литература

1. Лубышева, Л. И. Спортивная культура как учебный предмет общеобразовательной школы / Л. И. Лубышева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2004. – № 4.
2. Плавание: примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. – М.: Советский спорт, 2004. – 216 с.
3. Холодов, Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – М.: Академия, 2000. – 480 с.
4. Казин, Э. М. Образование и здоровье: медико-биологические и психолого-педагогические аспекты / Э. М. Казин. – Кемерово, 2010. – 215 с.
5. Петухов, С. И. Формирование здоровья и развития младших школьников в системе физического воспитания: теория и практика / С. И. Петухов. – Новокузнецк, 2000. – 107 с.
6. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
7. Граевская, Н. Д. Спортивная медицина. Курс лекций и практические занятия: учеб. пособие для вузов. – Ч. 1 / Н. Д. Граевская, Т. И. Долматова. – М.: Советский спорт, 2004. – 299 с.
8. Квашук, П. В. Организация физкультурно-оздоровительной работы с детьми, подростками и молодежью: методическое пособие / П. В. Квашук. – М.: ДеНово, 2004. – 51 с.
9. Козлов, А. В. Многолетняя подготовка юных пловцов / А. В. Козлов. – СПб: ГАФК, 2005. – 101 с.
10. Тимакова, Т. С. Подготовка юных пловцов в аспектах онтогенеза: методическое пособие / Т. С. Тимакова. – М.: Симилия, 2006. – 132 с.

Информация об авторе:

Кириченко Владимир Владимирович – тренер-педагог Областной СДЮСШОР по плаванию, г. Кемерово, vladimir_kirichenko@inbox.ru.

Vladimir V. Kirichenko – coach-teacher, Regional specialized swimming sports school of Olympic reserve, Kemerovo.

УДК 371.7

ОПТИМИЗАЦИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

В. В. Кириченко, Г. И. Тушина, О. Л. Тарасова, Н. В. Коваленко, В. П. Зубанов, Э. М. Казин

OPTIMIZATION OF SCHOOLCHILDREN'S MOTOR ACTIVITY IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS PHYSICAL EDUCATION: ANALYSIS OF REGIONAL EXPERIENCE

V. V. Kirichenko, G. I. Tushina, O. L. Tarasova, N. V. Kovalenko, V. P. Zubanov, E. M. Kazin

В статье рассмотрены различные пути и средства оптимизации двигательной активности школьников в системе непрерывного физического воспитания. Показано, что в образовательных учреждениях Кузбасса накоплен интересный опыт эффективной реализации здоровьесберегающих подходов в физическом воспитании. При всём многообразии организационных форм и средств оптимизации двигательного поведения, необходимо обеспечивать соответствие уровня и характера двигательной активности возрастным, половым, типологическим,

индивидуальным особенностям развивающегося организма, его функциональным возможностям и состоянию здоровья.

The article discusses various ways and means of optimization of schoolchildren's motor activity in the system of continuous physical education. A considerable experience of effective health-saving approaches implementation in physical education is shown to have been accumulated in Kuzbass educational establishments. Despite the variety of organizational forms and means of motor behaviour optimization, it is necessary to ensure conformity of the level and nature of the motor activity with age, sex, typological and individual characteristics of the developing organism, its functional capabilities and the state of health.

Ключевые слова: непрерывное физическое воспитание, школьники, оптимизация двигательной активности, здоровьесберегающая деятельность, дифференцированный подход.

Keywords: continuous physical education, schoolchildren, optimization of physical activity and health-saving activities, a differentiated approach.

Поддержание оптимальной физической активности в течение всей жизни каждого гражданина является существенным фактором, определяющим состояние здоровья населения.

В. К. Бальсевич рассматривает физическую активность как целенаправленную двигательную деятельность человека, являющуюся природно- и социально детерминированной необходимостью и потребностью организма и личности в поддержании гомеостаза, обеспечении морфологических, функциональных и биохимических условий реализации генетической и социокультурной программ их развития в онтогенезе [2]. Развитие представлений о биологической сущности потребности в двигательной активности связано с работами М. Р. Могеновича, который для обозначения этого понятия ввёл термин «кинезофилия» [12]. Показано, что выраженность внутренней потребности в движениях генетически обусловлена и существенно различается у разных людей [8].

Объем двигательной активности – величина индивидуальная, складывающаяся под влиянием генетической программы и влияний внешней среды. Степень влияния внешних и внутренних факторов на двигательную активность существенно меняется с возрастом. Считается, что в дошкольном возрасте объем двигательной активности детерминирован в основном биологическими факторами, а в школьном возрасте и у взрослых – преимущественно социальными.

По данным ВОЗ, одна из характерных особенностей современного образа жизни состоит в сокращении объемов двигательной активности в сочетании с нервно-психическими перегрузками, что характерно как для взрослого, так и для детского населения. По данным всероссийского мониторинга, среди учащихся начальных классов более 80 % девочек и 66 % мальчиков характеризуется низкой двигательной активностью [3]. Гипокинезия, вызывающая детренированность основных функциональных систем организма, – одна из наиболее серьезных проблем, угрожающих здоровью человека. В современных условиях следует говорить о социально обусловленной гипокинезии. В настоящее время до 70 % детей страдают недостатком двигательной активности, последствиями которого является снижение работоспособности, общей реактивности и рост заболеваемости.

Обеспечение оптимального уровня двигательной активности и формирование устойчивой потребности в движении – одна из многочисленных функций фи-

зического воспитания, способствующих достижению его обобщающей цели – формированию физической культуры личности. Физическая культура является и целью, и одновременно важнейшим условием становления и саморазвития личности. К наиболее важным характеристикам человека, обладающего физической культурой, которые подлежат развитию и тренировке в системе физического воспитания и образования, относятся не только двигательная активность, но физкультурная грамотность и физкультурная воспитанность [17]. Процесс физического воспитания, воздействуя на духовную, познавательную, эмоциональную, волевую и телесную сферы личности, обеспечивает ее разностороннее развитие.

В течение последних десятилетий разрабатываются многообразные концепции создания новой системы физического воспитания и образования [1, с. 23 – 25; 9, с. 2 – 6; 10, с. 5 – 10; 11; 16, с. 2 – 6]. В общем виде они сводятся к утверждению многофункциональности процесса физического воспитания, который должен иметь познавательно-развивающую, спортивную и профилактическую направленность и удовлетворять личностные и социальные потребности человека.

В работах С. И. Петухова [14], Н. В. Коваленко [7] сформулирована концепция непрерывного физического воспитания, согласно которой здоровьесберегающая система непрерывного физического воспитания – это такая организация процесса обучения, которая позволяет привести в соответствие содержание и объем учебного материала, методы и формы учебно-познавательной деятельности возрастным и индивидуальным возможностям и способностям учащихся, сохраняет их умственную и физическую работоспособность, формирует здоровьесберегающую культуру, способствует в конечном итоге реализации целей обучения, умственного и физического развития и воспитания здоровой личности. Система непрерывного физического воспитания предполагает признание индивидуальности, самооценности каждого ученика, основанное на учёте кризисов онтогенеза, возрастной психологии и физиологии, на построении субъект-субъектных отношений, соответствующих требованиям гуманистической концепции образования. Интегральный характер предлагаемого авторами педагогического подхода заключается в сочетании и объединении обучающего, воспитательного, развивающего и оздоровительного аспектов физического воспитания на всех возрастных этапах школьного обучения. Показано, что для каждого возраста необ-

ходимо внедрить в учебный процесс физические упражнения различной целевой установки с учетом сенситивных периодов индивидуального развития. На начальном этапе ученику предоставляется возможность проявить свои творческие способности и реализовать себя в движении и тем самым определить дальнейший путь развития (*самореализация*). В среднем школьном возрасте на передний план выходит *индивидуализация* личности учащегося в физической культуре посредством овладения основами физкультурной деятельности общеприкладной и спортивно-рекреационной направленности. В старших классах школьник проходит этап *актуализации* в физической культуре в процессе освоения физкультурной деятельности профессионально-прикладной и оздоровительно-корректирующей направленности [4; 6].

В Кемеровской области реализован комплекс инновационных подходов, касающихся разработки и внедрения познавательного-развивающих технологий оздоровительной направленности в системе физического воспитания на различных этапах образования. Помимо введения третьего урока физической культуры в неделю, активно используется вариативная часть базисного учебного плана для увеличения часов по физическому воспитанию, внедряются малые формы в режиме учебного дня, внеклассные общешкольные мероприятия, система самостоятельных занятий учащихся по выполнению домашних заданий по физической культуре. Подобные инновации в комплексе формируют региональный компонент непрерывного физического воспитания в общеобразовательных учреждениях области.

В качестве иллюстрации здоровьесберегающего подхода к управлению физическим воспитанием можно привести модель педагогического руководства МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 94» г. Кемерово, разработка и апробация которой связана с реализацией средств и методов школьного спортивно-оздоровительного комплекса [17]. Содержание, методы и пути педагогического руководства сохранением и укреплением здоровья учащихся в условиях адаптивно-развивающей школы со спортивно-оздоровительным комплексом определяются на основе комплексности, системности, возрастной периодизации, социо- и природосообразности. Наличие в структуре образовательного учреждения спортивно-оздоровительного комплекса и службы психофизиологической диагностики, укомплектованных квалифицированными специалистами, позволяет формировать вариативную часть базисного учебного плана для детей начального и среднего звена с учетом индивидуальных психофизиологических характеристик, особенностей физического развития, уровня функционального резерва, типа функциональной конституции, а также оценивать эффективность воздействия на учащихся различных режимов двигательной активности и физиологическую «стоимость» адаптации к процессу обучения. С учётом возможностей вариативной части Базисного учебного плана были введены различные варианты интенсификации режима двигательной активности школьников: добавление трёх уроков плавания, либо двух часов плавания и одного часа общефизической подготовки. Показано, что у младших

школьников при стандартном режиме физического воспитания с двумя уроками физической культуры к концу учебного года не выявляется существенного улучшения психофизиологических характеристик по сравнению с началом года, поэтому данный режим был расценен как «гиподинамический». Двигательный режим с тремя дополнительными уроками плавания для детей со сниженными адаптационными возможностями оказался «гипердинамическим» – у них увеличилась активность симпатико-адреналовой системы в регуляции сердечного ритма, что свидетельствует о напряжении адаптационных механизмов. Сочетание плавания и общей физической подготовки оказалось наиболее благоприятным с точки зрения физиологической «стоимости» адаптации к нагрузкам, что позволило считать такой режим «адекватно-динамическим» [5; 17]. Исследования показали, что школьники со сниженными адаптивными возможностями нуждаются в более индивидуализированном режиме двигательной активности, чем дети с удовлетворительным уровнем адаптации.

В последние годы в исследованиях, посвященных поиску путей инновационного развития системы физического воспитания, уделяется большое внимание внедрению в практику общеобразовательных школ спортивных технологий – спортизации физического воспитания с целью формирования спортивной культуры учащихся [9]. Подобные педагогические модели, созданные в рамках концепции интеграции физического воспитания в систему общего и дополнительного образования, успешно реализуются в ряде образовательных учреждений Кузбасса [4; 13]. Перспективным вариантом такого взаимодействия является организация на базе общеобразовательных учреждений специализированных спортивных классов. Педагогическая модель взаимодействия в муниципальном пространстве общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования детей физкультурно-спортивной направленности позволяет осуществлять целостный, интегративный, системный подход к процессу оптимизации процесса физического воспитания. Показано, в частности, что сотрудничество МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 52» г. Новокузнецка с МОУ ДОД СДЮШОР «Металлург» по направлению «хоккей с шайбой» открывает новые возможности для решения важных задач как развития детско-юношеского спорта, так и формирования у детей знаний о здоровье и здоровом образе жизни, потребности в занятиях спортом. В школе были созданы специализированные хоккейные классы, а позже – спортивный интернат для воспитанников СДЮШОР «Металлург» и учеников СОШ № 52. Подобное сотрудничество с целью объединения преимуществ, предоставляемых детям учреждениями основного и дополнительного образования, позволяет усилить их взаимное положительное влияние, создавать динамичную, адаптивно-развивающую образовательную среду, реализовывать интеграцию образования и спорта.

Интеграция учреждений общего и дополнительного образования в г. Осинники позволило сформировать методологические и организационно-педагогические предпосылки для реализации модели специали-

зированной физического воспитания педагогическим коллективом детско-юношеского клуба физической подготовки (ДЮКФП) на базе средней общеобразовательной школы № 16. Суть инновации заключается в увеличении количества часов для занятий физической культурой в школе, проводимых педагогами дополнительного образования для учащихся 1 – 9 классов, что позволяет не только увеличивать время для двигательной активности, но и формировать у детей представление о различных видах спорта, в которых они могут попробовать свои силы и сделать выбор с учётом индивидуальных особенностей и предпочтений. Для детей с ослабленным здоровьем предложены программы лечебной физической культуры, занятий шахматами и дартсом.

В течение учебного года педагогами ДЮКФП осуществляется мониторинг состояния здоровья учащихся, их функционального и физического развития. Общий анализ показывает, что практически во всех классах в конце каждого учебного года регистрируется значительное повышение функциональных возможностей обучающихся, что проявляется в приросте уровня физической подготовленности и улучшении результатов функционального тестирования.

Заслуживает внимания опыт оптимизации физического воспитания школьников в МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 19» г. Ленинск-Кузнецкого, в которой создание адаптивно-развивающей и безопасной образовательной среды осуществляется за счет широкого спектра физкультурно-оздоровительных мероприятий: уроков физической культуры, лечебной физкультуры (общефизической подготовки), занятий в плавательном бассейне, витаминотерапии. В школе реализуется городская экспериментальная межведомственная программа «Дети России образованы и здоровы» («ДРОЗД»), которая позволяет решать проблемы активизации двигательной активности учащихся начальных классов, занятости подростков в свободное от учебы время, защиты их от вовлечения в наркоманию, пьянство, правонарушения. В общеобразовательном учреждении работают разные спортивные секции (волейбол, футбол, баскетбол, легкая атлетика, ритмическая гимнастика, туризм, шахматы, плавание, две группы ОФП для учащихся младших классов), в которых занимаются более 80 % учащихся; создан специализированный спортивный класс с продленным днем обучения и углубленным учебно-тренировочным процессом.

Анализ здоровьесберегающей деятельности показал её высокую эффективность: у учащихся повышается уровень сформированности представлений о физической культуре и спорте, возрастает мотивация к занятиям, выявляется высокий уровень умений и навыков в области физической культуры и здорового образа жизни.

Существующие подходы к физическому воспитанию должны учитывать базовые потребности обучающихся, значительно изменяющиеся в динамике учебной деятельности от младших классов к старшим. Проверка эффективности внедрения потребностно-мотивационного подхода в системе непрерывного физического воспитания старшеклассников в течение ряда лет осуществляется на базе спортивно-оздорови-

тельного центра МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6» г. Новокузнецка, в котором организовано увеличение количества уроков физической культуры до 3 часов в неделю и введение теоретического факультатива; для детей с ослабленным здоровьем предложена программа лечебной физической культуры. Школьникам старших классов предлагается на выбор одна из специализаций: баскетбол, волейбол, плавание, шейпинг, аэробика, силовые виды спорта; уроки физической культуры вынесены за учебную сетку и проводятся во второй половине дня 2 раза в неделю по 40 минут. Учащиеся регулярно участвуют в различных спортивно-оздоровительных мероприятиях, направленных на удовлетворение биологической потребности в движениях. Результаты мониторинга эффективности деятельности показали, что в результате трехлетнего периода реализации системы непрерывного физического воспитания у обучающихся средних и старших классов отмечается значительный прирост показателей физической подготовленности.

Достаточно наглядным с социальной точки зрения является опыт использования физкультурно-оздоровительных и спортивных технологий в школе-интернате № 5 г. Ленинск-Кузнецкого, являющейся по структуре и характеру своего функционирования «Школой здоровья» [15]. В соответствии с программой «Школа здоровья» оптимизация двигательной активности осуществляется путём увеличения количества уроков физкультуры, оздоровительного бега на динамических переменах, реализации модели подвижного урока, занятий в спортивных секциях во внеурочное время. Условия интерната позволяют успешнее, чем во многих общеобразовательных школах, осуществлять данную работу. Физкультпаузы чередуются с оздоровительными паузами, во время которых ученики выполняют тренировки разной направленности (активизация внимания, памяти, профилактика нарушений осанки и зрения), и с оздоровительным бегом. День воспитанников интерната начинается с утренней гимнастики, которая проводится специально подготовленными инструкторами и воспитывает привычку к систематическим занятиям физическими упражнениями. В вариативную часть базисного плана включены уроки лечебной физкультуры, благодаря чему количество воспитанников с нарушениями осанки и искривлением позвоночника за 10 лет уменьшилось в 3,5 раза. Внеклассная физкультурно-оздоровительная работа осуществляется через спортивные секции, которые организованы с учётом интересов ребят: баскетбол, волейбол, плавание, настольный теннис, шахматная, бильярдная, ОФП и др. Режим работы учителя и материальная база позволяют развивать все виды спорта, причем оборудование спортивного и тренажёрного залов изготавливается учащимися старших классов. При анализе результатов анкетирования воспитанников выявлено, что у подавляющего большинства школьников санаторной школы-интерната сформирован высокий уровень готовности заниматься физической культурой: они относятся к занятиям физической культурой как к ценности, понимают сущность самостоятельных занятий, стремятся к участию в спортивных мероприятиях школы. Представленные материалы свидетельствуют, что

увеличение занятий двигательной направленности формируют привычку к двигательной активности, а овладение спортивными навыками на более высоком уровне обеспечивает удовлетворенность и желание продолжать совершенствоваться.

В системе непрерывного физического воспитания пути оптимизации двигательной активности определяются спецификой образовательного учреждения: в учреждениях общего образования различные формы организованной двигательной активности должны быть направлены на преодоление гипокинезии, характерной для многих школьников; у детей, занимающихся в спортивных школах, уровень двигательной активности может оказаться избыточным, а интенсивность физических нагрузок – превышающей функциональные возможности организма. Но общее ограничение тренировочных нагрузок противоречит задачам спортивной подготовки, поэтому в условиях учреждений дополнительного образования спортивного профиля оптимизация двигательной активности – это предупреждение негативного влияния гиперкинезии с помощью дифференцированного подхода к дозированию нагрузки и обеспечение условий для эффективной реализации восстановительных, оздоровительных и профилактических мер.

В идеале, оптимизация двигательной деятельности в процессе физического воспитания, включающего всё многообразие его форм, должна осуществляться с нацеленностью на расширение границ биологической

нормы реакций, повышение приспособляемости организма к среде. Этот процесс требует учёта показателей физиологических процессов, протекающих на различных уровнях индивидуальной организации. При этом данные, характеризующие состояние внутренней среды организма человека, необходимо сопоставлять с его работоспособностью, уровнем развития физических качеств, психоэмоциональным состоянием, функциональным состоянием систем физиологической адаптации. Можно считать, что по отношению к режиму двигательной активности понятие «оптимизация» тождественно понятию «дифференцированный подход».

Как показывает богатый региональный опыт, оптимизация двигательной активности в практике физического воспитания может достигаться разнообразными средствами, но в любом случае необходимо базироваться на результатах комплексных медико-физиологических исследований, выявляющих особенности морфофункционального развития, физической работоспособности, напряженности механизмов адаптации детей к разнообразным средовым факторам. Наиболее целесообразным и научно обоснованным является личностно-ориентированный и максимально индивидуализированный подход к оптимизации двигательной активности, который заключается в обеспечении её соответствия возрастным, половым, типологическим, индивидуальным особенностям развивающегося организма, его функциональным возможностям и состоянию здоровья.

Литература

1. Бальсевич, В. К. Концепция альтернативных форм физического воспитания детей и молодежи / В. К. Бальсевич // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – № 1.
2. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
3. Безруких, М. М. Возрастная физиология (физиология развития ребенка) / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. – М.: Академия, 2009. – 416 с.
4. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика: учебное пособие / под ред. Э. М. Казина. – Кемерово, 2011. – 355 с.
5. Казин, Э. М. Динамика изменения функционального состояния организма младших школьников в зависимости от режима двигательной активности в ходе учебного процесса / Э. М. Казин, Л. Г. Лушпа, А. И. Фёдоров // Валеология. – 2002. – № 3. – С. 65 – 70.
6. Теоретико-прикладные аспекты здоровья как базовой адаптивной, личностной и социальной ценности. Сообщение 1. Социально-биологическая основа здоровья и адаптивных возможностей индивида / Э. М. Казин, Е. К. Айдаркин, А. И. Федоров [и др.] // Валеология. – 2012. – № 2. – С. 7 – 14.
7. Коваленко, Н. В. Физическая культура в школе в условиях модернизации образования: учебно-методическое пособие / Н. В. Коваленко. – Новокузнецк: ИПК, 2008. – 92 с.
8. Куликов, В. П. Потребность в двигательной активности / В. П. Куликов, В. И. Киселев. – Новосибирск: Наука, 1998. – 144 с.
9. Лубышева, Л. И. Спортивная культура как учебный предмет общеобразовательной школы / Л. И. Лубышева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2004. – № 4.
10. Лях, В. И. Концепция физического воспитания детей и подростков / В. И. Лях, Г. Б. Мейксон, Л. Б. Кофман // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – № 1.
11. Матвеев, А. П. Теоретико-методологические основы формирования учебного предмета «Физическая культура» в общеобразовательной школе: дис. ... д-ра пед. наук в форме науч. докл. / А. П. Матвеев. – М., 1997. – 73 с.
12. Могендович, М. Р. Лекции по физиологии моторно-висцеральной регуляции / М. Р. Могендович. – Пермь, 1972. – 35 с.
13. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Книга II. Психолого-физиологические и социально-педагогические подходы к формированию здоровьесберегающей среды в основной и средней школе / отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово, 2011. – 695 с.

14. Петухов, С. И. Формирование здоровья и развития младших школьников в системе физического воспитания: теория и практика / С. И. Петухов. – Новокузнецк, 2000. – 107 с.
15. Сидоренко, А. А. Комплексная работа по сохранению и укреплению здоровья воспитанников в школе-интернате: научно-методическое пособие / А. А. Сидоренко, Н. Г. Блинова, Л. Н. Игишева. – Ленинск-Кузнецкий, 2004. – 255 с.
16. Столяров, В. И. Фундаментальные теоретические основы современной системы комплексного физического воспитания / В. И. Столяров // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2013. – № 2.
17. Тушина, Г. И. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей среды общеобразовательной школы: дис. ... канд. пед. наук / Г. И. Тушина. – Кемерово, 2005. – 263 с.
18. Физическое развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы: учебное пособие по курсу «Общая и возрастная педагогика» / Э. М. Казин [и др.]; отв. ред. Г. Г. Солодова, Э. М. Казин, С. И. Петухов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 277 с.

Информация об авторах:

Кириченко Владимир Владимирович – тренер-педагог Областной СДЮСШОР по плаванию, г. Кемерово, 8(384-2)58-62-43, vladimir.kirichenko@inbox.ru

Vladimir V. Kirichenko – coach-teacher, Regional specialized swimming sports school of Olympic reserve, Kemerovo.

Тушина Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры УЭиПРвО КРИПКиПРО, г. Кемерово, 8(384-2)56-69-85.

Galina I. Tushina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Management, Economics and Legal Management in Education, Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Education Workers.

Тарасова Ольга Леонидовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ, г. Кемерово, 8(384-2)58-35-15, olga.tarasova11@yandex.ru.

Olga L. Tarasova – Candidate of Medicine, Assistant Professor at the Department of Human and Animals Physiology and Valeology, Kemerovo state University.

Коваленко Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики общего образования МАОУ ДПО ИПК, г. Новокузнецк, 73-76-04.

Natalia V. Kovalenko – Candidate of Pedagogics, Assistant professor at the Department of Theory and Methodology of General Education, Institute of Advanced Training, Novokuznetsk.

Зубанов Владимир Петрович – кандидат биологических наук, доцент, декан факультета физической культуры КГПА, г. Новокузнецк, 71-70-19.

Vladimir P. Zubanov – Candidate of Biology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Physical Culture, Kuzbass State Pedagogical Academy.

Казин Эдуард Михайлович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой физиологии человека и животных и валеологии КемГУ, 8(384-2)58-35-15, г. Кемерово, valeol@kemsu.ru.

Eduard M. Kazin – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Human and Animals Physiology and Valeology, Kemerovo state University.

УДК 378.032

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л. О. Ковтун

FORMING THE FUTURE TEACHER'S NEED FOR ENSURING SOCIAL SAFETY

L. O. Kovtun

В статье представлено описание направлений формирования потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности на основе анализа социально-педагогических факторов. Приводится механизм формирования потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности.

Basing on the analysis of social and pedagogical factors, the paper describes the directions of forming the future teacher's need for ensuring social security. The mechanism of forming the future teacher's need for ensuring social security is suggested.

Ключевые слова. Социальная безопасность, будущий педагог, потребность к деятельности.

Keywords. social safety, future teacher, the need for action.

Потребность в безопасности присуща как отдельным индивидам, так и более сложно организованным системам – семье, обществу, государству. В современном обществе эта потребность растет день ото дня, отражая процесс распространения социальных рисков по различным направлениям и уровням общественного бытия.

Особое место среди проблем безопасности занимает формирование социальной безопасности студентов в процессе обучения в вузе. Это обусловлено возрастанием интенсивности информационного потока, широким внедрением технических средств и компьютерных технологий в учебный процесс, сильным социально-экономическим прессингом, негативно влияющим на состояние физического, психического и социального здоровья студентов, особенностями их подготовки в вузе. Техногенная нагрузка на биосферу все более возрастает. И выпускник образовательных учреждений должен осознавать ответственность за сохранение человечества как биологического вида; познакомиться с характеристиками чрезвычайных ситуаций, их последствиями; получить сведения об организации системы защиты от последствий чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и социального характера, знания по основам здорового образа жизни, гражданской обороне, защите государства; приобрести умения и навыки, как предвидения и избежания опасности, так и обеспечения личной и общественной безопасности; быть готовым к безопасному типу поведения в повседневной жизни, опасных и чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и социального характера.

В современном российском обществе представляется крайне важной связь «социальной безопасности» как социальной категории с процессом изменения ценностных ориентаций и моральных установок, приобретающих особое значение в студенческой среде.

Задачей образования в области социальной безопасности является формирование безопасного, здорового образа жизни, воспитание гармонично развитой личности, готовой к полноценной общественной и семейной жизни. Следовательно, уже по своим целям образование в области социальной безопасности является приоритетным.

Сложность образовательного процесса заключается в том, что он, занимая значительное место в жизни человека, не дает ощутимо зримого конкретного результата сразу по его завершении. Результатом образования (конечно, с учетом воздействия и других факторов, в частности наследственности, семейного воспитания, самовоспитания и др.) является все последующее поведение, деятельность, образ жизни человека. Поэтому влияние педагогического воздействия любого образовательного учреждения не может контролироваться непосредственно.

Каждый, кто выбирает профессию педагога, берет на себя ответственность за тех, кого он будет учить и воспитывать, вместе с тем отвечая за самого себя,

свою профессиональную подготовку, свое право быть педагогом, воспитателем.

Во время обучения в вузе формируется прочная основа трудовой, профессиональной деятельности. Усвоенные в обучении знания, умения, навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве профессиональной деятельности.

Личностно-ориентированный подход к профессиональной подготовке будущего педагога предполагает в качестве критерия профессионализма рассматривать готовность к деятельности, обеспечивающую целенаправленную активность специалиста в контексте целостного индивидуального развития, как интегральное свойство личности, предшествующее, проявляющееся и развивающееся в деятельности (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн).

Личностно-ориентированный подход в своем личностном компоненте предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся – его мотивы, цели, его неповторимый психологический склад, то есть студент как личность. Исходя из интересов обучающегося, уровня его знаний и умений, преподаватель определяет учебную цель занятия и формирует, направляет и корректирует весь образовательный процесс в целях развития личности обучающегося. Соответственно, цель каждого занятия при реализации личностно-ориентированного подхода формируется с позиции каждого конкретного обучающегося и всей группы в целом [1].

В связи с тем, что всякая деятельность, и учебная также, предпосылается потребностью преподавателя, реализующего личностно-ориентированный подход, основным вопросом является формирование не только коммуникативной и учебно-познавательной потребности студентов в общении с ним, но и их собственной учебной потребности в выработке ими обобщенных способов и приемов учебной деятельности, в освоении новых знаний, формировании более современных умений во всех видах изучаемой деятельности.

Формирование потребности к обеспечению социальной безопасности осуществляется в рамках обучения студентов по следующим направлениям:

1) подготовка к обеспечению безопасности в социальной среде – система взаимодействия личности со средой, включающая осознание личностью негативных воздействий социальной среды; умения и навыки самозащиты, обеспечивающие ей успешное взаимодействие с другими людьми;

2) подготовка к обеспечению личной безопасности в условиях опасной, экстремальной ситуации социального характера (насилие, ограбление, массовые беспорядки и т. д.) – правила поведения человека, при которых незапланированные (неожидаемые) изменения не приводят к потере жизни, здоровья или имущества;

3) подготовка к обеспечению информационно-психологической безопасности – осознание личностью негативных информационно-психологических

воздействий (социальные конфликты, политический и религиозный экстремизм) и владения способами информационно-психологической самозащиты, соблюдение правил психогигиены;

4) подготовка к обеспечению социально-криминальной безопасности – защищенность от физического насилия, защищенность личного имущества;

5) формирование безопасного и здорового образа жизни – соблюдение физиологически оптимального режима труда и отдыха, рациональное питание, достаточный уровень физической активности, соблюдение правил личной и общественной гигиены;

6) обеспечение социальной безопасности образовательного учреждения – сохранения жизни и здоровья обучающихся, воспитанников и работников, а также материальных ценностей образовательного учреждения от возможных несчастных случаев, опасных и чрезвычайных ситуаций социального характера.

Очевидно, что формирование потребности к обеспечению социальной безопасности происходит за счет психолого-педагогического механизма достижения желаемого результата. Данный механизм реализуется в учебно-воспитательном процессе в вузе и представляет собой функциональное взаимодействие следующих звеньев (рис. 1).

Рис. 1. Психолого-педагогический механизм формирования потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности

1. Побуждение интереса и формирование потребности в безопасном и здоровом образе жизни – представляет собой начальное звено механизма и связано в первую очередь с развитием ценностно-мотивационного компонента готовности к обеспечению социальной безопасности. Система ценностно-мотивационных ориентаций выражается в таких показателях, как приоритет ценности безопасности и здоровья в системе взглядов будущего педагога, мировоззренческие основы современных проблем безопасности личности, общества и государства, желание заниматься работой по обеспечению социальной безопасности образовательного учреждения, формированию здоровья и здорового образа жизни, потребность в соблюдении правил безопасности, основ здорового образа жизни, служить наглядным примером безопасного и здоровьесберегающего поведения для окружающих.

2. Достижение грамотности по вопросам обеспечения безопасности в тревожных и экстремальных ситуациях социального характера, в том числе в условиях образовательного учреждения – формирование когнитивного компонента готовности – вооружение знаниями на занятиях и во время самостоятельной работы студентов. Показателями качества знаний по вопросам обеспечения социальной безопасности являются уровень теоретических, практических и методических знаний будущего педагога по вопросам безопасности жизнедеятельности в целом, знания о факторах, сущности и структуре безопасности жизнедеятельности в социуме, степень владения основными понятиями, категориями и закономерностями в области обеспечения социальной безопасности образовательного учреждения, знания факторов, отрицательно влияющих на здоровье участников образовательного

процесса, и технологий их предупреждения. Данный компонент готовности включает в себя также профессионально-прикладные знания будущих педагогов по вопросам формирования безопасного и здорового образа жизни субъектов образовательного процесса.

3. Обучение умениям и навыкам обеспечения социальной безопасности, в том числе в условиях образовательного учреждения – формирование деятельностного компонента – отработка навыков на практических занятиях. Деятельностный компонент характеризуется такими показателями:

- умения и навыки выявления и предотвращения опасностей социального характера, обеспечения личной и общественной безопасности;

- реализация безопасного и здорового образа жизни;

- способность к деятельности по укреплению собственного здоровья и здоровья окружающих;

- умение перевести знания по вопросам обеспечения социальной безопасности образовательного учреждения в область практического применения, преподнести информацию по безопасному и здоровому образу жизни в качестве учебно-воспитательного материала.

4. Формирование потребности к деятельности по обеспечению социальной безопасности образовательного учреждения – предполагает сформированность всех выше названных структурных компонентов готовности и апробацию сформированных знаний и умений в период педагогической практики в образовательном учреждении.

5. Рефлексия – анализ собственной деятельности (самоконтроль и самооценка) и при необходимости самокоррекция деятельности по обеспечению социальной безопасности (рефлексивный компонент готовности). Показателями развития рефлексивного компонента являются способность будущих педагогов к адекватной оценке себя как личности, субъекта образовательного процесса в области социальной безопасности, осознание своей ответственности за обеспечение собственной безопасности и безопасности учащихся, сохранение и укрепление здоровья; адекватная самооценка образа жизни. Развитый рефлексивный компонент создает возможность для развития деятельностного компонента готовности, так как рефлексия позволяет определиться в образовательной деятельности, установить пространство для собственного активного учения, сформировать направленность на эффективное образование, осознать возможные препятствия, проблемы и ошибки.

6. С помощью адекватной самооценки происходит регуляция поведения, направленная на саморазвитие будущего педагога как профессионала и личности безопасного типа; формирование безопасного и здорового образа жизни – совокупности биологически и социально целесообразных форм и способов жизнедеятельности, способствующих сохранению жизни, сохранению и укреплению здоровья, а также успешному обучению, воспитанию и личностно-профессиональному развитию студента.

7. Сохранение и укрепление здоровья – гармоничное единство биологических и социальных свойств индивида, позволяющих ему эффективно вы-

полнять задачи образования и личностно-профессионально развиваться. Решение данной задачи необходимо осуществлять в контексте трех проекций: во-первых, студент является индивидом юношеского возраста, с присущими ему анатомо-физиологическими особенностями, уровнем здоровья и накопленными факторами риска; во-вторых, студент – будущий педагог, который в перспективе должен проектировать социально-безопасную среду образовательного учреждения, быть носителем эталонов безопасного и здорового образа жизни для учеников, а также иметь хорошее физическое, психическое и нравственное здоровье, необходимое для успешной профессиональной деятельности; в-третьих, студент – субъект образовательного процесса, испытывающий комплекс негативных воздействий психологического, биоритмологического, биомеханического, информационного и социального характера [3; 4, с. 81 – 84].

Названные подходы к формированию потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности были реализованы нами в учебно-воспитательном процессе в Кемеровском государственном университете через систему аудиторных (занятия по курсам «Безопасность жизнедеятельности», «Социальная безопасность», и др.) и внеаудиторных (обучающие семинары, научные студенческие конференции, консультации и др.) мероприятий и показали свою эффективность. Проведенное сотрудниками кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности исследование позволило выявить динамику числа студентов с высоким уровнем развития компонентов потребности к обеспечению социальной безопасности. В исследовании приняли участие 108 студентов (2 – 4 курсы), обучающихся по педагогическим специальностям. Анализ инфраструктуры потребности позволил выявить наибольшую восприимчивость к психолого-педагогическому воздействию когнитивного компонента (28 – 79 %). Достоверно, но в меньшей степени, отмечена динамика мотивационного (42 – 72 %), деятельностного (18 – 49 %) и рефлексивного (32 – 68 %) компонентов (рис. 2).

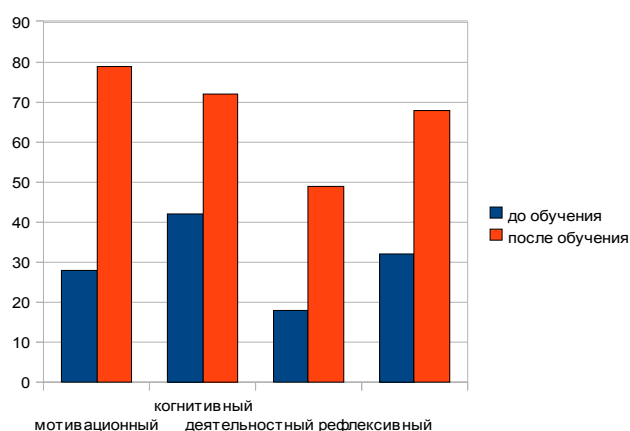

Рис. 2. Динамика числа студентов с высоким уровнем развития компонентов потребности к обеспечению социальной безопасности

Таким образом, названные звенья механизма развития готовности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности способствуют формированию ее структурных компонентов и реализации данной деятельности на практике. По мере возникновения новых проблемных ситуаций в обеспечении социальной безопасности субъект деятельности вновь проходит названные звенья психолого-педагогического механизма.

Потребность будущего педагога к обеспечению социальной безопасности понимается как совокупность личностно-профессиональных качеств, формирующихся в процессе целенаправленной подготовки и позволяющих в перспективе осуществлять профессиональную деятельность по обеспечению социальной безопасности образовательного учреждения и определяющих безопасный и здоровьесберегающий стиль его жизнедеятельности.

Познавательные факторы формирования потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности соответствуют субъективным компонентам потребности и связаны в первую очередь с профессиональной направленностью студентов на будущую деятельность, ценностным отношением к предстоящей деятельности по обеспечению безопасности учащихся, компетентностью, умелостью в решении текущих проблем, способностями к активному обучению и самообразованию по вопросам формирования безопасного и здорового образа жизни, креативностью, профессиональной ответственностью, стрессоустойчивостью, толерантностью, социальной нормативностью.

Профессиональная направленность будущего педагога к обеспечению социальной безопасности образовательного учреждения понимается нами как психическое свойство личности, которое определяет потребности, мотивы, мировоззрение, установки и цели деятельности студентов в области социальной безопасности, а именно: осознание первостепенной значимости и необходимости обеспечения безопасности, сохранения и укрепления здоровья участников образовательного процесса; приоритетное ценностное отношение к жизни, к собственному здоровью и здоровью и безопасности своих учеников; любовь к педагогическому труду, к профессии, стремление к профессионализму в области обеспечения социальной безопасности; потребность в развитии способности к самоорганизации, самоконтролю, самообразованию в области социальной безопасности; способность к проектированию авторской системы деятельности и ее воплощение; развитие мотивации к поиску и моделированию образцов деятельности по вопросам обеспечения социальной безопасности. Сюда же относятся: умение сотрудничать, вступать в контакты в процессе формирования безопасного и здорового образа жизни учащихся, умение вызвать интерес у участников образовательного процесса к результатам своей деятельности по обеспечению безопасности образовательного учреждения. Важным также является соответствие будущего педагога, занимающегося в перспективе деятельностью по обеспечению социальной безопасности учащихся, индивидуально-личностным качествам безопасного стиля поведения [3].

Проведенный нами опрос среди студентов Кемеровского государственного университета (160 человек) показал, что около половины респондентов (58,3 %) связывают свою будущую педагогическую деятельность с необходимостью формирования безопасного и здорового образа жизни школьников, 19,2 % – затруднились ответить, а 22,5 % дали отрицательный ответ.

Профессиональная ответственность педагога перед собой, учащимися, их будущим, понимается нами как качество личности, основанное на способности брать на себя ответственность за то, что происходит с педагогом и с учащимися, владении искусством проектирования деятельности по предупреждению в образовательном учреждении опасных и экстремальных ситуаций, обоснование авторской системы деятельности по формированию безопасного и здорового образа жизни учащихся с использованием идеализированных моделей, которые могут быть конкретизированы в зависимости от специальности.

Умения анализировать позволит педагогу спрогнозировать результаты собственной активности по обеспечению социальной безопасности, что может являться источником направленности и саморегулируемости осуществляемой деятельности; спрогнозировать возникновение в образовательном учреждении опасных ситуаций социального характера исходящих, в первую очередь, от участников образовательного процесса; предвидеть исход чрезвычайных ситуаций, а, следовательно, поможет предпринять действия по минимизации факторов, отрицательно воздействующих на здоровье учащихся [4].

Большинство опрошенных нами студентов испытывают трудности в предвидении возникновения в образовательном учреждении (школьном коллективе) опасных ситуаций социального характера, что говорит о необходимости включения в процесс обучения студентов активных форм обучения, направленных на развитие антиципации.

Проведенные в последние годы исследования показывают, что около 85 % учителей испытывают состояние устойчивого стресса (Т. А. Глухих, Н. Н. Трушина, Л. М. Митина, Н. А. Литвинова с соавторами), что является причиной неврозов, соматических заболеваний. Рост нервноэмоциональных нагрузок, психоэмоционального напряжения, невротических реакций у педагогов оказывает негативное влияние на их отношения с учащимися (Н. К. Смирнов). С позиции психологии здоровья личность психически устойчива (в том числе стрессоустойчива), что позволяет ей поддерживать собственную надежность и противостоять воздействиям среды, преодолевать сопротивление внешних условий, бороться с препятствиями и, в конечном счете, достигать поставленных целей. В этом отношении психическое здоровье, в целом, и стрессоустойчивость, в частности, выступает как характеристика целостного, акмеологического развития человека (М. Ф. Секач).

Поэтому для предупреждения профессионально-личностной деформации, поддержания высокой работоспособности, сохранения психического и физического здоровья педагогу необходимо владеть технологиями профилактики длительных стрессовых состоя-

ний (дистресса), основами психической саморегуляции. При этом высокий уровень развитости креативных способностей и адекватная самооценка позволят педагогу сформировать систему совладания со стрессом, в том числе в экстремальных ситуациях (В. Л. Маришук).

Кроме того, педагог, отвечая за безопасность учащихся, должен быть готов к предупреждению стрессовых состояний у себя и у учащихся в экстремальных ситуациях социального характера, что говорит о необходимости специальной психологической подготовке к особым и экстремальным видам деятельности (экстренным действиям) (А. К. Маркова, А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин).

Учащаяся молодежь является частью общества, наиболее остро реагирующей на происходящие в нем изменения. Естественная для молодежи бескомпромиссность нередко входит в противоречие с требованием терпимости в социальных взаимодействиях, что способно привести к негативным последствиям для личности и общества, может стать объектом для внешнего манипулирования. Подтверждением тому является широкое участие подростков и молодежи в деятельности экстремистских организаций религиозного и политического толка. В этом смысле наличие или отсутствие толерантности в молодежной среде становится важной составляющей социальной безопасности общества в целом.

Толерантность – одно из важных качеств в структуре личности, понимается как искреннее уважение и признание другой личности, ее духовных ценностей.

Формирование толерантности имеет комплексную структуру и представляет собой процесс, главной составляющей которого является обучение. Одним из важнейших социальных институтов, должных способствовать формированию толерантных начал, являются образовательные учреждения. В этой связи для будущего педагога (учителя-предметника, социального педагога) крайне важно понимание того, что толерантность необходима специалисту образования в личностном и профессиональном отношении [5, с. 86 – 90].

Очень важно, чтобы студенты педагогических вузов не только знали психолого-педагогическую сущность толерантности, но и практически владели технологиями толерантного воспитания, умели творчески применять их в конкретных условиях образовательного учреждения.

Субъективно-объективные или социальные факторы формирования потребности к обеспечению социальной безопасности связаны с состоянием физического и психического здоровья студентов, то есть отсутствием ограничений для интенсивного обучения. Известно, что высокая работоспособность, как значимая характеристика профессионального развития, во многом определяется состоянием здоровья, а данное состояние, в свою очередь, во многом зависит от отношения к нему. А. А. Деркач и О. В. Москаленко указывают, что высокий уровень здоровья является показателем «профессионального акме».

Студенты высших учебных заведений составляют особый социальный слой населения, объединенный определенным возрастом, специфическими условия-

ми обучения и образом жизни. Несомненно, обучение в вузах следует отнести к категории специфического умственного труда, то есть труда, требующего постоянного, длительного активного напряжения интеллектуальных, эмоциональных, волевых и других функций. Здоровье студенческой молодежи является необходимым условием учебы в вузе.

Одним из наиболее значимых показателей отношения индивидуума к здоровью является субъективная оценка им (или самооценка) своего психического и физического состояния. С одной стороны, субъективные оценки здоровья могут рассматриваться как один из показателей здоровья населения, ибо здоровье как состояние полного физического, духовного и социального благополучия, как запас физических сил и способность адаптироваться к изменениям среды прежде всего осуществляется субъективно. С другой стороны – они выступают регулятором самосохранительного поведения. По мнению И. В. Журавлевой [2, с. 32 – 47], самооценка как структурный компонент отношения к здоровью, как оценка осознания личностью своих физических и духовных сил непосредственно взаимосвязана с целостной самооценкой человеком самого себя, своих возможностей и качеств, осознанием жизненной перспективы и места среди других людей, что, собственно, и обуславливает ее регулятивную функцию.

В нашем исследовании более половины студентов (52,7 %) оценили свое здоровье как «хорошее», а 4,3 % – как «очень хорошее». «Плохое» состояние здоровья 2,6 % опрошенных обусловлено, по их мнению, наличием хронических заболеваний и частыми простудными болезнями.

Несмотря на то, что фактически все опрошенные студенты вуза (90 %) знают о ведущей роли образа жизни в формировании здоровья, и как следствие потребности к обеспечению личной безопасности, только 39 % из них оценивают свой образ жизни как здоровый. Среди опрошенных девушек этот показатель составляет 38,8 %, среди юношей – 40 %. К факторам, не позволяющим назвать свой образ жизни здоровым, были отнесены следующие: нерациональное питание (62 %), малоподвижный образ жизни (46 %), курение (37 %), употребление алкоголя (18 %). Более половины (68 %) не всегда соблюдают режим питания, а 30 % студентов постоянно питаются неправильно. Примерно половина (56 %) студентов указали на полное отсутствие самостоятельных занятий физическими упражнениями в режиме дня, среди них наибольший удельный вес занимают девушки. Лишь каждый 4-й студент систематически посещает спортивную секцию. Характерной особенностью образа жизни современной учащейся молодежи является их приверженность к курению. Примерно 1/3 из опрошенных нами студентов курят. Среди девушек этот показатель составляет 25 %, среди юношей – 40 %. Каждый 2-й студент, считает ведущими препятствиями к формированию здорового образа жизни чисто внешние, не зависящие от него причины: недостаток времени, отсутствие условий реализации здорового образа жизни.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости включения в программу формирования потребности студентов педагогического вуза к обеспе-

чению социальной безопасности мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни, сохранение и укрепление здоровья.

Объективные факторы формирования потребности к обеспечению социальной безопасности являются педагогическими и характеризуются особенностями образовательного направления в области социальной безопасности, обусловленные специальностью будущего педагога. Нами выделено 3 образовательных направления в области социальной безопасности:

– первый, связанный с подготовкой учителей-предметников, предполагает знакомство будущих педагогов с опасностями социального характера и методами защиты от них, основами первой медицинской помощи, нормативными требованиями обеспечения безопасности, в том числе в условиях образовательного учреждения, принципами и возможностями здоровьесбережения, здоровьесберегающими образовательными технологиями;

– второй адресован будущим социальным педагогам. К выше перечисленным направлениям добавляются подготовка к работе по профилактике вредных привычек в образовательной среде и асоциального поведения учащихся, формирование благоприятного

психологического климата, к работе с родителями и медиками по укреплению здоровья школьников;

– третий предназначен для учителей-организаторов ОБЖ, на которых в школе возложена ответственность за организацию мероприятий по обеспечению безопасности учащихся и предполагает, кроме выше названного, подготовку к обучению школьников вопросам безопасности жизнедеятельности и здоровья, формированию у них потребности в безопасном и здоровом образе жизни; к информационно-пропагандистской деятельности в области безопасности жизнедеятельности; к разработке комплекса организационно-профилактических мероприятий по предупреждению и пресечению в образовательном учреждении опасных ситуаций социального характера.

Данные аналитических и экспериментальных исследований позволяют определить направления, в рамках которых следует искать пути совершенствования организации образовательного процесса в вузе с целью развития потребности будущих педагогов к обеспечению социальной безопасности.

Литература

1. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: курс лекций / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2000. – С. 76 – 86.
2. Журавлева, И. В. Поведенческие факторы здоровья подростков / И. В. Журавлева // Социология медицины. – 2002. – № 1.
3. Карасева, Т. В. Общие вопросы образования в области здоровья / Т. В. Карасева, Т. В. Гиголаева. – Шуя: Изд-во ШГПУ, 2004. – 80 с.
4. Кисляков, П. А. Образовательная область «Здоровье» в системе высшего педагогического образования / П. А. Кисляков // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 3.
5. Кисляков, П. А. Социально-педагогическое сопровождение формирования безопасной и здоровьесберегающей среде вуза / П. А. Кисляков // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 7.

Информация об авторе:

Ковтун Любовь Онуфриевна – старший преподаватель кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ, 8(384) 258-69-86, bgd.kemsu@mail.ru.

Lyubov O. Kovtun – Senior Lecturer at the Department of Social Medicine and Life Safety, Kemerovo State University.

УДК 378.17

МОДЕЛЬ ОРИЕНТИРОВАНИЯ СТУДЕНТА ВУЗА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ *О. Н. Московченко, О. А. Катцин*

MODEL OF ORIENTING HIGHER SCHOOL STUDENTS AT FORMING A HEALTHY LIFESTYLE *O. N. Moskovchenko, O. A. Katsin*

Актуальность темы исследования определена высокой социально-экономической значимостью здоровья и ведения здорового образа жизни. В статье с позиций современной науки раскрываются понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни». Представлены материалы опроса студентов методом анкетирования, которые позволили выявить их информированность о здоровом образе жизни и его организации в вузе. Дана характеристика разработанной и апробированной модели ориентирования студентов на формирование здорового образа жизни.

Результаты работы создают дополнительные возможности для изучения аналогичной темы по другим регионам.

The high socio-economic importance of health and healthy lifestyle proves the topic of this research to be topical. The article determines the concepts of "health" and "healthy lifestyle" within modern science. Survey materials revealing students' awareness of healthy living and its organization at the university are presented. The authors focus on the characteristics of the model of orienting students at promoting a healthy lifestyle, which has been developed and tested. The results suggest further opportunities to explore similar themes in other regions.

Ключевые слова: студенты, состояние здоровья, здоровый образ жизни, факторы, формирующие здоровый образ жизни.

Keywords: students, state of health, healthy lifestyle, factors forming healthy lifestyle.

Состояние здоровья является интегральным показателем, отражающим влияние комплекса факторов окружающей среды, в том числе условий воспитания, обучения, трудовой деятельности, образа жизни. В сохранении и формировании здоровья первостепенная роль отводится самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением.

Интерес к вопросам здорового образа жизни проявляют многие исследователи. Наибольшего внимания заслуживает проблема здоровья обучающейся молодежи. Многочисленные авторы [1; 5; 6; 7; 8; 9; 13] рассматривают «образ жизни» как широкую категорию, включающую индивидуальные формы поведения, активность и реализацию собственных возможностей в труде, в профилактике заболеваний, в повседневной жизни и культурных обычаях, свойственных тому или иному социально-экономическому укладу. Отсюда понятие «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) включает в себя способ жизнедеятельности, формирующий человека как субъекта творческого, активного, мотивированного на самосовершенствование и самореализацию, сохранение и укрепление здоровья, формирование нравственных установок и потребностей, исключающих вредные привычки. Образ жизни можно назвать здоровым лишь в том случае, когда человек сам осознает, что лично он отвечает за свое здоровье и определяет для себя иерархию мотивов, которые будут побуждать его к ведению именно здорового образа жизни.

Соблюдение ЗОЖ обеспечивает человеку не только продолжительную жизнь без болезней, но и высокую работоспособность, гарантирующую достаточное материальное благополучие, как за счет высоких доходов, так и за счет исключения расходов на врачей и медикаменты.

Установка на здоровый образ жизни появляется у человека не сама по себе, а формируется в результате определенного психологического и педагогического воздействия. По мнению академика Э. М. Казина [6, с. 10 – 15] современные образовательные учреждения должны быть призванными растить физически и психически здоровых граждан, формировать у них потребность в хорошем здоровье, научить ответственно относиться не только к собственному здоровью, но и к здоровью других людей, а также к сохранению среды обитания.

Ряд исследователей [4; 10; 12; 13; 14; 15] считают, что в понятие «здоровье» должны включаться биологический, психологический и социальный компоненты, а также деятельность по сохранению и развитию

каждого из них. Так, биологическое здоровье определяется степенью саморегуляции организма и гармонией физических процессов; деятельность самого человека обеспечивает уровень и возможности адаптации, саморегуляции и степень соответствия физиологических процессов. Личностно-психологическое здоровье характеризуется как стратегия жизни, обусловленная степенью мотивации на деятельность по поддержанию физического и психического здоровья. Социальное здоровье определяется самочувствием человека или уровнем его социально-психологической защищенности, выступает как мера социальной активности, которая проявляется через деятельное отношение к миру, к себе, к своему физическому состоянию.

Н. К. Смирнов акцентирует внимание на взаимосвязи здоровья с процессом адаптации, откуда следует, что «здоровье – это ресурс преодоления неблагоприятных воздействий окружающей среды (природной, социальной), адаптации к изменяющимся условиям и сил для изменения этих условий в желательном для себя направлении. Состояние полного здоровья – это сочетание оптимальных адаптационных возможностей и высокого функционального резерва организма» [14, с. 16].

По мнению специалистов в области физической культуры и спорта [2; 3; 11; 15] одним из главных аспектов здорового образа жизни является двигательная активность, так как она служит своеобразным естественным мостиком, соединяющим в единое целое социальное и биологическое в человеке. Отсюда следует, что центральным звеном всей методологии ЗОЖ должен стать эволюционный подход в исследовании феномена физической активности человека.

Определяющую роль для сохранения здоровья студенческой молодежи играет образ жизни. В период обучения в вузе студенты испытывают воздействие целого комплекса факторов, негативно влияющих на состояние здоровья: информационный стресс, недостаточная материальная обеспеченность, необходимость совмещать учебу с работой, частые нарушения режима труда, отдыха и питания, значительная гиподинамия.

Студенческая молодежь является благоприятной социальной средой для проведения различных профилактических мероприятий в виде лекций, бесед по вопросам ВИЧ-инфекций, табакокурения, принятия наркотиков и др. В этой возрастной группе происходит изменение стратегий поведения, касающегося здоровья. В тоже время эта возрастная группа считается уязвимой в отношении распространения инфекционных заболеваний, употребления наркотиков. Ву-

зы – это последняя ступень в образовательной среде, где еще можно оказать воспитательное воздействие и сформировать мотивацию на здоровый образ жизни.

Создание в каждом высшем учебном заведении условий по формированию у студенческой молодежи мотивации для ведения здорового образа жизни путем повышения информированности о влиянии на здоровье негативных факторов и возможности их предупреждения, – должны стать неотъемлемой частью педагогической деятельности.

Проведенное нами анкетирование студентов Сибирского федерального университета (СФУ) города Красноярска показало, что практически все опрошенные считают, что имеют достаточные знания по вопросам здорового образа жизни. Так, 23 % студентов предпочитают консультироваться со специалистами; незначительная часть студентов указала на то, что получает сведения о ЗОЖ от родителей или друзей, а также из курса лекций по дисциплине «Валеология». Материалы этого исследования подробно изложены в ряде наших публикаций [7; 8; 12], поэтому в рамках данной статьи акцентируем внимание только на выборочных моментах.

Так, на вопрос «Считаете ли вы важным вести здоровый образ жизни, и созданы ли достаточные условия для этого в вузе?» были получены следующие ответы: «Считаю важным, но условия не созданы» – 38,6 %; «считаю важным и в вузе созданы все условия для этого» – 24,34 %; «считаю важным, но недостаточно ведется учебно-воспитательная работа по организации и пропаганде ЗОЖ» – 25,7 %; «затрудняюсь ответить» – 11,36 %.

42 % студентов отметили, что проводят за компьютером от 3 до 5 часов ежедневно, 43 % в свободное время предпочитают смотреть телевизор, 28 % – читать художественную или специальную литературу, 7 % – периодически посещают культурно-массовые мероприятия. Примечательно, что 70 % студентов указали на трудности, которые они испытывают при обучении в вузе, что указывает на низкий уровень психофизиологической адаптации.

Респонденты высказали ряд мнений по вопросу организации и формирования здорового образа жизни в вузе:

- «ЗОЖ – это полноценное питание и минимум стресса, вуз в этом помочь не может»;
- «неудобная мебель, слабое освещение и плохой воздух в некоторых аудиториях»;
- «убрать с территории вуза все заведения, где продают бесполезную пищу (газировка, чипсы, пиво и т. д.)»;
- «проводить больше воспитательной работы по ЗОЖ, запретить курение на территории университета»;
- «в вузе не борются с курением, курят даже преподаватели. У курящих студентов и преподавателей снижать стипендию и заработную плату минимум на 20 %».

В ходе анкетирования выявлены противоречивые ответы и предложения:

- «необходимо больше устраивать спортивных соревнований на старших курсах»;
- «надо принудительно-добровольно обязать студентов заниматься спортом»;

– «ежедневные тренировки не дают возможности полноценно подготовиться к учебе, отсюда психологическое напряжение в период сессии».

Результаты анкетирования показали, что студенты имеют неоднозначные представления о здоровье и здоровом образе жизни. Объективная оценка их функционального состояния ниже, чем собственное (субъективное) мнение. Образ жизни большинства опрошенных студентов исключает такие критерии ЗОЖ как сбалансированное питание и рациональный режим труда и отдыха, выполнение личной и общественной гигиены, закаливание организма [7, с. 15 – 17].

На основании проведенного анкетирования не возможны исчерпывающие выводы, однако они позволяют предположить, что студенты мотивированы на ведение здорового образа жизни, о чем свидетельствует их стремление получить об этом информацию не только самостоятельно из различных источников, но и от специалистов в области культуры здоровья и образа жизни. Однако по вопросам факторов, составляющих здоровый образ жизни, степень информированности недостаточная. Здесь важно, насколько каждый осознает, что здоровый образ жизни – это его личный успех, а поведенческие факторы (привычки и стиль жизни) способствуют укреплению физического, репродуктивного и психического здоровья или, напротив, наносят ему вред.

Нам представляется, что формирование здорового образа жизни студентов следует осуществлять с учетом следующих компонентов (рис. 1):

- соматического (текущее состояние органов и систем организма, телесное развитие);
- социального (система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной и образовательной среде, конкретные условия в основных сферах жизнедеятельности, инфраструктура, умение анализировать, оценивать и контролировать результаты собственной деятельности по формированию ЗОЖ);
- личностного (система ценностных установок и ориентаций человека к субъекту деятельности, в частности, к ведению ЗОЖ).

Рис. 1. Трехкомпонентная структура ЗОЖ

Соматическое (от греч. soma – тело) **здоровье** – функциональное состояние различных систем организма человека, отражающее его биологические функции в конкретных условиях существования. Критерием соматической составляющей является гармоничность физиологических процессов и степень адаптации к различным факторам внешней среды.

Социальный уровень включает уровень национального дохода, фонды общественного потребления, прожиточный уровень, душевое потребление, соотношение доходов и расходов человека, стоимость потребительской корзины и т. д. Главными элементами социальной структуры являются взаимодействия друг с другом через образуемые людьми социальные общности. Это может быть объединение студентов в группы по интересам, в спортивные секции, в клубы «ЗОЖ», «Выходного дня» и т. д. Инфраструктура вы-

ступает как совокупность сооружений, спортивных площадок, баз отдыха, спортивного инвентаря и т. д., обеспечивающих условия ведения здорового образа жизни.

Личностный уровень – это интегральное понятие формирования у индивида ценностных отношений в процессе самореализации личности, в частности, по формированию элементов ЗОЖ, стиля жизни (общественные, индивидуальные особенности отношения к труду, отдыху, окружающим, благам цивилизации, интересы, заботы, особенности мышления и т. д.).

С учетом трехкомпонентной структуры ЗОЖ нами разработана модель ориентирования студентов на формирование и ведение здорового образа жизни для Института физической культуры, спорта и туризма (ИФКСиТ) Сибирского федерального университета на здоровый образ жизни (рис. 2).

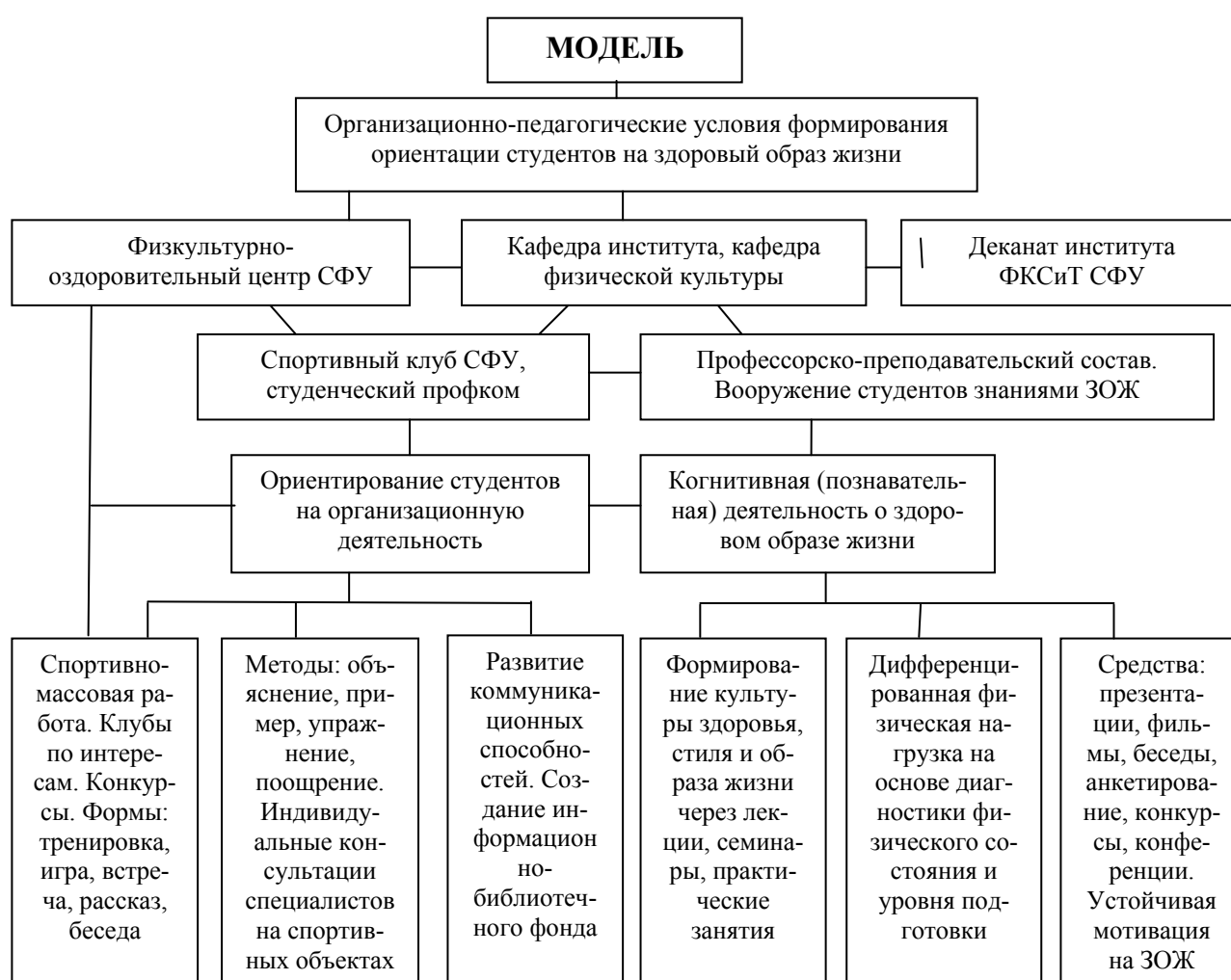

Рис. 2. Модель ориентирования студентов на формирование ЗОЖ

В предлагаемой модели организационно-педагогические условия формирования ориентации на здоровый образ жизни студентов должны осуществляться через деканат и структурные подразделения вуза. Физкультурно-оздоровительный центр Сибирского федерального университета и спортивный клуб совместно со студенческим профкомом осуществляют ориентирование студентов на организационную дея-

тельность через спортивно-массовую работу, создание клубов по интересам; они проводят различные конкурсы, победителей поощряют призами и денежными вознаграждениями. Важно на спортивных объектах организовать индивидуальные консультации специалистов. При этом могут использоваться различные формы (тренировка, игра, встреча с именитыми спортсменами и др.) и приемы (рассказ, беседа,

объяснение и т. п.). В рамках университета формируется информационно-библиотечный фонд из специализированной литературы, газет и журналов по вопросам ЗОЖ и здоровьесбережения. Профессорско-преподавательский состав призван формировать педагогические условия ориентирования студентов на формирование ЗОЖ через когнитивную (познавательную деятельность).

Вооружение студентов знаниями о здоровом образе жизни формирует культуру здоровья, стиль и образ жизни через лекции, семинары, практические занятия, привлечение к участию в научных конференциях. С помощью автоматизированного мониторинга можно создать действенные механизмы, направленные на сохранение здоровья и совершенствование физической культуры личности за счет дифференцирования физической нагрузки.

На основе опроса среди студентов было установлено, что мало знаний они получают именно во время учебных занятий. Это свидетельствует о необходимости вводить специальные учебные дисциплины в вузовской программе, как, например, в Кемеровском государственном университете. Здесь широко применяются здоровьесберегающие технологии, направленные на сохранение здоровья всех участников образовательного процесса (студентов и преподавателей).

Важное место занимает устойчивая мотивация на ЗОЖ, т. е. внутреннее побуждение к сознательной деятельности. Иерархия мотивов весьма значима и включает в себя:

– мотивацию на здоровье (быть здоровым, укреплять здоровье, снизить влияние окружающей и экологической среды на здоровье и т. д.);

– социально-значимые мотивы (быть готовым к жизни, учебе, добиться высоких результатов в обучении, сформировать имидж, продвинуться по служебной лестнице и т. д.);

– мотив личности (самоутверждение, создание положительных эмоций, уверенности в себе, формирование красивой фигуры, самосовершенствование и т. д.) [11, с. 74 – 75].

В числе причин, оказывающих негативное влияние на формирование основ здорового образа жизни, можно считать отсутствие в образовательном процессе дисциплины «Здоровый образ жизни»; недооценку того, что здоровый образ жизни положительно и результативно снижает или устраняет воздействие факторов риска, позволяет человеку осознанно отказаться от вредных привычек, рационально распределить бюджет времени с использованием средств активного отдыха. Кроме того, в основе формирования ЗОЖ лежит мотивация человека на выполнение своих социальных, физических, интеллектуальных и психических возможностей и способностей, а, следовательно, приобщение его к культуре здоровья через здоровый образ жизни, что обеспечивает эффективность обучения и качество жизни молодого поколения будущих специалистов.

Усилить мотивацию студентов и преподавателей на здоровый образ жизни возможно посредством внедрения в вузы мониторинга физического здоровья и физического развития, который может определяться как система мероприятий, направленных на наблюдение, анализ, оценку и прогноз состояния физического здоровья и физического развития всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Абаскалова, Н. П. Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса «школа-вуз»: монография / Н. П. Абаскалова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – 316 с.
2. Бальсевич, В. К. Физическая подготовка в системе воспитания культуры здорового образа жизни человека / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 1. – С. 22 – 25.
3. Виленский, М. Я. Методологический анализ общего и особенного в понятиях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни» / М. Я. Виленский, С. О. Авчинникова // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 11. – С. 2 – 7.
4. Гуров, В. А. Здоровый образ жизни: научные представления и реальная ситуация / В. А. Гуров // Валеология. – 2006. – № 1. – С. 53 – 59.
5. Дочкина, Н. Л. Формирование здоровьесберегающей компетентности студентов в образовательном учреждении / Н. Л. Дочкина // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 110 – 114.
6. Казин, Э. М. Проблема сохранения здоровья и развития учащихся в системе образования в условиях её модернизации (на примере Кузбасса) / Э. М. Казин, А. И. Федоров, С. И. Петухов // Валеология. – 2002. – № 2.
7. Катцин, О. А. Здоровый образ жизни: взгляд студентов красноярских вузов / О. А. Катцин // Материалы открытой Сибирской студенческой научно-практической конференции. Красноярск, 15 апреля 2011 г. / отв. ред. Е. В. Панов; Сибирский юридический институт России. – Красноярск, 2011.
8. Катцин, О. А. Теоретические аспекты формирования здорового образа жизни студентов: взгляд студентов красноярских вузов / О. А. Катцин // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 13 – 14 декабря 2012 г. / отв. ред. Е. В. Воробьева, Н. Г. Богданович. – Иркутск, 2012. – С. 164 – 168.
9. Красноперова, Н. А. Педагогическое обеспечение формирования здорового образа жизни студента / Н. А. Красноперова // Теория и практика физической культуры. – 2005. – № 6. – С. 16 – 19.
10. Московченко, О. Н. Системный подход к оценке здорового образа жизни / О. Н. Московченко // Валеология. – 1999. – № 2. – С. 4 – 11.
11. Московченко, О. Н. Концептуальные основы здорового образа жизни / О. Н. Московченко // Сборник материалов научно-практической конференции «Физическая культура в системе образования». – Красноярск, 2000.

12. Московченко, О. Н. Здоровый образ жизни студента как главный фактор его здоровья / О. Н. Московченко, О. А. Катцин // «Молодёжь Сибири – науке России»: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 20 – 21 апреля 2010 г.; сост. Т. А. Кравченко. – Ч. I. – Красноярск, 2010. – С. 390 – 394.
13. Семенова, Т. Н. Факторы «риска», влияющие на здоровье обучающихся в процессе обучения / Т. Н. Семенова, Н. Э. Касаткина, Э. М. Казин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – Вып. 2(46). – С. 98 – 106.
14. Смирнов, Н. К. Руководство по здоровьесберегающей педагогике технологии здоровьесберегающего образования / Н. К. Смирнов. – М.: Изд-во АРКТИ, 2008. – 288 с.
15. Arkhipova, V. L. Vision of Healthy Lifestyle for Women of Older Generation / V. L. Arkhipova, O. N. Moskovchenko // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2011. – № 4(9). – С. 1301 – 1309.

Информация об авторах:

Московченко Ольга Никифоровна – доктор педагогических наук, профессор, зам. декана по магистерской подготовке Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 89138305880, moskovchenko7@mail.ru.

Olga N. Moskovchenko – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy Dean for Master's training, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Катцин Олег Андреевич – студент магистратуры по направлению «Физическая культура» Сибирского Федерального университета, г. Красноярск, 89135094546, kac-man@mail.ru.

Oleg A. Katsin – Master's Degree Student at Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

УДК 378.01

О СТАНДАРТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Сапкулова

ON STANDARDIZATION OF THE GENERAL EDUCATION SYSTEM

E. V. Sapkulova

Стандартизация рассматривается как инструмент управления качеством общего образования посредством определения границ полномочий и ответственности субъектов образовательного процесса. Обосновывается назначение образовательных стандартов на основе методологии человеческого капитала. Уточняются цели системы общего образования в стандартах первого и второго поколения.

Standardization is considered to be the instrument of general education quality management through defining the borders of responsibility of the subjects of educational process. The paper supports the development of educational standards based on the methodology of human capital. The purposes of the general education system in the standards of the first and second generations are specified.

Ключевые слова: Государственные образовательные стандарты, цели и результаты общего образования.

Keywords: State educational standards, purposes and results of the general education.

Практика общего образования в настоящее время регламентируется стандартами второго поколения; в частности, Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования, утвержденным и введенным в действие с 1 января 2010 г. (приказ Минобрнауки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования утвержден приказом Минобрнауки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897, среднего (полного) общего образования – от 17 мая 2012 г. № 413). Федеральным стандартом предшествовал стандарт первого поколения, утвержденный в 2004 г. Отметим, что до федеральных стандартов общеобразовательными учреждениями в качестве равнозначных нормативных документов использовались стандарты первого поколения (федеральный компо-

нент государственного образовательного стандарта общего образования и федеральный базисный учебный план для общеобразовательных учреждений РФ) и Базисный учебный план общеобразовательных учреждений (1998 г.), Обязательный минимум содержания основного общего образования (1998 г.), минимум содержания среднего (полного) общего образования (1999 г.). В данной статье обосновывается назначение общеобразовательных стандартов с позиции управления системой общего образования.

Первая задача, которую предполагается рассмотреть в контексте стандартизации системы общего образования, чем обусловлена необходимость принятия стандартов вообще и их смены в частности?

Стандартизация является одним из важнейших элементов современного механизма управления качеством. По определению международной организации

по стандартизации (ИСО), стандартизация – «установление и применение правил с целью упорядочения деятельности в определенных областях на пользу и при участии всех заинтересованных сторон ...» [9, с. 55]. В Российской Федерации законодательно стандартизация понимается как «деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленная на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг» [11].

Стандартизация, таким образом, посредством определения правил/норм (порядка) позволяет обеспечить одинаковый уровень решения типовых задач. Следует различать стандартизацию процесса (нормативный алгоритм деятельности) и стандартизацию продукта (нормативные характеристики результата). Первое есть необходимое средство стандартизации качества продукта. Если стандартизирован процесс, то статистически (т. е. в пределах приемлемой нормы) гарантировано нормативное качество. В практике систем менеджмента качества помимо стандартов процесса и продукта разрабатываются стандарты на компетенцию, задающие нормы знаний и умений, которыми должен обладать работник.

В рамках данной статьи качество в соответствии с определением ИСО трактуется как степень, с которой совокупность собственных характеристик объекта удовлетворяет требования (потребности, ожидания, которые установлены, обычно предполагаются или обязательны [14]. Следует сказать, что понятие «качество» в большей степени органично признается в отношении материальных объектов – товаров (продукты питания, одежда, технические товары и т. п.). Сложнее осознание качества применительно к коммерческим услугам (транспортная, банковская услуга; услуги общественного питания), еще сложнее – в отношении традиционно некоммерческих услуг, в частности образовательных.

Стандарт как нормативный документ представляет собой утвержденный компетентным органом, а следовательно, обязательный к исполнению комплекс правил, норм, требований к объекту стандартизации.

Анализ источников по управлению качеством [1; 2; 4; 7; 9] позволил выделить требования к стандартам: стандарты должны быть социально и экономически необходимыми, иметь определенный круг пользователей и конкретность требований; отражать взаимосогласованные требования комплексности по всем стадиям жизненного цикла продукции (от разработки до утилизации), по всем уровням разукрупнения (от исходных материалов до конечной продукции), по всем аспектам обеспечения качества и уровням управления; обладать стабильностью требований в течение определенного периода; своевременно пересматриваться.

Соответственно, важной характеристикой стандартов является согласованность содержания стандартов и требований пользователей. Изменение стандартов может быть связано с тем, что существующие нормы не соответствуют требованиям.

Таким образом, стандартизация (разработка и принятие стандартов) – важный компонент процесса управления качеством, т. к. такой документ упорядочивает и унифицирует все процессы, упрощает принятие решений и согласование с клиентами, экономит ресурсы и пр., а в конечном итоге, обеспечивает статистически гарантированный нормативный результат (качество продукта/услуги).

Принимая точку зрения Э. М. Короткова, качество образования как «комплекс характеристик образовательного процесса, определяющих последовательное и практически эффективное формирование компетентности ...» будем рассматривать через качество потенциала достижения образовательных целей, качество процесса и качество результатов образования [7, с. 48]. Соответственно, стандарты, регулирующие качество образования, должны отражать нормы ресурсного обеспечения, процессов и результатов.

Нормативно-правовой базой разработки образовательных стандартов стал Федеральный закон РФ «Об образовании» 1992 г., в котором законодательно было закреплено не только многообразие образовательных систем, но и признание необходимости разработки государственных образовательных стандартов. Внесенные в 2007 г. изменения в «Закон об образовании» определили стандарты как «совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования образовательными учреждениями, имеющими государственную аккредитацию» [10]. В указанном документе назначение стандартов заключается в обеспечении единого образовательного пространства и преемственности образовательных программ разных уровней образований.

По мнению Д. И. Фельдштейна, задача государственного стандарта – «обеспечить каждого учащегося качественным современным образованием, закрепить и повсеместно ввести в практику лучшие образовательные модели, придать позитивный импульс модернизации образования» [15, с. 4]. В целом сложно не согласиться с позицией академика РАО, д-ра психол. наук, однако позволим уточнить вопрос стандартизации, актуализировав управленческий аспект (на федеральном и локальном уровнях).

Принятие образовательных стандартов означало, на наш взгляд, признание экономических характеристик системы образования; т. е. образование стало рассматриваться не только как культурный феномен (обеспечивающий передачу культурного опыта подрастающему поколению) [например: 13], но и как важная экономическая отрасль, обеспечивающая воспроизводство трудовых ресурсов.

Методологической основой экономической сущности образования является теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. У. Шульц), в которой человеческий капитал рассматривается как имеющийся у каждого запас, структура и характер знаний, интеллектуальный потенциал (опыт и возможности использования знаний в решении проблем), навыки деятельности, мотивации [3, с. 725 – 728]. Образовательные

инвестиции выступают источником экономического роста. Продуктом образования является качественно новая рабочая сила с высоким уровнем квалификации, способная к труду большей сложности. При этом общая подготовка, т. е. система общего образования, формирует знания и навыки, которые могут найти применения в различных сферах профессиональной деятельности. В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, принятой в 2001 г., необходимость существенных изменений в системе образования объяснялась в т. ч. возрастанием «роли человеческого капитала, который в развитых странах составляет 70 – 80 процентов национального богатства» [6, с. 3 – 31]. Знания и умения, приобретаемые человеком благодаря образованию, определяют эффективность его будущей профессиональной деятельности. В этом отношении «ресурсы, к которым индивидум имеет доступ в раннем детстве (прежде всего ресурсы семьи и его личностный потенциал), преобразуются в «рыночные активы» (т. е. в качества, которые пользуются спросом на рынке труда.) в основном через систему образования» [7, с. 136].

В контексте сравнения «советского» (без образовательных стандартов) и «постсоветского» периодов образования переход к стандартам – признание на государственном уровне цели образования в контексте идеи формирования трудовых ресурсов. Принятие стандартов осуществляется для признания и достижения единых целей образовательной деятельности (прежде всего в аспекте определения образования как социального института). Следовательно, анализировать образовательные стандарты необходимо исходя из понимания сущности образования и целей, которые ставят перед системой образования различные субъекты (или, в соответствии с терминологией ИСО, заинтересованные стороны).

Вторая задача, решаемая в данной статье – уточнить сущность и цели (результаты) образования как основного объекта стандартизации образовательной деятельности.

Цели общего образования в стандарте 2004 г. формулировались в соответствии с Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года. В ней подчеркивалась необходимость «ориентации образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей. Общеобразовательная школа должна формировать целостную систему универсальных знаний, умений и навыков, а также самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, т. е. ключевые компетентности, определяющие современное качество образования» [6].

Можно сказать, что данная формулировка в большей степени тяготела к традиционной знаниевой, чем к личностной или компетентностной парадигмам, что и нашло отражение в стандарте (прим. автора: *еще раз обратим внимание, что Концепция была принята в 2001 г.*) В стандарте структура целей включает «освоение знаний, овладение умениями, воспитание, развитие и практическое применение приобретенных знаний и умений (ключевые компетенции)» [16]. Однако практика оказалась настолько консервативной,

что в перечне «знания – умения – развитие» по-прежнему уделялось внимание знаниям, поэтому и стандарт воспринимался прежде всего как перечень знаний, которые должны быть освоены школьниками. Объектом стандартизации выступало содержание общего образования.

По утверждению одного из разработчиков стандартов второго поколения А. Кондакова, их инновационность определяется новым пониманием образования – «важнейшей социальной деятельности общества, направленной на формирование российской идентичности как неотъемлемого условия укрепления российской государственности. Ключевая особенность проекта – переход от предметноцентрированной модели к модели вариативного личностно-центрированного образования, к партнерским отношениям основных институтов социализации в достижении целей образования» [5].

Исходя из нового понимания образования, объектом стандартизации становится образовательное пространство, организуемое социальными институтами: образовательными учреждениями (основного и дополнительного образования), семьей, культурными учреждениями, СМИ.

Стандарт рассматривается А. Кондаковым как важнейший ресурс достижения следующих стратегических целей образования: обеспечение социальной и духовной консолидации общества, конкурентоспособности и безопасности личности, общества и государства. Такое понимание образования связано с тем, что «успешность современного человека определяют ориентированность на знания и использование новых технологий, активная жизненная позиция, установка на рациональное использование своего времени и проектирование своего будущего, активное финансовое поведение, эффективное социальное сотрудничество, здоровый и безопасный образ жизни» [5].

Одной из причин принятия стандартов второго поколения академик А. А. Кузнецов видит в том, что «не все, что мы хотели бы закрепить через стандарты, можно было обеспечить в условиях начала 90-х годов XX века. Не было, в частности, финансовых средств для реализации многих условий введения стандарта» [8, с. 3 – 7].

Методологической психолого-педагогической основой общеобразовательного стандарта второго поколения выступает системно-деятельностный подход. В контексте деятельностной парадигмы (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин) учение понимается не только как усвоение системы знаний, умений и навыков, составляющих инструментальную основу компетенций учащегося, но и как процесс развития личности, обретения духовно-нравственного и социального опыта.

Наиболее важным для понимания декларируемых во втором стандарте целей нам представляется следующее положение. Системно-деятельностный подход предполагает «переход к стратегии социального проектирования и конструирования в системе образования ... для достижения социально желаемого уровня (результата) личностного и познавательного развития обучающихся; ориентацию на результаты образования как системообразующий компонент Стан-

дарта, где развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира составляет цель и основной результат образования» [17].

В контексте управления качеством это положение означает признание:

1) развития учащегося в качестве основной цели и основного результата функционирования образовательного учреждения;

2) актуальности социального партнерства между заинтересованными участниками образовательной деятельности.

Данные положения нового стандарта фиксируют хоть и на формальном уровне принципиально иной подход к системе управления образовательным учреждением, в т. ч. иной подход к формированию отношений школы и семьи.

Стандарт первого поколения определял только предметные результаты, а стандарт второго поколения – предметные (усвоенные учащимися при изучении учебного предмета знания, умения, навыки и специальные компетенции, опыт творческой деятельности), метапредметные (освоенные универсальные способы деятельности) и личностные (ценностные ориентации выпускников школы, отражающие их индивидуально-личностные позиции, мотивы образовательной деятельности, социальные чувства, личностные качества) результаты. Именно акцент на умения применять знания, на формирование способов деятельности – существенное стандарта второго поколения.

Важно то, что личностный результат не является предметом оценки учащегося; он выявляется посредством специальных неперсонифицированных исследований и служит основанием анализа эффективности системы образования для последующих управленческих решений, прежде всего на государственном уровне. Выделение индивидуального и общего результатов – существенное отличие стандартов именно второго поколения. Кроме того, в контексте управления качеством образовательного процесса заданные нормы планируемого результата учащегося имеют не только целостный, но и операциональный характер. Т. е. стандарты задают, с одной стороны, системный планируемый результат образования (формирование общей культуры, духовно-нравственное, социальное, личностное, интеллектуальное развитие учащегося посредством деятельности), с другой стороны – критериально заданный (измеряемый) результат.

Стандарты 2004 г. первоначально принимались как переходные; в момент их принятия уже было решено разрабатывать стандарты второго поколения.

Может быть, по причине длительности периода их принятия (12 лет), они на момент принятия уже не в полной мере отражали требования, полномочия различных участников, заинтересованных субъектов образования. В силу существования двух равнозначных законодательных норм деятельности образовательного учреждения, государственные стандарты первого поколения многими школами не учитывались в реальной практике. Стандарты второго поколения были восприняты как революционные. Представляется, что именно это и послужило причиной бурного обсуждения стандартов второго поколения, низким уровнем готовности большого количества и персонала, и руководителей общеобразовательных учреждений выстроить деятельность в соответствии с федеральными стандартами.

Стандартизация (процесс разработки и принятия стандартов) рассматривается нами как значимый элемент управления качеством, т. к. такой документ упорядочивает и унифицирует все процессы, упрощает принятие решений и согласование с клиентами, экономит ресурсы и пр., а в конечном итоге, обеспечивает статистически гарантированный нормативный результат (качество продукта/услуги). Изменение стандартов обусловлено изменениями требований со стороны потребителей процесса.

Стандартизация системы общего образования – упорядочение деятельности образовательных субъектов с целью обеспечения конкурентоспособности личности и государства.

Следует подчеркнуть, что стандартизация системы общего образования – важный элемент (существенное исходное условие) построения единого общеевропейского образовательного пространства, поскольку формирует единые требования (критерии) качества образования.

Анализ нормативной базы, публикаций позволяет сделать следующие обобщения относительно назначения стандартов системы общего образования.

Стандартизация позволяет:

- определить границы ответственности (а соответственно, и полномочий) государства и социальных институтов (семьи, образовательных учреждений, культурно-развлекательных и спортивных учреждений и пр.), организующих образовательные процессы;
- обеспечить критерии и относительную прозрачность оценки эффективности системы образования заинтересованными сторонами;
- обеспечить преемственность уровневой структуры образовательной системы.

Литература

1. Аристов, О. В. Управление качеством / О. В. Аристов. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 240 с.
2. Басовский, Л. Е. Управление качеством: учебник / Л. Е. Басовский, В. Б. Протасов. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 224 с.
3. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашовой. – М.: ИНФРА-М, 2001.
4. Канне, М. М. Системы методы и инструменты менеджмента качества: учебник для вузов / М. М. Канне, Б. В. Иванов, В. Н. Корешков [и др.]; под ред. М. М. Канне. – СПб.: Питер, 2009. – 560 с.

5. Кондаков, А. Стандарты второго поколения: преемственность и инновационность / А. Кондаков. – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/26160> (дата обращения: 12.09.2011).
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации № 1756-р: от 29 декабря 2001 г. // Официальные документы в образовании. – 2002. – № 4.
7. Коротков, Э. М. Управление качеством образования / Э. М. Коротков. – М.: Академический проект, 2007. – 320 с.
8. Кузнецов, А. А. О стандарте второго поколения. Рассказывает вице-президент российской академии образования, академик А. А. Кузнецов / А. А. Кузнецов, М. В. Рыжаков // Русская словесность. – 2009. – № 2.
9. Мишин, В. М. Управление качеством: учебник для студ. вузов / В. М. Мишин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 463 с.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта: Федеральный закон Российской Федерации: от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 5 декабря. – Федеральный выпуск № 4535.
11. О техническом регулировании: Федеральный закон РФ: от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (с изменениями от 30 декабря 2009 г.) // Российская газета. – 2002. – 31 декабря. – № 245.
12. Планируемые результаты начального общего образования / Л. Л. Алексеева, С. В. Анащенкова, М. З. Биболетова [и др.]; под ред. Г. С. Ковалевой, О. Б. Логиновой. – М.: Просвещение, 2009. – 120 с. – (Стандарты второго поколения).
13. Рождественский, Ю. В. Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование / Ю. В. Рождественский. – М.: Флинт: Наука, 2002. – 83 с.
14. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: стандарты ИСО 9000:2008. ГОСТ Р ИСО 9000-2008. – М.: Стандартиформ, 2009. – 35 с.
15. Стандарты второго поколения // Начальная школа плюс. До и После. – 2010. – № 9.
16. Федеральный компонент Государственного стандарта общего образования. – Ч. I. Начальное общее образование. Основное общее образование // Министерство образования Российской Федерации. – М., 2004. – 221 с.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: приказ Минобрнауки Российской Федерации: от 6 октября 2009 г. № 373 (в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357). – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/922>.
18. Хуторской, А. В. Стандарты образования, сообразные человеку / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2011/0525-09.htm> (дата обращения: 07.02.2012).

Информация об авторе:

Сапкулова Елена Владимировна – директор МОБУ «Средняя общеобразовательная школа № 32», Оренбург, 89878518003, 8 9058193490, Sapkuloff@mail.ru.

Elena V. Sapkulova – Head of Secondary School № 32, Orenburg.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77:323.233

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН МЕСТ ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ

А. Х. Аглиуллина

POLITICAL DESIGN OF PLACES FOR HOLDING MASS PROTEST ACTIONS

A. Kh. Agliullina

В статье рассматриваются политические функции публичных мест, политический дизайн и идейное размежевание, смыслонаполненность и сегментация территории города, границы пространства протеста. Автор поднимает проблему символизации политического пространства города и массовизации политического участия в протестных акциях.

Political functions of public places, political design and ideological demarcation, implication and segmentation of the city territory, and bounds of the protest space are considered in the paper. The author raises the problem of symbolisation of the city political space and political participation of the masses in the actions of protest.

Ключевые слова: дизайн политический, политика публичная, пространство городское, сегментация территории, участие политическое, массовизация протеста, символ, локализация политического пространства.

Keywords: political design, public policy, city space, segmentation of the territory, political participation, political participation of the masses, symbol, localization of the political space.

Общественная жизнь исторически сопровождалась выделением локализованных территорий, где люди могли бы собираться вместе и обсуждать общие дела, принимать решения, встречаться с важными для города лицами. Постепенно пространство публичных встреч приобретало политические функции. Стихийно фиксированное как локализованная «точка» постоянных встреч, действий, место закрепляло возможность поиска соратников и противников политических взглядов, проявления гражданской сопричастности, солидарности, либо противостояния власти, определённым группам политических субъектов. На этих локализованных пространствах можно было кого-то выкрикивать на княжество, кого-то наказывать.

Выбор мест осуществлялся по нескольким критериям: излюбленность стихийных сборищ, назначение со стороны «начальства», безопасность собравшихся, демонстративность для горожан и т. д. Среди пунктов сбора граждан преобладали рынки, широкие улицы, сходящиеся в одном месте по максимально короткому и лёгкому маршруту. Так появились площади и радикальные подходы к ним. Назначение публичных мест: выявить мнение народа, сообщить решения правителей, принять совместное решение, объявить о санкциях, сообщить новости, касающиеся благополучия или бедствий людей, нашествия врагов или побед над ними.

Прокатившиеся в последние годы по некоторым странам мира «оранжевые» революции, стихийные выступления подростков и молодежи из окраин столиц (Франция), массовые вооружённые столкновения в странах Ближнего Востока, затянувшиеся военно-политические конфликты в Ираке, Ливии и др. странах

имеют резонанс, служат раздражителем, провоцируют радикализм. Не избежало этого и российское общество.

Детонатором послужили, как это часто бывает в политической практике, предвыборные баталии, выборы и их результаты, не устраивающие часть общества. Кроме того, в обществе сохранились «недосказанности», неопределённости «лихих 1990-х», принципиальная нерешённость проблем социального меньшинства, недоверие к политическим противникам, демократическим процедурам, а также стремление некоторых ранее известных участников политического процесса взять реванш и вернуться во власть. Это происходит на общемировом фоне «полевления» настроений и действий масс и в русле выборных мероприятий, когда правящим силам невыгодно применять излишнее силовое воздействие к нарушителям правил проведения протестных массовых акций. Российские организаторы протестных акций избрали своей экспериментальной площадкой столицу с использованием тактики «подтягивания» недовольных провинциалов и стойких соратников в столицу и создания неких образцов протестного движения.

Выступления граждан 2011 – 2012 гг. в Москве задали избранным публичным территориям города новое значение. Вопрос, с кем Вы, даже не поднимался, люди выбирали, куда пойдут: на Поклонную гору или на Болотную площадь. Символ белой повязки (антипутинцев) стал близок некоторым известным представителям научной интеллигенции, в том числе и в таких сибирских городах, как Новосибирск. Не менее известные политические и научные деятели публично обосновывали, почему они пойдут на Поклонную гору, а не туда, где верховодят новые лидеры вместе с бывшими круп-

ными чиновниками. Вырабатывались позиции и определялась мотивация выбора.

В наше просвещенное время ключевые фигуры политического участия уже не искали ответа на наивный вопрос: «Ты за кого: за большевиков али за коммунистов?» Уловки заключались в стремлении соответствовать процедуре проведения массовых акций, найти выразителей своих или близких идей, выдвинуть рядом с вдохновителями протеста те фигуры, которые станут привлекательными для любознательных или романтически настроенных на протест участников акций, не вдаваться в идеологические и политические замыслы, сосредоточившись только на фактической стороне недовольства, а в подходящий момент заявить о более масштабных намерениях и амбициозных притязаниях. Это Вам не манифесты Емельяна Пугачева, это экспресс-продвижение в политику, поскольку за одну-две акции новые лидеры успевали создать имидж непоколебимых и жертвенных борцов за справедливость и честь народа, вдохновители успели провести переговоры о «братском союзе» ради создания партии ПАРНАС и о Манифесте протестного движения. Но движение явно партизировалось, претензия на власть стала очевидной. Уже оглашено о намерении радикального слома политической системы России, да и предстоящие выборы в муниципальные органы власти становятся желанной ступенькой во власть. Например, ярая защитница Химкинского леса г-жа Чирикова заявила о намерении выставить свою кандидатуру в мэры г. Химки в Подмосковье. Надеялась, что защитники неприкосновенности массивов Химкинского леса станут ее избирателями, а другие протестные силы не станут выдвигать своих кандидатов в мэры. Итак, экспресс-продвижение охватывает две основные тенденции: массовизацию политического участия и партизацию социального протеста. Есть и третья, сопровождающая тенденция, заложенная как возможность, угроза организованным массовым акциям – это охлократизация масс.

Определение мест проведения мероприятий было результатом согласования между организаторами акций и разрешающими органами. Субъекты при планировании места выступления стремились сформировать результативную конфигурацию пространства публичной политики, сократить дистанции между сторонами публичного диалога, ориентировать выступление, чтобы быть максимально услышанными и увиденными. Напротив, разрешающие органы институционализировали, упорядочили, отграничили места протеста, аргументируя это необходимостью решения проблемы безопасности и порядка.

Болотная площадь, локализовавшая протест, – центр острова, отделённого от города Москвой-рекой, Водоотводным каналом. Данное место функционально слабое, низкоэффективное при организации публичных мероприятий: безразрывное окружение водой, вытянутая форма площади, низкая пропускная способность мостов-связок, что вызвало ограничение входа протестующих уже через час после начала митинга. Антагонистом Болотной площади выступила Поклонная гора, имеющая необходимый для проведения публичных мероприятий формат и соответствующее расположение, ставшая местом проведения

митингов сторонников правящего сегодня режима, любых социальных и политических сил под флагом патриотизма.

В итоге наблюдается идейное и политическое размежевание по местам публичных встреч. Публичные акции отражали определенный порядок, где позиция фиксировалась в физическом пространстве, дистанция между позициями – в дистанции между местами. Кроме того, пространство обрело черты политических субъектов, присваивающих данные места. Наименования улиц, бульваров, площадей стали смыслонаполненными, закреплёнными за позициями участников, понимались и разделялись присутствующими.

Сформированное пространство протеста Болотной площади отграничивалось посредством рамок металлоискателей, дислокацией колонн представителей специальных служб, «стен» мобильного предметного окружения (автомобилей специальных служб, заграждений). Как описывают непосредственные участники митинга, несколько кругов охранительных перекрытий создавали буферные зоны, либо разреженно наполненные представителями специальных служб, либо физически пустые, свободные, что исключало противостояния типа «лицом-к-лицу» на границе протеста.

Оказаться по ту или иную сторону рамок значило оказаться в различных пространствах политики. Например, Кремль и Красная площадь – институционализированное центральное пространство сосредоточения власти. В данном пространстве протестующими субъектами совершались лишь эпизодические разрозненные «гуляния» со знаками протеста (белыми лентами, надувными шарами с надписями-лозунгами). Это вело к оперативному вытеснению протестующих с территории площади, поскольку политически окрашенные «гуляния», на деле – демонстративные протестные акции, в местах сосредоточения государственной власти и ее символов не были санкционированы, не были официально согласованы.

Город материализовал протест. Протестующим важно выйти на улицы с целью сделать выступление публичным. Согласно П. Бурдые, сделать публичным – значит объективировать, представить видимым, должным, официальным, открыть доступ к объективному или коллективному существованию [1, с. 108]. Происходила взаимофиксация присутствия «тел» противоборствующих. Место служило физическим центром протеста города, страны, центростремительной точкой притяжения «тел». Митинги в Москве собирали граждан – «паломников» из других городов. Собравшиеся выражали благодарность пришедшим, отсутствующие – приносили извинения за невозможность нахождения (познаваемого посредством чувственного опыта) в месте проведения митинга.

Вертикально высоким центральным местом служила сцена. Возвышенности, позволяющие существовать «над» протестом – остановки, скамейки, урны – собирали группы субъектов с наиболее яркими и крупными плакатами, транспарантами и флагами. Горизонтально местами концентрации были граничные территории. Площадкой Болотной, визуально транслирующей цель и идеи митингующих, стала набережная

ная, пространство вдоль ограждений, мост. Форма моста способствует удобной растяжке плакатов с лозунгами большого размера, пустое пространство над и под сооружением акцентировало внимание публики на скоплении протестующих.

Материальное наполнение Болотной площади перестало существовать исключительно физически, трансформировалось в символ. Характерно, что параметры площади дополнили протестный новый смысл места. Заметим, что романтическое, опьяняющее вдохновение испытывают люди со склонностью к лидерству, наконец-то, увидевшие себя слегка над толпой. Н. К. Михайловский называл их в статьях о героях и толпе «вожаками» [2]. Вожжами «вожаки» становятся редко и при ином стечении обстоятельств.

Болотная площадь обладала историей: ранее служила местом народных гуляний, кулачных боёв, публичных наказаний преступников, включая смертную казнь цареубийц, лидеров смут и народных восстаний, выступающих против власти. Однако указанные тексты культуры не актуализировались протестующими при проведении современных политических акций. Участникам было не до исторического прошлого. Главным было актуализировать новую тему протеста (пересмотр выборов, отставка президента и правительства, новые процедуры, облегчающие захват власти якобы новыми силами) и продемонстрировать массовый характер поддержки этих тем и идей.

Митинговое «да!» вдохновляет устроителей не меньше, чем организаторов выборов крайне больного Б. Н. Ельцина с его публичной «пляской» на помосте и агитками – бюллетенем с «да-да, нет-нет» при соответствующей «галочке» в клеточке с «да». Во время массовых протестных акций срабатывает охлократический эффект, когда организаторы теряют бдитель-

ность, не могут обеспечить до конца «игру с властью» по правилам, теряют контроль над массой, не могут противостоять всплескам агрессии, провокационным «вставкам» со стороны кого-то, а митингующие оказываются втянутыми в нарушенные конфигурации движения, над всеми царит безнаказанность, никто не думает о последствиях и не предвидит их.

Могущественное чувство «массовки» захватывает, появляется симулякр (по Гидденсу) всеислия массовки [3]. Об ответственности не размышляют, достаточно эмоционального притяжения к массовой силе. Но что этой силе вполне может противостоять сила закона, сила власти, наконец, сила того подавляющего большинства, которое пока молчаливо, не заполняет улицы, а только дает понять, – об этом не размышляют участники. Порыв, эмоциональная разрядка, сопричастность, единение, – вот какой охлократический эффект доминирует над протестной акцией.

Болотная площадь стала смысловой точкой отсчёта во времени, барьером в политической и гражданской памяти протестующего меньшинства. В этой среде появились всем понятные выражения «После Болотной ...», «До Болотной ...» и т. п. Благодаря событиям, опыту Болотной площади, пережитому небольшим числом лиц, символ данного места стал характеризовать бывшую локализованную периферию как доминанту пространства протеста. Болотная, став местом реализации публичного потенциала, общественной потребности определенных категорий граждан, внесла разнообразие в профиль действующих политических сил и была «нанесена» на карту городского пространства публичной политики.

Литература

1. Бурдьё, П. Социология политики: монография / П. Бурдьё; пер. с фр. Е. Д. Вознесенской [и др.]. – М.: Socio-Logos, 1993. – 355 с.
2. Михайловский, Н. К. Герои и толпа / Н. К. Михайловский // Избранные труды по социологии: в 2 т. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 2. – С. 5 – 92.
3. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. Тюриной И. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.

Информация об авторе:

Аглиуллина Альмира Хайдаржановна – соискатель канд. дис. на кафедре социологических наук КемГУ, 8(3842) 64-65-89, almiraa@list.ru.

Almira Kh. Agliullina – post-graduate student at the Department of Social Science, Kemerovo State University.

УДК 321.02

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

С. А. Пфетцер

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF ANALYZING THE PROBLEM OF POLITICAL PARTICIPATION

S. A. Pfetser

В статье анализируются современные определения понятия «политическое участие», описываются основные этапы его становления в качестве самостоятельной категории политического анализа, характеризуются основные теоретические подходы к выделению его форм и уровней. Аргументируется модель исследования политического участия, включающая оценку его содержательных показателей – уровня институционализации, активности и конвенциональности, а также детерминирующих их политических, социальных и индивидуально-психологических факторов.

The paper addresses analysis of the contemporary definitions of the concept of «political participation», the main stages of its formation as the independent category of political analysis are described, the main theoretical approaches to allocation of its forms and levels are characterized. The model of research of the political participation, including the assessment of its substantial indicators (the level of institutionalization, activity and conventionality) and determining their political, social, individual and psychological factors is reasoned.

Ключевые слова: политическая активность, политическое поведение, политическое участие.

Keywords: political activity, political behavior, political participation.

Политическая социализация, выступающая важной составляющей социализации нового поколения как процесса усвоения социальных норм и ценностей, представляет собой политическое самоопределение молодежи по отношению к общественным и государственным институтам, институтам власти, к частной или общественной собственности, выражающееся в предпочтении того или иного типа общественного устройства, формы правления, различных социальных систем и заключающееся в итоге в формировании политического самосознания. Формой проявления политического самосознания выступают общественно-политические феномены, обозначаемые разными авторами как политическая активность, политическое поведение, политическая деятельность, политическое участие и т. д.

Точное разграничение этих понятий представляет серьезные методологические затруднения, зачастую они определяются одно через другое или же вообще понимаются как синонимичные. Наиболее общей категорией в данном ряду представляется такое понятие, как «политическое поведение», имеющее весьма широкое смысловое наполнение: по словам Е. Б. Шестопал, «в политической науке под термином “политическое поведение” понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти, так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы тоже трактуется как формы политического поведения» [25, с. 123]. Говоря о взаимодействии между политическим поведением и смежными понятиями, Е. Ю. Мелешкина отмечает, что «в отечественной политической науке для описания феномена политического поведения используются такие понятия, как «политическое участие», «политическая активность», «поли-

тическая деятельность». При этом эти понятия часто не разграничиваются и не определяются вообще. Большинство попыток определить эти понятия является недостаточно удовлетворительными: в их результате не создается целостной картины политического поведения, способной послужить основой для операционализации этого понятия» [15].

Наиболее часто политическое поведение связывается с политическим участием. Так, по словам М. Р. Холмской, «понятие “политическое участие” рассматривается как один из основных элементов, составляющих содержание категории “политическое поведение”» [23, с. 171]. Несмотря на близость этих дефиниций, «политическое участие» все же чаще понимается как более узкое и конкретное понятие, имеющее ряд отличительных особенностей, выделяющих его из круга феноменов, охватываемых категорией «политическое поведение». По нашему мнению, можно отметить как минимум три аспекта, сужающих и ограничивающих понятие «политическое участие» в рассматриваемом контексте:

- политическое участие противопоставляется неучастию или абсентеизму (политическому бездействию), которое также рассматривается как форма политического поведения;

- под политическим участием имеется в виду только политическое поведение личности, в отличие от других форм политического поведения, представляющих проявление активности других субъектов политики, например, больших групп или общностей;

- политическое участие понимается как осознанная, рациональная форма политического поведения, противоположная бессознательным, стихийным действиям, продиктованным неосознанными или же частично осознанными мотивами.

Таким образом, «политическое участие» является самостоятельным политологическим понятием, имею-

щим собственное содержание. Тем не менее, как показывает в своем аналитическом исследовании М. Р. Холмская, «по общему признанию исследователей, ни в отечественной, ни в зарубежной современной научной литературе не существует однозначного определения понятия "политическое участие"» [23, с. 170]. Э. Клюенко также констатирует, что до настоящего времени «как в зарубежной, так и в отечественной литературе не существует общепризнанного, "канонизированного" определения категории "политическое участие"» [11, с. 56].

В большинстве существующих определений политического участия акцент делается на его цели – влиянии или воздействии на выбор политических деятелей, на принятие решений, на политическую систему в целом. Так, Г. Алмонд и С. Верба определяли политическое участие как «действия частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность» [1, с. 123]. Тем самым под политическим участием понимаются целенаправленные действия обычных, рядовых граждан, для которых участие в политике и управлении не является профессиональной деятельностью. Аналогичное определение политического участия дает Дж. Нагель: «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности» [цит. по: 23, с. 171]. В отечественной политической науке также закрепилось сходное понимание политического участия, которое Д. В. Гончаров определяет как инструментальную активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия [5]. Соответственно, политическое участие трактуется как инструмент влияния граждан на власть, на формирование ее институтов и их деятельность.

Другой содержательной характеристикой политического участия, часто подчеркиваемой в его определениях, является «вовлеченность», т. е. объективная, деятельная включенность в политическую жизнь, либо личностная, психологическая причастность к политическим процессам, так, Х. Макклоски понимает политическое участие как субъективное «чувство вовлеченности в процессы политической жизни» [цит. по: 23, с. 171]. Однако в большинстве случаев под понятием «политическое участие» все же понимается вовлеченность в те или иные реальные действия. В этой связи Э. Клюенко, выделяя наиболее общие моменты в существующих дефинициях политического участия, определяет его интегративно как «реальные действия, посредством которых граждане вовлечены в политический процесс (отношения) и влияют или пытаются влиять на него» [11, с. 56]. В дальнейшем мы также будем придерживаться данной интерпретации термина «политическое участие».

Интерес к осмыслению форм, причин и результатов политического участия граждан в социально-политических отношениях проявился практически с самого зарождения западной научной мысли. В своей «Политике» Аристотель анализирует влияние различных видов и характера политического участия граждан в делах полиса на государственное устройство и

тип правления. При этом само определение гражданина при демократическом типе государственного устройства он связывает с политическим участием: «лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти», – подчеркивая, что «судьи и участники народного собрания не являются должностными лицами и что в силу этого они не принимают участия в государственном управлении» непосредственно [2, с. 445]. В Новое время политическое участие рассматривается, в частности, при описании политической стратегии (Н. Макиавелли), гражданского государства (Т. Гоббс), принципов разделения властей и форм правления (Ш. Л. де Монтескье), содержания общественного договора (Ж. Ж. Руссо), в трудах многих других философов. В дальнейшем различные аспекты проблемы политического участия отражались в отдельных положениях ряда направлений западной социологии: символического интеракционизма, концепций элит, политических партий, групп давления, в работах представителей чикагской школы и др.

С утверждением политической науки в качестве самостоятельной академической дисциплины на рубеже XIX – XX веков политическое поведение и политическое участие закономерно оказались в круге основных рассматриваемых ей феноменов. Однако в первой половине XX века политическое участие фактически так и не стало предметом самостоятельного социологического или политологического анализа и понималось преимущественно как участие в государственном управлении и выборах. Но уже с середины 50-х гг. данное понятие окончательно приобретает статус научного термина и входит в число базовых в категориальном аппарате целого ряда социально-политических теорий, в частности, в концепциях демократии и политической модернизации. Так, К. Мангейм связывал развитие демократии с увеличением политического участия, по его словам, радикальная активизация участия граждан в политике в так называемую «эпоху преобразований» второй четверти XX века привела к «фундаментальной демократизации общества». Трансформация господствовавшей до этого времени «псевдodemократии» в истинную демократию обусловлена, по его мнению, существенным расширением круга участвующих в политической жизни, возрастанием участия в ней всех слоев общества [14, с. 288 – 289]. В концепции С. Хантингтона [22] понятие «политическое участие» также является ключевым при объяснении процессов политической модернизации в освободившихся странах. По его мнению, рост политического участия в трансформирующихся традиционных обществах определяется возрастанием уровня политического сознания широких слоев населения и проявляется вовлечением в процесс модернизации новых групп населения, находившихся ранее вне социально-политической жизни. В результате интенсивного вовлечения в политику традиционно инертные группы все в большей степени начинают участвовать в жизни общества, проявлять гражданскую и политическую активность.

В контексте дальнейшего развития гражданского демократического общества политическое участие

начинает пониматься как механизм поддержания его стабильности. Соответственно, власть в демократическом государстве сама начинает выступать в качестве инициатора и организатора политического участия как можно большей части общества. Так, М. Фуко видел в стимулировании властью организованного политического участия технологию «дисциплинирования», «нормализации, упорядочивания массы», т. е. средство политического управления [20, с. 237 – 246]. Н. Смелзер также акцентирует внимание на «охранительном», стабилизирующем характере организованного политического участия граждан, не позволяющем демократическому обществу «скатываться в политический хаос или соскальзывать в авторитарные или тоталитарные режимы» [17, с. 6]. Согласно представлениям теории структурного функционализма, в частности Р. Мертону, политическое участие также выступает одним из способов поддержки гомеостаза, равновесия социальной системы, важнейшим механизмом «политической машины», обеспечивающей демократию [16, с. 451 – 461]. Подобные же представления находятся и в основе теоретической модели демократии участия, согласно которой граждане имеют реальную возможность влиять на процесс принятия решений властью и активно используют эти возможности. Б. Барбер отмечает, что политическое участие является мощным инструментом, позволяющим «уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх» [3, с. 237]. Понимаемая таким образом демократия участия является важнейшим фактором политической стабильности гражданского общества и его гармоничного социально-экономического развития.

Соответственно, политическое участие граждан рассматривается как одна из наиболее важных качественных характеристик тех или иных политических систем, а особенности и уровень гражданского участия – в качестве критерия демократичности общества и его стабильности, показателя его политической культуры. В последние пятьдесят лет, начиная с вышедшей в 1963 году работы Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура», особенности политического участия, такие как самооценка гражданами своей потенциальной влиятельности и уровень их реального влияния, признание обязательности участия и реальная значимость и объем участия, используется в качестве показателей политической культуры исторически существовавших и современных обществ. Демократическая политическая культура, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, характеризуется определенным уровнем разрыва между этими показателями, способствующим поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью, между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью [1]. Рассмотрение особенностей политических систем не только в контексте взаимодействия политических институтов, но и в контексте политической культуры ознаменовало смену методологической парадигмы политологических исследований с анализа институциональных структур на изучение политического участия. Преодоление во второй половине XX века концепции «вторичности» политического участия по отношению

к политической системе и политическому сознанию, интерпретация политического участия как детерминанты их организации и функционирования определили приобретение понятием «политическое участие» статуса самостоятельной политологической концепции.

Концепция политического и шире гражданского участия, предполагающая включение или вовлечение граждан в управление жизнью общества, а также в определенной степени деятельностью государства, тесно связана с другими новыми политологическими моделями. В настоящее время развитие представлений о политическом участии, его дальнейшее осмысление осуществляется, в частности, в теориях публичной политики и политических сетей. «Публичная политика» (Public Policy), понятие которой восходит к различию между «policy» (политикой как политическим курсом) и «politics» (политикой как политическим процессом), подразумевает не только соответствие приоритетов государственной политики общественным ожиданиям и высокую степень взаимодействия государственных и негосударственных структур, но и активное, определяющее участие гражданского общества в разработке, принятии и реализации политических решений [19]. Теория «политических сетей» (Policy Network) включает в процесс выработки и реализации политических решений множество взаимозависимых и равноправных политических, административных и социальных акторов, подразумевая их активное участие в осуществлении политики и государственного управления [10; 13]. В концепциях «делиберативной», «восприимчивой» и «рефлексирующей» демократии Ю. Хабермаса и А. Этциони отмечается изменение отношения государства к участию граждан в политической жизни: государственное управление в условиях постмодерна рассматривается как чуткое реагирование на импульсы и табу, поступающие от общества [21; 26]. Именно такая восприимчивость, готовность государства к диалогу с обществом, определяет значимость политического участия граждан в условиях современной демократии.

Таким образом, в истории становления «политического участия» как категории политологического анализа можно условно выделить несколько этапов: рассмотрение отдельных аспектов гражданского и политического участия в философской традиции (до конца XIX века); исследование проблемы участия в государственном управлении и выборах в политической социологии и политологии (конец XIX – первая половина XX века); использование категории «политическое участие» в качестве самостоятельной научной категории в современных политологических концепциях (со второй половины XX века).

Сложившиеся к настоящему времени направления изучения политического участия, по нашему мнению, достаточно отчетливо распадаются на две основные группы, что проявляется в двойственности самой трактовки данного понятия: как уже отмечалось, в существующих определениях политического участия акцент делается как на его инструментальном характере, т. е. использовании с целью воздействия на принятие и реализацию решений, так и на индивидуальной вовлеченности, деятельной либо психологической

включенности в общественно-политическую жизнь. Соответственно, большинство теорий политического участия можно разделить на две основные группы, отражающие «два стиля мышления об участии»: инструментальные теории и теории развития. Так называемые инструментальные теории, которые рассматривают политическое участие как средство достижения групповых или личных целей, в свою очередь, могут быть разделены на два подхода, различающихся представлениями об основном объекте воздействия: политическое участие как инструмент влияния на правительство и другие органы государственного управления или же как средство воздействия на общество в целом и его систему социально-политических ценностей – подход, по сути расширяющий интерпретацию данного понятия до рамок гражданского участия. Согласно же теориям развития, политическое участие является важным условием развития личности, выступая необходимой составляющей процесса политической социализации и политического самоопределения, и обеспечивает формирование такого качества гражданина демократического общества, как ответственность.

С названными теориями отчасти пересекаются два направления интерпретации политического участия, различающиеся оценкой его желательных масштабов [6]. Приверженцы демократии участия выступают за расширение возможностей участия рядовых членов общества в принятии политических решений, полагая возможным с развитием массовых коммуникаций и образования создать децентрализованную систему участия граждан в политике и, соответственно, перенести принятие многих решений на региональный или местный уровень. В противоположность им сторонники демократического элитизма видят в расширении политического участия угрозу стабильности демократической системы и высказываются за его ограничение участием в выборах, чтобы оставить принятие принципиальных политических решений за теми, кто лучше информирован.

На сходных основаниях Э. Клюенко предлагает созвучное разделение теорий политического участия на «конструктивные», в которых оно наделяется значимым позитивным воздействием на состояние общества, и «критические», рассматривающие его как элемент социально-политической булгарии и подчеркивающие разрыв между ожидаемой значимостью и практически нулевой реальной ролью политического участия в обществе [11]. К «конструктивным» теориям автор относит структурный функционализм, представители которого, как уже отмечалось, видят главную функцию политического участия в обеспечении социальной стабильности, а также теорию конфликта, где политическое участие связывается с соперничеством и представляется одним из источников саморазвития и самоусовершенствования общества посредством «упорядоченного», «контролируемого» конфликта. В качестве «критических» рассматриваются интеграционизм П. Сорокина, неомарксизм и другие леворадикальные течения, в которых политическому участию отводится функция создания видимости демократии и власти большинства, мнение которого на самом деле имеет «нулевое значение» [18, с. 343]. В

аналогичном ключе Э. Клюенко интерпретирует и тенденции дальнейшего развития политического участия, разделяя описывающие их концепции на «оптимистические» (теории постиндустриализма; концепции информационного общества) и «скептические» (теории отчуждения; концепции постмодернизма и др.). Следует отметить, что практически все эти «критические» или «скептические» воззрения признают тем не менее определенную эффективность влияния политического участия на развитие общества или на его стабильность и скорее негативно оценивают актуальное или будущее состояние последнего, чем подвергают критике сам феномен политического участия.

Итак, как следует из приведенного анализа, к настоящему времени политическое участие закрепились в качестве если не основной, то достаточно важной категории современных западных политологических теорий, раскрывающих его системно-функциональные, поведенческие, социально-психологические, институциональные и другие аспекты.

В отечественной политической науке история изучения политического участия практически единодушно разделяется на два этапа: до и после 1991 года [11; 12; 23]. В советский период данная проблема рассматривается с классовых позиций, при этом акцентируется внимание на политической активности различных социальных групп, росте политического участия трудящихся по мере развития социалистического общества и т. п. Как отмечает М. Р. Холмская, «принципиальный недостаток работ на данную тему заключался в концептуальной заданности научных результатов, базировавшихся во многом на статистике, оторванной от реального политического процесса» [23, с. 173]. Западные «буржуазные» концепции политического участия при этом закономерно подвергаются критике с марксистских позиций. Постсоветский период, напротив, характеризуется популяризацией западных концепций и попыткой их адаптации к реалиям современного российского общества, интерпретации их положений в контексте политического транзита. По словам М. Р. Холмской, многим современным теоретическим работам, по сути ограничиваемым изложением концепций западных авторов, в той или иной степени присущи компилятивность, вторичность. По ее мнению, познание содержания феномена политического участия применительно к политическому пространству России только начинается [23, с. 176]. Реальный вклад в разработку проблем политического участия, по нашему мнению, вносят прикладные отечественные исследования, посвященные изучению как его структурных характеристик – уровней, видов, типов, форм и т. п., так и детерминирующих его факторов.

Структура политического участия в настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной политической науке представлена большим количеством классификационных моделей, построенных на разных основаниях. Достаточно очевидным является, в частности, выделение типов, различающихся по характеристикам субъекта, самостоятельности либо институционализированности политического участия. В этом смысле дифференцируются индивидуальное и групповое, организованное и неорганизованное, самостоя-

тельное и несамостоятельное, свободное и принудительное, автономное и мобилизованное политическое участие. В некоторых работах противопоставляются также прямое, непосредственное участие (например, в собраниях и голосовании) и опосредованное, осуществляемое через избранных представителей. М. Р. Холмская в своем теоретическом обзоре разделяет, в частности, участие в выборах и участие в деятельности политических партий и общественных организаций [23]. Аналогичную позицию занимает и А. В. Кравцова, которая основным критерием классификации форм политического участия в современном обществе называет уровень включенности субъектов в политическую деятельность. На основании этого критерия ей выделяются две формы политического участия: электоральное – периодическое, не выходящее за рамки участия в выборах, и партийное, являющееся регулярным и проявляющееся членством в партии, участием в политических компаниях и т. п. [12]. Несмотря на важные смысловые оттенки используемых данными авторами терминов и неполное совпадение приведенных типологий, рассматривающих в качестве основного дифференцирующего признака политического участия, уровень его институционализации – от разовых, стихийных акций до постоянного участия в деятельности высокоинституционализированных политических организаций, – их все же можно условно отнести в одну группу.

Другой важной характеристикой политического участия является степень активности его субъектов. Так, в типологии Л. Милбрата в порядке возрастания вовлеченности в политику выделяется «апатичная публика», а также «наблюдательская», «переходная» и «гладиаторская активность». «Наблюдательская активность» подразумевает пассивное реагирование на политические стимулы, участие в политических дискуссиях и голосование. «Переходная активность» включает в себя посещение собраний или митингов, финансирование партии или кампании, общение с политическими лидерами и представителями власти. Под «гладиаторской активностью» понимается исполнение роли активиста политической партии, участие в выработке партийной стратегии, участие в политической кампании, занятие руководящих постов в органах власти. Данные виды активности представляют собой вертикальную иерархию, где высокий уровень вовлеченности в политику предполагает активную деятельность и на более низких уровнях [9; 15]. Феномен политической пассивности, безучастия или абсентизма, в ряде случаев рассматривающийся отдельно как особая форма политического участия, фактически также выделяется по критерию активности и соответствует ее «нулевому» уровню.

Еще одной принципиальной характеристикой политического участия является степень его конвенциональности, т. е. соответствия существующим в обществе нормам и правилам. Конвенциональное участие понимается как легитимное, «санкционированное», «нормальное», отвечающее особенностям политической культуры того или иного общества и не нарушающее «нормального хода демократических политических процессов» [7, с. 149]. С. Верба и Н. Най выделяют ряд отдельных форм такого конвенцио-

нального участия: участие в собраниях или съездах; участие в выборах различного уровня; агитация участия в выборах; поддержка тех или иных партий или кандидатов во время предвыборной кампании; финансовая поддержка партии или кандидата во время избирательной кампании; участие в деятельности общественных организаций; членство в политической организации; взаимодействие с представителями власти по тем или иным вопросам и др. [1]. Неконвенциональное или протестное участие, включающее, соответственно, «несанкционированные», нелегитимные и насильственные действия, в ряде случаев может и не противоречить правовым нормам, однако вследствие «экстраординарности» не является частью повседневного, «естественно протекающего» политического процесса и оказывает дестабилизирующее воздействие на политическую систему [4]. К неконвенциональным формам относят подписание петиций, бойкот выборов, участие в неразрешенных демонстрациях, отказ от уплаты налогов, блокирование дорожного движения, участие в стихийных забастовках, акции гражданского неповиновения, голодовки, захват зданий, участие в мятеже и т. п. [15; 23]. Очевидно, что все перечисленные формы политического участия одновременно различаются и по своей активности: можно сказать, что степень конвенциональности/неконвенциональности коррелирует со степенью активности участников.

В этой связи наибольший интерес представляют типологические модели политического участия, построенные одновременно на нескольких признаках, т. е. интегрирующие различные основания для классификации. Так, в представлении А. Марша по степени активности варьируются как конвенциональные (от абсентизма до участия в деятельности политических организаций), так и неконвенциональные (от подписания петиций до политического экстремизма) формы [9]. В типологии М. Кааза и А. Марша в зависимости от активности, а также конвенциональности либо неконвенциональности выделяется пять групп по преобладающим формам участия:

- «неактивные», никак не участвующие в политике;
- «конформисты», принимающие участие в конвенциональных формах;
- «реформисты», активно участвующие преимущественно в конвенциональных формах;
- «активисты», активно использующие как конвенциональные, так и неконвенциональные формы участия;
- протестующие, активно участвующие в неконвенциональных формах [28].

Таким образом, к числу основных структурно-содержательных характеристик политического участия можно отнести степень его институционализированности, уровень активности и степень конвенциональности. Эти базовые характеристики, выступающие критериями, позволяющими выявить специфику политического участия тех или иных рассматриваемых групп, выступают, соответственно, и «единицами анализа», параметрами, подлежащими оценке в рамках политологического исследования.

Выраженность данных параметров в тех или иных группах, также как и их качественное своеобразие, определяются совокупным действием целого ряда факторов. Д. В. Гончаров называет три основных фактора, детерминирующих особенности политического участия: индивидуализированные условия социализации, мобилизация индивидов со стороны организованных политических сил, социально-экономическое развитие соответствующей общности [5]. Мы полагаем, что все детерминанты политического участия могут быть представлены в виде иерархической системы, где факторы более высокого порядка определяют выраженность и характер действия ниже лежащих факторов. В качестве основных уровней такой системы условно можно выделить политические, социальные и индивидуальные факторы.

Наиболее обобщенным фактором политического участия, очевидно, является его объективная и субъективная эффективность, т. е. наличие реальной возможности оказать влияние на принимаемые властью решения и вера в такую возможность. Как пишет Э. Клюенко, «по общему признанию исследователей, среди различных факторов, влияющих на участие в политике, наиболее важна политическая эффективность – ощущение гражданами возможности влиять на политический процесс. В противном случае снижается уровень политического участия и, более того, как показывают эмпирические исследования, создается благоприятная почва для усиления протестных установок» [11, с. 57]. Таким образом, отсутствие подавления политического участия или его запрета, наличие «конвенциональных каналов», т. е. легальных возможностей его осуществления, свойственные демократическому типу общественного устройства, оказываются решающим условием. В этой связи А. В. Кравцова в своем исследовании приходит к вполне очевидному выводу, что одной из основных предпосылок развития политического участия является процесс демократизации, в частности – реализация политических прав и свобод, свободные конкурентные выборы, открытая конкуренция за право влиять на смену власти, на процесс формирования правительства и выработку политического курса [12]. В еще более широком ключе политическое участие рассматривается как обусловленное традиционным социокультурным контекстом данного общества, спецификой его социально-политического развития, а также особенностями национальной политической культуры [5; 15; 23; 24]. Таким образом, решающим фактором политического участия на макроуровне является уровень развития демократических институтов и особенности их функционирования в условиях той или иной политической культуры, а также субъективное отражение в сознании объективных характеристик политического устройства, выражающееся, в частности, в представлениях о власти и обществе и в отношении к ним.

К факторам социального уровня различные авторы относят уровень дохода, социальный статус, пол, возраст, образование и другие социально-демографические характеристики. Классической теорией, рассматривающей факторы политического участия, является «средовая» или «ресурсная» модель

С. Вербы и Н. Ная, демонстрирующая зависимость участия в политике от социального статуса: по данным авторов, наиболее активно в политической жизни участвуют представители высокостатусных и средне-статусных социальных групп [1]. Большинство исследователей сегодня сходятся во мнении, что повышение политического участия прямо связано с ростом материального благосостояния, а самыми аполитичными оказываются группы с наименьшими доходами. К участию в политике также заметно более склонны работающие, мужчины, молодежь, а также лица с высоким уровнем образования [5; 15; 23]. При этом, по мнению целого ряда как зарубежных, так и отечественных авторов, политическое участие наиболее устойчиво, тесно и положительно коррелирует именно с уровнем образования, определяющим, в свою очередь, уровень политической компетентности граждан [11, с. 57]. Заметим, что уровень полученного образования сегодня во все большей степени также определяется экономическим положением и социальным статусом.

В качестве факторов индивидуального уровня чаще всего рассматриваются «выгода», т. е. польза, индивидуально значимые результаты политического участия, а также внутренние побудители различной, в том числе и социально-политической активности – потребности и мотивы, социальные установки и ценностные ориентации. В частности, «теория рационального выбора» объясняет действия человека, прежде всего, коллективные, как рациональные, направленные на получение конкретным политическим актором максимальной «выгоды» при минимально возможных затратах, как реализацию имеющихся возможностей, исходя из собственных целей и соответствия своим желаниям. Е. Ю. Мелешкина разделяет подобные «выгоды», позитивные результаты политического участия на три категории: «инструментальные», позволяющие решить те или иные проблемы посредством политического участия; «развивающие», т. е. образовательные, предполагающие изменение акторов с помощью приобретения ими новых ценностей, установок, знаний и навыков; «экспрессивные», заключающиеся в политической идентификации с какой-либо группой, а также в повышении самоуважения [15].

Сходным же образом могут быть разделены и мотивы политического участия, рассматриваемые в ряде его социально-психологических концепций. Так, выделяются мотивы обладания властью или контроля над другими людьми; мотивы достижения (цели, успеха, избегания неудачи); мотивы аффилиации (наложение теплых, дружественных отношений с другими). Э. Клюенко разделяет концепции, анализирующие мотивы политического участия, на неполитические (инструментальные), восходящие к теории рационального действия, когда участие в политике трактуется как «рационально-эгоистическое» средство решения собственных проблем, повышения статуса, престижа, доходов, удовлетворения потребностей в общении, в ощущении собственной значимости; а также собственно политические, основанные на «активистской модели» участия Г. Алмонда и С. Вербы, где политическое участие объясняется высоким уровнем

нем сформированности политического самосознания, чувством долга, гражданской позицией и т. д. [11, с. 58].

К социально-психологическим теориям политического участия может быть отнесена и так называемая «ценностная модель». Хотя А. Маслоу фактически не разделяет мотивы и ценности, большинство авторов полагает, что в отличие от мотивов, которые всегда сиюминутно «эгоистичны», «корыстны», ценностные ориентации связаны с устойчивыми убеждениями, и, кроме того, не только индивидуальны, но и социальны по своему происхождению и содержанию. Двойственный характер ценностей, выступающих связующим элементом между индивидуальным и общественным сознанием, позволяет рассматривать их в качестве интегративного фактора, высшего регулятора политического поведения, детерминирующего характер и степень вовлеченности в политическую жизнь. В этом контексте ценностные ориентации понимаются в концепции Р. Инглхарта, согласно которой именно произошедший в западных обществах «сдвиг к ценностям постмодерна» обусловил приоритетность личного политического участия и самовыражения [8]. В современных отечественных исследо-

ваниях ценности также понимаются в качестве основных детерминант политического поведения. Так, М. С. Яницкий, рассматривающий ценности в структуре социально-политических установок личности, определяющих ее политический выбор, показывает, что «ценностные ориентации детерминируют различные проявления политической активности, определяя, в частности, характер и направленность участия в конкретных формах выражения общественного мнения, деятельности общественных движений и политических партий, а также особенности электорального поведения» [27, с. 175].

Таким образом, модель исследования политического участия тех или иных социальных общностей должна включать одновременно оценку как его содержательных показателей, таких как уровень институционализированности, активности и конвенциональности, выступающих в качестве зависимых переменных, так и определяющих их выраженность факторов: представлений о власти и обществе и отношения к ним; социально-экономических и социально-демографических характеристик; мотивов и ценностных предпочтений.

Литература

1. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4 – С. 122 – 134.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376 – 644.
3. Барбер, Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности / Б. Барбер // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 235 – 247.
4. Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
5. Гончаров, Д. В. Теория политического участия / Д. В. Гончаров. – М.: Юрист, 1997. – 208 с.
6. Грачев, М. Н. Политическое участие / М. Н. Грачев // Зарубежная политология: Словарь-справочник / под ред. А. В. Миронова, Г. А. Цыганкова. – М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998. – С. 239 – 241.
7. Дай, Т. Р. Демократия для элиты: введение в американскую политику / Т. Р. Дай, Л. Х. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
8. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6 – 32.
9. Карпова, В. С. Интерес к политике: формы вовлеченности, динамика и результат / В. С. Карпова // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – С. 55 – 91.
10. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494 – 505.
11. Клюенко, Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману / Э. Клюенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 46 – 72.
12. Кравцова, А. В. Политическое участие в условиях демократизации российского общества: дис. ... канд. полит. наук / А. В. Кравцова. – Ставрополь, 2008. – 186 с.
13. Ловелл, Д. У. Доверие и политика в посткоммунистическом обществе / Д. У. Ловелл // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 147 – 162.
14. Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 277 – 411.
15. Мелешкина, Е. Ю. Политическое поведение / Е. Ю. Мелешкина. – Режим доступа: // <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126694: article>
16. Мертон, Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 393 – 461.
17. Смелзер, Н. Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии / Н. Дж. Смелзер // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 3 – 12.
18. Сорокин, П. Социальная и культурная мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297 – 424.

19. Сунгуров, А. Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика. – СПб: Норма, 2006. – С. 7 – 14.
20. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
21. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Academia, 1995. – 256 с.
22. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
23. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) / М. Р. Холмская // Полис. – 1999. – № 5. – С. 170 – 176.
24. Шевченко, Ю. Д. Политическое участие в России / Ю. Д. Шевченко // Pro et Contra. – 1998. – № 3. – С. 87 – 97.
25. Шестопал, Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х / Е. Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.
26. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – 343 с.
27. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 237 с.
28. Kaase, M. Political Action Repertory / M. Kaase, A. Marsh // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies; Ed. by Barnes S., Kaase M. Beverly Hills. – London, 1979. – P. 153 – 155.

Информация об авторе:

Пфетцер Сергей Александрович – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, начальник управления социальной и воспитательной работы КемГУ, 8 (3842)-58-10-25, pfetzer@mail.ru.

Sergey A. Pfetzer – Assistant Lecturer at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Head of the Department for Social and Educational Work, Kemerovo State University.

УДК 364.658-057.85:331.538

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГРОЗ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В СФЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА В. Ю. Чигаева

TEORETICO-METODOLOGICAL AND EMPIRICAL BASES OF THREATS TO UNIVERSITY GRADUATES' SOCIAL SECURITY IN THE SPHERE OF EMPLOYMENT V. Yu. Chigaeva

В статье структурированы теоретические основы социальной безопасности, предложены классификации её угроз, предпринята попытка анализа её угроз в сфере трудоустройства на примере конкретной категории – выпускниках вузов и, основываясь на предварительных результатах исследования выпускников одного из направлений социально-психологического факультета, сделан акцент на том, какие угрозы актуализирует сама личность.

The paper presents a well-structured theoretical basis of social security and some classifications of threats to social security. The author attempted to analyse the threats to social security in the sphere of employment addressing the example of the university graduates as a category. The preliminary results of studying the graduates of a department at the Socio-Psychological Faculty help emphasize the threats that are actualized by individuals themselves.

Ключевые слова: социальная безопасность, угрозы, трудоустройство, выпускники вузов.

Keywords: social security, threats, employment, university graduates.

Современные реалии российской действительности свидетельствуют о наличии и действии сил, которые являются деструктивными и дестабилизирующими по отношению к какой-либо системе, во всех сферах жизни и на всех уровнях: федеральном, региональном, местном. Такими силами выступают, в частности, явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых происходят резкие, возможно даже качественные изменения в образе жизни, ущемляются жизненно важные социальные права и интересы

личности: права на труд, профессию, гарантированную заработную плату, на бесплатное образование, здравоохранение, отдых. В этом случае мы можем говорить о том, что имеют место угрозы социальной безопасности.

В свою очередь, социальная безопасность – это состояние стабильной защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В этой связи государство в лице органов государственной власти и общест-

венного самоуправления, являясь одним из основных субъектов социальной безопасности, встало на защиту своих основных объектов, а также предметов социальной безопасности. В числе субъектов социальной безопасности помимо государства можно отметить общественные объединения и организации, а также отдельных граждан. На субъектах лежит ответственность по поддержанию социальной безопасности либо она поддерживается ими по личной инициативе, через деятельность своих институтов и учреждений. К основным же объектам социальной безопасности относятся также само государство и общество, как некие целостности, проводимую им социальную политику, определенные группы, слои населения и отношения между ними и, наконец, личность с ее потребностями и возможностями. Предметами социальной безопасности в свою очередь являются те самые жизненно важные интересы личности, общества и государства, по поводу которых эта безопасность осуществляется.

Предметы социальной безопасности делятся на три группы: различные неорганические (неживые) объекты, например, атмосфера, недра, вода и т. д.; органические (живые) объекты – жизнь и здоровье человека, животный мир и т. д.; социальные объекты, в частности, половая свобода и неприкосновенность, собственность, боевая готовность военной организации государства и т. д. Из этого видно, что одни материальные носители безопасности принадлежат человеку (личности), другие – обществу, третьи государству [10].

Указанные элементы безопасности находятся между собой в определенных связях. Эти связи проявляются в значимости предметов социальной безопасности – материальных носителей, например, жизни и здоровья человека и т. д. для своих субъектов, в связи с чем, последние заинтересованы в их безопасности. Эта связь носит название «отношение безопасности».

С целью наиболее эффективного противостояния угрозам и организации превентивных мер по сохранению и поддержанию социальной безопасности необходимо более глубоко исследовать социоактивные факторы её угроз, виды угроз, а также их источники.

В числе социоактивных факторов угроз социальной безопасности многие исследователи выделяют такие, как:

- материальные, психологические, временные и иные перегрузки человека, общества;
- загрязнение химическими веществами воздуха, питьевой воды, открытых бассейнов и почвы;
- воздействие физических факторов: радиоволн, радиоактивного заражения, шума, пыли и т. д.;
- социальная напряженность (например, из-за переуплотненности и многонациональности заселения, криминогенной обстановки, некачественной работы энергосистем, сферы обслуживания, состояния коммунальной инфраструктуры и т. д.);
- отрицательные информационно-психологические воздействия, любых факторов, отрицательно воздействующих на здоровье человека: психическое, физиологическое и нравственное.

Для конкретизации классификаций угроз необходимо обозначить критерии социальной безопасности, тем самым, определяя границы, при переходе через

которые мы можем говорить о сформировавшейся угрозе. В числе критериев можно отметить две взаимосвязанные группы: качественные и количественные. Качественные критерии определяются, исходя из анализа той совокупности системных свойств, которые лежат в основе жизненно важных интересов системы. Степень их обеспеченности позволяет судить об уровне эффективности процесса обеспечения безопасности. Количественные критерии определяются на основе выделения жизненно важных свойств социальной системы, путем определения границ допустимого изменения этих свойств под воздействием условий внешней и внутренней среды. Превышение допустимых величин означает перерастание воздействия в источник внутренней или внешней угрозы существованию и прогрессивному развитию системы. Для обозначения этих пределов используются «индикаторы» безопасности, в качестве которых используются социально-статистические показатели, информация из официальных и конфиденциальных источников.

Исходя из выше сказанного, виды угроз социальной безопасности могут классифицироваться по нескольким основаниям.

С учетом *причин* их возникновения угрозы могут быть классифицированы по видам:

1. Угрозы, вызываемые объективно развивающимися как природными, так и социально-экономическими процессами.

2. Угрозы, вызываемые определенными политическими, экономическими и социальными действиями.

Источниками первой группы угроз являются природные силы или факторы, противодействие которым со стороны общества может осуществляться путем создания резервов, своевременного оказания помощи пострадавшим и пр. Во второй же группе угроз их субъектами, «носителями» являются физические и юридические лица, субъекты общественных отношений. В этом случае обеспечение социальной безопасности может быть достигнуто или путем правового предупреждения и пресечения незаконных действий по реализации интересов в ущерб интересам других субъектов отношений; или формирования условий деятельности, которые позволяют государству не допустить обострения противоречий между общенародными, государственными интересами, с одной стороны, и отдельных субъектов – с другой, т. е. государственные органы могут активно противодействовать возникновению такого рода угроз через реализацию политики, формируя условия, когда субъектам социальных отношений станет невыгодно действовать вопреки общенародным, государственным интересам [8].

Для обеспечения социальной безопасности важным также является и вопрос об определении «носителей», источников или субъектов угроз, чьи действия направлены против жизненно важных социальных интересов личности, общества и государства. И если в одном случае их носителями являются природные силы, объективные процессы и факторы социального развития, то в другом таковыми являются конкретные субъекты хозяйствования.

В качестве субъектов угроз социальной безопасности, чьи конкретные действия способны наносить ущерб жизненно важным социальным интересам, следует рассматривать также:

- юридических лиц (предприниматели, фирмы, фонды и благотворительные организации; государственные предприятия и другие субъекты хозяйствования);
- физических лиц, профессионально выполняющих работу социального характера (руководители, осуществляющие внутри предприятий социальные мероприятия; сотрудники государственных организаций и учреждений);
- отдельных физических лиц;
- организованную преступность, действующую как внутри республики, так и за рубежом.

При оценке данных субъектов в современных условиях следует исходить из критерия соответствия их деятельности установленным правовым, социальным нормам и правилам. Степень ответственности за такие действия определяется законодательством.

По *характеру* же угрозы, преобладающие и действующие в той или иной сфере деятельности подразделяются на следующие виды: угрозы-факторы, угрозы-процессы, угрозы-действия.

По *позиции факторов воздействия* угрозы также подразделяются на внутренние и внешние [7].

Угрозы также по *степени фактической возможности своего осуществления* могут быть реальными, представляющими собой объективно существующие возможности нанесения ущерба и потенциальными, предполагающими наличие намерений (желания) одного из субъектов причинить ущерб тем или иным интересам другого субъекта.

В рамках теории безопасности, наряду с понятием «угроза» употребляется также термин «опасность». Взаимосвязь указанных категорий зачастую служит основанием для их отождествления, однако все более распространенным становится мнение о том, что угроза – это крайняя степень опасности (непосредственная опасность), а опасность – есть возможная (потенциальная) угроза.

Исследователи В. В. Серебряников, Ю. И. Дерюгин, Н. Н. Ефимов, В. И. Ковалев выделяют шесть значений «опасности»:

1) целенаправленные враждебные намерения и действия одних субъектов против других, а также вредные следствия просчетов, ошибок, безалаберности людей в своих действиях;

2) риск;

3) вызов;

4) природные катаклизмы, наносящие ущерб самой природе и обществу;

5) оценка явлений с точки зрения возможного ущерба;

6) предчувствие событий, способных причинить вред людям и природе [8].

В свою очередь, угроза может определяться, как:

– «намерение нанести (физический, материальный или другой вред общественным интересам, а также отдельным лицам и их интересам);

– «запугивание причинить кому-нибудь неприятность, зло»;

– «обещание причинить кому-нибудь вред, зло»;

– действия угрожающего характера, наводящие опасность либо вызывающие опасение, формирующие страх, держащие под опаскою;

– явление, которое потенциально объективно существует, а при определенных неблагоприятных условиях может стать реальностью и способно нанести ущерб личности, нации и государству [11].

Среди реальных угроз внутренней безопасности России в социальной сфере можно выделить следующие:

– бедность;

– нарушение прав личности на безопасность, труд, образование, жилье, бесплатное здравоохранение, свободу передвижения, обеспеченную старость;

– распространение наркомании, пьянства, хронических и инфекционных заболеваний;

– падение духовности в обществе; массовая деградация трудовой морали, отчуждение личности от трудового образа жизни;

– деградация социальной сферы с постепенным приданием всем процессам необратимого характера;

– признание общественной нормой массового нарушения законов;

– сведение всех социальных проблем к вопросам выживания без ориентации на развитие личности.

По мнению В. Г. Вишнякова, в социальной деятельности «основным источником угроз выступает субъективный фактор, иными словами, сами «разумные существа», сознательно или бессознательно совершающие (или ничего не совершающие, а просто бездействующие – чаще всего сознательно) правильные, с их точки зрения, действия, но представляющие для других «разумных» существ опасности и угрозы» [2].

В связи с этим можно выделить ещё одну классификацию угроз безопасности: объективные по отношению к человеку, субъективные угрозы.

Эти две крупные группы угроз, в свою очередь, также делятся на виды по отдельным основаниям.

1. Объективные по отношению к человеку:

По *видам источников возникновения опасностей*: естественные, антропогенные, техногенные.

По *видам потоков в жизненном пространстве*: энергетические, массовые, информационные.

По *величине потоков в жизненном пространстве*: допустимые, предельно допустимые, опасные, чрезвычайно опасные.

По *моменту возникновения опасности*: прогнозируемые, спонтанные.

По *длительности воздействия опасности*: постоянные, переменные, периодические, кратковременные. По объектам негативного воздействия: действующие на человека, природную среду, материальные ресурсы, комплексного воздействия.

По количеству людей, подверженных опасному воздействию: личные, групповые, массовые.

По *размерам зоны воздействия*: локальные, региональные, межрегиональные, глобальные. По видам зон воздействия: действующие в помещении, на территории.

По способности человека идентифицировать опасности органами чувств: ощущаемые, неоощаемые.

По виду негативного воздействия на человека: вредные, травмоопасные.

По вероятности воздействия на человека и среду обитания: потенциальные, реальные и реализованные

Реализованные опасности предлагается подразделять на происшествия, чрезвычайные происшествия, аварии, катастрофы, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации. С. В. Белов выделяет системы безопасности в России: безопасность труда, защита от чрезвычайных ситуаций, охрана окружающей среды, система безопасности страны, национальная безопасность.

Изложенная классификация С. В. Белова фиксирует преимущественно объективные, внешние по отношению к человеку (взаимодействующему с опасностью) свойства опасности. Субъективные аспекты опасности в большей степени отражены в классификации опасностей, изложенной И. А. Баевой (1).

2. Субъективные угрозы

И. А. Баева классифицирует опасности относительно объекта (в этом случае речь идет о другом человеке, т. е. субъекте) опасности по ряду признаков:

По *рефлексии*: адекватно отражаемая объектом опасность, неадекватно отражаемая объектом опасность.

По *восприятию*: активно воспринимаемая опасность, нейтрально воспринимаемая опасность, пассивно воспринимаемая опасность.

По *степени информированности*: объект не информирован об опасности, объект плохо информирован, объект хорошо информирован.

По *способности устранить опасность*: объект подготовлен к реакции на опасность хорошо, объект подготовлен частично, объект не подготовлен.

По *степени осознания объектом возможных последствий*: полностью осознаваемая объектом опасность, частично осознаваемая опасность, неосознаваемая опасность.

Относительно *средств действия* И. А. Баева подразделяет опасности по нескольким основаниям:

По *структурной организации*: простая опасность, сложная опасность.

По *возможности противодействия*: предотвратимая опасность, непредотвратимая опасность.

По *наличию цели*: спланированная опасность, стихийно возникшая опасность.

По *способу воздействия*: прямая опасность, косвенная опасность.

По *времени действия*: постоянно действующая, периодически действующая.

Относительно *результата воздействия*: допустимая опасность (ущерб восстановим), недопустимая опасность, когда ущерб невосстановим и приводит к гибели объекта (1).

По другой классификации можно выделить такие виды угроз (и их источники) как:

1. Чрезвычайные ситуации социально-политического характера: масштабная коррупция, глубокое расслоение общества по имущественному признаку,

этнические и религиозные конфликты, забастовки и акции протеста с применением насилия, масштабная преступность, экстремизм, террористические угрозы, войны и военные конфликты.

2. Био-социальные угрозы:

1. Опасные социально-бытовые факторы: табакокурение, наркомания и наркотизм, алкоголизация населения.

2. Социально опасные инфекционные заболевания: СПИД, туберкулез, вирусные гепатиты, заболевания, передающиеся половым путем.

3. Суицидальное поведение, рост уровня стрессовых нагрузок, психических расстройств и заболеваний.

4. Биоугрозы.

По характеру, источнику, специфике угроз выделяют такие виды угроз как:

– угрозы природного характера (например, угрозы сейсмического характера, наводнения от селевых угроз и т. д.),

– угрозы антропогенного характера (угрозы техногенного характера, экологические угрозы и т. п.),

– угрозы социального характера (военные угрозы, угрозы экономического характера, угрозы демографического характера) [4].

Выделяют и такие виды угроз социальной безопасности: антропогенные; техногенные; угрозы, обусловленные стихийными источниками; угрозы информационной безопасности [5].

Подробно изучив и структурировав все возможные классификации видов угроз, мы подошли к вопросу детального рассмотрения источников угроз.

Одна из классификаций предполагает деление источников угроз по четырем группам:

Группа первая. Социальные угрозы, связанные с насилием, разгулом преступности в нашем обществе, его криминализацией.

Ко второй группе угроз социальной безопасности относится распространение таких негативных социальных явлений как наркомания, пьянство, рост смертности и сокращение продолжительности жизни.

К третьей группе социальных угроз относится ухудшение медицинского обслуживания и здравоохранения.

Четвёртую группу социальных угроз составляют факторы, связанные с низкой социальной защищённостью населения [3].

По другой классификации выделяются следующие источники опасности:

По объекту воздействия (содержанию жизненно важных интересов): витальные, физические, психические, генетические, репродуктивные, духовные, интеллектуальные.

По способу воздействия: конкретного действия (землетрясение, убийство, безработица, отравление и т. п.); полевого действия, т. е. создающие неблагоприятный фон существования (духовные, социально-психологические, семейно-бытовые, производственные, информационные, исторические, политические, экологические, радиационные, химические, санитарно-эпидемиологические и иные).

По происхождению: природные, антропогенные.

По содержанию поражающего фактора: физические, психические, информационные, воспитательные, материально-экономические, научные (медицинские и иные опыты), управленческие (бюрократизм), юридические, политические.

По производимым последствиям: гибель человека; соматическое (физическое) расстройство здоровья; психическое расстройство здоровья; ограничение свободы (похищение человека, захват заложников, незаконное помещение в психиатрическую больницу, иное незаконное лишение свободы, например арест); ограничение прав; изменение генотипа, вызывающее наследственное распространение заболеваний, физических и психических дефектов; утрата репродуктивной способности; подавление воли, установление контроля над сознанием; разрыв социальных связей (принудительная эвакуация, преследование по национальному, расовому, религиозному и иному признаку).

По контролируемости: неконтролируемые (источники опасности, на которые человек не мог воздействовать с целью их предотвращения); контролируемые (источники, действие которых человек мог предотвратить, либо которые сам привел в действие. Здесь проблемы безопасности должны изучаться с использованием виктимологической науки).

По объективности: объективные (опасность исходит от источников, представляющих собой объективные процессы природного, социального, экономического и иного свойства, например землетрясение, наводнение, состояние экономики, традиции, законодательство, преступность и т. д.); субъективные (негативные факторы, представляющие собой отдельные акты произвола конкретных субъектов).

По гарантированности безопасности действия: гарантированные государством; негарантированные.

По правовой урегулированности: правовые источники опасности; иные правоурегулированные; иные правонеурегулированные.

По осознаваемости: осознаваемые, неосознаваемые, промежуточные.

По демографическому распределению людей: детская, женская, возрастная.

По степени рискованности формы осуществляемой жизнедеятельности: жизнедеятельность с высокой степенью риска; жизнедеятельность с нормальной степенью риска.

По обеспеченности средствами преодоления угроз: высокообеспеченные, необеспеченные, слабообеспеченные лица [6].

Источники угроз также подразделяются на: монообъектные (напр. шпионаж), полиобъектные (события и виды деятельности, которые складываются в угрозы).

И последняя из исследуемых классификаций источников угроз делит их на следующие группы: насилие и преступность; наркомания и алкоголизм; ухудшение медицинского обслуживания и здравоохранения; источники, связанные со слабым социальным обеспечением.

И, наконец, подводя итог общей теоретической составляющей данной статьи по угрозам социальной безопасности, можно выделить *субъекты угроз* соци-

альной безопасности, которые в свою очередь, можно классифицировать по *признаку возможного активного или пассивного противодействия* их, а также по *методам и способам его реализации* со стороны государства. В первом случае источником угроз являются природные силы или факторы, противодействие которым со стороны общества может осуществляться путём создания резервов, своевременного оказания помощи пострадавшим и пр., во втором – субъектами угроз, носителями являются физические и юридические лица, субъекты хозяйствования различных форм собственности, а источником является их деятельность.

На основании вышеизложенного теоретико-методологического задела мы переходим к изучению эмпирического материала настоящего исследования.

Государственная социальная политика, как в отношении всего населения, так и конкретных его слоев, групп и общностей на настоящее время остается малоэффективной. В нашей стране одной из сфер, в которых аккумулируется социальная напряжённость, является трудоустройство, а молодёжь, в том числе выпускники вузов, впервые приходящие на рынок труда и не имеющие профессии или достаточного уровня профессиональных навыков, во всех странах мира являются одной из социально уязвимых групп населения. Россия в данном случае не исключение.

В то же время, учитывая, что молодёжь есть величайший стратегический и инновационный ресурс страны, важно признать сферу ее занятости приоритетной частью социально-экономической политики государства. А это значит, что подготовка высококвалифицированных кадров, адаптированных к условиям рыночной экономики и владеющих новейшими технологиями, является задачей стратегической важности, от решения которой в немалой степени зависят темпы роста экономики, ее конкурентоспособность, будущее России. Поэтому выявление угроз социальной безопасности данной группы населения, в данном случае в сфере трудоустройства, с целью наиболее эффективного их упреждения, устранения или минимизации их действия так важно на сегодняшний день.

С этой целью автором данной статьи был проведён первый этап исследования угроз социальной безопасности выпускников вузов в сфере трудоустройства, предполагающий структурирование понятийного аппарата и направленный на выявление угроз, актуализируемых в сознании самих выпускников вузов перед выходом во взрослую жизнь, т. е. предполагаемых ими, потенциальных угроз. Исследование проводилось в апреле 2013 г. в среде студентов 5 и 4 курсов социально-психологического факультета КемГУ, специальности и направления «социальная работа», выходящих на государственные экзамены и дипломирование. В ходе исследования было проведено анкетирование всех студентов – специалистов и бакалавров, которым в ближайшие полгода предстоит процесс трудоустройства, выявлены их прогнозные установки по поводу этого процесса.

Поднимая вопрос о социальной безопасности выпускников вузов в сфере трудоустройства и её угроз, мы должны отметить, что её объектами являются общество в лице конкретной группы населения и лич-

ность самого выпускника. В связи с этим, угрозы также предполагают деление на внешние, касающиеся действия внешних факторов, таких как: социальная напряжённость, связанная со сложной экономической и политической ситуацией в стране и обществе, миграционными потоками, вызывающими перенасыщение рынка труда, материальной нестабильностью, обусловленной низкой заработной платой специалиста в области социальной работы, влекущей за собой низкий уровень жизни сотрудника и т. д., и внутренние, которые выстраиваются в большей степени посредством внутренней рефлексии самой личности, уровня её профессионального самоопределения, её личностных проблем, личных возможностей, связей, способностей, профессиональных компетенций и в целом личностного потенциала, который делает её конкурентоспособной на рынке труда.

В результате исследования были получены следующие предварительные результаты:

60 % всех опрошенных не считают себя конкурентоспособными на рынке труда и боятся остаться без работы после окончания университета. Наиболее частыми причинами неконкурентоспособности были отмечены: незначительный опыт в собеседовании; отсутствие опыта работы, который часто стоит в требованиях работодателя к сотруднику; недостаточная компетентность выпускника в своей специальности, являющаяся следствием различных препятствий в получении качественного образования, в числе которых чаще всего отмечались причины: незаинтересованность в специальности, личные, семейные проблемы, в следствие чего, невозможность систематического посещения занятий. Также в числе причин страха нетрудоустройства выпускники отмечали перенасыщение городского рынка труда и отсутствие связей, это в свою очередь, может стать причиной невозможности устроиться на работу, о которой всегда мечтал и, как следствие, не возможности полноценной самореализации выпускника со всеми вытекающими последствиями: потеря веры в себя, депрессия, отсутствие интереса к работе, неэффективное или недобросовестное выполнение своих обязанностей. Кроме того, в ходе исследования было отмечено, что студенты испытывают затруднение в определении и конкретизации своих дополнительных компетенций, что также снижает их шансы на трудоустройство и, более того, до сих пор так и не определились с тем, в каком направлении хотели бы дальше трудоустроиваться. Последнее связано у большинства студентов с тем, что они ещё не занимались поиском работы. На момент исследования это было обусловлено подготовкой к государственным экзаменам и дипломированию, а также в отдельных случаях неудовлетворённостью оплатой труда молодых специалистов.

Кроме того, одна из наиболее значимых социальных угроз, которая может возникнуть у выпускника и угрожать его социальной безопасности – это устройство на работу не по специальности, не по призванию, а только из-за того, что она престижна и высокооплачиваема (большинство респондентов ответили, что не собираются работать по специальности – 85 %), следствием чего может являться отсутствие трудовой мотивации, морального удовлетворения от своей дея-

тельности, низкие результаты работы, неэффективность труда, неудовлетворённость специалиста своими результатами, что может привести к длительной депрессии и раннему профессиональному выгоранию на уровне личности и неэффективности общественно-го товаропроизводства.

Наибольшие трудности при трудоустройстве, по мнению студентов, могут возникнуть у них во время собеседования: из-за неправильной самопрезентации – 50 % опрошенных; страха при встрече с первыми лицами компании – 20 %; возможных задач и головоломок, не относящихся к специальности. Это свидетельствует о низком уровне знаний и практических навыков студентов выступления на аудиторию, а также отсутствии навыков ораторского искусства. В связи с этими обстоятельствами выпускник может потерять стимул к поиску работы из-за нескольких неудачных собеседований, так как не имеет навыков самопрезентации, что бесспорно формирует потребность факультета во введении дисциплины «риторика» в учебные планы. Кроме того, большинство выпускников отмечали страх перед вхождением в новый коллектив. Возможно, это также связано с неуверенностью выпускника в своём личностном потенциале: своих способностях, возможностях, достоинствах, интеллекте и пр.

По мнению студентов наибольшее количество знаний по специальности они получили на базах практики нежели в университете: 70 % на практике; 20 % в университете; 10 % самообразование. Этот факт заставляет задуматься о пересмотре форм ведения занятий, вводе тренингов и мастер-классов для данного направления подготовки, более тесного сотрудничества с базами практик, соединения теории с реалиями практической деятельности, тесном взаимодействии с руководителями учреждений, сотрудниками для пересмотра существующих базовых компетенций дисциплин и выяснения тех, которые хотели бы видеть потенциальные работодатели в выпускниках. Важно больше ориентировать образовательный процесс на запросы рынка труда и активизировать работодателей самих на базах практик растить под запросы своих учреждений кадры, давая не только техническую работу, направленную на упорядочение документации учреждения, но также и конкретные творческие задания с целью оценки индивидуального потенциала выпускника.

На вопрос о предполагаемых угрозах социальной безопасности после устройства на работу выпускники чаще всего отмечали низкую заработную плату – 40 %, невозможность карьерного роста – 25 %, в меньшей степени ими были актуализированы большая психологическая и эмоциональная нагрузка – 15 %, а также недостаточность свободного времени – 15 %, и меньше всего вариантов ответов связаны с опасением социальных конфликтов в коллективе и быстрым эмоциональным выгоранием – 5 %.

Таким образом, по результатам исследования выявлены жизненноважные интересы выпускников вузов, в числе которых: материальная обеспеченность и стабильность, развитие творческого потенциала и самореализация, признание, благоприятное эмоциональное и психологическое состояние личности, здо-

ровые, отдых. Именно в отношении них распространяются различные вышеозвученные угрозы социальной безопасности выпускников, следствием которых могут стать: депрессия, стресс, нарушенное эмоциональное и психическое здоровье, отсутствие мотивации к поиску работы и стимула к работе, нехватка материальных средств на удовлетворение своих интересов и потребностей, общая неудовлетворённость своим положением, раздражительность, нарушение коммуникативных связей в коллективе и социуме в целом, социальная напряжённость и пр.

В связи с вышеуказанным, необходимо упреждать угрозы, и в качестве превентивных мер проводить на ба-

зе вузов, бирж труда или кадровых агентств подготовку выпускников к «эффективному» трудоустройству.

Однако это только первый этап исследования. В перспективе предполагается провести повторное исследование угроз социальной безопасности выпускников вуза в сфере трудоустройства, выяснить с какими угрозами из предполагаемых они столкнулись в настоящей жизни, что позволит оценить реальную ситуацию на рынке труда молодёжи и подобрать более эффективные инструменты и формы работы с выпускниками в целях способствования их «эффективному» трудоустройству, обретению дела их жизни.

Литература

1. Белов, С. В. Воспитание культуры безопасности школьников: автореф. дис. ... д-ра наук / С. В. Белов. – Барнаул, 2004.
2. Вишняков, В. Г. Система и структура федеральных органов исполнительной власти: теория и практика // Журнал российского права. – 2006.
3. Волгоградский информационный портал – Социальная безопасность. – Режим доступа: http://vlg.ucoz.-com/index/socialnaja_bezopasnost/0-10
4. Гамерман, Е. В. Деятельность транснациональной преступности как угроза безопасности Дальнего Востока России. Исследователь ВЦИОП 2011 / Е. В. Гамерман. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.-php?p=4213&print=1&more=1>
5. Гатицкая, Е. Виды национальной безопасности / Е. Гатицкая, Е. Абрамовских, И. Передерий. – Режим доступа: <http://fir.ispn.urfu.ru/news/2007/05/vidy-natsionalnoi-bezopasnosti/>
6. Красавчиков, О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О. А. Красавчиков. – М.: Юридическая литература, 1966. – Режим доступа: <http://www.kursach.com/biblio/-0003001/103.htm>
7. Международное сообщество и глобализация угроз безопасности // сб. науч. докл. / отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. – В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. – 304 с. – (Серия: Научные доклады. – Вып. 7).
8. Некрасов, С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире: монография / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург, 2006. – 330 с.
9. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин [и др.]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/6-568-bezopasnosti-yekonomicheskoi-obespechenie.htm>
10. Уголовное право Российской Федерации. – 1998:99. – Т. 1.
11. Ясенов, В. Н. Информационная безопасность в экономических системах / В. Н. Ясенов. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-100794.html?page=2>

Информация об авторе:

Чигаева Виктория Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, 89132908483, chigaeva_viktori@mail.ru.

Viktoriya Yu. Chigaeva – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

О НОВОМ ПОДХОДЕ В ОЦЕНКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

(на примере студентов факультета медико-профилактического дела
Тихоокеанского государственного медицинского университета)

О. Б. Асриян, Р. В. Кадыров, В. В. Черненко

A NEW APPROACH TO THE ASSESSMENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR HIGHER EDUCATION (the example of Preventive Medicine Faculty students at Pacific State Medical University)

O. B. Asriyan, R. V. Kadyrov, V. V. Chernenko

В статье рассматривается новый подход к оценке психологической готовности к обучению через исследование уровня развития социального и эмоционального интеллекта у студентов высшего учебного заведения. Дается описание личностных характеристик, мотивации, эмоционального и социального интеллекта студентов ТГМУ (138 человек). Обоснована необходимость привнесения инновационных форм обучения в образовательный процесс и ежегодного проведения тренинга командообразования для студентов первокурсников.

The article discusses a new approach to the assessment of psychological readiness for learning through the study of the level of higher education students' social and emotional intelligence development. Personality features, motivation, emotional and social intelligence of Pacific State Medical University students (138 people) are analysed. The necessity of introducing innovative education forms in the education process and that of organizing annual team building activities for freshmen are proved.

Ключевые слова: психологическая готовность к обучению, личностные характеристики, мотивация к обучению, социальный интеллект, эмоциональный интеллект, тренинг командообразования.

Keywords: psychological readiness for learning, personal characteristics, motivation for learning, social intelligence, emotional intelligence, team building.

Общие тенденции мирового развития, такие как ускорение темпов развития общества, расширение возможностей политического и социального выбора, расширение масштабов межкультурного взаимодействия диктуют необходимость изменений в образовательном процессе на современном этапе. Образование – это один из важнейших социальных институтов, способствующих не только передаче знаний, умений и навыков от поколения к поколению, но и развитию личности, ее становлению и самоактуализации [7]. При этом особую важность приобретает проведение комплекса мер, направленных на укрепление психологической готовности к обучению в высшей школе.

При большом количестве работ, посвященных готовности к обучению в школе и профориентации школьников, проблема готовности к профессиональному обучению в вузе недостаточно разработана. Нет целостной модели психологической готовности к вузовскому обучению, не создано однозначных методов ее диагностики, из-за чего в психологических службах вузов отсутствует информация о специфике готовности студентов. Появление такой модели позволило бы сотрудникам психологической службы разработать и провести комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию психологической адаптации студентов в вузе. В свою очередь, улучшение адаптации способствовало бы созданию такого социально-психологического климата, где каждый студент мог бы максимально эффективно раскрыть свой потенциал как в учебной, научной, так и в творческой деятельности.

Обучение в современном медицинском вузе, предполагает желание, возможность и способность обучаться в режиме, заданном традиционной университетской системой. Большое разнообразие информации, дисциплин и самостоятельной работы создает условия для развития у студентов информационного стресса, особенно в условиях несформированной мотивации. Современный успешный студент, как правило, не ограничивается усвоением учебной программы, а нацелен на творческую самореализацию в различных сферах, особенно это очевидно в таких прогрессивных учреждениях, как ТГМУ, где для этого создаются все условия. Такая специфика современного образования диктует понимание психологической готовности к обучению в вузе как многоуровневой системы социальных и индивидуально-психологических факторов, обеспечивающих успешную адаптацию и самоактуализацию личности студента. В качестве наиболее доступных критериев оценки психологической готовности выступает академическая успеваемость и социальная активность в форме участия студентов в научно-исследовательской, спортивной и творческой жизни вуза.

На успешность обучения студентов в высших учебных заведениях влияют многие факторы: материальное положение; состояние здоровья; возраст; семейное положение; уровень довузовской подготовки; владение навыками самоорганизации, планирования и контроля своей деятельности; организация учебного процесса в вузе; престижность вуза и, наконец, индивидуальные психологические особенности студентов.

Именно вышеперечисленные факторы объясняют, почему одни студенты много и охотно работают над овладением знаниями и профессиональным мастерством, а возникающие трудности только добавляют им энергии и желания добиться поставленной цели, в то время как другие, все делают словно из-под палки, а появление сколько-нибудь значительных препятствий резко снижает их активность вплоть до разрушения учебной деятельности. Такие различия можно наблюдать при одних и тех же внешних условиях учебной деятельности (социально-экономическое положение, организация и методическое обеспечение учебного процесса, квалификация преподавателя и т. п.) [8].

При объяснении этого феномена психологи и педагоги чаще всего апеллируют к такой индивидуально-психологической особенности обучающихся, как уровень интеллекта. Однако, в современных условиях, этот критерий не позволяет рассмотреть проблему психологической готовности всесторонне. Предположительно, успешное обучение в ТГМУ предполагает достаточно высокий уровень развития социального и эмоционального интеллекта, т. к. умение выстраивать продуктивные, удовлетворяющие студента отношения существенно влияет на процесс адаптации. Кроме того невозможно представить учебно-познавательную деятельность студента без сформированной мотивации к обучению, которая формируется под влиянием личностных характеристик.

Целью данного исследования явилось выявление основных качественных и количественных характеристик психологической готовности к обучению в вузе студентов факультета медико-профилактического дела ГБОУ ВПО «ТГМУ». На основании проведенного литературного поиска по проблеме *была обоснованно подобрана батарея методик, адекватная цели исследования:*

- методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорд, М. Салливена;
- методика исследования эмоционального интеллекта Д. Гоулмана;
- методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной;
- мультифакторный личностный опросник Кеттелла (форма С);
- анализ академической успеваемости;
- анализ социальной активности (волонтерская деятельность, студенческая научная деятельность, творческая деятельность и т. п.).

Полученные результаты обрабатывались с использованием программы SPSS, версия 19 для Windows [11]. Для оценки достоверности сравниваемых значений использовались: непараметрический критерий U-Манна-Уитни, критерий ранговых сумм Фридмана и критерий независимости Спирмэна [6], критерий множественных сравнений, основанный на ранговых суммах Фридмана [16].

В исследовании приняли участие 138 студентов медико-профилактического факультета, в возрасте от 17 до 22 лет. Из них 46 студентов первого курса, 53 студента второго курса и 39 студентов третьего курса. Исследование проводилось по запросу руководства медико-профилактического факультета в мае 2011 года в течение 36 учебных часов с целью по-

строения и апробации модели диагностики психологической готовности к обучению в вузе, а также определения социально-психологических проблем в студенческих группах.

Успешность обучения и уровень адаптации к процессу обучения. На основании анализа современных тенденций в образовании можно предположить, что успешность обучения студентов зависит от уровня их адаптации к процессу обучения в вузе, что должно отразиться в более высокой успеваемости студентов третьего курса по сравнению с успеваемостью второго и первого курса и второго курса по сравнению с первым (табл. 1).

Таблица 1

Успешности обучения на различных этапах обучения в вузе

№ п/п	Сравниваемые выборки	Объем выборки	Уровень значимости отвержения (h_0), p
51/57	0,008		
51/51	0,016		
57/51	0,47		

Результаты, полученные по студентам 3-х курсов, показывают, что академическая успеваемость студентов третьего курса выше, чем на втором и первом курсе, что косвенно указывает на взаимосвязь успешности в обучении с адаптированностью студентов в вузе.

Личностные характеристики. Анализ работ, посвященных исследованиям в области психологической готовности к обучению, указывает на необходимость изучения личностных характеристик студентов ТГМУ на разных курсах обучения (табл. 2).

Полученный результат свидетельствует о том, что у студентов 1-го курса наиболее выражены такие факторы, как: общительность, доминантность, смелость, а наименее выражены такие факторы, как: самоконтроль, подозрительность и напряженность. Студенты-первокурсники достаточно легки в общении, добродушны, склонны к риску, авантюристичны, обладают выраженным стремлением к самостоятельности и самоутверждению. Кроме того первокурсники не дисциплинированы, расслаблены и склонны принимать информацию на веру. Такие особенности достаточно точно иллюстрируют возрастные характеристики подросткового возраста: стремление к эмансипации и к группированию.

Степень выраженности факторов опросника Кеттелла (форма С) у студентов 1 курса

<i>№ п/п</i>	<i>Факторы</i>	<i>Место в вариационном ряду</i>	<i>Сумма полученных рангов</i>
1.	Самоконтроль (Q3)	1	298,5
2.	Подозрительность (L)	2	328,0
3.	Напряженность (Q4)	3	359,5
4.	Зависимость (Q2)	4	369,0
5.	Дипломатичность (N)	5	389,0
6.	Экспрессивность (F)	6	393,0
7.	Развитое воображение (M)	7	428,0
8.	Радикализм (Q1)	8	446,5
9.	Эмоциональная устойчивость (C)	9	491,5
10.	Тревожность (O)	10	506,0
11.	Чувство долга (G)	11	514,0
12.	Чувствительность (I)	12	523,5
13.	Смелость (H)	13	553,0
14.	Доминантность (E)	14	558,0
15.	Общительность (A)	15	562,5

Результаты исследования личностных характеристик на втором курсе медико-профилактического факультета, показали, что достоверно наиболее выражены показатели по шкалам доминантность, чувство долга и смелость и наименее выражены показатели по шкалам зависимость, самоконтроль и экспрессивность (табл. 3).

Студенты второкурсники также общительны и смелы как первокурсники, но, в тоже время, для них

характерным является появление чувства долга, упорства в достижении целей и требований к себе. Кроме того второкурсники менее экспрессивны и более серьезны и осторожны. Возможно, это связано с тем, что ко второму курсу, как правило, студент больше вовлекается в учебный процесс и на смену ведущей потребности в установлении доверительных отношений приходит потребность в профессиональном становлении.

Таблица 3

Степень выраженности факторов опросника Кеттелла (форма С) у студентов 2 курса

<i>№ п/п</i>	<i>Факторы</i>	<i>Место в вариационном ряду</i>	<i>Сумма полученных рангов</i>
1.	Зависимость (Q2)	1	384,5000
2.	Самоконтроль (Q3)	2	407,5000
3.	Экспрессивность (F)	3	413,0000
4.	Подозрительность (L)	4	422,5000
5.	Дипломатичность (N)	5	441,5000
6.	Напряженность (Q4)	6	468,5000
7.	Развитое воображение (M)	7	487,0000
8.	Чувствительность (I)	8	553,5000
9.	Тревожность (O)	9	565,5000
10.	Радикализм (Q1)	10	566,5000
11.	Эмоциональная устойчивость (C)	11	573,5000
12.	Общительность (A)	12	617,5000
13.	Смелость (H)	13	658,0000
14.	Чувство долга (G)	14	677,0000
15.	Доминантность (E)	15	684,0000

У студентов третьего курса медико-профилактического факультета достоверно наиболее выражены показатели по шкалам доминантность, смелость, чувство долга и наименее выражены показатели по шкалам самоконтроль, подозрительность и зависимость (табл. 4).

Студенты третьекурсники более уверены в своих силах, спонтанны и независимы. Они могут позволить себе руководствоваться собственными, уже сформированными правилами, при этом проявляя такие характеристики как обязательность, ответственность, добросовестность и настойчивость к достижению своих целей.

Таблица 4

Степень выраженности факторов опросника Кеттелла (форма С) у студентов 3 курса

№ п/п	Факторы	Место в вариационном ряду	Сумма полученных рангов
1.	Самоконтроль (Q3)	1	324,5000
2.	Подозрительность (L)	2	326,0000
3.	Зависимость (Q2)	3	339,0000
4.	Экспрессивность (F)	4	365,5000
5.	Напряженность (Q4)	5	368,0000
6.	Развитое воображение (M)	6	381,5000
7.	Дипломатичность (N)	7	403,5000
8.	Чувствительность (I)	8	425,5000
9.	Эмоциональная устойчивость (C)	9	452,5000
10.	Тревожность (O)	10	456,0000
11.	Радикализм (Q1)	11	480,5000
12.	Общительность (A)	12	528,0000
13.	Чувство долга (G)	13	535,5000
14.	Смелость (H)	14	537,0000
15.	Доминантность (E)	15	557,0000

Представляется интересным сравнение выраженности факторов между курсами (табл. 5), которое показывает, что личностные характеристики на первом и третьем курсе однородны за исключением показателей по шкале чувствительность (фактор I). Т. е. на первом курсе выражены такие личностные черты как мечтательность, стремление к покровительству, зависимость от общественного мнения в большей степени, чем на третьем курсе. Первокурсники нуждаются в опеке куратора, декана и старших товарищей, т. к. новые условия обучения требуют мобилизации ресурсов студента для достижения адаптации. Между студентами второго и первого года обучения выявлены достоверные различия по шкале чувство долга, а значит, студенты второго курса обучения более требовательны к себе и дисциплинированы, чем первокурсники.

Полученные результаты достаточно точно иллюстрируют процесс адаптации студента ТГМУ в динамике. Первокурсники, поступая в вуз, сталкиваются с такими сложностями как изменение ситуации обучения, стремление проявить себя в учебной группе, при этом все ресурсы студента затрачиваются не на учебный процесс, а на разрешение конфликтных ситуаций в коллективе. Студенты второго курса больше ориентированы на получение знаний. Причем взаимоотношения второкурсников еще не позволяют им чувствовать себя расслабленно и комфортно в коллективе, в отличие от студентов третьего курса, которые достаточно хорошо адаптированы и целенаправленно занимаются усвоением учебных дисциплин.

Таблица 5

Степень выраженности факторов опросника Кеттелла (форма С) у студентов разных курсов

№ п/п	Сравниваемые выборки	Объем выборки	Факторы	Уровень значимости отвержения (h_0), p
1.	Курс 3/ курс 2	54/66	Шкала лжи (MD)	0,03
		54/66	Общительность (A)	0,43
		54/66	Интеллект (B)	0,46
		54/66	Эмоциональная устойчивость (C)	0,1
		54/66	Доминантность (E)	0,18
		54/66	Экспрессивность (F)	0,47
		54/66	Чувство долга (G)	0,23
		54/66	Смелость (H)	0,14
		54/66	Чувствительность (I)	0,11
		54/66	Чувствительность (L)	0,19
		54/66	Развитое воображение (M)	0,22
		54/66	Дипломатичность (N)	0,24
		54/66	Тревожность (O)	0,44
		54/66	Радикализм (Q1)	0,42
		54/66	Зависимость (Q2)	0,27
		54/66	Самоконтроль (Q3)	0,36
		54/66	Напряженность (Q4)	0,15

2.	Курс 3 / курс 1	54/56	Шкала лжи (MD)	0,045
		54/56	Общительность (A)	0,32
		54/56	Интеллект (B)	-0,44
		54/56	Эмоциональная устойчивость (C)	-0,32
		54/56	Доминантность (E)	0,48
		54/56	Экспрессивность (F)	-0,32
		54/56	Чувство долга (G)	0,07
		54/56	Смелость (H)	-0,49
		54/56	Чувствительность (I)	-0,016
		54/56	Чувствительность (L)	0,29
		54/56	Развитое воображение (M)	-0,17
		54/56	Дипломатичность (N)	0,19
		54/56	Тревожность (O)	-0,14
		54/56	Радикализм (Q1)	0,12
		54/56	Зависимость (Q2)	-0,44
		54/56	Самоконтроль (Q3)	0,08
		54/56	Напряженность (Q4)	-0,42
3.	Курс 2 / курс 1	66/56	Шкала лжи (MD)	-0,46
		66/56	Общительность (A)	-0,38
		66/56	Интеллект (B)	-0,49
		66/56	Эмоциональная устойчивость (C)	-0,22
		66/56	Доминантность (E)	-0,17
		66/56	Экспрессивность (F)	-0,27
		66/56	Чувство долга (G)	0,016
		66/56	Смелость (H)	0,12
		66/56	Чувствительность (I)	-0,12
		66/56	Чувствительность (L)	0,09
		66/56	Развитое воображение (M)	0,39
		66/56	Дипломатичность (N)	0,33
		66/56	Тревожность (O)	-0,22
		66/56	Радикализм (Q1)	0,16
		66/56	Зависимость (Q2)	-0,24
		66/56	Самоконтроль (Q3)	0,04
		66/56	Напряженность (Q4)	0,09

Примечание: знак «—» означает отвержение H_0 пользу большей выраженности фактора у группы, стоящей после косой черты.

Таблица 6

Успешность обучения и уровень учебной мотивации у студентов вуза

Виды учебной мотивации	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции спирмэна, r	Уровень значимости отвержения гипотезы о независимости
На диплом	128	-0,116	0,095
На знания	128	0,086	0,16
На профессию	128	-0,212	0,008
Внешняя мотивация	128	-0,135	0,065

Мотивация к обучению. Проблема мотивации является актуальной как в отечественной, так и в зарубежной психологии. В социально-психологическом аспекте студенчество отличается наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации (табл. 6).

Полученные результаты показывают, что студенты, мотивированные на получение знаний в процессе обучения достигают наиболее высоких результатов, т. е. наиболее успешными являются студенты, заинтере-

ресованные в получении самых разнообразных знаний, независимо от важности той или иной дисциплины для будущей профессии. На основании полученных данных становится понятно, что для эффективной адаптации студентов необходимо вовлекать их в самые разнообразные виды деятельности, которые помогут интегрировать полученные знания.

Представляется интересным определить направленность мотивации обучения в зависимости от курса обучения (табл. 7). Студенты первого курса, согласно полученным результатам не имеют определенной

преобладающей мотивации, что напрямую указывает на необходимость проведения дополнительной воспитательной работы на первом курсе, направленной на предотвращение формирования неблагоприятных видов мотивации, например мотивации на диплом, которая характеризуется формальным усвоением знаний и стремлением находить обходные пути при сдаче зачетов и экзаменов. Для второго курса характерно преобладание мотивации на знания, что характеризует студентов как заинтересованных в приобретении разнообразных знаний по изучаемым дисциплинам и

обеспечивает их успешность в процессе обучения. На третьем курсе, результаты свидетельствуют о том, что менее всего выражена у студентов факультета мотивация на профессию. Данный факт указывает на потерю интереса к профессии на данном возрастном этапе, что может быть связано с прохождением очередного кризисного периода в процессе обучения и заслуживает отдельного внимания со стороны специалистов службы психологической поддержки студентов, для своевременного оказания помощи всем заинтересованным.

Таблица 7

Успешность обучения и уровень учебной мотивации у студентов вуза на разных курсах обучения

№ п/п	Курс	Виды учебной мотивации	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмэна, R	Уровень значимости отвержения гипотезы о независимости
1.	Курс 1	На диплом	41	0,075	0,32
		На знания	41	0,002	0,49
		На профессию	41	-0,247	0,055
		Внешняя мотивация	41	-0,243	0,061
2.	Курс 2	На диплом	48	-0,242	0,048
		На знания	48	0,230	0,055
		На профессию	48	-0,103	0,24
		Внешняя мотивация	48	0,064	0,333
3.	Курс 3	На диплом	39	-0,170	0,15
		На знания	39	0,115	0,24
		На профессию	39	-0,320	0,023
		Внешняя мотивация	39	-0,250	0,062

Социальный и эмоциональный интеллект. Развитие социального интеллекта обеспечивает студенту успешную включенность в социальные отношения, поскольку дает ему возможность приспособляться, адаптироваться к каждой новой для него ситуации. Кроме того чтобы активно интегрироваться в современное общество, нужен также определенный уровень развития эмоционального интеллекта.

Первоочередной задачей явилось сравнение степени выраженности социального и эмоционального интеллекта между студентами разных курсов (табл. 8). Для решения этой задачи были использованы методики исследования социального интеллекта Дж. Гилфорд, М. Салливана и эмоционального интеллекта Д. Гоулмана.

Анализ результатов, представленных в табл. 8, позволяет нам говорить о том, что студенты третьего курса обладают более развитым уровнем эмоционального интеллекта, чем студенты второго и первого курса. Они лучше владеют собой и большую часть времени находятся в ровном и позитивном расположении духа. В отношении с другими людьми содержательны, используют свои эмоции и интуицию для того, чтобы понять их окружающий мир. Успешность таких студентов в обучении напрямую связана с развитием у них всех подвидов эмоционального интеллекта, т. к. сегодняшнее образование подразумевает использование всех вышеперечисленных качеств. При этом следует отметить, что, как правило, развитие эмоционального интеллекта тесно связано с расшире-

нием познавательной деятельности, с развитием когнитивных функций психики. Студенты второго года обучения способны распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике. Они умеют анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников. Путем логических умозаключений они могут достраивать неизвестные, недостающие звенья в цепи этих взаимодействий, предсказывать, как человек поведет себя в дальнейшем, отыскивать причины определенного поведения. Возможно, именно заинтересованность студентов второго курса в знаниях позволяет им развивать эти качества путем включения в различные виды коммуникации и активный обмен информацией, т. к. именно вербальная экспрессия может развиваться в юношеском возрасте под влиянием такой активной жизненной позиции. На первом курсе выражены способности к предвидению последствий поведения и способность правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям.

Степень выраженности социального и эмоционального интеллекта у студентов разных курсов

№ n/n	Сравниваемые выборки	Исследуемые характеристики	Объем выборки	Уровень значимости отвержения (h_0), p
1.	Курс 3/ курс 2	Социальный интеллект		
		Предвидение последствий	41/35	–0,005
		Оценка невербальных проявлений	41/35	0,1
		Оценка вербальной экспрессии	41/35	–0,21
		Распознавание структуры общения в динамике	41/35	0,29
		Эмоциональный интеллект		
		Отношение к себе	40/53	0,0005
		Отношение к другим	40/53	0,0
		Отношение к жизни	40/53	0,0005
2.	Курс 3/ курс 1	Социальный интеллект		
		Предвидение последствий	41/35	–0,005
		Оценка невербальных проявлений	41/35	0,1
		Оценка вербальной экспрессии	41/35	–0,21
		Распознавание структуры общения в динамике	41/35	0,29
		Эмоциональный интеллект		
		Отношение к себе	40/53	0,0005
		Отношение к другим	40/53	0,0
		Отношение к жизни	40/53	0,0005
3.	Курс 2/ курс 1	Социальный интеллект		
		Предвидение последствий	35/42	0,240
		Оценка невербальных проявлений	35/42	–0,067
		Оценка вербальной экспрессии	35/42	0,009
		Распознавание структуры общения в динамике	35/42	–0,975
		Эмоциональный интеллект		
		Отношение к себе	53/41	–0,188
		Отношение к другим	53/41	–0,818
		Отношение к жизни	53/41	–0,125

Примечание: знак «–» означает отвержение h_0 пользу большей выраженности фактора у группы, стоящей после косой черты.

Анализ результатов (табл. 9) позволяет нам сделать следующие выводы о том, что существует взаимосвязь между успешностью студентов в обучении и эмоциональным интеллектом т. е. высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, умением быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую

экспрессию) в контексте определенной ситуации, конкретных взаимоотношений. Студенты, обладающие высоким уровнем эмоционального интеллекта, способны находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях и имеют большой репертуар ролевого поведения (т. е. проявляют ролевую пластичность).

Таблица 9

Степень выраженности эмоционального и социального интеллекта у хорошо и удовлетворительно учащихся студентов

Сравниваемые выборки	Исследуемые характеристики	Объем выборки	Уровень значимости отвержения (h_0), p
Успешные студенты/ студенты, обучающиеся на «удовлетворительно»	Социальный интеллект		
	Предвидение последствий	36/77	0,25
	Оценка невербальных проявлений	36/77	0,16
	Оценка вербальной экспрессии	36/77	0,12
	Распознавание структуры общения в динамике	36/77	0,08
	Эмоциональный интеллект		
	Отношение к себе	35/91	0,041
	Отношение к другим	35/91	0,32
	Предвидение последствий	35/91	0,042

Высокий уровень развития эмоционального интеллекта совершенно необходим для обучения в современном медицинском вузе, так как любая врачебная деятельность и особенно, деятельность выпускника факультета медико-профилактического дела, предполагает формирование профессиональных компетенций, позволяющих разрешать различные ситуации в сфере человек-человек.

Исследование взаимосвязи успешности студентов и социального интеллекта показало, что детерминирующим фактором успешности обучения является чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что помогает им быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую экспрессию) в контексте определенной ситуации, конкретных взаимоотношений (оценка вербальной экспрессии, тест Гилфорда). Вероятно, это обосновано тем, что специфика образовательного процесса в современном медицинском вузе предполагает умение студента грамотно организовывать свое коммуникативное взаимодействие с профессорско-преподавательским составом и прежде всего со своей учебной группой.

Выводы

– Успешность обучения взаимосвязана с такими личностными особенностями, как высокая нормативность, требовательность, обязательность, склонность к сомнениям и подозрительность, что указывает на необходимость привнесения в учебный процесс инновационных форм обучения, таких как дискуссия, блиц-опрос, видеоклуб и круглый стол.

– Среди успешных студентов выражена мотивация на овладение профессиональными знаниями и навыками, что косвенно указывает на осознанный выбор вуза такими студентами. Для оптимизации психологической готовности к обучению в высшей школе, необходим комплекс мероприятий, направленных на осознание себя в профессии.

Литература

1. Абдулина, О. А. Личность студента в процессе профессиональной подготовки / О. А. Абдулина // Высшее образование в России. – М., 1993. – № 3. – С. 25 – 31.
2. Авраамова, Е. М. Студенты столицы и провинции: социальные ресурсы, ожидания / Е. М. Авраамова, А. А. Шабунова, Д. М. Логинов // Социологические исследования. – М., 2005. – № 9. – С. 98 – 103.
3. Бабаева, Н. В. Влияние индивидуально-психологических особенностей учащихся раннего юношеского возраста на их адаптацию к обучению в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. В. Бабаева. – М., 2001.
4. Выборнова, В. В. Актуализация проблем профессионального самоопределения молодежи / В. В. Выборнова, Е. А. Дунаева // Социологические исследования. – М., 2006. – № 4. – С. 99 – 105.
5. Евдокимова, Я. Г. Интерперсональные факторы эмоциональной дезадаптации у студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Я. Г. Евдокимова. – М., 2001.
6. Ермолаев, О. Ю. Математическая статистика для психологов: учебник / О. Ю. Ермолаев. – 2-е изд. испр. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 336 с.
7. Заливина, И. В. Гендерные аспекты образовательного процесса / И. В. Заливина // Организация учебного процесса в современных условиях. – Владивосток, 2008. – 37 с.
8. Кусакина, С. Н. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. Н. Кусакина. – М., 2009.
9. Мещерякова, И. Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И. Н. Мещерякова. – М., 2011.
10. Москова, М. В. Личностные факторы эмоциональной дезадаптации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. В. Москова. – М., 2008.

– Психологическая готовность студентов к обучению сформирована у студентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта и частично социального интеллекта, что обуславливает дальновидность в отношениях с окружающими и высокую успешность в сфере межличностных контактов. Особенно это проявляется в способности прогнозировать действия окружающих и определять динамику развития ситуации общения в процессе обучения.

– Формирование психологической готовности к обучению можно стимулировать посредством развития эмоционального интеллекта, что можно использовать при составлении программы тренинга для студентов и разработки учебных программ для кураторов учебных групп студентов вуза.

– Для оптимального достижения психологической адаптации и готовности к обучению необходимо проведение ежегодного тренинга командообразования на первом курсе обучения, что позволит учесть все вышеперечисленные особенности и сформировать учебные группы.

По результатам проведенного исследования специалистами службы социально-психологической поддержки и преподавателями кафедры общепсихологических дисциплин ГБОУ ВПО ТГМУ была составлена программа социально-психологического тренинга командообразования, направленного на повышение психологической готовности к обучению в вузе. Данная программа была реализована в сентябре 2011 года на первом курсе факультета медико-профилактического дела и в 2012 году на первых курсах уже трех факультетов.

Предварительные результаты проведенного тренинга, указывают на эффективность повышения психологической готовности к обучению в медицинском вузе, именно посредством комплекса мероприятий, направленных на повышение успешности студента в сфере межличностных контактов, учебной деятельности и творческой самореализации.

11. Наследов, А. Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А. Д. Наследов. – СПб.: Питер, 2005. – 416 с.
12. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебное пособие / Л. Ф. Обухова. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 335 с.
13. Печерская, С. А. Теоретико-методологические основы готовности студентов к использованию информационных технологий: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / С. А. Печерская. – Сочи, 2007.
14. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1999. – 720 с.
15. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [пер. с англ.] / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
16. Холендер, М. Непараметрические методы статистики / М. Холендер, Д. Вульф; пер с англ. Д. С. Шмерлинга; под ред. Ю. П. Адлера и Ю. Н. Шмерлинга. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 518 с.

Информация об авторах:

Асриян Ольга Борисовна – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, 8 924 7344015, ponamareva_o@mail.ru.

Olga B. Asriyan – Lecturer at the Department of Psychological Disciplines, Pacific State Medical University.

Кадыров Руслан Васитович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, 8 9143438540, rusl-kad@yandex.ru.

Ruslan V. Kadyrov – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychological Disciplines, Pacific State Medical University.

Черненко Владимир Викторович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, 8 9146510249, navy-chern@yandex.ru.

Vladimir V. Chernenko – Candidate of Technical Science, Associate Professor, Assistant Professor the Department of Psychological Disciplines, Pacific State Medical University.

УДК 159.9

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ С ТРУДНОСТЯМИ В ОВЛАДЕНИИ МАТЕМАТИКОЙ *С. М. Винникова*

NEUROPSYCHOLOGICAL HELP FOR CHILDREN WITH DIFFICULTIES IN LEARNING MATHEMATICS *S. M. Vinnikova*

Целью работы является выявление и анализ причин, приводящих к трудностям в овладении математикой у детей, а также описание нескольких игр, направленных на облегчение процессов восприятия, анализа и понимания учебного материала, повышение интереса детей к математике.

The aim of this paper is to reveal and to analyze the causes of children's difficulties in learning mathematics, and to suggest several games designed to facilitate the processes of perception, analysis and comprehension of the material, and to increase children's interest in mathematics.

Ключевые слова: нейропсихологическая помощь, дети с трудностями обучения, математика.

Keywords: neuropsychological help, children with learning disabilities, mathematics.

Количество детей с трудностями овладения математикой увеличивается год от года. По самым общим подсчетам таких детей на сегодня около 25 % от общешкольной популяции. Причем трудности, которые испытывают школьники, сохраняются и по окончании школы, ведь математические методы и математический стиль мышления наблюдаются в различных областях человеческой деятельности [1].

Можно выделить **основные составляющие математического мышления**, без которых невозможно усвоение математики.

1. Пространственный анализ и синтез.
 2. Сформированность серийной организации действий.
 3. Развитие абстрактного логического мышления и возможности составить программу решения задачи.
 4. Сформированность и устойчивость зрительных представлений геометрических фигур.
- Остановимся подробнее на каждом из этих компонентов.

1. Сформированность пространственных представлений, пространственного анализа и синтеза мышления имеет первоочередное значение для успешного овладения ребенком математикой [2 – 7].

Математика (геометрия и алгебра) – основаны на установлении соотношений между предметами и явлениями, их последовательности, то есть на их пространственных взаимосвязях [8; 4].

Пространственная организация мира представлена человеку в трех основных составляющих: реальное пространство окружающей среды, аналогичные ему представления о пространстве во внутреннем плане и так называемое квазипространство, которому нет аналогов в реальном мире. В последнем случае речь идет об упорядоченности в системах знаков и символов, выработанных человечеством для обобщения представлений о мире. Примером квазипространства может быть нотная запись, представления о времени, понимание логико-грамматических конструкций (например: «собака хозяина или хозяин собаки», «брат отца или отец брата»).

Освоение пространственных характеристик среды осуществляется на основе представлений о схеме собственного тела, двигательной активности в реальном, жизненном, заданном пространстве. Ребенок начинает понимать, что означает быстрее, вверху, рядом только после того, как это поймет его тело, то есть вследствие превращения телесно-гностического пространства в зрительно-гностическое.

В возрасте 3 – 6 лет у ребенка формируется телесная схема и пространственные представления о взаимоотношении внешних объектов по отношению к собственному телу, т. е. для ребенка становится возможным понятие местонахождения того или иного предмета, представление о дальности нахождения предметов и т. п. В итоге данного этапа формируется целостная картина мира в восприятии пространственных взаимоотношений между объектами и собственным телом. Далее ребенок может оперировать пространственными отношениями во внутреннем плане и научается переносить это понимание обратно во внешний мир (в виде грамматических конструкций, рисования различных схем, планов, чертежей).

У детей с незрелостью пространственных функций мы можем встречать следующие ошибки при выполнении математических действий:

- зеркальное написание цифр, (например, «4»; «3»; «9», и другие перевернуты в другую сторону);
- устойчивые трудности понимания условий задач;
- неумение правильно расположить задания в тетради («отступить» нужное количество клеток, соблюдать границу полей).

2. Трудности в овладении счетными операциями у детей скрывают под собой не только незрелость пространственных и квазипространственных представлений, а так же **несформированность серийной организации действий** (которая лежит в основе понимания последовательности и перехода от одного элемента к другому). Когда ребенок производит операцию сложения (например, $14+3$) или имеющую «обратное направление» операцию вычитания ($14-3$),

он действует в определенном внутреннем пространственном поле. Если эта операция выходит за пределы десятка (например, $32-7$ или $26+8$), то процесс становится несравненно сложнее и протекает уже в условиях иерархически построенных разрядов. До тех пор, пока такие счетные операции примут свернутый автоматизированный вид, пройдет долгий период развешного счета с дроблением чисел и присоединением остатка.

У детей с незрелостью выше описанных функций мы можем встречать следующие ошибки:

- неправильное решение примеров в силу непонимания иерархически построенных разрядов чисел, «перехода через десяток» (например: $26+8=38$ или $32-7=23$);
- выполнение другой счетной операции, вместо необходимой (например: прибавил там, где нужно было отнять);
- неправильное соотнесение числа и количества.

3. Еще одним необходимым компонентом математических действий является хорошо развитое мышление – **произвольное мышление**, которое осуществляет функции программирования собственной деятельности и контроля над ней. Для решения математической задачи ребенок должен, прежде всего, знать правило-алгоритм, согласно которому составить программу действий, поэтапно ее выполнить, и проверить решение. Уметь действовать по строгим правилам – одна из самых главных составляющих математического мышления. Мы неоднократно встречаем таких детей, которые знают все правила, а задачу или пример решить не умеют. Это говорит о том, что они не умеют следовать правилу, что говорит о недостаточно сформированном произвольном мышлении, которое на ранних этапах развития ребенка формируется в игровой деятельности и в речевом опосредствовании собственных действий.

У детей с недостаточно развитыми общелогическими мыслительными операциями и несформированной произвольностью могут наблюдаться:

- трудности анализа условий задачи;
- трудности переноса алгоритма решения на конкретный пример или задачу;
- трудности осуществления действий по аналогии;
- трудности с выделением главных и вторичных признаков;
- трудности удержания правил и инструкций;
- трудности определения, обобщения, классификации, систематизации понятий;
- неумение устанавливать логические связи и отношения (род-вид, причина-следствие).

4. Понятие о геометрических фигурах базируется не только на пространственных представлениях, но и на зрительном восприятии. Для того, чтобы решить геометрическое, а впоследствии и планиметрическое задание, ребенок должен «представить» себе нужную фигуру «в уме», вообразить ее. Поэтому, прежде чем ребенок начнет решать геометрические задачи, он должен получить упроченные зрительные представления о геометрических фигурах и понимать их свой-

ства. Трудности при недостаточной сформированности зрительных представлений геометрических фигур могут проявляться в трудностях составления целой фигуры из частей, различения близких по структуре фигур (например: квадрат и прямоугольник, квадрат и ромб, трапеция и параллелограмм).

При несформированности каждой из этих составляющих трудностей овладения математикой проводится игровая **нейропсихологическая коррекция** [8; 9]. Ведь именно в поэтапном игровом развитии, согласно классической психологии, формируются все механизмы, необходимые для успешной учебы, в частности, для освоения математики [10 – 12].

В ходе коррекционных занятий ребенок проходит все стадии игрового развития, вырабатывает произвольность (умение следовать правилам), развивает речь, воображение, пространственные и временные представления, восприятие, внимание, логическое мышление – то есть все, что необходимо для овладения математикой [13].

Нейропсихологическая коррекция носит комплексный характер и включает двигательную и когнитивную коррекцию, имеющие общие цели и взаимодополняющие друг друга, а также коррекцию эмоциональной сферы и специальную дыхательную гимнастику [8].

Специальная дыхательная гимнастика, направленная на повышения общего тонуса организма и его нервно-психического состояние, а также способствует выравниванию процессов возбуждения и торможения в коре головного мозга.

Двигательная часть обеспечивает развитие физического визуального и аудиального внимания; развивает умение управлять своим поведением, способствуя преодолению стереотипов; учит использовать упорядоченное, а значит более эффективное поведение, обучает действовать по образцу в соответствии с правилами; повышает общую энергетику высших психических функций и общую активизацию ребенка; формирует необходимое для коммуникации чувство физической дистанции.

Когнитивная часть направлена на развитие произвольного внимания, программирования действий (формирование произвольности действий), пространственного анализа и синтеза, развитие пространственных функций, зрительной и вербальной памяти, гностических функций.

Коррекция эмоциональной сферы направлена на устранение тревожности, снятие эмоционального напряжения, проявлений агрессии, устранение навязчивых состояний, преодоление страхов.

Приведем примеры нескольких игр, которые на практике доказали свою эффективность в оказании действенной помощи ребенку в овладении математикой, а также формируют у ребенка позитивное отношение к занятиям математикой и в целом к школьному обучению.

«Бумажный тир»

Игра развивает пространственные представления, точность и глазомер.

Материал: лист бумаги с нарисованными мишенями.

Количество играющих: от 2 до 4 человек.

Возраст играющих: от 7 лет и старше.

Для игры необходимо подготовить лист с нарисованными на одной половине мишенями (рис. 1).

Чтобы сделать выстрел, надо поставить точку на чистой половине листа так, чтобы она при сгибании листа пополам совпала с мишенью. Точка обводится с обратной стороны листа и таким образом выстрел «отпечатывается» на зонах мишени. Выигрывает игрок, набравший наибольшее количество очков.

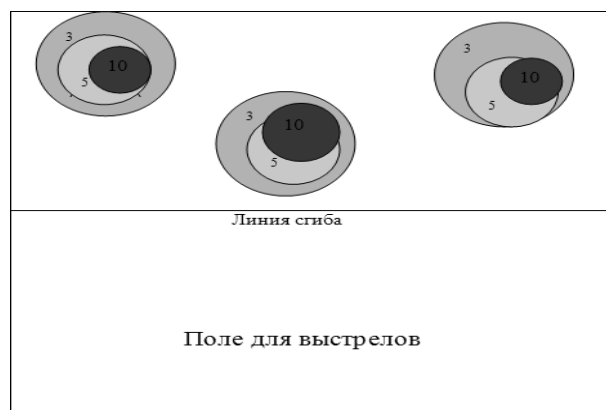

Рис. 1. Бумажный тир «Арифметический кроссворд»

Игра закрепляет навыки счета, знание математических знаков, развивает логическое мышление.

Материал: карточки с заданиями (рис. 2). Количество играющих: 2 человека и больше.

Игроки получают карточки с одинаковыми заданиями. Выигрывает тот, кто первым и правильно решит свой кроссворд.

	:		=	
+		*		
8	-		=	3
=		=		=
	-	20	=	8

Рис. 2. Арифметический кроссворд

«Числовой лабиринт»

Игра развивает пространственное мышление, сообразительность и скорость счетных операций.

Материал: нарисованный на бумаге лабиринт с числами (рис. 3). Количество играющих: от 1 до 5 человек. Возраст играющих: от 7 лет.

Ребенок должен быстро посчитать и сообразить, через какие трое ворот надо пройти, чтобы сумма чисел, написанных в воротах, равнялась числу, которое написано в центре круга. Числа, написанные в воротах, так же, как и число, написанное в центре, могут изменяться в зависимости от тех конкретных коррек-

ционных задач, которые ставит педагог. Победителем становится тот, кто быстрее всех и точнее покажет наибольшее число возможных путей до центра лабиринта.

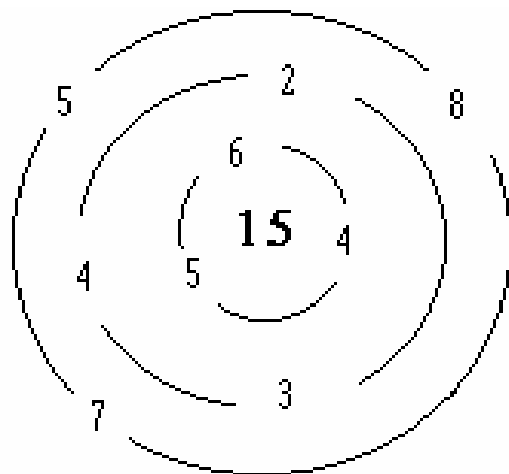

Рис. 3. Числовой лабиринт

Литература

1. Ахутина, Т. В. Трудности усвоения начального курса математики в форме квазиисследовательской деятельности / Т. В. Ахутина, Л. Ф. Обухова, О. Б. Обухова // Психологическая наука и образование. – М., 2001, № 1. – С. 65 – 78.
2. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 512 с.
3. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973.
4. Сунцова, А. Учимся ориентироваться в пространстве. Рабочая тетрадь / А. Сунцова, С. Курдюкова. – СПб.: Питер, 2008. – 48 с.
5. Соболева, А. Е. Школьные перегрузки. Как помочь своему ребенку / А. Е. Соболева, Е. Н. Емельянова. – М.: Питер, 2009. – 128 с.
6. Соболева, А. Е. Решаем школьные проблемы. Советы нейропсихолога / А. Е. Соболева, Е. Н. Емельянова. – М.: Питер, 2009. – 144 с.
7. Соболева, А. Е. Математика: считаем уверенно / А. Е. Соболева, Е. Е. Печак. – М.: Эксмо, 2009. – 24 с.
8. Глозман, Ж. М. Нейропсихология детского возраста / Ж. М. Глозман. – М.: Академия, 2009. – 131 с.
9. Семаго, Н. Я. Методика формирования пространственных представлений у детей дошкольного и младшего школьного возраста / Н. Я. Семаго, М. М. Семаго. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 112 с.
10. Ахутина, Т. В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева. – СПб.: Питер, 2008. – 180 с.
11. Игровые методы коррекции трудностей обучения в школе / под ред. Ж. М. Глозман. – М.: В. Секачев, 2006. – 96 с.
12. Куцакова, Л. В. 1000 увлекательных игр и заданий для детей 5 – 8 лет / Л. В. Куцакова, Ю. Н. Губарева. – М.: Астрель, 2003. – 45 с.
13. Соболева, А. Е. Русский язык с улыбкой. Игровые упражнения для предупреждения и преодоления дисграфии / А. Е. Соболева, Н. Н. Кондратьева. – М.: Творческий Центр Сфера, 2007. – 64 с.
14. Бочарова, А. Г. 500 замечательных игр / А. Г. Бочарова, Т. М. Горева, В. Я. Окунь. – М., 1999. – 30 с.
15. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 48 – 57.
16. Корсакова, Н. К. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении / Н. К. Корсакова, Ю. В. Микадзе, Е. Ю. Балашова. – М.: Рос. пед. агентство, 2001.
17. Соболева, А. Е. Коррекция высших психических функций младших школьников с задержкой психического развития средствами игровой деятельности: автореф. ... канд. психол. наук / А. Е. Соболева. – Н. Новгород, 2009. – 27 с.
18. Математика от трех до шести / сост. З. А. Михайлова, Э. Н. Иоффе. – СПб.: Акцидент, 1996. – 46 с.

Таким образом:

1. Комплексная программа игровой коррекции, соответствующая уровню актуального развития ребенка, отвечающая современным требованиям к организации занятий, эффективно способствует преодолению трудностей обучения в школе.

2. В ходе занятий формируются произвольное внимание и контроль, восприятие, внимание и память, зрительно-пространственные функции и логическое мышление, что не только позитивно влияет на преодоление несформированности разных механизмов математического мышления, но и положительно влияет на успеваемость по всем предметам, поведение и желание учиться.

Информация об авторе:

Винникова Софья Михайловна – аспирант, нейропсихолог научно-исследовательского Центра детской нейропсихологии, Москва, 8 (906) 099-01-17, sofya-vinnikova@mail.ru.

Sofia M. Vinnikova – post-graduate student, neuropsychologist at the Research Center of Developmental Neuropsychology, Moscow.

УДК 159.9

**ПРОБЛЕМА СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ
И ПОДХОДЫ К ЕГО КОРРЕКЦИИ**

Ж. М. Глоzman, И. А. Шевченко

**PROBLEM OF ATTENTION DEFICIT / HYPERACTIVITY DISORDER
AND APPROACHES TO ITS REMEDIATION**

Zh. M. Glozman, I. A. Shevchenko

В статье разбираются особенности состояния ВПФ, эмоциональной регуляции и поведения у детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), варианты и механизмы этого синдрома, а также подходы к его нейропсихологической коррекции.

The paper describes higher mental functions, emotional regulation and behavior in children with attention deficit and hyperactivity disorders (ADHD), types and mechanisms of this syndrome as well as approaches to its neuropsychological remediation.

Ключевые слова: дефицит внимания, трудности обучения и поведения, нейропсихологическая коррекция.

Keywords: attention deficit, learning disabilities, neuropsychological remediation.

Общая характеристика синдрома

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), первоначально называемый «синдромом гиперкинетического поведения», впервые описанный М. Laufer и Е. Denhoff в 1957 году [1, с. 453 – 474], считается одним из основных клинических проявлений минимальной мозговой дисфункции.

Термин "минимальная мозговая дисфункция" был предложен Е. Denhoff в 1959 году, официально введен в 1962 году на международной конференции по детской неврологии в Оксфорде и с тех пор широко используется в психологической и медицинской литературе для объяснения расстройств поведения и трудностей обучения, не связанных с выраженными нарушениями интеллектуального развития и не объясняемых видимыми органическими причинами, но проявляющихся «в возрастной незрелости отдельных высших психических функций и их дисгармоничном развитии» [2, с. 155]. Чаще всего нарушения у этих детей бывают связаны с трудностями контроля собственной активности и поведения. Некоторые исследователи [3] вместо термина СДВГ предложили пользоваться формулировкой «гиперактивное расстройство с дефицитом внимания» (ГРДВ), но она не получила большого распространения.

По классификации болезней Всемирной организации здравоохранения МКБ-10 [4] СДВГ входит в перечень состояний, обусловленных минимальными мозговыми дисфункциями, и относится к классу «поведенческих и эмоциональных расстройств» (F9), объединяющему различные гиперкинетические расстройства: «расстройство активности и внимания» (F90.0), «гиперкинетическое расстройство поведения» (F90.1), «другие гиперкинетические расстройства» (F90.8). Важным диагностическим критерием СДВГ

является стабильность симптомов гиперактивности, невнимательности и импульсивности, то есть их сохранение на протяжении как минимум 6 месяцев в различных ситуациях (дома и в школе или детском саду). «Следует отметить тенденцию к гипердиагностике этого состояния у здоровых детей с индивидуальными особенностями темперамента, у которых развитие внимания и других когнитивных функций соответствует возрастной норме» [5, с. 341].

Согласно эпидемиологическим данным распространенность СДВГ в детской популяции колеблется от 3-х до 20 %, но среди детей с трудностями обучения в школе она достигает 80 % [6]. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью наблюдается у детей в возрасте от 3 до 15 лет, но наиболее часто проявляет себя в дошкольном и младшем школьном возрасте. Пик проявления синдрома гиперактивности приходится на возраст 6 – 7 лет, когда этот синдром становится существенным препятствием для обучения ребенка и его адаптации в детском образовательном учреждении. К 14 – 15 годам гиперактивность постепенно уменьшается, однако не "исчезает" окончательно: если проявления гиперактивности и импульсивности снижаются с возрастом, то нарушения внимания только нарастают [7]. У 1/5 пациентов субклинические проявления синдрома сохраняются всю жизнь, и у взрослых с СДВГ чаще, чем в целом по популяции, проявления асоциального и противоправного поведения [8; 5].

В развитии СДВГ наблюдаются также половозрастные различия. Среди мальчиков 7 – 12 лет признаки синдрома встречаются в 2 – 3 раза чаще, чем среди девочек. Высокая частота симптомов заболевания у мальчиков может быть обусловлена более высокой уязвимостью плода мужского пола по отношению к

патогенетическим воздействиям во время беременности и родов. У девочек большие полушария головного мозга менее специализированы, поэтому они имеют большой резерв компенсаторных функций при поражении центральной нервной системы по сравнению с мальчиками [9].

Развитие интеллекта у детей с СДВГ долгое время было предметом дискуссий. Довольно часто гиперактивные дети сообразительны и быстро "схватывают" информацию, обладают неординарными способностями. Последние исследования [10, с. 34 – 35] показали, что, что по таким показателям, как общая осведомлённость и объём простых знаний (использовался тест Векслера), дети с гиперактивностью не отличаются от здоровых сверстников, а вот умение строить умозаключения, способность к применению социальных правил и норм, самостоятельность, долговременная слухоречевая память у них сформирована хуже нормы [11].

Среди детей с СДВГ встречаются действительно талантливые дети, но и случаи задержек психического развития у данной категории детей не являются редкостью. Самое существенное состоит в том, что даже при высоком уровне сформированности ВПФ черты, характеризующие СДВГ: беспокойство, неусидчивость, недостаточная целенаправленность и импульсивность поступков, повышенная возбудимость – часто приводят к трудностям в приобретении учебных навыков (чтение, счёт, письмо), что ведёт к выраженной школьной дизадаптации [12].

У гиперактивных детей есть свои личностные особенности [13, с. 73 – 74]: отсутствие чувства безопасности, склонность к агрессии, нестойкость к стрессу, стремление удовлетворять свои эмоции в мире фантазии, тревожность, сниженная самооценка. Всё это, наряду со снижением внимания и познавательных функций, приводит к снижению их адаптивного потенциала [11].

Синдром СДВГ имеет как физиологические проявления (продолжительность сна часто меньше нормы), так и признаки несформированности психических, в первую очередь, моторных функций: нарушения координации, неловкие движения, несформированность мелкой моторики и праксиса (следствием чего является неумение завязывать шнурки, застёгивать пуговицы, использовать ножницы, несформированный почерк, неудержание положения строки в пространстве, дезавтоматизированность, колебания скорости всех движений, особенно письма). Гиперактивность ребенка сочетается со специфической заторможенностью в развитии двигательных навыков и речи, замедленным овладением чтением и письмом. Дислексия и дисграфия – частые коморбидные симптомы СДВГ. При нейропсихологическом обследовании выявляются также инертность, дискоординированность движений и трудности удержания программы в динамическом праксисе, а также несформированность пространственных функций в праксисе и рисунке [6].

Наличие СДВГ является также фактором риска нарушения детско-родительских отношений и общения со сверстниками, что еще больше усугубляет школьную дизадаптацию и неуспешность в школе [14, с. 207 – 222].

Этиология

Этиология СДВГ изучена недостаточно. Большинство исследователей предполагают генетическую природу синдрома. По исследованиям Weinstein et al. [15, с. 12 – 19] в семьях детей с синдромом дефицита внимания/гиперактивности нередко имеются близкие родственники, имевшие в школьном возрасте аналогичные нарушения. Для выявления наследственной отягощенности необходим длительный и подробный расспрос, так как трудности обучения в школе взрослыми людьми сознательно или бессознательно "амнезируются". Предполагают также, что существует генетически детерминированная взаимосвязь нейромедиаторных нарушений в головном мозге при данных патологических состояниях [16, с. 39 – 42].

Описано, что синдром дефицита внимания / гиперактивности детерминирован мутациями 3 генов, регулирующих дофаминовый обмен – гена D4 рецепторов, гена D2 рецепторов и гена, ответственного за транспорт дофамина, а носителями мутантного гена являются дети с наиболее выраженной гиперактивностью [17].

Наряду с генетическими, выделяют социальные (семейные), пре- и перинатальные факторы риска развития синдрома дефицита внимания / гиперактивности. К социальным факторам относят низкое социальное положение семьи, наличие криминального окружения, тяжелые разногласия между родителями. Особенно значимыми считаются нейропсихиатрические нарушения, алкоголизация и отклонения в сексуальном поведении у матери. Имеют значение также особенности воспитания ребенка. Так, нарушения менее выражены при отсутствии жестких дисциплинарных рамок [5]. Пре- и перинатальные факторы риска развития синдрома дефицита внимания включают асфиксию новорожденных, употребление матерью во время беременности алкоголя, некоторых лекарственных препаратов, курение [16].

Патогенез

Предполагается, что в основе патогенеза синдрома лежат нарушения активирующей системы ретикулярной формации, которая способствует обработке поступающей информации и спонтанному поддержанию внимания. Нарушения активирующей функции ретикулярной формации, по всей видимости, связаны с недостаточностью в ней норадреналина [17]. Невозможность адекватной обработки информации приводит к тому, что различные зрительные, звуковые, эмоциональные стимулы становятся для ребенка избыточными, вызывая беспокойство, раздражение и агрессивность. Нарушения в функционировании ретикулярной формации предопределяют вторичные нарушения нейромедиаторного обмена головного мозга. Теория о связи гиперактивности с нарушениями обмена дофамина имеет многочисленные подтверждения, в частности, успешность терапии синдрома дефицита внимания/гиперактивности дофаминергическими препаратами. Возможно, что нарушения нейромедиаторного обмена, приводящие к гиперактивности, связаны с мутациями в генах, которые регулируют функции дофаминовых рецепторов [18]. Отдельные биохимические исследования у детей с

синдромом дефицита внимания/гиперактивности свидетельствуют, что в головном мозге нарушается обмен не только дофамина, но и других нейромедиаторов – серотонина и норадреналина, а также метаболизм глюкозы [16; 19].

Помимо ретикулярной формации, важное значение в патогенезе синдрома дефицита внимания/гиперактивности имеет, дисфункция лобных долей (префронтальной коры), подкорковых ядер и соединяющих их проводящих путей. Одним из подтверждений данного предположения является сходство нейропсихологических нарушений у детей с синдромом дефицита внимания и у взрослых при поражении лобных долей мозга. При спектральной томографии головного мозга у 65 % детей с синдромом дефицита внимания/гиперактивности обнаружено снижение кровотока в префронтальной коре головного мозга при интеллектуальных нагрузках, тогда как в контрольной группе – лишь у 5 % [16].

У детей с СДВГ снижено церебральное энергообеспечение (примерно на 12 %) [20, с. 31 – 32], особенно в лобных и правом височном отделах. Также исследование энергетики мозга (по данным уровня вызванных потенциалов) подтверждает данные о снижении у этой категории детей количества межрегиональных мозговых связей [11].

Электрофизиологические исследования в сочетании с нейропсихологическим и поведенческим анализом выявляют у детей с СДВГ два типа отклонений в состоянии регуляторной системы: незрелость фронтоталамической регуляторной системы и дефицит неспецифической активации со стороны ретикулярной формации ствола мозга. При первом типе отклонений были трудности длительного поддержания и избирательности внимания, при втором была выявлена недостаточность активационного компонента внимания в виде увеличения времени реакции [21, с. 30 – 37].

Проявления и механизмы СДВГ

Большинством исследователей выделяются 3 основных признака (проявления) СДВГ [22; 23; 24; 6; 14].

1. *Гиперактивность (избыток моторной активности)*. Выражается в беспокойстве, суетливости, болтливости, многочисленных посторонних движениях, беспорядочной неструктурированной активности, неспособности усидеть на одном месте, продолжительность сна часто меньше нормы. В двигательной сфере обычно обнаруживаются нарушения координации, неловкие движения, несформированность мелкой моторики и праксиса (следствием чего является неумение завязывать шнурки, застегивать пуговицы, использовать ножницы, несформированный почерк).

2. *Нарушения внимания* проявляются в трудностях его удержания, снижении избирательности и выраженной отвлекаемости с частыми переключениями внимания.

3. *Импульсивность (несформированность регуляторных функций)* выражается в том, что ребенок часто действует, не подумав, перебивает других. Кроме того, такие дети не умеют регулировать свои действия и подчиняться правилам, ждать. Во время диагностического обследования дети с СДВГ часто начинают говорить на отвлеченные темы, отказыва-

ются от выполнения заданий, встают с места, трогают все, что попадает им на глаза. В классе они часто перебивают учителя, не могут долго усидеть за партой, поэтому часто роняют свои вещи, лезут за ними под парту, могут внезапно встать и выйти из класса и т. п. Как правило, ребенок с СДВГ не задумывается о своем поведении и искренне удивляется, к каким последствиям оно приводит. Неспособность усвоить и выполнять правила приводит к дисциплинарным проступкам. Он должен немедленно отреагировать на любой стимул: вопрос, собственную мысль или на реальную или предполагаемую угрозу. Даже осознавая неправильность своего поведения, его вред для других, ребенок не может исправить осуждаемую манеру себя вести, так как его импульсивность сильнее возможностей самоконтроля, что часто имеет серьезные социальные последствия.

Психологическим механизмом импульсивности является *несформированность ориентировочной основы действия*, формирования его цели и образа результата. Другим механизмом импульсивности можно считать *слабость речевой регуляции* поведения.

Современные исследования регулирующей (управляющей – executive в западной терминологии), функции, продолжающие работы А. Р. Лурия по изучению нарушений регуляции, программирования и контроля [25], позволили выявить сложную структуру этой важнейшей способности, включающую: уровень и стабильность мозговой активности и внимания, избирательность и способность к переключению, планирование, сопоставление плана и реализации, самоконтроль и возможность к коррекции ошибок, способность прогнозирования [26; 27].

Другой важной проблемой детей с СДВГ является *нестойкость произвольной мотивации* деятельности. Им трудно поддерживать длительные усилия по выполнению учебного задания [5].

Пресс давления общественного мнения нередко приводит к изоляции ребенка, нарушениям его социализации. Особенно опасно для личностного и эмоционального благополучия ребенка, когда родительское отношение к нему начинает тесно связываться с порицающими обвиняющими отзывами окружающих [14].

При всей общности внешних симптомов группа детей с СДВГ далеко не однородна. Результаты исследования Т. Г. Горячевой и А. С. Султановой [28, с. 91 – 100] позволили разделить детей с СДВГ на 3 группы. 1 группу составили дети (70 %) с первичными дисфункциями стволовых и подкорковых структур мозга, у которых вторично страдает функциональное развитие коры мозга, прежде всего – префронтальных областей. Во 2 группу были отнесены дети (20 %) с первичными дисфункциями стволовых и подкорковых структур мозга, у которых вторично страдает функциональное развитие коры мозга с преимущественной слабостью базальных лобных отделов. В 3 группу вошли дети (10 %) с первичной функциональной недостаточностью префронтальных отделов мозга. У детей всех трех групп была выявлена недостаточность развития различных высших психических функций. При нейропсихологическом обследовании детей первых двух групп на первый план

выходят нейродинамические нарушения. Дети, вошедшие в 3 группу, также отличались отвлекаемостью, дефицитом произвольного внимания. Однако эта недостаточность отчасти преодолевалась при специальной организации материала, введении игровой деятельности, усилении мотивации.

Типы СДВГ

Расстройство с дефицитом внимания / гиперактивностью включает в себя три подтипа. Подтипы определяются той степенью и длительностью, в которой у ребенка проявляются три основные черты данного нарушения: невнимательность, гиперактивность и импульсивность [29; 7].

1. Преимущественно невнимательный тип:

- небрежность / невнимательность к деталям;
- проблемы с временным удержанием внимания;
- невнимательное слушание;
- сниженная настойчивость в деятельности (школьные задания, домашняя работа, повседневные дела);
- плохая организованность;
- недостаточная способность удерживать внимание в интеллектуальной деятельности (домашние задания, индивидуальные задания в классе и пр.);
- склонность терять необходимые вещи и предметы (карандаши, тетради, листы с заданием, домашние задания);
- легкая отвлекаемость;
- забывчивость.

Как считает Barkley [30], СДВГ невнимательного типа характеризуется *инертным / вялым стилем переработки информации* (медленная переработка) и *проблемами фокусированного, или селективного внимания*. Так, на фоне общего «академического шума», эти дети не могут отфильтровывать значительные детали от незначительных. Недостаток внимания к деталям часто обусловлен информационной перегрузкой и неспособностью селективно ограничивать фокус внимания. Такой дефицит переработки ухудшает качество выполненной работы за счет ошибок по невнимательности.

Несложно понять, почему у таких детей возникают проблемы с академической успеваемостью. Одной из важнейших задач развития ребенка школьного возраста является задача развития чувства компетентности, мастерства и эффективности. А детям с СДВГ очень трудно соответствовать все возрастающим академическим и социальным требованиям [29, с. 61 – 80].

Другие сложности с обучением – это трудности с выполнением домашних заданий (удержанием внимания при скучных заданиях) и очевидная нехватка мотивации. Если домашние задания сделаны, часто под пристальным контролем родителей, неорганизованный учащийся может забыть принести задание в школу или потерять записи где-то в скопище бумаг на дне школьной сумки или ранца. Усилия, необходимые для получения образования, приводят в отчаяние таких детей, их родителей и учителей [29].

Детей с СДВГ невнимательного типа, в отличие от их более заметных сверстников с гиперактивностью, часто неправильно диагностируют. Такие дети

часто страдают от болезненных последствий нарушений интернализации (усвоения норм культуры и поведения) и неуспеваемости в обучении [31, с. 1 – 9].

2. Преимущественно гиперактивно-импульсивный тип:

- непоседливое и неугомонное поведение;
- невозможность оставаться на одном месте;
- избыточное движение;
- трудности участия в тихих играх;
- постоянное движение;
- безостановочное говорение;
- выпаливание ответов на вопросы, постоянные комментарии;
- нетерпеливость, проблемы с соблюдением очередности;
- приставание к другим.

Кроме проблем социализации, дети с СДВГ гиперактивно-импульсивного типа также испытывают сложности с обучением, но характер этих трудностей больше зависит от импульсивности этих детей и их неспособности затормозить свои реакции, которые могут помешать успешному обучению. Такие дети быстро начинают выполнять задания, предварительно не выслушав инструкции, торопятся закончить задание, жертвуя точностью и аккуратностью в пользу скорости. Гиперактивные дети также часто выполняют задания невнимательно, поскольку у них нет терпения просмотреть все условия и соблюсти их [29].

У таких детей низкая толерантность к фрустрации, и они обычно бросают задания, которые не имеют немедленного решения. Импульсивное поведение этих детей также может являться фактором риска получения случайной травмы [30].

Многие исследователи интерпретируют гиперактивность как попытку оптимизировать *недостаточный уровень стимуляции*, идущей из ЦНС, экспрессивным поведением, т.е. гиперактивность это попытка ребёнка привести свой мозг в необходимое состояние активации должного уровня. «Двигательная буря» гиперактивных детей вызывается действием вполне целесообразных механизмов компенсации [6; 14; 28; 32].

По разным причинам, у детей о которых идёт речь, уровень функциональной активности головного мозга нестабилен, обладает плохой устойчивостью к нагрузкам и требует для своего поддержания постоянной стимуляции. Характерной чертой умственной деятельности гиперактивных детей является цикличность. Дети могут продуктивно работать 5 – 15 минут, затем 3 – 7 минут мозг отдыхает, накапливая энергию для следующего цикла. В этот момент ребёнок отвлекается и не слушает учителя. Такой феномен принято называть повышенной истощаемостью. Учитель требует, чтобы ученики сидели прямо и не отвлекались, но для таких детей эти два требования вступают в противоречие: если их голова и тело неподвижны, снижается уровень активности мозга. Для того чтобы сохранить концентрацию внимания, дети применяют адаптивную стратегию: они активизируют центры равновесия при помощи двигательной активности, например, отклоняясь на стуле назад [6].

Движение – уникальная функция, предоставляющая широкие возможности для стимуляции психиче-

ской активности, информация о внешнем мире, получаемая во время движения в сочетании с ощущениями от перемещения собственного тела, позволяет быстро поднять уровень функционирования головного мозга до необходимого, восстановить работоспособность. Именно этот путь выбирает истощаемый ребёнок, что внешне выглядит, как неусидчивость, плохое поведение. К сожалению такая, по сути своей защитная, деятельность детского организма, часто оказывается неприемлемой в условиях школьного обучения.

3. Комбинированный тип наиболее распространен и сочетает симптомы двух предыдущих типов.

Электрофизиологические данные обнаруживают различия функционирования регулирующей системы при каждом из этих подтипов СДВГ [21].

Коррекция СДВГ

На данный момент в Соединённых Штатах Америки – стране, открывшей миру СДВГ, медицинский подход к коррекции этого расстройства (фармакологический) является доминирующим. В США для лечения СДВГ применяются стимуляторы нервной системы. Как говорилось выше, основная гипотеза о природе СДВГ – это незрелость определённых мозговых структур. А гиперактивное поведение ребёнка есть не что иное, как самостоятельная попытка простимулировать себя: чем больше двигательных и зрительных стимулов получает мозг, тем более он активен. Стимуляторы призваны "добавить энергии" незрелому мозгу ребёнка.

Особое внимание следует обратить на высказывание Э. Голдберга, американского нейропсихолога и невролога: "хотя мы полностью не понимаем, как работают... стимуляторы, используемые для лечения СДВГ, они каким-то образом помогают усилить хрупкие связи лобных долей с другими частями мозга" [33, с. 245]. Остаётся добавить, что препараты, помогающие "каким-то образом", ежегодно выписывают в США: риталин и его аналоги (препарат из группы амфетаминов!) 11 миллионам детей и непосредственно амфетамин 6 миллионам детей [34, с. 44 – 46]. При этом зарубежные специалисты [35] уверяют, что дети, получающие эти стимуляторы, в подростковом и взрослом возрасте не склонны употреблять наркотики и "незаконные" стимуляторы [11].

Однако лекарства не должны назначаться до тех пор, пока не будет произведено тщательное обследование и установлен точный диагноз. Необходимо также исследование, направленное на диагностику наличия сопутствующих нарушений. Необходимо определить какие нарушения нужно будет лечить в первую очередь [7].

Перед назначением любых лекарств пациенту с СДВГ, необходимо взвесить все достоинства и недостатки назначенной терапии. Лечение должно быть подобрано индивидуально для каждого пациента, чтобы оно соответствовало его образу жизни. Успешное медикаментозное лечение может выровнять неврологическое состояние и помочь взрослым с СДВГ улучшить качество их жизни. Их применение детям вызывает большие опасения [7].

В нашей стране, к счастью, амфетамины – даже с медицинскими целями – запрещены к применению.

В нашей стране основным подходом к фармакологическому лечению СДВГ является назначение ноотропных препаратов – стимуляторов обмена веществ в ткани мозга. Обобщая данные ряда медицинских исследований [36], можно сказать, что эти препараты, хотя и снижают выраженность двигательной расторможенности, отвлекаемости, но почти не влияют на эмоциональный компонент СДВГ (импульсивность, перепады настроения). Более того, у ряда препаратов проявляются побочные эффекты в виде усиления аффективного компонента СДВГ, который надо или купировать успокоительными средствами (что неприемлемо для большинства родителей), или прекращать лечение препаратом [11].

Но даже психиатры отмечают, что лекарства не решают всего спектра проблем СДВГ: ведь у ребёнка в той или иной степени есть проблемы в детско-родительских отношениях, в отношениях с одноклассниками и учителями. Кроме того, есть особенности развития высших психических функций, которые тоже таблетками не убрать. В докладах и психологов, и неврологов 1-го Международного конгресса по СДВГ в Вюрцбурге в 2007 (сейчас эти конгрессы проводятся ежегодно в разных странах) красной нитью проходила идея о неэффективности фармакологического лечения СДВГ.

L. Shalev, Ye. Tsal, C. Mevorach [37] разработали программу компьютерного тренинга внимания у детей с СДВГ, основанную на прямом тренинге времени реакции с помощью различных компьютерных игр с акустическими и зрительными сигналами правильности реакции. Однако нам представляется, что прямой тренинг (не говоря уже об опасности многочасовых компьютерных игр для ребенка) не направлен на формирование основных нейропсихологических механизмов, слабость которых, как указывалось выше, лежит в основе СДВГ.

Формирование произвольной регуляции, ориентировочной основы и контроля собственной деятельности является центральным направлением коррекционной работы с гиперактивными детьми с дефицитом внимания. Методики коррекции основаны на двух основных подходах: преодоление нейродинамических проблем через "*насыщение ребенка активностью*" и использование внешних опор для *опосредствования регуляторных функций*. Первый подход основан на вышеизложенных теоретических положениях о психофизиологических механизмах гиперактивности: недостаточная активация префронтальных отделов мозга, нарушение баланса активации и торможения. Усиленные занятия спортом, танцами и другими видами двигательной активности повышают активность нервных и обменных процессов, а подвижные игры являются прекрасным способом обучения действию по правилам, развития целенаправленной инициативы, обогащения сенсорного, эмоционального и двигательного опыта ребенка, преодоления гипо- и гиперсенситивности [6; 14].

Эффективные результаты коррекции синдрома дефицита внимания и гиперактивности достигаются при комплексном нейропсихологическом подходе – оптимальном сочетании двигательной, когнитивной, дыхательной и эмоциональной коррекции в индиви-

дуализированных нейропсихологических коррекционно-развивающих программах. Наиболее значимые результаты достигаются, если коррекция проводится в возрасте 4 – 12 лет.

Методы двигательной коррекции помогают поднять уровень активности ребенка и научить его контролю над движением, и в дальнейшем контролю над собственной деятельностью. Одна из целей двигательной коррекции – формирование ориентировочной основы действия. Действие – произвольный акт, подчиненный представлению о результате, т. е. процесс, подчиненный сознательной цели. Исходя из этого, двигательная коррекция проходит в несколько этапов:

1. *Активизация вестибулярно-моторной активности*, стимулирование вестибулярного аппарата (качели, прыжки и упражнения на мяче и пр.), свободные действия, простые движения с целью разгрузить психику ребёнка от напряжения запретов, насытить ребёнка ощущениями от двигательной активности, ведь движение всегда доставляет радость. Если исходить из того, что ЦНС и особенно вестибулярной системе гиперактивных детей свойственно состояние гиподинамии, то двигательная стимуляция означает начало повышения общей активности головного мозга, что в свою очередь ведёт к снижению гиперактивности.

На данном этапе подвижность ребёнка не ограничивается, он может прыгать на мяче, кружиться, бегать.

2. *Развитие умения управлять своими движениями* (игры и упражнения с командой «стоп», различные препятствия в пространстве, ограничения в пространстве с помощью верёвок, игрушек). Цель этого этапа – сформировать ощущение внутреннего торможения, на этом этапе ребёнок научается чувствовать, что он на элементарном уровне может управлять своим движением в соответствии с произвольно заданной целью. Приведем примеры некоторых упражнений.

Упражнение «дикая лошадь»: ребёнок носится по кругу, изображая дикую лошадь, но по окончании музыки или по другому условному сигналу должен вернуться в свою конюшню – лечь на коврик. Следование правилу подкрепляется похвалой и вознаграждением.

Упражнение «умелый наездник»: ребёнок прыгает на мяче по ковру, верёвкой обозначен край ущелья, ребёнок должен успеть вовремя остановиться, чтобы не сорваться в пропасть, справиться с этим может только умелый наездник. Более сложный вариант упражнения – проскататься на мяче по извилистой горной тропе, которая обозначается на ковре одной или двумя верёвками.

Упражнение «огонь – лёд»: по команде огонь – активные быстрые резкие движения, по команде лёд – замереть в той позе, в которой застала команда. Время выполнения каждой команды изменяется педагогом произвольно.

Упражнение «робот»: педагог договаривается с ребёнком, что какая-то часть тела ребёнка будет служить выключателем, например – правая коленка. Она становится, таким образом, внешним опосредствующим способом самоконтроля движения.

Упражнение «волшебные сигналы». Услышав, увидев или почувствовав сигнал, ребёнок должен от-

ветить определённым (заданным предварительной программой) образом: подпрыгнуть, перевернуться и т. д., выполнение поощряется условным игровым вознаграждением.

3. *Преодоление импульсивности* осуществляется введением в игру правил и паузы для их актуализации. После сигнала «стоп» дается пауза, необходимая для обдумывания ребёнком своих дальнейших действий. Во время «паузы» гиперактивный ребёнок приводит себя в состояние неподвижности, то есть работает по программе: «остановись – посмотри – подумай – сделай». Программа задается устно или лучше с помощью смешных картинок с соответствующими надписями. Ребёнку необходимо продумать программу своих дальнейших действий, таким образом формируется ориентировочная основа действия (анализ ситуации, построение плана действия, контроль и коррекция), в результате достигается формирование структуры деятельности. Возможно подключение речи сначала в виде инструкции педагога, а затем самоинструкции. Проговаривание программы – отличное средство структурирования и осознания собственных стратегий действия. Проговаривание полезно и на этапе контроля: ребенок должен убедиться, что сделал правильно и сам себя похвалить: "Я сделал это хорошо!"

Примеры игровых упражнений

Используются различные упражнения, способ выполнения которых, необходимо сменить по условному сигналу, например, «паучок» – ребёнок шагает одноименной рукой и ногой, но после звукового сигнала необходимо остановиться и продолжить движение разноименными конечностями. Можно добавить более сложную инструкцию, по которой, услышав один хлопок, ребёнок должен остановиться и сменить способ передвижения, а, услышав два хлопка, менять способ нельзя. Вместо хлопков можно использовать колокольчики с разным звучанием или другие сигналы: визуальные, аудиальные, кинестетические.

Упражнение «Скалолаз»: чтобы не сорваться с отвесной скалы, роль которой выполняет стена, ребёнок должен шагать, перемещаясь вдоль стены переставляя последовательно только по одной конечности. Это упражнение способствует формированию контроля и планирования движения.

Все упражнения следуют дидактическому принципу "от простого к сложному". Если ребёнок легко справился с заданием, можно смело переходить к более сложным его вариантам.

Например, то же упражнение "Скалолаз" можно усложнить, введя ограничение времени. Например, сообщают ребёнку, что через 10 секунд будет сход снежной лавины и пройти этот отрезок пути нужно как можно быстрее, но не срываясь" [38].

После прохождения трёх этапов можно подключать более сложные двигательные упражнения требующие координировать свои движения и регулировать их так, чтобы достичь цели (например, жонглирование мячами, парные перебросы, попадание мячом в корзину, упражнения на баланс и т. д.).

Продолжительность того или иного этапа зависит от потребностей конкретного ребёнка и не имеет строгих временных ограничений.

Необходимым условием любого коррекционного процесса является **система поощрений**, которая обговаривается с ребёнком в начале занятия. Как вариант, это может быть балльная или знаковая система, могут быть значимые для ребёнка стимулы. В качестве поощрений могут служить различные призы, выбор любимой музыки для сопровождения занятий, ведущая роль в игре и т. д. Детей с синдромом дефицита внимания/гиперактивности нужно чаще хвалить. Порог чувствительности к отрицательным стимулам очень низок, поэтому гиперактивные дети не воспринимают выговоры и наказания, однако чувствительны к поощрениям [39].

Аналогичным образом построены методы когнитивной коррекции. Здесь также использовались задания со стоп сигналом, с проговариванием, а затем с обдумыванием (внутренним проговариванием) программы заданного действия. Во всех методах была опора на внешние опосредствующие стимулы. Например, прикосновение к руке во время выполнения когнитивного задания означало: «остановись, подумай, а потом действуй» [6].

Формой развития самоконтроля являются упражнения, в которых задания придумываются ребёнком для родителя или педагога. Обучая другого, ребёнок формирует самоконтроль, соотношение цели и результата, исправление ошибок.

Гиперактивные дети, как указывалось выше, испытывают большие трудности *длительного поддержания произвольного внимания*, мотивации и целенаправленности при выполнении учебного задания. Разделение его на подзадачи с четким обозначением цели каждой часто компенсирует трудности ребёнка и создает у него *положительную эмоцию переживания успеха*, которая в дальнейшем станет основой формирования мотивации к следующему заданию. Большое значение имеет четкая структурированность и полимодальность инструкции: сочетание акустической и зрительной формы предъявления задания помогает ребёнку сформировать ориентировочную основу необходимого действия.

Формирование *внимания* происходит также с помощью полимодальной стимуляции: кинестетического анализатора (ощупывание препятствия), внутренних кинестезий (язык жестов), внутренних представлений (представить траекторию полета шарика, перед тем, как по нему ударить) и др. Ребёнок постепенно начинает осознавать себя *субъектом внимания*. *Произвольное воображение – шаг к развитию произвольного внимания*. Развитие воображения способствует также формированию способности выделения существенного основания для действия в предлагаемой ситуации, то есть избирательности поведения.

Литература

1. Laufer, M. W. Hyperkinetic behavior syndrome in children / M. W. Laufer, E. Denhoff // Journal of Pediatrics. – 1957. – Vol. 50.
2. Микадзе, Ю. В. Нейропсихология детского возраста / Ю. В. Микадзе. – М.: Питер, 2008. – 288 с.

Эффективным способом активизации ребёнка являются *дыхательные упражнения*. Они проводились как в форме упражнений на развитие дыхания животом, так и с помощью специального игрового метода «Дути – болл», в котором ребёнок должен был задуть в ворота шарик от пинг-понга. Этот последний метод пользуется такой любовью у детей, что может использоваться в качестве поощрения (премии) за хорошее выполнение другого задания [14].

Для профилактики развития асоциальных форм поведения, о которых говорилось выше, полезен метод *библиотерапии*: анализ рассказов, почему так поступил герой, чем помешал другим и т. д. В результате происходит выстраивание мостиков между собственным поведением и действиями героя, различение социально одобряемого и социально наказуемого поведения. Успешность в этом – хороший прогностический показатель в коррекции СДВГ [6].

Для многих гиперактивных детей оказываются полезными *занятия в диаде* с более заторможенным ребёнком, например, в задании: доползти, не останавливаясь, до цели последним [6].

Для гиперактивного ребёнка, у которого с раннего детства накапливается большой опыт порицаний, неприятия, недовольства окружающих, очень важно *положительное эмоциональное подкрепление*, переживание ситуации успеха, похвала даже за самые маленькие успехи саморегуляции. Как гиперактивному ребёнку, так и его родителям необходимо насыщение позитивными чувствами в общении с ребёнком, *развитие эмоционально-игровой общности ребёнка с родителями*. Роль родителя как партнера по игре заключается и в демонстрации способов выполнения договорённостей (правил) и ответственности каждого участника за процесс и за результат игры. *Смена позиций "ведущий – ведомый" в игре* способствует формированию чувства ответственности – важного компонента произвольной регуляции.

Очень важным в работе с гиперактивным ребёнком является постоянное (каждые 3 – 5 минут) *обеспечение ему обратной связи* об успешности и адекватности собственного поведения.

Повторное нейропсихологическое обследование детей после курса коррекции показывает, что применяемые методы являются эффективными как для преодоления проблем в обучении, так и для коррекции симптомов СДВГ [14].

Методика коррекции СДВГ, таким образом, состоит не в поисках кнопки (таблетки), которая бы позволила выключить мотор, а в поиске и налаживании системы управления этим мотором. Эта деятельность основана на теории Л. С. Выготского о том, что "волевое действие начинается только там, где происходит овладение собственным поведением с помощью символических стимулов" [40].

3. Заваденко, Н. Н. Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте / Н. Н. Заваденко. – М.: Академия, 2005. – 256 с.
4. МКБ-10: Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: в 3 т. – М.: Медицина, 2004.
5. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / под ред. С. Ю. Циркина. – Изд. 2-е. – М.: СПб, 2004. – 896 с.
6. Глозман, Ж. М. Нейропсихология детского возраста / Ж. М. Глозман. – М.: Академия, 2009. – 272 с.
7. Guiding Principles for the Diagnosis and Treatment of Attention Deficit / Hyperactivity Disorder. – Washington: The Attention Deficit Disorder Association, 2006.
8. Children with deficit in attention, motor control and perception almost grown up: psychiatric personality disorders at age 16 years / L. Hellgren, I. C. Gillberg, A. Bagenholm [et al.] // *J. Child Psychology and psychiatry*. – 1994. – Vol. 35. – P. 1255 – 1271.
9. Политика, О. И. Мультимодальный подход в коррекции детей с СДВГ / О. И. Политика. – СПб.: Речь, 2005.
10. Депутат, И. С. Характеристика вербального интеллекта у детей младшего школьного возраста с СДВГ / И. С. Депутат, Л. Ф. Старцева, Ю. А. Иорданова // Альманах "Новые исследования". – М.: Вердана, 2009. – № 2(19).
11. Цветков, А. В. Гиперактивный ребёнок: развиваем саморегуляцию / А. В. Цветков. – М.: Спорт и культура-2000, 2012. – 104 с.
12. Лютова, Е. К. Шпаргалка для взрослых: психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми / Е. К. Лютова, Г. Б. Моница. – М.: Генезис, 2000. – 61 с.
13. Феоктистова, С. В. Психологические особенности гиперактивных детей младшего школьного возраста / С. В. Феоктистова // Альманах "Новые исследования". – М.: Вердана, 2009. – № 2(19).
14. Курдюкова, С. В. Формирование ориентировочной основы и контроля действия как метод коррекции СДВГ / С. В. Курдюкова, Ж. М. Глозман, М. В. Чибисова // Практическая нейропсихология. Помощь неуспевающим школьникам / под ред. Ж. М. Глозман. – М.: Эксмо, 2010.
15. Weinstein, C. S. Description of mothers with ADHD with children with ADHD / C. S. Weinstein, R. J. Apfel, S. R. Weinstein // *Psychiatry*. – 1998. – 61(1).
16. Белоусова, Е. Д. Синдром дефицита внимания/гиперактивности / Е. Д. Белоусова, М. Ю. Никанорова // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2000. – № 3.
17. Faraone, S. V. Neurobiology of attention deficit hyperactivity disorder / S. V. Faraone, J. Biederman // *Biol Psychiatry*. – 1998. – 44(10). – P. 951 – 958.
18. Kinsbourne, M. Genetic and biochemistry in attention deficit disorder / M. Kinsbourne, C. K. Deutsch // *Developmental psychopathology*, ed. by M. Lewis, S. Miller. – N.Y.: Plenum Press, 1990.
19. Zametkin, A. J. Cerebral glucose metabolism in adults with hyperactivity of childhood onset / A. J. Zametkin, T. E. Nordahl, M. Gross [et al.] // *The New England journal of Medicine*. – 1990. – Vol. 323. – P. 1361 – 1366.
20. Грибанов, А. В. Церебральное энергообеспечение у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности / А. В. Грибанов, А. Н. Подоплёкин, Д. Н. Подоплёкин // Альманах "Новые исследования". – М.: Вердана, 2009. – № 2(19).
21. Мачинская, Р. И. Междисциплинарный подход к исследованию и дифференциации вариантов СДВГ у детей младшего школьного возраста / Р. И. Мачинская, Е. В. Крупская // Вестник Поморского университета. – 2007. – №2(8).
22. Шевченко, Ю. С. Коррекция поведения детей с гиперактивностью и психопатоподобным синдромом / Ю. С. Шевченко. – М.: Вита-Пресс, 1997. – 52 с.
23. Школьная дезадаптация: психоневрологическое и нейропсихологическое исследование / Н. Н. Заваденко [и др.] // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 28 – 34.
24. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью у детей / А. В. Грибанов и др.; под ред. А. В. Грибанова. – М.: Академический проект, 2004. – 143 с.
25. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
26. Shallice, T. Execution functions profile in children with ADHD / T. Shallice, G. M. Marzocchi, S. Coser [et al.] // *Developmental neuropsychology*. – 2002. – 21(1). – P. 43 – 71.
27. Marzocchi, G. M. What are the causes of the attention deficits observed in children with dyslexia / G. M. Marzocchi, S. Ornaghi, S. Barboglio // *Child neuropsychology*. – 2009. – № 15. – P. 567 – 581.
28. Горячева, Т. Г. Нейропсихологические особенности психического развития детей с синдромом гиперактивности / Т. Г. Горячева, А. С. Султанова // В. М. Бехтерев и современная психология. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 91 – 100.
29. Wilmshurst, L. Attention deficit / Hyperactivity disorder / L. Wilmshurst // "Essentials of Child Psychopathology". – N.Y.: John Wiley & Sons, 2005. – Part 4.
30. Barkley, R. A. Attention deficit – hyperactivity disorder / R. A. Barkley // *Behavioral assessment of childhood disorders*, 2nd ed. – N.Y.: Guilford, 1988.
31. Weiss, M. D. A chart review study of the Inattentive and Combined Types of ADHD / M. D. Weiss, D. E. Worling, M. B. Wasdell // *Journal of Attention Disorders*. – 2003. – 7(1).

32. Гиперактивные дети: коррекция психомоторного развития / ред. М. Пассольт. – М.: Академия, 2004. – 160 с.
33. Голдберг, Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация / Э. Голдберг. – М.: Смысл, 2003. – 335 с.
34. Сухотина, Н. К. Современные подходы к терапии гиперкинетических расстройств у детей / Н. К. Сухотина, А. В. Красова // Журнал клинической и социальной психиатрии. – 2006. – № 2.
35. Досани, С. 52 способа преодоления дефицита внимания и гиперактивности у детей. Лечить или воспитывать? / С. Досани. – М.: Центрполиграф, 2010. – 221 с.
36. Опыт применения ноотропов при пограничных психических расстройствах у детей / Н. К. Сухотина [и др.] // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2004. – Т. 6. – № 6.
37. Shalev, L. Computerized Progressive attentional training (CPAT) program: effective direct intervention for children with ADHD / L. Shalev, Ye. Tsal, C. Mevorach // Child Neuropsychology. – 2007. – № 13(4). – P. 382 – 388.
38. Курдюкова, С. В. Внимание! Внимание! Развиваем внимание: игры и упражнения; советы специалиста / С. В. Курдюкова, А. В. Сунцова. – М.: Эксмо, 2010. – 80 с.
39. Сиротюк, А. Л. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Диагностика, коррекция и практические рекомендации родителям и педагогам / А. Л. Сиротюк. – М.: ТЦ Сфера, 2002. – 128 с.
40. Выготский, Л. С. Детская психология / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984.

Информация об авторах:

Глозман Жанна Марковна – доктор психологических наук, профессор МГУ, ведущий научный сотрудник лаборатории нейropsychологии факультета психологии МГУ им. Ломоносова, glozman@mail.ru.

Zhanna M. Glozman – Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University; Leading Researcher at the Neuropsychological Laboratory of the Faculty of Psychology, Moscow State University.

Шевченко Ирина Александровна – аспирант, нейropsychолог научно-исследовательского Центра детской нейropsychологии, Москва, 8 (916) 926-05-66, irinanebogatykh@yandex.ru.

Irina A. Shevchenko – post-graduate student, neuropsychologist at the Research Center of Developmental Neuropsychology, Moscow.

УДК 159.9.072

РАЗРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИИ СРЕДНЕГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА

М. М. Горбатова

DEVELOPMENT AND USE OF COMPETENCY MODEL OF INDUSTRIAL UNITS' MIDDLE MANAGEMENT FOR FORMING PERSONNEL RESERVE

M. M. Gorbatova

Настоящая статья посвящена описанию опыта формирования кадрового резерва среднего менеджмента производственных подразделений на основе компетентностного подхода с использованием и адаптацией существующей модели компетенций высшего менеджмента. В статье представлен порядок разработки и адаптации модели компетенций среднего менеджмента.

The paper describes the experience of forming personnel reserve of industrial units' middle management within the competence-based approach by using and adapting the existing competency model of senior management. The article presents the procedure for developing and adapting a competency model of middle management.

Ключевые слова: компетенции, кадровый резерв, Ассессмент-центр, оценка компетенций.

Keywords: competence, talent pool, Assessment center, competency assessment.

Необходимым и основополагающим условием зачисления работника в кадровый резерв является оценка кандидатов.

Основная цель оценки управленческого потенциала при зачислении в кадровый резерв заключается в определении степени соответствия личных качеств, способностей, навыков и знаний кандидата требованиям к зачислению в резерв, а также готовности кандидата к развитию.

Для определения степени соответствия кандидата предъявляемым требованиям, эти требования должны быть сформулированы в виде некоторых поддающихся измерению характеристик, предполагающих наиболее точное обозначение необходимых и достаточных требований для включения кандидата в кадровый резерв. В качестве таких характеристик в применяемом нами компетентностном подходе используются так называемые компетенции, совокупность которых образует компетентностную модель требований и ос-

нований для зачисления в резерв, по-другому, модель компетенций [3].

Таким образом, формирование модели компетенции является первым этапом формирования кадрового резерва.

Являясь стержневым элементом системы управления кадровым резервом, модель компетенций руководителей должна обеспечивать реализацию известного в теории менеджмента принципа единства функционального содержания управленческой деятельности вне зависимости от уровня управления [1]. Это может быть достигнуто посредством сохранения преемственности требований к руководителям уровней среднего и высшего менеджмента в виде единой модели компетенций руководителей.

Единая модель компетенций, используемая в качестве основы для определения требований к руководителям всех уровней управления, будет способствовать системности и последовательности карьерного роста работников.

В качестве основы для построения единой модели компетенций менеджмента всех уровней предлагается использовать существующую на предприятии модель компетенций, уже применяемую для оценки управленческого потенциала кадрового резерва на должности высших менеджеров.

При сохранении общей структуры модели, для ее применения при оценке среднего менеджмента, модель требует корректировки. В нашем исследовании для корректировки модели компетенций мы выполнили следующие шаги.

1. Сравнительный анализ существующих моделей компетенций высшего и среднего менеджмента

Структура модели компетенций топ-менеджмента в значительно большей степени соответствовала содержанию управленческой деятельности (традиционно выделяемые управленческие функции – планирование, организация, мотивация, контроль). Модель компетенций среднего менеджмента содержала исполнительские компетенции, «не критичные» для руководителя – своевременность выполнения работы, нормативность, компьютерная грамотность, и, при этом, не содержат некоторых необходимых руководителю компетенций, например, «управление людьми». Таким образом, набор компетенций, содержащийся в модели топ-менеджмента в большей степени соответствует требованиям, предъявляемым к управленческой деятельности.

2. Изучение внутренних регламентирующих документов предприятия

В нашем исследовании мы проанализировали следующие документы: стратегия развития, положения о подразделениях, должностные инструкции, регламенты распределения функциональных обязанностей и прочие регламентирующие документы предприятия и его филиалов.

Результаты анализа показали, что содержание управленческих функций руководителей, относящихся к среднему менеджменту (начальник цеха, заместитель начальника цеха, начальник отдела, заместитель начальника отдела) отражают классическое

содержание управленческих функций, сопоставимое с функциями высшего менеджмента, но реализуемое на более низком уровне сложности и масштабности решаемых управленческих задач.

3. Собственно корректировка модели компетенций

Была проведена разработка стандартов по всем компетенциям в соответствии с требованиями к управленческим навыкам и качествам среднего менеджмента производственных подразделений. Произведено шкалирование компетенций, описание характеристик каждого уровня.

4. Экспертиза модели компетенций при помощи экспертного интервью

Проведена серия экспертных интервью с руководителями различных управленческих уровней предприятия. В ходе интервью нами были собраны экспертные оценки структуры модели, содержательного наполнения компетенций и их соответствие специфике управленческой деятельности руководителей среднего звена производственных подразделений. В качестве экспертов выступили руководители, рекомендованные Департаментом по управлению персоналом предприятия.

Основные результаты экспертных интервью:

- получена общая характеристика содержания управленческой деятельности руководителей среднего звена и требований предъявляемых к ней;
- составлена иерархия значимости компетенций, исходя из значимости соответствующих требований к среднему менеджменту;
- уточнены и внесены коррективы в содержательное наполнение каждой компетенции.

Таким образом, с учетом предложений, структура разрабатываемой модели компетенций всеми экспертами признана соответствующей реальным требованиям, предъявляемым на предприятии к среднему менеджменту.

Описание модели компетенций среднего менеджмента производственных подразделений

Набор компетенций в модели среднего менеджмента повторяет набор компетенций в существующей модели топ-менеджмента, что обеспечивает преемственность требований к руководителям обоих уровней. Содержательное наполнение компетенций было несколько изменено в соответствии с рекомендациями экспертов.

При сохранении структурного единообразия моделей компетенций среднего и высшего менеджмента предприятия, существует необходимость модификации шкалы измерения выраженности компетенций для среднего менеджмента, и соответственно определения нормативных значений для зачисления в кадровый резерв поскольку оценка кандидатов по той же шкале неизбежно приведет, с одной стороны, к использованию высоких значений шкалы, с другой – к необоснованно завышенным требованиям к развитию управленческих компетенций кандидатов в кадровый резерв на должности руководителей среднего звена управления.

Шкала измерения уровней выраженности компетенций среднего менеджмента модифицирована методом смещения шкалы на 1 уровень вверх с отсеканием верхнего уровня и добавлением нижнего уровня, таким образом, сохранена 4-уровневой системы оценки компетенций.

Шкала уровней компетенций, используемая для высшего менеджмента, предполагает на 1-м (нижнем) уровне слабую выраженность или отсутствие компетенции. При добавлении нижнего уровня в шкалу оценки среднего менеджмента 1-й уровень модели высшего менеджмента был разделен на 2 уровня:

– слабая выраженность компетенции – «Компетенция не проявляется при решении сложных типовых задач. Компетенция проявляется периодически при решении простых типовых задач» (образует 2-й уровень в модели среднего менеджмента);

– отсутствие компетенции – «Компетенция не проявляется» (образует 1-й уровень в модели среднего менеджмента).

Характеристики уровней компетенций приведены в таблице 1.

Описание компетенции по уровням приводятся на примере компетенции «Анализ информации» (прим. автора: стандарт компании «Формирование и развитие кадрового резерва руководителей среднего звена» [Рукопись]: производственный документ / «Консалтинговая группа ИНТЕЛКОМ» – принят 14.10.2008 г. – Кемерово. – 10 с.).

Таблица 1

Характеристики уровней компетенций

Уровень	Описательная характеристика уровней компетенций
4	Компетенция проявляется систематически при решении сложных типовых задач.
3	Компетенция проявляется систематически при решении простых типовых задач.
2	Компетенция не проявляется при решении сложных типовых задач. Компетенция проявляется периодически при решении простых типовых задач.
1	Компетенция не проявляется.

Компетенция: анализ информации – способность продуктивно работать с информацией и находить наиболее эффективные решения на основе анализа.

При оценке данной компетенции основополагающими являются следующие характеристики: системность мышления, динамичность мышления, гибкость мышления.

Описание поведенческих проявлений компетенции «Анализ информации» представляется по уровням.

Уровень 4. Поведенческие проявления: продуктивно работает со сложными типовыми задачами, в том числе, когда информация представлена в нестандартном виде. Предлагает варианты решений, выбирает оптимальный из них, способен к прогнозированию развития событий и решению новых, не встречавшихся ранее в деятельности, задач. Легко

структурирует большие объемы информации в зависимости от конкретной задачи, оперирует информацией на разных уровнях обобщения. Способен к глубокому анализу информации.

Уровень 3. Поведенческие проявления: эффективно решает известные и типовые задачи. Самостоятельно определяет алгоритм решения. Может упускать некоторые детали при работе с большими объемами информации. Легко переключается с одного типа задач на другой. Способен решать достаточно сложные задачи, требующие способностей к обобщению. Хорошие аналитические способности.

Уровень 2. Поведенческие проявления: эффективно решает простые и известные из прошлого опыта задачи с ограниченным количеством условий и известным алгоритмом действия. Может упускать или искажать информацию. Требуется некоторое время на переключение между разнотипными задачами. Затрудняется быстро структурировать разнородную информацию, быстро утомляется от анализа большого объема информации. Навыки работы с управленческой информацией развиты недостаточно. Плохо понимает, что является предметом анализа в управленческой деятельности.

Уровень 1. Поведенческие проявления: кандидат существенно затрудняется с решением типовых задач, нуждается в детальном инструктировании и проверке понимания, затрачивает большое количество времени на их решение. Не способен одновременно анализировать несколько факторов и условий, излишне фокусируется на деталях, затрудняется выделять главное, упускает значимую для результата информацию. Выраженная практическая ориентированность мышления, слабо развитые аналитические способности.

Вторым этапом формирования кадрового резерва является оценка уровня развития компетенций у кандидатов в кадровый резерв. Управленческая компетенция – это набор управленческих навыков и качеств, требуемых для выполнения конкретной управленческой функции или вида управленческой деятельности, объединенных одним названием. Для оценки общего уровня развития компетенции у руководителя необходимо оценить:

1. Уровень развития входящих в состав компетенции деловых и личных качеств, т. е. психологические основания развития компетенции.

2. Актуальный уровень развития входящих в состав компетенции навыков, а также способность их применять в практике управленческой работы, т. е. собственно выраженность компетенции.

В качестве методики оценки использовалась модифицированная процедура Ассессмент-центра. Выбор методики обусловлен контингентом оцениваемых – уровень руководителей, подлежащих оценке, можно оценить как промежуточный между средним и низким звеном. Стандартная процедура Ассессмент-центра используется для оценки руководителей высшего и среднего звена и представляется здесь избыточной. При этом оценка проводится в кадровый резерв на должности среднего звена (уровень начальника цеха) и требует изучения навыков управления, умения работать в команде и других качеств, которые трудно объективно оценить с использованием обыч-

ной психологической диагностики. В связи с этим, оптимальной методикой оценки является модифицированная процедура Ассессмент-центра, специально разработанная для оценки кандидатов в кадровый резерв на должности руководителей среднего звена управления [2].

При модификации основные принципы процедуры Ассессмент-центра сохранены:

- каждая компетенция оценивается не менее чем тремя методами, включающими как психологическое тестирование, так и моделирование управленческих ситуаций;

- компетенции каждого участника в ходе процедуры оцениваются не менее чем тремя специалистами. Оценивание проводится по разработанным единым принципам;

- заключение по результатам оценки согласуется не менее чем тремя экспертами.

Изменение процедуры Ассессмент-центра проводилось в пользу уменьшения общего количества упражнений с сокращением продолжительности процедуры с 10-ти до 8-ми часов. Оценка проводилась в группах из 12 – 16 участников в течение одного дня.

Процедура включала в себя психологическое тестирование, интервьюирование, организационный тест и специальные упражнения (публичное выступление, групповое принятие решений). Методы и методики, используемые в процедуре оценки, описаны на примере компетенции «Анализ информации». Оценка проводилась с использованием психологического тестирования (прогрессивные матрицы Равена, ММРІ, 16-факторный личностный опросник, проективные методики), наблюдения (отслеживание поведенческих проявлений навыков анализа информации), интервью (диагностика когнитивного стиля), организационного теста.

Таким образом, каждая компетенция имела возможность быть проявленной участниками как минимум в трех процедурах, причем относящихся к разным группам методов исследования. Кроме того, поведение каждого участника в процессе оценки отслеживалось перекрестно всеми специалистами-экспертами.

Оценки по каждой компетенции выставлялись на основании согласованного мнения всех специалистов-экспертов. Согласование происходило на специально организуемой по окончании каждой оценки интеграционной сессии. При выставлении оценок, если актуальная выраженность компетенции оцениваемого не соответствует в полной мере требованиям, предъявляемым к тому или иному уровню выраженности компетенции, допускается выставление оценок 1,5, 2,5 и 3,5 балла.

На интеграционной сессии также согласуются заключения по каждому участнику, включающие следующие компоненты:

- балльные оценки по всем компетенциям;
- категория, к которой отнесен оцениваемый по результатам оценки;
- прогноз коррекции при несоответствии уровня развития одной или более компетенций требованиям стандарта;
- характеристика готовности к развитию;

- характеристика трудовой мотивации;
- психологическая характеристика качеств, соответствующих требованиям стандарта;
- психологическая характеристика качеств, не соответствующих требованиям и подлежащих коррекции;
- психологическая характеристика качеств, не соответствующих требованиям и не подлежащих коррекции.

Основным результатом оценки кандидатов в кадровый резерв являлось отнесение кандидата к одной из трех категорий и определялось по следующим основаниям:

1. Соответствие балльных оценок по каждой компетенции нормативным значениям требований для включения в резерв. Модель компетенций разработана специально для оценки в кадровый резерв на должности руководителей среднего менеджмента. Уровни развития компетенций шкалированы по каждой компетенции от **1 до 4 баллов** с шагом в **0,5 балла**. **Нормативные значения для зачисления в кадровый резерв** имеют допуск в пределах от **2 до 3,5 баллов**. Зачисление кандидата в кадровый резерв предполагает определенный период подготовки резервиста к занятию должности – ориентировочно один год. За год систематизированной подготовки при выполнении индивидуального плана развития резервист способен развить недостающие компетенции. При превышении показателей, выявленных в ходе оценки, верхней границы нормативных значений (**3,5 балла**), кандидат не рекомендуется в кадровый резерв в силу готовности выполнять управленческие функции в должности руководителя среднего звена управления. Если выявленные показатели сформированности компетенций оцениваются, ниже **2 баллов**, кандидат также не рекомендуется к зачислению в кадровый резерв в силу нецелесообразности.

2. Прогноз коррекции недостаточно развитых компетенций. При наличии оценок компетенций у кандидата, не превышающих предельное отклонение от нормативных значений, выполняется прогноз коррекции этих отклонений. Прогноз осуществляется на основании психологической экспертизы личностных качеств кандидата, имеющих отношение к формированию психологической готовности и способности к развитию. Процедура и механизм определения прогноза коррекции основывается на теории и методологии психологической диагностики готовности к развитию и выполняется экспертами, проводящими оценку.

Таким образом, на основании анализа и сравнения результатов, полученных в ходе оценки нормативных значений доля зачисления в кадровый резерв, кандидаты были отнесены к одной из трех категорий:

Категория 1. Рекомендовано служебное продвижение без включения в кадровый резерв. Кандидаты, отнесенные к Категории 1, обладают высоким уровнем развития компетенций, соответствующим требованиям к среднему менеджменту, что обеспечивает готовность к занятию должностей среднего менеджмента и не требует дополнительного развития компетенций.

Категория 2. Рекомендовано зачислить в состав кадрового резерва сроком на один год и повторной оценкой после выполнения индивидуального плана развития. Кандидаты, отнесенные к Категории 2, характеризуются недостаточным для занятия должностей среднего менеджмента актуальным уровнем развития компетенций, но имеют необходимый потенциал его повышения, который подлежит развитию в ходе выполнения индивидуального плана развития. Также необходимое условие отнесения к Категории 2 – положительный прогноз коррекции недостающих компетенций, определяемый на основании индивидуальных психологических особенностей кандидата и характеристик его трудовой мотивации.

Категория 3. Рекомендовано не зачислять в состав кадрового резерва. Кандидаты, отнесенные к Категории 3, характеризуются недостаточным для занятия должностей среднего менеджмента актуальным уровнем развития компетенций, не имеют необходимого потенциала его повышения и (или) характеризуются недостаточными способностями к обучению.

По каждому прошедшему оценку кандидату было подготовлено письменное заключение, содержащее: балльные оценки компетенций, текстовое описание

компетенций и лежащих в их основе индивидуально-психологических качеств, характеристику готовности кандидата к обучению и присвоенную категорию с рекомендацией в отношении зачисления в кадровый резерв. Для каждого кандидата, рекомендованного к зачислению в кадровый резерв, был разработан индивидуальный план развития. После подготовки заключения каждый участник оценки имел возможность получить «обратную связь» в процессе индивидуальных установочных сессий. Кандидаты, рекомендованные к включению в резерв, имели возможность не только ознакомиться с индивидуальными результатами оценки, но и обсудить с экспертом возможные варианты дальнейшего профессионального развития – согласовать индивидуальный план развития. Заказчику (первому руководителю) по итогам проекта был представлен отчет с индивидуальными результатами, рекомендуемые индивидуальные планы развития резервистов, стандарт, регламентирующий процесс формирования и развития кадрового резерва руководителей среднего звена, а также итоговый отчет, содержащий общую характеристику кандидатов в кадровый резерв и рекомендации по текущей ситуации с кадровым резервом и кадровым перемещениям.

Литература

1. Базаров, Т. Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие / Т. Ю. Базаров. – М.: КНОРУС, 2011. – 304 с.
2. Постнеклассическая практическая психология: региональный опыт: коллективная монография / под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. – Тернополь: Навчальна книга-Богдан, 2011. – 366 с.
3. Уиддет, С. Руководство по компетенциям / С. Уидд, С. Холлифорд. – М., 2003. – 105 с.

Информация об авторе:

Горбатова Марианна Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ.

Marianna M. Gorbatova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

УДК 316.3

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ

Е. Ю. Забалова

GENESIS OF THE FOSTER FAMILY INSTITUTION

E. Yu. Zabalova

Статья посвящена практике призерения осиротевших детей в России на разных этапах исторического развития общества. Приводится краткое описание истории призерения в России, выделено несколько этапов становления изучаемого института, на каждом из которых он приобретал те или иные особенности. Изучение генезиса института приемной семьи строится на тщательном учете конкретной социокультурной ситуации в каждый исследуемый период истории России. Данный подход позволяет установить связь между теорией и историей. Развитие приемной семьи, максимальная реализация потенциала этой формы воспитания невозможны без ее глубокого и всестороннего анализа.

The paper is devoted to the practice of fostering orphaned children in Russia at different stages of historical development. The paper addresses a brief description of the history of charity in Russia, several stages of the studied institution's formation are discussed, each adding certain characteristics. The study of the genesis of foster care is based on careful consideration of the specific social and cultural situation in each studied period of Russian history. This ap-

proach allows us to establish a link between theory and history. The development of the foster family, and maximizing the potential of this form of education are not possible without its deep and comprehensive analysis.

Ключевые слова: приемная семья, признание, опека, патронаж, беспризорность.

Keywords: foster family, charity, care, patronage, homelessness.

Для осмысления сущности понятия приемной семьи на современном этапе, целесообразно обратиться к практике признания осиротевших детей в России на разных этапах исторического развития общества.

Исторический метод исследования включает в себя изучение возникновения данного института, тенденций и закономерностей его последующей эволюции в аспекте как прошлого, так и будущего, анализ современного состояния объекта с точки зрения предшествующих этапов его становления. Постигание накопленного опыта деятельности приемной семьи является основой для получения истинных знаний о ее современном состоянии. Осмысление генезиса института приемной семьи должно строиться на тщательном учете конкретной социокультурной ситуации в каждый исследуемый период истории России. Данный подход позволяет установить связь между теорией и историей.

Для начала обратимся к дохристианскому миру, где можно отметить повсеместное распространение детоубийства, подкидывание детей, продажа их в рабство. Все эти деяния в те времена не только допускались, но во многих случаях даже требовались законом. Причин такого явления было много:

- во-первых, сам взгляд общества на ребенка, которого оно не признавало самостоятельной личностью, а лишь вещь, составляющую полную собственность отца;
- во-вторых, политеизм, с его суевериями и предрассудками, распространяемыми жрецами среди народа;
- в-третьих, неясное понимание политико-экономических законов, в силу чего, даже в наше время, размножение народа считается экономическим несчастьем;
- в-четвертых, бедность народа и трудность прокормления многочисленного потомства.

Итак, в древнем мире с его взглядами на ребенка, как на вещь, принадлежащую исключительно отцу, не могло быть и речи о каком-либо признании беспризорных детей, и действительно, в исторических памятниках этой эпохи не дошло до нас даже намек на него. Большой переворот в воззрениях на ребенка произвело христианство; церковь проповедующая милосердие и сострадание должна была принять под свою защиту лишенных крова детей. Уже первые христианские общины образовали особый фонд для помощи бедным сиротам и подкидышам. Многие женщины посвящали себя служению детям, которых они собирали на улицах, крестили и воспитывали. Этим вопросом занимались и многие церковные соборы. В первые века христианства признание подкидышей всецело лежало на церкви и ее служителях, по добровольному их согласию. Светская власть ограничивалась лишь мерами стремящимися ограничить лишение детей крова. Константин Великий, под влиянием сострадания к подкидышам, разрешил в Италии

в 315 году воспитывать детей на беднейших родителей за счет государственной и своей личной казны, но уже в 329 г. был вынужден отменить это распоряжение, в виду крайнего отягощения государственной казны.

Все существовавшие способы признания беспризорных детей можно разделить на четыре главные системы:

- 1) протестантская система;
- 2) признание в воспитательных домах;
- 3) Жозефинский способ признания;
- 4) признание на дому, т. е. у матерей.

Протестантская система характеризуется тем, что в ней обязанность признания ребенка возложена на родителей и родственников в том порядке, что если мать не в состоянии содержать ребенка, то содержать его должен отец, если отец не в силах, то родители матери, а потом родители отца. Тогда когда все эти родственники не в состоянии взять ребенка, то обязанность признания переходит на общину.

Признание в воспитательных домах практикуется во Франции, Италии, Испании, Бельгии и в России. В общем, оно состоит в том, что детей принимают на попечение до 21 года, иногда до 8 – 12 лет; дети поступают на более или менее продолжительное время в центральное заведение, откуда раздаются частным лицам на воспитание, за известную плату.

Жозефинский способ признания, по существу, есть признание в воспитательных домах с открытым приемом и последующее раздачей детей на воспитание в частные семьи. Оно отличается тем, что признание детей допускается лишь в том случае, если оно оплачивается трудом матери, поступающей в дом кормилицей на определенный срок или денежным взносом.

Признание детей на дому при правильной постановке дела может быть признана идеальной по ряду преимуществ – так как она:

- 1) уменьшает смертность детей до минимума, которое сложно достичь даже в хороших воспитательных домах;
- 2) не ослабляет, а укрепляет связь между ребенком и матерью;
- 3) обходится несравненно дешевле любой другой системы признания, уже по одному тому, что признание ребенка продолжается менее продолжительное время, чем при других способах.

Закончив с очерком различных систем признания, перейдем к краткому описанию истории признания в России.

В современной литературе выделяют следующие периоды в становлении и развитии отечественной системы социального признания:

- 1) церковный (X – XVII вв.);
- 2) полицейский (конец XVII – начало XVIII вв.);
- 3) просвещенного абсолютизма (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.);

4) земский (вторая половина XIX – начало XX вв.) [6, с. 144].

Поскольку становление института приемной семьи предполагает целенаправленную и организованную деятельность, направленную на выявление, учет и устройство детей, оставшихся без попечения родителей, то в «церковный период» зарождения института приемной семьи не могло быть, так как защита сирот носила скорее стихийный характер и зависела от личной инициативы и сострадания конкретных лиц. Крещение Руси в конце X в. и распространение христианских ценностей внесли изменения в традиционную систему отношений к нищим и страждущим, к детям, остающимся без родителей.

Анализ первых русских источников права позволяет установить некоторые особенности воспитания сирот. Согласно Русской Правде [7, с. 64], древнейшая редакция которой относится к 1054 г., опекуном для несовершеннолетних назначался близкий родственник, которому передавалось «пред людьми» имущество опекаемых (ст. 99). Опека осуществлялась до наступления такого момента, когда дети «возмогут сами собою печаловати». Здесь речь скорее идет об имущественных отношениях, хотя содержание приведенных норм свидетельствует о том, что родственники или члены общины умерших родителей брали сирот в свои семьи на воспитание из моральных побуждений. Эта древнейшая форма воспитания близка по своей сути к современным институтам усыновления и опеки. Великий князь Владимир I поручал общественное призрение, в том числе и помощь сиротам, попечению и надзору духовенства (996 г.), заботился о прокормлении сирот, сам подавал милостыню. Великий князь Ярослав учредил сиротское училище, в котором призревались и обучались 300 юношей [4, с. 89]. В середине XVII века впервые создаются приказы общественного призрения, ведавшие делами «сирых и убогих», и открываются специальные дома для безродных сирот, где их обучали грамоте и ремеслам – наукам, которые «во всяких случаях нужны и потребны» [3, с. 55]. Однако эти усилия не носили системного характера, и не могли повлиять на отчуждение общества от сирот, что обуславливало высокий уровень детоубийств, особенно детоубийств незаконнорожденных детей. Конец данному периоду был положен во многом благодаря позиции Петра I, для которого от сохранения жизни любого ребенка зависела многочисленность армии. Это во многом предопределило государственную позицию в отношении «лишних» детей. Согласно петровским указам проводилась борьба с детоубийством, устраивались «дома призрения», куда «лишний» ребенок приносился тайно, по образцу Европы XI – XII вв. Царствование Петра I можно отнести к началу институционализации государственной политики в области защиты детей, лишившихся заботы кровных родителей. В столице и других городах начали открываться госпитали и богадельни для незаконнорожденных, которые содержались за счет городских доходов, а также же пожертвований.

Следующий этап в становлении призрения детей в России связан с именем Екатерины II. Екатерина II продолжила начатую при Петре I традицию отдавать

ослабленных и больных детей на воспитание по деревням, в монастыри, помещикам, в сельские общины, где сироты содержались до 7 лет, затем посылались в школу для обучения мастерству соответственно полу, то есть девочек – в услужение, мальчиков – в мастерские. В годы правления Екатерины Великой воспитательные дома и приюты были причислены к государственным учреждениям. Развитие сети сиротских учреждений в это время идет по трем направлениям: общественная помощь силами благотворителей; помощь церкви; становление государственной системы учреждений. 5 мая 1764 г. императрица Екатерина II обнародовала Указ правительственному Сенату о создании в Санкт-Петербурге Воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт). Цель данного учебного заведения – вырастить новую человеческую породу. Если первоначально принимались девицы, имеющие родителей, то постепенно в Смольном стали воспитываться полные сироты или полусироты (не имеющие отца) из числа дворян. В годы ее царствования также были открыты Императорский воспитательный дом в Москве (21 апреля 1764 года можно считать днем рождения учреждений для сирот) и Воспитательный дом в Петербурге (март 1770 года). Во многих губернских и уездных городах и даже в селах, местные деятели, также устраивали в дома под покровительством Московского дома, составляющие собой его филиальные отделения. Такие дома были устроены в Петербурге (1753 в частном доме Строганова), Оренбурге (1766), Новгороде (1766), Смоленске (1767), Чебоксарах (1768), Коломне (1764). При воспитательных домах имелись структуры, занимающиеся подготовкой воспитанников к жизни вне учреждения: фельдшерская, земледельческая и др. школы. Устанавливается и тайный прием детей без проверки удостоверений личности приносящих [2, с. 45]. Этим фактически означало, что воспитательные дома открываются не только для рожденных вне брака, но и для детей из неблагополучных семей.

В первой половине XIX в. приоритет передачи сирот в крестьянские семьи по отношению к воспитанию в закрытых учреждениях был законодательно закреплён. Патронаж стал неотъемлемым элементом государственной системы призрения детей, оставшихся без попечения родителей. Реформы 1860 – 1870 гг. дали новый импульс развитию системы призрения детей в России. Институт приемной семьи претерпел изменения и получил широкое распространение после того, как функции «попечения о сирых и увечных» были переданы земствам. С введением земств начался новый этап становления общественного призрения. К концу 70-х годов XIX в. губернские и уездные земства были образованы в 34-х губерниях Европейской России и в Области войска Донского. Эти органы непосредственно соприкасались с жизнью местного населения, знали его нужды и проблемы. Земства внесли значительный вклад в развитие этой сферы, а также в совершенствование системы здравоохранения, народного просвещения, и т. д. [1, с. 31].

Передача детей на патронаж позволяла заменить ребенку семью, оставшемуся без попечения родителей, создать максимально сходные условия воспита-

ния и социализации сирот и детей, имеющих родителей. Крестьянские семьи становились, тем самым, элементом приютской воспитательной системы, задача которого состояла в том, чтобы подготовить питомцев к самостоятельной жизни. Таким образом, основной формой земской защиты детей, оставшихся без попечения родителей, стала именно приютско-патронажная система.

На рубеже XIX – XX вв. широко обсуждались совершенствование патронажа и устранения имевшихся недостатков в этой сфере. Так, в 1910 и 1914 гг. состоялись два Всероссийских съезда по общественному и частному призрению, в которых принимали участие представители земств, частные благотворители. На них был поднят целый ряд вопросов, в том числе и педагогического характера о постановке воспитания и обучения детей-сирот. Предлагалось, в частности, распространить призрение не только на грудных младенцев, но и на детей других возрастов, применять различные поощрения приемных родителей открывать общества покровительства покинутых детей в крупных городах и т. д. Подобные съезды проводились на фоне возрастания интереса к данным проблемам на международном уровне. Результатом такого широкого обсуждения и анализа сложившейся практики стали важнейшие выводы земских деятелей о незаменимости семейного воспитания детей, о том, что приют должен служить только временным пребыванием для подкинутых детей, лишенных родителей. Обобщая опыт коллег, М. Ошанин писал: «Для нас представляется совершенно ясным и бесспорным, что задача земства разделяется на две части, равные по значению и одна немыслима без другой: первая – сохранить жизнь ребенка, а вторая – дать ему семью. Если первую часть оказывается возможным удовлетворительно разрешить рациональным приютским содержанием в первые месяцы жизни ребенка, то решение второй надо искать в области создания разумного патронажа» [5, с. 77]. При этом указывалось, что усыновление является наилучшим способом призрения, однако его добровольный и безвозмездный характер не позволяет устраивать в семьи всех нуждающихся детей, как это возможно при применении системы патронажа. Эти выводы актуальны и в современный период. На данном этапе оценка деятельности института приемной семьи может быть неоднозначной, так как процесс его становления носил стихийный характер. Однако дальнейшее развитие и совершенствование института приемной семьи в России был прерван историческими событиями.

Победа Октябрьской социалистической революции установила «диктатуру пролетариата», произвела кардинальные изменения в государственном и социальном строе России. Это затронуло все сферы общественных отношений, в том числе систему защиты детей-сирот. Функции защиты всех несовершеннолетних детей легло на Нарком государственного призрения в ведение которого переходили все приюты, колонии, сиротские дома и другие учреждения по призрению и охране несовершеннолетних детей. Все они были реорганизованы в государственные детские дома. Тем самым, вся система органов и вся деятельность по защите детей была сконцентрирована

исключительно в руках государства. В соответствии с новой идеологией, ответственность за призрение малолетних должна была полностью перейти к государству. Получив власть, большевики сломали уже существующую систему общественной благотворительности. В условиях тяжелой внутренней и внешней обстановки в стране, режима «военного коммунизма» возрастание роли детских учреждений в деле защиты детей, оставшихся без попечения родителей, вполне закономерно. Только таким образом, возможно было установить контроль над ситуацией. Детский дом, как одна из форм государственного попечения о детях, был признан лучшим типом воспитательно-образовательного учреждения уже к середине 1930-х годов. Только созданием детских домов разрешить проблему сиротства было невозможно. Вновь стали возрождаться семейные формы воспитания беспризорных детей. Через восемь лет после отмены института усыновления Новый Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. [8], восстановил институт усыновления. Фактически, это означало восстановление института патронажа. Патронат воспроизводил ранее упраздненный дореволюционный институт семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Институт приемной семьи перестал носить исключительно крестьянский характер. Городские жители наделялись правом принимать детей на воспитание наравне с крестьянами.

Оформление института патроната произошло в связи с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1936 г. «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» [9]. Во-первых, была устранена разница между городскими и сельскими семьями, участвовавшими в патронатном воспитании. Во-вторых, были четко сформулированы основные правовые отличия патроната от опеки (попечительства) и усыновления. В-третьих, срок, на который создавалась приемная семья на условиях патроната, мог быть любым, но не менее 3 лет. Также как и при опеке (попечительстве) он ограничивался только совершеннолетием приемного ребенка.

Таким образом, в период с 1917 по 1996 гг. институт приемной семьи активно развивался и к концу XX в. стал неотъемлемой частью российской системы форм защиты и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Мы выделили несколько этапов становления изучаемого института, на каждом из которых он приобретал те или иные особенности. Первый этап охватывает период с 1924 по 1969 годы. Идеологическая доктрина об отмирании семьи и возложении всех обязанностей по воспитанию на государство, послужившая основанием для упразднения приютско-патронажной системы в ходе Октябрьской революции, обнаружила свою несостоятельность в условиях массовой беспризорности. Изменение государственной политики выразилось в возрождении семейных форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Советский патронат отличался от дореволюционного тем, что он допускал устройство в семьи (как деревенские, так и городские) детей любого возраста (до 14 лет), относившихся к категории «оставшихся без родителей». Деятельность по выявлению и устройству детей была сосредоточена в ру-

ках государства. Это позволило осуществить детальную правовую регламентацию деятельности органов, работавших с патронатными семьями, способствовало унификации практики и устранению различных злоупотреблений. Основанием ее ликвидации всегда являлось изменение государственной политики в области защиты детей, оставшихся без попечения роди-

телей. Сказывалась также практически полная неизученность рассматриваемой формы воспитания. Последнее обстоятельство приводит к выводу, что дальнейшее развитие приемной семьи, максимальная реализация потенциала этой формы воспитания невозможны без ее глубокого и всестороннего анализа.

Литература

1. Грот, К. К. Некоторые данные о состоянии общественного призрения в России за 1891 г. / К. К. Грот // Антология социальной работы. – М., 1995. – Т. 1. – 31 с.
2. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб, 1999. – Т. 1. – 184 с.
3. Максимов, Е. Д. Начало государственного призрения в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – СПб., 1901. – № 1. – 41 с.
4. Нечаева, А. М. Охрана детей-сирот в России: история и современность / А. М. Нечаева. – М., 1994. – 176 с.
5. Ошанин, М. О призрении покинутых детей / М. О. Ошанин. – Ярославль, 1912. – 283 с.
6. Чернецов, Н. Н. Генезис и эволюция социального призрения в России X – XIX века: дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Чернецов. – М., 1996. – 181 с.
7. Чистякова, О. И. Русская Правда / О. И. Чистякова // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. – М., 1993. – Т. 1. – 73 с.
8. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР: от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 611.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР: от 1 апреля 1936 г. «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» // СУ РСФСР. – 1936. – № 9. – Ст. 49.

Информация об авторе:

Забалова Екатерина Юрьевна – аспирантка кафедры социологии и социальной работы Иркутского государственного технического университета, 89041118855, zabak13@mail.ru.

Ekaterina Yu. Zabalova – post-graduate student at the Department of Social Science and Social Work, Irkutsk State Technical University.

УДК 159.9:316.356.2

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РЕБЕНКА, ВОСПИТЫВАЮЩЕГОСЯ В СЕМЬЕ ПОВТОРНОГО БРАКА В. В. Колотилина

SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE CHILD BROUGHT UP IN THE REMARRIED FAMILY V. V. Kolotilina

В статье рассматриваются: проблема субъективного благополучия ребенка, различные модели субъективного благополучия, тип семейного воспитания в семьях повторного брака, излагаются результаты сравнительного исследования субъективного благополучия ребенка в семьях с разным стажем совместного проживания в повторном браке.

The paper addresses the problem of subjective well-being of the child, various models of subjective well-being, and the type of family education in remarried families. The results of comparative research of the child's subjective well-being in remarried families with different experiences of cohabitation are discussed.

Ключевые слова: субъективное благополучие, модели субъективного благополучия, воспитание, семьи повторного брака.

Keywords: subjective well-being of the individual, models of subjective well-being, education, remarried family.

О природе и проблеме субъективного благополучия личности писали разные авторы, как в зарубежной, так и в отечественной психологии, хотя проблема

эта приобретает свою актуальность именно в последнее время.

Говоря о субъективном благополучии, авторы обращают особое внимание на характер установления

субъектом связей между отражаемыми оценочными характеристиками внешних объектов и явлений и характеристик внутреннего мира.

Так, Р. М. Шамионов определяет субъективное благополучие как собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности [15].

В общем и целом понимание субъективного благополучия личности сводится к следующим основным категориям:

1) степени соответствия системе ценностей, принятой в данной культуре. Благополучным ощущает себя человек, обладающий социально желательными качествами;

2) удовлетворенности жизнью;

3) обыденному пониманию счастья как превосходства положительных эмоций над отрицательными.

Субъективное благополучие личности разные авторы связывают с разными факторами:

1) с успешностью самореализации личности (сторонники гуманистической ориентации А. Маслоу, К. Г. Юнг, М. Ягода, Г. Олпорт, К. Роджерс);

2) качествами самой личности, ее половозрастными особенностями;

3) с условиями жизнедеятельности (образовательными, социальными, экономическими) (М. В. Григорьева, О. А. Елисеева, Л. В. Куликов, В. А. Погорская, Г. В. Пучкова, Р. М. Шамионов, N. Bradburn, C. D. Ryff, D. Shek и др.).

В период изучения субъективного благополучия как предмета, имеющего структуру, признаки и особенности в зарубежной психологии авторы выделяли следующие компоненты: позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни, доверительные отношения с другими, способность следовать своим убеждениям, компетентность, наличие целей в жизни, чувство самореализации (C. D. Ryff); различия между позитивно и негативно окрашенными аффектами (N. Bradburn); переживание безнадежности (надежды), собственной умелости, удовлетворенности жизнью и чувства собственного достоинства (D. Shek); удовлетворение, приятные и неприятные эмоции (E. Diener); аффективная и когнитивная оценка человеком удовлетворенности своей жизнью (A. Yang, D. Wang, T. Li, F. Teng, Z. Ren).

В отечественных исследованиях Л. В. Куликов выделяет следующие составляющие субъективного благополучия личности: социальное, духовное, материальное, физическое и психологическое [7]. В частности, социальное благополучие – это удовлетворенность личности своим социальным статусом, межличностными связями и статусом в микросоциальном окружении, чувство общности, принадлежности и т. п. Создается благополучие за счет удовлетворяющих межличностных отношений, возможности общаться, удовлетворять потребность в эмоциональном тепле. Напряженность же в значимых межличностных отношениях может быть разрушительна для ощущения благополучия.

В. А. Погорская приходит к выводу, что субъективное благополучие – категория субъектности человека, в которой едины восприятие, оценка, соотнесение и другие процессы, обусловленные через многократные опосредования внешними и внутренними детерминантами; обобщенное и относительно устойчивое переживание, имеющее особую значимость для личности. Оно является важной составляющей частью доминирующего психического состояния [11, с. 254].

Г. В. Пучкова в структуре субъективного благополучия выделила три основных компонента:

1) когнитивный – представления о благополучии и будущем;

2) эмоционально-оценочный, включающий оптимизм, удовлетворенность настоящим и прошлым, позитивное отношение к другим, самооценку здоровья, независимость, принятие себя и аутентичность;

3) мотивационно-поведенческий компонент, который включает контроль над обстоятельствами и цели жизни [12].

В исследованиях, посвященных изучению субъективного благополучия ребенка как субъекта психолого-педагогической деятельности, рассматривалась гипотеза о влиянии на субъективное благополучие особенностей образовательной среды. Так, М. В. Григорьевой было выявлено, что в гимназических классах основу структуры субъективного благополучия составляет удовлетворенность отношениями с другими людьми в целом, условиями обучения, отношениями с родителями и жизнью в целом, в то время как в общеобразовательных классах такой основой является удовлетворенность отношениями с другими людьми в целом и отношениями с родителями [4].

О. А. Елисеева в своей работе говорит о психологической безопасности как качественной характеристике образовательной среды, которая является условием гармоничного развития личности и субъективного благополучия участников образовательного процесса и уровень психологической безопасности влияет на показатели субъективного благополучия подростков: напряженность и чувствительность, самооценку здоровья, активность субъекта, способность к рефлексии, свободу выбора и ответственность за него, понимание и принятие других людей [5].

Согласно данным Е. Е. Бочаровой, субъективное благополучие – феномен, относящийся к внутренней системе личности, внутренним критериям адаптированности в социальной среде и подразумевает отсутствие болезненных психических проявлений, способность преодолевать трудности, ставить жизненные цели и поддерживать уровень активности в их достижении. Субъективное благополучие является фактором социально-психологической адаптации [2].

Таким образом, можно наметить основные направления, по которым имеются разработки в русле данной проблемы: изучение субъективного благополучия в зависимости от самореализации личности взрослого человека, ощущения им удовлетворенности жизнью, своим социальным статусом и межличностными связями, изучение субъективного благополучия ребенка как субъекта психолого-педагогической деятельности в условиях образовательной среды и её психологической безопасности, выделение структуры

и компонентов субъективного благополучия. Несомненно, что по данной тематике существует множество различных теоретико-методологических подходов и проведен ряд эмпирических исследований, однако важно отметить, что проделанная работа не лишена и ряда недостатков. Прежде всего, отсутствие комплексного подхода, большинство работ оперирует лишь двумя-тремя переменными, недостаточное внимание уделяется влиянию семьи как источнику первичной социализации, освоения социокультурного опыта, интеллектуального и личностного развития и адаптации ребенка, рассмотрение же субъективного благополучия в рамках семьи повторного брака оказывается вне поля внимания современных исследователей. Все это свидетельствует о важности и актуальности изучения субъективного благополучия детей, воспитывающихся в повторнобрачных семьях, т. к. социальная адаптация ребенка начинается в микросоциуме семьи.

Физическое и, в особенности, психологическое благополучие ребенка является условием сохранения его здоровья и достижения высоких результатов в его воспитании, обучении и развитии. В связи с многочисленными фактами насилия и жестокости родителей по отношению к собственным детям, увеличения количества детей-сирот при живых родителях, проблема благополучия детей, в особенности воспитывающихся в семьях повторного брака, обретает высокую социальную значимость.

Важно отметить, что семьи, образованные в повторном браке, характеризуются более сложной картиной развития, чем семьи первого брака. В случае повторного брака пересекаются две линии развития семьи: последовательность стадий жизненного цикла семьи, обусловленных реализацией воспитательной функции и возрастом членов семьи, и специфические для повторного брака этапы развития: сепарации/развода; неполной семьи; ухаживания и повторного брака [3]. При этом задачами повторного брака являются:

- 1) определение новых границ семейной системы, состава семьи;
- 2) создание новой ролевой структуры семьи с учетом прежнего опыта главенства, распределения ролей и осуществления функций контроля;
- 3) формирование нового семейного самосознания, семейной культуры и семейной истории [6].

Мы полагаем, что ребенок, переживающий образование новой семьи, может столкнуться с трудностями, влияющими на формирование им отношений с действительностью. Напряженность в значимых межличностных связях, определенное отношение в диаде «ребенок-неродной родитель» отражается на субъективном переживании им своего нового статуса, удовлетворенности межличностными связями, внутреннем равновесии, результатах воспитания, поэтому исследование субъективного благополучия ребенка в семье повторного брака представляется важной и актуальной проблемой.

Существование повторного брака в условиях современного общества – весьма распространенное явление. Образованные, как правило, вследствие развода, повторные браки становятся новой формой

супружеского союза, в котором начинают проживать дети супругов от предыдущих браков. Трудности установления детьми отношений с новыми супругами родителей определяются сохранением старой эмоциональной привязанности к родителю, проживающему отдельно, и чувством ревности к новому супругу, претендующему на любовь и внимание родителя. При этом отношение детей к повторному браку родителя (чаще это явление имеет место в повторных браках матерей, т. к. по давно устоявшейся традиции, ребенок после развода родителей остается с матерью) определяется их, возрастом, полом, историей семьи и отношениями с родителем, который вступает в брак, типом семейного воспитания, реализуемым в семье [17].

Целью нашего исследования стало изучение субъективного благополучия детей в семьях повторного брака. Исходя из имеющихся теоретических и эмпирических данных, мы выдвинули следующие гипотезы:

- 1) существуют различия в показателях субъективного благополучия ребенка в семьях повторного и первого брака;
- 2) существует специфика значимых показателей субъективного благополучия ребенка по мере прохождения семьи повторного брака циклов развития семьи;
- 3) адаптационный период в жизни новой семьи приходится на первые 3 года жизни.

Для проведения исследования из числа обратившихся за психологической консультацией в Центр социальной помощи семье и детям была выделена группа испытуемых в возрасте 7 – 18 лет обоего пола в количестве 200 человек (100 девочек и 100 мальчиков). 100 человек из выборки воспитываются в семьях, где один из родителей является неродным. Выборка детей из повторных семей по периоду совместного проживания с неродным родителем была поделена на следующие группы:

- 0 – 3 лет 18 человек (18 %) (8 мальчиков, 10 девочек);
- 4 – 6 лет 41 человек (41 %) (23 мальчика, 18 девочек);
- 7 – 12 лет 37 человек (37 %) (17 мальчиков, 20 девочек);
- 13 – 18 лет 4 человека (4 %) (2 мальчика, 2 девочки).

В основу разделения на группы мы положили периодизацию жизненного цикла развития семьи Ю. Е. Алешиной [1], поскольку она учитывает переходные периоды в жизни семьи, связанные с появлением детей. Большинство авторов периодизаций жизненного цикла семьи отмечают влияние на взаимодействие в семье появления детей, их наличие и взросление, а также связывают появление проблем у членов семьи с необходимостью перехода семьи на новую стадию развития и адаптации к новым условиям (Д. Леви, Р. Нойберт, А. И. Антонов, Э. К. Васильева и др.). Наиболее стрессогенными являются стадия, когда появляется первый ребенок, и стадия, когда структура семьи нестабильна в связи с «приходом» одних членов семьи и «уходом» других. В периодизации Ю. Е. Алешиной обобщены исследо-

вания жизненного цикла семьи, и она в этой связи может быть адаптирована к целям нашего исследования, поскольку учитывает стаж брака и наличие-отсутствие детей в семье.

В таблице 1 представлены поло-возрастные характеристики выборки. Таким образом, в семьях повторного брака, проживающих совместно менее трех лет (0 – 3), группа 1,72 % детей школьного возраста, 22 % – подросткового и 6 % юношеского; в семьях,

проживающих совместно 4 – 6 лет (группа 2), 85 % детей школьного возраста и 15 % подросткового; в семьях, проживающих совместно от 7 до 12 лет (группа 3), 38 % детей школьного возраста, 57 % – подросткового и 5 % – юношеского; в семьях, воспитывающих детей с дошкольного возраста, со стажем совместного проживания 13 – 18 лет (группа 4), 100 % детей юношеского возраста.

Таблица 1

Представленность поло-возрастных параметров в исследуемых группах детей из семей повторных браков

Возрастные периоды	Группа 1		Группа 2		Группа 3		Группа 4	
	пол							
	1	2	1	2	1	2	1	2
Школьный возраст (7 – 11 лет)	5	8	17	18	5	9	-	-
Подростковый возраст (12 – 15 лет)	2	2	6	-	11	10	-	-
Юношеский возраст (16 – 18 лет)	1	-	-	-	1	1	2	2
Примечание: 1 – мальчики, 2 – девочки.								

Методы исследования

Для выявления социально-демографических характеристик исследуемых использовалась авторская анкета.

Для диагностики уровня субъективного благополучия ребенка, воспитывающегося в семье повторного брака, использовалась методика Шкала субъективного благополучия Perrudet-Badoux, Mendelsohn и Chiche в адаптации М. В. Соколовой [14]. Методика представляет собой скрининговый психодиагностический инструмент для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия или эмоционального комфорта. Шкала состоит из 17 пунктов, содержание которых связано с эмоциональным состоянием, социальным положением и некоторыми физическими симптомами.

Для диагностики типа родительского воспитания использовался опросник «Анализ семейных взаимоотношений» АСВ (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис).

Для выявления родительского отношения мы использовали тест-опросник родительского отношения ОРО (А. Я. Варга, В. В. Столин).

При статистической обработке данных использовался t-критерий Стьюдента в программном пакете STATISTICA.

Результаты, полученные с использованием Шкалы субъективного благополучия, приведены в таблице 2 и отражают статистически значимые отличия показателей субъективного благополучия (СБ) у детей, воспитывающихся в семьях разного типа. Так, общие показатели субъективного благополучия (сумма) значимо выше (при $p = 0,0005$), у детей из семей повторного брака. Получены значимые отличия по показателям: психоэмоциональная симптоматика ($p = 0,0117$), изменения настроения ($p = 0,000$), значимость социального окружения ($p = 0,0025$), самооценка здоровья ($p = 0,0000$). Таким образом, общие результаты и отдельные показатели субъективного благополучия детей в повторнобрачных семьях находятся в пределах нормы. Однако имеют место статистически значимые отличия, которые позволяют интерпретировать показатели субъективного благополучия в диапазоне от умеренного благополучия до выраженного эмоционального дискомфорта. Таким образом, полагаем, что в индивидуальных случаях можно говорить о наличии у детей, воспитывающихся в повторнобрачных семьях, трудностей в контроле своих эмоций, неуравновешенности, беспокойства по поводу реальных и воображаемых неприятностей, а также комплекса неполноценности, неудовлетворенности собой и своим положением [14].

Таблица 2

Представленность показателей субъективного благополучия в исследуемых группах

Показатели СБ	Тип семьи		t-критерий
	1	2	
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	8,58000	10,11000	-2,54211
Изменения настроения	4,26000	6,45000	-5,31312
Значимость социального окружения	6,26000	7,80000	-3,06135
Самооценка здоровья	4,04000	5,53000	-4,61772
Сумма	2,92000	3,94000	-3,52485
Примечание: 1 – семьи, воспитывающие совместных детей, 2 – семьи повторного брака.			

Таблица 3

Показатели субъективного благополучия в группах детей, воспитывающихся в семьях повторного брака

Показатели СБ	Среднее значение				Различия при $p < 0,05$ в парах
	группа 1	группа 2	группа 3	группа 4	
Напряженность и чувствительность	14,66667	11,21951	7,97297	7,25000	1-2, 2-3, 1-4
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	13,88889	10,80488	7,78378	7,50000	1-2, 2-3, 1-4
Изменения настроения	9,72222	6,97561	4,59459	3,50000	1-2, 2-3, 1-4
Значимость социального окружения	11,00000	8,68293	5,51351	5,50000	1-2, 2-3, 1-4
Самооценка здоровья	7,66667	5,97561	4,16216	4,00000	1-2, 2-3, 1-4
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,05556	9,29268	7,32432	7,50000	2-3, 1-4
Сумма	6,55556	4,48780	2,27027	2,00000	1-2, 2-3, 1-4

Рассматривая показатели субъективного благополучия ребенка в семьях повторного брака с разным стажем совместного проживания, можно говорить о наличии значимых отличий в показателях по шкале субъективного благополучия как общих, так и отдельных кластеров, отражающих более детальное положение ребенка в семье повторного брака (таблица 3). Так, значимо выше показатели по кластерам: напряженность и чувствительность; признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику; изменение настроения; значимость социального окружения и самооценка здоровья у детей, проживающих в новой семье менее шести лет. При этом самые высокие показатели у детей, воспитывающихся в семьях, которые переживают адаптационный период, 0 – 3 лет (группа 1). Вероятно, это связано с чрезмерной чувствительностью младших подростков (72 % от общего состава группы) к попыткам отчима или мачехи выполнять воспитательную родительскую функцию, они бурно протестуют против их требований, в то время как младшие дети (раннего и дошкольного возраста (группа 4)) легче формируют привязанность к новому члену семьи, получая явные преимущества от общения с компетентным взрослым.

Следующим этапом исследования стало изучение особенностей семейного воспитания в исследуемых группах. Результаты исследования типа семейного воспитания: родительского отношения (ОРО) и типа родительского воспитания по методике АСВ (таблица 4) показали значимые отличия в исследуемых параметрах. Мы можем говорить о тенденции неродного родителя дистанцироваться от ребенка супруга, ему свойственна степень недоверия ребенку, в некоторых ситуациях ребенок воспринимается неприспособленным к жизни, неудачливым и несмысленным, также у неродного родителя менее выражено стремление помогать ребенку в его делах и планах, гордиться им, поощрять его инициативу и самостоятельность, взрослый игнорирует интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка. При этом родитель непоследователен в воспитании: требования к ребенку могут быть непомерными и не соответствующими его возможностям, но в то же время, родителем не установлены рамки в его поведении, и в случае незначительных нарушений имеет место приверженность к чрезмерному реагированию и применению строгих наказаний.

Таблица 4

Тип семейного воспитания в исследуемых группах

Показатели шкал	Тип семьи		t-критерий
	1	2	
Тест-опросник ОРО			
Принятие-отвержение	12,10000	10,08000	2,78978
Кооперация	4,70000	3,33000	5,36687
Симбиоз	3,67000	1,85000	7,84481
«Маленький неудачник»	2,14000	2,95000	-2,97318
Тест-опросник АСВ			
Чрезмерность требований-обязанностей	1,89000	2,65000	-3,87642
Недостаточность требований-обязанностей	1,81000	2,44000	-2,51335
Недостаточность требований-запретов	1,95000	2,50000	-2,77196
Чрезмерность санкций	1,73000	2,62000	-3,70499
Примечание: 1 – семьи, воспитывающие совместных детей, 2 – семьи повторного брака.			

Таблица 5

Тип семейного воспитания в группах детей, воспитывающихся в семьях повторного брака

Показатели шкал	Среднее значение				Различия при $p < 0,05$ в парах
	группа 1	группа 2	группа 3	группа 4	
Тест-опросник ОРО					
Принятие-отвержение	11,27778	11,31707	8,29730	8,50000	2-3
Контроль	3,88889	3,58537	2,08108	2,50000	2-3
Тест-опросник АСВ					
Гиперпротекция	2,05556	3,17073	3,83784	0,50000	1-2, 2-4, 3-4
Гипопротекция	3,44444	2,95122	4,37838	1,50000	2-3, 3-4
Потворствование	1,83333	2,97561	4,40541	2,00000	1-2, 2-3, 3-4
Игнорирование потребностей ребенка	1,55556	1,56098	3,29730	1,00000	2-3
Чрезмерность требований-запретов	3,27778	2,75610	2,89189	1,00000	1-4, 2-4, 3-4
Чрезмерность санкций	3,50000	2,48780	2,45946	1,50000	1-2, 1-4
Минимальность санкций	1,22222	2,56098	4,24324	2,25000	1-2, 2-3, 3-4
Неустойчивость стиля воспитания	1,83333	2,36585	3,45946	1,00000	2-3, 3-4

По мере прохождения семьей основных стадий цикла развития семьи, изменяется тип воспитания и характер взаимоотношений с детьми. Результаты отражены в таблице 5 и свидетельствуют о непоследовательности типа воспитания в период от момента создания новой семьи и прохождения ею периода адаптации, который связан с перераспределением ролей, определением правил и норм взаимодействия и осуществления функций контроля и приходится на первые 3 года жизни.

Первые 6 лет жизни в новой семье (группа 1 и 2) сопровождаются стремлением родителя наладить отношения с ребенком супруга, проводить с ним больше времени, взрослый поддерживает его интересы и планы, уделяет ребенку крайне много времени, сил и внимания, воспитание становится важным делом его жизни в этот период. В это же время высок уровень контроля за поведением ребенка, приверженность к чрезмерному реагированию на нарушения запретов, строгость наказаний. По мере взросления ребенка эмоциональное отношение родителя к нему меняется. Подростковый возраст оказывается кризисным периодом для семьи, в силу особенностей личности ребенка в этот период, и неустойчивость стиля воспитания, свойственная многим семьям, переживающих возрастные кризисы детей, имеет место и в семьях повторного брака родителей. Так, родители могут стремиться некритично и максимально удовлетворять потребности ребенка, но в то же время его потребность в эмоциональном контакте и общении с родителем может быть ущемлена. Подросток оказывается на периферии внимания, выпадая у родителей из виду, попадая туда лишь, когда случается что-то серьезное. При этом родители предпочитают обходиться без наказаний, применяя их крайне редко, больше упова на поощрения.

Результаты и их обсуждение

Существуют различия в показателях субъективного благополучия ребенка в семьях повторного и пер-

вого брака. У детей из повторнобрачных семей имеются эмоциональные проблемы, субъективное благополучие у них умеренное, серьезные проблемы отсутствуют, но и полном эмоциональном комфорте говорить нельзя. В крайних индивидуальных случаях, возможна неудовлетворенность положением и собой, пессимизм, неуверенность в себе, что может пагубно отразиться на социально-психологической адаптации ребенка.

Дети в семьях, воспитывающиеся в семье повторного брака родителя с раннего возраста, более 12 лет, удовлетворены своей повседневной деятельностью, окружением, здоровьем, не испытывают напряжения в эмоциональном общении и резких перепадов настроения. Трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенность, беспокойство, неудовлетворенность собой и своим положением характерно для детей, переживающих адаптационный период, который приходится на первые 3 года жизни новой семьи. Младшие дети легче формируют привязанность к неродному родителю, в отличие от подростков, бурно протестующих в ответ на воспитательное воздействие отчима или мачехи.

Семья повторного брака проходит основные этапы, связанные в «приходе» одних членов семьи и «уходе» других, переживанием образования новой семейной системы, определением её границ, правил и норм взаимодействия, распределения ролей и осуществления функций контроля. Претерпевают изменения также воспитательные воздействия родителей. В период адаптации они находятся в поиске типа воспитания как основы комфортных взаимоотношений, уделяя крайне много внимания воспитанию ребенка супруга, контролю его поведения, соблюдению системы санкций.

Семьи повторного брака становятся нормой жизни современного общества и в начале своего образования проходят кризисные периоды. Эмоциональный дискомфорт испытывают как дети, так и взрослые

члены новой семьи. Трудности во взаимоотношениях в таких семьях могут быть вызваны неразвитостью родительских чувств к неродному ребенку, неумением родителей выражать и дозировать свои чувства к ребенку супруга, возрастом, полом ребенка, историей

семьи, типом воспитания. Такие семьи нуждаются в психологическом сопровождении и коррекции детско-родительского взаимодействия в особенности на начальных этапах формирования семейной структуры.

Литература

1. Алешина, Ю. Е. Цикл развития семьи: исследование и проблемы / Ю. Е. Алешина // Вестник МГУ. – 1987. – № 2. – (Серия 14, Психология).
2. Бочарова, Е. Е. О субъективном благополучии личности в аспекте адаптации / Е. Е. Бочарова // Ученые записки. – 2009. – Т. 2. – № 2(6). – (Серия: Психология. Педагогика).
3. Браун, Дж. Семейная психотерапия и семейное консультирование / Дж. Браун, Д. Кристенсен. – М., 2001. – 352 с.
4. Григорьева, М. В. Субъективное благополучие личности как результат школьной адаптации в разных условиях обучения / М. В. Григорьева // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 2.
5. Елисеева, О. А. Субъективное благополучие подростков в образовательных средах с разным уровнем психологической безопасности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / О. А. Елисеева. – М., 2011. – 124 с.
6. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие / О. А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
7. Куликов, Л. В. Здоровье и субъективное благополучие личности / Л. В. Куликов // Психология здоровья. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.
8. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учебное пособие для вузов / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
9. Маслоу, А. Мотивация и личность [пер. с англ.] / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 351 с.
10. Олпорт, Г. Становление личности: избранные труды / Г. Олпорт; пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
11. Погорская, В. А. Взаимосвязь субъективного благополучия и ценностно-смысловой сферы личности у студентов педагогических профессий / В. А. Погорская // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3(6).
12. Пучкова, Г. В. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Г. В. Пучкова. – Хабаровск, 2003. – 163 с.
13. Роджерс, К. К теории творчества: взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М., 1994. – 480 с.
14. Соколова, М. В. Шкала субъективного благополучия / М. В. Соколова. – 2-е изд. // НПЦ «Психодиагностика». – Ярославль 1996. – 17 с.
15. Шамионов, Р. М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции / Р. М. Шамионов // Мир психологии. – 2002. – № 2.
16. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – СПб.: Азбука, 1996. – 736 с.
17. Baumrind, D. Effective parenting during the early adolescent transitions / D. Baumrind // P. A. Cowan, E. M. Hetherington (eds.). Family transitions. – N. Y., 1991.
18. Bradburn, N. The Structure of Psychological Well-Being / N. Bradburn. – Chicago: Aldine Pub. Co, 1969.
19. Diener, E. Factors predicting the subjective well-being of nations / E. Diener, M. Diener & C. Diener // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – 851 – 864 s.
20. Jahoda, M. Employment and unemployment: a social-psychological analysis / M. Jahoda. – Cambridge, 1982.
21. Ryff, C. D. Human health: new directions for the next millennium / C. D. Ryff & B. Singer // Psychological Inquiry, 1998, 9, 69 – 85 s.
22. Shek, D. After-school time and perceived parental control processes, parent-adolescent relational qualities, and psychological well-being in Chinese adolescents in Hong Kong / D. Shek // Family Therapy [serial online]. – 2007. – № 34(2).
23. Yang, A. The impact of adult attachment and parental rearing on subjective wellbeing in Chinese late adolescents / A. Yang [et al.] // Social Behavior and Personality [serial online]. – 2008; 36(10):1365-1378. Available from March 4, 2011.

Информация об авторе:

Колотилина Виктория Васильевна – соискатель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, +79236039559, vkolotilina@mail.ru.

Victoria V. Kolotilina – post-graduate student at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

УДК 316.61

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕЛЕУТСКОГО И РУССКОГО ЭТНОСОВ

Г. Н. Крузер

SOCIAL AND CULTURAL IDENTITY OF TELEUT AND RUSSIAN ETHNOSES' REPRESENTATIVES

G. N. Kriger

В работе рассматривается социокультурная идентичность представителей телеутского и русского этносов. Проводится анализ состояния проблемы в изменяющихся условиях современного мира. Представлены результаты выраженности показателей социальной, культурной, региональной, территориальной идентичности исследуемых групп.

The paper considers the social and cultural identity of Teleut and Russian ethnoses' representatives. The state of this problem in the changing conditions of the modern world is analysed. The expressiveness of social, cultural, regional, and territorial identity parameters in the investigated groups is considered.

Ключевые слова: социальная, культурная, региональная, территориальная идентичность, телеутский, русский, этнос, средние значения, современный мир.

Keywords: social, cultural identity, regional, and territorial identity, Teleut, Russian, ethnoses, average meaning, modern world.

В отечественной психологической науке активно осуждается проблема идентичности. Идентичность рассматривается как познавательная категория и социообразующий фактор (О. С. Анисимов, Н. Л. Иванова, В. Н. Марков). Исследуется роль идентичности в самопостроении и самоопределении индивида (Е. В. Улыбина, И. Ю. Запорожец). Актуализируется проблема идентичности на дистанции взросления личности (Д. И. Фельдштейн, И. Д. Егорычева, Д. С. Батарчук). Ряд исследований посвященных изучению этнокультурных и социокультурных факторов в идентификации личности (Т. Д. Марцинковская, Т. Г. Стефаненко, Е. П. Белинская). Значимыми работами по данной проблематике являются разработки И. С. Кона, В. А. Ядова, исследующие социальные установки. Интерес к проблеме обусловлен теми реальными процессами, которые имеют место в обществе. Глобальные культуральные изменения эпохи постмодерна не могут не отразиться на самосознании человека, формировании идентичности личности.

Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева используют понятие «постмодернистский сэлф» для описания некоторых общих тенденций изменения идентичности постсовременного человека. Авторы отмечают, что в постмодернистской культуре сэлф (идентичность) становится нарративным ресурсом, историей, которую мы, в зависимости от тех или иных обстоятельств, по-разному рассказываем друг другу. Постсовременному человеку, зачастую отчужденному и изолированному, деиндивидуализированному в мегаполисах, присуще возникновение экзистенциального страха аннигиляции. Появляется желание почувствовать себя внутренне интегрированным, спаянным, целостным. В качестве защитного механизма обостряется аффилиативная потребность – появляется стремление слиться с толпой, «присоединиться» к общему бессознательному. При одновременном преобладании ценностей индивидуалистичности, эта потребность реализуется в поведении в форме социальной мимик-

рии, что коренным образом изменяет субъективное восприятие себя, своего сэлфа [2].

Как отмечает М. С. Яницкий, социальные и культурные изменения, обуславливающие трансформацию системы ценностей, все больше становятся ценностно-детерминированными, что придает взаимосвязи между ними двусторонний характер. Многие описанные изменения, свойственные постмодернистскому обществу, уже сегодня представляют серьезную проблему, другие имеют потенциально негативные сценарии развития. Очевидно, что обозначенные тенденции являются следствием закономерного развития человечества, поскольку проистекают из предшествующих этапов развития общества и имеют вполне объяснимые механизмы, в основе которых лежат глобальные изменения последнего времени: ускоренное развитие науки и техники, перенаселение, изменение климата и т. п. [10, с. 175 – 186].

Идентичность в рамках социокультурной характеристики индивидов представлена разными ее видами: личностной, социальной, этнической, профессиональной, региональной и др. При формировании любого вида идентичности важным фактором является принятие, положительное эмоциональное отношение. Эта мысль отражается в трудах Г. Г. Шпета [7]. Осознание своей этнической принадлежности осуществляется не только через принятие этнических представлений как групповых, готовность к сходному образу мыслей и разделению этнического чувства. Это также построение системы отношений и действий в этноконтактных ситуациях различного характера. Таким образом, этническая идентичность позволяет человеку определить свое место не только внутри собственной этнической группы, но и внутри полиэтнического общества в целом. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту.

Исследуя процесс развития этнической идентичности личности, Г. Г. Шпет подчеркивал, что культу-

ра является одним из важнейших медиаторов в процессе формирования типичных для данного этноса переживаний, помогая вхождению человека в этот этнос. Социальные явления, язык, миф, нравы, наука, религия, просто всякий исторический момент вызывают соответствующие переживания человека. Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях как «откликах» на происходящее перед их глазами, умами и сердцем [3]. С современной точки зрения Т. Д. Марцинковская обращает внимание на два важных момента в теории Шпета [5, с. 158 – 170]. Во-первых, автор с самого начала говорил о двух вариантах развития этнического самосознания – положительном и отрицательном, основанных на двух разных видах эмоционального отношения: принятии – отвержении. Сложно говорить об отрицательном самосознании, но отрицательная идентичность является вполне узаконенным понятием в современной науке. Во-вторых, и это одно из значимых открытий Шпета; он впервые начал говорить не только о необходимости принятия человеком своей группы, но и о том, что для нормального формирования чувства принадлежности к своей группе важно и ответное принятие – положительное отношение группы к этому человеку. То есть, как подчеркивают современные исследователи, формирование этнической идентичности – это всегда акт взаимного принятия. Это положение в полной мере можно отнести и к другим видам идентичности. И социальная, и профессиональная и другие группы должны принять нового человека, который ее выбрал в качестве группы идеальности, как своего. Таким образом, наш интерес к данной проблеме не случаен. Ранее мы исследовали этническое самосознание представителей телеутского этноса. Были проанализированы культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики самосознания этноконтактных групп: телеутов, русских, татар [3].

В данную статью включены результаты исследования, отражающие характер социокультурной идентичности представителей телеутского и русского этносов, проживающих в сельской местности в этноконтактной среде в условиях современной социальной ситуации. Целью исследования являлось выявить выраженность социокультурной идентичности представителей телеутского и русского этносов.

В настоящем исследовании приняли участие 64 респондента, из них 32 представителя телеутского этноса и 32 представителя русского этноса. Выборки были уравнианы по возрасту, уровню образования и проживанию. Для сбора и фиксации материала применялся анкетный опрос, который представляет собой набор из 23 закрытых вопросов, включающий четыре варианта ответов: 1 – согласен; 2 – скорее согласен, чем не согласен; 3 – скорее не согласен, чем согласен; 4 – не согласен. Материал собран З. К. Хамадияровой в поселках Беково, Шанда, являющихся основными местами проживания телеутов.

Социокультурная идентичность включает в себя характеристики социальной, культурной, региональной, территориальной идентичности. Большинство концепций признают идентичность личности с ее социальными ролями, понимаемыми в основном как

комплексы норм или комплексы ожиданий. Личность в связи с этим понимается как совокупность взаимосвязанных и влияющих друг на друга идентитетов, т. е. определений себя через отнесение к разным общностям. Между ними не исключены внутренние противоречия, в большинстве случаев внешне обусловленные. Г. Брейкуэлл подчеркивает социальное происхождение идентичности, причем она считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. Во взаимодействии с социальным миром человек активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Усвоенные им категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают: формирование содержательной структуры личностной идентичности (набора характеристик, используемых для самоописания) и оценку элементов содержательной структуры (моральные и социальные нормы, задаваемые референтной группой) [6]. Таким образом, личностная идентичность является продуктом социальной идентичности, но, сформировавшись, активно влияет на социальную идентичность. Содержательное и оценочное измерение идентичности развиваются в соответствии с особенностями социального опыта индивида. Если разнообразие опыта ограничено, может сформироваться простая структура идентичности. Самоотождествление индивида с какими-либо идеями, ценностями, социальными группами и культурами отражает общее понятие социальной идентичности. Социальная идентичность обозначает единство и преемственность определенной системы социальных характеристик (норм, ролей и статусов), позволяющих дифференцировать индивидов по их общественному положению и групповой принадлежности. Культурная идентичность – принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. Как справедливо отмечает М. С. Яницкий, система ценностей любой общности является одновременно и фактором ее интеграции, поддержания групповой идентичности, условием сохранения и воспроизводства культуры [8, с. 12 – 17; 9]. Региональная идентичность – это объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве. Т. Ф. Ляпкина, исследуя проблему сибирского менталитета как одной из территориально-географических форм, отмечает, что Сибирь – территория, на которой на протяжении более четырехсот лет формировался специфический менталитет под влиянием географического пространства, взаимодействия и взаимовлияния кочевой и оседлой культур, различных религиозных мировоззрений. В этом регионе живут люди, называющие себя сибиряками. Сегодня по-разному определяют что такое «сибиряк». Сложилось две точки зрения. С первой (в широком смысле), сибиряк – это человек, постоянно проживающий на территории Сибири. Вторая точка зрения (в узком смысле) рассматривает сибиряка как этнографический тип, или, как его определили сибирские областники, народно-областной тип, сформировавшийся на основе смешанных браков славян-русских с автохтонными народами Сибири [4]. Терри-

ториальная идентичность представляет собой социальное отождествление «Я – член территориальной общности», осознание территориальной принадлежности. Таким образом, социокультурная идентичность – это интегрированное, многослойное, многоаспектное понятие. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется теми изменениями, которые про-

исходят в современном постмодернистском обществе во всех сферах человеческой жизни.

Анализ результатов проводился посредством использования метода сравнения средних величин Т-критерия Стьюдента. В представленной ниже таблице содержится сравнительный материал по исследуемым выборкам (таблица 1).

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа средних показателей
социокультурной идентичности в группах телеутов и русских**

<i>Показатели</i>	<i>Телеуты</i>		<i>Русские</i>		<i>t</i>
	<i>М</i>	<i>т</i>	<i>М</i>	<i>т</i>	
Социальная идентичность	54.8	1.94	74.67	2.37	4.5
Культурная идентичность	53.67	1.84	63.67	1.96	1.1
Региональная идентичность	62.34	3.60	76.67	3.21	0.8
Территориальная идентичность	50.5	2.09	63.5	1.90	3.4
Среднее по группе	56.56	2.37	71.67	2.36	2.4

Средние значения показателей выраженности разных видов идентичности во многом схожи в двух группах. Различия между средними значениями рассматриваемых групп не являются статистически значимыми. Полученная близость результатов объясняется тем, что между группами существуют длительные контакты, все группы проживают на одной территории. Сам факт совместного проживания порождает у представителей исследуемых групп сходные социальные черты, отражающие в характеристиках менталитета. Ментальность понимается как совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений членов этнической группы о социальном мире, как умонастроение и склад ума, как система коллективных представлений, верований и чувств, общих для членов данного общества и не зависящая от бытия отдельной личности. Ментальная структура включает архетипы социокультурной памяти, символы, ценности, традиции, сформировавшиеся в определенных условиях. Это подтверждается исследованиями М. Мид, что в формировании культурной идентичности важно учитывать климатогеографические условия, уклад жизни, а также знание того, в какой форме используются исконные традиции и обычаи, и как люди осознают объективные факты своего бытия [6]. Нельзя не согласиться с утверждениями Р. Бенедикт о необыкновенной податливости человеческой природы: социальное и культурное окружение фактически лепит из личности все, что ей угодно, личность становится как бы частью культуры [6]. Идентичность представителей телеутского и русского этносов можно рассматривать как особенность, сформировавшую региональную сибирскую культуру, включающую психологические, духовные характеристики. Её выраженность во многом зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм. Социокультурная идентичность этноконтактных групп основана на тёплых чувствах к месту проживания и выражается в позитивном настрое к представителям любой национальности, осознании принадлежности к своему народу и в отсутствии расистских склонностей. Согласно Г. М. Андреевой,

несомненную важность для личности имеет обладание позитивной идентичностью, ибо только это формирует определенное социальное самочувствие человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности [1].

Также, с учетом всех приведенных выше результатов можно констатировать, что представители телеутского этноса лучше осознают свою социокультурную идентичность. Средние значения показателей социальной, культурной, региональной, территориальной идентичности в группе телеутов ниже, чем в группе русских. Из этого следует, что степень выраженности социокультурной идентичности у представителей телеутского этноса более высокая, чем в группе русских. Сравнивая этнические группы и содержание всех видов идентичности, можно увидеть, что в группе телеутов показатели территориальной идентичности наиболее выраженные (средние значения 50,5), чем в группе русских. Видимо, подобные результаты сравнительного анализа указанных этнических групп есть результат действия многих факторов, обуславливающих характер осознанности и отождествления с местом проживания.

Полученные данные, отражающие характер социокультурной идентичности представителей телеутского и русского этносов, проживающих в этноконтактной среде в условиях современной социальной ситуации, позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на существующие проблемы в обществе, связанные с постмодернистской культурой, социокультурная идентичность представителей телеутского и русского этносов, проживающих в этноконтактной сельской среде, носит позитивный характер. Устойчивость социокультурной идентичности, ее позитивность являются центральными моментами для формирования группового чувства психологической безопасности и стабильности. Исходя из особенностей постнеклассической психологии, многие социально-психологические феномены, связанные с социокультурной идентичностью, требуют дальнейшего изучения и осмысления.

Литература

1. Андреева, Г. М. Личность в поисках идентичности в глобальном мире / Г. М. Андреева // Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2009.
2. Короленко, Ц. П. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – 248 с.
3. Кригер, Г. Н. Самосознание телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики: монография / Г. Н. Кригер. – Кемерово: КемГУ, 2010. – 126 с.
4. Ляпкина, Т. Ф. Сибирский менталитет как одна из территориально-географических форм / Т. Ф. Ляпкина // Ментальность этнических культур: материалы Международной научной конференции. (Санкт-Петербург, 9 – 10 июня 2005 г.). – Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2005. – 267 с.
5. Марцинковская, Т. Д. Язык как основание социокультурной идентичности / Т. Д. Марцинковская // Мир психологии. – 2012. – № 1.
6. Стефаненко, Т. Г. Этническая психология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН. Академический проект. – 1999. – 295 с.
7. Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. – СПб., 1996.
8. Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34.
9. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. – 237 с.
10. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеоклассической педагогической психологии / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Ю. В. Пелех // Философия образования. – 2013. – № 1.

Информация об авторе:

Кригер Галина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общественных наук Беловского института (филиала) КемГУ, kgn10@yandex.ru.

Galina N. Kriger – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department Social Studies, Belovo Institute (branch) of Kemerovo State University.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ВОСПРИЯТИЯ ДОШКОЛЬНИКАМИ СЮЖЕТОВ ИЗ КИНОЖУРНАЛА «ЕРАЛАШ»

А. А. Неворова

FEATURES OF THE BEHAVIORAL COMPONENT OF PERCEPTION OF THE NEWSREEL "ERALASH" PLOTS BY PRESCHOOL AGE CHILDREN

A. A. Neverova

Данная статья посвящена изучению восприятия детьми дошкольного возраста юмористического киножурнала «Ералаш». На основе полученных данных выделены общие и специфические особенности поведенческого компонента восприятия комических сюжетов из киножурнала «Ералаш».

The paper is devoted to the study of preschool age children's perception of the comic newsreel «Eralash». The obtained research data helped define the general and specific features of the behavioural component of perception of newsreel «Eralash» comic plots.

Ключевые слова: комическое, художественное восприятие, киножурнал «Ералаш», поведенческий компонент восприятия комического.

Keywords: comic, artistic perception, newsreel «Eralash», behavioural component of comic perception.

В психолого-педагогической литературе описаны особенности, закономерности восприятия и конструирования комического детьми дошкольного возраста [3; 4], механизмы оптимизации эмоционально-нравственного развития детей дошкольного возраста средствами комического [6; 7; 9]; рассмотрены нравственное становление личности дошкольника [2]); закономерности усвоения детьми дошкольного возраста норм морали (С. Н. Карпова, Л. Г. Лысюк, Л. Ю. Со-

ломина); возможности формирования нравственных отношений детьми дошкольного возраста (Ю. М. Едиханова, 2012); нравственное поведение как результат интериоризации внешних норм во «внутренние этические инстанции», особенности усвоения детьми дошкольного возраста норм морали [5; 11]; механизмы нравственной регуляции поведения дошкольников (О. В. Коновалова, 2012), мотивация поведения у детей дошкольного возраста (Т. В. Семеновских, 2012),

[11]; особенности их поведения в конфликтных ситуациях, а также мотивы нравственного поведения (Т. В. Семеновских, 2012).

Помимо сказанного в литературе есть данные об особенностях восприятия детьми дошкольного возраста мультфильмов, кино- и телефильмов [1, с. 8 – 11]; сказок (М. М. Кониная, 1940); басен (О. М. Концевая, 1941); серий юмористических рисунков [7; 8]; телевизионных передач [9].

Слабее других освещены особенности восприятия детьми дошкольного возраста отрицательных нравственных качеств поведения персонажей при просмотре юмористического киножурнала «Ералаш».

Между тем в сюжетах киножурнала «Ералаш» высмеиваются **жадность** – «Мандарин» (автор О. Григорьев, режиссер Л. Мирский); **лживость** – «Часы» (автор В. Ховенко, режиссер Н. Репина); **хитрость** – «Хитрый маршрут» (автор Д. Афанасенко, Е. Ковалец, режиссер Е. Ковалец); **хвастовство** – «Котовасия» (автор А. Щеглов; режиссер С. Морозов), «Клевое местечко» (автор Д. Афанасенко, Е. Ковалец; режиссер Е. Ковалец); **зависть** – «Наша Таня громко плачет» (автор Н. Иванова, режиссер Н. Иванова); **неряшливость** – «Помощница» (автор Н. Дубина, режиссер А. Михалев) и др.).

Исходя из сказанного, мы предприняли попытку исследовать особенности поведенческого компонента восприятия детьми дошкольного возраста киножурнала «Ералаш». Приступая к исследованию, мы имели в виду, что восприятие киножурнала «Ералаш» является составляющей художественного восприятия, которое структурируется как система, включающая три компонента: **когнитивный** компонент, предполагающий выделение компонентов комических ситуаций (цель, мотив, способ достижения цели и результат), сопоставление их с нормой, друг с другом и еще раз с общепринятой нормой; **эмоциональный** компонент, включающий адекватную (неадекватную) оценку поведения отрицательных персонажей киножурнала «Ералаш», а также особенности эмоционального отношения к последним; **поведенческий** компонент, предполагающий выражение в предпочтении выбора испытуемыми роли героев комических историй, а также варианта придуманных концовок просмотренного сюжета киножурнала «Ералаш».

В данной статье пойдет речь о результатах проведенного нами исследования особенностей поведенческого компонента восприятия детьми дошкольного возраста киножурнала «Ералаш».

В исследовании приняли участие 117 дошкольников четырех-семи лет из детских учреждений «Рябинка» и «Сказка» г. Шадринска Курганской области.

Испытуемым показывались шесть сюжетов из киножурнала «Ералаш»: «Компот» (автор Л. Треер, режиссер В. Мартынов), «Кинг-конг жив» (автор Н. Львов, режиссер Р. Либлик), «Весельчак» (автор В. Златоустовский, режиссер В. Златоустовский), «Это ваша собака?» (автор С. Георгиев, режиссер Н. Иванова), «Крутые парни» (режиссер Н. Репина), «Котовасия» (автор А. Щеглов, режиссер С. Морозов).

Для определения уровней поведенческого компонента восприятия детьми дошкольного возраста киножурнала «Ералаш», задавались вопросы:

1. Какого героя ты бы хотел сыграть в этой истории: положительного или отрицательного?
2. Если положительного (отрицательного), то почему?
3. Как бы ты поступил на месте этих героев, также или по-другому?
4. Как можно продолжить просмотренную историю?

В ходе исследования были выделены общие и специфические особенности восприятия киножурнала «Ералаш».

Общие особенности поведенческого компонента восприятия определяют механизмы, факторы детерминирующие эффективность восприятия дошкольниками различных жанров комического: басни, серии юмористических картинок, литературных и графических произведений, сценических постановок и телепередач. Специфические особенности характерны для восприятия детьми дошкольного возраста сюжетов киножурнала «Ералаш».

Обработка полученных данных позволила выделить многоуровневость поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш», критериями выделения уровней являются предпочтение воплощения дошкольниками комических персонажей, вариативность творческих решений при продуцировании комических историй киножурнала «Ералаш».

Первый уровень (23,9 %) – указываются персонажи, не фигурирующие в сюжетах «Ералаш»; респонденты затрудняются продолжить смешные истории и представить себя в роли того или иного героя.

Второй уровень (32,6 %) – при выборе ролей отдается предпочтение тем или иным персонажам без указания причины этого предпочтения; искажаются имена действующих лиц, неадекватно оценивается их поведение, дошкольники затрудняются продолжить просмотренный сюжет.

Третий уровень (25 %) – испытуемые соглашались проиграть роли как положительных, так и отрицательных персонажей, которые имеют приятную внешность и яркую одежду, отказываются придумать продолжение сюжета (Костя В. согласился сыграть роль мальчика из истории «Крутые парни», который сидит на мотоцикле, потому что он очень крутой, и мотоцикл у него красивый»).

Четвертый уровень (11,7 %) – респонденты соглашались воплотить роли положительных персонажей, аргументируя свои предпочтения позитивными поступками последних; адекватно оценивают их поведение, но затрудняются продолжить просмотренный сюжет из киножурнала «Ералаш» и поставить себя на место того или иного персонажа.

Пятый уровень (8,5 %) – дошкольники соглашались воплощать роли героев за их положительные качества, адекватно оценивают их поступки, могут продолжить сюжет и поставить себя на место того или иного персонажа (Соня Ш. о персонаже из истории «Котовасия»: «Я хочу сыграть девочку. А на ее месте я побежала бы и достала лестницу, чтобы спасти мальчика, он ведь ее друг, хоть и хвастается много»).

Кроме многоуровневости поведенческого компонента восприятия дошкольниками киножурнала «Ералаш» нами была выделена еще неравномерность указанного процесса, которая проявляется в неодинаковых показателях улавливания испытуемыми комических несоответствий в поведении персонажей, предпочтения ими тех или иных ролей персонажей из сюжетов и особенностях концовок просмотренных историй из «Ералаша».

Анализ полученных данных позволил установить, что показатели поведенческого компонента восприятия юмористического киножурнала «Ералаш» зависят от возраста испытуемых. Низкие уровни восприятия были зафиксированы у 41,5 % детей четырех-пяти лет и 23,3 % испытуемых шести – семи лет ($\phi^* = 3,0$); показатели высоких уровней – у 21,6 % дошкольников шести-семи лет и у 13,6 % испытуемых четырех-пяти лет ($\phi^* = 1,6$). Кроме того были выявлены значимые различия между низкими (41,5 %) и высокими показателями поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш» у дошкольников (13,6 %) в возрасте четырех-пяти лет ($\phi^* = 4,92$).

Определив средние показатели поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш», мы выяснили, что испытуемым доступнее истории киножурнала, построенные на противоречии цели-результату («Кинг-Конг жив» – 23,1 %, «Весельчак» – 12 %), нежели истории, комизм которых определяют несоответствия формы – содержанию («Котовасия» – 5,2 %), действия – результату («Компот» – 5,2 %). Представляется, что это можно объяснить тем, что дошкольникам трудно квалифицировать выражение персонажами злорадства в сюжете «Компот», хвастовства в мимике персонажей – в истории «Котовасия», а также уловить несоответствия в действиях некоторых персонажей общепринятой норме (например, в сюжетах «Кинг-конг жив», «Весельчак» – издевательство над другими персонажами, шалость и др.) и расценить неловкие положения, в которые они попадают, как наказание за неправильное поведение. Возможно, это связано с процессами памяти, которые не развиты еще на достаточном уровне и не позволяют дошкольникам сохранять небольшой объем поступающей информации, а также распознавать и запоминать ее.

Помимо сказанного исследование показало, что дети в большей степени обращают внимание на развлекательную сторону комических сюжетов, чем на нравственную. Так, например, при обсуждении истории «Кинг-Конг жив» дошкольники отметили, что она очень смешная. При этом большинство из них не заметило, что герой в костюме Кинг-Конга пугал людей, которые заходили в лифт.

Скорее всего, незнание нравственных норм и средств выражения их дошкольниками приводит к тому, что, они не заостряют внимание на их соблюдении, и поэтому различные нелепые ситуации, в которой попадают действующие лица сюжета, вызывают лишь смех у испытуемых, а не осуждение и соотношение их поступков с общепринятой нормой.

К общим особенностям поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш» относится еще несколько:

– дошкольники успешнее улавливают комический смысл ситуаций из разных сюжетов киножурнала «Ералаш» и придумывают к ним оригинальные концовки в том случае, если они смотрят и обсуждают эти ситуации в группе сверстников;

– большинство испытуемых (57,3 %) отказывается от воплощения ролей отрицательных персонажей в связи с тем, что эти персонажи производят на них неприятное впечатление (внешность, одежда и т. д.);

– респонденты (36,7 %) предпочитают проигрывать роли положительных героев, мотивируя свой выбор героя приятной внешностью, красивой одеждой, положительными моральными качествами и поступками последних. Посмотрев сюжет «Весельчак», Дима К. сказал: «Я хотел бы проиграть младшего брата: он очень интересный и хорошенький, а самое главное, он прочул своего брата»;

– дети испытывают затруднения в понимании мотива поведения героев. Очень часто после просмотра дошкольники переспрашивали: «Зачем мальчик пугал людей, заходивших в лифт?», «Зачем дедушка отбирал деньги у мальчиков?»;

– часть дошкольников (15,4 %), продемонстрировавших высокие уровни восприятия комического, отказывается выполнять роли отрицательных персонажей, осуждая их поведение (Юля Б. О сюжете «Компот» сказала: «Если я была бы старшим братом, я бы вылила на него компот, да еще хлебом посыпала бы на него. Ты погляди-ка, показывает мне тут свои капризы»);

– заканчивая комические истории «Ералаша», многие дети (68 %) отождествляют себя с действующими лицами сюжета (Света Т. выразила желание проиграть роль героини из сюжета «Котовасия», мотивируя тем, что та такая же добрая, как и она сама);

– небольшой объем памяти, произвольность внимания и репродуктивное воображение испытуемых приводит к тому, что дети затрудняются адекватно квалифицировать эмоции артистов, выраженные в мимике, позе и интонации. Было выяснено, что дети успешнее квалифицируют эмоции радости, чем эмоции удивления и интереса;

– дети (9 %) не хотят воплощать роли героев, которых они считают несправедливыми. Так никто из испытуемых не пожелал проиграть роль дедушки истории «Крутые парни», ссылаясь на то, что он неправильно делал, отбирая деньги у мальчиков, потому что это плохо;

– некоторые дошкольники (13,2 %) отказываются придумать продолжение сюжета, потому что просмотренные истории для них неинтересны и непонятны.

Кроме общих особенностей восприятия поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш» выявлены специфические:

– поскольку просмотр смешных историй киножурнала «Ералаш» в связи с краткостью сюжета можно повторить, испытуемым было легче понять их содержание;

– в некоторых сюжетах киножурнала «Ералаш» ярко прослеживается мотив действий персонажей, что позволяет легче определить тип комического проти-

воречия (несоответствие цели-способу достижения, несоответствие цели-результату);

- кроме того юмористические истории киножурнала «Ералаш» изобилуют множеством комических деталей (мимика, поза, голосовой комизм, несоответствие в одежде), что затрудняет понимание комических сюжетов киножурнала «Ералаш»;

- дошкольники раньше замечают несоответствия во внешнем виде персонажей (мимика, яркая одежда), чем голосовой комизм;

- дети быстрее замечают несоответствия в движениях героев, чем в их мимике;

- сосредоточение внимания детей на ярких деталях отвлекает их от осознания сущности комических противоречий;

- в случае идентификации себя с отрицательными действующими лицами ребенок не замечает недостатков их поведения. Влад С. О сюжете «Весельчак»: «Старший брат – хороший. Он такой же изобретатель, как и я»;

- если в комической истории присутствуют два комических противоречия, комментируется только одно из этих противоречий или его вторая часть. Например, обсуждая начало сюжета «Компот» первое комическое противоречие действия-результату – младший брат капризничал и старший брат вылил ему на голову суп), дети подробно его комментируют, второе противоречие предполагаемого – действительному (старший брат думал, что младший расстроится, а тот не обратил на это внимание и сказал: «Компот не выливай, я его буду есть») никто из испытуемых не проанализировал;

- адекватную оценку поведения телегероев затрудняют быстрая смена темпа речи артистов, в некоторых случаях невнятно произнесенные ими слова;

- при просмотре смешных историй из «Ералаша» дети неправильно квалифицируют гнев, удивление, злорадство персонажей и поэтому затрудняются оценить их поведение. В частности, просматривая сюжет «Компот», дошкольники неверно квалифицировали выражение злорадства. Они не поняли, что младший брат ведет себя неправильно, и назвали его положительным героем, потому что он веселый и смеется;

- часть дошкольников (13 %) предпочитает воплощение ролей отрицательных персонажей, аргументируя возможностью посмеяться над людьми (Лена С. «Я хочу сыграть мальчика в костюме «Кинг-Конга»: он такой смешной, всех смешил);

- девочки (65 %) обычно выражают желание воплотить роли положительных персонажей, но некоторые из них соглашаются проиграть отрицательные роли персонажей (35 %), изменив существенным образом их поведение. После просмотра сюжета «Весельчак» Маша О. заявила, что она хочет побыть в роли главного героя, чтобы «изменить его поведение», так как «пугать людей плохо»;

- мальчикам (77 %) интересно воплощение ролей отрицательных героев в связи тем, что те используют интересные атрибуты: «игрушку-трещалку», костюм «Кинг-конга», мотоцикл и другие.

Как отмечалось выше, для определения уровней поведенческого компонента восприятия киножурнала

«Ералаш» детям предлагалось придумать концовки просмотренных ими сюжетов из этого киножурнала.

Анализ импровизации концовок смешных историй киножурнала «Ералаш» позволил выделить следующие группы испытуемых в зависимости от характера придуманных ими творческих работ:

Первая группа (26 %) – испытуемые затрудняются придумать продолжение просмотренной комической истории киножурнала «Ералаш», ссылаясь на то, что они им неинтересны и не смешны.

Вторая группа (13,4 %) – дошкольники сочиняют положительные концовки историй (Настя М., продолжая сюжет «Кинг-конг жив», сказала: «Мальчик увидел себя в зеркале и понял, что всем людям, кого он напугал, было страшно. Он попросил у мамы конфет, раздал всем кого напугал своей обезьяной».

Третья группа (21 %) – испытуемые придумывают концовки, характеризующиеся комическим эффектом ситуации (Вика П. придумала продолжение сюжета «Котовасия»: «Девочка вызвала пожарную машину с большой лестницей, мальчик, сидевший на дереве, стал спускаться, а водитель резко лестницу убрал, и мальчик упал в лужу. Вот было бы смешно даже коту Барсику!»).

Четвертая группа (15,4 %) – дети продуцируют концовки, в которых могут фигурировать как реальные, так и сказочные персонажи (Егор Б. продолжает сюжет «Котовасия»: «И тут появился «Человек-паук» и спас мальчика, который сидел на дереве и сказал мальчику: «Зачем хвастаешься, что высоты не боишься!»).

Пятая группа (9,6 %) – дошкольники продолжают сюжет с применением конструктивных средств решения проблемы, опираясь на свой прошлый опыт (Обсуждая сюжет «Котовасия», некоторые испытуемые говорили, что, чтобы спустить мальчика с дерева, нужно было просто подогнать большую машину, как делали их родители).

Шестая группа (8,4 %) – испытуемые сочиняют концовки сюжетов киножурнала «Ералаш», в которых действующие лица киножурнала наказывают отрицательных персонажей (Ксюша К. продолжая сюжет «Весельчак» отметила: «Мальчик всех пугает своей шутовщиной каждый день. Учительнице это уже надоело, она поставила его в угол и привела потом к директору, а тот выгнал его из школы»).

Седьмая группа (6,2 %) – дошкольники продуцируют концовки сюжетов, в которых проявляется агрессия (Миша С. после просмотра сюжета «Компот» заявил: «Я бы еще после компота и крошками хлеба насыпал ему на голову, а потом испек на его голове каравай»).

Сравнительный анализ групп исследуемых в зависимости от особенностей их импровизаций концовок просмотренных комических сюжетов из киножурнала «Ералаш» свидетельствует о разных реакциях: индифферентном отношении к проявлению отрицательных нравственных качеств персонажей, о демонстрации конструктивных, а также агрессивных форм воздействия на отрицательных героев.

На основе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В восприятии детьми комических ситуаций киножурнала «Ералаш» наличествуют общие и специфические особенности его поведенческого компонента:

а) общие особенности поведенческого компонента восприятия детьми дошкольного возраста киножурнала «Ералаш» – многоуровневость, неравномерность, синхронность восприятия смешных историй из киножурнала «Ералаш»;

б) специфические особенности поведенческого компонента восприятия киножурнала «Ералаш»: де-

вочки чаще, чем мальчики проигрывают роли положительных героев; мальчики придумывают наиболее оригинальные и интересные концовки просмотренных сюжетов «Ералаша», при проигрывании ролей дети выбирают отрицательных персонажей, мотивируя приятной внешностью их или желанием посмеяться над людьми; при придумывании продолжения сюжета дети предлагали конструктивные, агрессивнее, юмористические формы импровизаций с комическим эффектом.

Литература

1. Баженова, Л. М. Психологические особенности восприятия фильмов и телевизионных передач младшими школьниками / Л. М. Баженова // Начальная школа. – 1995. – № 11.
2. Божович, Л. И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности / Л. И. Божович / под ред. Д. И. Фельдштейна. – М.: Межд. педаг. академия, 1995. – 209 с.
3. Бондаренко, Е. А. Восприятие комического дошкольниками / Е. А. Бондаренко. – Минск: Народная Асвета, 1968. – 104 с.
4. Бороденко, М. В. Два лица Януса – смеха / М. В. Бороденко. – Ростов н/Д.: Цветная печать, 1995. – 86 с.
5. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 533 с.
6. Иванова, Ю. Е. Психолого-педагогическая технология применения комического материала в коррекции агрессии старших дошкольников в ДОУ: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ю. Е. Иванова. – Казань, 2002. – 199 с.
7. Кутепова, Н. Г. Снижение тревожности у дошкольников посредством формирования у них восприятия и конструирования комического: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н. Г. Кутепова. – Казань, 2001. – 169 с.
8. Попова, О. М. Концептуальная модель формирования чувства комического в целях оптимизации эмоционально-нравственного развития дошкольников / О. М. Попова. – Шадринск: Исеть, 2006. – 476 с.
9. Спирина, А. В. Влияние восприятия телепередач с элементами насилия на отрицательные эмоциональные состояния детей дошкольного возраста / А. В. Спирина. – Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2011. – 210 с.
10. Технология коррекции отклонений в эмоционально-нравственном развитии дошкольников: учебное пособие. – Ч. 1. / Ю. М. Едиханова [и др.]; под ред. Ю. М. Едихановой. – Шадринск: ОГУП Каргапольский филиал «ШДП», 2012. – С.87 – 136.
11. Эльконин, Д. Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин. – М.: Академия, 2007. – 384 с.

Информация об авторе:

Неверова Анастасия Александровна – аспирант кафедры психологии развития и педагогической психологии Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск, +79125223882, nazarnastik@mail.ru.

Anastasiya A. Neverova – post-graduate student at the Department of Developmental Psychology and Pedagogical Psychology, Shadrinsk State Pedagogical Institute.

УДК 159.95-053.5

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ПОДРОСТКОВ

Н. И. Чернецкая

GENDER PECULIARITIES OF ELEMENTARY SCHOOL AND TEENAGE SCHOOLCHILDREN'S CREATIVE THINKING

N. I. Chernetskaya

В статье представлены результаты исследования гендерного и возрастного аспектов развития творческого мышления в школьном возрасте. Сравнительный анализ показал существенное разнообразие свойств творческого мышления у мальчиков и девочек разных возрастных групп. Выявленные особенности могут лечь в основу индивидуализированного подхода в обучении.

The article presents the results of the research of gender- and age-related aspects of creative thinking development during schooling. Comparative analysis has shown essential variety of creative thinking characteristics in boys' and girls' groups of different age. The revealed peculiarities may be taken as a basis of individualized educational approach.

Ключевые слова: творчество, творческое мышление, гендер, гендерные особенности творческого мышления.

Keywords: creativity, creative thinking, gender, gender-related creative thinking peculiarities.

Среди проблем творческого мышления в настоящее время имеются и практические, и теоретические [4; 7, с. 24 – 27]. На наш взгляд, основные сложности целенаправленного формирования творческого мышления в учебно-воспитательном процессе связаны с отсутствием единой системы психологического знания о творческом мышлении в целом, а также о его гендерных особенностях. Настоящее исследование было посвящено выявлению гендерных особенностей творческого мышления младших школьников и подростков.

В эмпирическом диагностическом исследовании (исследование выполнено при содействии Н. Г. Швайко) принимали участие младшие школьники (учащиеся третьих классов – 100 человек: по 50 девочек и мальчиков) и подростки (учащиеся восьмых классов – 100 человек: по 50 девочек и мальчиков). Общий объем выборки составил 200 человек. Средний возраст учащихся третьего класса составил девять лет, средний возраст восьмиклассников – тринадцать лет. Школьники на момент исследования обучались в МОУ «СОШ № 5», МОУ «СОШ № 19», МОУ «СОШ № 22» г. Ангарска Иркутской области.

Первым диагностическим инструментом выступал тест «Необычное использование» Е. П. Торренса. Далее были использованы три методики, также входящих в батарею Е. П. Торренса: «Определения», «Выражения» и «Эскизы». Завершающая методика – «Уровень механизма вероятностного прогнозирования» в модификации В. В. Гришина и П. В. Лушина.

Таким образом, творческое мышление измерялось по нескольким параметрам: с точки зрения «чистых» идей, способности оригинально оперировать повседневным материалом (методика «Необычное использование»), с точки зрения словесного компонента (тесты «Определение», «Выражения»), с точки зрения образного компонента (методика «Эскизы»), с точки зрения мыслительно-интеллектуального аспекта (методика «Уровень механизма вероятностного прогно-

зирования»). Некоторые выделенные параметры были поделены на более мелкие в соответствии с тестовой обработкой. В итоге работа велась с 9 тестовыми параметрами. Схема операционализации параметров в тестовые переменные представлена в таблице 1.

Было обнаружено, что в 8 параметрах из 11 (72 %) средние в группах девочек и мальчиков значительно различаются. Высокие показатели по параметрам творческого мышления у девочек образуются во многом за счёт общего женского превосходства в вербальных функциях, поэтому вербальная креативность девочек выше. Словарный запас девочек богаче, а мальчики склонны более точно и логично оформлять свою речь, они более критичны, поэтому мальчики показывали более низкие результаты по параметрам «беглость словесного творческого мышления» и «оригинальность словесного творческого мышления», а по точности их баллы были достаточно высоки.

Средние арифметические, полученные по методике «Необычное использование», представлены на рисунке 1. Данная методика показала, что девочки и мальчики третьих и восьмых классов имеют разную успешность по всем параметрам теста: количеству предложенных идей, оригинальности практического творческого мышления (редкость идей) и гибкости практического творческого мышления (разноплановость).

Видно, что по всем трём параметрам теста девочки опережают мальчиков и имеют более высокий средний балл. По параметру «беглость практического творческого мышления» девочки-третьеклассницы в 92 % случаев превосходят мальчиков того же возраста. Также значительный разрыв наблюдался и по параметру «гибкость практического творческого мышления»: девочки в 60 % случаев превышают средний показатель мальчиков. По параметру «оригинальность практического творческого мышления» также наблюдались различия, и показатели девочек снова превышают значения мальчиков.

Таблица 1

Операционализация эмпирических параметров в тестовые переменные

Эмпирические параметры творческого мышления	Тестовая операционализация эмпирических параметров	
	тестовые методики	тестовые параметры
Практическое творческое мышление, навыки оперирования простыми и сложными объектами; продуктивность творческой деятельности	«Необычное использование»	Беглость
		Гибкость
		Оригинальность
Словесное творческое мышление, продуктивное оперирование словесными образами	«Выражение» «Определение»	Беглость
		Оригинальность
		Точность
Образное творческое мышление, элементы художественного творчества	«Эскизы»	Гибкость
		Оригинальность
Механизм вероятностного прогнозирования как показатель уровня антиципации в мыслительной деятельности и проявление общей гибкости мышления	«Уровень механизма вероятностного прогнозирования»	Уровень развития механизма вероятностного прогнозирования

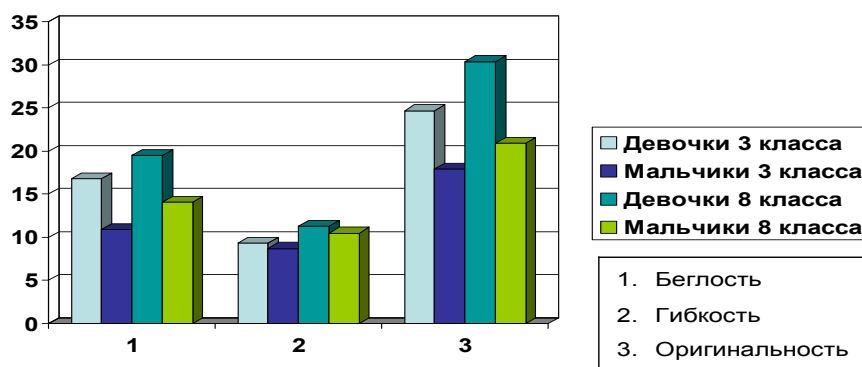

Рис. 1. Показатели средних для групп младшего школьного и подросткового возрастов по методике «Необычное использование»

Если рассматривать данные в группе подростков, то данная тенденция сохраняется: все три показателя девочек превышают показатели мальчиков. Видно, что разрыв показателей между мальчиками и девочками сохраняется к подростковому возрасту, причём различия остаются на том же уровне, что и у младших школьников. Правоммерно говорить о том, что девочки в своем творческом мышлении ориентируются в большей степени на быстроту, а мальчики – на точность. Это также подтверждает мнение о том, что девочки большое внимание уделяют деталям, мелочам, умеют видеть различные стороны объекта, абстрагироваться от его привычной и известной функции.

Рассмотрим результаты, полученные по методике «Выражение» (рис. 2). Видно, что девочки младшего школьного возраста имеют более высокие показатели по всем параметрам данной методики по сравнению с мальчиками. У подростков по методике «Выражение» наблюдается естественное увеличение средних, но различия между мальчиками и девочками у подростков сохраняются. Отметим, что по параметру «точность словесного творческого мышления» разрыв между показателями мальчиков и девочек к подростковому возрасту сократился – вероятно, данная функция творческого мышления у девочек развивается медленнее, чем у мальчиков.

Рассмотрим и проанализируем полученные результаты по методике «Определение» (рис. 3). В

предложенном тесте на подбор эпитетов было важно актуализировать набор имеющихся вариантов обработки речевого материала и проявить при этом общий запас знаний, в чём девочки вновь преуспели. Значения стандартных отклонений выше у девочек младшего школьного возраста, чем у мальчиков той же возрастной группы, следовательно, несмотря на количественное превосходство девочек по данным параметрам, их значения имеют существенный разброс в показателях. У подростков девочки превышают значения стандартных отклонений мальчиков по параметру «оригинальность словесного творческого мышления», а мальчики по параметру «беглость словесного творческого мышления» имеют более высокие значения. Следовательно, словесная беглость и оригинальность у девочек в двух возрастных группах проявилась в подборе разносторонних слов, особенно прилагательных, что наводит на мысль о том, что девочки в своём мыслительном процессе двигались от практических знаний, актуальных впечатлений к словесным формам, подходящим по смыслу. Наблюдались случаи, когда девочки младшего школьного возраста останавливались на семантических группах, а также на подборе антонимов («новая – старая», «грязная – чистая» и т. п.), что нехарактерно для мальчиков.

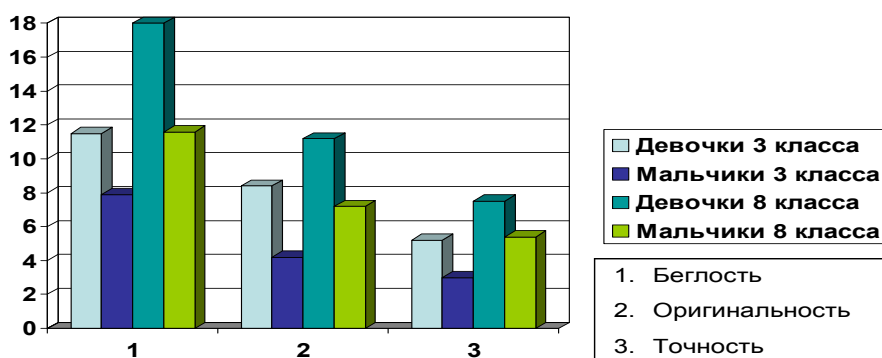

Рис. 2. Показатели средних для групп младшего школьного и подросткового возрастов по методике «Выражение»

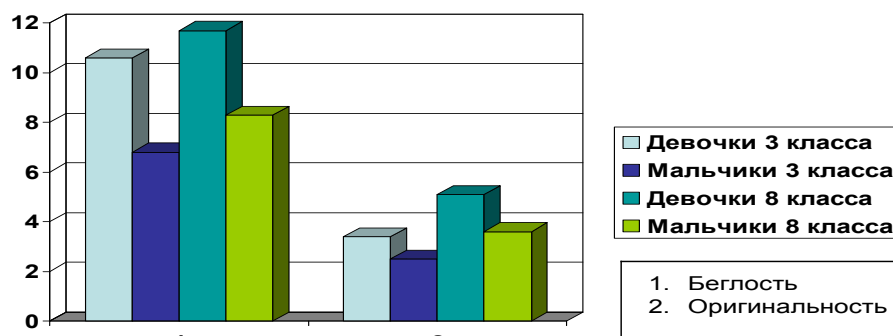

Рис. 3. Показатели средних для групп младшего школьного и подросткового возрастов по методике «Определение»

Отметим тот факт, что различия в уровне словесно-логического контроля также влияют на уровень продуктивности этого вида творческого мышления. Для девочек инструкция «любые определения, подходящие по смыслу», действительно означала «любые» без всяких ограничений. Мальчики же подвергали большей критике свои варианты и отбрасывали случайные, которые не согласовывались с общепринятой логикой. В результате они получали высокие баллы по показателю точности, но в силу того, что беглость у девочек намного выше, мальчики уступили в итоге и по параметру точности.

Полученные результаты по методике «Эскизы» представлены на рис. 4. С помощью данной методики выявлены особенности образного творческого мышления мальчиков и девочек в двух возрастных группах. Результаты здесь до некоторой степени противоположны результатам по другим методикам: пока-

затели младших школьников выше показателей подростков, а показатели мальчиков выше показателей девочек.

В целом мы считаем правомерным предполагать, что более высокие результаты младших школьников связаны с включенностью образных компонентов творческого мышления в их ведущую деятельность (учеба в начальной школе во многом базируется на образных формах, и только к подростковому возрасту акцент смещается на символические, логические, абстрактные формы). Более высокие результаты по образному творческому мышлению мальчиков мы объясняем своеобразной компенсацией ими недостаточности (по сравнению с девочками) вербальных функций, которую мы зафиксировали ранее.

Рассмотрим результаты, полученные по методике «Уровень механизма вероятностного прогнозирования» (рис. 5).

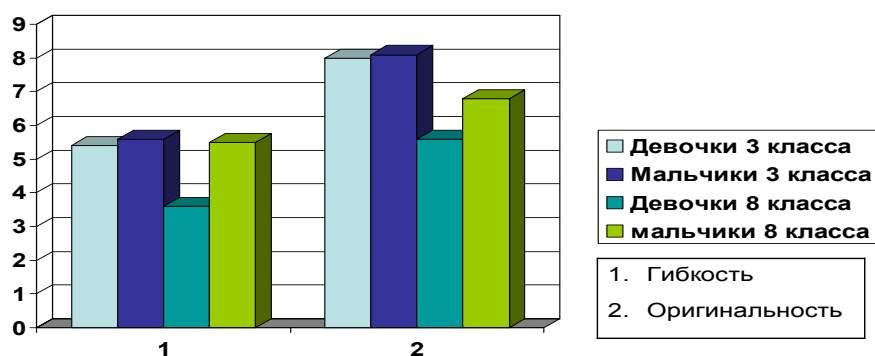

Рис. 4. Показатели средних для групп младшего школьного и подросткового возрастов по методике «Эскизы»

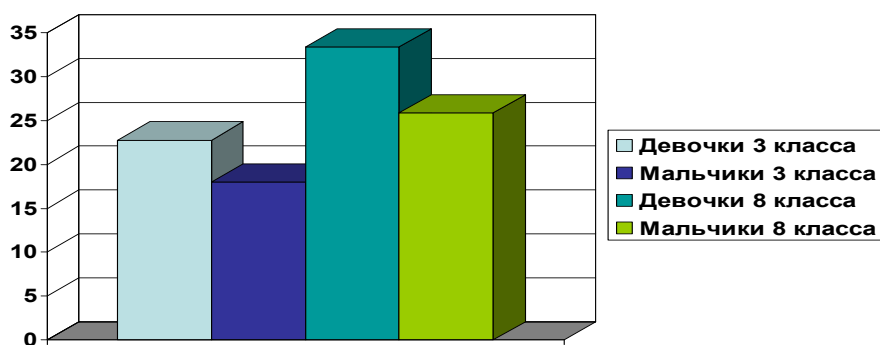

Рис. 5. Показатели средних для групп младшего школьного и подросткового возрастов по методике «Уровень вероятностного прогнозирования»

Факт большей успешности девочек в вероятностном прогнозировании объясняется их большей социальной адаптивностью, меньшей выраженностью стереотипности и большей выраженностью спонтанного, интуитивного, импульсивного в творческом мышлении, в то время как творческое мышление мальчиков более логично, консервативно, нацелено на конкретный результат и направлено на снижение «факторов риска» [1, с. 123 – 125; 2, с. 152 – 158; 5; 6].

Для проверки достоверности различий между всеми параметрами творческого мышления в четырёх выборах был проведён подсчёт при помощи угло-

го преобразования ϕ^* Фишера. Значения ϕ^* отражены в табл. 2 – 3. О значимых различиях в таблицах говорят выделенные жирно значения критерия.

Значимые различия между группой мальчиков и девочек младшего школьного возраста выявлены в 54,5 % случаев, т. е. в 6 параметрах из 11. Значимые различия между мальчиками и девочками подросткового возраста выявлены в 81,8 % случаев, т. е. в 9 параметрах из 11 имеющихся. Иначе говоря, гендерные различия в творческом мышлении к подростковому возрасту усиливаются.

Таблица 2

Различия по группам мальчиков и девочек младшего школьного возраста (по ϕ^* Фишера)

Методики	Параметры творческого мышления	Значения ϕ^*
«Необычное использование»	Беглость	5,19 ($p \leq 0.01$)
	Гибкость	1,61
	Оригинальность	1,41
«Выражение»	Беглость	2,82 ($p \leq 0.01$)
	Оригинальность	4,22 ($p \leq 0.01$)
	Точность	1,69 ($p \leq 0.05$)
«Определение»	Беглость	2,12 ($p \leq 0.05$)
	Оригинальность	0,89
«Эскизы»	Гибкость	0,08
	Оригинальность	0,08
«Вероятностное прогнозирование»	Уровень вероятностного прогнозирования	2,08 ($p \leq 0.05$)

Таблица 3

Различия по группам мальчиков и девочек подросткового возраста (по ϕ^* Фишера)

Методики	Параметры творческого мышления	Значения ϕ^*
«Необычное использование»	Беглость	5,24 ($p \leq 0.01$)
	Гибкость	1,82 ($p \leq 0.05$)
	Оригинальность	6,37 ($p \leq 0.01$)
«Выражение»	Беглость	5,98 ($p \leq 0.01$)
	Оригинальность	5,64 ($p \leq 0.01$)
	Точность	3,26 ($p \leq 0.01$)
«Определение»	Беглость	5,12 ($p \leq 0.01$)
	Оригинальность	2,66 ($p \leq 0.01$)
«Эскизы»	Гибкость	0,75
	Оригинальность	0,31
«Вероятностное прогнозирование»	Уровень вероятностного прогнозирования	3,47 ($p \leq 0.01$)

Итак, обработка тестового материала по всему объёму выборок, проверка полученных различий критерием Φ^* показали, что у исследуемых девочек и мальчиков двух возрастных групп различия в выделенных параметрах творческого мышления имеются более чем в половине случаев. Другими словами, творческое мышление существенно различается у мальчиков и девочек по значительному числу параметров, и эти различия увеличиваются к подростковому возрасту.

Исследуя гендерные особенности творческого мышления учащихся младшего школьного возраста и подростков, мы обнаружили, что их творческое мышление различно по параметрам: беглость, оригинальность, точность, гибкость словесного и практического творческого мышления, по образному творческому мышлению, а также по механизму вероятностного прогнозирования. Можно утверждать, что развитие творческого мышления зависит от того, как развиты другие познавательные процессы, на которых базируется его формирование.

Говоря о различиях мальчиков и девочек в обеих возрастных группах, можно утверждать, что у мальчиков младшего школьного и подросткового возраста имеется некоторое превосходство по показателям образного творчества. Таким образом, в заданиях, где не требуется применение лингвистических функций, мальчики превосходят девочек, т. к. у мальчиков лучше развиты пространственные способности, следова-

тельно, их образное творческое мышление имеет более высокий уровень развития.

Девочки двух возрастных групп в целом обнаружили превосходство по параметрам беглости, гибкости, оригинальности в тестах на вербальное творческое мышление, что связано с более высоким уровнем развития у них вербальных функций в целом.

Степень интегрированности свойств внимания также имеет выраженные гендерные различия, которые оказывают влияние на творческое мышление. При выполнении задания, где требуется одновременно точность и скорость, девочки ориентируются на быстроту, а мальчики – на точность работы. Причина того, что мальчики по многим параметрам оказались менее успешны, может быть в том, что мальчики данного возраста лучше разграничивают здравый смысл и эмоции и в целом более критичны.

Психологические особенности творческого мышления мальчиков и девочек младшего школьного и подросткового возрастов являются необходимой основой при воспитании самостоятельно мыслящего школьника, обладающего способностью на основе ранее приобретённых знаний и представлений создавать собственное оригинальное суждение. Выявленные гендерные особенности также могут быть полезны при составлении коррекционно-развивающих программ, направленных на оптимизацию творческого мышления учащихся, а также могут стать логичной основой индивидуализации обучения мальчиков и девочек в школе [3, с. 64 – 69].

Литература

1. Абибукова, Н. И. Что такое «гендер»? / Н. И. Абибукова // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6.
2. Агеев, В. С. Психологические и социальные функции поло-ролевых стереотипов / В. С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2.
3. Бреслав, Г. М. Половые различия и современное школьное образование / Г. М. Бреслав, Б. И. Хасан // Вопросы психологии. – 1990. – № 3.
4. Гариен, М. Мальчики и девочки учатся по-разному! Руководство для педагогов и родителей / М. Гариен: [пер. с англ.]. – М.: АСТ, 2004.
5. Григорович, Л. А. Педагогические основы развития творческого мышления на начальном этапе становления личности / Л. А. Григорович. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996.
6. Еремеева, В. Д. Девочки и мальчики – два разных мира / В. Д. Еремеева, Т. П. Хризман. – СПб.: Туска-рора, 2001.
7. Резапкина, Т. В. Творческое мышление в условиях образовательного процесса / Т. В. Резапкина // Школьный психолог. – 2006. – № 4.

Информация об авторе:

Чернецкая Надежда Игоревна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии филиала Иркутского государственного университета в г. Ангарске, 89025612656, cherneta@yandex.ru.

Nadezhda I. Chernetskaya – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Angarsk Branch of Irkutsk State University.

ФИЗИКА

УДК 621.383.5

ЭЛЕКТРОФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНТАКТОВ С БАРЬЕРОМ
ШОТТКИ НА ОСНОВЕ $\text{IrSi} - \text{Si}$

Э. А. Керимов

ELECTROPHYSICAL PROPERTIES OF CONTACTS WITH
 $\text{IrSi} - \text{Si}$ SCHOTTKY BARRIER

E. A. Kerimov

Основная цель работы исследование особенностей роста силицида иридия и методика изготовления фоточувствительных элементов на основе силицида иридия – кремния. Изучены поверхности $\text{IrSi} - \text{p} - \text{Si}$ и $\text{IrSi} - \text{p} - \text{Si}$ полученные магнетронным распылением.

Обнаружено, что на поверхности IrSi , полученных магнетронным распылением, в атмосфере N_2 наблюдается отверстие, такие же дефекты наблюдаются в IrSi , полученных методом термического испарения в вакууме. Уменьшение размеров дефектов при отжиге в смеси газов $\text{N}_2 + \text{H}_2 + \text{O}_2$ объясняется тем, что иридий разлагает нейтральные атомы водорода, которые в свою очередь взаимодействуют с адсорбированным кислородом и при повышении температуры либо десорбируют, либо вытесняются на поверхность кремния.

Holes in N_2 atmosphere were detected on the IrSi surface, obtained by magnetron spraying, the same defects are observed in IrSi , obtained by method of thermal evaporation in vacuum. The decrease in defects size by annealing in a $\text{N}_2 + \text{H}_2 + \text{O}_2$ gas mixture is due to iridium decomposing the neutral hydrogen atoms, which in turn interact with the adsorbed oxygen, and are further desorbed or replaced to the silicon surface by temperature increasing.

Ключевые слова: Барьер Шоттки, силицид иридия, геометрический шум, фоточувствительность, Шоттки – матрицы, отжиг, диодные структуры.

Keywords: Schottky barrier, iridium silicide, geometric noise, photosensitivity, Schottky – matrixes, annealing, diode structures.

Введение

Для того чтобы исключить геометрический шум в многоэлементных ИК – фотоприемниках с большим числом элементов на цифровую систему обработки сигнала накладываются очень жесткие требования по быстродействию и разрядности.

Существует иной путь исключения геометрического шума, который обеспечивает высокую однородность по отдельным элементам. На границе раздела силицид металла – кремний возникает барьер Шоттки. Преимуществом такого барьера является отсутствие влияния на его свойства поверхностных дефектов, окислов и загрязнений на поверхности кремния. Поэтому квантовый выход и фоточувствительность этих диодов определяется в основном электронными и оптическими процессами в силициде металла, а не полупроводнике. Исходя из этого, фоточувствительность диодов Шоттки в первом приближении не зависит от таких параметров полупроводника как степень легирования и уровень компенсации примесей, а также от времени жизни неосновных носителей тока. Тем самым исключаются основные причины вызывающие неравномерность чувствительности в многоэлементных матрицах, главной из которых в Шоттки – матрицах, является разброс геометрических размеров чувствительных элементов (по относительной величине он составляет доли процента).

Методика эксперимента

Диоды с барьером Шоттки на основе контакта $\text{IrSi} - \text{Si}$ могут использоваться в качестве детекторов для регистрации излучения в ИК – области спектра. Однако квантовая эффективность у таких приемников очень мала по сравнению с фотоприемниками на основе узкозонных полупроводников и на $\text{p} - \text{n}$ переходах. Для увеличения квантовой эффективности Шоттки – приемники изготавливаются, как будет показано в виде так называемой «оптической полости», причем толщина IrSi не должна превышать $100 \text{ \AA}$. С этой целью нами разработан технологический режим многослойной металлизации для получения тонких контактов $\text{IrSi} - \text{Si}$.

В настоящее время благодаря своей простоте и универсальности с базовой технологией изготовления интегральных схем (ИС), широкое распространение получил метод диффузионного синтеза слоев силицида [1]. Диффузионное перемешивание имеет место при термообработке двухкомпонентной смеси металла или пленки металла, осажденной на кремниевую подложку. На поверхность кремния наносятся тонкий слой металла толщиной $100 - 500 \text{ \AA}$, после чего структуру металл – кремний подвергают термическому нагреву в вакууме при температурах $473 - 973 \text{ K}$ в течении $10 - 60$ минут. Это приводит к формированию, в результате реакции металла с кремнием, однородного слоя Ir_2Si , в промежуточной области между Ir_2Si и кремниевой подложкой начинается образова-

ние слоя IrSi. Контакт Ir/Si последовательно проходит через фазы:

$\text{Ir} - \text{Ir}_2\text{Si} - \text{Si} \rightarrow \text{Ir} - \text{Ir}_2\text{Si} \cdots \text{IrSi} - \text{Si} \rightarrow \text{Ir}_2\text{Si} - \text{IrSi} - \text{Si}$.

Эта реакция протекает до тех пор, пока весь слой $\text{IrSi} \cdots \text{Ir}_2\text{Si} \cdots \text{Ir}_3\text{Si} \cdots \text{IrSi}_3 \cdots \text{Ir}_2\text{Si}$ не прореагирует с Si и не превратится в результате такой реакции в IrSi, который остается стабильным в контакте с кремниевой подложкой.

При формировании силицида путем реакции между пленкой металла (Ir) и кремнием следует учитывать количество кремния, потребляемого металлической пленкой. Такого рода расчеты представлены в таблице в ходе, которых использовались теоретические значения плотностей Ir, Si и IrSi.

Таблица 1

Толщина I слоя Ir, Å	80
Толщина II слоя Si, Å	15
Толщина III слоя Ir, Å	10
Толщина IV слоя Si, Å	15
Толщина V слоя Ir, Å	10
Толщина VI слоя Si, Å	15
Толщина VII слоя Ir, Å	10

Однако практическая реализация подобного режима в настоящее время затруднительна в силу несовершенства напылительных установок. Поэтому дальнейшие результаты будут относиться к режиму однослойной металлизации. Для изучения закономерностей формирования силицида иридия, определена зависимость толщины пленки IrSi от времени отжига (рис. 1).

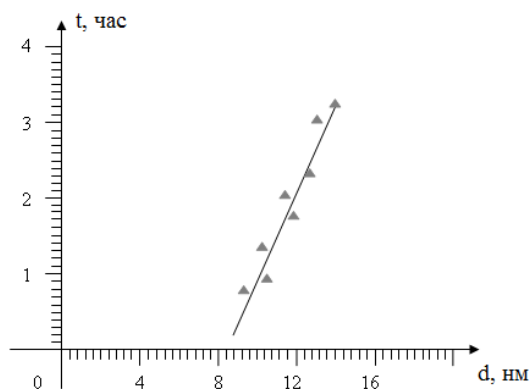

Рис. 1. Зависимость толщины (d) пленки от времени (t) отжига

Толщина IrSi измерялась оптическим методом на микроинтерферометре Линника – 4. Контролируемым параметром полученных пленок являлся поверхностное сопротивление, которое измерялось четырехзондовым методом на установке ИУС – 3М. Обнаружено, что скорость образования пленки силицида иридия подчиняется параболическому закону [1]. Структуры этих образцов были исследованы на электронографе ЭГ – 100А методом «на отражение». Электронограмма поверхности IrSi – n – Si показана на рис. 2.

Рис. 2. Электронограмма поверхности IrSi – n – Si

Межплоскостные расстояния d_{hkl} , полученные из измерений дебаевских колец, имеют достаточно хорошее соответствие структуре моноклинной двуокиси кремния типа C2/2 (таблица 2), параметры решетки которых равны: $a = 7,2 \text{ Å}$, $b = 12,64 \text{ Å}$, $c = 7,2 \text{ Å}$, $\beta = 120^\circ$.

Таблица 2

Радиус кольцо Дебая, мм	$d_{hkl} \text{ Å}$ IrSi – Si (p)	Радиус кольцо Дебая, мм	$d_{hkl} \text{ Å}$ IrSi – Si (n)
10,52	3,59	11,2	3,43
12,61	3,21	12,9	2,91
12,29	2,91	15,49	2,43
15,61	2,47	18,7	2,04
16,49	2,26	20,5	1,87
18,99	1,97	22,6	1,66
19,91	1,98		
21,87	1,91		

Наблюдается четкая картина Кикучи, полученная электронограмма поверхности IrSi – p – Si (рис. 3) свидетельствует о высокой степени совершенства монокристалла. Анализ электронографических исследований показывает, что окисная пленка на поверхности IrSi – p – Si получается на 15 Å тоньше, чем окисная пленка на IrSi – n – Si.

Поверхность IrSi – Si изучена также в микроскопе «Биолам». Обнаружено, что на поверхности IrSi полученных магнетронным распылением в атмосфере N₂ наблюдаются отверстия, которые хорошо видны под микроскопом. Такие же дефекты наблюдаются в IrSi полученных методом термического испарения в вакууме. Диаметр отверстий полученных в вакууме значительно меньше, но больше полученных в атмосфере смеси газов N₂ + H₂ + O₂. Образование отверстий на поверхности IrSi, связано по-видимому, плохой химической чистотой азота, в среде которого проводился отжиг.

Образование дефектов в IrSi полученных в вакууме объясняется собственными примесями. Так как кремний имеет Таммовские уровни, то из окружающей среды легко адсорбирует кислород и другие соединения. Собственными примесями являются примеси образующихся хемосорбцией. Примеси образующиеся в результате действия сил Ван – дер – Ваальса, а также электростатической поляризации очень быстро десорбируют.

Уменьшение размеров дефектов при отжиге в смеси газов N₂ + H₂ + O₂ объясняется тем, что иридий разлагает нейтральные атомы водорода, которые в свою очередь взаимодействуют с адсорбированным кислородом и при повышении температуры либо десорбируют, либо вытесняются на поверхность кремния.

Рис. 3. Электронограмма поверхности IrSi – p – Si

На рис. 4 показана микрофотография, полученная в электронном микроскопе. Как видно из рисунка, после термообработки из-за обрыва или низкого качества SiO₂ получается прокол перехода. Иногда такие дефекты образуются при длительном протекании тока через контакты. На практике для устранения этих дефектов применяют метод формирования металлизации с большими размерами зерен.

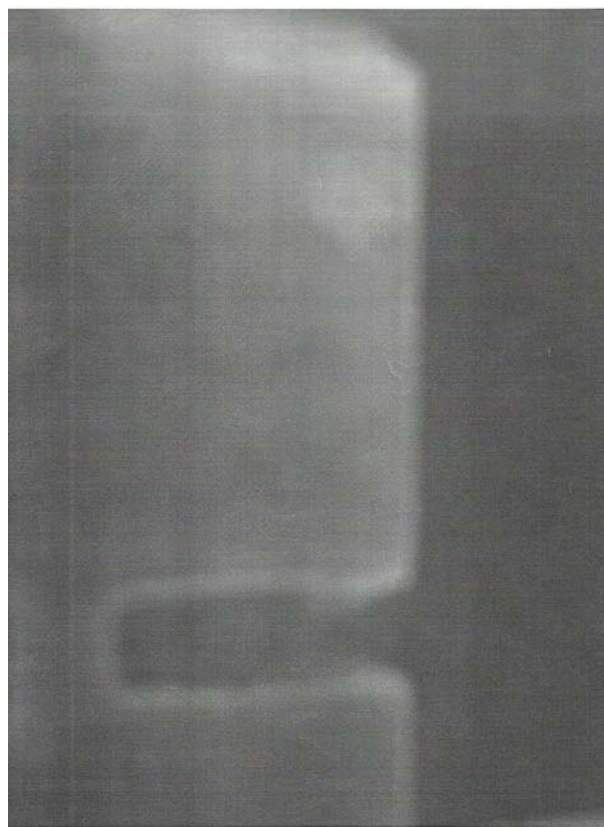

Рис. 4. Микрофотография структур IrSi – Si полученных в электронном микроскопе ЭВМ – 100Л

Сам же процесс изготовления фоточувствительных структур можно описать следующей схемой:

- окисление кремния р типа (n-типа);
- открытие окон для формирования охранных p(p) областей;
- диффузия фосфора (бора) для формирования p областей (p-областей);
- вскрытие окон для формирования барьерных слоев;
- нанесение тонкого слоя металла (Ir);
- отжиг в вакууме и смеси газов (N₂ + H₂) для образования слоя IrSi;
- снятие непрореагировавших Ir и SiO₂;
- нанесение диффузионно-барьерного слоя TiW и алюминиевого контакта;
- удаление сплава TiW и Al в контактном окне до пленки IrSi;
- нанесение просветляющего покрытия.

Схематический разрез структуры показан на рис. 5.

Полученные результаты и их обсуждение

В работе исследовались электрофизические свойства структур Al – TiW – IrSi – Si – Al, а также Al – IrSi – Si – Al получались как термическим испарением, так и методом магнетронного испарения.

Измерения вольтамперных характеристик структур проводились в статическом режиме при помощи установки, блок-схема которой приведена в работе [2]. Ток, протекающий, через диод Шоттки измерялся по падению напряжения на входном сопротивлении электрометрического усилителя, соединенного последовательно с исследуемым диодом и источником пи-

тания. Входные сопротивления усилителей предварительно градуировались посредством сравнения их номинала с эталонным сопротивлением.

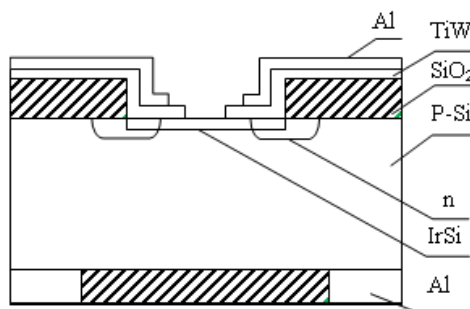

Рис. 5. Поперечное сечение фотодиодов с барьером Шоттки на основе IrSi – Si

Основное затруднение при измерениях высокоомных образцов заключается в отсутствии возможности непосредственного измерения напряжения на образце, так как подключение к образцу вольтметра с малым входным сопротивлением приводит к значительной утечке тока через вольтметр. Использование же электрометрического вольтметра с очень большим входным сопротивлением в силу ряда обстоятельств, приводит к появлению сильного фона, который в свою очередь появляется в результате влияния электрометрического измерителя тока на электрометрический вольтметр. На рис. 6 приведена вольтамперная характеристика (ВАХ) контакта IrSi – n – Si при разных температурах. ВАХ диодных структур имеют униполярный вид с коэффициентом выпрямления $10^4 - 10^5$. Прямые ветви ВАХ линейны в координатах $\lg I$ от U в диапазоне токов $10^{-8} - 10^{-4}$ А.

Наблюдаемая зависимость плотности тока от приложенного напряжения хорошо согласуется с теорией термоэлектронной эмиссии:

$$J = J_s \left(\exp \left(\frac{qU}{nkT} \right) - 1 \right), \quad (1)$$

где J_s – плотность тока насыщения, n – коэффициент неидеальности, k – постоянная Больцмана, T – температура в градусах Кельвина.

Коэффициент неидеальности диодов лежит в пределах $1,06 - 1,10$, величина плотности тока составляет $0,1 \text{ мА} \cdot \text{см}^2$ при напряжении 8 В.

Высота барьера Шоттки, образующегося на границе раздела силицид иридия – кремний вычислялась из формулы для плотности тока насыщения:

$$J_s = AT^2 \exp \left(\frac{q}{kT} \right) (\phi - \Delta\phi), \quad (2)$$

где, ϕ – высота барьера Шоттки, $\Delta\phi$ – понижения барьера благодаря поляризационной силе, связано с максимальным электрическим полем в контакте по формуле:

$$\Delta\phi = \left(\frac{qE_m}{4\pi\epsilon_s} \right)^{\frac{1}{2}} \quad (3)$$

$$E_m = \left[\frac{2qN_D}{\epsilon\epsilon_0 \left(V + V_i - \frac{kT}{q} \right)} \right]^{\frac{1}{2}} \quad (4)$$

Высота барьера находится по формуле:

$$\phi = \left(\frac{kT}{q} \right) \frac{\ln AT^2}{J_s} = \left(-\frac{kT}{0,43} \right) \frac{\ln J_s}{AT^2}, \quad (5)$$

в которой, экстраполируя линейную часть вольтамперной характеристики в шоттковских координатах к нулевому напряжению до пересечения с осью токов, можно по величине тока отсечки рассчитать высоту потенциального барьера. Рассчитанная таким образом величина потенциального барьера на границе IrSi – n – Si оказалась 0,93 эВ.

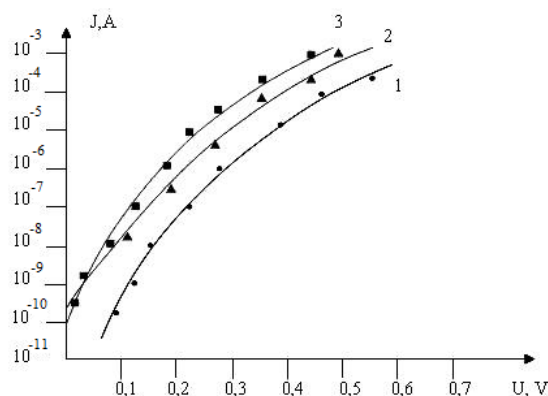

Рис. 6. Вольтамперные характеристики при разных температурах: 1 – 300°С, 2 – 400°С, 3 – 500°С

Характеристики структур на основе IrSi – p – Si при комнатной температуре соответствует омическим. Прямые и обратные ветви ВАХ практически линейны и симметричны. При охлаждении структуры до 80 К ВАХ приобретает сильно униполярный вид. Рассчитанная величина потенциального барьера на границе IrSi – p – Si равна 0,16 эВ. В [3] изучены зависимости между параметрами контакта, представляющего собой параллельное соединение трех диодов Шоттки, поскольку считаем, что этот случай более приближен к реальному контакту, ибо известно, что некоторые металлы образуют с кремнием силициды различных фаз: M_2Si , MSi , $MeSi_2$.

Усреднением плотности тока по площади составляющих диодов, в рамках трехдиодной модели для среднего значения высоты барьера, получена формула:

$$\overline{\Phi_B} = \Phi_B^{(1)} - kT \ln \left[\omega_1 + \omega_2 e^{-\frac{\Delta\Phi_B^{(2)}}{kT}} + \omega_3 e^{-\frac{\Delta\Phi_B^{(3)}}{kT}} \right], \quad (6)$$

где $\Phi_B^{(1)}$ – высота барьера первого диода, $\Delta\Phi_B^{(2)}$ – контрастность высот барьеров первого и второго диодов, $\Phi_B^{(3)}$ – контрастность высот барьеров первого и

третьего диодов, $\omega_1 = S_1/S_0$, $\omega_2 = S_2/S_0$, $\omega_3 = 1 - (\omega_1 + \omega_2) = S_3/S_0$ соответственно, относительные площади первого, второго, третьего диодов. Здесь за параметры неоднородности приняты следующие величины: ω_i и $\Delta\Phi_B^{(i)}/kT$ ($i = 1, 2, 3$).

Преобразовывая формулу, получим:

$$\Delta\Phi_B = -kT \ln \left[\omega_1 + \omega_2 e^{-\frac{\Delta\Phi_B^{(2)}}{kT}} + \omega_3 e^{-\frac{\Delta\Phi_B^{(3)}}{kT}} \right]. \quad (7)$$

Таким образом, предложенные параметры ω_i и $\Delta\Phi_B^{(i)}/kT$ оказываются наглядным доказательством тому, как неоднородность границы раздела металл – полупроводник изменяет характеристики диодов Шоттки, в данном случае – высоту барьера.

Литература

1. Мюрарка, Ш. Силициды для СБИС / Ш. Мюрарка. – М.: Мир, 1986. – С. 136 – 137.
2. Тришенков, М. А. Фотоприемные устройства и ПЗС / М. А. Тришенков. – М.: Радио и связь, 1992. – 400 с.
3. Elliott, C. T. Future infrared detector technologies / C. T. Elliott // Fourth Int. Conf. on Advanced Infrared Detectors and Systems. – 1990. – P. 61 – 66.
4. Byrne, C. F. Infrared photodiodes formed in mercury cadmium telluride grown by MOCVD / C. F. Byrne, P. Knowles // Semicond. Sci. Technol. – 1988. – № 3. – P. 377 – 381.

Информация об авторе:

Керимов Эльчин Ахмед оглы – кандидат физико-математических наук, доцент, начальник отдела Национального Аэрокосмического Агентства Азербайджана, 0503303503, E_Kerimov.fizik@mail.ru.

Elchin A. Kerimov – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Head of the Department of National Aerospace Agency of Azerbaijan.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 378

УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. В. Володина

CONDITIONS AND PECULIARITIES OF FOREIGN LITERATURE PERCEPTION AND COMPREHENSION

O. V. Volodina

В статье представлены особенности восприятия и осмысления иноязычного текста. Работа с текстами иноязычной литературой предполагает как активное освоение языковых средств, так и овладение учащимися разнообразными формами взаимодействия и общения, что способствует формированию межкультурной компетенции. Основными критериями отбора текстов являются языковая и смысловая доступность, соответствие возрастным особенностям и интересам учащихся, принадлежность к различным литературным жанрам, тематическая близость с произведениями родной литературы.

The paper reveals the conditions and peculiarities of a foreign language text perception and comprehension. Work with foreign language texts includes both active developments of linguistic resources, and learners mastering various forms of interaction and communication, which promotes cross-cultural competence. The main criteria for the selection of texts are linguistic and semantic accessibility, relevance to students' age and interests, belonging to different literary genres, thematic affinity with the works of native literature.

Ключевые слова: текст, иноязычная литература, чтение, критерии отбора текстов, антиципация, интерпретация.

Keywords: text, foreign language, literature, reading, text selection criteria, anticipation, interpretation.

Потребности духовных и материальных сфер современного общества актуализируют проблему обучения иностранному языку – гуманитарному предме-

ту, выступающему одним из средств гуманизации образования. Гуманизация образования реализуется в представлении в ней культуры – индивидуально (лич-

ностно) освоенных духовных ценностей. “Культура через язык и язык через культуру” (Е. И. Пассов) подразумевает усвоение явлений культуры в процессе использования языка как средства общения и изучение языка как средства общения при постижении фактов культуры [4].

Культура предстает, в том числе, и в виде разнообразных текстов. Понятие “текст” на современном этапе развития науки рассматривается на пересечении текстологии, лингвистики, феноменологии, поэтики, риторики, прагматики, когнитологии, семиотики, герменевтики. Текст является “механизмом, который управляет процессом понимания” (А. А. Блудный), смыслопорождающим устройством, обладающим пролонгированной историей и многократно реинтерпретирующимся в процессе развития человеческой культуры. Следовательно, текст обладает множеством уровней: от общей связности до сложной дешифруемой структуры. Текст состоит из сочетаний знаков, выражающих адресованное, компактное, смыслозначимое, доступное для понимания содержание, развернутое по стреле времени (т. е. имеющее начало и конец). Текст выполняет информативную, креативную функции и функцию памяти (Ю. М. Лотман). К текстам культуры относится и художественный текст иноязычной литературы. Художественный текст становится культурным текстом при условии выявления и осмысления учащимися и преподавателем в нем образовательных возможностей.

Обучение самостоятельному чтению иноязычных литературных текстов как рецептивному, внешне не выраженному (за исключением чтения вслух) виду речевой деятельности требует от учащегося владения его психологическими механизмами. Необходимо учитывать следующие психологические особенности чтения как вида речевой деятельности:

1) мотивированность – сложное взаимодействие различных потребностей читателя (коммуникативных, познавательных, эстетических, нравственных и др.), мотивов чтения – внутреннего побуждения читающего в форме вероятностного представления о качествах читаемого, стимулов (стимуляторов) – внешних побудителей к деятельности, интересов – “встреч потребностей с предметом как акт опредмечивания потребности” (А. Н. Леонтьев) и цели – результата. Постановка речевой задачи стимулирует чтение в потребностно-мотивационном аспекте и определяет его процесс;

2) целенаправленность – ориентированность на результаты деятельности. Так как чтение – это рецептивный, а не продуктивный вид речевой деятельности, то оно направлено на самого читателя, на удовлетворение его потребностей, желаний и интересов. Целенаправленность чтения как деятельности и продукта определена решением коммуникативных задач;

3) связь с мышлением проявляется в том, что без мышления невозможно усвоение и анализ читаемого, постижение его смысла, осознание цели, которую преследует автор. Следовательно, мышление обеспечивает понимание читаемого на всех уровнях и обуславливает отношение читателя к прочитанному;

4) связь с другими видами человеческой деятельности. Чтение как один из видов речевой деятельно-

сти связано с говорением, аудированием и письмом. Кроме того, оно связано с деятельностью человека во всех ее аспектах – познавательной, преобразовательной, ценностно-ориентированной и общением (М. С. Каган).

Необходимо различать чтение как операционный (навыковый) уровень умения и собственно умение читать. Умение читать как самостоятельное явление выступает целью обучения иностранному языку и обладает следующими характеристиками:

а) целенаправленностью, обуславливающей стратегию и тактику чтения;

б) динамичностью, позволяющей читателю работать с текстами нового содержания и нового плана;

в) продуктивностью – количеством полученной информации, извлеченной из прочитанного текста в соответствии с целью чтения в заданное время;

г) интегративностью – соединением навыков, объединением нового и имеющегося опыта субъекта и др. Владение чтением представляет собой умение читать, поэтому оно обладает всеми качествами умения: мотивированностью, беспереводностью, самостоятельностью субъекта, синтетичностью действий и операций, неподготовленностью и т. д.

В методике преподавания иностранных языков выделяют следующие виды чтения: аналитическое – синтетическое, переводное – беспереводное, подготовленное – неподготовленное и др. Каждый из терминов подчеркивает отдельную сторону подготовки к чтению, его организацию и процесс. В учебном процессе необходимо использовать все виды чтения. Синтетическое чтение – это беглое чтение про себя беспереводного характера, подразумевающее умение опираться на контекст для понимания языковых средств. В процессе синтетического чтения субъект концентрирует внимание на содержании текста. Объектом проверки результативности синтетического чтения является понимание читаемого материала. Аналитическое чтение является средством сознательного анализа языковой информации в тексте с целью усвоения, сопоставления и лучшего понимания его содержания и смысла. Такой вид чтения способствует усвоению слов и грамматических форм, орфографических и стилистических особенностей иностранного языка, а также учит осмыслению текста.

Предметом чтения как деятельности выступает мысль, представленная в письменном высказывании, а практический результат чтения – понимание изложенной в тексте мысли. Понимание иноязычного текста обусловлено следующими предпосылками:

а) определенным уровнем чтения как вида речевой деятельности;

б) уровнем техники чтения у читателя;

в) наличием задачи (смысловой установки и мотивационной потребности) в процессе чтения;

г) степенью трудности текста и уровнем умственного развития учащихся и др.

Понимание определяется следующими качественными характеристиками результата чтения как деятельности:

а) полнотой – количественной мерой информации, извлеченной из текста;

б) точностью – качественным аспектом восприятия, то есть правильностью понимания языковой формы текста;

в) глубиной – интеграцией выявленной информации, обусловленной фоновыми знаниями субъекта и его умственными способностями.

Понятие “понимание” трактуется как переход от текста к отвечающему ему образу, адекватному исходному, поэтому понимание при чтении направлено на содержательную сторону [3]. Предметами понимания не являются формально-структурные компоненты иноязычного текста, которые воспринимаются и перерабатываются автоматизированно. Форма как заданное и значение как приписываемое – лишь исходные звенья процесса порождения внутреннего образа текста, который затем вплетается в мыслительную и творческую деятельность читателя. В дальнейшем понимание ведет к выявлению смыслозначимого в предметах и явлениях реальной действительности. Чтение предполагает следующие уровни понимания:

1) понимание общего логического содержания текст (основной категориально-познавательной и ситуативно-познавательной информации);

2) понимание общего содержания и его деталей (выявление логического, эмоционального и волевого аспектов текста, не постигая его общую идею);

3) понимание познавательной и эмоциональной информации (ясна позиция и отношение автора к представленным в тексте мыслям, предметам и объектам; понимание такого уровня подразумевает наличие знаний языковых стилистических приемов (метафор, идиом и др.), т. е. требует хорошего знания ИЯ);

4) понимание логического, волевого и эмоционального планов информации (эмоциональная направленность преобразует читателя из воспринимающего объекта в сопереживающего субъекта, волевая и побудительная направленность текста превращается в стимул его дальнейшей деятельности).

В практике обучения иностранным языкам целесообразно использовать тексты, доступные для самого высокого уровня понимания. В ином случае чтение на иностранном языке будет для учащихся неинтересным, утомительным, будет расцениваться ими как тяжелая обязанность. Процесс понимания текста облегчается, если есть отправная точка, благодаря которой создается определенная направленность на дальнейшее содержание текста, возникает предвосхищение – антиципация. Поводом для возникновения антиципации может быть заглавие текста, предисловие, эпиграф, оглавление, иллюстрации к тексту, список действующих лиц, перечень географических названий и др. Перевод и анализ с опорой на контекст (синтетическое восприятие) являются основными средствами, обеспечивающими понимание трудных мест текста. Чтение текстов разной степени сложности выдвигает перед преподавателем на первый план такие задачи, как научить учеников синтезировать знакомое, доступное непосредственному пониманию, или научить анализировать трудное для понимания, неизвестное.

Успешность работы с иноязычной литературой зависит от материала для чтения. Содержание текстов определяет воспитательное и познавательное значе-

ние чтения. Доступность текста и интересная фабула стимулируют возникновение интереса к чтению. Успех обучения чтению зависит целиком от книги, а учитель выступает только как организатор учебного процесса. Доступность текста с точки зрения языковых средств и ограничение объема текста являются важными критериями отбора текста, так как иначе чтение будет расцениваться студентами как сложное, неинтересное, утомительное. Представляется рациональным с точки зрения объема и доступности решать вопрос об отборе художественных произведений в первую очередь с учетом простых по композиции литературных жанров малых и средних форм (коротких рассказов, новелл, сказок). Этот выбор мотивирован компактностью и наглядностью использования языковых средств. Крупнообъемные произведения следует представлять отрывками – текстами художественных произведений, отражающими наиболее характерные черты подлинника. Необходимо учитывать конечные и промежуточные цели обучения чтению на иностранном языке, стадию обучения, возрастные особенности и уровень образовательного уровня учащихся. Тематика текстов должна соответствовать интересам обучающихся. Такими темами во всех литературных жанрах выступают проблемы вечных, общечеловеческих ценностей: любви, дружбы, гуманности, верности, патриотизма, милосердия, взаимоотношений между людьми. Тексты литературных произведений должны, с одной стороны, затрагивать жизненный опыт учащегося, с другой – должны способствовать изучению иноязычных культур, отражать сущность историко-культурного развития стран изучаемого языка, их реалий, тем самым усиливая страноведческий и культуроведческий аспекты преподавания иностранного языка. Целесообразно разнообразить темы: использовать произведения, представляющие важнейшие течения в литературе, ее основные жанры и разновидности, что позволит расширить кругозор учащихся, сформировать у них представление о литературе стран изучаемого языка. Возможно, что, заинтересовавшись отрывком художественного произведения, ученик в дальнейшем обратится к целому произведению, пусть даже в переводе. При отборе драматических произведений следует обратить внимание на те, которые могут быть воплощены на сцене студенческого театра. Обучающиеся охотно применяют прочитанное во внеурочной деятельности, что стимулирует их читательскую и речевую активность. Целесообразно предлагать стихотворные произведения, так как они вызывают эмоции у учащихся, отражающие их мысли и чувства, побуждают к сопереживанию, углубляют знания в различных областях [2, с. 141]. Такой вид работы способствует развитию личности, воздействуя на ее эмоциональную и эстетическую сферы. Используя поэзию с целью развития эмоционально-ценностного опыта общения, преподаватель глубже узнает своего ученика, раскрывает его психологический портрет. Работа с иноязычной поэзией имеет развивающее значение; помогает обеспечить не только языковую атмосферу на уроке, но и особый психологический комфорт. Эмоциональный отклик, эмоциональная реакция, эмоциональный тон, эмоциональный настрой на изучение иноязычного ли-

тературного материала, высокая работоспособность, доброжелательность, приветливость, открытость, инициативность каждого субъекта учебного процесса возникают при условии благоприятного психологического климата как совокупности социально-психологических отношений в учебном коллективе, содействующих свободному проявлению “Я” учащегося [1, с. 73]. Такая атмосфера аккумулирует ситуацию успеха в процессе обучения иностранному языку средствами иноязычной литературы, обеспечивает самоактуализацию и самореализацию обучающихся.

Важным аспектом отбора содержания литературного образования на занятиях по иностранному языку является выявление точек соприкосновения, параллелей и связей с родной литературой по линии тематической близости и общности отображений мира. Присутствие таких связей побуждает к обмену мыслями, идеями по прочитанному, формированию представлений об иноязычной литературе как части мирового литературного процесса.

Преподаватель должен прогнозировать трудности предлагаемых иноязычных текстов и, следовательно, думать о том, как частично снимать эти проблемы и вместе с тем учить обучающихся разрешать их самостоятельно. Определенную трудность вызывает непонимание незнакомых слов и словосочетаний учащихся, особенно следующая лексика:

- а) слова, совпадающие со словами русского языка по форме, но имеющие разные значения;
- б) слова, входящие в состав идиоматических выражений, но изменяющие свое значение;
- в) слова-реалии, значение которых раскрывается чаще всего при помощи комментария;
- г) слова, объем значения которых может быть шире или уже объема значения в родном языке;
- д) слова аргоического происхождения;
- е) прецизионные слова, т. е. слова, обозначающие географические понятия, некоторые имена собственные, сленговые слова, аббревиатуры и др.

Преподавателю необходимо помогать ученикам в преодолении данных трудностей с помощью комментария, системы особых упражнений и т. д., иначе большое количество незнакомой лексики снизит интерес учащегося к чтению. Важным умением при чтении иноязычного художественного текста является умение языковой догадки. Способность догадаться о значении незнакомых иностранных слов по контексту или по анализу состава слова в значительной мере обеспечивает общее понимание содержания текста. Особенно этому помогает интернациональная лексика: заимствования, которые используются во многих языках, слова, совпадающие по форме и значению в родном и иностранном языках и т. п. Кроме того, ученики по правилам словообразования могут легко и

быстро определить значение незнакомых многосложных и составных слов.

Особую трудность для обучающихся представляет интерпретация иноязычного литературного текста на уровне его смысла по следующим причинам:

- а) учащимся в силу недостаточно широкого кругозора знаний, жизненного опыта, неумения логически мыслить трудно разобраться в той или иной проблеме художественного произведения,
- б) художественный текст имеет дважды закодированный подтекст (смысловой и языковой).

Интерпретация выступает как двуплановая деятельность:

- 1) внутренняя переработка смысловой информации текста;
- 2) вербальное выражение этой переработанной информации, связанное с оценкой формы и содержания иноязычного художественного текста.

Трудности по извлечению из текста смысловой информации подразделяются на следующие категории:

- 1) трудности, связанные с реконструкцией и обработкой полученной из текста смысловой информации;
- 2) трудности, связанные с лингвистическим оформлением высказывания соответственно тем качествам речи, которые требуют цели и условия коммуникации.

Интерпретация отвечает необходимости развивать логическое и доказательное мышление учащихся, что является важным условием развития логического и доказательного говорения на иностранном языке; она также отвечает потребностям обучения практическому владению языком – от репродуктивного (ученикам излагают фактический материал текста в процессе толкования текста на уровне значения) к продуктивному (учащиеся мыслят и говорят на иностранном языке, решая различные проблемы, связанные с идейно-содержательной стороной текста, толкуя его на уровне смысла).

Итак, успешность работы с иноязычной литературой зависит от учета особенностей восприятия и понимания иноязычного текста учащимися и от выбора предлагаемого материала для чтения. Основными критериями отбора текстов являются языковая и смысловая доступность, соответствие возрастным особенностям и интересам учащихся, принадлежность к различным литературным жанрам, тематическая близость с произведениями родной литературы и др. Восприятие литературного произведения иноязычной культуры позволяет учащемуся овладевать формой общения, сравнивать родную культуру и иноязычную культуру, что способствует формированию его межкультурной компетенции.

Литература

1. Дворникова, Е. И. Развитие эмоционального мира личности средствами художественной литературы / Е. И. Дворникова. – Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 208 с.
2. Камаева, Т. П. Поэзия на уроке иностранного языка: современные подходы к обучению чтению / Т. П. Камаева, Л. В. Карпова, И. М. Деева // Иностр. яз. в шк. – 1996. – № 1.
3. Обучение чтению: учебное пособие / метод. школа Пассова; под ред. Е. И. Пассова. – Воронеж: Интерлингва, 2002. – 44 с.

4. Цели обучения иностранным языкам: учебное пособие / метод. школа Пассова; под ред. Е. И. Пассов. – Воронеж: Интерлингва, 2002. – 40 с.

Информация об авторе:

Володина Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Карельской государственной педагогической академии, 8-960-21-11-290, volodina1975@kspu.karelia.ru.

Olga V. Volodina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Karelian State Pedagogical Academy.

УДК 81.161.1'373.612.2

СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В. Ф. Крюкова, Н. В. Щербакова

SEMANTICS OF NOMINAL PERSONIFICATIONS IN POPULAR SCIENCE LINGUISTIC TEXTS

V. F. Kryukova, N. V. Shcherbakova

В статье рассматриваются научно-популярные лингвистические тексты с точки зрения использования в них олицетворения как художественного тропа для объяснения лингвистических явлений и понятий. Исследуются особенности семантики олицетворяющих признаков основных лингвистических понятий в научно-популярном тексте. Исследуются особенности семантики олицетворяющих признаков основных лингвистических понятий в научно-популярном тексте. Наличие ярких контекстов с языковыми персонифицированными реалиями показывает, что процесс олицетворения постоянно развивается, приобретая новые формы выражения. Лингвистическое исследование олицетворения укрепляет его статус как самостоятельного вида тропов, выявляет специфику и дает возможность отграничить его от других средств художественной изобразительности.

Областью применения данного исследования могут стать разработки методик лингвистического анализа текстов, кроме того научно-популярная литература содержит целые пласты наработок в области научно-популярного стиля, достойных не только изучения и анализа, но и фиксации в иллюстративной части толковых словарей и в дефинитивной части учебных словарей русского языка. Исследование олицетворения и других художественных тропов показывает, что научно-популярный стиль может быть признан самостоятельным, более того, интенсивно и интересно развивающимся стилем, а от этого зависит и интенсивность, и постоянство его изучения, исследования.

The paper deals with the popular science linguistic texts considering personification to be used as an artistic trope for the explanation of linguistic phenomena and concepts. Semantic features of personification attributes of the basic linguistic concepts in popular science texts are investigated. Some impressive contexts with linguistic personifications suggest considering the process of personification as that of developing and taking new forms of expression. Linguistic research of personification proves it to be a substantial trope, reveals its specificity and gives an opportunity to differentiate it from the other artistic means.

The results of the present research may be applied for developing the methods of linguistic analyses of the text. Furthermore, a lot of the researched materials reflect the popular science style which deserves to be investigated, analyzed and fixed in the glossaries and in the dictionaries of Russian language. Researches of personification and other artistic tropes prove that the popular science style can be regarded as a separate style, which is developing intensively and interestingly. The intensive and permanent researches of the personification depend on this fact.

Ключевые слова: научно-популярный текст, антропоморфизм, персонификация, предмет олицетворения, олицетворяющий признак, модуль олицетворения, тематические группы, микротексты.

Keywords: popular science text, anthropomorphism, personification, object of personification, personifying sign, unit of personification, thematic groups, microtexts.

Олицетворение является одним из тропических средств, усиливающих изобразительность и выразительность речи. В лингвистических и литературоведческих исследованиях наблюдается терминологическая неустойчивость при описании процесса олицетворения в связи с различными подходами к определению статуса олицетворения и объема самого

понятия. Некоторые лингвисты понимают олицетворение как частный случай метафоры (Н. И. Бахмутова, Н. О. Гучинская, В. П. Ковалев, Н. В. Кожевникова, В. Н. Телия), другие считают олицетворение более сложным, самостоятельным тропом (О. С. Ахманова, Я. И. Гин, И. Б. Голуб, В. П. Григорьев, С. К. Константинова, Е. А. Некрасова, Н. Н. Ничик,

Д. Э. Розенталь). Несмотря на вариативность трактовок статуса олицетворения, все они имеют общую черту – соотнесение с человеком – наделение предметов, явлений, живых существ свойствами человека, что соответствует узкому пониманию олицетворения; или со всем живым – наделение предметов, явлений свойствами живого, «процесс сообщения семы «живое» [7, с. 97], что соответствует широкому пониманию объема олицетворения [3, с. 8].

Анализ олицетворения в научно-популярном лингвистическом тексте показал целесообразность использования термина «олицетворение» в его узком понимании, что более соответствует сущности этого вида тропа, отраженной в следующих определениях: «неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписываются качества или действия, присущие человеку» [1, с. 176]; «стилистическая фигура, состоящая в том, что при описании животных или неодушевленных предметов они наделяются человеческими чувствами, мыслями и речью (антропоморфизм)» [2, с. 183].

Термины «олицетворение», «антропоморфизм», «персонификация», «персонализация», «прозопопея», различаясь только происхождением, являются равными в обозначении одной и той же категории, в которой «абстрактное понятие становится лицом, личностью, но уже с перевесом значимости именно этого абстрактного понятия» [5, с. 433].

Вслед за лингвистами – приверженцами узкой трактовки термина под олицетворением можно понимать художественный прием, связанный с процессами образного мышления человека, троп, заключающийся в перенесении внешних признаков и внутренних характеристик человека на предметы, явления, отвлеченные понятия и в приписывании им антропоморфных свойств.

В процедуре олицетворения задействованы как интеллектуальная, так и эмоциональная сфера личности, олицетворение помогает человеку не только понимать реалии окружающего мира, но и пропускать это понимание через чувства и эмоции, что исключительно важно для восприятия и усвоения лингвистического текста, когда механизм олицетворения задействован для объяснения отвлеченных лингвистических понятий и процессов.

В исследовании научно-популярных лингвистических текстов нет необходимости разделять кодифицированные (стершиеся) и образные, некодифицированные олицетворения, так как в результате их взаимодействия с персонифицированным денотатом, представляющим собой отвлеченные лингвистические категории, потускневшая антропоморфная семантика подчас актуализируется и уже не воспринимается как стершаяся, чему способствует также наличие в контексте других видов тропов. Большинство олицетворений в научно-популярных лингвистических текстах создаются образными словами-персонификаторами, которые характерны только и исключительно для человека, что свидетельствует о своеобразии функционирования олицетворения в данном виде текста.

Функционирование олицетворения как художественного тропа предполагает рассмотрение его семан-

тической специфики в этом виде литературы, что предполагает установление типичных тематических групп лексики, участвующей в олицетворяющем процессе. В результате анализа лексики, обозначающей **предмет олицетворения** можно выделить 9 групп персонифицированных лингвистических понятий, расположенных в порядке убывания их количественного представления. Для описания типичной картины процесса олицетворения представляется целесообразным показать возможности сочетания персонифицированных денотатов с наиболее интересными и выразительными антропоморфными глаголами и именами:

1) **слово** (слова, словосочетания, фразеологизмы) – представляются как пришельцы, собраты, соседи, сирота, заместитель, новички, малютки, шефы, переводчики, иммигрант, капризы, усыновление; определяются как обиженный, опороченный, прихотливый, взрослый; оживляются глаголами жить, гулять, присматриваться, воскреснуть, примкнуть, служить, работать, родиться, конкурировать, приходить на помощь;

2) **язык** – характеризуется как хозяин, отец, соучастник, чудотворец, победитель, родитель, наследник, потомки, родственник, брат, детство, взросление; определяется как своенравный, сильный, неутомимый, капризный, рачительный; сопровождается глаголами и глагольными формами сопротивляться, подчинять, терпеть, отплатить, соседствовать, облагородить, тренироваться, смущаясь, обрадовавшись, живя;

3) **буква (буквы)** – представляются как гостя, любимцы, падчерицы, бездельники, переводчица, сестры, дочь, мать, потомок, праправнучка, поводырь, напарница, совместитель, соперник; определяются как приветливые, умершие, безработные, добродетельный, гордый, скромный; оживляются глаголами обитать, помнить, подчиняться, узурпировать, родить, говорить, грозить, смириться;

4) **части речи** – характеризуются как враги, регулировщики, безобразники, наследник, кандидат, соседи; у них имеется конкуренция, коварство, провинности; они бывают обидчивые; они могут желать, расставаться, жить, напоминать, пугать, говорить, исполнять обязанности, изгонять, наследовать, специализироваться;

5) **грамматические понятия** (падеж, форма, время, род, члены предложения и т. п.) – могут быть названы как хозяин, исполнитель, соседи, уродец, хороводы, добрососедские отношения, местожительство, капризы; могут быть неуклюжими, неповоротливыми; могут научить, очаровать, обобщить, повелевать, обманывать, растить, молчать, расставаться, сопротивляться;

6) **морфема (морфемы)** – олицетворяются как труженик, оформители, мастера, нарушитель, и швец, и жнец, господство, привязанности; определяются как гениальные, безобидный, ласковый, ершистый, себялюбивый, двуличный; оживляются глаголами требовать, работать, сопровождать, специализироваться, сотрудничать, примириться, говорить;

7) **речь** (устная) – олицетворяется именами существительными заместитель, больная, немощь, педан-

тизм, власть, хворь; обладает такими действиями, как нуждаться, лечить, соблазнять, вступать в конфликт.

8) **звук** – это беглец, имеет облик, оседлый образ жизни; он благородный, равноправный; он может жить, поручать, напоминать, опоздать, уступать;

9) **письменность** – сопровождается в большинстве своём обычно глаголами обслуживать, отставать, хвастать, говорить, выжить, сдаваться, опаздывать, диктовать.

Таким образом, в процессе олицетворения участвуют все основные языковые понятия, среди которых лидирующее положение занимают лексемы "слово", "язык" и "буква", подвергающиеся семантическому одушевлению чаще всего.

Лексику, обозначающую **олицетворяющий признак**, можно разделить на две группы в зависимости от частеречного представления: именную группу, объединяющую имена существительные, прилагательные, наречия, и глагольную группу, в которую входят глаголы и деепричастия. Каждая из указанных групп имеет свою тематическую классификацию антропоморфной лексики.

Характеристика **именных** олицетворяющих признаков представлена 8 тематическими группами, включающими различные действия человека, его внешний облик и внутреннее состояние. Перечень групп дается в порядке количественного убывания единиц:

1. **Служебные отношения человека** – мастера, переводчики, разведчик, оформитель, помощник, соучастник, заместитель, монополист, регулировщик, зодчий, специальность, обязанность, занятость, титул, консолидация.

Лидирующую позицию данной группы можно объяснить тем, что большинство языковых понятий и категорий выполняют определенную грамматическую функцию в слове, предложении, тексте, то есть работают, служат, подобно человеку, приобретают профессию, специальность, вступают в отношения с другими лингвистическими понятиями.

2. **Морально-психологические качества человека** – пристрастие, привычка, характер, педантизм, прихоти, присвоение звания, заслуги, соперничество, обязанность, мужание, скупость, капризы; благородный, гордый, бесстыжий, обидчивый, честный, стойкий, своенравный, виноватый, бесстрашно.

Вторая группа олицетворяющих признаков указывает на морально-психологическое состояние человека, что подчеркивает близость олицетворения к психологическому параллелизму. В данной группе отмечается количественное преимущество атрибутивных форм перед субстантивным: выражение морально-психологического состояния человека чаще всего содержится в именах прилагательных: обидчивый, капризный, благородный, гордый, честный, стойкий, бесстыжий и т. п., которые более близки восприятию неподготовленного читателя, нежели отвлеченные имена существительные: мужание, коварство, педантизм, пристрастие и т. д.

3. **Родственные отношения человека** – родственники, потомки, прародители, мать, дочь, сын, отец, предок, наследница, близнец, отпрыск, братья, падче-

рицы, праправнучка, новорожденный, родословная, усыновление, сестры.

Обозначения родственных отношений человека в качестве олицетворяющих признаков состоят преимущественно из имен существительных, приравнивающих отношения между лингвистическими понятиями и человеческим отношениям родства: мать, дочь, отец, сестры, братья, предки, потомки, прародители, наследники, отпрыск и т. д. Перенесение родственных отношений между людьми на языковые категории не только способствует выразительности текстов, но и помогает читателю понять сложное взаимодействие между лингвистическими понятиями, разобраться в сложнейших языковых процессах.

4. **Эмоционально-оценочные характеристики человека** – лентяй, уроды, бездельник, паразит, чужаки, любимцы, разбойники, безобразники, нелюди, гиганты, великаны, силач, чудотворец.

Через эмоциональную оценку той или иной лингвистической реалии авторы высказывают свое отношение к ней, определенным образом настраивая читателя на восприятие языковых явлений, помогает ему занять правильную позицию по отношению к лингвистическим процессам и понятиям.

5. **Возрастные характеристики человека** – детство, взросление, молодость, возраст, долголетие, мо- ложе, старше, младше, метрики.

Эта группа является немногочисленной по количеству олицетворяющих единиц и представлена именами существительными и формой сравнительной степени имен прилагательных. Данные лексемы, обозначающие олицетворяющий признак, в основном относятся к персонифицированному понятию "слово", которое, как человек, проходит в языке определенные стадии своей жизни.

6. **Чувства, эмоции человека** – эмоции, радушие, любовь, ненависть, горе, жалобы, насмешливый.

7. **Внешний вид человека** – внешность, портрет, малютки, коротышки, неуклюжий, неповоротливый, похожий, многоликий.

Две последние именные тематические группы олицетворяющих признаков являются самыми малочисленными, что, вероятно, можно объяснить абсолютным внутренним и внешним несхождением лингвистических реалий и человека. Грамматической формой выражения олицетворяющих признаков в данных группах являются имена прилагательные и существительные.

Что касается характеристики **модуля** анализируемого художественно-изобразительного средства, то при олицетворении в пределах синтагмы (дискурсивного ядра) объединяются компоненты несовместимые с точки зрения реальных предметных отношений, значит, такое семантическое согласование является условным, временным, сохраняющимся только в рамках определенного контекста:

Вот вам и суффикс -ЕНОК! С виду такой безобидный и даже ласковый. А бывает и ершистым [6].

В данном контексте суффикс не перестает восприниматься как часть слова, но приобретает дополнительную характеристику – "способный проявлять эмоции".

Нечего бояться: язык русский силен и смеет взглянуть на себя со стороны, высмеять свои недостатки [4].

Сочетание персонифицированного лингвистического понятия с предикатами различной семантики в данном предложении приводит к появлению новой семы “живое существо” в рамках данного дискурсивного ядра, однако понятие “язык” воспринимается как реалия лингвистики, хотя и представляется способным проявлять силу, смотреть, смеяться.

К сожалению, рамки статьи не дают возможности описать глагольные олицетворяющие контексты, которые не менее интересны, чем именные, однако отметим большое количество очень выразительных **микротекстов**, в которых происходит иррадиация олицетворяющих признаков по всему их объему, а также их взаимодействие с другими видами тропов:

В этом и сказывается подлинная мощь языка. Ибо не тот язык по-настоящему силен, самобытен, богат, который боязливо шарахается от каждого чужеродного слова, а тот, который, взяв это чужеродное слово, творчески преобразует его, самовластно подчиняя своей собственной воле, своим собственным эстетическим вкусам и требованиям, благодаря чему слово приобретает новую экспрессивную форму, какой не имело в родном языке [8].

Семантика данного олицетворяющего контекста направлена на раскрытие метафорического образа мощь языка, обозначенного в первом предложении. Однородный ряд антропоморфных предикатов силен, самобытен, богат, подкрепляя метафору мощь, раскрывается семантически путем противопоставления значений антропоморфного словосочетания боязливо шарахается и целого букета олицетворяющих признаков: глагольных: взяв, творчески преобразует, подчиняя; именных: собственной воле, эстетическим вкусам и требованиям. В результате такой контаминации олицетворяющих признаков персонифицированный образ языка приобретает выразительность и экспрессивность и, дополняя метафорический образ того же лингвистического понятия, создает в сознании читателя яркую картину адаптации иноязычной лексики в русском языке.

Олицетворение как художественно-изобразительное средство активно используется в научно-популярной лингвистической литературе, языковые понятия подвергаются здесь эмоционально-экспрессивной оценке. Являясь характерной чертой научно-популярного лингвистического текста, олицетворение помогает выделить наиболее существенные стороны излагаемого лингвистического понятия, способствует разъяснению научного материала, облегчает его усвоение и запоминание.

Литература

1. Бельчиков, Ю. А. Олицетворение / Ю. А. Бельчиков // Русский язык: энциклопедия; гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979.
2. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.
3. Константинова, С. К. Олицетворение в художественном тексте: семантический и грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / С. К. Константинова. – Белгород, 1996. – 223 с.
4. Костомаров, В. Г. Жизнь языка / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.
5. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1982 – 479 с.
6. Максимов, В. И. Точность и выразительность слова: кн. для учащихся / В. И. Максимов. – Л.: Просвещение, 1968. – 184 с.
7. Ничик, Н. Н. Олицетворение в поэтической речи В. В. Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 гг.) / Н. Н. Ничик // Исследования по семантике: сборник научных статей. – Симферополь, 1987. – С. 93 – 100.
8. Чуковский, К. И. Живой как жизнь. Разговор о русском языке / К. И. Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 174 с.

Информация об авторах:

Крюкова В. Ф. – кандидат филологических наук, доцент международного факультета Белгородского государственного университета, 30-10-38, krjukova@bsu.edu.ru.

V. F. Kryukova – Candidate of Philology, Assistant professor at the International Department, National Research Belgorod State University.

Щербакова Н. В. – кандидат педагогических наук международного факультета Белгородского государственного университета, 30-10-38, sherbakova@bsu.esu.ru.

N. V. Shcherbakova – Candidate of Pedagogics at the International Department, National Research Belgorod State University.

К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ

Е. А. Локтюшина

ON THE ROLE OF LANGUAGE EDUCATION IN PROFESSIONAL TRAINING

E. A. Loktyushina

В статье освещается проблема формирования готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности на основе владения иноязычными стратегиями общения в профессиональной среде. Описываются результаты эксперимента, проведенного на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета, по проектированию и реализации системы формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности будущих специалистов в области экономики и менеджмента.

The problem of forming future specialists' readiness for professional activity on the basis by teaching foreign language communication strategies in professional environment is highlighted in the paper. The results of the experiment conducted in Volgograd State Social-Pedagogical University are described, the experiment consisted in projecting and implementing the system of forming integrated professional and foreign language competence of future experts in the field of economics and management.

Ключевые слова: языковое образование, интеграционные процессы, профессиональный и языковой опыт, личностные характеристики, интегрированная профессиональная иноязычная компетентность.

Keywords: language education, integration processes, professional and linguistic experience, personal characteristics, integrated professional and linguistic competence.

В условиях развития интеграционных тенденций в мировой цивилизации, изменения приоритетов, ценностей и норм профессиональной деятельности, современное общество все более нуждается в специалистах, практически владеющих одним или несколькими иностранными языками, обладающих способностью и готовностью решать разнообразные профессиональные задачи на уровне требований мировой практики ведения бизнеса, быстро адаптирующихся к изменяющимся формам и методам предпринимательской деятельности.

Актуальность проблемы обуславливается еще и тем, что интернационализация содержания современных программ высшего профессионального образования позволяет сблизить образовательные парадигмы России и мирового сообщества, расширить традиционные предметные области за счет международного сравнительного подхода, создает интегрированное образовательное пространство в качестве системы формирования навыков межкультурной деятельности и международного общения, гарантирует профессиональную подготовку с учетом необходимости адаптации к специфике развития современной международной экономической и социальной среды.

Главным конкурентным преимуществом высшего гуманитарного образования становится возможность развития человеческого потенциала, повышение мобильности студентов и выпускников, формирование единой системы квалификаций через освоение компетенций. Языковая подготовка в системе высшего гуманитарного образования является способом постижения иных культур и менталитетов, возможностью развития индивидуальности студента, а также основой обучения культуре делового общения для успешного участия в международной деловой коммуникации [2, с. 13]. Обладая большим образовательным потенциалом, учебный предмет «Иностранный язык» в высшей школе, помимо решения задач развития

личности, является ресурсом систематического пополнения профессиональных знаний, формирования и развития коммуникативных умений и навыков [1, с. 3].

За последние десятилетия в России существенно увеличилось количество мультинациональных предприятий, где успех экономической активности напрямую зависит от способности персонала этих компаний к эффективному функционированию в многоязычной среде. Хорошее владение профессиональным иностранным языком для специалистов в области экономики и предпринимательства становится одним из условий успешной работы и карьерного роста. Российский бизнес все больше интегрируется в мировую экономику, и знание иностранного языка становится базовым навыком. Предприятия и фирмы стараются отказываться от услуг переводчиков, и охотнее принимают на работу сотрудников, владеющих иностранным языком и способных переводить узкопрофильную литературу и документацию. В условиях глобализации иностранный язык, особенно английский, становится важным информационным продуктом, инструментом оценки ситуации в мировой экономике, выработки стратегий повышения эффективности предприятия.

За последние 2 года количество вакансий в российских компаниях с требованием знания языка на уровне Advanced увеличилось на 18 – 20 %. Это объясняется тем, что множество российских компаний начинают активную экспансию на западные рынки. По данным статистики в нашей стране хорошим знанием английского обладает менее 20 % руководителей среднего и высшего звена. Согласно данным, полученным Исследовательским центром портала SuperJob.ru в ходе изучения резюме, размещенных на сайте, английским языком на уровне свободного ведения беседы владеют только 18 %. Знатоков других европейских языков среди соискателей намного

меньше. К примеру, основами и профессиональной лексикой немецкого языка владеет 14 % соискателей, провести же переговоры с носителем языка могут лишь два соискателя из ста (2 %). Свободно общаться на французском языке способен один соискатель из ста (1 %).

В условиях возрастающей потребности в специалистах, владеющих иностранным языком на продуктивном уровне, и снижения количества часов, выделяемых на дисциплину «Иностранный язык» в соответствии со стандартами подготовки бакалавров, перед языковым образованием в вузе стоят непростые задачи. Одна из таких задач, как подвести студентов младших курсов (во многих вузах на изучение иностранного языка отводятся первые три семестра) к осознанию значимости иностранного языка для будущей карьеры, как сформировать мотивацию к овладению языком в профессиональном контексте, и к поступательному повышению языкового уровня через систему непрерывного образования. Вторая задача заключается в том, как, не повышая уровень владения языком (при ограниченном количестве часов такая задача кажется нереалистичной), основываясь на уровне языковой подготовки, достигнутом в средней школе, подготовить будущих специалистов к выполнению профессиональных обязанностей, требующих владения иностранным языком, научить использовать язык в качестве инструмента решения профессиональных задач.

Основной причиной существующих очевидных трудностей в подготовке будущих специалистов к решению профессиональных задач средствами иностранного языка является отсутствие единства освоения профессионального и языкового опыта в процессе иноязычной подготовки вузе. Эти два опыта не имеют целостного представления в содержании образования как профессиональной компетенции качественно нового вида. Их интеграция осуществляется лишь в форме работы со специальной литературой. Помимо этого, многие студенты не видят перспектив использования иностранного языка в своей профессиональной деятельности, так как игнорируется специфика той профессиональной среды, в которой предполагается использование иностранного языка, и тех задач, которые специалист будет выполнять в процессе своей деятельности [3].

Тем не менее, следует отметить, что в теории и методике высшего профессионального образования накоплен значительный опыт исследования профессионального становления специалиста, в том числе, и через языковое образование. Этот опыт отражен в работах Т. Н. Астафуровой, А. Л. Бердичевского, И. Л. Бим, Н. Д. Гальсковой, А. А. Миролубова, Е. И. Пассова, О. Г. Полякова, В. В. Сафоновой, С. Г. Тер-Минасовой и др. Согласно выводам этих ученых, языковое образование в высшей школе призвано создать условия для освоения иноязычной культуры (Е. И. Пассов), развивать способность к эффективному выполнению определенных функций в различных ситуациях общения при помощи изучаемого языка (Т. Н. Астафурова), способность осуществлять общение с чужой лингвоэтнокультурой и познавать ее (Н. Д. Гальскова, И. Л. Бим), воспитывать

гражданина, знающего свои права и обязанности, и когнитивном и аффективном развитии себя как личности (О. Г. Поляков), строить общение на основе учета особенностей национального менталитета коммуникантов, специфики их эмоционального склада, национально-специфических особенностей характера (С. Г. Тер-Минасова).

Проблеме формирования профессиональной компетентности через языковое образование, определению подходов к целеполаганию и отбору содержания языкового образования посвящен ряд диссертационных работ последних лет (О. В. Варникова, И. И. Галимзянова, И. И. Игнатенко, М. Д. Ильязова, А. К. Крупченко, И. В. Леушина, Н. А. Мыльцева, Н. В. Попова, Н. С. Сахарова, И. А. Цатурова, Н. В. Янкина). В качестве цели обучения иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации эти исследователи выделяют:

- иноязычную профессиональную коммуникативную компетенцию (А. К. Крупченко);
- формирование способности и готовности осуществлять межличностное и межкультурное взаимодействие с носителями языка (И. И. Галимзянова);
- формирование и развитие профессиональной компетентности специалиста соответствующего уровня и профиля, неотъемлемым компонентом которой является практическое владение иностранным языком (И. В. Леушина);
- создание психологически комфортных условий, благоприятствующих развитию и совершенствованию личности студента, способного осознанно и мотивированно учиться, приобретая лингвистическую, коммуникативную и социокультурную компетенции для иноязычного общения в практической и интеллектуальной деятельности, а также в случае включенного обучения в стране изучаемого языка (И. А. Цатурова).

Предлагаемые авторами новые подходы связаны с профессиональной ориентацией иноязычной подготовки, с учетом социокультурных и межкультурных аспектов языкового образования, и направлены на повышение эффективности процесса формирования профессиональной компетентности студентов в системе высшего образования.

В российской высшей школе неоднократно делались попытки создания эффективных моделей и систем языковой подготовки будущих специалистов на основе различных подходов. Так, на кафедре лингвистического образования Таганрогского государственного радиотехнического университета (ТРТУ) была разработана и введена в практику преподавания иностранных языков целостная многоуровневая пятикомпонентная личностно ориентированная профессионально-деятельностная тест-направленная система языкового образования в высшей технической школе.

Именно целостность, взаимообусловленность, взаимодополняемость компонентов обеспечили успех разработанной системы образования, которая функционирует в ТРТУ с 1991 года. Основу языковой подготовки в РГГУ составляет лингво-гуманитарная модель, где языковой аспект занимает, наряду с гуманитарной составляющей, значительное место.

Согласно этой модели, цель обучения должна быть подчинена общей задаче подготовки специали-

ста в самых разных профессиональных сферах (право, экономика, управление, философия, социология, психология, журналистика, историческая антропология), для которых иностранный язык является дополнительным средством осуществления их основной деятельности,

В марте 2010 была запущена пилотная программа, представляющая собой модель обучения английскому языку в бакалавриате НИТУ «МИСиС». В соответствии с идеей разработчиков этой программы цель языковой подготовки в данном вузе – это обеспечение нового качества преподавания иностранного языка, при котором 50 % выпускников бакалавриата смогут сдать международный экзамен IELTS с результатом 7.0 – 7.5 (C1). То есть, серьезно ставится вопрос о профессиональном включении выпускников университета в научное международное сообщество через развитие программ академической мобильности. Помимо этого разрабатываются 4 магистерские программы, преподавание по которым будет осуществляться на английском языке. Результативность оценивается в соответствии с планируемым уровнем владения языком относительно системы CEFR (вместо ранее принятой «владение со словарем»). В качестве методологической основы заявлен коммуникативный подход, смешанное обучение (blended learning).

Проект по интеграции языкового опыта в структуру содержания профессиональной деятельности был осуществлен и на кафедре иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Разработана и внедрена в практику деятельности кафедры технология проектирования и реализации дидактической системы формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности специалиста в области экономики и предпринимательства. Согласно предложенной концепции интегрированная профессиональная иноязычная компетентность является конкретизированной и актуализированной целью обучения иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации. Этот вид компетентности представляет собой взаимосвязь всех интегрируемых компетенций и включает личностное отношение специалиста к ним и предмету деятельности. К этим компонентам отно-

сятся: блок профессиональных компетенций (общая, когнитивная, социальная), иноязычная коммуникативная компетентность, которая в свою очередь охватывает блок лингвистических (собственного лингвистическая и социолингвистическая), блок дискурсивных (собственно дискурсивная, стратегическая, компенсаторная), блок межкультурных (собственно межкультурная, социокультурная, прагматическая) компетенций, а также рефлексивная компетенция [3].

На первом этапе внедрения разработанной технологии была проведена оценка состояния базовых характеристик, оказывающих непосредственное влияние на состояние и динамику формируемого качества, и личностных характеристик уровней групп студентов. К базовым характеристикам мы отнесли:

- 1) входной уровень сформированности иноязычной компетенции студентов,
- 2) мотивацию выбора профессии,
- 3) наличие или отсутствие смысла в изучении общего иностранного языка и языка профессионального общения.

При исследовании первоначального состояния базовых характеристик, на основе которых строился процесс формирования ИПИК, использовалось входное тестирование уровней сформированности иноязычной компетенции в соответствии с описанием уровней владения иностранным языком Совета Европы, входное анкетирование, наблюдение, беседа, анализ данных, полученных эмпирическим путем. Тестирование показало, что языковая подготовка первокурсников факультета экономики и управления ВГСПУ (191 студент) после завершения школьного курса соответствует двум уровням владения английским языком: начальному и продвинутому (А и В). Анализ результатов тестирования позволил выявить распределение студентов внутри каждого из этих уровней: уровень выживания А1 (77 студентов – 40 %), предпороговый уровень А2 (77 студентов – 40 %), пороговый уровень В1 (36 студентов – 18,8 %) и пороговый продвинутый уровень В2 (1 студент – 1,2 %).

Результаты исследования входного уровня владения иностранным языком, мотивации выбора профессии и смысла в изучении иностранного языка представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты диагностирующего эксперимента

<i>Исследуемая характеристика / фактор</i>	<i>Методика</i>	<i>Показатели</i>	<i>Результаты</i>
Входной уровень владения иностранным языком	Тестирование по CEFR	B2	1,2 %
		B1	18,8 %
		A2	40 %
		A1	40 %
Мотивация выбора профессии	Методика С. С. Гриншпун	Престижность	11 %
		Материальное благополучие	56 %
		Творческая самореализация	33 %
Смысл в изучении иностранного языка	Методика А. А. Реан	Стремление к саморазвитию	50 %
		Шанс получить хорошую работу	40 %
		Успешность профессиональной деятельности	35 %

Практический опыт реализации системы формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности подтвердил нашу гипотезу о существовании трех его основных уровней:

- опыт профессиональной (организационно-управленческой) деятельности – комплекс экономических и специальных дисциплин;
- опыт иноязычной деятельности – курс иностранного языка для экономических специальностей;
- опыт интеграции иноязычных навыков в структуру профессиональной деятельности – спецкурс «Теория и практика делового общения».

Проверка эффективности разработанной дидактической системы формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности предполагала опробование технологий реализации трех базовых процессов: процесса создания целостной профессионально-языковой среды; процесса усвоения экономических и иноязычных понятий и способов профессиональной деятельности с включенным языковым компонентом; процесса интеграции языкового опыта в структуру профессиональной деятельности. Суть проверяемых технологий состояла в следующем:

– *первый процесс* состоял в создании коллективной профессионально-иноязычной деятельности преподавателей и студентов, позволяющий погрузить первокурсников в мир будущей профессии и представить способы отражения реалий профессиональной сферы средствами иностранного языка;

– *второй процесс* предполагал использование предложенных автором задачных, контекстных, имитационно-игровых моделей преподавания иностранного языка в контексте профессиональной деятельности для овладения основными способами выполнения функциональных обязанностей, требующими навыки владения языком;

– *третий процесс* – формирование интегрированной профессиональной иноязычной компетентности студентов в ходе квазипрофессиональной деятельности, реализуемой через интеграцию языкового опыта в структуру профессиональной деятельности в процессе прохождения процедуры устройства на работу, проведения профессиональных презентаций, переговоров, деловых встреч.

Основными технологиями здесь были – разработка проблемных ситуаций, ставящих задачи, требующие принятия управленческих решений в сфере организации бизнеса, определение его организационной структуры и распределение полномочий, обоснование выбора типа собственности владения бизнесом, источника финансирования и др.

Содержание этих процессов было реализовано нами в специально разработанных учебных модулях в структуре курса «Компания», «Предпринимательство», «БМ экономики», а также спецкурсе «Теория и практика делового общения». Каждый учебный модуль соответствовал определенному этапу формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности и создавал учебные ситуации, моделирующие параметры профессионально-языковых ситуаций (организационно-управленческих, предпринимательских, информационно-аналитических, коммуникативных). Специальный практико-

ориентированный курс включал систему разноуровневых типовых для экономической и управленческой деятельности задач, для решения которых было необходимо владение иноязычными стратегиями и тактиками общения в избранной профессиональной области. При этом постоянно отслеживалась реализация идеи о том, что сам образовательный процесс, в ходе которого формируется интегрированная профессиональная иноязычная компетентность специалиста, выступает как феномен, обуславливающий включение формирующегося специалиста в реальные профессионально-языковые отношения. Организуя этот процесс, преподаватели кафедры иностранных языков, обеспечивали моделирование и прогнозирование эффективности применяемых образовательных стратегий и технологий.

В процессе формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности будущих специалистов, протекавшем как при овладении иностранным языком, так и при осуществлении студентами разных видов квазипрофессиональной деятельности, были выделены этапы процесса: первый этап (овладение понятийным аппаратом будущей профессии и формирование иноязычных образов типовых профессиональных коммуникаций) – вхождение в сферу профессиональной деятельности и уяснение сущности организационно-управленческих задач и способов их представления средствами иностранного языка (ситуации первичного погружения в мир профессии); второй этап (овладение способами выполнения профессиональных функций в иноязычной среде при решении основных профессиональных задач) – овладение опытом решения управленческих задач в процессе квазипрофессиональной и иноязычной деятельности (имитационно-деятельностные ситуации); третий этап (интеграция языкового опыта в структуру профессиональной деятельности с ориентацией на приоритетность функционального аспекта иноязычной деятельности в профессиональном контексте) – перенос накопленного интегрированного опыта профессиональной и языковой деятельности в ситуации, требующие владения речеповеденческими стратегиями и тактиками решения профессиональных задач (ситуации создания продукта). Каждый этап реализовывался в соответствующем модуле и характеризовался конкретными целями, отличными для каждой группы в соответствии с уровнем сформированности лингвистической компетенции, выявленном при входном тестировании, собственным содержанием, задействованием определенных психологических механизмов речевой деятельности, формами организации учебного процесса, технологиями и методами вовлечения студентов в учебную деятельность для достижения поставленных целей, критериями результативности.

Для разработки критериев сформированности интегрированной профессиональной иноязычной компетентности специалиста мы пользовались описанием профессиональных компетенций (ПК) и общекультурных компетенций (ОК), приведенных в стандартах третьего поколения и описанием языковых компетенций, прописанных CEFR. В качестве основы для определения степени сформированности интегрирован-

ной профессиональной иноязычной компетентности мы использовали принцип “I can” («Я могу»), лежащий в основе уровней CEFR. Их этого документа мы выбрали те дескрипторы, которые могут использоваться в практике преподавания иностранных языков в высшей школе в качестве критериев сформированности профессиональной, лингвистической, дискурсивной и межкультурной компетенций в зависимости от профиля вуза, специальности, трудоемкости курса, авторской позиции преподавателя. В ходе комплексной диагностики были также выявлены уровни сформированности интегрированной профессиональной иноязычной компетентности: предпороговый, пороговый и продвинутой.

Результаты процесса формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности представлены в виде обобщенных характеристик уровней сформированности компетенций в составе интегрированной профессиональной иноязычной компетентности в соответствии с разработанными критериями.

1. Сформированность блока профессиональных компетенций означала, что представители экспериментальной группы на основе полученных знаний и приобретенных навыков владели определенным набором стратегий решения профессиональных задач, такими как: представление себя как профессионала и представление своей организации, прогнозирование развития ситуации и собственных действий, решение управленческих задач на основе анализа маркетинговых операций, создания управленческой команды и др.

2. Сформированность лингвистического блока компетенций означала, что представители экспериментальной группы могли читать с большой степенью независимости, скорости, адаптируя текст в соответствии с целями чтения, используя необходимые информационные ссылки, могли делать заявления по общим вопросам с достаточной степенью ясности, понимать структурированную лекцию в рамках известной дисциплины, вести записи основных положений, владеть письменной речью в стандартном формате и т. д.

3. Представители экспериментальной группы, достигшие продвинутого уровня сформированности дискурсивной компетенции, могли понять содержание новостей, статей и докладов по широкой тематике профессиональных тем, читать специализированные статьи, содержащие специфическую терминологию, участвовать в дискуссии, представляя свои аргументы, выражая идеи и мнения, бегло участвовать в эффективном интервью, вести деловую переписку в соответствии с избранной сферой деятельности.

4. Сформированность межкультурной компетенции означала, что представители экспериментальной группы могли использовать основы межкультурных отношений в менеджменте, эффективно выполнять свои функции в межкультурной среде.

5. И наконец, рефлексивная компетенция, формирование которой также происходило в процессе становления интегрированной профессиональной иноязычной компетентности, свидетельствовала о том, что область будущей профессии как некой сферы бы-

тия воспринималась субъектом как собственная, что студентом был освоен набор апробированных в собственном опыте способов решения задач, входящих в структуру компетентности, осуществлялся непрерывный самоконтроль собственных действий на основе образцов и критериев эффективности.

Итоговый анализ уровней сформированности интегрированной профессиональной иноязычной компетентности показал следующие результаты. *Экспериментальная группа*: на предпороговом уровне остались 17 %, пороговый составил 36 %, продвинутой – 47 % всех, участвовавших в эксперименте. *Контрольная группа*: предпороговый – 32 %, пороговый – 45 %, продвинутой – 23 %.

Таким образом, итоговая таблица, отражающая результаты проведенного эксперимента выглядит следующим образом:

Таблица 2

Результаты формирующего эксперимента

Этапы/ группы	Предпороговый	Пороговый	Продвинутой
Экспериментальная	17 %	36 %	47 %
Контрольная	32 %	45 %	23 %

Основными результатами опытно-экспериментальной апробации дидактической системы формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности (целей, содержания, технологий профессиональной и иноязычной подготовки) явились:

1) разработка системы профессионально-языковых компетенций в соответствии с предметной областью будущей профессии, видами учебной и квази-профессиональной деятельности будущих специалистов, содержания решаемых ими профессионально-языковых задач;

2) выявление психолого-педагогических условий и механизмов достижения будущим специалистом компетентностного уровня владения интегрированной профессионально-языковой деятельностью;

3) определение и проверка условий эффективности системы дидактических средств (задач-ситуаций) формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности;

4) мониторинг поэтапного процесса формирования интегрированной профессиональной иноязычной компетентности специалиста.

Целенаправленные педагогические наблюдения в течение 2001 – 2012 гг., результаты анкетирования, бесед, анализа результатов учебной и послевузовской деятельности выпускников позволяют сделать вполне обоснованный вывод о том, что у подавляющего большинства участвовавших в эксперименте, формируется достаточно ярко выраженное стремление к профессиональному саморазвитию, мотивация к овладению иностранным языком в профессиональном контексте через систему непрерывного профессионального образования, ориентация на межкультурный аспект будущей карьеры и развитие способности к использованию иностранного языка для решения профессиональных задач.

Литература

1. Галимзянова, И. И. Педагогическая система формирования иноязычной коммуникативной компетентности будущих инженеров: автореф. ... дис. д-ра пед. наук / И. И. Галимзянова. – Казань, 2009. – 32 с.
2. Игнатенко, И. И. Формирование культуры иноязычного делового общения студентов в системе высшего гуманитарного образования: автореф. ... дис. д-ра пед. наук / И. И. Игнатенко. – М., 2012. – 40 с.
3. Локтюшина, Е. А. Интегрированная профессиональная иноязычная компетентность как цель языкового образования / Е. А. Локтюшина // Письма в Эмиссию. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. – Июнь 2012. – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2012/1818.htm> (дата обращения: 13.07.2012).

Информация об авторе:

Локтюшина Е. А. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, докторант кафедры педагогики Волгоградского государственного социально-педагогического университета, +7 (8842) 602898, lealok@gmail.com.

E. A. Loktyushina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at Foreign Languages Department, Volgograd State Social-Pedagogical University.

УДК 811.512.212

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «КУТУ/СЧАСТЬЕ» В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Ю. Мальчакитова

INTERPRETATIONAL FIELD OF «KUTU/HAPPINESS» CONCEPT IN THE EVENK LANGUAGE

N. Yu. Malchakitova

В статье исследуется интерпретационное поле концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке. Рассматривается вопрос отражения данного концепта в языке, в частности в фольклорных, в художественных и записанных от информантов текстах и паремиологическом фонде. Также раскрывается национально-специфическое содержание данного лингвокультурного концепта.

The paper addresses the interpretational field of “kutu/happiness” concept in the Evenk language. The paper focuses on the concept’s reflection in the language: in folklore texts, in texts recorded from native speakers, and in proverbs. The national specifics of the concept is revealed in the paper.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, интерпретационное поле, куту, синкэн, ядро, периферия.

Keywords: linguistic culturology, concept, interpretational field, kutu, sinken, kernel, periphery.

Концепт определяется как основная единица национального менталитета, как специфическое отражение индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью познавательных и поведенческих стереотипов и установок. К определению данного понятия ученые подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. Так, В. Н. Телия считает, «концепт, – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную «прописку» [8, с. 96]. Ю. С. Степанов определяет концепт, как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычные человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7, с. 40].

Вопрос о структуре концепта занимает важное место в концептологии. Одним из приемов выявления структуры концепта является анализ интерпретационного поля. Интерпретационное поле составляет периферию концепта. И как считает И. А. Стернин, на периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения [6, с. 63]. В связи с этим для исследования содержания анализируемого концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке мы обратились к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям, текстам, записанным от информантов также к текстам художественной литературы.

Счастье – базовая категория человеческого бытия, которая содержит морально-этический и аксиологический компоненты. Первый из них относится к выс-

шему благу, он содержит в себе удовлетворенность человека своим бытием, полноту и осмысленность жизни, осуществление человеком своего назначения. Второй содержит в себе представление о том, какой должна быть жизнь человека, что для него является блаженством. Первый компонент представляет собой универсальное содержание, а второй может допускать разное наполнение, что зависит от субъективных факторов (например, групповых, индивидуальных).

В эвенкийском языке *счастье* обозначается, словом *куту*. Так, в эвенкийско-русском словаре *куту* – счастье, удача, благополучие. Отсюда, *кутуктура* – счастливый, *Токко-эникэн кутуктура бира* (Токко-матушка счастливая река); *кутучи* – счастливый, удачливый, благополучный [2, с. 322].

Кроме того, в эвенкийской языковой картине мира присутствует понятие охотничьего счастья *сиңкэн*. Так, согласно сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков слово *сиңкэн* является общим тунгусо-маньчжурским и обозначает:

- 1) удача, счастье (на охоте);
- 2) успешная, удачная охота;
- 3) дух-покровитель охоты и диких зверей [5, с. 91].

Поэтому удачливого охотника называют *сиңкэчи бэе*. Эвенки говорят *сиңкэв* – «тьма осенней ночи», *сиңтыли* – «тишина тайги». Таким образом, счастье охотника связано с тайгой, тишиной, темной ночью. Для других случаев имеется слово *куту* (в говорах западных эвенков), *дёл* (в говорах восточных эвенков).

В ходе интерпретации устойчивых оборотов речи нами выявлены компоненты концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке. Одним из элементов данного концепта является 'родная земля'. О включенности компонента 'родная земля' свидетельствует следующее выражение эвенкийского писателя А. Немтушкина, смысл которого, на наш взгляд, не отличается от смысла этнического, народного:

Эси илэл этвар кэйкэчилчэл, Люди сейчас заблудились,

Сиңкэмэ һуңтуду дуннэду еңилчэл, Счастье свое на чужой земле искали,

һитэсэди, гунми, учивдэра, понапрасну на одном месте кружатся,

Энэл сарэ, балдыдякту сиңкэн бодовдэрон!.. Не зная, что за родной землей счастье следует!.. [3, с. 187 – 88].

Следовательно, согласно мировоззрению эвенков, человек может быть счастлив только на родине. А на чужой земле счастья ему постигнуть невозможно. Значит, по представлениям эвенков, счастливый человек – это тот, который живет на родине. Вернуться к месту кочевий в свои стойбища для эвенков – настоящее счастье.

Анализ следующего отрывка стихотворения эвенкийского поэта Н. К. Оёгира «Дуннэду индеми со ая» (Хорошо живется на земле) выявил наличие компонента 'олень (орон)':

Сомама сэвдепчу кутучит индеми, Радостно, счастливо жить,

Дуннэцит һикэндун сот маннит туннэми. Когда

Оронми угучак эр миннун цэнэвки, Когда олень верховой рядом со мной идет

Со ая тар самңин саңнянман ичэми. Когда видишь дым костров [4, с. 184].

Значит, согласно данному отрывку, счастлив эвенк тогда, когда рядом с ним олень. На наш взгляд, такое осмысление концепта художественным сознанием эвенкийского поэта отражает осмысление концепта этническим сознанием. Такое понимание счастья, по-нашему, национально-специфично. Поэтому эвенки говорят: «*Орон тар ин, нуңан окин-да эвэнкиду бэлэдеңэн*» (дословно, олень – это жизнь, он хоть когда поможет эвенку); «*Ачин орон одяңан – эвэнкил манавулдэңатын*» [3, с. 115, 152]. Наличие выражений, утверждающих ценность оленя, связывающих оленя со счастьем, позволяет допустить, что эвенки не мыслили свое счастье без оленя. Действительно в условиях кочевого образа жизни в суровом климате олень служит и пищей, и транспортом, и одеждой.

Следующий компонент исследуемого концепта, который нам удалось выявить 'охота'. Так, информант Васильева Светлана сообщает: «*Сиңкэчи бэе аят бэюктэвки, аят бултавки. Сиңкэн ачин экунат-кат этанни бакара, бултара-кат. Сиңкэнэ ачин бэе экуната эпки эмувра дюла, уллэе ачин бидевки*» (счастливый (удачливый человек в охоте) удачно охотится. Если охотничьего счастья нет, ничего не найдешь, не добудешь. Когда у человека нет охотничьего счастья, он ничего домой не приносит, без мяса живет.) (информант Васильева Светлана Владимировна, республика Саха (Якутия), Нерюнгринский район, п. Иенгра). Так, согласно мировоззрению эвенков, если нет *сиңкэн*, то и нет удачной охоты. Поэтому для того, чтобы быть счастливым, нужно иметь *сиңкэн* (охотничье счастье), которое может быть дано только свыше. И главное для эвенков, милость природы. В зависимости от того, как решит природа: если помилует, будешь счастлив, если нет, то наоборот. Поэтому для того, чтобы быть счастливым, нужно соблюдать правила, предписанные, по мнению эвенков, свыше.

Интерпретационный прием предполагает не только анализ оборотов речи, в которых содержится представление о том, что «наполняет» или содержит в себе концепт «куту/счастье», в чем оно заключается. Не менее продуктивным приемом является прием исключения в ходе анализа рекомендаций о правилах поведения эвенков для сохранения своего счастья. Так, эвенки знают, что нужно делать, чтобы быть счастливым: *бэюнэ вами гирамналван дэлыкэндүлэ накэл, сиңкэн эмэдан* (добыв дикого оленя, кости обязательно сложи на *дэлыкэн* сооружение для хранения костей диких животных, чтобы охотничье счастье пришло); *элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал, сиңкэн эмэдиңан* (Добыв зверя, обязательно поделись с друзьями, охотничье счастье придет). Значит, эвенки верили, что только бережное отношение к добыче может принести счастье. Если эвенк не будет следовать данному правилу, то счастье покинет его.

По мнению эвенков, счастье дается свыше. Так, в стихотворении А. Немтушкина «Хэвэки, си окин эмэдеңэ?» (Хэвэки, когда придешь?), герой обращается к доброму духу Хэвэки:

Сиңкэнэ илэлду налэтиви алилкал: Счастье вручи людям:

Демудерилду – колобот бидэн, Голодающим – что-бы был хлеб,

Доңоточоду – гулувунди окал, Замерзающим – костер разведи,

Уммудяриду – бират чоргидеден. Жаждающим – чтобы речка журчала [3, с. 209].

Понимание концепта эвенкийским литератором и коллективное осмысление, по-нашему, достаточно показывают осмысление анализируемого концепта в целом народным сознанием. Подтверждение тому, что счастье дается свыше, находим в выражении из фольклорного текста, записанного Г. И. Варламовой в пос. Эконда (Эвенкийский автономный округ) от П. А. Удыгира: *Угиски Маиндула еда эннэнны хиңкэлэрэ? Куңакан омиян?* Вверх к Маин почему не обращаешься за счастьем? Душу-оми ребенка попросить? [1, с. 177]. Значит, Маин, согласно данному выражению, дает счастье. Кроме того, в рождении ребенка заключается счастье. Таким образом, следующий компонент исследуемого концепта ‘дети’.

Народное сознание утверждает: *оллол гирамнал-ватын аят наңнэкэл, орор эктын тукалча: сиңкэн тыкулдяңан* ‘после еды кости рыб не бросай, аккуратно сложи, олени не должны их топтать: охотничье счастье (удача) рассердится, и рыба в твои сети не попадется’. Это выражение содержит рекомендацию, как правильно обращаться с останками добычи: не топтать, не бросать. Рекомендации правильного поведения в эвенкийском сообществе содержит и следующий оборот: *асаткан пэктыравунмэ эвки давари-ра, бэюмимнидук сиңкэн сурудеңан* ‘девочка не должна трогать ружье, а то она унесет охотничье счастье’. В качестве комментария к данной пословице отметим, что в удаче на охоте большое значение приписывалось поведению женщин, оставшихся дома. Так, женщине нельзя было трогать мужские средства охоты, т. к. может уйти охотничье счастье. Также в качестве рекомендации может выступать следующая пословица: *мавут оёлин эңки гиркура – этэн дыаңнара, куту сурудеңан* ‘через аркан не переступай – он не будет ловить, уйдет счастье’. Данное выражение подчеркивает, значимость оленя в жизни эвенка. Кроме того, белый олень считается священным. Его берегут, за ним ухаживают, он является символом счастья.

Литература

1. Варламова, Г. И. (Кэптукэ). Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре / Г. И. Варламова (Кэптукэ). – Новосибирск: Наука, 2004. – 185 с.
2. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь (Эвэды-лучады турэрук) / А. Н. Мыреева. – Новосибирск, 2004.
3. Немтушкин, Алитет. Родная тайга: повесть и стихотворения на эвенк. яз.: для сред. и ст. шк. возраста / А. Немтушкин / худож. Л. А. Сергеев. – СПб.: Просвещение, 1992. – 224 с.
4. Оёгир, Н. К. Гулувун дегдээрэн... Чтоб не гас костер... Сказки, стихи / Н. К. Оёгир. – Красноярск: Сибирские промыслы, 2006 – 352 с.
5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т. 1, 2 / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л., 1977.
6. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр.; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «языки русской культуры», 1997. – 824 с.

В складывании менталитета главная роль принадлежит лингвокультурным концептам. В западной культуре любовь (а также любовь/страсть) является важным компонентом концепта «счастье». Эвенкийская лингвокультура отличается от русской культуры, включая западную. Так, анализ паремий в эвенкийском языке не дает основания для включения компонента ‘любовь’ в содержание концепта «куту/счастье». Так нами не найдены устойчивые обороты, показывающие, что чувства между мужчиной и женщиной составляют «эвенкийское счастье». Это, на наш взгляд, особенность отражения концепта «куту/счастье» в языковой картине мира эвенков. Это один из показателей ограниченности лексико-семантического поля концепта «любовь» в эвенкийском языке. В эмоциональной сфере традиционных эвенков любовь, эквивалентная страсти, отсутствует. Самообладание – одна из главных черт, составляющих основу эвенкийского этикета. Если человек в сложной ситуации начинает выражать гнев или в счастливые моменты своей жизни бурно радуется, то на него смотрят как на недостойного. Чрезмерное проявление эмоций не приветствуется окружающими и доставляет им беспокойство. В эвенкийской традиционной культуре не следует говорить о сокровенном, открыто говорить о личных чувствах, признаваться в любви, это считается неприличным. Это табу в эвенкийской культуре. Возможно, поэтому этот главный в западной культуре компонент концепта «счастье» отсутствует в пословицах, поговорках, фразеологизмах, таких фрагментах языка, где представлена этническая картина мира. Таким образом, счастье в эвенкийской национальной традиции предстает как категория, данная свыше. Важную роль в формировании представлений о счастье в эвенкийской культуре сыграли анимистические воззрения эвенков. Также немало важное значение сыграл кочевой образ жизни, в условиях которого формировалось сознание эвенка. Все, что окружало эвенка с самого рождения – это природа, от которой зависело его существование. Поэтому все неудачи, горести или наоборот успех, благополучие, счастье он связывал с волей природы. Олицетворение, одушевление и персонификация природы – то, что еще называется анимистическим мировоззрением, – ключевая составляющая традиционного мировоззрения эвенков.

8. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.
9. Юктэ: эвенкийские загадки, пословицы, поговорки, приметы / сост. Е. Ф. Афанасьева. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 88 с.

Информация об авторе:

Мальчакитова Наталья Юрьевна – аспирант кафедры языков коренных народов Сибири Национально-гуманитарного института Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, maltak84@mail.ru.

Natalia Yu. Malchakitova – post-graduate student at the Department of Native Languages of Siberian, Buryat State University.

УДК 811.111'42:32

СТЕРЕОТИПЫ О РОССИИ И РУССКИХ В АМЕРИКАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XIX-XXI ВЕКОВ. МАТЕРИАЛЫ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЯ

О. Г. Орлова

'RUSSIA' STEREOTYPES IN THE AMERICAN JOURNALISTIC DISCOURSE OF THE 19TH-21ST CENTURIES. MATERIALS FOR A DICTIONARY

O. G. Orlova

Предмет исследования в данной работе троичен: виды стереотипов о России в американском публицистическом дискурсе; закономерности, обуславливающие появление стереотипов в дискурсах определённого времени и типа; языковые способы и средства репрезентации стереотипа в дискурсе. Цель работы – систематизация различных видов стереотипов о России и русских в виде словаря стереотипов, позволяющая дать оценку взгляду на Россию производителей и потребителей американских СМИ. Методологическую базу работы составляют общие методы описания, анализа и синтеза, классификации, а также частные методы дискурс-анализа, концептуального и фрейм-моделирования. В результате разработана структура словаря и макет словарной статьи для словаря стереотипов о России и русских, который, во-первых, актуализирует внимание к вопросам национальной идентичности и установления позитивного имиджа России зарубежом, во-вторых, снимает сложившееся предвзятое отношение к стереотипу как языковому и ментальному явлению.

The subject under analysis is a trinity: types of 'Russia' stereotypes in the American journalistic discourse; patterns that contribute to the emergence of different stereotypes in the discourses of various time and types; linguistic methods and means of stereotypes representation in the American journalistic discourse. The purpose is to systematize various stereotypes about Russia and Russians in the form of a dictionary that would allow estimating how the producers and consumers of the American media view Russia. The methodological framework consists in the common methods (description, analysis and synthesis, classification), and particular methods (discourse analysis, conceptual modeling and framing). As a result, 'Russia' stereotypes dictionary structure and a layout of a dictionary entry are developed. It draws attention to the issues of the Russian national identity, establishes a positive image of Russia abroad, and removes the prevailing bias against the stereotype as a linguistic and mental phenomenon.

Ключевые слова: стереотип, концепт, дискурс, дискурс-анализ, публицистика.

Keywords: stereotype, concept, discourse, discourse analysis, journalism.

Данное исследование посвящено изучению стереотипов о России и русских в американском публицистическом дискурсе, а также разработке структуры и содержания словаря стереотипов о России и русских.

Как известно, самоидентификация человека – это соотнесение себя с каким-либо народом, нацией. Усвоение и использование в общении стереотипов определяет место личности в культуре и социуме. Отношение к этносу соседей и его отношение к соседям – это важный фактор, который следует изучать для понимания места этноса среди других национальностей. Таким образом, исследование стереотипов о собственной культуре в массовом сознании других национальностей вносит важный вклад в изучение процес-

сов идентификации и самоидентификации русских. Для нас особенно важным является осознание специфики образа России в массовом сознании представителей развитых стран, в частности, Соединенных Штатов Америки.

В последние десять-пятнадцать актуальна проблема русской национальной идентичности. Существует целый ряд исследований, отражающий разные подходы к исследованию России и русскости. Политологами и социологами исследуются политико-психологические вопросы национальной идентичности россиян; в этих работах затрагивается проблема этнокультурных стереотипов в соотнесении их со стереотипами других наций о России. Лингвокультурологи изучают этнокультурные стереотипы и мифы и

проблемы, связанные с их репрезентацией в языке. Россия пытается осознать свои позиции в современном геополитическом пространстве, включается в мировые интегративные процессы, которые не всегда протекают в её пользу. Поэтому работа *актуальна с точки зрения углубления представлений о культуре и ментальности русского народа, что в конечном итоге приводит к пониманию специфики имиджа России за рубежом и выработке позитивных моделей её взаимодействия с мировым сообществом.*

Изучением стереотипов занимаются представители разных наук и направлений, что предопределяет междисциплинарный характер поставленной проблемы. Междисциплинарность исследования языка обусловливается тем, что конечным объектом изучения является человек. Лингвисты, включаясь в изучение проблемы лингво-когнитивного статуса стереотипа (Leyens, Yzerbyt, Schardon, 1994; Quasthoff, 1978; Vinacke, 1957; Welsh, 1983; Алимушкина, 2010; Бобринская, 2003; Голикова, 2005; Городилова, 2011; Донец, 2001; Каменева, 2008; Маслова, 2008; Некрасова, 2009; Ноженко, 2008; Пименова, 1999; Прохоров, 2008; Рыжков, 1983; Садуов, 2010; Тер-Минасова, 2000; Толстая, 1995, 2009), учитывают эту особенность объекта изучения. В работе с учётом сложившихся в разных научных дисциплинах концепций стереотипа создаётся *некоторая объединяющая эти концепции идея стереотипа как лингво-когнитивного феномена, что и определяет её актуальность.*

Актуальностью обладает и привлекаемый к изучению проблемы стереотипа материал. *Современное общество в значительной степени формируется СМИ, которые предопределяют форму видения действительности,* и поэтому американский публицистический дискурс рассматривается как источник представлений о России, бытующих в американском обществе, которые распространяются на всё мировое сообщество.

Обращение к стереотипу как исследовательской категории означает постоянное удержание в поле зрения исследователя такого его свойства, как устойчивость: в общении (опосредованном средствами массовой информации) на заданную тему (Россия и русские) мы всякий раз сталкиваемся с одними и теми же образами: медведя, морозов, огромных пространств и пр. Эти образы – стереотипы, знаки, коды, которые отправляют нас к когда-то возникшим, освоенным языковым сознанием и постоянно воспроизводимым в дискурсах идеологиям. Здесь исследователь сталкивается не с информирующей функцией языка, а рекуррентной. Это привело к разработке идеи о том, что стереотип включен в структуру фреймов дискурса. И та, и другая области исследования (*когнитивная лингвистика и лингвоконцептология и дискурс-анализ*) представляют актуальные исследовательские области, для которых статус стереотипа не прояснен.

Нужно отметить, что существует несколько направлений в изучении концепта: психологическое (С. А. Аскольдов), философское (А. А. Потебня). Активное становление такого исследовательского направления, как лингвокультурная концептология относится в России к концу XX – началу XXI века. Концепт считается основной исследовательской еди-

ницей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Когнитивная лингвистика изучает языковые универсалии в пределах одного или нескольких языков и иерархию этих концептов; лингвокультурология сосредоточивается на сопоставительном описании концептов разных этнокультур.

В настоящее время активно разрабатываются теории, создающие типологии концептов с опорой на сочетание лингвокогнитивного и лингвокультурологического методов изучения языковых картин мира. Это, например, этногерменевтика и концептуальные исследования (Пименова, 2005). В Кемеровской школе концептуальных исследований изучение стереотипов, равно как и лингвокультурных концептов, является приоритетным направлением исследований (Гришина, 2004; Куданкина, 2005; Орлова, 2005, 2011, 2013; Пименова, Камкина 1999; Пименова, 1998; Пименова, 2013; Точилина, 2013).

Когнитивно-дискурсивное описание концепта предполагает рассмотрение его как текстового образования: концепт является ядром дискурса (текста), а текст – его развернутая смысловая структура.

Дискурс как термин и дискурс-анализ как отдельная исследовательская область связаны с именами ученых – представителей французской школы дискурс-анализа. Перевод текстов этих авторов появился в книге «Квадратура смысла» в 1999 году, и с этого же периода начинается «дискурсивный бум» в России. В этих исследованиях ставится вопрос о зависимости дискурса от идеологии, разрабатываются методики описания дискурсов, систематизируются их разнообразные свойства и категории, однако место концепта в дискурсе и специфика зависимости концепта от дискурса, в котором он актуализируется, не изучены.

Включенность стереотипа как лингво-ментальной категории в процессы категоризации действительно при помощи живого языка поставила вопрос о необходимости систематизации стереотипов в виде словарей. В качестве примера словарей культуры можно привести этнолингвистический словарь «Славянские древности» (Толстой, 1995); «Словарь стереотипов и символов народной культуры» (Бартминский, 1996); «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» (Прохоров, 2008). Таким образом, постановка проблемы *систематизации стереотипов о России и русских в виде словаря стереотипов* – это один из важных аспектов, который определяет актуальность работы.

С учётом анализа теории дискурса французских учёных мы предлагаем в качестве положений, исходных для дискурс-анализа, следующее: носителем конкретного вида дискурса являются тексты; при учёте того, что всякий текст является представителем своего дискурса, дискурсом можно именовать и весь текст, и его часть, представленную предложением или рядом предложений. Дискурс принципиально диалогичен, интертекстуален и интердискурсивен, и это свойство задаётся в дискурсе при помощи парафраза (в различных лингвистических проявлениях) и преконструкта; дискурс возникает вокруг некоторого ценностного ядра, идеологии, и агенты дискурса являются его носителями; конкретные исторические условия (условия производства, контекст) – это непо-

средственное внетекстуальное окружение, но и одновременно конструируемая дискурсом реальность.

Помимо этого, мы соотносим исходные положения французских учёных с категориями дискурс-анализа, выработанными современными лингвистами, и получаем некоторую методику дискурс-анализа, которая положена в основу анализа американского публицистического дискурса о России XIX – XXI веков. Условия порождения дискурса соотносим с категорией хронотопа (экстратекстуальными, контекстуальными элементами дискурса); диалог автора (который теряет свою авторскую суверенность) и «другого» (уже сказанного в дискурсе) соотносим с категориями агента и клиента дискурса; идеологическую составляющую дискурса соотносим с категорией топиков и концептов дискурса. Новой идеей является сопоставление преконструктов дискурса с категорией стереотипа. В нашем понимании, дискурс в качестве опоры для своего существования и развития выбирает некоторые неизменяемые (или слабо изменяемые) элементы, которые формируют каркас, схему, структуру знаний, заключённых в архиве дискурса. Отталкиваясь от уже известного – стереотипа – дискурс приходит в движение. Всякий род дискурса стереотипичен, и не только с точки зрения коммуникативных стереотипов, но и с точки зрения содержательных стереотипов, стереотипов как лингво-ментальных конструкций. Они обеспечивают его воспроизводимость, узнаваемость, создают идеологический каркас.

Понятие стереотипа можно определить через описание его свойств и функций. Стереотип обладает такими характеристиками, как эмоционально-оценочный характер, амбивалентность, устойчивость, реальность, согласованность и неточность, упрощённость и схематичность, ассоциативность, неосознаваемость, деятельность ориентированность. Стереотипу свойственно выполнение следующих функций: схематизации и упрощения, формирования и хранения групповой идеологии, экономии мыслительных и речевых усилий, категоризации, генерализации, аффективной функции, социальной, дифференцирующей, интегрирующей, редуцирующей, адаптирующей и селективной функций.

В связи с функционированием стереотипов в разных видах человеческой деятельности выделяются и разные виды стереотипов. Их классификация не является полной и исчерпывающей, но, тем не менее, может способствовать разработке такой типологии стереотипов. Так, выделяют стереотипы: поведения и коммуникативные (общения); стереотипы-представления: стереотипы-ситуации и стереотипы-образы; личностные и вещественные, событийные; прагматические и когнитивные; гетеростереотипы и автостереотипы; интенциональные и спонтанные; позитивные и негативные; интенсивные и медиальные; этнокультурные, культурные и этнические; социальные стереотипы, гендерные, идеологические, политические (о политических субъектах, объектах, институтах и процессах); прямые и переносные.

В американской журналистике XIX века дискурс о России был представлен в некоторых моделях, определяемых либо по признаку хронотопа, вынесенно-

му в сильную позицию текста (например, в заголовок), либо по совокупности жанровых характеристик.

Заголовок, актуализирующий главный топик – ‘Russia’ – подразумевает «жёсткие новости». Указание в заголовке на время прибытия сообщений из Европы, названия корабля, доставившего известия (*«Further by the America. Arrival of the Foreign Mails. The mails of the steamer America were received in this City at midnight yesterday. Our files of English papers contain some interesting items»* (NYT 1853, July 23)), готовит читателя к восприятию более подробной информации о событиях за рубежом, в том числе и в России. Это, как правило, большие материалы, имеющие внутреннее членение на фрагменты, каждый из которых посвящён событиям в разных странах. Малоинформативный заголовок «подсказывает» тональность дискурса: в публикациях с такими заголовками присутствует идеологическая тональность.

В дискурсе XIX века нами обнаружены такие типовые дискурсивные практики: hard news, feature story, human interest story, creative non-fiction: travel writing, лекция, обзор прессы, открытое письмо. На уровне жанра частотно взаимодействие различных жанровых характеристик, что создает разнообразные дискурсивные модели (статья-лекция, «жёсткая новость» с элементами оценки).

Интердискурсивность проявляется в форме цитации других газет, диалога с текстами других газет, в форме диалога с предыдущими текстами изучаемой газеты. *«Russia. From the Washington Union, May 10. Mr. H. David Winter Davis <...> affects to regard the United States and Russia as the respective champions of the principle of liberty and the principle of despotism, and to foresee in the distant future a mighty and decisive conflict between these puissant combatants in the great drama of human history»* (NYT 1853, May 21). *«Washington. Who wrote the Russian article in the Union newspaper of Thursday last? Today the discuss is renewed, with equal vigor, and as marked interest»* (NYT 1853, May 26). Возможность диалога предопределяется единым топиком и единым идеологическим полем, в рамках которых существует дискурс.

В современной американской журналистике о России мы обнаруживаем, что указание на автора, время и место события дискурса становится дискурсивной формулой, «рутинным» правилом дискурса. В медиа XXI века нет необходимости актуализировать временной промежуток, разделяющий ‘время’ дискурсивного события и ‘время’ события дискурса: его практически нет или оно незначительно.

В репертуаре жанровых дискурсивных моделей произошло сокращение: мы не находим лекций, открытых писем. Тем не менее, наблюдаются виды текстов, наследующие этим жанровым моделям – это публикации, подготовленные привлечёнными лицами (экспертами, непосредственными участниками событий и пр.).

Интертекстуальное взаимодействие происходит в форме цитат мнений первых лиц государств, экспертов и иных клиентов дискурса. Помимо этого, интертекстуальное взаимодействие обеспечивается преконструкциями дискурса (ранее сказанным) и прецедентными феноменами. Возможность интертекста пре-

допределяется единым ядерным топиком – ‘Russia’. Вокруг этого суперконцепта группируются традиционные мнения и оценки – стереотипы, которые с течением времени не меняются. Изменениям подвержено слотовое наполнение концепта; так, «авторитаризм» России – традиционная оценка, которая встречается в публицистике и XIX века, и XX – XXI веков. Однако в XIX веке этот стереотип был связан с самодержавием, в XXв. – с коммунизмом, а в XXI веке признаки авторитаризма находят в президентском правлении. «*Two big, non violent demonstrations against election fraud and for democracy have suddenly challenged the authoritarian rule of the career K.G.B. man Vladimir V. Putin*» (NYT 2012, January 13).

При анализе публицистики конкретного автора, совокупность текстов которого, принадлежащих одному типу дискурса, мы называем «авторской дискурсивной моделью», последовательный анализ выше перечисленных категорий дискурса дает не только выход на особенности дискурса, но и на публицистический стиль автора. Публицистика У. Дюранти (1884 – 1957) – просоветская; автор использует стратегии выдвижения в сильную позицию текста ценностно-важной информации, приёмы повтора, аллитерации. Г. Солсбери (1908 – 1993) – ироничный публицист, в публицистике которого центральной идеологемой была антитеза «духовная свобода / несвобода». В качестве одной из характеристик стиля, свойственных дискурсу Э. Бэрри, выделяется композиционное построение текста и высказывания. С точки зрения композиции текста мы обнаруживаем такое его построение, которое актуализирует противоречие между желаемым и реальным, между видимым и происходящим на самом деле. С точки зрения синтаксиса (построения отдельного высказывания) сложноподчинённое предложение времени, уступки и сложносочиненное с противительным союзом служат реализации этой же стратегии – противопоставления. «*As a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition, President Vladimir V. Putin on Thursday returned to the Kremlin stagecraft that has served him for more than a decade, engaging in a live televised question-and-answer session that lasted for a record-breaking 4 hours 47 minutes*» (NYT 2013, April 25). Негативная оценка современной российской действительности в публицистике Э. Бэрри выражается косвенно, через антитезу.

Динамика дискурса обнаруживается при анализе категории условий производства дискурса и включенных в него клиентов (имен собственных, наименований партий, организаций), а также в наличии в дискурсе определенных идеологем. Имена политических деятелей и иных клиентов дискурса указывают на конкретную временную отнесенность дискурса (*the Romanoff, Mr. Brulov, a distinguished Russian painter, Louis Napoleon, Emperor Nicolas, mr. Kossuth; Tamerlan and Dzhokhar Tsarnaev, Sergei L. Magnitsky, Dmitri A. Medvedev, Aleksei A. Navalny, former Finance Minister Aleksei L. Kudrin*). То же и идеологемы: ‘коммунизм’, ‘большевики’, ‘лагерь’, ‘антитеррористический’ и прочие идеологемы возможны лишь в дискурсе определенных периодов. Если они встречаются в более поздних дискурсах по сравнению с пе-

риодом их «жизни», то, скорее всего, с иным идеологическим подтекстом.

Динамика стереотипа в дискурсе обнаруживается, во-первых, во временной привязке стереотипа к условиям производства дискурса. Так, стереотипы «красный», «коммунизм» возникают в конкретных исторических условиях существования дискурса, обусловивших их содержание. Конкретные исторические условия производства дискурса влияют также и на частоту появления отдельных стереотипов в текстах, т. е. на частоту их актуализации в дискурсе. Так, в 80-х гг. XX века актуализируется стереотип «медведь», в 20-х и 90-х гг. XX века – стереотип «водка». Изменениям также может подвергаться общая модальность: стереотип, относительно которого происходит оценивание российских реалий, остаётся прежним, но оценка меняется с отрицательной на положительную и наоборот. В данном случае стереотип ведёт себя как готовая, априори заданная схема оценки, при наложении которой на конкретные условия при определённом идеологическом или событийном сдвиге даёт положительный или отрицательный результат.

Помимо этого, исторический контекст (например, период «холодной войны») способствует группировке и актуализации в дискурсе вокруг опорного концепта-идеологемы всех связанных с ним стереотипов-представлений. Так, в период «холодной войны» становятся актуальными стереотипы интервента, «Россия агрессивна» и пр.

Во-вторых, набор средств и способов репрезентации стереотипов в дискурсе также демонстрирует определённую динамику и зависимость от исторической обусловленности дискурса. ‘Царь’ в XIX веке репрезентирован при помощи лексем *Czar, Emperor*; в XX веке признаками царя наделялись последовательно коммунисты и президент.

В-третьих, динамизм стереотипа в дискурсе в аспекте языковых средств его выражения может быть обнаружен в следующем. В самом начале возникновения стереотипа, при зарождении новой дискурсивной формации стереотип ещё не является таковым, т. е. за неким определённым знанием ещё не закрепились конкретная языковая форма, и оно зачастую выражено описательно, метафорически (*to block the expansion of communism throughout the world*). И только с течением времени, по завершении многих дискурсивных событий дискурсивная формация приобретает границы и в ней чёткое языковое оформление получают концепты-идеологемы (*coldwar*).

Это свойственно стереотипам, имеющим происхождение от абстрактных понятий. Бытовые стереотипы, образованные в процессе наблюдения за рутинным и повседневным, имеющие предметное происхождение, как правило, репрезентированы одними и теми же языковыми средствами (*samovar, banya*).

Помимо выше сказанного, нужно отметить «сечетность» стереотипных представлений о России, которая создаётся либо за счёт одного типа поддискурса, в котором существуют тексты, либо за счёт исторического события, группирующего вокруг себя определённые стереотипы.

Стереотипы, являющиеся основой бессознательной идентификации человека по отношению к культуре (своей или чужой), фиксируют мифологизм языкового сознания, обладают оценочностью и фасциативностью в дискурсе. Они в более или менее устойчивой языковой форме вербализуют наиболее «старые» признаки концепта. Стереотипы аксиоматичны и иногда не содержат указания на мотивированность какими-то реальными признаками объектов. Стереотипы маркированы невариативностью использования языковых средств в определенных ситуациях общения.

Культуры отличаются не столько отсутствием или наличием стереотипов, сколько их системой. Стереотипы содержатся в культуре в виде системы, в виде упорядоченной совокупности. Система стереотипов о России соотнесена и противопоставлена ценностям, характеризующим американскую ментальность.

Содержание дискурсов, их тематический репертуар определяет их стереотипность. Это означает, что в дискурсе о России, тематически определяемом как «русский дискурс», в его поддискурсах, ожидаемыми и типичными оказываются определенные темы, реализуемые во фреймах, содержащих «типичную», стереотипную информацию. Фреймы имеют структуру, состоящую из элементов – терминалов (доменов или субфреймов, кластеров и слотов и т. п.). В данной работе предлагается рассматривать стереотип как отдельный, зафиксированный в более или менее устойчивых формах языка, ассоциируемый признак концепта, более часто по сравнению с другими воспроизводимый в дискурсе и отмеченный национально-культурной спецификой. Этот признак встраивается в структуру концепта как терминал фрейма: это не нейтрально-облигаторные понятийные признаки, формирующие ядро концепта, а частотные субъективно-национально-культурные и мифологически / идеологически обусловленные ассоциации.

Стереотипы, как уже было отмечено, образуют систему относительно культуры, относительно дискурса, определяющего идеологические и ценностные признаки концепта, и самого концепта, содержащего различные фреймы в своей структуре. Так, был выделен геополитический субдискурс в американском публицистическом дискурсе. Его основные темы – интересы государств, баланс сил, военные приоритеты, экономические и природные ресурсы, географическое положение стран, информационные потоки, национальные идеи, а также образы государств, система самоопределения общества, характер цивилизации, наличие и особенности международных конфликтов. Среди геополитических стереотипов отмечены следующие: «Россия – особая страна»; «Россия – огромная, великая страна»; «Россия – источник «холодной войны»; «Россия агрессивна». *«Her aggressional power toward us is obviously nil – her defensive power against the annihilating influence of the principle which we can employ is likewise nothing – and her impotence arises directly from the nature of her social and economic condition. Russia consists of a vast body of serfs and a small body of territorial proprietors or magnates...»* (NYT 1854, March 7). Эти стереотипы могут быть объединены в структуру посредством фреймов «Россия – госу-

дарство» и «Россия – страна / территория»; они являются «окончательными», обобщенными и схематичными представлениями о географии страны, особенностях её взаимоотношений с другими странами.

Среди политических стереотипов выделяются следующие: «русские – несчастные и страдающие люди»; «русские политически неграмотны»; «российская политика неразумна»; «демократии в России нет»; «в России нет свободы»; «в России разруха»; «Россия – авторитарная страна»; «русские любят сильного правителя»; «в России ничего не меняется». *«If not – well, we will live the way we live now»*; *«No one expects political change»*; *«Because nothing happened»*; *«As if nothing in Russia will change»* (NYT 2013, January 5).

Это стереотипы, которые создают слоты таких субфреймов, как «государственная власть», «характеристики государства». Эти стереотипы реализуются разными языковыми средствами и вместе составляют целую «сетку» устойчивых представлений о России. Взаимосвязь в дискурсе, недискретность дискурса демонстрируют практически все стереотипы.

Наибольшей частотой связей с другими стереотипными представлениями обладает представление о России как о силе, мощной и великой стране (*power / giant*). В американском дискурсе XIX века этот стереотип обозначался с помощью слов *power*, *gigantic* и *Empire*, что отражает особенности исторического периода; в дискурсе XX – XXI веков появляются слова *Soviet Empire*, *Evil Empire* и *lost power* – тоже по понятным причинам исторического порядка.

Социумные стереотипы входят в структуру фрейма «государство» и субфрейма «социум». Это стереотипы о «бедности», «отсталости», «преступности», «коррупционности общества», «национализме». *«That, he argues, is because the oligarchs have been putting their wealth and power on show while many Russians slip deeper into poverty»* (NW 2003, Nov. 10). Эти мнения о России взаимосвязаны с представлениями о русском характере: с умением русского человека обходиться малым, противоречивостью его характера, в котором уживаются любовь к Родине и шовинизм, узость мышления; они также отражают взаимосвязь таких стереотипов, как отсталость и нецивилизованность России.

Среди этнокультурных стереотипов были выделены в отдельную группу бытовые, которые стали источниками формирования предметных символов. Они отражают уникальные реалии русского уклада жизни и ментальности. Национальная экзотика, национальный колорит находят своё отражение в некоторых предметах быта, особенностях природы и климата, которые стали символами России и русских. Так, стереотипы-символы «баня», «дача», «самовар», «водка», «снег / зима», «тройка» «отправляют» нас, например, к особенностям «русского характера» / «русской души» (словосочетания, выражающие стереотипы – этнокультурные символы не предметного происхождения): гостеприимству, широте души, терпению, удалу. В американском публицистическом дискурсе также актуализируются такие представления о русском характере, как любовь к родине, находчивость, противоречивость. Прототип русского человека – это рус-

ский крестьянин, мужик. Символ «птица-тройка» – это прецедентный феномен, он имеет текстовое происхождение. «Русский медведь» – символ-стереотип, который имеет частотные дискурсивные взаимосвязи с политическими и геополитическими стереотипами; так, этот символ подразумевает агрессивность, дикость, не цивилизованность проводимой русскими политики: «*A senior American official said that while the United States and Russia have common interests, Russia has become “a revisionist and aggressive power,” and the West “has to be prepared to push back.” But the Bush administration also recognizes that Russia has legitimate security interests, and that Mr. Saakashvili has played a dangerous game of baiting the Russian bear*» (NYT 2008, Aug. 9).

Содержательный анализ стереотипов осуществлялся с опорой на деление стереотипов по макротематическому признаку. Ключевое слово высказывания, классифицированного как содержащее стереотип, служит основой отнесения стереотипа к определённой группе стереотипов и определения вида поддискурса (а также именно по ключевому слову стереотипам присваивались «имена»; часто это слова – лексемы-репрезентанты концептов-идеологем и лингвокультурных концептов). Содержание стереотипа также было проанализировано исходя из того, что положено в основание стереотипизации (мотивы): какие качества, действия, оценки России являются основанием для присвоения ей каких-то устойчивых (стереотипных) признаков.

На языковом уровне анализа были выявлены языковые средства актуализации стереотипного знания. Отдельные лексические единицы – имена концептов-идеологем, лингвокультурных концептов выражают стереотипы о России и русском человеке на уровне лексики. Среди таких слов – репрезентантов стереотипов можно назвать следующие: *power, Empire (the Soviet Empire), cold war, communism, nationalism, despotism, totalitarian, etc.* К словам-репрезентантам лингвокультурных концептов относятся: *samizdat, KGB, troika, banya, veniki, dacha, valenki, samovar, vodka, moujik, etc.* Также стереотипы актуализируются в американском публицистическом дискурсе с помощью символов – словосочетаний *Russian soul, Russian character, Russian bear, Russian troika*.

«Окончательное» (или «априорное») знание имеет несколько форм выражения. К лексическим способам репрезентации стереотипов относятся лексические единицы с семантикой повтора, постоянства, абсолютности признака (глаголы *to be regarded, to remain*; имена существительные *habit, tradition, reputation, status, style, majority*; местоимения *nobody, every, same, we*; имена прилагательные *not uncommon, old-fashioned, traditional, not unusual, true, ordinary, most, many*; наречия *indeed, always, never, still, everywhere, routinely, usually*).

К синтаксическим способам репрезентации стереотипа относится синтаксическая структура ‘SUBJECT – PREDICATE’. Простое нераспространённое предложение может осложняться вводным словом, которое, в свою очередь, является лексемой, репрезентирующей стереотип. Стереотип может содержаться в сложноподчинённом предложении (прида-

точной его части), в котором содержание стереотипа пресуппонируется и поэтому подается как объективная истина, окончательное знание. «*Whatever the Yukos case portends, it is clear that the old secret police will play an ever larger role in Russia’s future*» (NW 2003, Nov. 24). Пресуппозиции, создающие контекст, общее, разделяемое участниками дискурса фоновое знание о России, в основном относятся к типу экзистенциальных пресуппозиций.

Выделенные в соответствии с выше описанным подходом и систематизированные на основе типа поддискурса минидискурсы (фрагменты текста), содержащие стереотип, являются материалом для словаря стереотипов. Для словаря мы предлагаем не алфавитную организацию, а кластерную, т. е. такую, в которой структурирующим признаком выступают фрейм и тип поддискурса. Этот принцип лежит в основе структуры Главы 4 диссертации: стереотип классифицируется исходя из типа поддискурса, в котором он возникает, а тип поддискурса является основой для формирования кластеров тематически близких стереотипов, например, геополитических, политических и пр. В указанной главе стереотипы анализировались исходя из их наличия в американской публицистике разных периодов, упоминания о них в научной литературе и национально-культурной специфики, для словарной же статьи словаря мы разработали макет, организованный в соответствии со следующей структурой. Заголовок словарной статьи – ядерное слово, репрезентирующее стереотип. Раздел I – фонетические и этимологические сведения; раздел II – понятийные признаки; раздел III содержит образные признаки метафорической и метонимической природы; раздел IV – это символические признаки. Каждый признак иллюстрирован мини-дискурсами; помимо этого, в словарную статью могут быть включены сведения о фразеологических средствах, синонимах и антонимах, репрезентирующих стереотип. Признаковый анализ стереотипа осуществляется, во-первых, в соответствии с пониманием всякого элемента концепта как могущей развернуться в дискурсе до самостоятельной лингво-ментальной единицы, во-вторых, в соотношении гетеро- и автостереотипа (‘баня’ – ‘banya’). Такая структура словарной статьи позволяет логично и последовательно описать содержательную составляющую стереотипа.

В процессе формирования макетов словарных статей «баня», «снег», «коммунизм», «гигантский» нами были отмечены некоторые тенденции, которые свидетельствуют об особенностях разных типов стереотипов. Так, например, стереотипы, имеющие в качестве референта предмет (снег, баня), или идеи, имеющие автора-создателя и конкретную историческую отнесённость (коммунизм), вербализуются во всех мини-дискурсах при помощи одного и того же языкового средства. Признаки стереотипизируемого объекта репрезентируются при помощи разных (синонимичных) языковых средств (гигантский, громадный, огромный и т. д. / *giant, great, big, vast, large*).

При соотношении содержания автостереотипов и гетеростереотипов становится очевидной разная признаковая наполненность концептов. Это валидно как для понятийных признаков, так и для образных. Так,

разный состав образных признаков стереотипа «коммунизм» в русской и англоязычной языковых картинах мира объясняется разницей в истории идеологий государств; разный состав понятийных признаков стереотипа «гигантский» объясняется особенностями мифологической картины мира носителей языков. Для стереотипов – лингвокультурных концептов в русском языке отмечается большее количество фразеологических единиц, при помощи которых он репрезентирован; большее количество однокоренных слов, синонимов и антонимов.

Таким образом, планируемый к составлению словарь русских стереотипов является словарём «контра-

минированным», т. е. передающим сведения о содержании самого стереотипа и о слове, репрезентирующем стереотип, разнообразного характера: лексического, фонетического и пр. Словарь стереотипов русской жизни, составленный на материале русских и американских публицистических текстов с использованием разных справочников, может быть словарем нового типа, который, во-первых, актуализирует внимание к вопросам национальной идентичности, во-вторых, снимает сложившееся в науке и в обиходе предвзятое отношение к стереотипу как языковому и ментальному явлению.

Литература

1. Алимущкина, О. А. Возможности изучения стереотипов в ассоциативных полях / О. А. Алимущкина // Альманах современной науки и образования. – Ч. 2. – 2010. – № 2(33). – С. 14 – 15.
2. Бобринская, И. Д. Психолингвистические особенности формирования этнокультурных стереотипов: автореферат дис. ... канд. филол. наук / И. Д. Бобринская. – М., 2003. – 29 с.
3. Голикова, Т. А. Менталитет как система стереотипов речевого коллектива / Т. А. Голикова // Язык. Человек. Картина мира. – Ч. 1. – Омск, 2000. – С. 18 – 21.
4. Городилова, Н. Н. Сибирь и сибиряки: автостереотипы и особенности концептуализации / Н. Н. Городилова // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. статей; отв. ред. М. В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 790 – 794. – Вып. 15. – (Серия: Концептуальные исследования).
5. Гришина, О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке: на материале публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук / О. А. Гришина. – Кемерово, 2004.
6. Донец, П. Н. К типологии стереотипов / П. Н. Донец // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001.
7. Каменева, В. А. Проблемы межкультурной коммуникации (гендерный аспект): учебное пособие / В. А. Каменева. – Кемерово, 2008. – 102 с.
8. Куданкина, О. А. Германия и ее жители: проблема стереотипов / О. А. Куданкина // Welt in der Sprache / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 218 – 225. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 11. Herausgeber der Reihe: H. Bartel, E. A. Pimenov).
9. Маслова, В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В. А. Маслова // Вестник СогУ. – 2008. – № 4.
10. Некрасова, А. Е. Этнические стереотипы в медийном дискурсе: механизмы интерпретации и попытка классификации / А. Е. Некрасова // Вестн. Моск. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 141 – 147. – (Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация).
11. Ноженко, Е. В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ноженко. – Кемерово, 2008. – 22 с.
12. Орлова, О. Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Орлова. – Волгоград, 2005.
13. Орлова, О. Г. Стереотипы о России и русских / О. Г. Орлова. – Кемерово, 2011. – 154 с.
14. Орлова, О. Г. Динамика дискурса и динамика стереотипа / О. Г. Орлова // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 30 – 74.
15. Пименова, М. В. Личное пространство и менталитет народа / М. В. Пименова, Е. Камкина // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира; отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 41 – 45. – Вып. 3. – (Серия: Этногерменевтика и этнориторика).
16. Пименова, М. В. Этногерменевтика ментального мира человека (сквозь призму языковой картины внутреннего мира) / М. В. Пименова // Этногерменевтика и языковая картина мира: тезисы докладов I Международной конференции (Кемерово, 27 – 28 июня 1998 г.). – Кемерово: КемГУ, 1998. – С. 69 – 71. – Вып. 2. – (Серия: Этногерменевтика и этнориторика).
17. Пименова, М. В. Стереотипы и их место в языковой картине мира / М. В. Пименова // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 3 – 30.
18. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
19. Рыжков, В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Рыжков. – М., 1983. – 22 с.
20. Садуов, Р. Т. Стереотипы в политическом дискурсе Барака Обамы / Р. Т. Садуов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11(192). – Вып. 42. – (Серия: Филология. Искусствоведение).

21. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.
22. Толстая, С. М. Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 124 – 127.
23. Толстая, С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262 – 264.
24. Точилина, Ю. Н. О концепте Германия XXI века в русской языковой картине мира / Ю. Н. Точилина // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 74 – 90.
25. Leyens, J.-Ph. Stereotypes and social cognition / J.-Ph. Leyens, V. Yzerbyt, G. Schardon. – London, 1994.
26. Vinacke, E. Stereotypes as Social Concepts / E. Vinacke // The Journal of Social Psychology. – 1957. – Vol. 46. – P. 236 – 245.
27. Welsh, C. Putnam's stereotypes and compositionality / C. Welsh // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1983. – V. 19. – P. 396 – 407.
28. Quasthoff, U. M. The uses of stereotype in everyday argument / U. M. Quasthoff. – JPr, 1978. – Vol. 2. – P. 1 – 48.

Информация об авторе:

Орлова Олеся Геннадьевна – кандидат филологических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры КемГУ, докторант КемГУ, 8(3842) 58-05-90, orlovaog@mail.ru.

Olesya G. Orlova – Candidate of Philology, doctoral student, Head of Postgraduate Education Department, Kemerovo State University.

УДК 811.1

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ 'ЗВЕЗДА' И 'ÉTOILE'

А. А. Рольгайзер

SYMBOLIC INTERPRETATION OF THE 'STAR' AND 'ÉTOILE' CONCEPTS

A. A. Rolgayzer

В статье рассматриваются символические признаки концептов 'звезда' и 'étoile'. На основе фактического материала, собранного из художественных произведений русских и французских авторов, выявляются содержательные отличия в структуре концептов.

The paper discusses the symbolic characteristics of the 'star' and 'étoile' concepts. Substantial differences in the structure of the concepts are traced on the basis of the material collected from pieces of art of Russian and French authors.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, символ, символические признаки, образ.

Keywords: concept, linguistic picture of the world, symbol, symbolic characteristics, image.

Понятие «символ» достаточно широко представлено в современных словарях по лингвистике, об этом написано большое количество книг и научных исследований [1; 6; 7; 4 и др.]. Тем не менее, символ трактуется достаточно многозначно и противоречиво. В различных областях научных исследований существует множество толкований категории символа.

С точки зрения культурологии, символы – это «такие знаки, которые не просто указывают на изображаемый объект, но выражают его смысл» [6, с. 126]. В данном определении понятия «знак» и «символ» противопоставляются друг другу. Символ – это не просто знак, а «способ образного освоения мира». Его нельзя расшифровать, а нужно эмоционально пережить и почувствовать.

Следовательно, символы не являются знаками в реальном смысле слова. По мнению М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «символы мыслятся как

репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания» [9, с. 100].

Философские идеи, в той или иной мере затрагивающие проблему символа, были выдвинуты французским философом П. Рикёром. Связанные с ритуалами и мифами, символы представляют собой священный язык. Поль Рикёр называет символом «всякую структуру значения, где прямой, первичный, буквальный смысл означает одновременно и другой, косвенный, вторичный, иносказательный смысл, который может быть понят лишь через первый» [12].

Символ, согласно определению А. Ф. Лосева, есть «такая образная конструкция, которая может указывать на любые области инобытия, и в том числе также на безграничные области» [7, с. 443]. В связи с этим можно говорить о символе в узком и широком смысле слова, конечном и бесконечном символе.

Известный литературовед Ю. М. Лотман выделяет простые и сложные символы. С его точки зрения,

«элементарные по своему выражению символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные». Именно «простые» символы образуют символическое ядро культуры, и именно насыщенность ими позволяет судить о символизирующей или десимволизирующей ориентации культуры в целом [8, с. 194].

В данной статье мы подходим к исследованию концептов с позиции символа, с целью нахождения сходств и отличий русской и французской языковой картины мира. О символических признаках русского концепта *звезда* писала в своей статье М. В. Пименова [10, с. 149 – 152]. По мнению М. В. Пименовой, «символическими называются такие признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [10, с. 149].

Звезда является одним из древнейших символов, находящим свое отражение во многих религиях и культурах. С давних времен люди смотрели на небо и пытались интерпретировать это явление с помощью мифов. Человечество всегда манило к прекрасным, вечным и недостижимым звездам.

Звезда – универсальный символ, имеющий много различных значений. Так, звезда издавна символизировала душу. Во многих мифологиях звезды понимались как поднявшиеся на небо души умерших:

Звезды – ведь это любимые светлые души людей ... М. М. Пришвин. Дневники.

Voyez, voyez tout à l'entour **les étoiles qui tombent: ce sont de pauvres âmes** qui viennent d'entrer au Paradis. F. Mistral. Mes origines [Посмотрите, повсюду падают звезды: это бедные души, которые только что попали в рай. Ф. Мистраль. Моё происхождение].

Связь звезд и людей осознавалась во многих культурах, где прямо утверждалось, что смерть человека сопровождается падением звезды:

Хороший умер человек: его звезда сейчас упала... А. А. Григорьев. Падучие звезды.

Существует и другое, совершенно противоположное наивное представление, связанное с мнением о появлении и падении звезды. Согласно этому поверью, падающая на землю звезда свидетельствует о рождении нового человека:

– Гляди – звезда упала! Это чья-нибудь душенька чистая встосковалась, мать-землю вспомнила! М. Горький.

On croyait autrefois **qu'une étoile s'allumait** en même temps que **naissait un enfant**; qu'elle suivait les vicissitudes de sa vie ... G. Maupassant. Coco, coco, coco frais! [Раньше верили, что когда родится ребенок, зажигается новая звезда, которая будет вести его по жизни ... Г. Мопассан. Коко, коко, холодный коко!].

Символический образ «звезда-душа» достаточно устойчив как в русском, так и во французском языковом сознании. В русском языке звезда в большинстве случаев характеризуется как душа светлая (*звезды – «души небесные», «ангельские души», «светлые души людей», «души блаженные»*). Во французском языке образ «звезда-душа» чаще всего описывается при помощи эпитетов, имеющих отрицательную коннотацию (*les étoiles – «de pauvres âmes [бедные души]», «âme désespérée [отчаявшаяся душа]»*).

Cp.: Voyez-vous tout autour **cette pluie d'étoiles qui tombent**? Ce sont **les âmes** dont le bon Dieu ne veut pas chez lui... A. Daudet. Lettres de mon moulin [Видите, что идет звездный дождь? Это души, которые господь бог не приемлет ... А. Доде. Письма с моей мельницы].

... Но мне об этом в детстве говорили хорошие люди, и потому пусть **звезды** будут **ангельскими душами**, я им оставлю это значение, потому что в нем сохраняется творческая сила моего детства. М. Пришвин. Дневники.

Душа человека приходит в этот мир и уходит из него вместе со звездой. Данное поверье подробно описывается исследователем культуры славянских народов А. Н. Афанасьевым: «В народных преданиях душа точно так же сравнивается со звездой, как и с пламенем; а смерть уподобляется падающей звезде, которая, теряясь в воздушных пространствах, как бы погасает [...]. Каждый человек получил на небе свою звезду, с падением которой прекращается его существование; если же, с одной стороны, смерть означалась падением звезды, то с другой, – должно было означаться: появлением или возжжением новой звезды, как это и засвидетельствовано преданиями индоевропейских народов» [2, с. 206 – 207].

Со временем данное представление о звездах трансформировалось в теорию о том, что каждый человек рождается под определенной звездой, от которой зависит счастливой или несчастной будет жизнь человека. Символический образ «звезда-судьба» достаточно частотен как в русском, так и во французском языке («родиться под счастливой/несчастной звездой»; «être né sous une bonne ou une mauvaise étoile»):

Молодой человек! Ты, конечно, **родился под счастливою звездою!** Судьба твоя скоро переменится. В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождение князя Гаврилы Симоновича Чистякова.

Il y a des gens qui sont **nés sous une bonne étoile**, d'autres sous **une malheureuse** ... H. Malot. Conscience [Одни люди родились под счастливой звездой, другие под несчастной ... Г. Мало. Совесть].

Выражение «родиться под счастливой звездой» означает «быть удачливым». Оно возникло благодаря астрологам, по мнению которых звезда, под знаком которой родился человек, предопределяет его судьбу. Звезда-судьба ведет человека по жизни, предостерегает его от опасностей:

Однако к тому времени у Эдика уже появилось чутье, или чутье ему заменила вера в **путеводную звезду**, которая все время отводит от него беды. В. Валеева. Скорая помощь.

Считается, что многие знаменитые и удачливые люди родились под особенными «счастливыми звездами». Словосочетание «любимец судьбы» употребляется, когда говорят о тех, у кого жизнь удалась и кому всегда сопутствует успех. Наполеон Бонапарт свято верил в свою звезду и в свой успех:

Il ne lui resta, de cet instant de dévouement enthousiaste, qu'une sorte d'orgueil insensé et bizarre, qui consistait à **croire à son étoile** en fait de succès d'argent, comme Napoléon croyait à la sienne en fait de gloire militaire. G. Sand. Horace [От этого восторженного порыва осталась только какая-то странная, безрассудная гор-

дость – он поверил в свою счастливую звезду игрока, как Наполеон верил в свою звезду полководца. Ж. Санд. Орас].

Образное выражение «его звезда взошла» (или закатилась) употребляется, когда речь идет о начале (или завершении) чьей-то славы и успеха. Например:

Когда они становились либо не очень нужны, либо слишком влиятельны, **звезда их внезапно закатывалась**. А. К. Дживелегов. Франческо Гвичардини.

Во французской литературе XIX-го века встречается словосочетание «фатальная звезда (l'étoile fatale)». Современные толковые словари французского языка определяют прилагательное «фатальный» следующим образом: «пагубный, неизбежный, несчастный, злополучный». Следовательно, *фатальная звезда* уже по определению означает трагическую судьбу, что подтверждается наглядными примерами:

... **la fatale étoile qui me conduit** ... à l'échafaud, ne me vaudra jamais que la mort ... Marquis de Sade. Justine [... фатальная звезда, ведущая меня на плаху, всегда желала мне только смерти ... Маркиз де Сад. Жюстина].

Следующий символический образ – «звезда-божество». Свет звезд – это божественный свет. Древние римляне, египтяне, греки обожествляли звезды и фактически отождествляли небесные тела с теми или иными богами.

Наибольшее восхищение и поклонение древних вызывали Полярная звезда, символизировавшая для них центр Вселенной, и «утренняя звезда» – Венера (денница). Христианская религия, заимствовавшая древневосточную традицию обожествления звезд, характеризовала Христа как «звезду светлую и утреннюю»:

Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, **звезда светлая и утренняя**. Библия. Новый завет. Откр. 22:16.

Принадлежность звезд к божественной сфере подтверждается употреблением следующих эпитетов: звезда «господняя», «благодатная», «христова», «божья» и др.; étoile «divine, de Dieu [божественная]», «angelique [ангельская]». Например:

... в прозрачном ночном небе теплятся редкие **звезды**, мелкие и мирные и настолько бесконечно далекие и дивные, **истинно Господние**, что захочется встать на колени и перекреститься на них. А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича.

Звезды – это божества, к которым люди обращают свои молитвы и ждут от них помощи:

Plusieurs **invocations qu'il adressa à son étoile** n'eurent aucun résultat. P. Féval. Le cavalier fortune [Многочисленные молитвы, обращенные к звездам, не принесли никакого результата. П. Феваль. Счастливый всадник].

Во многих культурах существуют поверья, связанные со звездами. К примеру, у русских принято загадывать желание при виде падающей звезды. До сих пор считается, что исполнится желание, высказанное во время падения звезды с неба, поскольку звезда – это душа умершего человека, которая способна донести это желание до небес:

Будь сейчас самый отчаянный, небывалый в природе **звездопад**, я загадал бы на всех **звёздах** только одно – возможно большую толику радости для матерей. Г. Полонский. Дайте мне человека...

Еще один, несомненно, символический образ звезды – это символ вечности. Звезды существуют с самого сотворения мира. Сменяются поколения, а все те же вечные звезды сияют высоко в небе:

Вечность за Вечностью **сияют** одни и те же **звезды**. Г. Николаев. Вещие сны тихого психа.

Звезды всегда представляли непостижимую тайну для человечества. Они одновременно влекут и пугают людей своей недоступностью и недостигаемостью.

Неподвижные звезды являют собой вечные истины, которые человеческий разум не в силах полностью постичь:

Пусть нам **звездою путеводной / Святая истина горит**; / И верьте, голос благородной / Не даром в мире прозвучит! В. Н. Майков. Стихотворения А. Плещеева.

On attend l'escalier comme une Terre promise, et l'on **cherche sa vérité dans les étoiles**. Antoine de Saint-Exupéry. Terre des hommes [Ждешь посадки, как земли обетованной, и ищешь истину по звездам. Антуан де Сент-Экзюпери. Планета людей].

Для русского народа звезда – это, прежде всего, символ коммунизма и советской власти. При анализе литературных и публицистических произведений XX века этот образ достаточно четко прослеживается:

Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь **по звёздам**. Н. А. Бердяев. Новое средневековье.

Несомненно, звезда является один из ключевых символов советского времени. Официально данный символ был утвержден в 1918 г. под названием «марсова звезда» по имени древнеримского бога войны.

Существует множество интерпретаций большевистской красной звезды. Одни исследователи видят в красной звезде единство мирового пролетариата всех пяти континентов; другие, трактуют этот символ в военном смысле («марсова звезда»).

Красная звезда имела особое значение для советского народа. Например, звезда являлась неотъемлемым атрибутом новогодней ёлки:

Мало кто думал и о том, что разрешенная народу елка выступала теперь в новом качестве – не как рождественская, а как новогодняя – и что на ее верхушке теперь горит не Вифлеемская звезда, когда-то приведшая волхвов к Младенцу Христу, а **символ советской власти – красная** пятиконечная **звезда**. Е. Душечкина. Легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям.

Кремлевские звезды, появившиеся на башнях кремля после революции, стали символом советской эпохи:

Каждому светят **рубиново-красные кремлевские звезды**, согревая лучами свободы, равенства и братства. М. Елизаров. Библиотечкарь.

Отдельно следует рассмотреть колоративные признаки звезды, т. к. они имеют важное символическое значение. Цвет отражает традиции той или иной культуры. В повседневной жизни разные цвета воспринимаются нами как символы. Как в русском, так и во

французском языке звезды описываются признаками белого, желтого, синего, красного цвета:

И сколько ж их высыпало, этих **звезд** – больших, малых, **желтых, красных, синих, белых!** И. С. Тургенев. Вешние воды.

... on croyait voir, ça et là, des **étoiles**. Elles tremblaient dans la brume nocturne, petites, proches ou lointaines, **blanches, vertes ou rouges aussi**. Guy de Maupassant. Pierre et Jean [... казалось повсюду были видны звезды. Они дрожали в ночном тумане, маленькие, близкие и далекие, белые, зеленые и красные. Ги де Мопассан. Пьер и Жан].

Чаще всего звезды описываются признаками белого цвета. У европейцев белый цвет ассоциируется с ангельской чистотой. Белый цвет указывает на сакральность звезд, их связь с божественным миром:

Видны странные и неопределенные контуры, не мигая, смотрит красный и зеленый глаз, и, **высоко вознесшись**, отделенная тьмой, **плывет** одиноко **белая звезда**. А. С. Серафимович. Заяц.

... voici la première **étoile**; elle est **toute blanche** et elle tremble... A. France. Le livre de mon ami [... вот первая звезда; она совершенно белая и дрожит ... А. Франс. Книга моего друга].

Следующим по частотности употребления идет желтый (или золотой) цвет, символизирующий солнце и богатство. Во все времена люди обожествляли огонь, ему поклонялись и приносили жертвы. Звезды

– это небесный огонь, который после захода солнца загорается на небе:

Было удивительно тихо и прозрачно, и в небе и в воде, вверху и внизу одинаково **сверкали золотые огоньки звезд** ... М. П. Арцыбашев. Санин.

Свет и блеск звезд актуализируются признаками драгоценных металлов, в данном случае золота.

Звезды могут характеризоваться признаками красного цвета. Красный цвет, в русском мировосприятии, является символом солнца (*красно солнышко*), а также всего красивого вообще (*красна девица*):

... и потом вдруг вызвездило: небо совсем черное, как темный шатер раскинут, а **звезды красные, горят** ... Н. С. Лесков. Темняк.

В целом, интерпретация цветовых характеристик может быть как индивидуальной, так и общей для определенных культурно-исторических регионов.

Проведенное исследование показало, что в структурах концептов 'звезда' и 'étoile' символические признаки представлены достаточно широко. При сопоставлении русской и французской языковых картин мира выявлены следующие общие символические признаки: «звезда-судьба», «звезда-душа», «звезда-божество», «звезда-вечность». Символы «звезда-желание» и «звезда-коммунизм» обнаруживаются только в русском языке и соотносятся с историческими российскими реалиями.

Литература

1. Аверинцев, С. С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / С. С. Аверинцев; под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. – К.: Дух і літера, 2006. – 912 с.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – Т. 3 / А. Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. – 840 с.
3. Бидерман, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман; пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
4. Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М.: Вече, 2006. – 528 с.
5. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 428 с.
6. Культурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. проф. Г. В. Драча. – 8-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 576 с.
7. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского гос. университета, 1982. – 477 с.
8. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1: статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992.
9. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
10. Пименова, М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *звезда*) / М. В. Пименова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира; сост., отв. ред. Т. В. Симашко. – М.: Архангельск, 2009. – Вып. 4.
11. Похлебкин, В. В. Словарь международной символической и эмблематики / В. В. Похлебкин. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 560 с.
12. Ricoeur, P. Le symbole donne à penser / P. Ricoeur. – Режим доступа: <http://www.esprit.presse.fr/archive/-review/article.php?code=26944>

Информация об авторе:

Рольгайзер Анастасия Александровна – соискатель кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 908 958 6074, rolgayzer_nastya@mail.ru.

Anastasia A. Rolgayzer – post-graduate student at the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University.

СОНЕТЫ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО КОНТЕКСТА

Е. Ю. Сидорин

SONNETS BY V. K. KYUKHELBEKER: EXPERIENCE OF THE RELIGIOUS CONTEXT RECONSTRUCTION

E. Y. Sidorin

Статья посвящена рассмотрению цикла сонетов В. К. Кюхельбекера, написанных автором в 1832 году и ставших выражением глубоких духовных исканий поэта-декабриста в период заточения и ссылки. Цикл является своего рода метатекстом, который объединяет сквозной евангельский сюжет с опорой на свершившиеся события, что подчеркнуто в названиях: («Рождество», «Пасхальный Первый», «Пасхальный Второй», «Магдалина у гроба Господня», «Вознесение»), и комплекс мотивов, отразивших внутренние состояния лирического героя, в экзистенциальном опыте обретающего спасительную веру в Творца. На основе сопоставлений художественных текстов с христианскими парадигмами реконструируется религиозный контекст сонетов Кюхельбекера и рассматривается освоение библейских тем, образов, комплекса мотивов в жанровой поэтике сонета.

The article deals with the cycle of sonnets by V. K. Kyukhelbeker written in 1832. The cycle expresses the Decabrist poet's deep spiritual searches in the period of his imprisonment and exile. The cycle is a kind of metatext that unites the Gospel story built on historical facts, as it is seen in the titles of the poems: ("Christmas", "Easter First", "Easter Second", "Magdalene at the tomb of the Lord", "Ascension") and a set of motifs reflecting the inner states of the poems' speaker who acquires his saving faith in the Creator in his existential experience. Comparing feature texts with Christian paradigms, religious context of Kyukhelbeker's sonnets is reconstructed and the development of biblical themes, images, complex motifs in the poetic genre of the sonnets is considered.

Ключевые слова: Кюхельбекер, цикл, сонет, евангельский сюжет, христианские мотивы.

Keywords: Kyukhelbeker, cycle, sonnet, the Gospel story, the Christian motives.

Интерес В. К. Кюхельбекера к сонету появляется в тот период, когда эту форму начинают осваивать поэты пушкинского круга. Наряду с некоторыми другими «твердыми формами» сонет был знаком Кюхельбекеру по творчеству Петрарки и Тредиаковского. Обращение Кюхельбекера-романтика к этому жанру вполне закономерно и соответствует «духу эпохи» – сонет «становится характерной для романтизма формой поэтического мышления. Присущая ему антиномичность отражала особенности романтического мышления» [7, с. 19].

Структура сонета дает возможность реализовать одну из характерных черт романтизма: конфликт между человеком и миром, противоречие между идеалом и действительностью. «Это противоречие является основой конфликта, а конфликт находит совершенное выражение в форме сонета, которая традиционно строится на основе принципа противопоставления. Таким образом, структура сонета диалектична и предполагает конфликтность, а конфликт – высший уровень романтической поэзии» [6, с. 79].

Поэтическое наследие В. К. Кюхельбекера включает десять сонетов. Среди них выделяется микроцикл «духовных» сонетов 1832 года. При жизни поэта они не были известны читателю и долгое время хранились в архиве. Первая публикация с научными комментариями была сделана в издании советского времени [2]. Специальных работ, посвященных сонетам В. К. Кюхельбекера, насколько нам известно, нет. Необходимость дальнейшего изучения их обусловлена тем, что эти поэтические тексты представляют пример уникального для русской поэзии использования твердой формы для диалога автора с основными книгами Нового Завета.

В нашу задачу входит реконструкция религиозного контекста сонетов В. К. Кюхельбекера и раскрытие художественных форм освоения библейских тем, образов, комплекса мотивов в особой форме сонетной жанровой поэтики.

Цикл сонетов 1832 года был включен Кюхельбекером в состав своего неопубликованного поэтического сборника «Песни отшельника», над которым он работал более двадцати лет. В сонетах 1832 года Кюхельбекер в качестве материала обращается к Библии, но на этот раз не к Ветхому Завету, как в случае с поэмой «Давид» (1826 – 1829 гг.), а к Новому. Объектом его поэтического внимания становятся не просто отдельные сцены или отрывки из Евангелия, но события, определяющие суть христианского вероучения, образы, формирующие библейскую картину мира. Важно отметить принципиальную деталь: все сонеты создаются именно в те дни, когда праздновалось соответствующее событие – рождественский сонет закончен 2 января, во время Святков; пасхальные написаны в марте во время Великого поста, являющегося для христианина временем подготовки к празднику Светлого Христова Воскресения, тогда же был создан и сонет «Мария Магдалина у Гроба Господня», примыкающий по смыслу к Пасхальной теме и, наконец, сонет на Вознесение написан в канун данного праздника.

Столь последовательное обращение к основным евангельским эпизодам стало основой объединения сонетов в цикл как своего рода метатекст. Сформировался сквозной сюжет с опорой на связный ход свершившихся событий, а на его основе получил развитие комплекс мотивов, отразивших внутренние состояния лирического героя. Для поэта – волей об-

стоятельств изолированного от общественной жизни и текущего хода истории – неизбежен и жизненно важен был опыт обращения к метаистории, к Вечности.

Первый, Рождественский, сонет был написан 2 января 1832 года. В своем дневнике под этой датой Кюхельбекер записал: «после обеда, наконец, выразил сонетом мысль, за которую напрасно на прошедшей неделе принимался два или три раза» [3, с. 76]. Таким образом, не только заглавие, но и время написания, отмеченное в дневнике, вводят данное стихотворение в контекст Рождественской тематики. Сонет написан через неделю после праздника Рождества Христова в разгар Святков – особых святых дней с 25 декабря по 6 января (по старому юлианскому календарю), в течение которых широко и всенародно торжественно празднуется событие Боговоплощения. Но стихотворение Кюхельбекера – это не хвалебная песнь, подобно тем народным колядным песнопениям, которые поэту, знатоку славянского фольклора, конечно, были известны, а своеобразное философски отрешенное размышление, художественная рецепция пришествия в мир второй Ипостаси Святой Троицы – Бога-Слова.

Художественное пространство данного произведения – вселенная; время – вечность, в аспекте которой лирический герой созерцает мироздание. В первом катрене, несмотря на масштабность заявленной картины бытия, герой остается в рамках материального мира, который распадается на две отнюдь не равные друг другу картины: земля и «бесчисленной толпой» парящие над ней звездные миры, по отношению к которым она лишь пылинка. А раз это так, то что же тогда человек по отношению ко вселенной: «что мы сами?» Вопрос, заостряющий проблему самоидентификации и, одновременно, в свете вышесказанного, являющийся вполне риторическим, наносящий сокрушительный удар по «самости» человека. Если мир, в котором мы живем – всего лишь пылинка в бесконечности, то, что тогда может значить наше конечное бытие. Таков «тезис», выраженный в первой строфе. Своеобразным «антитезисом» выступает вторая строфа, в которой за миром материальным вступает мир духовный, или идеальный. В отличие от наших стандартов («наших весов») у «любви святой» своя шкала измерений. И «одна душа живая» в этих аксиологических координатах перевешивает целый «солнцев сонм». Человек как образ и подобие Божие не просто царь мира, не просто выше всей остальной твари, но несоизмерим. Его бытие особое: он есть образ личного Бога в безличном мире.

Характерное для Кюхельбекера-романтика сопоставление малого и великого; оппозиция ничтожный – Всевышний, Всемогуший, присутствует и в поэтической ткани данного сонета.

Третья строфа (секстет), являющаяся «синтезом», начинается именно с такого противопоставления: «ничтожность вселенной» и ее Творец, Который в восприятии лирического героя превращается из Творца в Отца и Спасителя. В этих трех строчках, представляющих собой «вещание» Творца, заключается самая суть христианской сотериологии как учения о спасении. Дается объяснение причины, по которой Предвечный воплощается во времени. Не Имеющий границ, принимает на себя бремя телесности («темни-

ца души» – в восприятии античной философии), бессмертный становится смертным.

После текста Рождественского сонета в своем дневнике Кюхельбекер пишет (в тот же день): «Если бы мне удалось составить с десяток подобных сонетов на Рождество и с десяток на Пасху – не худо бы было» [3, с. 77]. Таким образом, после создания первого сонета у Кюхельбекера возникает замысел написать ряд лирических текстов на духовную тематику в форме сонетов. Однако реализовать этот замысел удалось лишь частично. Вернулся к нему Кюхельбекер спустя два месяца: «вчера сочинил сонет, который назову Пасхальным, как сочиненный 2 янв. назвал Рождественским ..., а вот сегодняшний...» – делает он запись в дневнике 4 марта 1832 г. [3, с. 105].

Оба этих сонета названы автором пасхальными, хотя точнее было бы их назвать *предпасхальными*, *страстными* (курсив мой – Е. С.). И не столько по времени их написания, сколько по тематике и лирическому настроению, в них присутствующим. Мы не видим в данных сонетах пасхальной радости и ликования, подобно тем, что переданы в стихотворении на Воскресение Христово, входящем в состав сборника «Песни Отшельника»:

Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес! [5, с. 101].

На смену лирического «мы», присутствующего в рождественском тексте, в первом из двух пасхальных сонетов приходит лирическое «я». Вся земная жизнь лирического героя проходит в «бедах и скорбях». Через 10 лет, находясь уже в ссылке и обладая относительно большей свободой, Кюхельбекер запишет в дневнике «Если человек был когда несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться с доверенностью» (16 сентября 1842 г.) [3, с. 411].

Герой научился противостоять бедам и выражает готовность все оставшиеся дни встречать волнения житейского моря – «как утес напор волны». О герое данного текста можно сказать, что он типологически близок к образу пророка, имеет характерные для этого образа черты. Вспомним кюхельбекеровское «Пророчество» 1822 года:

А я – и в ссылке, и в темнице
Глагол Господень возведу:
О, Боже, я в Твоей деснице! [2, с. 160].

В сонете герой именует себя – «слуга Христов». В осознании себя как «ничтожного грешника», он духовно сближается с героем пушкинского стихотворения «Пророк», который «в пустыне мрачной влечет» свое существование, обладает «грешным языком», «трепетным сердцем» и вообще без «Божественного глагола» воспринимает себя «как труп». Говоря терминами христианской аскетики, общими качествами для этих героев будут смирение и терпение. Но если в «Пророке» главным мотивом является преображение героя, его избрание от мира для последующей проповеди этому миру, то в «первом пасхальном» сонете на первый план выходит противостояние героя и мира, подвергающего его хуле и осмеянию. Герой, казалось бы, уже закаленный ударами судьбы, под напором

мира внешнего теряет мир внутренний – «лишается сердечной тишины». Эти строки выстроены Кюхельбекером с характерными для его лирики пафосом и вопросительными интонациями:

Но что – хулы меня ли взволновали?
Все чувства чем во мне возмущены?
Слуга Христов, бесславен миром, я ли
Лишился вдруг сердечной тишины? [2, с. 235].

Потеря и обретение «сердечной тишины», внутренней гармонии, душевного равновесия являлись для Кюхельбекера не просто поэтическими фантазиями, изливаемыми на бумагу, а непосредственной реальностью, в течение десяти лет заключения составляющей экзистенциальный фон жизни. И его дневниковые записи и художественные тексты («Давид», «Потеря вдохновения», «Возврат вдохновения» и др.) убедительно свидетельствуют об этом. Вообще мотив потери и обретения внутреннего мира можно считать сквозным для творчества поэта. В ранних текстах («Суета суетствий», «Пробуждение», «Разуверение») он лишь намечается и реализуется как эстетическое выражение программных установок романтизма. В заточении и в ссылке этот мотив становится для Кюхельбекера жизненно важным для самосознания себя и как поэта, и как личности, и как христианина.

Заключительная часть сонета начинается с традиционного для поэта-романтика вопроса: «Кто я?» Интерпретация этого вопроса-рефлексии может быть различной и многоплановой. Это и вопрос-самоотождествление, и вопрос-самоотрицание, и вопрос-самовозвышение, вплоть до самообожествления.

В первом пасхальном сонете Кюхельбекера присутствует четкое понимание того, что не Бог, а сам человек – источник своих страданий, являющихся следствием грехопадения:

Кто я? ничтожный грешник! [2, с. 235].

Но в данном поэтическом контексте эта мысль нужна Кюхельбекеру для противопоставления, а затем и сближения человека и Творца: «Ничтожный грешник» – «чудесный, Божественный, Господь, Владыка сил».

Но Христос, являясь по Своей Божественной природе «светлейшим всех светил», приходил в этот мир «в прахе» и «в низости окончил путь свой тесный». Эти размышления лирического героя близки словам апостола Павла о Христе, который пришел, «образ раба приняв».

Сближая страдания своего лирического героя с крестными муками Христа, Кюхельбекер, несомненно, автобиографичен. Осознанно или подсознательно он апеллирует в сонете к словам Спасителя из Евангелия от Иоанна: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если Меня гнали, будут гнать и вас. В мире будете иметь скорбь» (Иоан. 15, 18, 20; 16, 33). Таким образом, сохраняя бесконечную (онтологическую) дистанцию между «грешником» и «чудесным Владыкой сил», в описании миссии Христа поэт сближает человека и Создателя.

Во втором пасхальном сонете тема противостояния человека и мира развивается. Но, в отличие от первого, где герой всего лишь «взволнован» и «возмущен», здесь герой «опьянен» чувством мести. Об этом чувстве Кюхельбекер писал Николаю Глинке в

1835 году, находясь той же в Свеаборгской крепости: «Мщение самое адское и страшное чудовище» [4, с. 455].

Начинается стихотворение с монолога, обращенного одновременно и к самому себе и к небесам.

Почто я не перунами владею
И грянуть не могу велеть громам? [2, с. 236].

Вполне логично этот вопрос можно перефразировать: Почто я не Бог? Для чего же нужны герою полномочия Создателя? Оказывается, отплатить злом за зло:

Нет! не стерплю: коварному злодею,
Ковавшему погибель мне, воздам! [2, с. 236].

Не имея Божественного могущества, герой все же не желает прощать своего врага и присваивает себе право, власть судить и карать. Четвертый стих явно противостоит библейскому «Мне отмщение и Аз воздам» (Втор. 32, 35; Рим. 12, 19).

Система субъектных отношений во втором сонете подвижна и меняется в каждой части. Первый катрен: герой – его враг («злодей»); второй катрен: герой – адские духи – небеса; секстет: Бог-Сын – Бог-Отец – род человеческий, пребывающий во грехе, а значит, во вражде к Богу («объятые слепотой»). Через выстроенную парадигму субъектов сознания читатель приведен к пониманию авторского замысла. Человек получает спасение от погибели не в реализации мстительных планов по отношению к своим врагам, а через усвоение взгляда на мир и человечество Того и следованием за Тем, Кто Себя принес в жертву за грехи людские. Таким образом, идеи и образы сонета коррелируются с евангельским пониманием отношений Бога и человека или рода людского.

Автор, если и не отделен полностью от лирического героя, то, по крайней мере, дистанцирован этой характеристикой – «грешник». И, одновременно, осознание им своей греховности делает возможным диалог с Небом. Антиномичность, органически присущую жанровой форме сонета, на уровне композиции поддерживает наличие двух субъектов сознания, выраженных, в том числе, и в двух речевых зонах – это слово лирического героя – «грешника» (первый катрен) и слово Спасителя (5 строка секстета).

Человек, избежав погибели, теряет терпение и, «пьян от мести», пытается вступить в борьбу со «злодеем». В черновике можно наблюдать, как автор пытается точнее сказать о появлении зла в сознании героя: «пьян от злобы мести», «грешный, злобствуя врагам» [3, с. 105].

Согласно христианскому вероучению «зло – это уклон бытия к небытию, движение к мнимой цели, извращение, ложь, болезнь бытия. Как сила, направленная к небытию, зло всегда разрушительно» [1, с. 20].

И в этом противостоянии со злом герой сам становится жертвой «адских духов». В композиции сонета отразилась онтологическая «ловушка» – борясь со злом его же средствами, человек сам становится частью этого зла. Но, не будучи присущим ему по природе, злое начало не может полностью вытеснить начало доброе. И, благодаря этому, и, осознав свое падшее состояние, «грешник» вызывает к небесам, на-

ходя там иной путь борьбы со злом – через принесение себя в жертву.

В завершающем секстете представлен очередной пласт христианского богословия. Напомним, что в первом сонете говорилось о принятии Творцом решения о спасении человека, и завершался он Боговоплощением. Второй сонет развивал финальную идею первого о явлении Бога в смиренном, униженном образе (в богословии это именуется «кенозис») и заканчивался мыслью о смерти Спасителя на «древо срама». В третьем сонете детально, насколько позволяет жанровая форма, требующая предельной лаконичности и четкости стиля, представлены причины и обстоятельства этой смерти. Не имеющий в себе греха («Единый был безвинен»), вторая ипостась Троицы – Сын Божий, по любви к роду человеческому («исполненный любви святой») идет на добровольную жертву – страшную смерть на кресте («принял неизреченные страдания»). И этой любви не изменяет Он и в этих ужасных страданиях:

"Отец мой, отпусти им грех незнания!"

Молился за обьятых слепотой [2, с. 236].

Тема слепоты в различных модификациях встречается в Новом Завете. Можно выделить две смысловые группы. Первая – это метафорическое использование образа слепоты, символизирующее духовное невежество, помрачение ума и очерствелость души. Примером может быть суждение Христа о фарисеях: «они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14). Вторая смысловая группа – описание у евангелистов случаев встречи Христа со слепыми. Результатом этой встречи, как правило, было прозрение. Этот мотив «духовной слепоты» встречается и в других стихотворениях Кюхельбекера. Так, в стихотворении «Вера», написанном 1 мая того же 1832 года и включенном в сборник «Песни отшельника» под № 7 (напомним, что рассматриваемые сонеты имеют номер 5), видим вариации этой же темы:

Ах, познал я *слепоту* (курсив мой – Е. С.)

Тщетных, гордых мудрований

Лживых, полных претканий: ...

Что сокрыто от надменных,

От слепых вождей слепцов,

То увидит взор смиренных,

С тайн для них спадет покров [3, с. 121].

В стихотворении этого времени «Возврат вдохновения» (1832) Кюхельбекер выводит своеобразную формулу: «маловерье – слепота».

Несколько иное звучание (и значение) приобретает тема «слепоты» в 4 из данного микроцикла сонете «Магдалина у гроба Господня» (первоначально в дневнике он назывался «Магдалина у гроба Спасителя» [3, с. 106]. В центре авторского внимания встреча человека с Богом и преображение человека как результат этой встречи.

В трех предыдущих сонетах катрены посвящены миру человеческому, миру лирического героя, а в секстетах представлен мир божественный. В четвертом сонете мы сначала являемся свидетелями евангельских событий, а затем уже автор выстраивает к ним параллель. В основе этой параллели уже использованное ранее в поэме «Давид» отождествление героя с

библейскими персонажами, сопряжение реальности земной и надмирной, неразрывная связь эстетического и религиозного дискурсов. Свое состояние герой уподобляет состоянию Марии Магдалины до ее узнавания воскресшего Христа, свое общение с Творцом герой уподобляет диалогу Марии с мнимым садовником («вертоградарем»). Он считает себя «большим, чем она, слепцом», объясняя это своим спором с промыслом Всевышнего. Мотив провидения, судьбы в лирике Кюхельбекера один из самых заметных. Он встречается на протяжении всего его творческого пути, начиная с первых лицейских опытов. Но до 1825 года судьба представляла как рок, фатум, противостоящий желаемым для героя счастьем и свободе. Однако после роковых событий 14 декабря, осужденный судьбой на десятилетия заточения, ссылки и болезни, поэт-декабрист парадоксальным образом примиряется с судьбой и даже благословляет ее. Причины такой перемены, безусловно, следует искать в религиозности мировосприятия автора.

Тем удивительнее в четвертом сонете фраза-крик, обращенная к Богу:

Почто меня оставил, мой Творец? [2, с. 236].

Это не просто жалоба человека, лишенного, подобно библейскому Иову многострадальному, практически всего, кроме жизни. Это, прежде всего, вопль о богооставленности, адресующий читательское восприятие к еще одной, последней фразе, сказанной Иисусом Христом на кресте. «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46) Приведенные у евангелистов Матфея и Марка (Мк. 15, 34), эти слова Спасителя являются, в свою очередь, строкой из мессианского псалма Давида (Пс. 21:2), считающегося наиболее ярким пророческим текстом Ветхого Завета.

В результате этих узнаваемых переключек со Священным Писанием стих четвертого сонета приобретает многозначность и становится полифункциональным. Являясь отражением мироощущения автора, он, при этом, возвращает нас к предыдущим пасхальным сонетам и добавляет новые смыслы в их понимание. Также выстраивается ряд образов, корреспондирующих с позицией лирического героя, – Мария Магдалина, Спаситель, Давид. Рифма Отец – Творец, приобретает особое смысловое значение, означая вывод героя из тупика отчаяния, даруя ему прозрение от слепоты.

Образ Отца небесного и тема богосыновства является завершающим аккордом в четвертом, предпоследнем сонете цикла.

Последний пятый сонет написан спустя два месяца – 19 мая 1832 – в день Вознесения Господня, одного из двенадцати главных христианских праздников. Сонет так и назван автором – «Вознесение». Помещенный последним в микроцикле, он завершает сквозной мотив, основанный на упоминании основных событий земной жизни Христа: Рождество, Крестная смерть, Воскресение и Вознесение.

Для лирического героя обращение к евангельским эпизодам связано с размышлениями о своем жизненном пути, наполненном бурями и невзгодами. На основе этого соотношения возникает внутреннее единство цикла, основанное на развитии философско-религиозного мировоззрения поэта, которое объекти-

вировано в прозрении лирического героя, обретении им новой жизненной позиции.

Кроме тематической близости, развернутой в парадигме мотивов, единство цикла поддерживается на нескольких уровнях художественной организации: пространственно-временном, субъектно-объектном, жанровом и стилевом. Наиболее тесным образом связаны между собой 1 и 5 сонеты – своеобразные Альфа и Омега цикла.

Заявленное в первом сонете «двоемирие» представлено в пятом стихотворении оппозицией Небо-земля. Христос выполнил то, ради чего Он «сходил» на землю, это спасение Человека. Завершающим Божественным деянием в деле спасения было Его Вознесение на Небо, которое «выше всех светил» – «солнцев сонма» (первый сонет). В Рождественском сонете Творец обещал «избавить род их, смертью уловленный», в первом катрене пятого сонета поэт описывает, как после исполнения своего обещания Христос «в славе воспаряет» «в свое отечество». На смену смирения и страдания приходит слава.

И в первом и в последнем сонетах отсутствует лирическое «я», но если в «Рождественском» оно размыто в «мы», «нами», то в «Вознесении» есть лишь «их», «им». Такое дистанцирование объясняется, на наш взгляд, более общим, «надмирным» характером описываемых в них событий.

Так же, как и первый, последний сонет в цикле завершается «вещанием» Творца. Только в этом случае оно кратко, всего три слова: «Близок день побед!» [2, с. 237]. О какой победе идет речь в финале «Возне-

сения» и всего цикла сонетов? Приведем отрывок из апостольского послания: «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, Кто верует, что Иисус есть Сын Божий?» (1 Иоан. 5, 4-5).

Внутреннее единство микроцикла возникает в развитии главной темы всех сонетов – это взаимоотношение человека и Творца. Подверженный бурям сомнений и обид, охваченный желанием мести и отчаянием, ощущая себя ничтожно малой величиной во вселенной, а, будучи божественным созданием, осквернив этот образ грехом, лирический герой все же пробивается сквозь тернии греха к звездам божественной любви и благодати. Каждый сонет – это мучительная попытка построить диалог земли с небом, человека с его Творцом.

Автор подводит читателя к основным христианским постулатам и событиям не сразу, не в форме констатации догматов, а через личностное отношение сопричастности. Лишь в конце каждого сонета перед нами открывается та или иная страница Божественного замысла о спасении человечества.

3 сентября 1833 года Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Январские 1832 года лирические пиесы мои требуют больших перемен; сонетами же я вообще доволен. Жаль, что их только пять: я бы очень рад был, если бы их число увеличилось» [3, с. 273]. Поэт еще трижды обращается в своем творчестве к жанру сонета, но к микроциклу 1832 года они уже не будут иметь прямого отношения.

Литература

1. Епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский). Православный катехизис. – М., 1990.
2. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1 / В. К. Кюхельбекер; вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. В. Королевой. – М.; Л., 1967.
3. Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – (Серия: Литература. Памятники). Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак.
4. Литературное наследство. Декабристы-литераторы. – Т. 59. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. Кюхельбекер, В. Полное собрание стихотворений / В. К. Кюхельбекер. – М., 1908.
6. Титаренко, С. Д. Сонет в русской поэзии первой трети XIX века (проблемы эстетики жанра) / С. Д. Титаренко // Проблемы метода и жанра: сб. ст. – Вып. 10. – Томск, Изд-во ТГУ, 1983. – С. 71 – 83.
7. Титаренко, С. Д. Сонет в поэзии серебряного века: художественный канон и проблема стилистического развития / С. Д. Титаренко. – Кемерово, 1998.

Информация об авторе:

Сидорин Евгений Юрьевич – Протоиерей, старший преподаватель кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, oevg2@mail.ru.

Evgeniy Yu. Sidorin – Archpriest, Senior Lecturer at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.422; 316.334.3

СМЫСЛ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ИНИЦИИРОВАННЫХ ЧЕЛОВЕКОМ

Т. И. Грицкевич

THE SENSE OF THE SOCIAL CHANGES INITIATED BY PEOPLE

T. I. Gritskevich

В статье анализируются основные причины, предопределяющие потребность человека в социальных изменениях, которые позволяют дать социально-философское понятие смысла совершаемых субъектом преобразований в обществе.

The paper analyses the main reasons that predetermine the human need for social changes and allow us to determine the sense of the changes initiated by a subject from social philosophic point.

Ключевые слова: социальные изменения, проблемы осмысления антропологической потребности преобразований, парадоксы опыта, неопределенность и управляемость.

Keywords: social changes, problems of conceptualising the anthropological need for changes, practice paradox, ambiguity and manageability.

Не случайно главным вопросом социальной философии является вопрос, что есть человеческое общество и как оно изменяется. В поисках смысла изменений многие мыслители видели причины, которые были доступны их взору в тех исторических реалиях, которые задавали рамки проявленности самого феномена социального бытия. Несомненно, многие из теоретических построений оказали существенное влияние на осознание людьми существенных причин изменений в обществе, но все же больше они повлияли на формирование понятийных категорий, с помощью которых гуманитарные науки описывают социальную реальность. И это смыслообразование, процесс осознания динамичности общества, его изменения играет для человечества особую роль — неоспоримую важность осознания человеком себя как субъекта истории. Эта духовная потребность, на наш взгляд, усиливается к концу XX — начала XXI века наличием следующих причин:

— к первой группе причин относятся факторы и проблемы изменения качественных параметров социальной реальности. Они проявляются в сложных изменениях структурной организации человеческих обществ и в смене темпов социального движения и развития;

— вторая группа определяется наличием существенных отличий в истории разных обществ, возникающих в результате неоднородности социального развития стран и народов в едином потоке всемирной истории. Подобная неоднородность сама по себе является позитивным фактором, свидетельствующим о многообразии и вариативности процесса развития общественных институтов у различных народов, но, в то же время, данная неоднородность является источником проблем культурно-исторического осознания и методологического описания существенных факторов изменения качественных и количественных парамет-

ров социальной реальности. Ведь сами по себе социальные изменения не будут иметь ценности, пока они будут не осознаны, не зафиксированы мыслительным взором и не будут проанализированы в рамках причинно-следственных связей. Отсюда будет ценным осознание неоднородности культурно-исторического развития народов в различных теориях плодотворного взаимодействия стран и народов: в идеях культурно-исторических типов цивилизаций; либо в концепциях доминирования одной или нескольких стран, использующих собственные геополитические ресурсы; либо в теориях антагонистических конфликтов, «битвы цивилизаций» и противостояния (вызов-ответ); либо в описании феноменов, таких как азиатский способ производства в марксизме, не вписывающихся в единую систему представлений о социально-экономическом развитии. Поэтому многим обществоведам приходится считаться с «соприсутствием» в одном историческом пространстве разнородных социальных организмов и опираться на предложенное Ф. Броделем и И. Валлерстайном понимание миросистем и время-пространств. Несомненно, что неоднородное развитие само по себе порождает региональную или глобальную нестабильность, особенно экономическую;

— третья группа представлена комплексом противоречий, проблем и даже парадоксов, связанных с неадекватным и поверхностным пониманием существующих тенденций развития современных нам цивилизаций (европейского и азиатского мира, постиндустриальных стран и стран индустриальных, догоняющих и традиционных обществ);

— четвертая группа объединяет проблемы, возникающие в условиях процесса глобализации и под ее воздействием в трансформациях социальной реальности глобализирующихся стран;

– пятая группа причин, определяющая значимость избранной темы диссертационного исследования, связана с необходимостью перевода спонтанного процесса саморазвития социальной системы в управляемый процесс со стороны человека. Несомненно, это дает возможность изменять социальные отношения, социальные институты или связи согласно антропологическим потребностям, дает возможность усиливать те позитивные тенденции, которые направлены на благо большинства членов общества и позволяют воссоздавать механизмы полноценного воспроизводства человека и его интеллектуальной и материальной культуры.

Многогранность постижения смысла и сущности социальных изменений в осмыслении человеком социального устройства полагает в своей основе миропонимание, сформированное наличной социально-культурной средой. Все основные вопросы, помогающие направить путь поиска смысла, ведут к классическим социально-философским темам «что есть общество?», «что есть человек в обществе?», «в чем смысл человеческой деятельности?».

Социально-философское ограничение человеческой индивидуальности только границами феноменального социального мира, отрицание трансцендентности сознания и дорефлексивного *cogito*, наблюдение в человеке только ансамбля интертеоризированных социальных отношений приводит к признанию полной зависимости и детерминированности личности только социальной реальностью, в которой она находится. Это, в свою очередь не может не обеднять и не упрощать представления о человеке и обществе, поскольку здесь все сводится к чувственным эмпирическим явлениям и, как следствие, отрицанию духовной сущности, являющейся неотъемлемой составляющей личностного бытия в обществе. Во многих мировоззренческих позициях современных мыслителей констатируется множественность и амбивалентность образов человека и концепций общества.

Сложность социально-философского постижения сущности и смысла социальных изменений заключается в том, что оно не может быть объективировано в полной мере. Как известно, любое определение предмета задает границы, пределы того, что оно пытается описать или зафиксировать. И конечно, ни одна концепция или теория не может быть удовлетворяющей до конца, когда речь заходит о взаимодействии человека и общества или о сущностных характеристиках общества. Всегда будет оставаться впечатление о незавершенности и недосказанности, и это вполне логично, так как такое сложное и полифоничное явление как общество и его сущность не может иметь однозначной и простой оценки, только потому, что общество немислимо без бытия личности. Особенность философии, как известно, заключается в том, что она пытается дать предельные универсальные понятия бытия общества и человека.

Л. Выготский говорит о существенной роли опосредования. Иными словами, между двумя бытовавшими ранее полюсами «индивид-социум» встает посредник, некий третий компонент, который преобразует понимание первых двух. В анализе психических

процессов человека таким третьим компонентом Л. Выготский выделял деятельность. С введением этого понятия культура общества сразу же перестает быть нагромождением неодушевленных материальных предметов, а становится причудливой системой идеально-материальных артефактов. То есть таких технологий осуществления деятельности по созданию новых предметов, которые не существовали ранее и, которые сложно детально описать как осуществляющийся процесс с целью обучения других людей этой новой деятельности. Так и общество становится не совокупностью абстрактных индивидов, а опосредованной деятельностью человека, системой субъект-объектных отношений. И сам индивид с его психикой уже предстает не изолированной сущностью с неизменными потребностями, а квинтэссенцией палитры своей деятельности и разнообразия общественных отношений. Л. Выготский подчеркивал, что «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, вначале – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая ... но, разумеется, переход внутри трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей». И еще, «хотя обезьяна проявляет умение изобретать и употреблять орудия... этот вид поведения не является основой приспособления обезьяны... Не то с человеком. Все существование австралийского дикаря зависит от его бумеранга, как все существование современной Англии зависит от ее машин. Отнимите от австралийца его бумеранг, сделайте его земледельцем – он по необходимости изменит весь свой образ жизни, свои привычки, весь образ мыслей, всю свою природу» [3, с. 163].

Такой подход, несомненно, ставит ряд серьезных проблем в поиске смысла социальных изменений. Во-первых, возникает проблема вариативности деятельности, направленной на социальные изменения, как артефакта и нового способа деятельности, ранее не применяемого и не присущего человеку от рождения. Очевидно, что в соответствии с различными видами такой деятельности будут возникать и различные артефакты. Так есть просто материальные предметы, подвергнутые деятельностной обработке. Совсем иное – способы действия с орудиями труда или более сложные артефакты-способы деятельности по намеренному воздействию на социальные связи, институты, отношения индивидов, которые в сути меняют взаимосвязи и взаимодействия элементов сложной социальной организации, то есть выступают преобразовательной деятельностью, в которой объект преобразования – социум и его составляющие.

Во-вторых, встает проблема увязывания этих артефактов-способов преобразовательной деятельности человека и их взаимоотношений. Действительно, как располагаются между собой возможности и параметры их воздействия на социальную реальность, каковы возможные уровни проявления изменений? Что первично в этом процессе, а что вторично? Каковы при-

чины и каковы возможные последствия, каковы альтернативы, не реализованные в данном процессе?

В-третьих, как отдельные виды преобразовательной деятельности могут увязываться в отдельные последовательности, сценарии, модели и вести от одного планируемого результата к различным вариациям, изменяющимся в процессе осуществления? Таким образом, третья проблема – это проблема задуманного, реализуемого и достигнутого. Очень часто в осуществлении преобразований, организаторы процесса не обучают как преобразовывать, а просто контролируют контекст этой деятельности. Ведь действие есть часть подсистемы, а не продукт или следствие того, что остается от контекста, когда из него вырезали то, что мы хотим объяснить. И, тем не менее, возникает дилемма что первично: деятельность или ее контекст (адекватное понимание смысла преобразовательной деятельности как контекста или привычное, определяемое непосредственной социальной практикой понимание как контекст)? Сама преобразовательная активность или ее смысл, осознание?

В-четвертых, есть проблема выделения творческого потенциала преобразовательной деятельности. Что именно выделяет ее от механически-стереотипной деятельности и делает ее неповторимой, разовой в решении поставленных социальных задач? Легко сказать, что все зависит от воспитания (социальной среды), но кто воспитывал воспитателя? Если психика имеет социальное происхождение, то как в результате психических процессов опосредования появляется потребность в преобразовании и появляются представления о механизме таких изменений?

И в-пятых, остается проблема классификации видов и осмысления особенностей осуществления преобразовательной деятельности, направленной на социальные изменения.

Понятие «изменение» является философской категорией и используется обществоведами в качестве родового понятия, несущего в себе наиболее существенные признаки пространственно-временного состояния материи. Философский анализ дан и составляющим процесса социальных изменений. «Изменение» является составной частью процесса другого качества и масштаба – развития. Последнее отличается тем, что проявляется как последовательное, необратимое, закономерное изменение.

Понятие «развитие» часто употребляют в качестве совокупного обозначения как «процесса», так и «изменения», поскольку развитие есть процесс, а изменение атрибут любого развития материи [8, с. 202, 479 – 480]. «Процесс» в общенаучном смысле означает «всякое длительное, последовательное дело», «ход, развитие какого-нибудь явления, последовательную смену состояний», «тесную связь закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение». Универсальным признаком процесса выступает взаимодействие его сторон, элементов. Указывая на это, П. Сорокин отмечал, что взаимодействие есть процесс родовой, свойственный всему миру неживой и живой природы [5, с. 28]. Одной из форм проявления процесса, его первичным элементом, указывающим на

смену количественных и качественных характеристик, является изменение. Это то, что появится через некоторое время, т. е. череда состояний, переход из одного качественно определенного бытия в качественно другое бытие [4, с. 80].

Процессы, происходящие в обществе, отличаются от природных процессов. В анализе содержания понятия «социальный процесс» различают: процесс социального функционирования, обеспечивающий воспроизводство качественного состояния объекта и процесс социального развития, обуславливающий переход объекта к качественно новому состоянию. Процесс социального развития может быть прогрессивным и регрессивным, эволюционным и революционным [6, с. 276 – 277, 304]. Социальный процесс характеризуется деятельностью людей, их взаимодействием на основе определенных интересов, зависимостью людей друг от друга в ходе такого взаимодействия, различными механизмами и методами его регулирования. Когда речь идет об изменениях, к которым большинство людей способны адаптироваться, то вопрос, почему и зачем такие изменения, не возникает. Такие вопросы особо актуальны в периоды быстрых неконтролируемых изменений в социальной системе. В субъектно-центристской концепции миропонимания, четко сформулированной в работах Ю. М. Федорова, становление Человека проходит ряд филогенетических стадий, где социогенез является производным от космогенеза и антропогенеза [7]. Космогенез Человека положил начало его предистории, история человечества начинается свой отсчет от «начальной точки» антропогенеза и история общества восходит уже к истокам социогенеза. Но это уже не история Феноменального Человека, и не история человека общественного, а история социального универсума.

В этой связи будет уместным выделение в содержании понятия социальное изменение двух смыслов в употреблении в качестве научной категории. Первый смысл определен *содержанием процесса системных изменений объективной реальности как единства естественной и социальной среды и системных преобразований, вызванных неосознанной коллективной деятельностью человеческих сообществ* в ходе становления полного качества человечества как рода через процесс развития уровней структурной организации социума. Здесь социальные изменения определены рамками необходимого допущения преобразований самой социальной системой с целью реализации важной её функции – функции воспроизводства и самосохранения. Второй смысл *определен содержанием анализа движущих сил процесса социальных изменений – активностью, деятельностью субъекта, класса, нации*. В этом социальные изменения определены возможностью и способностью (человеческий потенциал, определяющий социальное качество общества) субъективного воздействия на социальную систему с целью конкретных изменений.

Последнее время взаимодействие социума и отдельного человека понимается отнюдь не в позитивном или прогрессивном смысле. Ю. М. Федоров утверждает, что если и можно говорить всерьез об

истории нецелостного, частичного человека, именуемого социальный субъект, то лишь имея в виду, что по своему содержанию она есть не что иное, как процесс его перманентного социального самоотчуждения и онтологического вытеснения. [7, с. 216 – 220, 238]. Ведь диалектико-материалистическая концепция истории представила её как процесс эволюции средств производства и человек вписан в историю как производительная сила. Представления о социализации утверждали в человеческом самосознании идеологему о первичности социогенеза в исторической эволюции Человека. Однако все формы генезиса берут свое начало в человеческой предыстории. Каждый раз в расширяющемся мироздании возникает такая онтологическая ситуация, когда еще не завершился один вид человеческого генезиса, а его по темпам развития уже начинает обгонять другой вид генезиса. Социальный универсум является промежуточной универсальной целостностью, заключенной между человеческим и природным универсумами. Общественное бытие человека выступает уже не суверенным способом его существования, а всего лишь социально-статусной формой его присутствия при жизнедеятельности общества. Иерархия социальных форм человеческих присутствий образует целостный каркас функционирования общества нормативами внешнего долженствования. Именно нормы, как элементы социальной технологии, дробят человеческую феноменальность и уникальность на социальные роли и объективированные социальные позиции. В итоге объективированная форма владения своими собственными отчужденными субъективациями обуславливает перманентное вырождение социального субъекта в рядовую социальную функцию, способную к замещению на чисто технологическую функцию.

Трагедия социального субъекта заключается не в том, что он вынужден осуществлять деятельность (в рамках его социальной бытийственности она позитивна), а в том, что её отчужденную и гипертрофированную социальную форму он чаще всего культивирует в качестве чуть ли не единственного способа воспроизводства своей многомерной экзистенции. Антропологическая потребность в социальных изменениях исходит из потребности человека создавать, а не приспосабливаться к наличной социальной среде. Другое дело, что созидание ограничивается все более и более с усложнением структурно-функциональной организации социума. Ограничение является одним из ведущих смыслов процесса социализации. Не случайно З.Фрейд придавал огромное значение влиянию последствий табуирования культурой природных потребностей человека [9]. Нельзя забывать, что в мире сложных социальных организаций человек существо духовное. И как духовное, психическое существо человек старается наделить смыслом сами процессы социальных изменений.

Справедливо считал Н. Бердяев, что история оказывается особой реальностью. «Мир» обнаруживает свою несамостоятельность, он оказывается порождением нашего греха, рабства и несвободы. Мир теряет свое абсолютное значение для духа и поэтому должен

быть разрушен, преодолен. Освобождение от власти неистинного мира есть творческий акт человека, и смысл мира отрывается лишь через него [1, с. 29]. Только божественная природа в состоянии создавать новое из ничего и если человек – образ и подобие Божества, то ему так же присуща способность созидать. Свобода не детерминирована Творцом, следовательно, зло происходит не от Бога, оно является продуктом человеческой свободы. Корень зла заключается в объективации результатов творчества [2, с. 269]. Когда у человека нет возможности творчества он сознает свою ограниченность, нищету, которую он определяет как несправедливость. Она ощущается тем острее, чем больше воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (условиями жизни, которые, как полагает человек, он заслуживает по справедливости) и ценностными возможностями (условиями, которые в действительности человек может получить).

Мы понимаем невозможность отразить в статье всю полноту и богатство идейного содержания пути поиска смысла и сущностных характеристик всего многообразия человеческого опыта социальных изменений. Различные теории, концепции и представления о механизмах изменений в обществе вносят свою лепту в понимание сложного макроисторического процесса развития общества, но они оставляют нам не разрешенными пять парадоксов. Первый относится к возникновению революций. Сегодня многочисленные теории дают нам понимание многочисленных детерминант, факторов и сил, обуславливающих существенные обстоятельства, от которых зависит результат революции. Одни анализируют механизмы поведения людей (мотивы, намерения, идеи), другие социально-культурные аспекты и экономические потребности развития системы общества. Ясно, что революции происходят тогда, когда каким-то уникальным образом соединяются многие факторы. Но парадокс в том, что описывая эти факторы, мы не можем с уверенностью определить в каком количестве, в каком сочетании и при каких условиях все же будет революция.

Второй парадокс связан с пониманием феномена активности людей, поддерживающих изменения и ждущих реальных результатов. Чем объяснить взрыв участия, преодоление барьера апатии, пассивности в определенное историческое время и терпение лишений в другое время? Чем объяснить выбор большинства членов общества одну из форм изменений: путь реформирования или модернизацию в той или иной подсистеме общества или активное участие в революции?

И, поэтому третий парадокс связан с тем, как возможно теоретически рассчитать или предугадать в определенный исторический момент развития общества проявление уникальной комбинации переплетающихся процессов в политике, экономике, культуре, ведущей к возникновению нового исторически неповторимого феномена изменений. Ведь ни одна из революций не дублирует предшествующие, а опыт практики реформирования так разнообразен, что правомерно описывать разновидности реформ.

Следующий парадокс связан с наследием опыта, приобретенного человеком как макросубъектом, ак-

тивно участвующем в преобразовании. Как влияет на следствие, осмысление опыта изменений на последующие преобразования? Являются ли те или иные формы преобразований отдельными эпизодами со своей уникальной причинностью или они подчинены определенной последовательности и имеют свою цикличность? Можем ли мы достоверно увидеть и осмыслить феномен являющегося?

Само осмысление результатов процессов изменений формирует пятый парадокс. Исследователи очень по-разному оценивают и фиксируют итоги процесса изменений. Многие объективно непостижимо и не всегда видны побочные последствия изменений. А когда они осознаны, то возможности корреляции процесса социальных изменений утрачены. Вот и сталкиваемся мы с феноменом мифологизации опыта революции, модернизации или реформирования. Миф об успешности используется как идея в мотивации деятельности тех, кто несет на своих плечах активность в изменении, а по прошествии времени, осознав невозможность достижения целей, рушатся и мифы. И те, кто был оплотом революции, уже не герои, а кто был разработчиком реформ, становится недальновидным политиком. Парадокс исторической оценки результатов изменений лежит в психологии восприятия исследователями того опыта преобразований, кото-

рый может быть им доступен. А что влияет на психологию восприятия исследователя?

Мы не случайно заговорили о парадоксах. Этот ракурс позволяет отчетливо понять то, что, несмотря на разнообразие теорий, концепций и взглядов, единого мнения и универсальной теории описания сущности форм социальных изменений, вызванных осознанной целенаправленной деятельностью человека или неосознанной не будет. Не будет сформировано единое понимание сущности и смысла изменений, но мы всегда можем из многообразия мнений выбирать то, которое будет созвучно нашим ожиданиям в социальной практике и консолидировать людей в правильности антропологической установки, что изменения в обществе осуществляются согласно развивающимся потребностям человека. «Общество для человека» – постулирует многие идейные искания в смысле и сущности процессов изменений общества. Человек XX и XXI веков хочет управлять изменениями, быть активным субъектом истории находить созидательный смысл в начатых им преобразованиях. Но все же, здесь уместно процитировать Н. Бердяева. Корень зла заключается в объективации результатов творчества человека. «Все продукты творчества не соответствуют творческим замыслам и не удовлетворяют. В этом горечь творчества» [2, с. 359].

Литература

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1989.
3. Выготский, Л. С. Генезис высших психических функций / Л. С. Выготский. – М.: Наука, 1965.
4. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – СПб.: Наука, 2000.
5. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Наука, 1992.
6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском, чешском языках / ред.-коорд. академик РАН Г. Осипов. – М.: ИНФРА-М-Норма, 1998.
7. Федоров, Ю. М. Сумма антропологии. – Кн. 1 – 2 / Ю. М. Федоров. – Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 858 с.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001.
9. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – СПб.: Олимп, 1997. – 346 с.

Информация об авторе:

Грицкевич Татьяна Игоревна – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ, 8(3842) 58-32-31, taigree@yandex.ru.

Tatiana I. Gritskevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

УДК 124.5

ПРИНЦИПЫ РАНЖИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

М. П. Данилкова

PRINCIPLES OF RANKING VALUES

M. P. Danilkova

Целью данной статьи является исследование, касающееся проблемы теории ценностей, в частности вопрос о рангах ценностей. Выбор ранга обуславливается несколькими факторами, важнейшими из которых – сфера или тип ценностей, значимость ценности. Заданный принцип ранжирования ценностей основан на «количестве усилий», затраченных на созидание или освоение той или иной ценности.

The paper is aimed at researching the theory of values, in particular the issue of values rank. The rank choice depends on some factors, the major being the area or type of values, and the importance or "quality" of value. This principle of ranking values is based on the «quantity of efforts» required for creating or developing this or that value.

Ключевые слова: ценности, ранг ценностей, иерархия ценностей, типы и сферы ценностей.

Keywords: values, values rank, hierarchy of values, area or type of values.

Принципы ранжирования ценностей

Вопрос о ценностях одним исследователям кажется устаревшим, другим – чрезвычайно актуальным. Но, по существу, проблема ценностей вечна, как и сама человеческая цивилизация, она всегда интересовала мыслителей прошлого и настоящего. Сегодня нельзя не отметить усилившийся исследовательский интерес к данной проблеме, что с одной стороны обусловлено кардинальными изменениями в социальной среде, с другой, – связано с трансформацией ценностной системы самого человека. Все это приводит к необходимости более глубокого философского осмысления теории ценностей и поиска новых подходов для решения наиболее важных ее аспектов. Жизнедеятельность современного человека, создающего и осознающего мир ценностей, как материальный, так и духовный, настоятельно требует постижения определенных законов и знаний для реализации этого процесса.

Проблема ценностей уходит своими корнями глубоко в древность, вместе с тем, до сих пор остается достаточно широкий круг нерешенных вопросов, связанных с теорией ценностей. В современном проблемном мире, для которого характерны кардинальные изменения в целостной архитектонике ценностей вопросы, связанные с иерархией ценностей становятся приоритетными. В этом контексте достаточно актуальным является исследование проблемы, связанной с определением ранга ценностей. Например, каким образом можно различать ценности, какова основа для дифференцирования ценностей относительно их ранга и возможно ли организовать иерархию среди них? Каким образом человек определяет значимость ценности или ее «цену»? Поиск ответов на эти вопросы является предметом данного исследования. Цель настоящей работы – попытаться обосновать принцип ранжирования ценностей через структуру деятельности человека. Прежде чем, перейти к изложению предложенного критерия дифференцирования ценностей, остановимся на традиционных взглядах на решение этой проблемы.

Несмотря на различия в интерпретации сущности ценностей как на более ранних этапах ее исследования, так и в настоящее время, явно прослеживаются некоторые общие черты в решении проблемы ранжирования ценностей. Так, например, сформированная в истории европейской культуры ценностная триада «Истина-Добро-Красота», отражающая идеальное единство основных элементов духовной культуры, считается традиционной аксиологической классификацией. Однако такое ранжирование ценностей не может рассматриваться как полная классификация, воспроизводящая все многообразие ценностного мира человека. В теориях ценностей, согласно которым ценность понимается как предмет, имеющий пользу и способный удовлетворять ту или иную потребность,

или рассматривается как значимость чего-либо вообще для отдельного человека или социальной группы, принято различать следующие типы ценностей: экономические, эстетические, нравственные, религиозные, индивидуальные и коллективные и т. д. Но каким ценностям отдать предпочтение? Очевидно, что представление о времени, возрасте человека, этнических стереотипах оказывают большое воздействие на понимание того, в чем заключается суть и значимость ценности.

Подчеркнем, что способность предпочитать одним ценностям другие, есть сама потребность человека: только человек в состоянии оценивать природу, результаты своей деятельности и вместе с тем, способен на самооценку. Мир полон ценностей, однако природные явления или объекты материальной культуры приобретают статус ценностей только при потенциальном или наличном существовании человека, т. е. того, кто способен оценивать. Таким образом, ценность обязательно антропогена, поскольку устанавливается в процессе человеческого осмысления, его выбора и действия.

Мир ценностей представляет собой строго упорядоченную систему, и этот порядок заключается в том, что ценности в отношении друг друга образуют иерархию, в силу которой одна ценность оказывается более важной, чем другая. В результате выстраивается некая пирамида или своего рода шкала, на вершине которой – ценность самая важная и значимая, ниже – менее важная и т. д.

Примером такого ранжирования ценностей является иерархия ценностей представленная основателем персонализма – М. Шелером. С позиций персонализма, более высокие ценности, т. е. более значимые, это такие ценности, которые «более долговечные», в которых «глубже» удовлетворение, связанное «с постижением их в чувстве». Согласно Шелеру, иерархия ценностных модальностей, ценностных качеств, выглядит следующим образом:

- a – личностные и предметные ценности;
- b – собственные и чужие ценности;
- c – ценности актов, функций, реакций;
- d – ценности убеждения, действия, успеха;
- e – ценности интенции и состояния;
- f – ценности оснований, форм, отношений;
- g – индивидуальные ценности и коллективные ценности;
- h – самости и производные ценности [5, с. 319 – 321].

Представленная классификация ценностей имеет существенные недостатки, например не ясно, чем отличаются собственные ценности и личностные или индивидуальные и личностные, занимающие разные уровни и позиции. Как определить степень или глубину удовлетворения, по каким критериям? М. Шелер

не дает достаточное обоснование представленным критериям.

Иная точка зрения принадлежит феноменологическому подходу к решению проблемы ценностей. Следуя тенденциям указанного подхода, касающимся вопроса различения ценностей, можно выделить следующие сферы или типы ценностей: жизненные ценности (утилитарные и другие); культурные ценности (познавательные, эстетические и др.); моральные ценности [6, p. 132].

При такой позиции различение ценностей, определяется рангом ценности, который, по мнению сторонников этого подхода, зависит от качества ценности. Вместе с тем, они утверждают, что определить эти «качества» или свойства концептуально не представляется возможным.

Другие философы, в частности Н. Гартман, использует в качестве ранга ценностей понятие «силы» ценности, которая, как он предполагает, «различна в ценностях разного типа. Она больше в моральных ценностях, чем в эстетических ценностях» [цит. по: 7, p. 141]. Чем же определяется размер этой «силы»? Вопрос остается открытым.

По мнению известного философа, феноменолога Р. Ингардена, обоснование того, что моральные ценности выше эстетических, является недостаточно проясненным, поскольку не существует каких-либо удовлетворительных общих дефиниций частных типов ценностей и совершенно не ясен и не определен критерий для разделения ценностей на частные сферы и типы.

Вышеприведенные системы различения (классификации) ценностей и дефиниции ранга ценностей показывают, что выявление значимости ценностей, построение иерархии ценностей вызывает определенные затруднения, и как следствие, многообразие точек зрения и подходов к решению указанной проблемы.

В результате обнаружения «ценностности» и определения значимости того или иного предмета, следует отметить следующий важнейший аспект. Так, по мнению психологов, предмет не только создается, но и переживается субъектом. Таким образом, выявляется иррациональная форма связи человека и предмета, субъекта и объекта. С позиции данного подхода к определению значимости ценностей, сознание человека включает не только знания, но и переживания того, что в мире значимо для человека в силу отношения к его потребностям, интересам, вкусам и т. д. [4, с. 149 – 150]. С этим мнением согласны и философы, в частности О. Г. Дробницкий и др., которые утверждают, что существование определенных вещей обычно не является ценностью самой по себе, поскольку оценивается нечто, главным образом, с учетом человеческих переживаний. Именно в процессе интенционального переживания человеку открывается мир самих предметов с их ценностной стороны. Предметы как бы «оживают», попадая в поле ценностного притяжения человека.

В итоге, подчеркнем, что сам момент переживания социального или природного мира является необходимым, но недостаточным условием превращения предмета в ценность, т. е. выявления его значимости.

Для реализации ценности необходимо приложить определенные усилия. Вот мнение по этому поводу ученых: «Ценности не возникают автоматически. Они требуют усилий, связанных с поддержкой, творческим мышлением, доброй волей и господством над добрыми намерениями реализаторов. Такие усилия переплетены со страданием и самопожертвованием» [1, с. 232].

Итак, человек на производство или освоение им предметов или явлений окружающего мира затрачивает определенные усилия, которые могут иметь психологический, физический, интеллектуальный или иной характер. И чем значительнее эти усилия, тем пристрастнее человек относится к своему творению, определяя тем самым значимость или ценность предмета для себя самого. «Ценность – это человеческое измерение вещей. Выступая по отношению к вещам как созидатель в практической деятельности и художник в духовной деятельности, человек вкладывает в вещи свой труд, свою душу, свою энергию и свой талант и тем самым наделяет вещи смыслом, делает их значимыми и значительными для себя» [3, с. 56]. В этом контексте количество затрат может выступать рангом для выявления значимости ценностей в пределах одного типа ценностей. Степень зависимости количества усилий, затраченных на созидание или освоение предмета и его ценности можно представить следующим образом: чем больше затраты (усилия), тем выше ценность предмета.

Описанная выше зависимость ценности от величины усилий или затрат, имеет условный и несколько упрощенный характер. Дело в том, что определяя ценность как «меру затрат» следует подчеркнуть, что понятие «затраты» имеет некоторую особенность. Под затратами в данном случае полагается не просто механическая сумма каких-либо действий или усилий, имеется в виду вся совокупность внутренних сил человека. Это, прежде всего, деятельность сознания, включающая эмоции, чувства, интеллектуальные усилия, напряжение воли и т. д. «Для усвоения ценности необходима не просто деятельность, а особенная активность, в результате которой может быть сформирована ценностная позиция, как своего рода деятельностно-этическая направленность. Другими словами, необходима деятельность сознания, его ценностного слоя» [2, с. 93 – 94]. Кроме того, следует подчеркнуть, что активность человека есть безусловная ценность с точки зрения воплощения духовных ценностей. Если человек не желает напрягаться, он вообще ничего не достигает. Если же он проявляет активность, становится важным ее направление. Именно воля к действию при любых обстоятельствах есть исходный пункт воплощения любых ценностей.

Таким образом, принцип ранжирования предметных ценностей может быть сформулирован следующим образом: ценность тем выше и значимее, чем большими затратами (или усилиями) она создана или освоена.

Применим ли этот же принцип для ранжирования ценностей другого типа, например, духовных? Исследование этого вопроса позволяет сделать следующие выводы. В сфере духовных ценностей значимость ценности определяется не столько затратами на ее со-

зидание или освоение, сколько степенью ее потребления, «способностью проходить сквозь века», востребованностью. Вот почему, бесценными остаются великие произведения Платона и Гомера, Шекспира и Гете, Моцарта и Чайковского и многих других. Те духовные ценности, которые великие художники воплотили в своих произведениях, вечны: они востребованы предыдущими поколениями и будут востребованы будущими.

Важнейшая особенность оценки духовных ценностей связана с таким свойством, как нередуцируемость духовного феномена. Любое знаковое, предметное или иное его выражение не позволяет сделать объективную оценку его значимости. Поэтому многие исследователи высказывают мнение о том, что любая предметная форма представляет собой символ или символическое выражение некоторых имплицитных значений. В этом смысле содержание духовного феномена не может быть адекватно воспринято, а может быть выявлено и обнаружено лишь в процессе интуитивного схватывания. Следовательно, познание и оценка духовных феноменов предполагает использование особых специфических механизмов, в которых решающая роль принадлежит воспринимающему и оценивающему субъекту.

Духовные ценности связаны с бытием человека, с воспроизводством духовных основ человеческого существования. Они создаются или осознаются в результате акта творения или созидания, и осуществля-

ются через либо поступок, либо переживание и созерцание, каждый раз испытываемое заново. Другими словами, духовные ценности охватывают глубинные, важнейшие смыслообразующие компоненты человеческого бытия, и потому применение к ним привычных способов оценки приводят к разного рода затруднениям. Описанный выше принцип ранжирования духовных ценностей является лишь попыткой решения данной задачи, учитывающий понимание того, что духовные ценности являются феноменом особого категориального типа.

В заключении следует отметить, что в настоящий момент, вопрос о так называемых «рангах» ценности все-таки остается открытым, поскольку при его решении невозможно избежать ряда указанных проблем. Вместе с тем, совершенно очевидно, что «каждая ценность имеет определенный ранг «ценности» [8, p. 152].

Как бы не менялся современный мир и вместе с ним сам человек, ценности являются основанием для выражения его отношения к действительности и реализации своих разнообразных потребностей. Предложенный способ ранжирования ценностей позволяет не только выявить цели и задачи деятельности человека, но и внести некую упорядоченность и определенность во всем многообразии ценностного мира, созданного или освоенного им и сформировать свою персонифицированную иерархию ценностей.

Литература

1. Гжегорчик, А. Жизнь как вызов: введение в рационалистическую философию / А. Гжегорчик. – М.: Вузовская книга, 2000. – 320 с.
2. Зинченко, В. П. Ценностная структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы философии. – 2011. – № 8.
3. Крюков, В. В. Философское понимание ценностей культуры / В. В. Крюков. – Новосибирск: СибУПК, 2002. – 88 с.
4. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн; отв. ред. Е. В. Шорохова. – М.: Педагогика, 1973. – 423 с.
5. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 413 с.
6. Шрейдер, Ю. А. Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора / Ю. А. Шрейдер. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 206 с.
7. Bahm, A. Axiology: The science of values; Ethics: The science of oughtness. A pair of books bound together / A. Bahm. – 1980. – 234 p.
8. Ingarden, R. What we do not know about values / R. Ingarden // Man and Values. – 1984.

Информация об авторе:

Данилкова Марина Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), 8-905-939-50-59, danilkova_marina@mail.ru.

Marina P. Danilkova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Novosibirsk State Technical University.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИЛЛЮЗИИ «СПАСЕНИЯ И ЗАЩИТЫ»

О. Н. Ефремова

THE ONTOLOGICAL STATUS OF THE ILLUSION OF "SALVATION AND PROTECTION"

O. N. Efremova

В статье раскрывается онтологический источник иллюзии «спасения и защиты». Иллюзия инициирована актуализацией фундаментальных потребностей. Поддержание иллюзии во многом подчиняет себе социальное бытие человека.

The paper reveals the ontological source of the illusion of "salvation and protection." The illusion is caused by actualization of basic needs. This illusion largely tempts the social existence of man.

Ключевые слова: экзистенциальные данности, иллюзия, вера в спасителя.

Keywords: existential givens, illusion, the belief in a saviour.

В данной статье предметом исследования становится один из психических феноменов – иллюзия спасения и защиты, в источнике и генезисе которого определяющую роль играет экзистенциальная динамика. Необходимость и актуальность исследования данного феномена обусловлены широкой распространенностью социальных аддикций и виктимности, как социальных воплощений. Подчинение социального бытия поддержанию («питанию») иллюзии спасения и защиты не только выполняет свою символическую функцию, но и налагает на социальную жизнь индивида заметные, серьезные ограничения. Исследуемый феномен в контексте данной статьи не случайно назван иллюзией, так как защита и спасение от неизбежного столкновения с экзистенциальными данностями возможны лишь на символическом уровне.

Сознание человека непрестанно сталкивается с проявлениями и признаками действия конечных факторов существования – смерть, свобода, изоляция, отсутствие универсального смысла. Присутствие в бытии этих экзистенциальных данностей человек не выбирает. По словам М. Хайдеггера, человек «заброшен» в бытие [6]. Конфронтация с экзистенциальными данностями угрожает сознанию и психической организации в целом дезинтеграцией, хаосом, распадом, ассимиляцией, инфляцией. Постоянная имманентная угроза является источником онтологической тревоги. Это тревога существования осознанно и латентно присутствует в фокусе или на периферии сознания. Онтологическая тревога полифонична и являет себя сознанию в различных переживаниях – модусах. Непрестанное осознание тревоги сделало бы бытие человека невыносимым и невозможным в силу всепроникающей способности беспокойства и его побуждающей функции.

Психическая организация человека сохраняет свои параметры (единство, интеграцию, интенциональность, стабильность и др.) при условии хотя бы частичного, если не тотального удовлетворения фундаментальных потребностей. Фундаментальными, базовыми или экзистенциальными эти потребности названы (Э. Фроммом) на основании значимости их удовлетворения для существования человека как социального существа.

В классификации Э. Фромма представлены 5 потребностей, каждая из которых во взаимосвязи с другими в различной степени актуализированы в индивидуальном сознании:

- потребность в укорененности и братстве;
- потребность в преодолении и созидании;
- потребность в приобщенности, принадлежности;
- потребность в системе ориентаций и объекте поклонения;
- потребность в чувстве тождественности и индивидуальности [8, с. 97].

Удовлетворение фундаментальных потребностей обеспечивает человеку психическое равновесие, поддерживает психический гомеостаз. Фрустрация фундаментальных потребностей актуализирует онтологическую тревогу и нарушает привычный ход жизни. Фундаментальные потребности, будучи субъективно проецированными человеком в социальную среду, размещенными в ней, принимают социальные формы, т.е. обращаются в общеизвестные социальные потребности: аффилиации, принадлежности, уважении, признании, в объекте поклонения, покровительстве и заботе, в любви, в самореализации и т.д. Социальные потребности наделены особой субъективной значимостью и аффективно заряжены посредством проекции потребностей фундаментальных, фрустрация которых ставит под сомнение существование человека как человека.

В целях раскрытия экзистенциальной динамики, составляющей источник и обеспечивающий генезис иллюзии, обратимся к описанию психических процессов, выполняющих роль фундаментальной защиты. И. Ялом в своей работе «Экзистенциальная психотерапия» предлагает ценное для нашего исследования описание защитного процесса, который назван «Верой в конечного Спасителя». И. Ялом проводит аналогию защитного процесса (веры в спасителя) с установкой сознания «ради доминирующего другого», описанной С. Ариети, которые в диалектической паре представляет полюс слияния. «Существование ради «доминирующего другого» – не что иное, как попытка слиться с другим, воспринимаемым как источник защиты и жизненного смысла [11]. Таким образом, можно сказать, что иллюзия спасения и защиты явля-

ется продуктом, результатом «Веры в конечного Спасителя».

«Вера в конечного Спасителя» как защитный процесс помогает сознанию в совладании с тревогой в конфронтации с экзистенциальными данностями, но подчиняет жизнь индивида зависимости от идеализируемого объекта.

В целях иллюстрации и вместе с тем, для большей убедительности, подробно рассмотрим источник и генезис исследуемой иллюзии.

Свобода как экзистенциальная данность.

Принимая точку зрения И. Ялома, следует сказать, что свобода, сопряженная с ответственностью в отсутствии «безошибочного знания» актуализирует тревогу, которая сопровождает осознанный выбор. Не детерминированный жестко ни законами своего биологического вида, ни законами культурной эволюции, человек являет собой бесконечно открытую потенциальность и формируется «здесь». Различные факторы обуславливают существование человека, но ни один из них не предопределяет его жестко и однозначно. Сущностью человека является ничто, имеющее возможность развернуться во «что-то» [10, с. 114].

Свобода как данность бытия ставит перед человеком ряд задач, решение которых сопряжено с необходимостью совершать выбор и принимать ответственность. Это задача самоосуществления и самоопределения, отказ от решения которой оборачивается для человека переживанием экзистенциальной вины, о которой возвещает тревога.

Не менее ответственная и пожизненная задача – конституирование своей реальности, своего восприятия и оценки мира. От того, как человек расцветит мир, зависит его отношение к себе, к миру, к себе в мире. Отказ нести ответственность за совершенные выборы, за созданные образы восприятия оборачивается утратой жизненного центра, внутренней опоры, переживанием своей беспомощности («от меня ничего не зависит»), ослаблением воли и тревогой, возмущающей об отказе от свободы.

Отсутствие универсального смысла – это неизбежное следствие и проявление свободы как конечной данности (фактора существования), т. е. это необходимость самому быть автором собственных восприятий мира, автором значений и смыслов вещей, создателем собственных ценностей, выступающих опорами в осуществлении выборов. Потребность придать миру структуру, задать личные координаты, параметры – расставить пограничные столбы, сделать мир для себя четким и ясным, по возможности, прогнозируемым – эта потребность порождается сознанием, которое подчинено законам гештальта – тяготеет к завершенной форме, структуре, упорядоченности.

В творчестве Ж.-П. Сартра и А. Камю человек предстает как творец, каждодневно созидаящий свою жизнь, свой смысл; совершающий выбор, будучи тотально свободным.

Свобода как данность порождает у человека потребность во внешней опоре, будь то реальный человек (с кем можно разделить ответственность) или свод правил и законов (на которые можно переложить ответственность). Ж.-П. Сартр в своих романах обращает особое внимание на тот факт, что человек обре-

чен быть свободным, и даже найденная внешняя опора не избавляет от ответственности. Он говорит о том, что человек несет ответственность перед собой и миром за все, что он делает и чего делать отказывается (в том числе и за то, какую внешнюю опору для регуляции своего поведения выбирает человек: религиозные заповеди, юридические законы, «понятия» преступного мира и т. д.).

Э. Фромм обращает наше внимание на то, что всякая удовлетворительная система ориентаций подразумевает, что во всех сферах человеческих усилий действия слагаются не только из интеллектуальных элементов, но и из элементов чувств и ощущений. Ревностное служение цели или идее, или трансцендентной человеку силе, такой, как Бог, является выражением этой потребности в полноте бытия». Ответы на человеческую потребность в ориентации и поклонении значительно разнятся по содержанию и форме [9, с. 427]. Розмари Гордон, юнгианский психоаналитик, так же связывает мазохизм с человеческой потребностью – возможно, архетипической – почитать и поклоняться некоторому объекту, некоторому существованию, трансцендирующему наше бытие [1].

Эрих Фромм в своей работе «Искусство любви» говорит о том, что мазохизм проявляет себя как потребность человека стать частью того, кто защитит его, направит и будет приказывать, чтобы сбежать от невыносимого чувства (оторванности), изоляции. Он связывает мазохизм с чувством одиночества и отсутствием ощущения значимости: «Охваченный ужасом индивид ищет что-нибудь или кого-нибудь, к кому мог бы привязаться, он уже не способен дольше быть собственным индивидуальным Я, отчаянно пытается избавиться от него и снова почувствовать себя в безопасности, сбросив бремя своего Я. Мазохизм – одна из дорог, ведущих к этой цели» [9, с. 121].

Следуя размышлениям Э. Фромма, такой индивид отказывается от собственного Я, вверяя свою волю и ответственность Другому. Потребность в системе ориентации и поклонения универсальна, тогда как частное *содержание* систем, удовлетворяющих эту потребность, различно. Эти различия являются различиями в ценности; зрелая, плодотворная, разумная личность выберет систему, позволяющую ей быть зрелой, плодотворной и разумной. Личность, чье развитие было блокировано, вынуждена обратиться к примитивным и иррациональным системам, которые в свою очередь продлевают и усиливают ее зависимость и иррациональность [9, с. 430].

Таковыми примитивными и иррациональными системами для многих индивидов становятся разнообразные религиозные и нерелигиозные организации, где в последующем усиливается аддиктивное поведение и трансформируется идентичность адепта. С. Хассен подробно описывает, как адепт культа отказывается от своих прежних целей, разрывает важные отношения, отдает этой группе все свое время и средства, усиливая свою зависимость экономически [7]. Адепт нередко пренебрегает своими физическими потребностями, не получает своевременной медицинской помощи.

Анализ деятельности активных участников сект показывает, что адепты находят себя в новой реально-

сти и приобретают особую чувство безопасности, принадлежности к группе, связанное с коллективным проведением времени. Аналогичный путь своим последователям предлагают многие сетевые компании, где разработана единая символика, единые цвета и атрибуты одежды, где проводятся частые организационные сборы.

В организациях такого типа Гуру, Менеджер, Мастер и т. п. воспринимаются членами сообщества как божественная фигура сверх-отца, обладающего непререкаемым авторитетом, как Спаситель или Защитник. Аддикты воспринимают свое сообщество как идеальное общество братьев и сестер (друзей), воодушевленных одной идеей и стремящихся к одной цели.

Экзистенциальная изоляция как данность.

Здесь мы говорим об изоляции как следствии выделенности человека из мира природы, как следствии обособленности его самосознания. Межличностная изоляция переживается тягостно и тревожно именно потому, что за этим переживанием скрыта изоляция экзистенциальная – «чувство утраты домашности, уюта, потребность вернуться в «дом», «ненадежности мира». Точное и яркое описание переживанию экзистенциального одиночества дает Франц Кафка в своих дневниках: «Но из общества я был изгнан одним пинком, дядин *приговор* отозвался в моей душе уже почти во всем действительном значении, в самом чувстве семьи мне раскрылся весь холод нашего мира, я должен согреть его пламенем, на поиски которого я еще только собирался отправиться» [4, с. 19]. Он отмечает характерное настроение, переживание, которое сопутствует одиночеству – вселенское равнодушие, безразличие мира, «холодность мира». Переживанию одиночества неотъемлемо сопутствуют боль и тревога: «сегодня после полудня боль из-за моего одиночества охватила меня так пронзительно и круто, что я отметил: таким путем растрачивается сила, которую обретаю благодаря писанию и которая предназначалась мною во всяком случае не для этого» [4, с. 21].

Ф. Кафка переживает изоляцию как «изгнание», сопровождающееся тревогой: «А я лежу здесь на диване, одним пинком *вышвырнутый из мира*, подстерегаю сон, который не хочет прийти». Позволим себе еще одну иллюстрацию переживания экзистенциальной изоляции, которое содержит важный оттенок – «отделенность», «отдаленность», «дистанцированность» от других безо всякой надежды преодоления. «Я отделен от всех вещей пустым пространством, через границу которого я уже и не стремлюсь пробиться» [4, с. 35].

Задача человека – не столько сохранить, сколько создать собственное Я. Человеку не задан, не предрешен ни один из путей самоосуществления. Самоосуществление возможно (но не гарантировано) в процессе одинокого, без спутников и соучастников, следования по собственному пути, где не было предшественников и не будет последователей.

Один из смыслов термина «экзистенция» («ex-ist» = «stand out», выделяться) предполагает бытие человека, выделенное, специфически обособленное. Процессы роста и самореализации усиливают чувство индивидуации, самоконтроля и вместе с тем усиливают

переживание экзистенциальной изоляции. Отказ от роста обрекает на стагнацию и ограниченность, а платой за рост и развитие становится тревога экзистенциального одиночества.

В работе Ф. Римана «Основные формы страха» представлены два континуума: рост – стагнация и автономия – слияние. Каждый полюс континуума представляет собой резко выраженную, актуализированную потребность, которой угрожает фрустрация. Характер опасности заключен как раз в противоположном полюсе континуума. Рассмотрим подробнее.

Континуум автономия – слияние. Индивиды с потребностью в автономии переживают тревогу в ответ на фрустрацию, источником которой является нарушение границ и опасность слияния. На противоположном полюсе континуума потребность в слиянии с другим и самоотдаче, в нивелировании границ. Удовлетворение потребности нарушает всякое расставание, утрата, игнорирование, отстраненность и дистанция со стороны значимого человека. Тревогу вызывает все то, что изнутри или снаружи препятствует слиянию с другим; все то, что разделяет, изолирует, дистанцирует.

Для человека с потребностью в слиянии преобладает самоотвержение и самоотдача в ущерб потребностям становления своего «Я». «Первичным следствием этого является то, что партнер ... (такой личности) становится сверхценным объектом. «Любящая самоотверженность стремится посвятить себя партнеру, и без связи своего существования с другим человеком невозможна. Отсюда устанавливается и распространяется зависимость, которая является их центральной проблемой... Доминирующим является страх утраты в различных его внешних проявлениях, страх перед изолирующим дистанцированием, беззащитностью и одиночеством, страх быть покинутым. Это заставляет их искать неограниченной близости, создавать необыкновенно крепкие узы» [5, с. 229].

«Если Ты не можешь быть моей, совсем моей и навеки, то я хочу быть твоим рабом, служить тебе, все от тебя сносить, только не отталкивай меня от себя» [3, с. 63]. Даже взгляд – как признак и свидетельство внимания – переживается как условие существования. Полуобояринова Л. Н. в предисловии романа «Венера в мехах» Захера-Мазоха замечает: «Устремленный на него «жестокий», «суровый» взгляд Ванды – главное условие жизни и бытия для Северина, отсутствие же такового равнозначно для него небытию, маркирует смерть» [3, с. 63].

Конечность существования как экзистенциальная данность. Экзистенция раскрывается как бытие, идущее к смерти (Sein Zum Tod – введено М. Хайдеггером). Все бытие проходит под знаком смерти. Тревога вхожа в самый эпицентр бытия [6, с. 131].

Смерть, как данность бытия человека, несомненно, конфронтирует с фундаментальной потребностью человека в обретении безопасного и надежного существования, в обретении собственного контроля и власти самому решать: умереть или жить, когда и как умереть и т. д. Но человек не обладает властью и контролем, ему неведомы сроки его жизни, даты смерти.

Человек не просто смертен, он внезапно смертен. Эту данность самосознание человека не может игно-

рировать, потому отвечает тревогой. Смерть не является лишь конечным фактом жизни, этот процесс постепенного умирания человек так же не способен оставить без внимания. С каждым днем жизнь становится короче, а смерть ближе. Признаки постепенного умирания – болезни, старение – не всегда в центре внимания, но оказывают скрытое влияние на сознание человека – инициируют тревогу, актуализируют ее переживание. Кроме собственного тела, сознание человека замечает признаки увядания и умирания живого в окружающей его природе, частью которой он сам является.

Осознание своей внезапной смертности как данности бытия напоминает человеку, что его «существование не может быть отложено» [10, с. 183].

Мэри Уильямс в ее статье «Страх смерти», пишет: «Я считаю, что есть два пути избежать страха смерти. При садистическом методе индивидуум формирует контр-фобическую идентификацию со смертью как с разрушителем. Тогда жертва становится смертной и должна умереть в страхе и боли, тогда как разрушитель испытывает экстаз бессмертия. Мазохист идентифицируется со смертной жертвой и проецирует бессмертие на неуязвимого разрушителя; таким образом, разрушитель выступает в роли спасителя, способного избавить его от смертности» [13].

И. Ялом описал варианты поведения, связанного с гипертрофированной верой в конечного спасителя: «самоумаление, страх лишиться любви, пассивность, зависимость, самопожертвование, неприятие своей взрослости, депрессия после краха системы представлений. Любой из этих вариантов, будучи акцентирован, может вылиться в определенный клинический синдром». В случае преобладания самопожертвования тип защиты может быть охарактеризован как «мазохистический» [10, с. 318].

Один из самых значимых вкладов в понимание мазохизма сделал психоаналитик Масуд Хан в своей работе «От мазохизма к психической боли» (1979). Он утверждает, что человек нуждается в психической боли, т. к. через нее получает неопровержимое молчаливое доказательство существования «другого», и что именно эта потребность привела к «созданию всепроникающего присутствия Бога в человеческой жизни». Поскольку происходит все большее исчезновение Бога из внутреннего мира человека в качестве свидетельствующего другого, он считает, что «психическая боль меняется от переносимой и приемлемой до ее патологических замещений» [12].

В подтверждение сказанного приводим описание религиозного ритуала. «Целые процессии флагеллантов переходили из одного города в другой, в каждом из них пополняя свои ряды новыми самоистязателями. Иногда в количестве нескольких тысяч они приближались к церкви, вставали полукругом перед входом в нее – и начинался организованный обряд ритуального бичевания. Обнаженные по пояс бичующиеся совершали ритуал, исполняя торжественные песнопения и гимны, впадая в полную прострацию покаяния и поднимались, чтобы снова запеть гимн. В конце концов, ритуал завершался жестоким самобичеванием всех участников, иногда длившемся несколько часов. По его окончании их изможденные те-

ла были распростерты лицом к земле, полные стыда и восторга были изуродованы так, что мясо висело ключьями, их розги, окрашенные в кроваво-красный цвет, были подняты в экстазе» [2]. Широко распространенным и универсальным явлением в религии является фрустрация и отрицание физических и эмоциональных потребностей, а также действительное причинение боли себе или другим.

Многие крайние религиозные формы мазохизма обусловлены актуальным переживанием экзистенциальной вины, которое нередко ошибочно подменяется социальной виной и отождествляется с таковой. И в случаях религиозного мазохизма иллюзию спасения и защиты поддерживают посредством воображаемой коммуникации с фигурой спасителя. Совершаются акты самонаказания «перед лицом спасителя» с надеждой на отпущение, прощение, очищения от гнетущих мыслей и чувства вины. Спокойствие и безопасность получают как заслуженное следствие самоистязаний.

Приведем еще один пример крайнего выражения веры в конечного спасителя, где его роль играет женщина, а также иллюстрацию гипертрофированной фундаментальной потребности «в объекте поклонения», которой служат поведение и желания героя романа Л. фон Захер-Мазоха «Венера в мехах» Северина Куземского. Он выражает свое стремление оказаться во власти властной женщины, будучи готовым верить ей свою жизнь и свою смерть: «Я хочу, чтоб твоя власть надо мной была освящена законом, чтобы моя жизнь была в твоих руках, чтобы ничто в этом мире не могло меня защитить или спасти от тебя. О, какое огромное наслаждение было бы чувствовать, что я всецело завишу от твоего произвола, от твоей прихоти, от одного мановения твоей руки» [3, с. 95].

Последний пример подтверждает, что иллюзорную безопасность, защиту и покровительство человек получает за преданность, служение и покорность своему Спасителю в актах самонаказания, самоограничения и самоотречения. В данном примере – это отказ от собственной идентичности, самоотречение в надежде на тотальную защиту в лице Спасителя (тирана, деспота), это акт слияния и в некоторой степени ассимиляции с личностью Спасителя.

Следует подчеркнуть, что поддержание иллюзии спасения и защиты чаще не осознается, не рефлексировается сознанием. В противном случае многие сознательные установки вступили в конфликт с крайними формами социального поведения. Иллюзия спасения и защиты (как и многие другие) является частью Я-концепции, частью мировоззрения, Я – образа индивида, т. е. эго-синтонна.

Иллюзия спасения и защиты обеспечивает удовлетворение фундаментальных потребностей и потому так сильна и аффективно заряжена. На поддержание этой иллюзии работают так же защитные психологические механизмы, способные ограничивать, искажать, обесценивать, идеализировать социальную информацию, которая идет вразрез с имеющей место верой в конечного спасителя. Иллюзия спасения и защиты выполняет важную роль, но вместе с тем уязвима и налагает ряд заметных ограничений на социальное бытие человека.

Литература

1. Гордон, Р. Мазохизм: Теневая сторона почтения и поклонения / Р. Гордон // Psychopathology: Contemporary Jungian Perspectives (Ed. by A. Samuels), 1989.
2. Гуревич, П. С. Мазохизм как антропологическая загадка / П. С. Гуревич // CREDO NEW теоретический журнал. – 2008. – № 4.
3. Захер-Мазох, Л. фон. Венера в мехах / Л. фон Захер-Мазох. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
4. Кафка, Ф. Дневники 1913 – 1923 / Ф. Кафка. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 336 с.
5. Риман, Ф. Основные формы страха / Ф. Риман. – М.: Алетейа, 1999. – 336 с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad MACENTUM, 1997. – 452 с.
7. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
8. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 69 – 208.
9. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 412 с.
10. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 1999. – 576 с.
11. Arieti, S. Psychotherapy of severe depression. American Journal of Psychiatry / R. Arieti. – 1977. – С. 134, 864 – 868.
12. Khan, R. Masud M. Alienation in perversions / R. Khan, M. Masud. – N.Y., 1979.
13. Williams, M. Death anxiety / M. Williams // Journal of Analytical Psychology (1958, 1962). – 1958. – P. 160.

Информация об авторе:

Ефремова Ольга Николаевна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и социологии КемГМА, 8-961-708-31-12, Petrova7877@yandex.ru.

Olga N. Efremova – Candidate of Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy and Sociology, Kemerovo State Medical Academy.

УДК 101

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУКИ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Н. А. Иванова

ON SOCIAL DETERMINATION OF SCIENCE: IN SEARCH OF CONCEPTUAL MEANS

N. A. Ivanova

Автор осуществляет анализ концептуальных средств, являющихся ответом на признание взаимосвязи когнитивных и социальных процессов. К их числу отнесены такие понятия, как «стиль мышления» Л. Флека и К. Мангейма, «научное сообщество» Т. Куна, «эпистема» и «дискурс» М. Фуко, «тематический анализ» Дж. Холтона, «личностное знание» М. Полани, «исследовательская традиция» Л. Лаудана, «интересы» Ю. Хабермаса, «габитус» П. Бурдьё.

The author analyses the conceptual means regarding the recognition of interrelation of cognitive and social processes. They include such concepts as “style of thinking” (L. Fleck and K. Mannheim), “scientific community” (T. Kuhn), “episteme” and “discourse” (M. Foucault), “the thematic analysis” (J. Holton), “personal knowledge” (M. Polanyi), “research tradition” (L. Laudan), “interests” (J. Habermas), “habitus” (P. Bourdieu).

Ключевые слова: стиль мышления, научное сообщество, тема, личностное знание, эпистема, дискурс, исследовательская традиция, интересы, габитус.

Keywords: style of thinking, scientific community, episteme, discourse, the thematic analysis, personal knowledge, research tradition, interests, habitus.

Анализируя состояние современных эпистемологических исследований, В. М. Розин указывает на существование в них ряда оппозиций. Во-первых, понимание эпистемологии либо как самостоятельной дисциплины вне ее сведения к «внеэпистемологическим» аспектам, либо убеждение в том, что реконструкция познания невозможна без обращения к другим дисциплинам. С этим противостоянием связан вопрос

о междисциплинарном или трансдисциплинарном характере современной эпистемологии. Что касается стороны, представленной установкой на междисциплинарность и включенность в традиционную эпистемологическую проблематику знания других дисциплин, то она характеризуется, с одной стороны, редукционистской установкой, и как частный случай может принимать форму когнитивизма, с другой, так

называемые «внеэпистемологические» феномены рассматриваются как условия и факторы познания. Оценочный характер носит оппозиция, представленная различной реакцией на состояние современной эпистемологии, которое всеми исследователями определяется как радикальное [15, с. 238 – 245]. Радикальный характер проявляется в постановке «вопроса о том, способна ли вообще теория познания с ее специфическим концептуальным аппаратом, с ее подходами и методами анализа реальных познавательных процессов осмыслить как раз те аспекты познавательной деятельности, которые и породили соответствующую проблематику. Практически все дискуссии по наиболее актуальным гносеологическим проблемам, будь то проблема социокультурной обусловленности познания, проблема рациональности знания или спор интерналистов и экстерналистов, протекают как бы на границах гносеологии, так что содержательное решение этих проблем предполагает в качестве вполне реальной альтернативы фактический выход за рамки гносеологии» [14, с. 118]. При этом некоторые исследователи, избегая говорить о проблематичности гносеологии в целом, ограничиваются утверждениями о кризисе ее классической формы. Б. И. Пружинин указал на два вектора расширения поля гносеологической проблематики. В первом варианте речь идет о признании социокультурной детерминации познания с целью доказать принципиальную релятивизацию результатов познавательной деятельности. Противоположная сторона исходит из необходимости «поставить под контроль» социокультурные обстоятельства, имманентно присущие структурам познания. На наш взгляд, радикальный характер современных эпистемологических исследований в первую очередь связан с результатами модернизации и становлением так называемого «общества знания», в котором наука становится не только источником разрешения противоречий и рисков, но и их причиной, а также средством определения и диагностики. Как результат возникает необходимость в терминологии У. Бека различать «простое» и «рефлексивное онаучивание» [4]. Первое было характерно для периода модернизации традиционных обществ, и помимо противопоставления модернизации и традиции предполагало разделение дилетантов и экспертов-ученых. Основу модернизации составляло приращение науки к «данному» миру. Подобная форма онаучивания, характеризующаяся установлением границ между профессионалами и дилетантами, ушла в прошлое, т. к. в настоящее время наука сталкивается с продуктами собственной деятельности, т. е. с реальностью, подвергнутой воздействию научного профессионализма, и начинает рассматриваться не столько как источник решения проблем, сколько как их причина. И если на первых порах ученые могли опираться на превосходство научной рациональности и методов научного мышления над традиционным знанием и любительскими практиками, а достоверность научных притязаний на рациональность не ставилась под сомнение в силу того, что науке удавалось самостоятельно справляться с заблуждениями и ошибками своих практических последствий, сохраняя тем самым, с одной стороны, монопольное притязание на рациональность в глазах

общественного мнения, с другой – обеспечивая возможность внутринаучных критических дискуссий, то сегодня научная обработка последствий и рисков модернизации возможна только через критику научно-технического развития. В целом можно утверждать, что чем успешнее развивается наука, тем основательней релятивизируется ее изначальное притязание на значимость, т. к. ее развитие приводит к коренным изменениям как во внешних, так и во внутренних отношениях. Контекст возникновения и применения, ценностные и предметные аспекты исследований, наука и политика проникают друг в друга, образуя новые, трудно различимые зоны пресечения. И как результат опять встает вопрос о возможностях и пределах научного познания, но встает в новых условиях. Речь уже не идет о принципиальной демаркации границ между чисто научными и ненаучными факторами, т. к. проблема такой демаркации в процессе овеществления практически утратилась. Признание фактической взаимосвязи социальных и когнитивных процессов, усиление тенденции рассматривать процессуальные характеристики научного познания в самой эпистемологии привели, во-первых, к признанию активной роли субъекта в конструировании знаний о мире, к неизбежности вовлечения субъекта познания в социокультурный контекст с его базовым набором схем восприятия, мышления и способов действия. Во-вторых, перенос акцента с анализа структуры знания на его развитие потребовал поиска адекватных средств описания процесса производства научного знания и форм социокультурной зависимости познания. Последнее нашло свое выражение в использовании ряда концептов, а именно, «стиль мышления» (Л. Флек, К. Мангейм), «научное сообщество» и «парадигма» (Т. Кун), «неявное знание» (М. Полани), «тематический анализ» (Дж. Холтон), «исследовательские традиции» (Л. Лаудан), «эпистема» и «дискурс» (М. Фуко), «габитус» (П. Бурдьё), «интересы» (Ю. Хабермас).

Уже в 30-е гг. XX в. польский микробиолог Л. Флек указал на актуальность вопроса о характере зависимости науки и социального окружения. При этом речь шла не о зависимости научной деятельности от условий труда и не от том, что внешние факторы могут ускорять или замедлять темпы развития науки, проблема заключалась в признании зависимости самого содержания научного знания от социокультурного контекста его производства. Признание такого рода обусловленности поставило под сомнение идею существования беспредпосылочного научного знания. Однако сам факт зависимости предстояло подвергнуть специальному исследованию. Следует отметить, что в то время, как большинство самих ученых отрицали факт зависимости содержания научного знания от социального окружения, политические субъекты абсолютизировали подобную форму детерминации и ввели в оборот идею «социально-классовой науки»: «буржуазной» и «пролетарской», «левой» и «правой» и т. п. По мнению Флека, признание социальной обусловленности научного познания может и должно быть совместимо с идеей его объективности. В то время, как представление о зависимости может носить характер интуитивных догадок, а ее

описание приобретает характер художественных аналогий и метафор, принятие тезиса о существовании зависимости между содержанием научного знания и социальной средой требует разработки специальной области исследования, где данное положение выступит позитивным пунктом и получит тщательное обоснование, а предметом будут выступать коллективный настрой познания или стиль мышления. В целом разработка подобного направления исследований, как полагал Л. Флек, приведет к построению концепции исторически изменчивого мыслительного коллектива и стиля мышления, а основное направление ее развития определяют две проблемы – «зависимость науки от культурой среды и эпохи и проблема теснейшей связи индивидуального мышления от коллектива в науке» [18, с. 174]. Определенную ценность в последующем будет представлять анализ отдельных фрагментов научного дискурса, позволяющий увидеть, что научные термины, употребляемые современной наукой, в прошлом имели иное содержательное значение, т. к. изменение общего фона изменяли их исходные смыслы. Актуальность данной проблематики с точки зрения Л. Флека в первую очередь связана с ростом специализации, усложнением научного знания и его коллективным характером, которые более не соответствуют традиционной теории познания, опирающейся на идеи изолированного «эпистемологического субъекта» и «вечной истины».

Согласно воззрениям К. Мангейма вопрос о социальных основаниях знания был обусловлен специфической исторической ситуацией, когда посредством общего процесса демократизации и благодаря механизму социальной мобильности проблемой становится не столько факт существования многообразия форм мышления, сколько факт их объединения в одном сознании [10]. Актуальность данной проблемы вызвана и тем, что ситуация, когда в обществе возникают различные смысловые значения в отношении к одному объекту, может привести в итоге к распаду системы смысловых значений вообще. К. Мангейм полагает, что первым значительным следствием исчезновения консенсуса в представлении о мире стало возникновение гносеологии, и указал на противостояние двух парадигматических по своему значению типов теории познания: одна исходит из возможности экзистенциальной изолированности знания, другая принимает за основу идею его экзистенциальной обусловленности. Свой подход Мангейм определяет как учение об «экзистенциальной обусловленности знания», предполагающее ряд следствий, а именно, с одной стороны, признание реляционной структуры человеческого познания, с другой – возможности принимать решения путем дискуссий. Объективность в рамках данной эпистемологической парадигмы означает, что исследователи, обладающие одинаковым видением и категориальными схемами, могут в силу этой идентичности прийти к общим выводам. В том случае, если аспекты исследования различны, то объективность устанавливается посредством указания на разные перспективы видения, а выбор между ними разрешается выявлением их эвристической ценности. Это означает, что исследование будет двигаться в сторону нейтрализации экзистенциальной обуслов-

ленности, а анализ конкретных качественных данных будет все более отходить на задний план, выдвигая на первый план механизм формализации. Однако это движение будет не спонтанным и абсолютно свободным, приводящим к «сознанию вообще», а будет все в большей степени охватывать частные и конкретные точки зрения. Тем самым признание экзистенциальной обусловленности познания не исключает возможность формализации, она лишь показывает, как происходит нейтрализация качественного своеобразия явлений и создание абстрактных схем в определенных условиях, под влиянием определенных структурных изменений. В работе «Консервативная мысль» К. Мангейм обращает внимание на то, что близким немецкому понятию «стиль мышления» в англосаксонской традиции является термин «мыслительные навыки». Имея сходные черты, данные понятия обладают различиями. Общим является указание на социальную и коллективную природу процесса познания. Термин «мыслительные навыки» указывает на «то обстоятельство, что люди автоматически пользуются уже имеющимися образцами не только во внешнем поведении, но и в мышлении. Большинство наших интеллектуальных реакций имеет нетворческий характер и представляет собой повторение определенных тезисов, форм и содержания, которые были переняты нами из культурной среды в раннем детстве и на более поздних стадиях нашего развития, и которые мы автоматически используем в соответствующих ситуациях» [9, с. 572]. Однако в то время как понятие «мыслительные навыки» фиксирует аспект преемственности, то ключом к пониманию динамического и дифференцированного характера человеческого мышления выступает термин «стиль». Главным доказательством связи стилей мышления с социальными группами служит исторический факт совпадения гибели стилей мышления и самих групп как его носителя, а также совпадения слияний стилей и объединения групп, т. е. судьба групп находит отражение в развитии стилей мышления.

Обращая внимание на большую эвристическую ценность работы Флека, Т. Кун в Предисловии к его английскому переводу писал, что понятие «мыслительный коллектив» есть гипостазированная фикция, т. к. оно функционирует как сверхиндивидуальный разум, сила которого состоит в принуждении и ограничении, т. е. носит скорее логический, а не социальный характер. Оценивая монографию Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» как одну из основополагающих работ по социальной эпистемологии, отечественный исследователь В. Н. Порус предложил в 90-е гг. трактовать «стиль научного мышления» как систему регулятивных средств, выделив в ней следующие измерения: когнитивно-методологическое, личностно-психологическое, социально-психологическое и социологическое [13]. В первом измерении «стиль научного мышления» состоит из относительно устойчивого ядра и более подвижной изменчивой части. Личностно-психологическое измерение указывает на принадлежность «стиля мышления» конкретному субъекту, в результате чего стиль мышления образует сложную систему взаимодействия когнитивно-методологических и личностно-

психологических факторов. Что касается социологического и социально-психологического аспектов, то они имеют как сходство, так и различия. Последнее находит свое отражение в том, что социологический аспект, который может изучаться как на макроуровне, так и в «малых средах», в целом предполагает выявление условий нормативизации и стереотипизации когнитивно-методологического измерения стиля научного мышления. Социально-психологический аспект обнаруживает себя на микроуровне в виде форм общения, принятых в научных коллективах, психологическом климате, типах лидерства, господствующих убеждениях, мнениях, мотивации научной деятельности, предрассудках и моде, моральных установках и т. д. Однако, несмотря на различие в уровнях исследования, и социологический и социально-психологический аспекты «высвечивают» условия, обеспечивающие коллективный характер научной деятельности. В. Н. Порус отмечает, что если достаточно хорошо изучено влияние социологических факторов на социально-психологические, то вопрос об их детерминации на когнитивно-методологическое измерение остается открытым. Одним из очевидных примеров подобного влияния может служить появление так называемого «экологического стиля мышления» в современной науке. Вместе с тем, обнаружение механизмов воздействия социальных факторов на когнитивные «позволяет объяснить сам процесс нормативизации стиля, превращение его в «автоматическое» условие научной работы, в его победу в соперничестве с иными возможными системами регулятивов» [13, с. 78]. В целом стиль научного мышления, истолкованный как система регулятивных средств, представляет собой совокупность условий и предпосылок, усвоенную (сознательно или бессознательно) членами научного сообщества и включающую в себя когнитивно-методологические, личностно-психологические, социологические и социально-психологические факторы. В историческом аспекте А. А. Ивин выделил четыре стиля мышления – античный, средневековый, классический и современный. Определяя «стиль мышления» как «сложную, иерархически упорядоченную систему неявных детерминант, образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира», указывает, что его влияние проявляется в постановке проблем, приемах исследования, способах обоснования, формах изложения результатов, манерой ведения дискуссий [6]. Таким образом, установка, согласно которой познание детерминировано не только объектом, но и социально-историческими факторами, потребовала обращения к понятию «стиль мышления», которое стало трактоваться как наиболее существенный элемент механизма социокультурной детерминации науки. Одними из последних работ в данном направлении являются коллективная монография, посвященная социокультурным основаниям отечественной психологии, а также фундаментальное исследование Л. А. Микешиной «Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки» [17; 11].

Вышедшая в 1958 г. в Англии работа М. Полани «Личностное знание» констатировала существование знания-умения, не поддающееся полной рефлексии,

но являющееся результатом обучения «лицом-к-лицу» (в совместных лабораторных исследованиях, в личных контактах ученых). Являясь формой личностного знания, неявное знание предстает как совокупность наработанного исследователем опыта практической работы, классификации и диагностики, владения теоретическим аппаратом, способов употребления слов и обращения с предметами. Подход, предложенный М. Полани, во-первых, подвергает критике разделение процессов профессионального образования и научного исследования, трактуя их как стороны единого процесса. Во-вторых, ставит под сомнение тезис о полной рефлексии субъектом познания собственных ощущений и восприятий. В-третьих, условием совместной работы исследователей М. Полани полагает приобретение общих «интеллектуальных навыков» [12]. Представление о научном познании, предложенное М. Полани, позволило соотнести интеллектуальный компонент научной рациональности с личностным и культурным измерениями, а также процессом профессионализации.

Во французской традиции проблема субъекта нашла свое отражение в анализе дискурса, который, возникнув в 60-е гг. и соединив лингвистику, философию и психоанализ, выявил существование некоторых языковых форм, которые определяются только через их употребление субъектом [16]. Явившись ответом на распространенный в США контент-анализ, анализ дискурса не рассматривает словесный материал лишь как средство передачи информации, а принимает во внимание способ функционирования дискурсов. Понятие «эпистема», несмотря на то, что используется самим М. Фуко лишь в работе «Слова и вещи», получило популярность в гуманитарных и социальных науках и, приобретя различное толкование, сохранило основной смысл как всепроникающая дискурсивность, которая «неосознаваемым для человека образом существенно предопределяет нормы его деятельности, сам факт специфического понимания феноменов окружающего мира, оптику его зрения и восприятие действительности» [7, с. 346]. При этом под деятельностью в первую очередь понимаются «дискурсивные практики», а мышление сводится к его языковому характеру. Понятие «дискурс» в настоящее время имеет множество значений: от эквивалента понятия «речь» в сословном смысле как любое конкретное высказывание и в значении Э. Бенвенисты как речи, присваиваемой говорящим до системы ограничений, накладываемой определенной социальной позицией. М. Фуко использует его с целью показать «историческое бессознательное» различных эпох в значении специфической формы знания, представленной понятийным аппаратом. Дискурс выступает одновременно как механизм высказывания и как институциональный механизм. В целом можно сказать, что выход в свет в 1969 г. работы М. Фуко «Археология знания» открыл для дискурс-анализа новое направление, отличное от предложенного Л. Альтюссером. Если альтюссеризанское движение стремилось выявить скрытые силы, заложенные в текстах, и было направлено на анализ высказываний политического характера, то М. Фуко скорее интересовали высказывания «институционального» (протоколы су-

дебных процессов, режимы больниц) и «научного» (медицины, экономики) характера.

На необходимость расширить круг понятий и методов анализа науки указал Дж. Холтон. Предложенный им подход направлен на лучшее понимание природы и характера научного поиска и предполагает следующие направления исследования. Во-первых, анализ этапа научного познания, на котором происходит зарождение научных идей, посредством обращения как к формальным (публикации в научных изданиях), так и к неформальным источникам (письма, интервью, дневники и т. п.). Во-вторых, рассмотрение любого результата научной практики как «события», находящегося на пересечении трех «траекторий»: индивидуальных усилий отдельного ученого, «публичного» знания, разделяемого научным сообществом, а также совокупности социальных факторов и общего культурного контекста развития науки. Третьим направлением предлагаемого Дж. Холтоном подхода является выявление тех структур, которые выступают стимулом и основанием выбора в процессе научного открытия, источником споров и разногласий в науке. Подобной структурой является тематическая структура – явная или неявная приверженность ученого к некоторой определенной теме или совокупности тем. Четвертым аспектом исследования следует считать практические последствия полученных результатов для развития историко-философских исследований науки, с одной стороны, и для понимания роли науки в культуре, с другой. К причинам, которые привлекают внимание исследований к тематическому анализу науки, Холтон относит, во-первых, возможность посредством подобного подхода объяснить формирование научных традиций, определенную преемственность, непрерывность и постоянство в науке, сохраняющие себя даже в периоды революционных преобразований. Во-вторых, будучи разработанными на материале естественных наук, полученные результаты могут найти применение при исследованиях в области истории, биологии, психологии, социологии, литературоведения и других направлений. Третьей причиной интереса к выявлению тематических структур и их классификации выступает используемая в ней методология (техника), которая ранее уже использовалась в культурной антропологии, лингвистическом анализе, и которая, возможно, позволит обнаружить черты сходства между гуманитарным и естественно-научным мышлением. И наконец, рассмотрение научного творчества как процесса, детерминированного не только инструменталистскими и утилитарными причинами, но и глубокой привязанностью к некоторым определенным темам, связывает тематический анализ с исследованиями в области человеческого восприятия, процессов обучения, мотивации и профессионализации. Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию характера рациональности, присущей науке. Понятие «тематический анализ», как было указано выше, заимствован из антропологии, искусствоведения и ряда других областей, а сам подход, предложенный Холтоном, аналогичен подходу антрополога и направлен на выявление глубинных структур. «Во многих (возможно, в большинстве) прошлых и настоящих понятиях, методах,

утверждениях и гипотезах науки имеются элементы, которые функционируют в качестве тем, ограничивающих или мотивирующих индивидуальные действия, а иногда направляющих (нормализующих) или популяризирующих научные сообщества. Обычно они не находят явного выражения ни в предлагаемых самими учеными публичных представлениях их работ, ни в любых последующих научных спорах. Тематические понятия, как правило, не фигурируют в алфавитных указателях учебников и не входят в число терминов, которые в изобилии встречаются в профессиональных журналах и дискуссиях» [20, с. 24 – 25]. Близкой идеям Дж. Холтона нам представляется теория Л. Лаудана о существовании научных традиций, которая представляет собой результат критики с одной стороны идеи «парадигмы» Т. Куна, с другой – понятия «научно-исследовательская программа» И. Лакатоса, т. к. стремится избежать крайностей непрерывности и дискретности в анализе науки и позволяет описать динамичный характер научной рациональности. К числу научных традиций Л. Лаудан относит дарвинизм, электромагнитную теорию света, квантовую теорию, которые включают в себя определенное число специфических методологических и метафизических теорий и со временем детализируются.

Считается, что принятие тезиса о социокультурной детерминации познания содержит призыв к «натуралистическому» изучению науки и апеллирует к понятию «интересы». Однако, как отмечает С. Вулгар, в научной литературе, у концепции «натурализма» нет четкого определения [3]. Под натурализмом может пониматься научный метод, описательный, а не нормативный подход, альтернатива теологическим и спекулятивным объяснениям, а также отсутствие оценочного характера рассуждений. Представители натурализма, как правило, подчеркивают его методологическое значение, допускающее различные онтологии, где главным является принципиальная возможность объяснения социальных практик, и в частности, познавательных. И, если с одной стороны натурализм выступает против субъективизма и идеализма, и в значительной мере эквивалентен научной философии, то другая его трактовка означает верность природе изучаемого явления, и тем самым выступает против всех форм философских обобщений. Неоднозначность трактовок «натурализма», с точки зрения С. Вулгара, переносится на понятие «интересы» как на один из основных объяснительных ресурсов указанного подхода, т. к. задача выявления социального характера содержания научного знания истолковывается путем указания на «интересы», которые вызывают действия ученых. При этом рассматриваемые в качестве объяснительного ресурса «интересы», по мнению С. Вулгара, трактуются как само собой разумеющееся, т. е. не тематизируются. Такая установка, на наш взгляд, противоречит требованию, выдвигаемому, например Ю. Хабермасом, согласно которому ученые постоянно должны соотносить свои действия с заинтересованностью той или иной социальной группы.

Работа Ю. Хабермаса «Знание и интерес» породила много дискуссий и продолжила начатую представителями Франкфуртской школы критику инстру-

ментального разума. Анализируя процесс «разложения эпистемологии», Ю. Хабермас предложил собственную точку зрения, разработав теорию о существовании в обществе трех типов познавательных интересов: технического, практического и эмансипационного (освобождающего). Различая три системы знаний (эмпирико-аналитические, гуманитарные и критические науки), Ю. Хабермас указал, что лежащие в их основе интересы обычно людям неизвестны, следовательно, задача критических теоретиков состоит в том, чтобы вскрыть эти интересы. Необходимо, полагает Ю. Хабермас, отказаться от идеи, согласно которой «мир проявляется объективно как Вселенная фактов, законоподобные связи которых можно описать» [1, р. 304]. Это предположение скрывает процесс, посредством которого «факты» конструируются, и «препятствует осознанию тесной взаимосвязи знания и интересов, имеющих своим источником жизненный мир» [1, р. 314]. Согласно Ю. Хабермасу, одним из первых, кто осознал необходимость выявления связи между действием и знанием и увидел основания науки в практической деятельности, был Ч. Пирс. Опираясь на прагматическую традицию Ч. Пирса, Ю. Хабермас пытается доказать, что естествознание ориентировано на получение технически полезной информации, которая может быть использована для контроля и управления окружающим миром. Интерес к рациональности как технически используемому знанию имплицитно присутствует в науке, хотя сами исследователи не всегда это осознают. Таким образом, позитивистский подход лишен адекватной интерпретации своего собственного статуса, т. к. идентифицирует рациональность с ее инструментально-целевой формой. Теоретическое знание в результате становится продолжением технического знания, позволяющего контролировать и прогнозировать процессы. Практические же вопросы являются прерогативой индивидуального интереса и выводятся за рамки научного исследования. Не отрицая возможности использовать методы каузального объяснения в социальных науках, Ю. Хабермас указывает, что социально-гуманитарное познание исходит из других интересов, которые помогают понять активный элемент научной деятельности. Исследуя герменевтические науки, Ю. Хабермас утверждает, что они интерпретируют реальность с учетом intersubjectивности, направленной на взаимопонимание. И вслед за В. Дильтеем Ю. Хабермас полагает, что обществоведы должны учиться языку своих объектов, а всем интерпретациям необходимо предавать статус предположений. Однако в отличие от В. Дильтея, который усматривал в практической деятельности опасность для научного характера, Хабермас настаивает на связи науки и жизни, теории и практики, фактов и ценностей, т. к. практика есть условие возможности понимания. Введя активную полемику с Х.-Г. Гадамером, Ю. Хабермас согласен с тем, что социальные науки с необходимостью проникнуты социально-историческим контекстом, т. к. процесс понимания зависит от контекста, а история всегда будет влиять на понимание. Соглашаясь также с Х.-Г. Гадамером в том, что язык необходимо рассматривать как метainститут, который обуславливает все остальные социальные

институты, Ю. Хабермас настаивает, что, выступая средством коммуникации, язык одновременно есть средство доминирования, поэтому необходима систематическая критика идеологии с целью понять отношения власти, встроенные в коммуникативный процесс. Герменевтические науки, таким образом, представляют собой практический интерес во взаимном intersubjectивном понимании. Условием возможности критических наук является существование (помимо технического и герменевтического интересов) интереса эмансипационного, состоящего в освобождении от условий искаженной коммуникации, так как история, творимая волей и сознанием людей, содержит в себе элементы репрессии и доминирования. Чтобы усилить рациональные способности людей, автономии и ответственности, необходим тип знания, проясняющий эти условия. Именно стремление к автономии в форме самопознания посредством саморефлексии Ю. Хабермас идентифицирует с эмансипационным интересом. Так называемый «непринужденный диалог» Ю. Хабермас связывает с осознанием детерминант, которые идеологически формируют современную практику и концепции мира, и тем самым допускает возможность устранить объективные силы и условия искажения. Если для других форм знания познавательный акт (технический или герменевтический) не обязательно связан с его использованием, то в случае саморефлексии оба аспекта интегрированы таким образом, что акт познания одновременно является достижением эмансипации. В своей предельной форме эмансипационный интерес есть условие возможности выживания, но его преходящие формы обусловлены развитием технической деятельности и возможностью символического взаимодействия. Следует отметить, что концептуализация эмансипационного интереса у Ю. Хабермаса не является однозначной, на что указывает Д. Хелд [21]. Признавая в качестве фундаментальных условий существования человека труд, язык и доминирование, в трактовке интереса эмансипационного доминирование оценивается как преходящий феномен, который может быть преодолен.

Осуществляемый Ю. Хабермасом глубокий анализ коммуникативной природы знания отечественный исследователь В. Н. Фурс называет «прагматической революцией», которая проявляется помимо недоверия к экспертному знанию в установке, согласно которой действительное познавательное значение мышления определяется его последствиями для сферы опыта. В контексте критической теории Хабермаса это означает, что роль профессиональных производителей и трансляторов знания теперь состоит не в обладании познавательных привилегий, а в том, чтобы, демонстрируя систематический опыт свободы, постоянно осуществлять эмансипационный интерес там, где любители это делают эпизодически. Следует отметить, что эмансипация при этом не понимается как массовое социальное движение. Ее реальная практическая значимость обусловлена постановкой вопроса о скрытых формах доминирования, проблематизации «естественного положения дел», и именно в этом состоит ее этическое предназначение [19]. Это, конечно не отменяет критического аргумента С. Вулгара, соглас-

но которому любая «рационально» постулируемая связь между действиями и интересами в принципе может быть опровергнута существованием альтернативного интереса субъекта действия. Другими словами это означает, что отношения между действиями и интересами на самом деле не носят причинного характера. Кроме того, интересы могут указывать как на отдельного индивида, так и на некоторые общности, отношения между которыми могут быть не согласованными.

Большой вклад в изучение социального измерения науки внес Т. Кун, введя понятие «научное сообщество» в значении социальных систем с нечеткими границами и внутренними механизмами интеграции. В результате общественные науки предположили, что научные сообщества – это основные организационные единицы науки. Однако современные исследования форм коммуникации в науке позволяют сделать вывод о том, что такие организационные единицы, как научные сообщества, в значительной степени не важны и мало известны ученым, в связи с чем вопрос о концептуальных и методологических ресурсах анализа науки по-прежнему остается актуальным и эвристически ценным. Так, современные лабораторные исследования, подчеркивая методологическое и теоретическое значение места исследования, во-первых, дают уникальную возможность изучить сам процесс производства знания, который до настоящего времени был «черным ящиком» для общественных наук, а во-вторых, подтверждают ситуативную природу производства научного знания. Однако следует учитывать, что лаборатория не представляет собой изолированного пространства, а располагается в пространстве общественном. Это означает, как частный случай, что существующие отношения между научными и ненаучными сообществами являются важными для описания и понимания реальной практики научного исследования. Одной из попыток обнаружить транзепистемологические связи как встроенные в производство научного знания являются лабораторные исследования К. Кнорр-Цетиной. Она утверждает, что с самого начала ответ на вопрос о механизмах интеграции научных сообществ находился во власти экономических аналогий [2]. Одним из первых в этом отношении оказался Р. Мертон, использовавший идею конкуренции в форме борьбы за приоритет в научных открытиях, а также обнаруживший «эффект Матфея» как свидетельство несовершенства научной конкуренции, согласно которому признание накапливается у тех, кто уже имеет научную репутацию. Еще одним проявлением экономических аналогий является описание научной практики как деятельности по переводу творческих и научных достижений, как предметов обмена во множество наград материального и символического характера. Лабораторные исследования С. Латура и Б. Вулгара не апеллируют к понятию «истина», а утверждают, что ученые вкладывают различные капиталы в области, обещающие наибольшего вознаграждения. Экономические модели науки, отказавшись от идеи нормативной и функциональной интеграции, стали трактовать научные сообщества как рынки, на которых производители и клиенты находятся в ситуации конкурентной борьбы. При этом они

исходят из идеи «человека экономического», что подразумевает сознательную максимизацию прибыли и накопление ради накопления. Подобный индивидуалистический подход фактически игнорирует интерактивный и социальный характер научной деятельности. О присутствии логики рынка в современной науке свидетельствует тот факт, что ученые говорят о своих «инвестициях» в исследовательские области, о «рисках», «затратах», «возвращениях», о «продаже» результата, о том, где разместить «продукты», и как быстрее «заработать». К. Кнорр-Цетина задается вопросом: отражает ли этот язык вторжение экономических механизмов в ранее неэкономические области? И полагает, что существуют различия в использовании данных форм экономических рассуждений в области науки. Экономические понятия часто используются, когда ученые говорят о своих стратегиях исследования, когда они размышляют над способами, которыми приняты решения относительно исследований. Конечно, нет ничего нового в постулировании связи между научным производством и другими областями общественной жизни. Историки науки фиксируют подобные связи, а социология науки стремится обеспечить их теоретической постановкой проблемы социальной детерминации науки. Все эти исследования пытаются выявить общие черты между научными теориями и другими продуктами, а также способами мышления и поведения, обнаруженными в социальных практиках. Примером может выступать постулируемое сходство между понятием «инерционного движения», предложенного Г. Галилеем, и понятием «товарная биржа» экономической науки. Однако эти общие черты, которые часто приписываются общим мировоззрениям и интересам определенного класса, легко подвергнуть сомнению, если не ставится задача выявления механизма, посредством которого проявляется предполагаемая корреспонденция, т. е. они остаются неясными и трудно доказуемыми. К. Кнорр-Цетина полагает, что традиционные категории философии и социологии науки, в частности, понятие «научного сообщества» утрачивают свою познавательную ценность, т. е. перестают быть эмпирическими проверяемыми. Научная деятельность в своей основе предстает как область практического делания разного рода выборов (предвидения, планирования, восстановления и др.) К. Кнорр-Цетина разрабатывает аргумент, согласно которому существенную роль в научном познании играют транзепистемологические связи между сообществом специалистов и «внешним» контекстом их деятельности. И в первую очередь в форме работы по переводу аргументов и проблем «технической» и «нетехнической» природы.

Подход, стремящийся избежать явных экономических аналогий принято связывать с идеей дарения, характерной для нормативно интегрированных сообществ. Подобную трактовку можно встретить у Н. Сторера, описывающего науку как «искусство ради искусства». Еще одна попытка уйти в объяснение науки от логики обмена и рынка связана с работами П. Бурдьё, согласно которому поиск истины выступает основным мотивом научной деятельности. Он утверждает, что «подлинная наука о науке может формироваться лишь при условии решительного отказа от

абстрактной оппозиции (которую можно обнаружить в других областях, например, в истории искусства) между имманентным или внутренним анализом, чем, собственно, и занимается эпистемология и что отражает логику, в соответствии с которой наука порождает свои собственные проблемы, и внешним анализом, который соотносит эти проблемы с социальными условиями их возникновения» [5, с. 20]. Специфика поля науки может быть описана посредством выявления сходства в различии. Подобно другим полям наука характеризуется совокупностью отношений борьбы, стратегий и интересов. Специфической же в ней является ставка – монополия на научную компетенцию, т. е. социально признанная способность легитимно говорить и действовать от имени науки. Условием возможности науки, согласно воззрениям П. Бурдьё, является, во-первых, совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого и представленных, с одной стороны, в объективированном виде, с другой – «в инкорпорированном виде (в форме научных габитусов, т. е. систем, порождающих схемы восприятия, оценки и действия, которые являются продуктом специфической формы педагогического воздействия и которые делают возможным выбор объектов, решение проблем и оценку решений)» [5, с. 31]. Во-вторых, совокупность институтов, обеспечивающих производство и обращение научных благ, и одновременно отвечающих за воспроизводство и обращение производителей и потребителей этих благ. Прежде всего речь идет о системе образования, которая систематически внушает путем педагогического

воздействия всем вновь входящим соответствующие системы диспозиций.

В заключение следует сказать, что обращение к социальному измерению науки обнаружило слабость стандартной концепции, т. к. ее концептуальный аппарат оказался не способен адекватно отразить реальную познавательную практику. Признание социокультурного влияния на процессы возникновения и распространения научного знания потребовало поиска адекватных средств описания научного познания и форм его социокультурной обусловленности, продолжающегося в настоящее время в соответствии с основной задачей социальной эпистемологии, которая, как ее определяет И. Т. Касавин, состоит не в том, чтобы провести разделительную линию между различными типами знания, а в «том, чтобы понять социокультурные основания каждого типа знания, указав на свойственную им ограниченность, ситуативность и особую социальную функцию» [8, с. 60]. Социокультурное влияние может проявляться как на когнитивном уровне так и на структурно-институциональном. И если предложенные концепты среди которых такие как «стиль научного мышления» и «тема» делают акцент на существование связи между наукой и общекультурным фоном, а понятие «интересы» и «научное сообщество» фиксируют социальную обусловленность научного познания, то предложенное П. Бурдьё понятие «габитус» обращает внимание на единство между когнитивным и социальным измерением науки, и одновременно на существование связи между фоновым основанием познания и его рациональными реконструкциями.

Литература

1. Habermas, J. Knowledge and Human Interests, trans J. Shapiro / J. Habermas. – London: Heinemann, 1971.
2. Knorr-Cetina, K. Scientific Community or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science / K. Knorr-Cetina // Social Studies of Science. – 1982. – Vol. 12. – № 3. – P. 101 – 130.
3. Woolgar, S. Interests and Explanations in the Social Study of Science / S. Woolgar // Social Studies of Science. – 1981. – Vol. 11. – № 3. – P. 365 – 394.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 240 – 259.
5. Бурдьё, П. Поле науки / П. Бурдьё // Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. Институт социологии Российской Академии наук. – М.: Практика: Институт экспериментальной социологии, 2005.
6. Ивин, А. А. Интеллектуальный консенсус исторической эпохи / А. А. Ивин. – М., 1994. – С. 80 – 105.
7. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001. – 384 с.
8. Касавин, И. Т. Критерии знания: собственно эпистемические или социальные / И. Т. Касавин // Эпистемология: перспективы развития; отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
9. Мангейм, К. Консервативная мысль. Диагноз нашего времени / К. Мангейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994.
10. Мангейм, К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени / К. Мангейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – С. 7 – 276.
11. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 575 с.
12. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
13. Порус, В. Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах / В. Н. Порус // Познание в социальном аспекте. – М., 1994.
14. Пружинин, Б. И. Об особенностях современной гносеологической проблематики / Б. И. Пружинин // Познание в социальном аспекте. – М., 1994.

15. Розин, В. М. Современные проблемы эпистемологии / В. М. Розин // Эпистемология & философия науки. – 2012. – Т. XXXI. – № 1.
16. Серио, П. Как читаются тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса; пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12 – 53.
17. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 8-летию В. П. Зинченко. – М.: РОССПЭН, 2011. – 639 с.
18. Флек, Л. Наука и среда / Л. Флек Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива; составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. В. Н. Поруса. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.
19. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории / В. Н. Фурс. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 164 с.
20. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон; пер. с англ.; общ. ред. и послес. С. Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – 375 с.
21. Хэлд, Д. Интересы, знания и действия (к критической методологии Юргена Хабермаса) / Д. Хэлд // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – С. 81 – 114.

Информация об авторе:

Иванова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Новокузнецкого филиала-института КемГУ, 8-913-314-85-82, ivanova-nkfi@mail.ru.

Natalia A. Ivanova – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Novokuznetsk Branch-Institute of Kemerovo State University.

УДК 140.8 + 157.910.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

М. В. Козлова

METHODOLOGICAL BASES OF QUALITY OF LIFE

M. V. Kozlova

В статье рассматривается цивилизационный подход к исследованию категории «качество жизни». Изложены различные подходы к пониманию сущности цивилизации ученых различных философских школ. Определены дефиниции таких понятий как: культура, цивилизация, качество жизни. Изложены положительные и отрицательные черты исследуемого подхода.

Civilization approach to researching the category of «quality of life» is considered. Various approaches to understanding the essence of a civilization introduced by representatives of different philosophical schools are stated. Definitions of such concepts as culture, civilization, and quality of life are suggested. Positive and negative lines of the studied approach are stated.

Ключевые слова: цивилизация, культура, качество жизни, духовность, ценность.

Keywords: civilization, culture, quality of life, spirituality, value.

В период трансформации социальных институтов и общественного развития в XXI веке меняются ценности и потребности человека и их приоритеты. Современный этап развития общества отличается динамичностью и сложностью социальных процессов и явлений под влиянием социально-политических и экономических преобразований государства. Протекающие преобразования в России носят революционный характер, поскольку, в первую очередь, изменениям подвергается общественное мировоззрение. Трансформация ценностей происходит под воздействием внешних и внутренних факторов. Основным внутренним побудительным мотивом возникновения и изменения ценностей являются потребности и интересы общества. И те, и другие являются важным значимым стимулом для развития человека как личности, определяя роль последней в социальной структуре общества и уровень его деловой активности. К внеш-

ним факторам формирования ценностей относятся следующие социально-экономические и политические составляющие: форма политического режима, политическая стабильность, идеология, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, уровень научно-технического прогресса и другие. Обозначенные факторы в своем большинстве предопределяют качество и уровень жизни во взаимосвязи с личностью. Модификация общественно-значимых объектов существенно преобразовывает социальную стратификацию, внося социальную дифференциацию и увеличивая социальное неравенство, меняя социальные роли.

Качество жизни – комплексное явление социального бытия, требующее адекватного рассмотрения. Понятие «качество» связано с величайшими достижениями цивилизации, является вершиной эволюционного развития. Эволюционное развитие – это посто-

янная составляющая социального бытия. Социально-философская категория «качество жизни» также претерпевала следующие динамические дефиниции в результате развития общества: «образ жизни – стиль жизни – уровень жизни – качество жизни». Каждая из перечисленных категорий, несомненно, является результатом социокультурного анализа философов многих эпох. Но категория «качество» изначально присутствовала в трудах последних. Например, Аристотель целью государства провозглашает «совместное продвижение к высокому качеству жизни», отдавая предпочтение естественному спонтанному развитию человечества, руководствуясь законами природы. На наш взгляд, при рассмотрении категории качества жизни необходимо учитывать динамику развития общества в результате социокультурной и экономической деятельности человека в рамках цивилизационного подхода, поскольку качество жизни – явление, развивающееся в разрезе становления социальных систем. Основной структурной единицей данного подхода является цивилизация. Несмотря на длительный период существования названного подхода, понятие «цивилизация» носит многоаспектный характер и не имеет специфической дефиниции. Понятие «цивилизация» изначально является синонимом категории «культура», но с развитием науки, появлением различных философских направлений, дефиниция «цивилизация» видоизменяется в связи с появлением буржуазного капиталистического общества, которому свойственны уже не духовность и социальность, а, прежде всего, товарно-денежные отношения. Именно в период французской буржуазной революции зарождается новое понятие «гражданин», являющееся основополагающей категорией при определении принципа национальности. Представителями названной методологии являются М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер. В русской философии его сторонниками являются Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, П. А. Сорокин и Л. Н. Гумилев, Н. А. Бердяев. По нашему мнению, цивилизация, как и любая общественная система, имеет свои ценности: культуру, религию, духовность, тип экономической системы, структуру общества, политическую и экономическую организацию общества.

М. Вебер раскрывает модель цивилизации в сравнении с «идеальным типом», являющейся индифферентной, уводящей от действительности. По мнению Вебера, для познания действительности необходимо создать конструктивную модель идеализации, которая будет являться гипотезой выстроенной теории. Предложенная модель познания применима, прежде всего, к сложным мыслительным образованиям с целью выявления составных частей последнего. Так, философ в качестве примера сложного мыслительного процесса приводит «христианскую веру», которая «сумела достичь высокой степени единства веры и нравов». Для рассмотрения данного явления необходимо сложный процесс «христианская вера» рассмотреть в более простых диффузных частях, таких как: «догмат веры, нормы церковного права и нравственности, правил образа жизни и бесчисленных отдельных связей, объединенных нами в идею-синтез...» [4, с. 129]. Но для надления выдвинутой теории конкретикой, необхо-

димо предполагаемую модель усложнить, приблизив в сравнение с «законами» гуманитарных наук.

Представитель русской философской мысли К. Н. Леонтьев в статье «Византизм и славянство» отразил проявление общих закономерностей социального бытия на примере духовности и самобытности России. Автор формулирует всеобщий закон, которому, с его точки зрения, подвластны социальные феномены и природные органические явления. Леонтьев описывает понятие и сущность *развития*, демонстрируя сравнительный анализ субстанций «развитие» и «распространение». С его точки зрения, распространение – это «развитие чего-то однородного, общего, простого» [5, с. 50]. Развитие есть рост. Процесс развития же характерен сложным явлениям и законам. Так, «...высшая точка развития <...> есть высшая степень сложности, объединенная таким внутренним деспотическим единством» [5, с. 50]. В соответствии с выведенным универсальным законом всеобщего развития явления природного либо искусственного мира проходят «постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему», индивидуализируясь и обособляясь «с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – <...> от сходных и родственных явлений». На наш взгляд мыслитель ошибочно в изложенном законе в процессе роста акцент делает только на количественной стороне феномена, игнорируя качественную. Но развитие явления происходит при наличии составных частей «умершего» явления с восхождением на новую, усовершенствованную, точку формирования. Исследователь отмечает, что данному закону подчинены как политические, так и социальные и культурные системы мира. Таким образом, закон формирования нового явления проходит три периода:

- 1) первичной простоты,
- 2) цветущей сложности,
- 3) вторичного смесительного упрощения» [5, с. 53].

Так, перед очередным развитием общества, повышения качества жизни населения происходит непосредственное развитие личности на каждом этапе социального становления.

А. Тойнби при объяснении цивилизации учитывает развитие религиозного духа. При этом Тойнби отказывается от анализа исторического процесса на материале истории цивилизации. В процессе развития человечества ученый выделил три поколения цивилизации:

- 1) переход от язычества к великим религиям;
- 2) возникновение христианства;
- 3) становление секулярного (светского) общества.

Причем процесс становления цивилизации второго поколения философ рассматривает и определяет как прогрессивное явление относительно цивилизации первого поколения. Переход же к секулярному обществу Тойнби обуславливает регрессивным явлением в духовном аспекте развития христианского социума. Светское общество в рамках своего развития обращается к духовной системе с помощью элементов язычества. Спад духовности общества и его морально-нравственных качеств ученый считает в приоритете власти церкви, стремясь использовать последнюю «в борьбе с падением нравов и коррупцией, захлест-

нувшими западнохристианские церковные круги» [5, с. 56]. Церковь априори является основным духовным субъектом современного общества, «ибо воля Господа частью выражена и в праведных социальных целях секуляризованных обществ» [5, с. 56]. В этом аспекте все духовные институты «притягивают» безнравственность и аморальность развитого мирского общества. Для борьбы с устоявшейся безнравственностью и бездуховностью церковь использует объекты материального мира, что противоречит учениям философов-схоластов, которые полностью отрицали искусственные потребности для достижения высшего качества жизни, предлагая внешнюю бедность как условие внутренней свободы человека. Причина материального прогресса, согласно Тойнби, проистекает из природы общества и природы человека. «Общество – это не что иное, как общая основа полей действия отдельных индивидуумов, а человеческая личность обладает внутренней способностью творить как зло, так и добро» [5, с. 60]. Процесс социализации отдельно взятой личности есть «индивидуальный внутренний опыт каждой отдельной души в отличие от безличного накопления и передачи от одного поколения к другому точного знания и технологий», так как субъект социума индивидуально приобретает опыт духовной социализации в результате «вызова, борьбы, испытания, духовной драмы» [5, с. 60]. Иными словами, высокое качество жизни человека достигается через страдания души в борьбе за высоконравственные и социально-духовные ценности. Но, все виды отношений предопределены государством и традициями самого устоявшегося общества, следовательно, для таких отношений, выходящих за рамки непосредственного межличностного общения, необходимы унифицированные институты. Тойнби утверждает, что «институты – это совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы». Институтами, соответственно, управляют светские субъекты общества. Прогресс цивилизации третьего поколения опосредованно происходит на основе идолизации институтов, что противоречит духовному развитию общества. «Идолизация институтов – непосредственная интеллектуальная и духовная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе, а плата за эту ошибку тем выше, чем благородней институт, взявший на себя роль наместника единого института Бога» [5, с. 61].

Проанализировав работу П. Сорокина «Человек. Цивилизация. Общество», можно выявить идентичность созидательного явления в процессе смены цивилизации. Сорокин проводит очевидную аналогию понятий «цивилизация» и «культура». Культура есть ценность. Культура проявляется во всех сферах жизнедеятельности независимо от способа выражения блага в бытие. Принцип ценности культуры выражается в ее философии и религии, этике и праве, в социальных, экономических и политических формах. Так как, ценности и потребности общества имманентны, следовательно, и составляющие культуры подвержены трансформации. Философ изложил взаимосвязь компонентов культуры с религией. Институт религии является необходимым регулятором общественных отношений. Так, в культуре средних веков западного

общества религия, духовность и Бог конкретизируются в искусстве, философии, науке, этике, праве, политической и экономической организации общества, институте семьи. Качество жизни общества выражается в духовной «объективной действительности», в принципах «бесконечности, сверхчувствительности, сверхразумности Бога». Основополагающим термином в концепции Соловьева является «принцип». Принцип свойственен каждой зарождающейся культуре, системе ценностей. Культура является эволюционной компонентой в категории «качество жизни». Для каждого этапа развития характерен принцип ценностей, особое мировоззрение и особое видение картины мира. В процессе развития общества принципы синтезируются с новыми ценностями, реальностями. В особый момент времени предыдущий принцип трансформируется, синтезируясь с новым доминирующим принципом, поглощаясь новыми устоями, ценностями, видениями реальностью. Иными словами, одна реальность сменяется другой в процессе преемственности системы ценностей, духовных, религиозных, социокультурных и иных начал. По мере разрушения компонентов культуры, не происходит разрушения самого общества, следовательно, и качества жизни. Вершится переоценка социокультурных ценностей и интересов, но последнее происходит не под действием интересов нации и отдельных индивидов, а, наоборот, качество жизни задается надломами и кризисами существующих систем: «Точно так же как замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена фундаментальной формы культуры на другую, не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации» [5, с. 307]. Вместе с тем, П. Сорокин, излагает и политический аспект бытия. Он утверждал, что смена одной политической власти не влияет на духовную составляющую общества: «Во время любой политической кампании мы часто слышим, как некий малозначительный политик грозит своим слушателям «концом цивилизации» в случае, если его не выберут... <...> К счастью, культура и цивилизация бесконечно прочнее... <...> Политические, да и не только политические, партии, группировки, фракции и армии приходят и уходят, а культура остается вопреки их похоронным речам.» [5, с. 308]. Таким образом, исследуя данную теорию, можно сделать вывод, что экономические и политические системы не влияют на ментальность, не являются зависимыми факторами, на смену качества жизни, прежде всего, воздействует культура, – «переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму совершенно незначителен по сравнению с заменой одной фундаментальной формы культуры на другую...» [5, с. 309].

Поляризационная теория цивилизации и образа жизни выстраивается в работах Н. А. Бердяева. В труде «Воля к жизни и воля к культуре» ученый противопоставляет термины «культура» и «цивилизация». Культура есть духовное развитие общества, в основе данного явления заложены понятия «дух», «религиозность», «священность», «качественность». Цивилизация же концептуально связана с научно-техническим прогрессом, буржуазной революцией, волей к наи-

высшему уровню жизни, статности, самой жизнью, количественностью. Жизнь в своем «цивилизационном» проявлении невозможна без средств к существованию, «воли к новой «жизни», власти и мощи, практики, счастья и наслаждения» [5, с. 298]. Философ «эпоху цивилизации» рассматривает в срезе экономического материализма. Экономический материализм, в свою очередь, приводит к «экономизму», который порождает «техничность», ведет к большим научным знаниям и познаниям, столь далеким от духовной культуры, утрате созидательности, религиозного творчества и символического искусства. Бердяев обращается к природному началу бытия, демонстрируя взаимосвязь духовных компонентов с естеством природы. «Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинить себе природу...» [5, с. 299]. Культура обретает научность. «Познание, наука превращаются в средство для осуществления воли к могуществу и счастью, в исключительное средство для торжества техники жизни, для наслаждения процессом жизни. Искусство превращается в средство для той же техники жизни, в украшение для организации жизни. <...> Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни» [5, с. 300]. Значит, преобразование духовности общества ведет к «техническому образу жизни», материальное качество жизни наделяется производственным совершенствованием, высоким уровнем технического обеспечения бытия, что, в свою очередь, ведет к поляризации и стратификации общества. Бердяев подвергает критике цивилизационное развитие Европы, противопоставляя формированию «новой жизни» духовность и созерцание русского народа. Но, вместе с тем, указывает и на загадочность российского государства, на его невозможность выбора между духовностью и «социальным преобразованием жизни в социализации». В бытие русского народа достаточно слабо развиты предания культуры, но «В душе русского народа, может быть, сохранилась большая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преобразования жизни». Бердяев делает акцент на возрождении духовности и культуры только при помощи великого покаяния, исключительно последнее поможет индивиду достичь наивысшего качества жизни.

Позже, явление роста производства, американский экономист Дж. К. Гэлбрейт рассмотрел в работе «Новое индустриальное общество». Веблен и Дж. Гэлбрейт концепции современного общественно-го развития создали на основе теории технократии. Задача индустриального общества – «эффективное производство материальных благ, неуклонное увеличение их выпуска и потребления, резко выраженное предпочтение, отдаваемое материальным благам по сравнению с досугом...» [2, с. 988]. Так как, для создания высокоэффективного производства необходима элитная структура управления, следовательно, последняя нуждается в специализированных знаниях и обучении, сопряженными с «гуманитарной просвещенностью». То есть, даже в условиях научно-

технического прогресса, роста технотехники, общество нуждается в гуманитарных знаниях, пронизанных культурой, религией, философией, литературой и так далее. Качество жизни индивида-технократа в условиях индустриального общества заключается в обогащении знаний, в том числе и социокультурных, для эффективного управления этим обществом. Концепция управления обществом элитным классом также упоминалась в работе Платона «Государство». Как известно, Платон выделял в модели идеального государства три социальные группы: философов, стражей (воинов), ремесленников и земледельцев. Управлять обществом позволено только элитной группе – аристократам-философам. Утопическая теория Платона является моделью коммунистического общества, в котором нет места частной собственности, а интересы общества возвышаются над интересами отдельного индивида. Поляризация общества – проблема всей истории философии и философской мысли. Всеобщее равенство отстаивают философы-схоласты (Ф. Аквинский, А. Августин) и утописты, например, теория Т. Мора. Для здорового социума немаловажным условием является и процесс управления обществом, а именно, форма управления обществом во взаимосвязи с религией. Так, согласно статье 14 Конституции РФ, «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства...» [1]. Светское общество регулируется и подчиняется гражданским правилам, установленным государством. Каждый гражданин вправе жить в светском государстве, не обращаясь к религиозным нормам. Принцип светского государства предполагает разделение государственных и религиозных догм, но не означает отстранение религии из общественной жизни. Секуляризация оставляет за государством роль государства как основную форму социально-политической власти.

Таким образом, изученные нами работы, концепции и теории ученых, исследовавших проблемы развития цивилизации, позволяют сформировать методологию изучения теории качества жизни. Согласно теории М. Вебера, качество жизни – сложный процесс, для исследования которого целесообразно вести изучение интересующего нас явления с помощью разделения на отдельные компоненты, например, качество образования; уровень культуры и получаемого индивидом дохода, демографическая ситуация в стране, социальная и культурная политика государства, политический режим и т. д.

К. Н. Леонтьев также рассматривал любой социальный феномен как развитие, которому присущ рост. Качество жизни есть сложное социальное явление развития индивида как личности. На каждом этапе социализации личности формируется мобильность интересов, накопление знаний, необходимых для повышения качества жизни.

В концепциях А. Тойнби и Н. А. Бердяева, П. Сорокина явление «качество жизни» можно рассмотреть только с позиции социокультурного развития общества, объекты материального мира, выраженные в орудиях, только разрушают культуру, отдаляя человечество от достижения наивысшего качества жизни. В

представленных теориях философы возвышают ментальность и духовность общества. Согласно Тойнби, качество жизни – это явление ментальности, пронизанное ценностями души, которые личность приобретает в процессе духовного развития. Ментальности русского народа присущи и язычество, и религия, и нормы права, регулирующие бытность человека. Вся народная мудрость выражается через богатство природы. В русском обществе сильны традиции языческой цивилизации, выраженной в церковных праздниках, таких как: Масленица, Пасха, Иван Купала, рождество пресвятой Богородицы, Покров день и другие. Питирим Сорокин в исследовании цивилизации выразил категорию «принцип» для придания каждой зарождающейся локальной культуре специфичность, ценность. Качество жизни общества согласно изложенной Сорокиным теории качество жизни отождествляется с культурой. То есть, основным параметром при характеристике и исследовании качества жизни, является культурное наследие нации, все сторонние факторы не оказывают влияние на высоконравственный аспект качества жизни. Исследовав работу Н. А. Бердяева «Воля к жизни и воля к культуре», мы сделали вывод, что в рамках этого подхода можно рассматривать две взаимодополняющих категории – «качество жизни» и «уровень жизни». Рост качества

жизни человека происходит через духовно-нравственное возрождение, повышение уровня жизни – через материальные объекты, которые и формируют дифференциации и поляризацию общества. В русском языке цивилизация – это определенная степень развития общества, его материальной и духовной культуры [3, с. 875].

С нашей точки зрения, цивилизация – это развитие, ведущее к систематизации накопленного опыта и знания для дальнейшего роста проявления способностей человека, для познания наивысших форм нравственного аспекта бытия. Для исследования категории «качество жизни» предложенный нами подход имеет как положительные, так и отрицательные аспекты: он не позволяет применить для анализа качества жизни экономические категории, но в полной мере дает возможность раскрыть социокультурный и нравственный аспекты качества жизни. Используя теории Бердяева и Гэлбрейта, становится возможным и очевидным для исследования феномена «качество» жизни использовать категорию «уровень жизни», рассмотрев их в одной парадигме. Качество жизни – сложное явление, характеризующееся совокупностью существенных признаков, определяющих уровень обогащения социокультурными благами при имеющемся уровне жизни.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. ст. 14.
2. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Социальная философия: хрестоматия. Ч. 1 / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. – М.: Высш. шк., 1994. – 255 с.
5. Социальная философия: хрестоматия. – Ч. 2 / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. – М.: Высш. шк., 1994. – 352 с.

Информация об авторе:

Козлова Марина Васильевна – соискатель, преподаватель Кузбасского государственного технического университета, 89059684101, kozlovam21@mail.ru.

Marina V. Kozlova – post-graduate student, lecturer at Kuzbass State Technical University.

УДК 114

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОБСТВЕННАЯ ЛОГИКА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Т. И. Макогон

THE PROCESSES OF GLOBALIZATION AND THE OWN LOGIC OF LOCAL COMMUNITIES

T. I. Makogon

Статья предоставляет возможность социально-философского анализа обстоятельств, происходящих в местных сообществах под влиянием глобализации. Выявляет способы и формы противодействия в местных сообществах негативному влиянию глобальных процессов. Определяет новые социальные явления, вызванные глобальным влиянием. Соотносит шкалу глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в разных взаимодействующих полях, описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества. Местные сообщества представляются топологическими пространствами, имеющими различные пространственные логики. Исследование позволяет размер-

ность локального, измеряемого в шкалировании, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества изображаются не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация изображаются как параллельно протекающие в местных сообществах процессы. Посредством открытого изложения структурной логики сообщества и указания репродуктивной практики этих структур, развиваются стратегии, усиливающие потенциал сообществ.

The paper provides a social philosophical analysis of the circumstances occurring in local communities under the influence of globalisation. The ways and forms of resisting to negative influence of global processes in local communities are revealed. The new social phenomena caused by global influence are defined. The scale of globalizing processes and the level of global relations and dependence relations interlacing in local communities in different co-operating fields are correlated, the level of network inclusion in the community's field practice is described. Local communities are represented as topological spaces having various spatial logicians. Research allows perceiving the dimension of the local, measured in scaling, as starting system near to national and global. Local communities are represented not only as global designs of the local, but also as local designs of the global. Globalisation and localisation are represented as parallel processes in local communities. By means of an open statement of a community's structural logic and of stating the reproductive practice of these structures, the strategy of strengthening the communities' potential is developed.

Ключевые слова: местное сообщество, топология, глобализация, гомогенизация, гетерогенизация, собственная логика, идентичность местного социума, локальная практика.

Keywords: local community, topology, globalisation, homogenization, heterogenization, the own logic, identity of local society, local practice.

Местные сообщества выступают механизмами сохранения локальной идентичности местного социума. Главная их особенность в том, что это миры повседневности, где все социальные отношения основываются на непосредственных отношениях между людьми. Здесь принципиально важно то, что сфера повседневной жизни местных сообществ является базовой основой формирования местных идентичностей. А именно локальная, местная идентичность наполнена устойчивой информацией, непосредственно передающейся от поколения к поколению – традициями, верованиями и т. д. – этими «первоначальными» знаниями, из которых создается первичный российский менталитет – менталитет российской повседневности. Процессы развития и укрепления местных сообществ вполне могут противодействовать глобальной мегасистеме, которая стремится перестроить весь мир только в своих собственных интересах [2, с. 49].

Сознание единства мира – самое большое достижение глобализации, однако чтобы сохранить, не привести к распаду специфические, своеобразные локальные сообщества, необходимо уметь выявлять, анализировать обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации. Общепринятым является мнение, что сообщества при условиях глобализации попадают в ситуацию потери своеобразия. Специфические формы сообществ под функционалистским влиянием глобализации размываются, теряют уровень своего социального влияния. Мануэль Кастельс отмечает, что глобализационные процессы нивелируют все локальные и исторические проявления: «Моя гипотеза свидетельствует, что приход пространства глобальных потоков стирает смысловые отношения между обществом и архитектурой. Так как пространственная манифестация господствующих интересов пронизывает все культуры в мире вдоль и поперек, ведет к перемещению знания, истории и специфической культуры на задний план, способствует общему распространению внеисторической, внекультурной архитектуры» [6, с. 44].

Глобальные изменения заставляют воспринимать дифференциальные различия между сообществами как анахронизм, однако местное сообщество как топос является главным носителем специфических черт социальной организации. Местные сообщества как предмет исследования в социально-философской теории и практике с давних времен воспринимаются как единства, которые выставляют шлагбаум глобально-циркулирующим гомогенизирующим потокам. Именно жители местных сообществ глобальные влияния и структурные предпосылки фильтруют, выбирают, отклоняют, преобразовывают или игнорируют. Местные сообщества, локалы, топосы могут быть изображены как поля сопротивления глобализации. Именно эта традиция локального сопротивления против глобального, повторяющаяся в каждодневном действии, укрепляет местные сообщества, делает их социально сильными. В социально-философском дискурсе мы видим в последнее время возрастание внимания к месту, пространству (spatial turn), его своеобразию. Внимание возрастает не только к пространству, сами местные сообщества воспринимаются как ставка против мировой глобальности.

Именно глобализация вызывает к жизни соревновательные тенденции между сообществами. Соревновательность как таковая – явление не новое, но позиционировать именно свое сообщество стало интересным и возможным именно в последнее время. Имидж сообщества, маркетинговые исследования в муниципальных образованиях ставятся во главу угла при планировании их развития, сохранения. Большие сообщества под глобализационными влияниями действительно становятся местами динамического развития, что неизменно приводит к возрастающей гетерогенизации и поляризации метрополий, в отличие от периферийных сообществ. Глобализующий пространственный порядок следует принципу: «Каждому по его способностям, сильным – силу» [5].

Возрастающий интерес к конкурентности сообществ в науке и политике имеет разные причины. Создание супернациональных объединений, таких как Евросоюз, расширение глобальных сетей повышают

одновременно роль сообществ как действующих акторов, основных действующих ценностно-ориентированных единиц. Такая ориентация на местные сообщества имеет целью использовать их потенциалы развития, их действительно реальную способность к конкуренции. Исходя из растущей гетерогенизации и контекстной зависимости от проблемных ситуаций, не теряется до сих пор смысл управления в местных сообществах через совместные объединительные программы. Как ни парадоксально звучит, даже агрессивная агитация своих преимуществ отдельными местными сообществами дает рост и расширение возможностей и для других сообществ. Местные сообщества, индифферентные к таким изменениям, испытывают опасность деградации, распада, стагнации. Сетевая глобализация способствует массовой миграции, передвижению, росту массового туризма. Местные сообщества уже вынуждены конкурировать за жителей. Именно местные сообщества, экономика этих сообществ, особенно в богатых странах мира, производят не только абстрактные продукты, но и традиционные и новые медиа, различные финансовые инструменты, имидж, идеи, стили. Символика и культура местных сообществ также вносит большой вклад в создание продуктов мирового уровня. В этой абстрактности символических продуктов местных сообществ разрешаются дифференциации между культурой и экономикой. Медиаиндустрия является одновременно и культурной индустрией, рекламные компании становятся культурными консументами, городской туризм становится экспандирующей экономической отраслью.

Глобализация сама по себе – это не сила, которая что-то решает в местных сообществах, мы используем это понятие для эмпирического описания форм отношений в них посредством сетей. Глобальные обменные отношения и отношения зависимости делятся на различные качества, а именно: на достижения сетевого экономического сообщества (отношения предпринимательские, финансовые рынки), технологического сообщества (электронные сети, транспортные линии, электро- и водоснабжение) и достижения культурного сообщества (обмен идеями и консументной продукцией, мобильность в туризме или через миграцию). Исходя из того, какой аспект взят во внимание, по-разному будет оцениваться уровень и своеобразие опутывания глобальной сетью определенных отношений в местных сообществах. Считаем целесообразным выстраивать шкалу глоболизирующих процессов и выводить уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в трех взаимодействующих полях: экономики, технологии и культуры.

Эти специфические полевые логики открываются классифицированным посылом интенсификации отношений под действием глобализации в сообществах, через них выявляются специфичность и своеобразие процессов гомогенизации или гетерогенизации. Поле экономики на современном уровне повсеместно демонстрирует проблему отсутствия функциональности глобальных объединяющих решений, в нашем случае – для местных сообществ, культурное глобализационное поле, напротив, вызывает тенденции осмысления

места, локальных, местных культур в противовес гегемонистским устремлениям западничества и американизации. Однако из глобализационных сетей логически не следует, что глобализация и гомогенизация (или гетерогенизация) стоят в дедуктивном соотношении. Вопрос о гомогенизации или гетерогенизации является особенно важным в плане культурного сетевого воздействия, независимо от того, принимается ли это воздействие в сообществе или исторически повторяется. Но в местных сообществах глобализация и гомогенизация не состоят друг с другом в обусловленном отношении. Процессы гомогенизации в местных сообществах можно наблюдать во временных фазах и в пространственных чертах, которые не вплетены пока еще в глобальные сети, например, в периферийных городских сообществах, в сельских поселениях.

Исторический экскурс позволяет сравнить явление глобализации, возникшей в эпоху постмодерна, с явлениями экспансии распространенных во всем мире великих религий (христианства, ислама, буддизма, конфуцианства), однако они также концептуально носят внутри самих религий стремление к гомогенизации. Постмодерн характеризуется своим притязанием на универсальное признание, хотя бы через победное шествие капитализма и возникновение национальных государств, а также через расцвет науки, ее институализацию в национальных исследовательских университетах. Именно в постмодернистское время полным ходом идет процесс образования почти одинаково окрашенных индустриальных сообществ, взрывной рост урбанистических агломераций. Георг Зиммель пишет о модусе этого явления так: «Пунктуальность, исчисляемость, точность определяют городскую жизнь, стоят не только в тесной связи с ее экономикоденежным и интеллектуальным характером, но и окрашивают содержание жизни, исключая ее иррациональные, инстинктивные, суверенные черты, существо и импульсы, обеспечивающие жизненную форму, воспринимаются обобщенно и схематически» [9, с. 195].

Образ жизни большого городского сообщества, ставший логичным для его жителей, служит примером жизненного пути и для других сообществ, как правило, он окрашен анонимностью, рациональностью, техничностью и выглядит более демократичным. Выявить различие между привычным городским образом жизни и урбанистическим, постмодернистским можно в широте распространения рациональности жизненных установок. В то время как понятие городского образа жизни означает качественный аспект массового переселения людей в город, урбанизация понятийно от этого отличается, хотя содержательно ориентирована на городской образ жизни и подразумевает его в качестве общей доминирующей формы. Распространению этого европейского явления, безусловно, служат гомогенизирующие тенденции. Одновременное внедрение в сообщества постмодерна и гомогенизации вносит в топологию местных сообществ определенную путаницу. Так как постмодерн подразумевался как процесс распространения гомогенизации, все же успех этого проекта в мировом масштабе более чем сомнителен. Местные сообщества с

их специфическими культурными оболочками и интеллектуальными выходами постоянно привносят изменяющиеся культурные и институциональные образцы, которые представляют различные реакции на требования и возможности, содержащиеся в основных чертах постмодернистских цивилизирующих предпосылок. Экспансия постмодерна не принесла унифицированных и гомогенных сообществ, а их разнообразие свидетельствует, по сути, о приходе мультимодерна. Многообразие современных местных сообществ одновременно может констатировать, что это не результат процесса, категоризированного как глобализация. Внутренне многие сообщества похожи, в них сравнимы легитимации конкурентной политики, даже могут быть похожими их виды на открытках. Изменяющиеся культурные формации, институциональные созвучности с другими местными сообществами или городскими концентрациями могут передаваться также опытно.

Воздействие гетерогенизации и гомогенизации на местные сообщества среди других культурных воздействий способствуют диагнозу глобализации и дискурсу глобализации. Однако поле понимания гомогенизации и гетерогенизации в местных сообществах практически не исследовано.

Когда глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, тогда гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными изменяющимися динамиками. Гомогенизация обозначает процесс выравнивания местных сообществ и через это – нивелирование их структурных дифференциаций. Концептуально гомогенизация заложена в постмодерн, но никогда не была в полной мере реализована, исходя из наших исследований местных сообществ.

Гетерогенизация вызывает процесс различий и через него – выявление новых структурных дифференциаций. Гетерогенизация есть представленная практика в модусе реакции на экономическую глобализацию, но в местных сообществах она никогда не оставалась только ограничением или политикой сообщества.

Чистая гомогенизация могла бы означать, что все местные сообщества по меньшей мере одинаковы по размеру или сравнимы по экономическому потенциалу, что подвергнувшись процессу выравнивания, они полностью утратили местный культурный элемент.

Чистая гетерогенизация могла бы имплицитно показать, что местный культурный элемент и чужая культура длительно сосуществуют без взаимного влияния. Наблюдая процессы культурной дивергенции в постмодерне, мы можем констатировать, что вряд ли это реально – длительное сосуществование без ассимиляционного влияния. Примеры наличия в сетевом мире альянсов между городами, взаимодействия политиков, появление городов-полюсов, экономических и технологических союзов, исторических общин тому свидетельство. Можем воспользоваться примером исторических следствий колониализма в этом формате: отношения двусторонней зависимости стали возможны и между городами, далеко друг от друга расположенными, времена колониализма не только изменили местные сообщества в

колониях, но и местные сообщества у себя дома. Поработители изменялись через порабощение.

Но поскольку процессы такого рода совершаются не в безвластном пространстве, самое невероятное во всех случаях – что все местные сообщества пострадали от выравнивания, ассимиляции, уподобления. Уподобляясь, некоторые сообщества становятся измененными, другими, непохожими на себя. В местных сообществах сложно или почти невозможно воспринимать эти процессы типа «или/или», эти категории не обязательно лежат в одной плоскости. В отдельных случаях они могут вести себя асимметричным образом. Редуцируется больше гомогенизация, тогда возникают процессы, провоцирующие гетерогенизацию. Они могут, меняясь местами, возрастая или снижаясь. Как правило, длительные гомогенизирующие процессы в местных сообществах в какое-то время все равно спровоцируют возрастание гетерогенизационных процессов. Гомогенизация и гетерогенизация являются формами воздействия, и они не могут рассматриваться в точной оппозиции друг к другу или позиционироваться как противоречия или контрасты на одной оси с изменяющимися воздействиями. В местном сообществе невозможно выявить образец типа «больше гомогенности, одновременно меньше гетерогенности». Интересен процесс реализации в местных сообществах детерминированных комплексов действия и процессуальных модусов этих двух форм. Все это реально происходит в реальном местном сообществе: и взаимоменяющиеся воздействия, и смешение, ассимиляция, объединение различного (гомогенизация) и несмешение, т. е. новое возникновение различностей (гетерогенизация). В местных сообществах гомогенизация и гетерогенизация не являются причинными отношениями. Если они действия, воздействия, то это не значит, что они следуют из чистого присутствия таких определенных (одинаковых или неодинаковых) данностей; они выводятся как культурные воздействия из повседневных значений и практик каждого отдельного сообщества.

Гетерогенизация часто проявляется в местных сообществах вместе с фрагментированием, понимаемым как процесс раздифференцирования привычных явлений. При фрагментировании есть опасность потери социального сцепления, кохезии, силы сцепления социального в местном сообществе. Глобальные сетевые процессы в мире дают нам примеры, когда через гегемонистское гомогенизирование получается разрыв между формально благим и благополучным. Оба этих процесса имеют идеологический отпечаток. Гомогенный дискурс западного модерна излагается двумя различными способами: как культурно-критический собственный упрек и как идеализация единичного, угрожающего распасться на фрагменты.

Специфика местного через глобальное и локальное

Социально-философский анализ местных сообществ нуждается в категориях «глобальный», «локальный» как в аналитическом приеме. В глобализационных теориях общества с глобальным массовым единством в одном стиле часто не только цивилизационные формы, но и важнейшие рамки отношений в

целом выпадают из поля зрения. Базисной категорией в пространственном, топологическом анализе местных сообществ становится шкалирование, масштабность.

Петер Тейлор говорил, что Иммануил Валлерстайн в мировой системной теории рассматривал глобализацию как территориально распространяемое продолжение национальной логики и таким образом ввел горизонтальное различие между местным, национальным и глобальным. В его текстах познавательная ценность шкалирования научного предмета выигрывает в значении, если ее рассматривать одновременно как вертикальную, иерархизированную размерность социальных феноменов.

Для Тейлора город – это область, сфера повседневного знания, национальное государство, мезосфера реального структурирования, сильно окрашенная идеологически, и глобальная шкала реальности, которая единственно структурированно действительна [12, с. 19].

Феномены социального неравенства познаваемы в местных сообществах через национальное государство, идеологически переструктурированное под влиянием доминантности мировой экономики.

Размерность локального, измеряемого в шкалировании делает возможным локальное, местное воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Локальное в социально-философской теории, в его пространственной окраске продумывается как специфическое место. Это место никогда не является чисто локальным. Более того, это вид взаимной встречи локального и глобального, что придает особое своеобразие нашему предмету исследования – местному сообществу.

Связь между интенсивностью глобализационных влияний и величиной вызываемых этими влияниями изменений можно исследовать шкалированием. Шкалирование позволяет локальное и глобальное воспринимать как систему соотносительных понятий рядом с национальным пространством и развивать гипотезы об их взаимовлиянии.

Продумывание социально-научного значения шкалирования с самого начала связывает два аспекта: временной диагноз и методологию. Повышающийся интерес к процессу шкалирования объясняется:

1) из наблюдения, что процессы реструктуризации современного глобального общества производят новые пространственные форматы, которые усиливают социальное неравенство. Научно-политический дискурс различных текстов по теме шкалирования состоит в том, что социальные отношения, таким образом, расчленены, включены в иерархический помост территориальных образований, которые распространяются от глобальных измерений до супернациональных, национальных и вниз до региональных, городских, локальных и телесных измерений. Эти и другие географические измерения социологически и политически помечены, несмотря на то, что они кристаллизуют такие общественные ключевые процессы, как аккумуляция капитала, государственное регулирование, городской уклад и политическая борьба, и в известных сферах интегрируют с более широким, вертикально структурированным шкалированным изме-

рением. Глобализация, которая релятивирует национальное государство как шкалированную сферу, вместо этого интенсивирует суб- и супранациональные формы территориальных организационных форм. Это изменение названо Эриком Свингедоу как *ge-scaling* [11, с. 137]. А Нейл Смит обозначил его как *jumping scales* (прыгающая скала) [10, с. 135];

2) шкалирование обозначает требование концептуально располагать во всех научных работах все социальные феномены на различных шкалированных уровнях, чтобы самих себя закрепить на поднятых величинах. Шкала является организационной метрикой производства пространства. Шкала – больше чем пространственно-теоретическое понятие для введения различий между микро-, мезо- и макроуровнями. Шкалы от городских и региональных к национальным и глобальным понимаются не как данные территориальные образования, а как социально сконструированные и исторически измененные величины. В этом смысле шкала называет территориализацию процессом производства (глобализация, национализация, регионализация). Силу значения нужно искать не в до-социальных существующих пространственных разрезах, а в понятийно-концептуальном выражении для пространственно-социальных процессов образования современных стилей жизни. При этом шкалирование для каждого измерения (локального, национального, глобального) свою убедительность, приемлемость выявляет одновременно из ограничения ко всем другим. Таким образом, шкалы являются медиумами и предпосылками всех интеракций в местных сообществах. Так как пространственные измерения не означают контейнероподобные отрезки, может быть принята трансформация шкалированной иерархии.

Можно местные сообщества рассматривать как обобществленные единства в сравнении с национальными государствами. Так как в сравнительных исследованиях местных сообществ постоянно присутствует указание, что сообщества со стороны объединительной логики национального государства, по меньшей мере через специфические сети акторов и институций, показывают свой собственный образец политического действия. В сфере качественных характеристик сравнение местных сообществ очень популярно. Сравнить сообщества по социально-структурным точкам зрения, через это показывать их собственное динамическое развитие. Значение обобществления в сообществах тем больше имеет значение, чем больше современное национальное государство оттягивает от него в этом плане на себя. Характер сообщества имеет окрашивающее влияние на опции его развития. Размер различий между сообществами варьируется в зависимости от локальных политических сетей, акторов, которые, в свою очередь, формируют характер сообщества, так же как и сети, в свою очередь, имеют влияние на этот характер. В согласовании они могут показать, что институции и политические формы образуют с культурой сообществ тесное соединение. В противовес дифференциациям между национальными государствами вариативные и влиятельные структуры сообществ являются конституирующими факторами экономического успеха или неуспеха. Герд Хельд указывает на возможность образования различных

пространственных логик. Он присоединяется к наблюдению Фернанда Броделя, что местное сообщество и территориальное государство представляли собой в раннем модерне конкурирующие организационные формы пространственных образований, и развивает тезис о комплементарности больших сообществ и территориальных форм (последнее выигрывает сейчас перед восприятием национального государства) как образца пространственного порядка модерна [1, с. 56].

Г. Хельд предлагает выявлять не различие между городом и деревней, а различие между пространственными присоединительными логиками. Он отмечает структурную открытость современного большого городского сообщества и его пространственную присоединительную логику, в отличие от современного национального государства, чья логика находится в закрытой конструкции [8, с. 287].

Современные местные сообщества являются отдельным предметом исследования социальной философии, имеющим свою собственную форму социализации в дополнение к национальному государству. Местные сообщества распознаваемы по различным типам местных культур и организационным формам. Местное сообщество является локальным измерением со своим собственным качеством социализации в различных топологических полях. Восприятие пространства местного сообщества требует исследования дифференциаций между сообществами как социальных феноменов не только в глобальном и национальном пространстве, но и в своей собственной топологии.

Категория пространства, места, где находится местное сообщество, является основополагающей для социально-философского анализа средством топологии. Место, пространство местного сообщества определяет специфику процессов и действий в нем. Образцы значимости действий, практики и фигурации властных констелляций имеют в разных пространственных привязках различную приемлемость. Местные сообщества развиваются как социально сконструированные, изменяющиеся социально-пространственные феномены, которые по действующему образцу осознания в них живущих и являются конститутивными для понимания каждого отдельного сообщества. Местные сообщества как социальные единицы в познавательном социально-философском поле часто вытесняются вопросами мирового сообщества. Д. Харви говорит о «пространственно-временной компрессии» в отношении исследований местных сообществ со стороны пространства глобальных потоков, которые пространство мест делает старомодным [7, с. 78]. Глобализация открывает и показывает изменение многих концепций и моделей, которые помогают понять в том числе и специфику местного. То, что эмпирически определялось как глобализация, с 70-х годов идет с эпистемологическим переходом от традиционного, пространственно ограниченного понимания социального пространства к посттрадиционному, открытому плюралистическому его пониманию. Продумывание в пространственных реляциях, отношениях, а также в социально-сконструированных не субстанционализированных местах и пространствах

ставит во главу угла исследований глобальные сети и локальную практику.

При шкалировании берутся во внимание фиксированные, контейнероподобные величины, продукты политико-экономических процессов, местные медиа и предпосылки интеракций. Мы не видим аналитического смысла резервировать локальное исключительно как территориальные формы, а глобальное концептуализировать исключительно как мобильный, детерриторизированный мир. Мы не переносим социально-пространственные единицы на организационные формы и рассматриваем глобализацию и локализацию как две стороны одной медали. На одной стороне находятся стратегии конструкций локальных культур. На другой стороне находятся локальная продукция глобально циркулирующих артефактов, глобальное внедрение европейского территориального принципа, универсализация стандарта традиционно рыночного поведения и организационный образец формальной рациональности. Если пространство местных сообществ относительно концептуализируется, тогда сами локальности являются партикулярными моментами внутри этой топологии. Когда локальное и глобальное конституируют друг друга, тогда локальные места – не просто жертвы и не только продукты глобального. Напротив, они – моменты, через которые глобальное и конструируется, т. е. есть не только глобальные конструкции локального, но и локальные конструкции глобального. Для обозначения этого двоякого процесса английский социолог Роланд Робертсон предложил очень удачный термин «глокализация» – как форма диалектики локального и глобального. Он утверждает, что «глобальные и локальные тенденции в конечном счете взаимодополняемы и проникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [4].

Глобализация и локализация – параллельно протекающие процессы. Ни одно место не может быть чисто локальным, государство – только национальным, глобус – только глобальным, это показывает, что исследование в форме шкалирования объединяет важные пространства, которые друг друга пересекают, перегружают и друг на друга влияют. Если мы акцентируем посылы, что локальное, прежде всего, местное сообщество, очень важно, тогда местные сообщества надо воспринимать как предмет социально-философского анализа, так как они есть места, в которых мир в специфической форме получает значение, и места, воспринимаемые как различаемые и познаваемые, как своеобразные места. Обращение научного внимания на структуры местных сообществ не оспаривает преимуществ познания национального и глобально-концептированных изучений. Однако различные измерения социальной действительности возможны, когда глобальные изучения не будут привилегированы перед локальными. Сообщества – не только локальные образования, они развиваются в глобальных, национальных и локальных дискурсах. Надо спасать от глобализации не местные сообщества, а разросшееся общемировое сетевое пространство и его зависимость от гомогенизирующих и гетерогенизирующих воздействий. Посредством открытого изложения структурной логики сообщества и указа-

ния репродуктивной практики этих структур могут быть развиты стратегии, усиливающие потенциал сообществ.

Поэтому сегодня мы сознательно должны развивать местные сообщества, ведь цена упущенных возможностей будет велика, «поскольку скорость изменений условий существования человека, обусловленных быстрым развитием технических систем, несоизмерима со скоростью ответных реакций со стороны социальных систем, существующих посредством метода проб и ошибок, включающего в себя исторический опыт, демократию, здравый смысл и т. д. [3, с. 61].

Выводы

Для сохранения своеобразия местных сообществ необходим социально-философский анализ обстоятельств, происходящих в сообществах под влиянием глобализации. Местные сообщества противодействуют глобально-циркулирующим гомогенизирующим потокам. Мировая глобальность вызывает к жизни

вопросы внешнего позиционирования местных сообществ, повышает потенциал их развития, их действительно реальную способность к конкуренции. Шкала глоболизирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах осуществляется в трех взаимодействующих полях: экономики, технологии и культуры. Глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными изменяющимися динамиками в них. Местные сообщества имеют различные пространственные логики. Размерность локального, измеряемого в шкалировании, делает возможным локальное, местное воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества могут быть изображены не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация – параллельно протекающие в местных сообществах процессы.

Литература

1. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
2. Макогон, Т. И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации / Т. И. Макогон // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317.
3. Мехонцева, Д. М. Универсальная теория самоуправления и управления / Д. М. Мехонцева. – Красноярск, 2001. – 74 с.
4. Робертсон, Р. Точка глобального осознания. Модернизация модернизации / Р. Робертсон // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya> (дата обращения: 07.12.2012).
5. Aring, J. Modernisierung der Raumordnung / J. Aring. – Режим доступа: http://bfaag-aring.de/pdf-dokumente/Aring_2005_Modernisierung_raumordnung.pdf (дата обращения: 09.11.2012).
6. Castells, M. Das Informationszeitalter / M. Castells // Teil 1 der Trilogie. – Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft. – Opladen: Leske + Budrich, 2001. – 474 s.
7. Harvey, D. The Condition of Postmodernity / D. Harvey // Cambridge & Oxford: Blackwell. – 1989. – 320 p.
8. Held, G. Territorium und Großstadt / G. Held // Die räumliche Differenzierung der Moderne. Verlag für Sozialwissenschaften. – Wiesbaden, 2005. – 384 s.
9. Simmel, G. Die Großstädte und das Geistesleben / G. Simmel // In: Georg Simmel (Hrsg.) Das Individuum und die Freiheit // Essays. – Berlin: Wagenbach, 1984.
10. Smith, N. Homeless/global: Scaling. Places / N. Smith // In: John Bird, Barry Curtis, Tim Putnam. – 2012. – 304 p.
11. Swyngedouw, E. Neither Global Nor Local: «Glocalization» and the Politics of Scale / E. Swyngedouw // In Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local. – New York; London: Guilford/Longman, 1997.
12. Taylor, P. Materialist Framework for Political Geographie / P. Taulor // In: Transactions of the Institute of British Geographers № 7. – 1982.

Информация об авторе:

Макогон Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, председатель комитета по местному самоуправлению администрации города Томска, 8(3822)56-22-78, +79138270967, makogon@admin.tomsk.ru, makogonti@mail.ru.

Tatyana I. Makogon – Candidate of Philosophy, Chairman of the Committee on Local Self-government, Administration of the City of Tomsk.

ХИМИЯ

УДК 543.153

ОЦЕНКА ПОГРЕШНОСТИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРОХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ СМЕСИ В ПРИСУТСТВИИ СЛУЧАЙНО ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ БАЗОВОЙ ЛИНИИ СПЕКТРА

И. М. Дубровкин, В. А. Ананьев

ERROR ESTIMATION IN THE QUANTITATIVE SPECTROCHEMICAL ANALYSIS OF MULTICOMPONENT MIXTURE WITH RANDOMLY VARYING SPECTRAL BASELINE

I. M. Dubrovkin, V. A. Ananiev

Работа выполнена в рамках НИР, финансируемой из средств Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания КемГУ.

Погрешности количественного анализа многокомпонентных смесей, измеренных по спектрам поглощения, возмущенных случайно изменяющейся базовой линией, могут быть значительно уменьшены путем введения ковариационной матрицы шумов при расчетах по методу наименьших квадратов. Эффективность предложенного метода продемонстрирована на примере анализа препарата Экседрин.

The errors of quantitative analysis of multicomponent mixtures using absorption spectra perturbed by randomly varying baseline could be significantly reduced by the introduction of the noise covariance matrix in least squares estimation. The effectiveness of the proposed method is demonstrated on the example of Excedrin drug analysis.

Ключевые слова: количественный спектрохимический анализ, прямая калибровка, погрешности, случайно изменяющаяся базовая линия.

Keywords: quantitative spectrochemical analysis, direct calibration, errors, randomly varying base line.

Количественный спектрохимический анализ многокомпонентной смеси известного качественного состава является одним из самых распространенных методов аналитической химии [1]. Например, количественный анализ лекарственных препаратов можно проводить по спектрам оптического поглощения растворов, полученных после их растворения. Так как спектр поглощения каждого компонента смеси в растворе заранее известен, то для анализа обычно используют метод прямой калибровки (метод **К**-матрицы) [1]. Столбцы матрицы **К** представляют собой значения коэффициентов молярного поглощения индивидуальных компонентов смеси для заданных длин волн. Предполагается, что эти столбцы линейно независимы. При сильном перекрытии спектров индивидуальных компонентов используются методы хеометрики [2].

Классический метод прямой калибровки основан на использовании идеальной модели спектра многокомпонентной смеси, предполагающей присутствие только гомоскедатичного (обладающего постоянной дисперсией) и некоррелированного шума. Это допущение не всегда оправдано из-за нестабильности условий регистрации спектра и специфики его цифровой обработки [3]. Кроме этого, отклонение от идеальной модели может быть обусловлено наличием неконтролируемых примесей в растворе. Визуально указанные эффекты могут проявляться в спектре поглощения в форме базовой линии (фона), для устранения которой используется предварительная обра-

ботка спектров: алгебраическая коррекция фона [1], производная спектрометрия [4], вейвлет-преобразование [5]. Как правило, полная компенсация базовой линии практически невозможна, поэтому в спектре смеси всегда будут оставаться ее “следы” со случайно изменяющимися параметрами.

Целью настоящей работы является оценка влияния случайно изменяющейся базовой линии на точностные характеристики количественного анализа по методу прямой калибровки.

Теория

В статье используются общепринятые термины линейной алгебры. Заглавные и строчные буквы, выделенные жирным шрифтом, обозначают матрицы и векторы-столбцы, соответственно, скаляры выделены курсивом. Надстрочные индексы *T* и *-1* используются для обозначения транспонированной и обратной матриц, соответственно.

В соответствии с законом Бугера-Ламберта-Бера спектр оптического поглощения смеси, состоящей из *y* компонентов, можно записать в виде

$$y = Kcd + \varepsilon \quad (1)$$

где **K** – *m*×*n* матрица, столбцы которой составлены из коэффициентов молярного поглощения чистых компонентов смеси для заданных длин волн; *m* – число заданных длин волн; **c** – *n*×1 вектор концентраций компонентов; *d* – толщина поглощающего слоя (кюветы), которая для простоты изложения принята равной 1 см; **ε** – *m*×1 вектор нормального шума с нуле-

вым средним и ковариационной матрицей $\sigma_y^2 \mathbf{V}$. Для идеальной модели $\mathbf{V}$ является единичной матрицей, а σ_y^2 равно дисперсии шумов. При наличии случайно изменяющейся базовой линии матрица $\mathbf{V}$ отлична от единичной (см. Приложение).

Оценка вектора $\mathbf{c}$ по обобщенному методу наименьших квадратов [4] равна:

$$\hat{\mathbf{c}} = (\mathbf{K}^T \mathbf{V}^{-1} \mathbf{K})^{-1} \mathbf{K}^T \mathbf{V}^{-1} \mathbf{y}, \quad (2)$$

с дисперсионной матрицей

$$\mathbf{D}_{\hat{\mathbf{c}}} = \sigma_y^2 (\mathbf{K}^T \mathbf{V}^{-1} \mathbf{K})^{-1}. \quad (3)$$

Дисперсия вектора $\hat{\mathbf{c}}$:

$$\sigma_{\hat{\mathbf{c}}}^2 = \text{tr}(\mathbf{D}_{\hat{\mathbf{c}}}) + 2 \sum_{j>i \geq 1}^{j \leq n} D_{ij} D_{ji}, \quad (4)$$

где tr – след матрицы; D_{kl} – элемент матрицы $\mathbf{D}$. Наличие второго члена в выражении (4) показывает, что концентрации отдельных компонентов смеси коррелированы.

Численной оценкой дисперсии вектора концентраций является его среднеквадратическая погрешность

$$\begin{aligned} MSE(\alpha) = \text{mean} \left(\sum_{k=1}^n (\hat{c}_k - c_k^{mix})^2 + \right. \\ \left. + 2 \sum_{j>i \geq 1}^{j \leq n} (\hat{c}_i - c_i^{mix})(\hat{c}_j - c_j^{mix}) \right), \end{aligned} \quad (5)$$

где mean обозначает усреднение повторных численных оценок; c_k^{mix} – точная концентрация k -го компонента в смеси.

Для подобных по форме и сильно перекрывающихся спектров чистых компонентов расчет обратной матрицы в выражении (2) будет очень чувствителен к погрешностям измерения спектров. Для стабилизации обращения матриц используется метод регуляризации по Тихонову [5], согласно которому

$$\hat{\mathbf{c}} = (\mathbf{K}^T \mathbf{V}^{-1} \mathbf{K} + \alpha \mathbf{I})^{-1} \mathbf{K}^T \mathbf{V}^{-1} \mathbf{y}, \quad (6)$$

где α – параметр регуляризации; $\mathbf{I}$ – единичная матрица. Мы будем подбирать значение параметра регуляризации таким образом, чтобы минимизировать относительную среднеквадратическую погрешность оценки $\hat{\mathbf{c}}$ в уравнении (6):

$$RMSE(\alpha)_{\min} = \min_{\alpha} MSE(\alpha) / \sum_{k=1}^n (c_k^{mix})^2. \quad (7)$$

Оценка погрешностей анализа таблеток Экседрина

Спектры Экседрина и его ингредиентов (рис. 1) в цифровой форме были получены путем компьютерного сканирования опубликованных спектров [6].

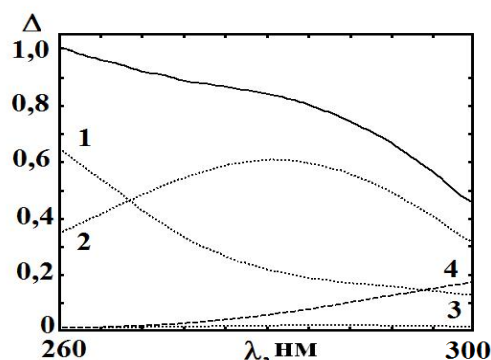

Рис. 1. Спектры препарата Экседрин (—) и его ингредиентов (...) (парацетамол (1), кофеин (2) и аспирин (3), в соотношении 0.4464:0.1071:0.4464, соответственно). Суммарная концентрация равна 20 мг/л в смеси вода-метанол-ледяная уксусная кислота (соотношение указанных компонентов 69:28:3). Спектр салициловой кислоты (4) с концентрацией 4 мг/л в той же смеси. Воспроизводится с разрешения "<http://www.dissolutiontech.com>"

Было взято 100 равноотстоящих отсчетов в области 260 – 300 нм. К спектру раствора таблеток Экседрин (рис. 1) добавлялся полиномиальный фон (см. уравнение (A1) Приложения) со случайными параметрами. Численные оценки корня относительной среднеквадратической погрешности ($RRMSE$) производились путем усреднения 10000 статистически независимых расчетов. Для вычислений и построения графиков была написана программа на языке MATLAB.

Результаты численного эксперимента представлены на рис. 2.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Использование матрицы $\mathbf{V}$, рассчитанной в строгом соответствии с дисперсиями коэффициентов полиномиального фона (см. Приложение) свидетельствуют о хорошем совпадении теоретических и численных оценок (рис. 2а).

2. Пренебрежение случайным фоном при больших стандартных отклонениях его наклона (σ_{a1}) значительно увеличивает погрешность определения вектора концентраций (рис. 2б).

3. Зависимость относительной среднеквадратической погрешности оценки вектора концентрации от стандартного отклонения постоянного члена полинома (σ_{a0}) мала по сравнению с её зависимостью от стандартных отклонений коэффициентов первой (σ_{a1}) и второй степени (σ_{a2}). Таким образом, погрешность анализа весьма чувствительна к случайным изменениям наклона некомпенсированной базовой линии.

4. Нами обнаружено что, при оптимальном выборе матрицы $\mathbf{V}$ регуляризация решения уравнения (1) малоэффективна. Однако при больших стандартных отклонениях наклона базовой линии в случае $\mathbf{V} = \mathbf{I}$, благодаря регуляризации погрешность анализа значительно снижается (рис. 2в).

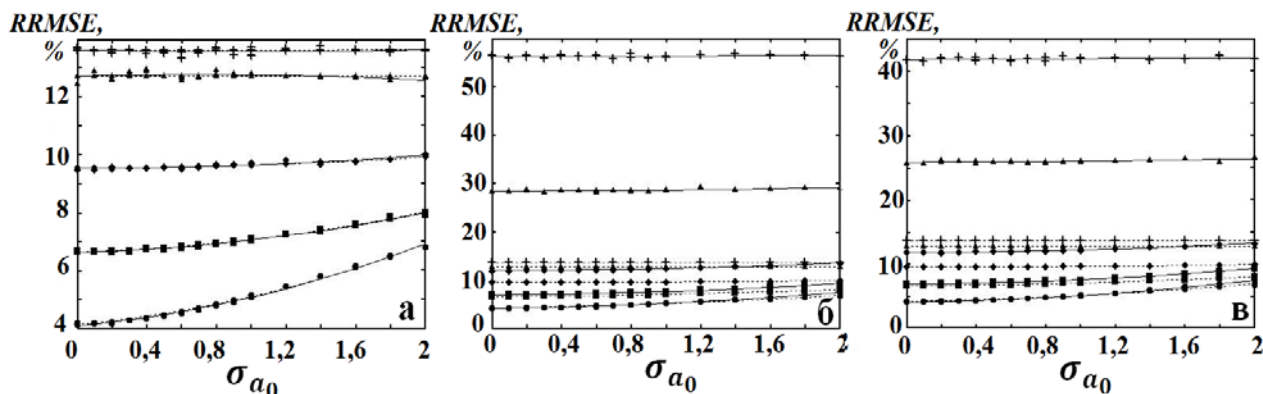

Рис. 2. Теоретические (...) и численные (—) оценки погрешности вектора концентраций компонентов препарата Экседрин. (а) Точная ковариационная матрица V (б). $V = I$ (в). Метод регуляризации при $V = I$. $\sigma_y = 0,005$, $\sigma_{a_1} = 0$ (●), 1×10^{-4} (■), 2×10^{-4} (◆), 5×10^{-4} (▲), 10×10^{-4} (+) $\sigma_{a_2} = \sigma_{a_1} / 10$

В качестве практического примера оценим погрешность анализа таблеток Экседрин, в спектре раствора которых присутствует фон, обусловленный наличием салициловой кислоты, являющейся продуктом гидролиза аспирина. Будучи очень слабым, этот фон в значительной степени искажается шумами спектрометра и поэтому меняется при многократной регистрации спектра. Для моделирования этого процесса спектр раствора салициловой кислоты (рис. 1), возмущенный нормальным шумом $\sigma_y = 0,005$, был аппроксимирован полиномом второй степени. При 10^5 повторениях статистически независимых численных экспериментов были получены следующие значения дисперсий полиномиальных коэффициентов: $\sigma_{a_0} = 0,61$; $\sigma_{a_1} = 0,028$; $\sigma_{a_2} = 0,00027$, на основании которых была рассчитана матрица V . Полученные результаты: RRMSE 11,7 % и 20,9 % для оптимальной матрицы V и $V = I$, соответственно, свидетельствуют о высокой эффективности учета переменного фона при количественном анализе многокомпонентной смеси.

Закключение

Методика, разработанная в данной статье, позволяет в каждом конкретном случае оценить погрешность аналитической процедуры при наличии гетероскедастичных коррелированных шумов, обусловленных случайно изменяющейся базовой линией спектра. Сравнение погрешности эксперимента с погрешностью, полученной путем компьютерного моделирования с использованием оптимальной ковариационной матрицы шумов может быть обоснованием целесообразности дальнейшего улучшения используемого для анализа смеси спектрофотометрического метода, например, изменением pH раствора.

Приложение

Расчет ковариационной матрицы шума

Предположим, что в спектре, регистрируемом r раз, присутствует базовая линия, описываемая полиномом второй степени. Тогда отсчет i спектра t :

$$y_{it} = \delta_{it} + a_0 + a_1 i + a_2 i^2, \quad (A1)$$

где y_{it} – отсчет неискаженного спектра, обладающего нормальным шумом δ_{it} с нулевым средним и дисперсией σ_y^2 ; a_{qt} – q -й коэффициент полинома, остающийся постоянным в пределах данного спектра, однако, меняющийся случайным образом от спектра к спектру. Оценка элемента ковариационной матрицы, согласно данным работы [4]:

$$COV(y_k, y_l) = \frac{1}{r-1} \sum_{t=1}^r (y_{kt} - \bar{y}_k)(y_{lt} - \bar{y}_l), \quad (A2)$$

где черта означает среднее значение отсчета спектра по r повторениям. Из уравнения (A1) следует, что:

$$\bar{y}_i = y_i + \bar{a}_0 + \bar{a}_1 i + \bar{a}_2 i^2, \quad (A3)$$

Подставляя (A1) и (A3) в (A2), получим:

$$COV(y_k, y_l) = \sigma_y^2 \xi_{kl} + \frac{1}{r-1} \sum_{t=1}^r (\delta_{a_0 t} + \delta_{a_1 t} k + \delta_{a_2 t} k^2) (\delta_{a_0 t} + \delta_{a_1 t} l + \delta_{a_2 t} l^2), \quad (A4)$$

где ξ_{kl} – символ Кронекера ($\xi_{kl} = 1$ для $k = l$, иначе $\xi_{kl} = 0$), $\delta_{a_{qt}} = a_{qt} - \bar{a}_q$. Полагая, что $\delta_{a_{qt}}$ является нормально распределенной случайной величиной с нулевым средним и ковариационной матрицей $\sigma_{a_{qt}} I$ (I – единичная матрица) и, пренебрегая малым вкладом суммы перекрестных членов при достаточно большом r , уравнение (A4) приводится к виду:

$$COV(y_k, y_l) = \sigma_y^2 \xi_{kl} + \sigma_{a_0}^2 + \sigma_{a_1}^2 kl + \sigma_{a_2}^2 k^2 l^2$$

Окончательно, элементы матрицы V можно определить следующим образом:

$$V(k, l) = \xi_{kl} + \sigma_y^{-2} (\sigma_{a_0}^2 + \sigma_{a_1}^2 kl + \sigma_{a_2}^2 k^2 l^2). \quad (A5)$$

Литература

1. Бернштейн, И. Я. Спектрофотометрический анализ в органической химии / И. Я. Бернштейн, Ю. А. Каминский. – Л.: Химия. – 1986. – 200 с.
2. Родионова, О. Е. Хемомерика: достижения и перспективы / О. Е. Родионова, А. Л. Померанцев // Успехи химии. – 2006. – Т. 75. – № 4. – С. 302 – 321.
3. Fernandez-Ahumada, E. A new formulation to estimate the variance of model prediction. Application to near infrared spectroscopy calibration / E. Fernandez-Ahumada, J. M. Roger, B. Palagos // Anal. Chim. Acta. – 2012. – V. 721. – P. 28 – 34.
4. Дубровкин, И. М. Химический анализ с использованием математического дифференцирования / И. М. Дубровкин // ЖАХ. – 1988. – Т. XLIV. – № 6. – С. 985 – 979.
5. Depczynski, U. Quantitative analysis of near infrared spectra by wavelet coefficient regression using a genetic algorithm / U. Depczynski, K. Jetter, K. Molt [et al.] // Chemom. Intell. Lab. Syst. – 1999. – V. 47. – P. 179 – 187.
6. Себер, Дж. Линейный регрессионный анализ / Дж. Себер. – М.: Мир. – 1980. – 456 с.
7. Тихонов, А. Н. Методы решения некорректных задач / А. Н. Тихонов, В. Я. Арсенин. – М.: Наука. – 1986. – 288 с.
8. Simonian, M. H. Full spectrum quantitation: an advance UV. Visible spectroscopic method for multi-component dissolution testing / M. H. Simonian. – Режим доступа: <http://www.dissolutiontech.com>.

Информация об авторах:

Дубровкин Иосиф Михайлович – доктор физико-математических наук, заведующий отделом точных наук. Академический колледж Западной Галилея, Израиль, 972-4-6292910, dubrovkin@013.net.il.

Iosif M. Dubrovkin – Doctor of Physics and Mathematics, Head of Exact Sciences Department, Western Galilee College, Israel.

Ананьев Владимир Алексеевич – доктор химических наук, профессор кафедры аналитической химии КемГУ, eprlab@kemsu.ru.

Vladimir A. Ananiev – Doctor of Chemistry, Professor at the Department of Analytical Chemistry, Kemerovo State University.

ЭКОНОМИКА

УДК 338.439.01

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

Г. С. Бондарева

FOOD SECURING OF THE POPULATION: CONCEPT, ESSENCE AND STRUCTURE

G. S. Bondareva

В статье рассмотрены взгляды отечественных ученых на определение понятия «продовольственное обеспечение населения». На основе анализа автором уточнено понятие и раскрыта сущность продовольственного обеспечения населения. Выявлены основные условия (требования) к продовольственному обеспечению населения территории, такие как: физическая и экономическая доступность питания.

The article analyses the Russian scientists' definitions of the concept of «food securing of the population». The concept is specified, its essence is revealed. The basic conditions (requirements) for the food securing of the area's population, such as physical and economic accessibility of food, are discussed.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, продовольственная самодостаточность, продовольственная независимость, продовольственная безопасность, физическая, экономическая доступность продуктов питания.

Keywords: food securing, food self-sufficiency, food independence, food security, physical and economic accessibility of food.

Вопросы продовольственного обеспечения населения на протяжении развития цивилизации являются центром особого внимания ученых экономистов и го-

сударств в целом. Известно, что социально-экономическая стабильность в стране во многом определяется

уровнем и качеством жизни населения, степенью удовлетворения потребностей населения.

В основе многообразия потребностей человека лежат физиологические потребности: пища, жилище, сон, отдых, комфортные условия среды обитания, его здоровье. Одной из доминирующих потребностей является потребность в пище (возникновение других физиологических потребностей опирается именно на нее).

Во все эпохи человеческой истории, нехватка пищи приводит к массовой гибели людей. Даже в Лондоне в XVII и XVIII вв. уровень смертности в годы высоких цен на зерно на 8 процентов был выше, чем в годы низких цен [10, с. 153].

Поэтому продовольственное обеспечение населения, как отдельного региона, так и страны в целом являются важной стратегической задачей. От его наличия, качества, и доступности зависит уровень удовлетворения одной из важнейших потребностей человека, которые в значительной степени формируют социальное настроение и качество жизни населения [6, с. 280].

Мировой зерновой кризис 1972 – 1973 гг. способствовал тому, что проблема продовольственного обеспечения превратилась в важный фактор национальной безопасности всех стран. Именно в этот период экономическая наука обратилась к продовольственной проблематике с позиций общемировой экономической безопасности. Первая Всемирная продовольственная конференция, проведенная в Риме в 1974 году, была направлена на выявление причин возникшего продовольственного кризиса и выработку путей выхода из него.

В эти годы, сформированный под эгидой Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) (*Food and Agriculture Organization of the United Nations*) «Комитет по всемирной продовольственной безопасности» отслеживал процесс продовольственной обеспеченности стран мира и разрабатывал рекомендации по преодолению возникающих проблем [3].

Для характеристики финансово-экономического состояния объекта (территории, отрасли и т. д.) в исследованиях ряда ученых довольно часто используются различные термины, такие как: «самообеспеченность», «самодостаточность», «экономическая безопасность», «обеспеченность». Зачастую в научной литературе понятие продовольственной обеспеченности отождествляют с понятием продовольственной безопасности.

В утвержденной Доктрине продовольственной безопасности РФ в рамках Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года особо актуальное значение приобретают вопросы продовольственного обеспечения населения [11]. При этом не дано четкого определения понятия продовольственной обеспеченности как такового, при четко представленной трактовке понятия «продовольственная безопасность».

До настоящего времени, продовольственное обеспечение представляет собой новую и не раскрытую в полной мере экономическую категорию, как с точки зрения ее сущности, так и методологии исследования. Необходимо отметить, что в настоящее время не су-

ществует единого общепринятого определения понятия «продовольственная обеспеченность», в связи с чем, ученые выдвигают несколько его трактовок.

В своих научных трудах А. А. Семенов применяет термин «продовольственная независимость», определяя его как «состояние сельского хозяйства и АПК в целом, при котором обеспечивается надежное (бесперебойное) и достаточное (по медицинским нормам) снабжение населения страны отечественным продовольствием, исключающее угрозу голода или недоедания» [13, с. 64].

Продовольственная независимость, по утверждению А. И. Алтухова, означает определенный уровень самообеспечения страны продовольствием, удовлетворения основной части потребностей населения в продуктах питания за счет внутреннего производства [1, с. 30].

Понятие продовольственной независимости, считают В. И. Губайдуллина и В. К. Нусратуллин, наиболее применимо при характеристике самообеспечения страны продуктами питания, состояния АПК, давая такую трактовку понятия продовольственной самообеспеченности «...удовлетворение основной части потребностей населения в продуктах питания за счет отечественного производства» [4, с. 15]. Группа этих ученых, считает, что самообеспеченность является составной частью продовольственной независимости и оценить уровень продовольственной независимости возможно только через расчет показателя самообеспеченности по отдельным видам продовольствия, произведенного в стране (регионе).

В научных трудах кузбасских ученых В. В. Михайлова и Э. В. Красавина используется термин «продовольственная самодостаточность», понимаемый как наиболее полное моральное удовлетворение продовольственных нужд населения.

По мнению В. А. Шабашева, данный термин, носящий подтекст некоторого самоудовлетворения и самоуспокоения, применительно к описанию экономических процессов закономерно приведет к застою и регрессу экономики в целом. Разделяя данную точку зрения, применительно к экономике лучше оперировать термином «самообеспеченность», который по своей сути является основой для поддержания необходимого уровня продовольственного обеспечения населения [16, с. 10].

Исследуя вопросы государственного регулирования агропромышленного комплекса, А. А. Кайгородцев указал, что самообеспеченность продовольствием означает удовлетворение потребности в нем путем внутренних поставок при минимальной зависимости от внешней торговли и для его достижения необходимо осуществлять производство качественной продукции в объемах, позволяющих удовлетворить потребности населения на пороговом уровне по ценам, гарантирующим доступность большинства продуктов для всех социальных групп населения на всей территории страны [5, с. 176].

П. Д. Косинский и В. А. Шабашев в совместном научном труде разграничили и более точно конкретизировали понятия «обеспечение» и «самообеспечение». Под «продовольственным обеспечением» авторы подразумевают «...все виды поставок продуктов

питания: собственное производство, поставки из других регионов, импорт продовольствия», тогда как, «...самообеспеченность предусматривает поддержание определенного уровня обеспечения по основным продуктам питания населения исключительно собственным производством» [8, с. 69].

«Продовольственная самообеспеченность региона, считает М. М. Трясцин, – это процесс устойчивого удовлетворения населения в продуктах питания в рамках научно-обоснованных медицинских норм на основе более эффективного использования ресурсов продуктового потенциала региона, а также обеспечения его реализации по доступным для населения ценам» [14, с. 44].

По его же мнению, продовольственное обеспечение это «...процесс устойчивого удовлетворения населения в продуктах питания в рамках научно-обоснованных медицинских норм с учетом его половозрастных групп и платежеспособного спроса на основе более эффективного использования ресурсов продуктового подкомплекса и применения отвечающей его интересам конкурентоспособной продовольственной оптово-розничной системы, способной оптимизировать распределение регионального и импортного продовольствия в крупных городах, промышленных центрах и отдельных территориальных формированиях, а также обеспечить его реализацию по доступным для большинства населения ценам при оптимальной доле импорта» [14, с. 45].

Раскрывая содержание экономической категории «продовольственное обеспечение населения региона» Н. В. Роднина, определила его как интеллектуальную совокупность факторов, процессов и результатов воспроизводства производительных сил, социально-трудовой сферы и производственных отношений, непосредственно ориентированных на удовлетворение потребностей населения [12, с. 9].

В экономической литературе понятие «продовольственное обеспечение» трактуется, как обеспечение гарантированной физической и экономической доступности продуктов питания, необходимых для здоровой и активной жизни населения, право человека на достаточное питание и на свободу от голода.

Группа отечественных ученых: А. И. Алтухов, Г. И. Макин, М. А. Бабков определяют продовольственную обеспеченность как способность государства гарантировать удовлетворение потребности населения страны в продовольствии на уровне, обеспечивающем его нормальную жизнедеятельность [1, с. 30].

В последующих своих научных публикациях А. И. Алтухов понятие «продовольственное обеспечение» формулирует следующим образом, это «...организационно-экономическая система, позволяющая на данном временном этапе материализовать потенциал продовольственной безопасности на основе организации товаропроизводящей сети, занимающейся продвижением отечественного и импортного продовольствия от производителя к потребителю, а также организационно-экономических отношений, складывающихся между участниками этого процесса» [2, с. 30].

Продовольственное обеспечение, по мнению В. Д. Кузьменковой, предполагает устойчивые и дос-

таточные уровни производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, которые с учетом рациональных объемов их импорта полностью обеспечивали бы потребности населения в полноценных пищевых продуктах, физическую и экономическую доступность продовольствия, его качественное и не приносящее ущерба здоровью населения состояние [9].

Среди определенного круга ученых-экономистов существует и такая точка зрения, как отождествление продовольственного обеспечения населения региона с понятием агропромышленный комплекс (АПК). Некоторые ученые рассматривают продовольственное обеспечение населения региона как часть производимой продукции АПК территории, идущая непосредственно на личное потребление населения. Нередко процесс продовольственного обеспечения рассматривается непосредственно в отрыве от АПК и приобретает самодовлеющее значение.

Соглашаясь в основном с мнениями выше обозначенного круга ученых, мы уточняем понятие «продовольственное обеспечение населения: «Система взаимодействия производителей, продавцов, потребителей и органов государственной власти, обеспечивающая потребности населения в качественных продуктах питания по научно-обоснованным нормам; основанная на экономических отношениях ответственности перед населением; способствующая экономической и физической доступности продовольствия в стабильных условиях и при чрезвычайных ситуациях» (рисунок).

Из чего следует, что важнейшими условиями (требованиями) к продовольственному обеспечению населения территории являются:

- физическая доступность продуктов питания – непрерывное поступление продуктов питания до их конечного потребителя в объеме и ассортименте, соответствующем платежеспособному спросу;

- экономическая доступность продуктов питания – уровень покупательного спроса населения при существующих структуре потребления, системе цен, уровне доходов, социальных пособий и льгот, который обеспечивает возможность приобретения населением основных видов продовольствия в соответствии с рекомендуемыми нормами питания [15, с. 5 – 6].

Что же касается понятия «продовольственная самообеспеченность», то на наш взгляд оно может рассматриваться как:

- удовлетворение потребностей региона в продовольствии за счет местного производства и использования для развития и расширения только внутренних (региональных) возможностей и резервов;

- удовлетворение имеющихся социальных и экономических потребностей населения в продовольствии, а также расширение горизонтальных экономических связей, углубление кооперации и интеграции производства, самостоятельного участия в международном и региональном разделении труда на основе эквивалентного обмена товарами, услугами и работами (более широкое понимание продовольственной самообеспеченности);

- как критерий продовольственного обеспечения региона.

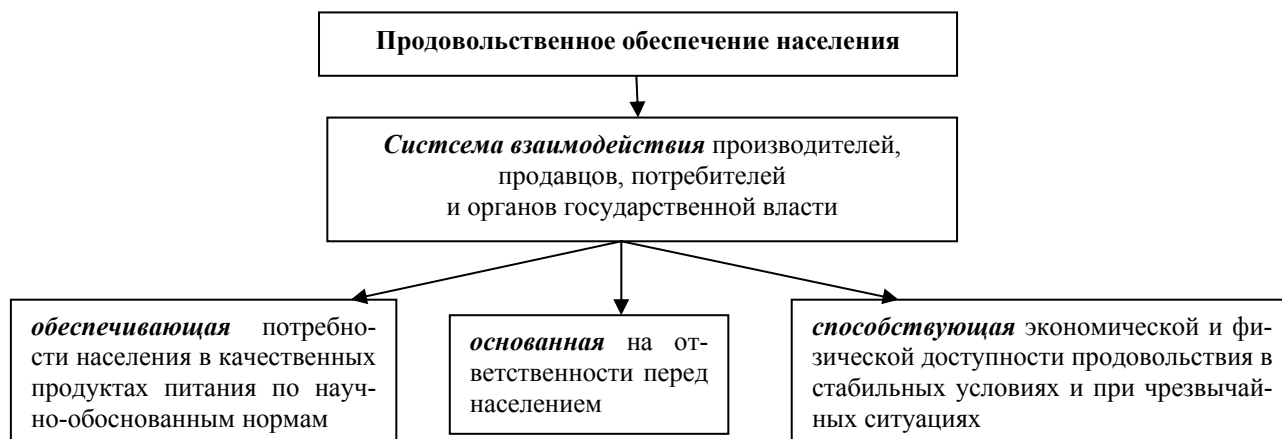

Рис. Содержание понятия «продовольственное обеспечение населения»

По нашему мнению, реализация принципа продовольственной самообеспеченности населения может обосновываться следующими обстоятельствами.

Во-первых, настоятельной потребностью системного подхода к реализации принципа продовольственного обеспечения населения является то, что он позволит осуществить структурный баланс продуктов питания, а также преодолеть деформацию структуры потребления и тем самым избежать негативных проявлений на уровне биологического развития человека.

Во-вторых, системный подход в производстве и воспроизводстве наборов продуктов питания создает базу научно-обоснованного управления физиологическими потребностями различных групп населения региона с учетом их платежеспособного спроса.

Для реализации принципа продовольственной самообеспеченности региона, по нашему мнению, следует осуществить следующие мероприятия [7, с. 210]:

– провести детальный анализ состояния агропромышленного комплекса области и объективно оценить сложившуюся ситуацию;

– обосновать применение тех или иных организационно-правовых форм хозяйствования в АПК области;

– обосновать ведущие критерии продовольственной самообеспеченности и их ресурсное обеспечение;

– разработать Концепцию корпоративных форм и методов управления АПК региона;

– принять ряд законодательных нормативно-правовых актов на региональном уровне.

Этапная реализация указанных мероприятий будет способствовать повышению качества жизни населения в целом.

Литература

1. Алтухов, А. И. Вступление России в ВТО и проблемы развития ее сельского хозяйства / А. И. Алтухов // Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО: сб. ст.: Никоновские чтения 2003. – М.: РАСХН, 2003. – С. 30 – 31.
2. Алтухов, А. И. Развитие продовольственного рынка России. – Ч. 1 / А. И. Алтухов, Г. И. Макин, М. А. Бабков. – М.: Агри-Пресс, 1999. – 336 с.
3. Восстановление всемирной платформы для продовольственной безопасности // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). – Режим доступа: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/36446/icode/> (дата обращения: 19.06.2012).
4. Губайдуллина, В. И. Государственное регулирование агропромышленного производства в целях продовольственного обеспечения региона / В. И. Губайдуллина, В. К. Нусратуллин. – Уфа: Изд-во БГАУ, 2007. – 178 с.
5. Кайгородцев, А. А. Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана (вопросы теории, методологии, практики): научная монография / А. А. Кайгородцев. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2006. – 445 с.
6. Косинский, П. Д. Кластерный подход к формированию продовольственной обеспеченности населения региона / П. Д. Косинский, Г. С. Бондарева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3(51). – С. 280 – 284.
7. Косинский, П. Д. Продовольственная самообеспеченность региона как эндогенный фактор повышения качества жизни населения (на примере Кемеровской области) / П. Д. Косинский; науч. ред. В. А. Шабашев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 230 с.
8. Косинский, П. Д. Продовольственная самообеспеченность региона и качество жизни населения / П. Д. Косинский, В. А. Шабашев. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – 304 с.

9. Кузьменкова, В. Д. Проблемы развития отечественного АПК // Системное управление. – 2010. – № 4(10). Электронное научное периодическое издание. – Режим доступа: <http://sisupr.mrsu.ru/2010-4-APK/PDF/Kuzmenkova.pdf> (дата обращения: 15.07.2012).
10. Маршалл, А. Принципы экономической науки [пер. с англ.]. – Т. 1 / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1993. – С. 415.
11. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 120 от 30 января 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=96953> (дата обращения: 18.04.2009).
12. Роднина, Н. В. Развитие системы продовольственной обеспеченности населения в условиях модернизации экономики (на примере Северо-Востока Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Н. В. Роднина. – Якутск, 2011. – 48 с.
13. Семенов, А. А. Вступление России в ВТО и продовольственная безопасность // Агропромышленная политика и вступление России в ВТО. – М.: Энциклопедия российских деревень. ВИАПИ. – 2003. – С. 64 – 66.
14. Трясцин, М. М. Управление устойчивым развитием регионального рынка продовольствия: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / М. М. Трясцин. – Пермь, 2009. – 368 с.
15. Ушачев, И. Г. Основные положения доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: доклад к Международной конференции «Проблемы обеспечения продовольственной безопасности: национальный и международный аспекты» / И. Г. Ушачев. – М.: МПА, 28 – 29 октября 2008 г. – 16 с.
16. Шабашев, В. А. Критерии и этапы достижения финансово-экономической самообеспеченности региона / В. А. Шабашев // Финансово-экономическая самодостаточность регионов: опыт, проблемы, механизм обеспечения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 10 – 15.

Информация об авторе:

Бондарева Галина Сергеевна – аспирант кафедры «Теоретической экономики, экономического моделирования и права» Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, 8 (923) 600-80-20, galina0205@mail.ru.

Galina S. Bondareva – post-graduate student at the Department of Theoretical Economics, Economic Modeling and Law, Kemerovo State Agricultural Institute.

УДК 330.34: 330.35

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е. К. Евдокимова, Л. Н. Щербакова

SPECIFICITY OF THE MODERN STAGE OF WORLD ECONOMY DEVELOPMENT

E. K. Evdokimova, L. N. Shcherbakova

Обосновывается необходимость новой модели построения экономики. Изначально анализируется противоречие между экономическим развитием и экономическим ростом, в его основе заложено противоречие между тенденцией мирового сообщества по пути социализации и наступлением предела индустриального этапа развития. Рассматриваются проблемы перехода к информационной экономике.

The necessity of developing a new model of economy is proved. Initially, the contradiction between economic development and economic growth is analyzed. It is based on the contradiction between the world community's tendency towards socialism and the approach of the limit of the industrial stage of development. The problems of transition to information economy are considered.

Ключевые слова: экономический рост, развитие, противоречия, новая модель развития.

Keywords: economic development, economic growth, contradictions, new model of development.

Состояние современного мира позволяет сделать вывод о наличии противоречия между экономическим развитием и экономическим ростом как противоречия содержания и формы. Противоречие как конфликт его сторон сформировался в рамках рыночной, индустриальной экономики. Обратимся к литературе. «Той форме экономического роста, которую породила западная цивилизация, видимо, в принципе имманентна институциональная среда, которая ставит этой форме

некие естественные пределы, достижение которых превращает ее преимущества в угрозу самому существованию человечества», – говорится в работе Д. Е. Сорокина [9, с. 58]. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и Н. Гартман предупреждали о возможных угрозах, вытекающих из нацеленности общества на реализацию тех возможностей наращивания материального богатства, которые открывали индустриальные технологии, при забвении необходимости роста духовной культу-

ры. Э. Фромм, проанализировав западную систему ценностей, сделал вывод, что индустриальный век не сумел выполнить свои великие обещания. Итак, по нашему мнению, в современных условиях экономический рост в той форме, которой он был заложен индустриальным обществом, противоречит экономическому развитию. Разрешение данного противоречия мы видим не в прекращении, замедлении экономического роста, а в формировании новой мировой экономики на основе дифференциального экономического роста, где рост в отдельных отраслях, видах производств действительно должен быть приостановлен или прекращен, другим же видам человеческой деятельности должен быть дан безграничный простор. Обоснование данной концепции мы приводим на основе следующих подходов:

- переход от макроэкономических моделей исследования к мировым моделям;
- выявление особенностей современной фазы развития человеческого общества и экономики;
- представление современной фазы развития как переходной в глобальном масштабе;
- представление проблем глобальной экономики как отражение противоречий мировой переходной экономики;
- рассмотрение современного финансового кризиса как предельного, вызывающего необходимость смены модели экономики;
- обоснование необходимости планового начала в новой модели экономического устройства мира.

Перейдем к рассмотрению одного из этих подходов. При изучении такой проблемы макроэкономики как экономический рост, по логике вещей, мы должны ограничиться методологией соответствующей дисциплины. Зачем же мы обращаемся к проблемам мировой экономики? Ответ на этот вопрос уже давно имеется в экономической науке. Со времен меркантилизма была научно обоснована необходимость выхода за пределы национальных экономик. В современных условиях существует открытость нового типа, все более закрепляется мнение о том, что свойства национальной экономики определяются структурой, тенденциями развития глобальной экономики. Так А. Лаффер в статье, посвященной присуждению Р. Манделлу премии имени Нобеля, отмечал, что последний «точно определил положение и роль в мировой экономике национальных экономик. Товары, рабочая сила, капиталы, технологии и облигации перемещаются теперь через границы стран почти так же свободно, как и внутри страны. Открытые для экономического проникновения национальные границы ставят под вопрос преимущества макроэкономических моделей, которые постулируют независимость денежной, фискальной или национальной политики в той или иной области отдельно взятой страны. По Манделлу единственно закрытая экономика – это сама мировая экономика. Национальные экономики могут быть поняты только в контексте мировой экономики. Международная экономика перестала быть вспомогательной при построении национальных макроэкономических моделей. Она стала базовой дисциплиной макроэкономики» [5].

Рассмотрим те общемировые закономерности, которые не может в данный момент игнорировать никакая-либо национальная экономика:

- человечество существует в условиях постоянной угрозы физического уничтожения или вырождения (например, от ядерной войны);
- укрепляется мнение о том, что достигнута предельно допустимая нагрузка на среду обитания человека;
- развитие биотехнологий, основанных на использовании свойств живой и неживой природы, может привести к качественным изменениям биологической природы человека;
- развитие информационных технологий, создающее глобальное информационное пространство, создает новые возможности экономического роста и в то же время, ведет к возникновению и расширению «виртуальной экономики», что, в свою очередь, может оказать самое неожиданное влияние на экономические пропорции;
- резкое ускорение процесса распространения нововведений;
- национальные хозяйства все в большей мере начинают подчиняться правилам экономического поведения в глобальном (ВТО) или региональном (ЕС) масштабах.

Еще в исследованиях советского периода выделялась проблема соотношения целого и части в экономике. Методологической основой решения данной проблемы может выступить изучение К. Марксом в «Капитале» индивидуального и общественного капиталов. В советской литературе рассматривалось общественное воспроизводство и проблемы воспроизводства на уровне социалистических предприятий. Взяв за основу диалектику целого и части, представленную в «Философских тетрадах» В. Ленина, исследователи спорили о доминировании либо целого, либо части в капиталистической и социалистической экономиках. Что касается современного периода экономической динамики, то приведенные выше положения неизбежно приводят к следующим заключениям. Современная мировая экономика обладает свойствами органической целостности, а не суммативной системы. Суммативные системы характеризуются тем, что отдельные компоненты обладают огромной степенью обособленности, так, что зависимость между ними не влияет на их сохранность. Изменения, происходящие в частях, зависят, прежде всего, от их собственных внутренних тенденций развития. Свойства таких систем качественно формируются вследствие суммирования свойств элементов системы. Если какой-то компонент исчезает, то система меняет размеры, но, по сути, не меняется. Система как органическая целостность обладает, во-первых, свойством интегративности, то есть она сама по себе имеет такие свойства, которых нет у отдельных ее частей, эти свойства не могут быть результатом суммирования. Это свойство получило название эмерджентности. Во-вторых, система как органическая целостность предполагает такое свойство, что характеристики ее отдельных компонентов существуют у нее до тех пор, пока они находятся в системе. Обобщая все вышесказанное, мы можем утверждать, что соотношение национальных

экономик и мировой экономики в современном мире соответствует логике систем как органической целостности, поэтому изучение закономерностей макроэкономики немислимо без взаимосвязи с мировой экономикой.

Становление органической целостности для человеческого общества в полной мере относится к экономической стороне его существования. Внешнеэкономические связи государств, разумеется, учитывались в деятельности национальных экономик, однако не считались определяющими. Если вспомнить модели равновесия (воспроизводства) экономистов XVIII – XIX вв., то можно заметить, что для упрощения анализа они предлагали абстрагироваться от внешней торговли. Данный подход встречается не только у К. Маркса, А. Смита, Л. Вальраса, но и в XX веке у Д. Кейнса. Объяснить этот факт можно только тем, что внешнеэкономические связи рассматривались как вторичные по значимости по сравнению с собственным производящим сектором.

В современном мире все изменилось. Современный глобальный воспроизводственный процесс ставит в зависимость социально-экономическую деятельность государств от их роли в мировом сообществе, от способа включения данной страны в мировую хозяйственную деятельность. Данная взаимозависимость объясняет и зависимость не только экономических, но и политических, социальных, моральных аспектов бытия от общемировых тенденций. Формируется мнение, что сами составные части мирового хозяйства превращаются в системы открытого типа, причем это – качественно новая открытость.

Весьма важным моментом для нашего исследования является характеристика той стадии развития, на которой находится общество в данный период. Сформировалось мнение, что стадия развития человеческого общества является особой, так как существует множество попыток по-особому охарактеризовать сегодняшнее состояние общества: «информационная экономика», «социальная экономика», «экономика знаний». Рассмотрим характеристики «информационной экономики». Как известно, в соответствии с теорией постиндустриального общества границами общественных систем являются социально-технические революции. Движение от индустриального общества к постиндустриальному произошло на основе научно-технической революции такого рода, когда наука превратилась в ведущий сектор развития общественного производства и в массовом порядке осуществляется интеллектуализация труда. Достаточно широко распространенным является высказывание, что доиндустриальное общество – это аграрная экономика, индустриальное общество – промышленная экономика, а постиндустриальное – информационная экономика.

Рассмотрим понятие и основные характеристики информационной экономики (информационного общества). В одной из самых современных работ по этой проблеме можно встретить такое ее определение: «информационная экономика – это новый тип экономики, использующий новейшие информационные технологии в формировании качественных государственных информационных фондов, предпринимательских структур, научных институтов, коммерческих

предприятий, необходимых для формирования и поддержания качественного уровня осуществляемых видов деятельности и плановых мероприятий» [3, с. 83]. Информационная экономика базируется на знаниях, более половины работников в информационной экономике заняты деятельностью по производству, хранению, обработке и распространению информации и знаний. Информационная экономика представляет собой отрасли, связанные с производством знаний, разработкой научных исследований, распространением информации и коммуникаций, индустрией переработки и передачи информации, рекламой, справочным и библиотечным обслуживанием, предоставлением финансовых услуг и страхованием, государственным управлением и др. Очень близко к понятию информационной экономики характеристика информационного общества. В соответствии с концепцией постиндустриального общества информационное общество является новой исторической фазой развития цивилизации, где главными продуктами производства выступают информация и знания. В информационном обществе изменения происходят не только в производящем секторе, но и в духовной сфере: возрастает роль духовных ценностей по сравнению с материальными. Термин «информационное общество» был введен в научный оборот в начале 1960-х годов фактически одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао. В широкий оборот термин «информационная экономика» вошел благодаря испано-американскому экономисту М. Кастельсу, который в 1996–1998 годах опубликовал трехтомную монографию «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Необходимо отметить, что существует множество терминов для определения состояния современного общества: постиндустриальное, грядущее постиндустриальное общество, новое индустриальное общество, посткапиталистическое, программируемое общество, супериндустриальное общество, постэкономическое общество. Сама постановка проблемы о принципиально новом этапе развития экономики и общества говорит о том, что человечество вступило на какую-то особую стадию развития, которую необходимо очень тщательно анализировать и делать выводы в отношении перспектив дальнейшей динамики движения общества. В связи с вышесказанным, вполне логичным является мнение, что характеристики всех названных в научной литературе состояний современного общества, имеют много общего. Термин «информационная экономика» вряд ли противоречит прочим определениям современной экономики. Рассмотрим основные критерии информационного общества, предлагаемые в литературе [4, с. 22].

1. Технологический критерий. В этом случае базовой характеристикой информационного общества является новый этап развития технологий, а именно развитие и использование компьютерных сетей, кабельного и спутникового телевидения, новых офисных технологий.

2. Экономический критерий. Данный аспект выходит на непосредственное возрастание роли информационной сферы деятельности в экономике: увеличивается доля информационного бизнеса в валовом

внутреннем продукте, растет экономическая ценность информации.

3. Трудовой критерий. Предполагается, что на этой стадии развития резко меняется удельный вес структуры занятых в пользу лиц, чья трудовая деятельность связана с созданием и использованием информации. Двигателем армии труда становится новый класс, класс интеллектуалов и технической интеллигенции.

4. Пространственный критерий. В рамках данного критерия обращается внимание на то, что мировое производство и торговля включены в систему информационных сетей, разрыв в экономическом пространстве практически исчезает, по крайней мере, снимается масса барьеров, связанных с пространственным обособлением.

5. Потребительский критерий. В потребительской сфере своей деятельности человек все больше связан с движением потоков информации.

6. Креативный критерий. Есть мнение, что в информационном обществе доминирует высшая, творческая деятельность в общественной жизни.

В целом к особенностям информационной экономики можно отнести следующие моменты. Продуктом данной экономики является не материальное, а информационное благо. В информационном обществе творческий труд доминирует над простым (физическим, ручным, неквалифицированным). В отличие от индустриального общества важнейшую роль играет не материализованный (внешний) капитал, а интеллектуальный (внутренний), к которому относятся образование, опыт, здоровье. Богатство теперь определяется не материальными ценностями, а внутренним богатством человека – системой его личностных качеств. Один из отечественных исследователей информационной экономики Б. В. Корнейчук ввел понятие креативной ценности – богатства, капитала, благосостояния. Ее смысл заключается в том, что существуют определенные блага, которые способны увеличивать продолжительность высшей деятельности человека [4, с. 24]. Поэтому потребности, благосостояние, деньги рассматриваются как явления, отвечающие данному критерию – возможности увеличения результата высшей деятельности человека. Так благосостояние должно измеряться в информационном обществе как поток креативных благ – продолжительностью творческой деятельности. Вместо рыночного обмена основная форма социальных взаимодействий – это информационный обмен продуктами творческого труда. Сам человек вместо рационально мыслящего субъекта превращается в «креативного человека».

Если сравнить теорию информационного общества с другими вариантами оценки состояния современной стадии развития человечества, то вряд ли можно обнаружить существенные различия. Обратимся к теории стадий экономического роста американского ученого У. Ростоу. В своей более поздней работе «Политика и стадии роста» (1971 г.) У. Ростоу добавляет шестую стадию «поиска качества жизни», когда на первый план выдвигается духовное развитие человека. Американский социолог Д. Белл практически отождествлял постиндустриальное общество с ин-

формационной экономикой. Автор Т. Ровинская обращает внимание на то, что хотя и есть мнение об обозначении информационного общества и постиндустриального как двух последовательных стадий общественного развития, на самом деле они являются идентичными [8, с. 81]. Нашей исследовательской задачей не является дискуссионность по этому поводу, гораздо более важной проблемой мы считаем следующее. По нашему мнению, переход к экономике и обществу нового типа не завершен. Более того, он осуществляется непросто, с элементами торможения, с наличием тенденций, носящих прямо противоположный характер. Подтверждением являются наличествующие негативные проявления глобализации. Эти проблемы широко исследованы и представлены в литературе, наша задача представить их как результат экономического роста в индустриальной форме, как проявление конфликта современного этапа экономического развития и возможностей экономического роста на рыночной основе. Как правило, к негативным проявлениям глобализации относят:

- 1) экологические проблемы;
- 2) усиление неравномерности экономического и социального развития различных стран;
- 3) проблемы национальной безопасности;
- 4) проблемы экономической безопасности;
- 5) проблемы продовольственной безопасности;
- 6) проблемы социальной безопасности.

К негативным проблемам глобализации в отдельных источниках относят голод как общественное явление, бедность (как феномен социетарного порядка) [10, с. 104; 2, с. 29 – 43].

Итак, во-первых, глобальная экономическая система достигла той критической точки, в которой проблемы загрязнения природы являются настолько серьезными, что ставят под вопрос развитие всей земной цивилизации.

Во-вторых, обостряется проблема бедности и отсталости, которая в современных условиях принимает новые формы, есть данные, что 2,6 млрд человек из 6 млрд населения Земли живут менее чем на 2 долл. в день, то есть за порогом бедности [7, с. 22].

В-третьих, проблема национальной безопасности состоит в том, что одна страна или группа стран стремятся подчинить себе другие страны в экономическом и политическом смысле, для этого используются все инструменты, вплоть до применения силы. На этой основе расширяется производство оружия, в том числе оружия массового поражения.

В-четвертых, проблема экономической безопасности, то есть ведение экономических войн.

Финансовая глобализация, то есть сосредоточение финансового капитала в руках ТНК, финансовых организаций, сосредоточение финансовой силы в руках отдельных государств, ведет к финансовому уничтожению предприятий, отраслей, секторов национального хозяйства, к обвалу финансовых рынков. Неравные выгоды получают развивающиеся страны и страны с переходной экономикой от вступления в интеграционные союзы, где они теряют доходы от снижения или отмены тарифов, от снижения уровня жиз-

ни и увеличения безработицы. В-пятых, проблема продовольственной безопасности напрямую показывает бессмысленность и проблематичность современной формы экономического роста. В то время как отдельные страны разрабатывают программы уничтожения излишков продуктов, в мире более 1 млрд человек голодают. В. Паньков, в вышеуказанной статье, добавляет такие негативные последствия глобализации как быстрое распространение финансовых кризисов; ослабление традиционных национальных систем государственного регулирования; усиление дифференциации мира на выигравших от глобализации и проигравших от нее; усиление неравномерности в доступе к достижениям научно-технического прогресса; распространение трансграничной преступности [7, с. 21].

Показанные мировые проблемы, которые ярко выражены и требуют своего разрешения, по нашему мнению, очень органично вписываются в теорию вызовов. Выявим, какие из положений теории вызовов соответствуют действительности.

Во-первых, общество столкнулось с серией задач, требующих разрешения.

Во-вторых, возникли новые обстоятельства условий функционирования человеческого общества, за которыми должны последовать необратимые изменения в структуре, содержании, формах, траектории движения системы.

В-третьих, верно и положение о том, что если люди не заметят угрозу, не отреагируют на нее, то возможно резкое ухудшение условий их существования, вплоть до полного исчезновения.

В-четвертых, в данной теории есть классификация видов вызовов по их источнику. Мы считаем, что мировая ситуация такова, что все источники вызовов налицо: произошло изменение природной среды обитания (естественно-природные); технологический вызов, так как произошла практически революция в производственных силах; геополитический вызов, так как противоречия между группами стран обострились до предела.

В-пятых, вызов носит общечеловеческий характер, так как вышеуказанные проблемы касаются всего устройства мира. О существовании различных типов вызовов говорил Дж. Стиглиц, анализируя современное устройство мира [11, с. 233].

Если подытожить все сказанное, то следует вывод о необходимости коренных перемен в экономике и обществе, причем на уровне всего мирового пространства. По нашему мнению, все человеческое общество находится в переходном состоянии, а этому состоянию соответствуют все черты переходной экономики. Транзитивность как особое состояние экономики и общества имеет свои признаки, противоречия, тенденции развития (движения).

Ввиду недавно завершившегося перехода России к новой системе отношений, наша экономическая литература практически превратила понятие переходной (транзитивной экономики) в синоним постсоциалистической экономики. Однако в литературе это понятие рассматривается как самостоятельный объект исследования. Для нашего анализа важно, что следует

из сути переходности как особого состояния экономики.

Рассмотрим черты переходной экономики.

Во-первых, неустойчивость как безвозвратность изменений. В сложившейся системе изменения, например, циклические кризисы, завершаются возвращением системы к ее исходному состоянию, в переходной – нет.

Во-вторых, альтернативность перехода, которая вытекает из многообразия факторов, но имеет определенные границы.

В-третьих, появление и функционирование особых переходных форм. Они не просто выражают «смешанное» содержание, они одновременно служат сигналом об умирании старых форм развития и указывают на направленность самого перехода.

В-четвертых, в переходной экономике особый характер присущ противоречиям, это противоречия не функционирования, а развития. Высшая стадия развития противоречий выражается в конфликтах, которые пытаются разрешить с помощью революций, реформ. Речь идет о смене систем, однако не всегда удается выбрать правильные, удачные пути перспективного развития.

Пятая черта: историчность, то есть неодинаковость переходных процессов зависит от условий переходной экономики, от особенностей региона, отдельных стран, от типа цивилизации.

Даже известные, общие закономерности переходной экономики могут принять разные формы проявления в различных условиях, не существует конкретных моделей, которые можно было бы применить при любых обстоятельствах. Обратим внимание и на тот факт, что известны разные типы переходных экономик, а именно существуют не только локальные переходные состояния, но и глобальные. Глобальный процесс изменений идет в рамках цивилизации или в масштабах всего мирового хозяйства. Именно о таком процессе изменений мы ведем речь в нашем исследовании, переход намечился в рамках всего мирового хозяйства. Обратим особое внимание на четвертую черту. Противоречия переходной экономики направлены на борьбу старой системы отношений, старых форм развития с новыми отношениями, с новыми формами развития. К старым формам развития мы отнесем отрицательные последствия экономического роста в его рыночной форме, к новым формам – наметившуюся тенденцию социализации мировой экономики, которая требует нового устройства общества и экономики. Так А. Аганбегян, говоря о глобальном прогнозе экономического развития, называет социализацию мега-трендом. Обратим, наконец, внимание и на оценку финансового кризиса, который начался в 2008 году и, по нашему мнению, не только не завершился, но и не может быть завершён в рамках существующей модели управления экономикой. В литературе можно встретить непосредственное утверждение о том, что глобальный кризис поставил под сомнение и либеральную, и кейнсианскую модели развития, показал их неприменимость для текущего момента [6, с. 115]. Современные марксисты сделали вывод, что нынешний рынок уже подошел к своим границам и что необходим переход к новому типу общественного

развития. В исследованиях по проблемам глобализации делаются подобные выводы. Так О. Богомолов делает вывод, что «рыночный фундаментализм провалил экзамен»; что появился «новый экономический гибрид»; «начат поиск новой парадигмы постиндустриального развития», где на государство возлагается большая роль [1, с. 87]. Для нашего исследования важны уточнения такого плана, что будущая модель будет базироваться на межгосударственном регулировании, элементы которого проявились в действиях антикризисного штаба «большой двадцатки» во время финансового кризиса [12, с. 26].

При обобщении всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что современный этап развития переживает фазу качественного скачка, которая противоречит наращиванию темпов роста, по крайней мере, в его прежней форме. На стадии перехода к новому состоянию необходим избирательный подход к

выбору сфер, которым предстоит развитие и тем, которые должны быть направлены по пути угасания. Как и всякая смена систем, потребуются жертвы, в данном случае экономический рост должен быть замедлен во имя последующего развития. В отличие от теории Д. Медоуза, мы не настаиваем на окончательном замедлении или остановке темпов роста, хотя и такой вариант развития возможен. Мы ведем речь именно о транзитивном состоянии мировой цивилизации, после завершения перехода возможен выход на новую траекторию развития, если человечество достойно ответит на вызовы истории. Построение новой модели роста возможно только на основе сознательного регулирования на мировом уровне в направлении отмирания рыночных форм и развития социализации экономики и общества.

Литература

1. Богомолов, О. Взаимовлияние глобального кризиса и общественно-политической мысли / О. Богомолов // МЭиМО. – 2011. – № 1.
2. Иванов, Н. Глобализация и бедность / Н. Иванов, Н. Гоффе, Г. Монусова // МЭиМО. – 2010. – № 9.
3. Информационная экономика / Э. С. Спиридонов [и др.] / под ред. Э. С. Спиридонова, М. С. Клыкова. – М.: Либроком, 2010. – 288 с.
4. Корнейчук, Б. В. Информационная экономика: учебное пособие / Б. В. Корнейчук. – СПб.: Питер, 2006. – 400 с.
5. Лаффер, А. Экономист столетия. «Крестный отец» евро Роберт Манделл вполне заслуживает этого звания / А. Лаффер // Ведомости. – 1999. – № 31.
6. Модернизация в России // МЭиМО. – 2012. – № 2.
7. Паньков, В. Глобализация экономики: QUALIS ES ET QUO VADIS? / В. Паньков // МЭиМО. – 2011. – № 1.
8. Ровинская, Т. Информационное общество: теория и практика / Т. Ровинская // МЭиМО. – 2010. – № 9.
9. Сорокин, Д. Е. Россия перед вызовом: политическая экономия ответа / Д. Е. Сорокин. – М.: Наука, 2003. – 239 с.
10. Спиридонов, И. А. Мировая экономика: учеб. пособие / И. А. Спиридонов. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 256 с.
11. Стиглиц, Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2011. – 512 с.
12. Сутырин, С. Глобальный экономический кризис как фактор трансформации международной торговой системы / С. Сутырин // МЭиМО. – 2011. – № 8.

Информация об авторах:

Евдокимова Елена Кузьминична – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета КемГУ, 8950-270-42-65, elena_evdokimova@inbox.ru.

Elena K. Evdokimova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economic Theory, Faculty of Economics, Kemerovo State University.

Щербакова Людмила Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета КемГУ, 89511623000, ludmilashc@yandex.ru.

Ludmila N. Shcherbakova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economic Theory, Faculty of Economics, Kemerovo State University.

УДК 338.242.2

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОПЕРАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕС-СИСТЕМЫ ДЕВЕЛОПМЕНТА И ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЕЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко

RESEARCH ON OPERATIONAL EXCELLENCE MEASURES TO SUBSTANTIATE INNOVATION DEVELOPMENT PATH FOR REAL ESTATE BUSINESS

O. Y. Kozirev, Y. T. Rubanik, V. V. Mikhilchenko

Показана возможность использования информационного моделирования процесса реализации инвестиционного проекта для описания и установления взаимосвязей между различными группами критериев операционной эффективности. Знание указанных взаимозависимостей позволяет установить предел производственных возможностей бизнес-системы девелопмента и определить наиболее перспективные направления ее инновационного развития.

Information approach possibilities to model different groups of operational excellence measures interrelations for investment projects has been demonstrated. This model is a tool to understand how production possibilities frontier (PPF) for real estate business is formed and to suggest a most promising paths for its innovation development.

Ключевые слова: показатели операционной эффективности, информационное моделирование, бизнес-системы девелопмента, предел производственных возможностей, траектория инновационного развития.

Keywords: operational excellence measures interrelations, Information models, real estate business, production possibilities frontier, innovation development path.

Мировая экономика живет в условиях перехода от индустриальной к постиндустриальной формации, основанной на инновациях [6]. Основоположник концепции инновации, Нобелевский лауреат Йозеф А. Шумпетер, определил инновационный процесс как процесс коммерциализации всех новых комбинаций, основанных на применении новых материалов и компонентов, введении новых процессов, открытии новых рынков, введении новых организационных форм [1]. Инновационный процесс, движимый реальными интересами людей, объективен и универсален в том смысле, что он не зависит от воли людей и протекает всегда и в любом обществе. Конкретные социальные обстоятельства и природные факторы являются лишь своеобразным катализатором этого процесса и определяют только темпы и формы его реализации.

Согласно мнению японского исследователя Маасаки Имаи [2], в индустриальной экономике, создавшей фундамент современного общества, инновационный процесс имел ключевое значение, но он носил характер технологических прорывов. В указанный период характерным «шагом» инновационного процесса являлась «технологическая модернизация», в рамках которой, по сути дела, обновлялась вся совокупность элементов «инновационной арены»: внедрялись новые материальные технологии, проектировался новый продукт, сеть его распространения и при необходимости вводились изменения в способы и методы организации и управления предприятием. Созданный в результате такого рода модернизации организационный механизм мог функционировать в практически неизменном виде годами, а иногда и десятилетиями, до тех пор, пока не происходил моральный, либо физический износ созданного производственно-технологического базиса. Такого рода «скачкообразная» динамика инновационного процесса была типовой для различных отраслей народного хозяйства

и оказывала определяющее влияние на характер стратегического поведения компаний.

Этот характер поведения бизнес-систем был описан М. Портером в концепции базовых конкурентных стратегий [5]. Каждый очередной технологический скачок, инициированный отраслевым лидером, задавал новое положение «планки эффективности» – границы предельных производственных возможностей. Граница производственных возможностей обозначает максимально достижимые (наилучшие) сочетания характеристик производительности, качества, экономической эффективности при наиболее рациональном использовании ресурсов, оптимальной настройке и согласовании реализуемых процессов. После совершения такого скачка все производители, которые желали остаться в рынке, должны были делать аналогичные инвестиции в модернизацию производства. В результате среднеотраслевая граница технологических возможностей принимала новое положение и сохранялась практически неизменной в течение длительного времени. Для того чтобы избежать лобового столкновения с конкурентами, имеющими аналогичный технологический базис, уходить от ценовых войн и сохранять высокую норму прибыльности, компании стремились занимать уникальную «стратегическую позицию». М. Портер обосновал четыре основные стратегические позиции (базовые конкурентные стратегии), которые определяются способом дифференциации (ценой или характеристиками качества), а также масштабом охвата рыночных сегментов (широкий охват или фокусирование на немногих сегментах). На рис. 1 на поле возможных стратегических позиций выделены области, соответствующие стратегиям дифференциации по цене и качеству («дешевый» и «дорогой» край). Поле стратегических позиций справа ограничено кривой предельных технологических возможностей. В соответствии с концепцией Портера,

рациональными являются только те позиции, которые принадлежат к выделенным областям, все остальные

являются проигрышными либо в кратковременной, либо в долговременной перспективе.

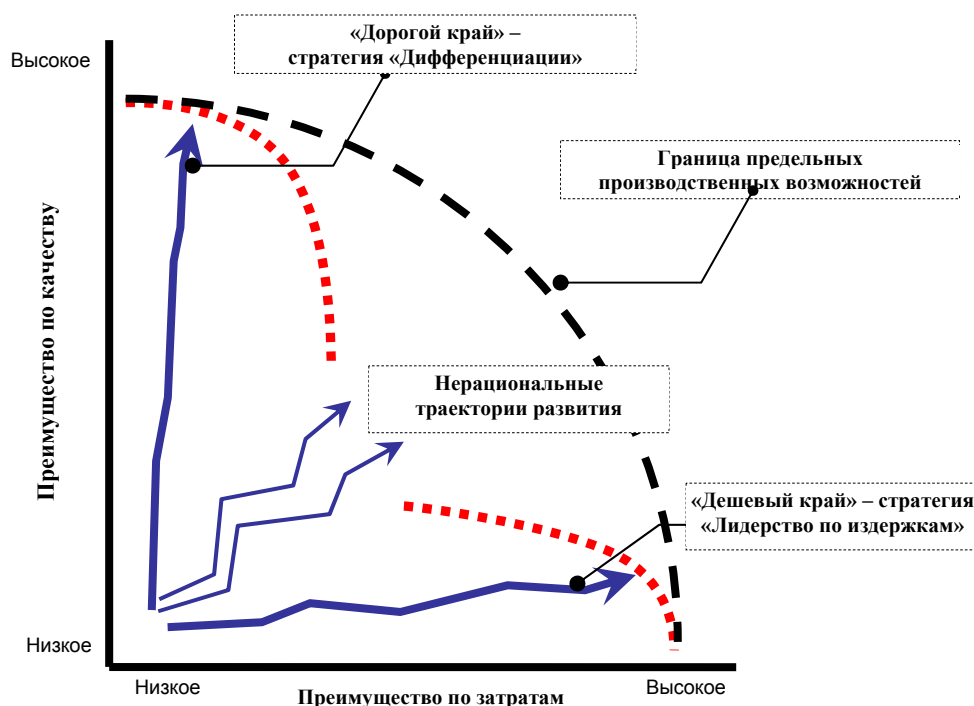

Рис. 1. Концепция стратегического позиционирования М. Портера: при приближении к пределу производственных возможностей компании вынуждены занимать одну из альтернативных стратегических позиций

Согласно современным представлениям в отличие от индустриальной в постиндустриальной экономике инновационный процесс носит непрерывный характер. Как следствие, глубокие структурные преобразования в способах производства продуктов и услуг происходят часто, т. е. временной интервал новаций не продолжителен и непрерывен.

В соответствии с [8] можно выделить две основные категории причин указанных глубоких сдвигов.

Первое — это глубокие изменения как в каждой отдельно взятой отрасли, так и в смежных отраслях за счет прорывных инноваций в области новых материалов, точных технологических процессов, микропроцессорной техники и информационных технологий, биотехнологий и др.

Второе — это изменения, связанные с насыщением товарами и услугами потребительского рынка и, как следствие, значительными изменениями потребительских приоритетов и поведения потребителей. Потребитель превратился в ключевую фигуру рынка продуктов и услуг.

Для эпохи индустриальной экономики характерными являлись массовые рынки, на которых спрос превышал предложение и для которых производилась достаточно однородная продукция весьма ограниченного ассортимента, — «массовое производство». Потребитель при этом не являлся ограничивающим фактором: потреблялось все, что производилось, и как следствие, на рынке доминировал производитель, а производственные системы выстраивались на принципах «выталкивающего производства». Для насы-

щенных же товарами и услугами рынков постиндустриальной эпохи характерна высокая степень фрагментации, т. е. распад их на многочисленные сегменты и подсегменты, что отражает разнообразие потребностей и предпочтений потребителя. Именно необходимость обслуживания такого рода фрагментированных рынков является движущей пружиной, понуждающих компании проводить непрерывные инновации в способах производства и его организации. В результате потока инноваций в любой отрасли возникает широкий спектр потенциально возможных способов повышения эффективности и сдвига границы технологических возможностей, выбора способа стратегического позиционирования. При этом универсальность, всеохватывающий характер инновационного процесса не позволяет более надежно прогнозировать и выбирать «наилучшие» варианты отраслевой модернизации, как это было в индустриальную эпоху. В новой экономике предприятия получают возможность использовать различные комбинации нововведений и реализовать существенно различающиеся траектории развития с учетом комплекса местных обстоятельств и специфики своих видов деятельности, достигая в случае удачи высокого уровня эффективности и конкурентоспособности. Качественное возрастание неопределенности в выборе траектории инновационного развития означает существенное увеличение требований к уровню профессионализма менеджмента, его методологической и методической вооруженности.

Различные отрасли народного хозяйства в разной степени подвержены постиндустриальному вызову.

«Традиционные» отрасли промышленности, выпускающие слабо дифференцируемую по качеству продукцию (сырьевые товары, энергетическое производство, массово потребляемые продукты питания и т. п.), испытывают постиндустриальное давление в относительно небольшой степени. Для этих отраслей промышленности продолжают сохраняться классические принципы обеспечения эффективности и стратегического позиционирования [8].

С наибольшей скоростью постиндустриальные изменения протекают в отраслях промышленности, непосредственно обслуживающих потребительский рынок. Одним из таких видов деятельности является, безусловно, и сфера девелопмента, которой отведена одна из ключевых ролей в решении задач модернизации российской экономики. Суть данного вида деятельности – создание и использование проектной, инжиниринговой, производственно-логистической, правовой, информационной и управленческой инфраструктуры для реализации инвестиционных проектов по созданию объектов промышленного и гражданского назначения.

Операционную эффективность указанных бизнес-систем можно оценивать по совокупности показателей, отражающих четыре группы критериев:

- результативность и производительность бизнес-системы, т. е. ее способность обнаруживать возможности для инициации выгодных проектов в сфере создания объектов недвижимости и максимально быстрой их реализации в установленные сроки;
- качество объектов недвижимости и процессов их создания;
- экономическая эффективность (затраты, рентабельность и т. д.) реализуемых проектов;
- риски, возникающие при реализации проекта по созданию объектов недвижимости.

Для каждой фирмы, действующей в сфере девелопмента, предельные значения эффективности по всем указанным группам критериев в конечном итоге определяются набором технологий, используемых бизнес-системой для реализации процессов на различных этапах жизненного цикла проекта создания объекта недвижимости.

Ясное понимание взаимосвязи между различными группами критериев и характера технологических ограничений, определяющих предел производственных возможностей, имеет критическую важность в ситуации, когда успех в конкурентной борьбе определяется оптимальным выбором траектории инновационного процесса. Это понимание дает возможность фокусировать ограниченные ресурсы и время на тех нововведениях и направлениях изменений, которые обеспечивают максимальный прирост эффективности, повышение конкурентоспособности с учетом специфических особенностей конкретного предприятия и его бизнес среды.

Многомерность, большое число и разнокачественность факторов, определяющих связь между различными группами критериев и положение границы предельных производственных возможностей, создает

значительные трудности для их идентификации, ранжирования и модельного описания. В отсутствии адекватных математических моделей менеджмент организаций в сфере девелопмента вынужден принимать стратегические решения в области повышения эффективности и выбора направлений инноваций «на ощупь», руководствуясь в основном интуицией и опытом. Проблема, однако, состоит в том, что в ситуации быстрых инновационных изменений накопленный эмпирический опыт очень быстро устаревает, обесценивается. Поэтому разработка подходов, позволяющих строить структурированные и верифицируемые математические модели потенциала эффективности бизнес системы девелопмента, вскрывающих ключевые факторы и связи и определяющих ограничения ее эффективности, является актуальной научно-практической задачей.

Ключевую проблему при построении такого рода моделей представляет проблема установления связи между различными группами критериев и выявления конфликта критериев, что необходимо для выявления факторов, ограничивающих рост эффективности, и определения направлений инновационных преобразований производственных систем.

Адекватный учет взаимодействия различных групп критериев возможен в случае, если модели всех показателей используют общую концептуальную основу. В данной работе в качестве такого рода общего концептуального основания авторы предлагают использовать информационный подход к описанию полного цикла инвестиционного проекта, включающего в себя фазы инициации, планирования и проектирования, создания и реализации объекта недвижимости.

В рамках данного подхода совокупность всех этапов инвестиционного проекта рассматривается как информационный процесс, в ходе которого происходит уменьшение исходного уровня неопределенности относительно набора и значений параметров проекта и создаваемого объекта недвижимости и формируются показатели всех четырех групп критериев операционной эффективности бизнес системы девелопмента. Отметим, что в рамках данной статьи мы ограничимся моделированием и исследованием взаимных связей только между основными группами критериев эффективности: производительности бизнес-системы, качества процесса и продукта, реализуемого и создаваемого в ходе проекта, и экономической эффективности проекта. Взаимодействие указанных групп критериев с показателями риска является темой отдельного исследования [3] и выходит за рамки настоящей статьи.

Схема информационных связей между моделями расчета основных групп критериев операционной эффективности для предприятия в сфере девелопмента представлена на рис. 2 и в наглядной форме иллюстрирует структуру связей между указанными показателями.

Рис. 2. Схема информационных связей между моделями расчета основных групп критериев операционной эффективности для предприятия в сфере девелопмента

Как следует из анализа данных рисунка 2, базовой для рассматриваемой системы моделей является модель связи между характеристиками информационной сложности инвестиционного проекта и показателями качества проектных решений создаваемого объекта недвижимости. При этом в качестве основного параметра, доступного для управления в ходе реализации проекта создания объекта недвижимости, рассматривается бюджет времени, выделенный на планирование и проектирование.

Для описания динамики уровня неопределенности и качества проектного решения в зависимости от времени выделенного на решение задач планирования и проектирования использовалась модель, предложенная в работе [4]. При этом предполагается, что остаточный уровень неопределенности, определяющий качество проектного решения на этапе планирования и проектирования – $Q_{пр}$, уменьшается по экспоненциальному закону по мере увеличения времени выделенного на решение указанных задач в рамках проекта:

$$Q_{пр} = 1 - \frac{\Delta L_{ост}}{L_{пр0}} = 1 - \exp(-t / \tau_{пр0}). \quad (1)$$

В данном выражении: $\Delta L_{ост}$ – трудоемкость работ по проектированию оставшихся неразрешенными проектными решениями; $L_{пр}$ – нормативная трудоемкость проектирования; t – фактические трудозатраты на процессы планирования и проектирования; $\tau_{пр0}$ – временной параметр, характеризующий нормативное время, необходимое для подготовки инвестиционных и проектных решений при существующем уровне организационно-управленческих технологий.

Чем ближе величина $Q_{пр}$ к единице, тем выше качество проектных и управленческих решений и тем меньше объем информационной неопределенности, которую придется разрешать на стадии создания объекта.

Отношение $K_{пр} = t / \tau_{пр0}$, входящее в (1), количественно характеризует уровень «качества проектирования». По смыслу оно характеризует резерв времени,

который может быть использован на этапе планирования и проектирования объекта. Его значение может быть как меньше единицы (выделенное на проектирование время меньше нормативного $t_{np} < t_{np0}$), так и больше единицы ($t_{np} > t_{np0}$).

Резерв времени на этапе проектирования определяет качество проектного решения, трудоемкость работ по созданию объекта и, соответственно, уровень затрат. В частности, наличие значимого объема незавершенной на этапе проектирования информационной работы можно рассматривать в качестве одной из основных причин повышения трудоемкости, роста непроизводительных затрат на этапе строительства. К сожалению, часы, не использованные на этапе проектирования, не равнозначны часам дополнительной работы на этапе строительства. В действительности в большинстве ситуаций недостаточные вложения времени на этапе проектирования оборачиваются существенно большими потерями времени на этапе строительства. Экономия на рациональных вложениях в повышение качества проектирования приводит к непропорционально большому объему затрат на этапе строительства. Чем ниже степень проработанности, рациональности проектных решений, тем больше возникает ситуаций в которых при строительстве совершаются неоптимальные, нерациональные действия, возрастают потери, простои, растут непроизводительные затраты всех видов ресурсов.

Как видно из рис. 2, на следующем этапе моделирования, исходя из полученных характеристик качества планирования и проектирования, рассчитывается интенсивность процесса создания объекта недвижимости и, как результат, время создания объекта. Для построения данной модели в настоящей работе был использован известный в теории экономики подход, основанный на описании функциональных связей между интересующими исследователя характеристиками экономической системы с помощью эмпирических степенных зависимостей. В частности, для моделирования длительности стадии создания объекта недвижимости использовался аналог «производственной функции «Кобба-Дугласа», устанавливающий связь между интенсивностью работ по созданию объекта $n_{стр}$, с одной стороны, и трудоемкостью создания объекта Q^a , с другой, которая, в свою очередь, зависит от остаточной после завершения фазы планирования и проектирования информационной сложности [7].

$$n_{стр} = n_{стр0} \cdot Q^a, \quad (2)$$

где $n_{стр0}$ — максимально возможная интенсивность создания объекта; a — подбираемый параметр, характеризующий вид и степень крутизны зависимости интенсивности работ от качества проектных решений.

В соответствии со структурой схемы информационных связей (рис. 2), на заключительном этапе исследования устанавливается связь между характеристиками информационной сложности и показателями экономической эффективности проекта. В основу модели положена зависимость для полных затрат на реализацию инвестиционного проекта по созданию объекта недвижимости.

$$C_{полн} = C_{пр}(S, Q_{пр}) + C_{стр}(S, n_{стр}). \quad (3)$$

В соответствии с (3), затраты на реализацию фазы инвестиционного планирования и проектирования $C_{пр}$ определяются масштабом проекта (S) и качеством процесса планирования $Q_{пр}$. Затраты на реализацию фазы создания объекта недвижимости $C_{стр}$ определяются как сумма различных видов затрат, уровень которых также зависит от масштаба объекта (S) и интенсивности ведения работ $n_{стр}$.

Параметры математических моделей производственной мощности и экономической эффективности (1) – (3) подбирались на основе фактических данных деятельности ассоциации строительных компаний «Промстрой» (Кемеровская область).

В соответствии с данными указанной компании, характеристика интенсивности создания объекта недвижимости колеблется в диапазоне $n_{стр0} = 100 - 200 \text{ м}^2/\text{неделю}$, время планирования и проектирования по проекту создания объекта недвижимости $t_{пр}$ варьируется в диапазоне 12 – 18 месяцев. При этом значение коэффициента резерва времени, равное отношению фактической длительности периода планирования и проектирования к нормативному значению на различных проектах создания объекта недвижимости, колеблется в диапазоне $K_{пр} \approx 0,5 \div 2,5$.

Анализ предложенных моделей показал, что значения показателей всех трех исследуемых групп критериев в основном определялись двумя общими причинными факторами, отражающими силу взаимных связей между различными группами критериев и, соответственно, предельные значения характеризующих их показателей эффективности.

Первым общим причинным фактором является уровень исходной информационной сложности проекта по созданию объекта недвижимости. Этот уровень можно характеризовать количеством решений, которые необходимо принять относительно структуры создаваемого объекта недвижимости и процесса его создания. Уровень информационной сложности зависит как от масштаба создаваемого объекта (S), так и от неоднородности и предсказуемости структуры объекта и среды, в которой он формируется и затем используется.

Вторым общим причинным фактором является показатель тщательности проработки вопросов планирования и проектирования на этапах, предшествующих моменту начала «физического» создания объекта недвижимости ($K_{пр}$). Данный параметр определяет качество процесса инвестиционного планирования и проектирования объекта недвижимости, поскольку он определяет остаточный уровень неопределенности, который предстоит разрешать непосредственно в ходе создания объекта.

Результаты моделирования показали, что суммарное значение времени строительства имеет отчетливо выраженную зону минимума в диапазоне значений резерва времени $t/t_0 \approx 0,6 \div 1,1$ (рис. 3).

Таким образом, если инвестор стремится минимизировать суммарное время реализации проекта, рациональным и оправданным представляется существенное сокращение затрат времени на проектирование и передача примерно 25 – 30 % объема этих задач на этап создания объекта недвижимости.

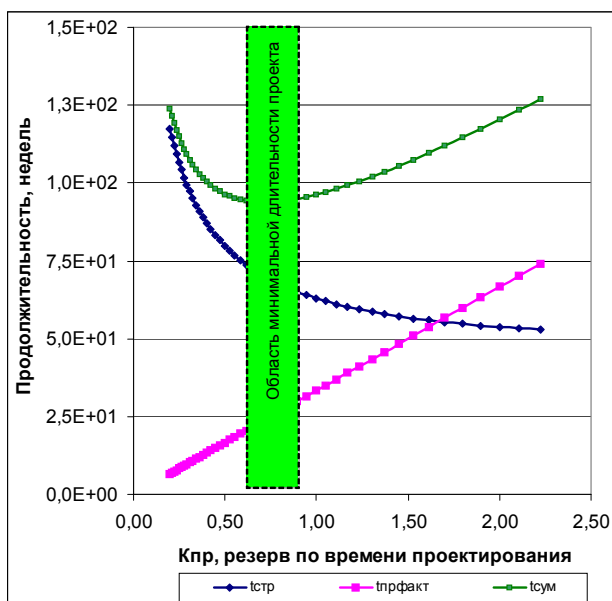

Рис. 3. Влияние резерва времени на этапе принятия проектных решений ($K_{пр}$) на длительность этапа создания объекта недвижимости ($t_{стр}$) и суммарную продолжительность времени инвестиционного проекта ($t_{сум}$)

В то же время максимум экономической эффективности инвестиционного проекта по критерию операционной рентабельности (OR) достигается при прямо противоположной политике (рис. 4), т. е. в случае максимально тщательного планирования и проектирования проекта, что предполагает увеличение времени на эти процессы на 40 – 50 % по сравнению с нормативным ($K_{пр} \approx 1,4 \div 1,5$).

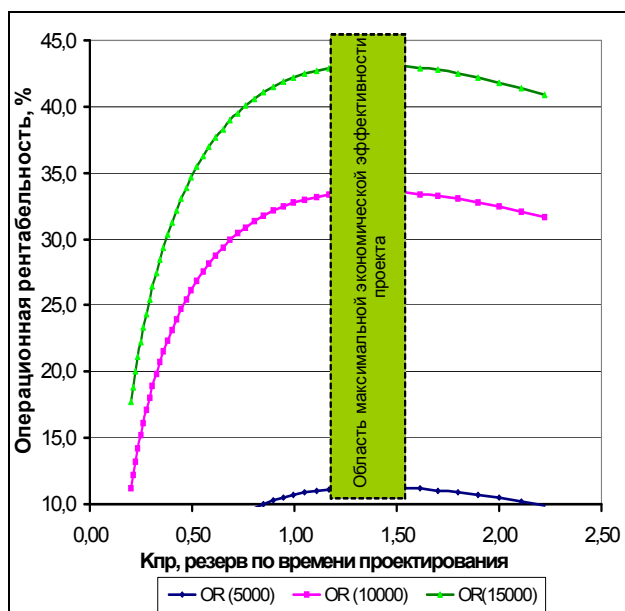

Рис. 4. Зависимость операционной рентабельности (OR) строительного проекта от величины резерва времени на этапе проектирования ($K_{пр}$) для проектов различного масштаба: 5000 м², 10000 м² и 15000 м²

Анализ 3 и 4 рисунков позволяет сделать следующие промежуточные выводы.

1. В бизнес-системе девелопмента имеет место тесная взаимосвязь между тремя основными показателями операционной эффективности: характеристиками производительности, качества и экономической эффективности проекта.

2. В диапазоне значений параметров, характеризующих реальную и успешную бизнес-систему девелопмента, отчетливо выражен конфликт между критериями производительности (скоростью реализации инвестиционного проекта) и уровнем экономической эффективности проекта.

Конфликт критериев всегда указывает на появление ограничения для дальнейшего роста эффективности. Анализируя систему конфликтов можно выделить ведущее ограничение, снятие которого позволяет системе перейти на новый уровень эффективности.

В процессе дальнейшего исследования было установлено, что на границе кривой предельных производственных возможностей анализируемой бизнес-системы девелопмента диапазон изменения значений критериев производительности и рентабельности инвестиционного проекта относительно мал и не превышает величины 10 % от их средних значений. Однако относительная значимость указанного диапазона изменений для каждого критерия существенно различна. Возможность повысить прибыльность на 10 % должна рассматриваться как очень значимый стимул для формирования соответствующего поведения бизнеса на практике. В то же время возможность сокращения продолжительности проекта на 10 % не может рассматриваться как фактор, в значительной степени определяющий поведение инвесторов.

Данное обстоятельство со всей убедительностью показывает, что для компании девелопера, на примере которой были определены параметры модели (1) – (3), ведущим ограничением для роста экономической эффективности проектов является производительность бизнес системы, т. е. скорость реализации проектов по созданию объектов недвижимости. Этот вывод в полной мере согласуется и с основным положением «теории ограничений», в соответствии с которым «узкое место» системы определяется как элемент, относительное изменение пропускной способности которого в наибольшей степени изменяет производительность системы в целом.

Соответственно, можно утверждать, что приоритетными направлениями инноваций в сфере девелопмента являются такие изменения используемых организационно-управленческих, информационных и производственных технологий, которые приводят к сокращению времени реализации инвестиционного проекта без инновационных преобразований системы, но только за счет перераспределения бюджета времени по проекту и совмещения во времени процессов проектирования и работ по сооружению объекта недвижимости, проблемы не решает, так как система с присущей ей пределом ее производственных возможностей остается неизменной.

Отметим здесь, что вывод о приоритетности инноваций, направленных на сокращение полной про-

должительности проекта, хотя и не выглядит необычным, но тем не менее не является и тривиальным. Дело в том, что в отраслевой практике при обсуждении вариантов инновационного развития в качестве критериев оценки перспективности инноваций, безусловно, преобладают показатели затрат и качества объектов деvelopeмента. Смещение фокуса внимания руководства, инженерных служб и подразделений организационного развития в направлении приоритетного сокращения продолжительности проектов за счет инновационных преобразований системы позволяет значительно повысить уровень экономической эффективности реализуемых проектов и, как следствие, существенно повысить отдачу от вкладываемых в инновационное развитие ресурсов.

Таким образом, моделирование взаимных связей показателей операционной эффективности и оценка предела производственных возможностей является ценным инструментом в арсенале руководителей компаний, действующих в отраслях с быстрыми и глубокими инновационными изменениями. Использование данного инструмента позволяет обнаружить ведущие ограничения для роста эффективности, фокусировать ресурсы на приоритетных направлениях и обеспечивать необходимый уровень конкурентоспособности за счет высоких темпов инновационного процесса.

Литература

1. Гершман, М. А. Инновационный менеджмент / М. А. Гершман. – М.: Маркет ДС, 2008. – 200 с.
2. Масааки Имаи. Кайдзен. Путь к успеху японских компаний / Масааки Имаи; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 274 с.
3. Козырев, О. Ю. Численная оценка риска инвестиционного проекта, обусловленного циклическими изменениями активности деловой среды / О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко // Вестник КемГУ. – 2013. – № 3.
4. Козырев, О. Ю. Риск-менеджмент как необходимый компонент системы управления эффективностью бизнеса, функционирующего в неопределенных и изменчивых условиях рыночной среды / О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко // Вестник КемГУ. – 2012. – № 3. – С. 266 – 272.
5. Портер, М. Конкуренция / М. Портер. – М.: Вильямс, 2010. – 592 с.
6. Тофлер, Э. Шок Будущего / Э. Тофлер. – М.: АСТ, 2008. – 575 с.
7. Экономика. Толковый словарь. – М.: ИНФРА-М: Весь Мир. Дж. Блэк, 2000.
8. Pine, J. B. Mass Customization / J. Pine. – Harvard Business Review Press, 1993. – 368 p.

Информация об авторах:

Козырев Олег Юрьевич – соискатель кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8(3842) 25-49-90.

Oleg Yu. Kozyrev – Post graduate student in Economical Science department of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University.

Рубаник Юрий Тимофеевич – доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8(3842) 39-63-03, rubanik@nm.ru.

Yuri T. Rubanik – Doctor of Science (Engineering), Senior Research Fellow, Professor of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University, State and Municipal Management Department.

Михальченко Вадим Владимирович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8 923 610 63 28, v.mikhalchenko@mail.ru.

Vadim V. Mikhalchenko – Doctor of Science (Economy), Professor of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University, Economical Science Department.

ЧИСЛЕННАЯ ОЦЕНКА РИСКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА, ОБУСЛОВЛЕННОГО ЦИКЛИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ АКТИВНОСТИ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ

О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко

QUANTITATIVE EVALUATION OF INVESTMENT PROJECT'S RISK CAUSED BY BUSINESS ENVIRONMENT ACTIVITY CYCLIC VARIATIONS

O. Y. Kozirev, Y. T. Rubanik, V. V. Mikhachenko

Обоснована актуальность и предложена модель количественной оценки инвестиционного риска, возможность возникновения которого обусловлена циклическими изменениями деловой активности бизнес-среды.

Practical actuality is substantiated and quantitative models for evaluation of investment project's risk caused by cyclic variation of business environment economical activity suggested.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, риск-менеджмент, модели, циклы экономической активности.

Keywords: investment project, risk management, quantitative model, economical cycles.

В современной экономике есть виды деятельности, где наряду с высокой значимостью показателей экономической эффективности, чрезвычайно высокую значимость имеют показатели риска и, в частности, риска, возникновение которого обусловлено фундаментальным законом развития рыночной экономики – ее цикличностью. Это, как правило, деятельность, связанная с так называемыми «длинными деньгами». К таким видам бизнеса относится, например, предпринимательская деятельность, связанная с созданием объектов недвижимости и организацией соответствующих процессов – девелопмент. Этот вид деятельности весьма чувствителен к указанным условиям. Циклические изменения экономической активности деловой среды и периодическое ухудшение рыночной конъюнктуры предопределяют возникновение риска снижения спроса на создаваемые объекты недвижимости и, как следствие, омертвления капитала. Для указанных видов бизнеса жизненно необходимо уметь предвидеть и минимизировать негативные последствия возможных рисков. И несмотря на то, что риски постоянно находятся в фокусе внимания руководителей, они, как правило, не оцениваются и не учитываются количественно. В отличие от основных экономических критериев эффективности, учет рисков инвестиционного проекта осуществляется качественно, на основе опыта и интуитивного подхода. В силу специфики исторического пути развития России в предпринимательском сообществе до последнего времени практически отсутствует опыт ведения бизнеса в среде, для которой возможность экономического спада является частью «нормальной» бизнес-практики.

Отмеченное определяет научную актуальность и практическую значимость вопросов анализа и разработки предложений по оптимизации параметров инвестиционных проектов бизнеса, чувствительного к циклическим изменениям экономической активности деловой среды, не только по комплексу критериев экономической эффективности, но и на основе анализа результатов количественных оценок рисков.

Для решения данной задачи необходимо дополнить систему количественного анализа ожидаемых результатов инвестиционных проектов по основным

критериям операционной эффективности моделью количественной оценки рисков.

Наиболее соответствующим указанным условиям инструментом анализа, по мнению авторов, является известный в управленческой практике метод FMEA – метод анализа видов и источников возникновения рисков (FMEA – Failure Mode Effect Analysis) [5].

Величина риска R в рамках данного метода определяется в виде произведения трех причинных факторов его проявления:

$$R = FR_1 \cdot FR_2 \cdot FR_3, \quad (1)$$

где FR_1 – оценка возможности появления нежелательного события;

FR_2 – оценка степени потенциального ущерба от возникновения нежелательного события;

FR_3 – оценка трудности заблаговременного обнаружения нежелательного события.

Проблема, решение которой предлагается ниже, заключается в том, каким образом критерий R_i , характеризующий конкретный фактор риска, связать с параметрами инвестиционного проекта.

Для оценки фактора риска FR_1 , т. е. возможности в ходе выполнения инвестиционного проекта столкнуться с ситуацией падения экономической активности, авторы предлагают использовать отношение суммарной длительности инвестиционного проекта ($t_{стр}$) к продолжительности инвестиционного периода ($T_{экон} - t_0$), т. е. времени оставшегося от момента старта проекта, когда $t = t_0$, до ожидаемого момента максимального спада экономической активности:

$$FR_1 = \frac{t_{стр}}{(T_{экон} - t_0)}, \quad (2)$$

где $T_{экон}$ – период цикла экономической активности.

Раскроем смысл предлагаемого соотношения по оценке возможности появления нежелательного события FR_1 . Колебания рыночной макроэкономической конъюнктуры предопределяют высокую степень возможности возникновения характерного для сферы девелопмента типа риска – риска снижения спроса как проявления последствий спада экономической активности. Для сферы девелопмента вероятность риска столкнуться с периодом спада спроса на рынке жилья

качественно изменяется в зависимости от положения момента старта проекта по отношению к характерным точкам цикла экономической активности. Рис. 1 иллюстрирует характерные ситуации при реализации инвестиционных проектов в сфере деvelopeмента. Эти ситуации отличаются положением момента старта инвестиционного проекта относительно начала цикла экономической активности и продолжительностью данного проекта. В зависимости от сочетания указанных параметров окончание проекта может приходиться на различные фазы макроэкономического цикла и, в частности, совпасть с моментом фазы спада, что предопределяет возможность возникновения существенных рисков.

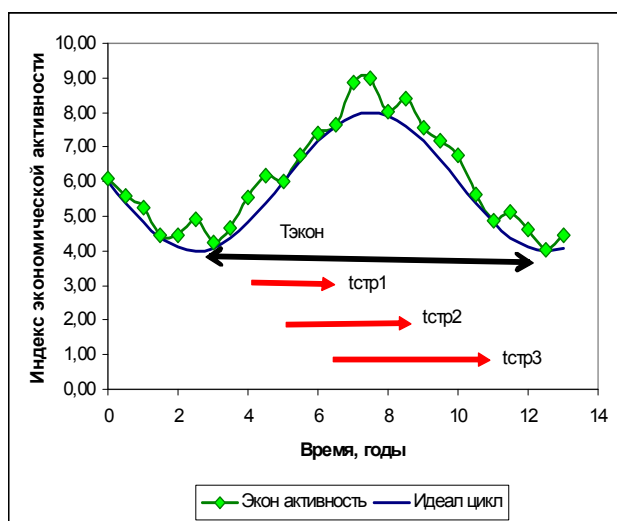

Рис. 1. Характерные ситуации, возникающие при различных положениях начала инвестиционного проекта относительно характерных точек цикла экономической активности

($T_{\text{экон}}$ — период цикла экономической активности, принят равным 10 лет)

«Инвестор» оценивает рыночную ситуацию как благоприятную для реализации проекта, если последний начинается и заканчивается в период восходящей ветки экономической активности.

Если же прогнозируемое завершение момента строительства приходится на нисходящую ветку экономического цикла, то тогда экономическая ситуация будет оцениваться «инвестором» как неблагоприятная.

Так, например, если проект стартует в начале цикла и продолжительность проекта составляет 2,0 – 2,5 года ($t_{\text{стр1}}$ на рис. 1), тогда у него есть примерно 4 – 5 лет до наступления следующего периода значимого экономического спада. В этом случае инвестор может характеризовать возможность экономического спада как «незначительную» или «низкую».

Аналогично, если проект начинается на фазе экономического подъема, и завершается в период близкий к середине экономического цикла ($t_{\text{стр2}}$ на рис. 1), тогда оценка риска для проекта принимается как «умеренная».

Но если длительность проекта превышает 4 – 5 лет, и он начинается близко к середине экономиче-

ского цикла, а завершается в заключительной его трети ($t_{\text{стр3}}$ на рис. 1), то возможность существенного спада спроса на момент завершения строительства можно охарактеризовать как «большую» или «очень большую».

Если же момент окончания проекта приходится на заключительную треть экономического цикла, то оценка риска оценивается как «очень высокая».

В реальной жизни экономические процессы формируются в результате действия исключительно большого числа сложных, зачастую нелинейных связей и поэтому и период цикла экономической активности, и формы кривых для различных индикаторов экономической активности подвержены значительной изменчивости. Например, на реальных кривых экономической активности даже в момент непосредственного приближения к периоду спада могут наблюдаться «ложные» локальные всплески, которые могут быть интерпретированы участниками рынка как свидетельства продолжения и даже ускорения роста. Такие предположения тем более возможны, что период экономической активности может колебаться в значительных пределах от 8 до 16 лет [2; 3].

Отличие реальной зависимости экономического цикла от идеальной и создает существенную зону неопределенности, открывает возможности для различных видов поведения субъектов рыночной экономики. Одни руководители (инвесторы) будут склонны к консервативному типу поведения, стремиться минимизировать риски, и поэтому исходить при принятии решений о начале проекта и условиях его финансирования из наиболее пессимистических оценок. Минимизация риска будет оплачена этим типом инвесторов, потерей потенциальных выгод проекта. Другие субъекты, более склонные к риску, могут полагаться на оптимистичный вариант развития экономической ситуации. Большая склонность к риску дает шанс лучше использовать возможности проекта в зоне неопределенности, но плата за это может оказаться весьма высокой.

С учетом изложенного выражение (2) адекватно характеризует возможность возникновения нежелательного события FR_1 — возникновения спада спроса за время реализации инвестиционного проекта. Числитель этого выражения представляет собой длительность проекта. Т. е. в предлагаемой модели возможность возникновения нежелательного события возрастает линейно с ростом продолжительности проекта. Знаменатель выражения (2) представляет собой оценку времени, имеющегося в распоряжении инвестора от момента старта проекта до начала периода экономического спада, и, таким образом, чем больше «безопасный» период времени, имеющийся в распоряжении инвестора для завершения проекта таким образом, чтобы его окончание не попало на момент «разгара» кризиса, тем меньше величина риска FR_1 .

Рациональность такого выбора критерия подтверждается наблюдениями за практикой работы девелоперских компаний: большинство из них стремятся максимально снизить общую длительность инвестиционного проекта и, прежде всего, за счет сокращения продолжительности фазы проектирования, тем самым минимизировать величину риска FR_1 .

Однако сокращение времени проектирования порождает иные проблемы в реализации инвестиционного проекта, но это является темой отдельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи.

Следующим в модели (1) является фактор риска **FR₂**, который дает оценку величины ущерба для инвестора проекта в ситуации существенного снижения экономической активности и падения спроса на создаваемые объекты недвижимости. Характер возникающих при этом потерь весьма многообразен: здесь для бизнеса кроме экономических потерь возможны потери репутационные, юридические, социальные, психологические и др. При этом с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что первопричиной всех других видов потерь является только одна – связывание капитала в проекте. Однако следует определиться, о каком связывании капитала идет речь, какой именно критерий, отражающий связывание капитала в проекте мог бы адекватно охарактеризовать риск потерь?

По мнению авторов, наиболее часто используемый на практике критерий «упущенная выгода», качественно и интуитивно учитываемый экспертами и инвесторами при оценке рисков проекта, дает в рассматриваемой ситуации некорректные результаты и не в полной мере отражает характер ущерба. Для достижения поставленных целей, авторы предлагают использовать иной критерий – критерий «временной связки капитала», предложенный И. Голдратом [1].

$$FR_2 = I_{cp} \cdot t_{св} \approx \frac{I_k}{2} \cdot (t_{np} + t_p). \quad (3)$$

В данном выражении I_{cp} – среднее значение капитала связанного в проекте; $t_{св}$ – время связывания капитала в проекте; I_k – величина капитала, связанного в проекте в момент завершения создания объекта недвижимости, t_{np} – период от начала инвестиций по проекту до завершения создания объекта; t_p – длительность периода реализации объекта.

Критерий «связка капитала» оказывается существенно более жестким, чем критерий «упущенная выгода» в оценке ущерба от увеличения длительности создания объекта или его реализации. Дело в том, что в соответствии с выражением (3), рост параметра «связка капитала» начинается немедленно с началом финансирования проекта. При этом «временная связка капитала» возрастает по квадратичному закону с момента начала инвестиций до момента завершения последних. Важно и то, что после завершения инвестирования временная связка продолжает нарастать по линейному закону до тех пор, пока весь инвестированный в проект капитал не вернется к инвестору, и хотя бы часть его остается связанной в созданном объекте недвижимости.

Фактор **FR₃** в модели (1) учитывает трудность заблаговременного обнаружения (прогноза) приближающегося спада экономической активности – снижения спроса. Наличие такого прогноза имеет большую ценность для практики, так как позволяет заранее принять меры, ограничивающие ущерб и потери инвестора в результате наступления кризиса.

Практика рыночной экономики свидетельствуют о том, что наступление макроэкономического кризиса

является практически достоверным событием, т. е. кризис рано или поздно придет. Однако момент наступления этого события колеблется в достаточно широком диапазоне от 8 до 16 лет. Это означает, что в практике управления возможность наступления кризиса и спада спроса следует рассматривать как случайное событие, которое с высокой степенью надежности может быть предсказано на определенном временном рубеже – горизонте прогноза $T_{прог}$.

Опыт прохождения кризисов 1989 г. и 2008 г. показывает, что ряд научных центров и отдельных ученых прогнозировали наступление данных событий за 1,5 – 2 года до их реального развития. Поэтому значение $T_{прог} = 1,5$ года было принята нами в качестве оценки величины горизонта прогнозирования. При принятом значении параметра $T_{прог}$ в качестве количественной меры трудности предсказания экономической ситуации на момент старта инвестиционного проекта нами предлагается использовать отношение:

$$FR_3 = \frac{t_{np}}{T_{прог}}, \quad (4)$$

где t_{np} – период от момент инициации проекта до создания объекта.

Соотношения (1) – (4) использовались для математического моделирования и оценки уровня инвестиционного риска, связанного с колебаниями уровня макроэкономической активности. При проведении расчетов в работе использовались данные реальных инвестиционных проектов из практики ассоциации строительных компаний «Промстрой» (Кемеровская область).

Для расчета значений параметров инвестиционного проекта, входящих в выражения (1) – (4) использовалась математическая модель оценки эффективности бизнес-проекта девелопмента, описанная в работе [4]. Моделирование значений указанных параметров и соответствующих им значений риска, связанного с падением рынка в результате общего спада макроэкономической активности, осуществлялось в диапазоне значений величины бюджета времени, затрачиваемого на этапах технико-экономического обоснования, планирования, проектирования и создания объекта недвижимости. Для характеристики величины бюджета времени использовался параметр $K_{np} = t/\tau_{np0}$ – резерв времени на этапе проектирования, характеризующий отношение фактического бюджета времени (t) к нормативному значению (τ_{np0}), зависящему от масштаба проекта и его сложности.

Резерв времени на этапе проектирования определяет качество проектного решения, трудоемкость работ по созданию объекта и, соответственно, уровень затрат. В частности, дефицит времени на этапе планирования и проектирования предопределяет повышение уровня неопределенности, так как имеет место незавершенная на этапе проектирования информационная работа, что можно рассматривать в качестве одной из основных причин повышения трудоемкости и роста непроизводительных затрат на этапе строительства. Чем ниже степень проработанности проектных решений, тем больше возникает ситуаций, в которых при строительстве совершаются неоптималь-

ные, нерациональные действия, возрастают потери, простой, растут непроизводительные затраты всех видов ресурсов.

Величина параметра $K_{пр}$, таким образом, непосредственно характеризует степень тщательности планирования и проектирования объекта. С другой стороны, она косвенно характеризует подход к управлению рисками в рамках конкретного проекта. «Низкие» значения данного параметра ($K_{пр} < 1$) соответствуют стратегии минимизации времени реализации проекта. Это означает минимизацию риска возможности в ходе выполнения инвестиционного проекта столкнуться с ситуацией падения спроса в результате спада экономической активности, однако возрастают риски возрастания затрат ресурсов и времени реализации проекта вследствие ошибок планирования. При высоких значениях данного параметра ($K_{пр} \geq 1$) уменьшается вероятность плановых и проектных ошибок и связанных с ними потерь ресурсов и времени. Однако при этом возрастает общая продолжительность инвестиционного проекта и, следовательно, риск, связанный с возможностью спада спроса в период реализации проекта. Таким образом, выбор значения параметра $K_{пр}$ может служить удобным инструментом, дающим инвестору возможность гибко управлять соотношением рисков и затрат инвестиционного проекта.

В зависимости от значений $K_{пр}$ абсолютное значение показателя риска изменяется в широких пределах, от значений малых, «незначительных» рисков, до очень больших, «запретительных». В то же время в диапазоне изменения параметров $K_{пр}$ существует область минимального риска, которая может быть интерпретирована как «окно наилучших возможностей» для реализации проекта.

Основными параметрами, определяющими ширину окна возможностей и уровень риска для инвестиционного проекта, является масштаб проекта и сдвиг момента старта проекта относительно начала экономического цикла.

Абсолютное значение уровня риска и ширина окна возможностей для реализации инвестиционного проекта значимо изменяется в зависимости от момента старта проекта. Окно возможностей максимально в случае старта проекта в ранней стадии подъема экономического цикла и сужается по мере сдвига момента старта на более поздние стадии экономического цикла.

Для проектов малого масштаба фактор риска с практической точки зрения не оказывает влияния на принятие решения об оптимальном значении бюджета

времени на планирование и проектирование. В этом случае возможно выбирать данное значение, ориентируясь лишь на минимизацию суммарных затрат проекта и, соответственно, его максимальную прибыльность и рентабельность.

При больших масштабах проекта учет фактора риска является критически важным при определении «оптимального» уровня временных затрат на стадию планирования и проектирования. В этом случае абсолютное значение риска оказывается существенно более высоким, т. е. «окно возможностей» сужается.

Уровень риска значимо влияет на выбор параметров проектов с масштабом более 10 – 20 тыс. м².

В этом случае отчетливо проявляется многоаспектность и разнонаправленность влияния показателя тщательности планирования и проектирования на характеристики эффективности инвестиционного проекта. Одинаково рискованными оказываются как попытки избыточной экономии на планировании ($K_{пр} < 0,6$), так и чрезмерное «затягивание» плановой фазы ($K_{пр} > 1,5$). Ошибки такого рода могут вывести проект в зону пограничного или даже высокого риска.

Если с увеличением сдвига времени начала проекта по отношению к началу цикла экономической активности риск возрастает линейно, то с ростом масштаба проекта он растет по степенному закону $FR \sim S^{\alpha}$, более резкому, чем квадратичный ($\alpha > 2$). Указанные особенности рассматриваемых зависимостей, по всей видимости, определяются характером используемой модели риска: с ростом масштаба проекта увеличивается его длительность и соответственно вероятность спада спроса (растет фактор FR_1), а также увеличивается величина капитала связываемого в проекте (растет фактор FR_2).

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что факторная модель риска, основанная на методологии FMEA, является адекватным инструментом для анализа видов и источников возникновения риска в практике управления инвестиционными проектами. Несмотря на стохастический характер колебаний уровня макроэкономической активности, она позволяет получать логически обоснованные количественные оценки риска, связанного с колебаниями макроэкономической активности. Это позволяет переходить от интуитивных оценок рисков к объективным показателям и, следовательно, повышать качество управления, создавать более совершенные корпоративные системы «риск-менеджмента» и, как следствие, заблаговременно вносить существенные и весьма важные корректировки в параметры инвестиционных проектов.

Литература

1. Голдратт, Э. Цель: процесс непрерывного совершенствования / Э. Голдратт, Д. Кокс. – М.: Попурри, 2004. – 560 с.
2. Два века кризисов: хронология мировых экономических потрясений // РИА Новости. – Режим доступа: http://ria.ru/crisis_mm/20081210/156911426.html
3. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев, Ю. В. Яковец, Л. И. Абалкин. – М.: Экономика, 2002. – 766 с.
4. Козырев, О. Ю. Исследование показателей операционной эффективности бизнес-системы деvelopeмента и обоснование перспективных направлений ее инновационного развития / О. Ю. Козырев, Ю. Т. Рубаник, В. В. Михальченко // Вестник КемГУ. – 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 245 – 251.

5. Менеджмент риска. Метод анализа видов и последствий отказов. IEC 60812:2066 (Analysis techniques for system reliability – Procedure for failure mode and effects analysis (FMEA)). – М.: Стандартинформ, 2008. – 71 с.

Информация об авторах:

Козырев Олег Юрьевич – соискатель кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8(3842) 25-49-90.

Oleg Yu. Kozurev – Post graduate student in Economical Science department of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University.

Рубаник Юрий Тимофеевич – доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8(3842) 39-63-03, rubanik@nm.ru.

Yuri T. Rubanik – Doctor of Science (Engineering), Senior Research Fellow, Professor of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University, State and Municipal Management Department.

Михальченко Вадим Владимирович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8 923 610 63 28, v.mikhalchenko@mail.ru.

Vadim V. Mikhachenko – Doctor of Science (Economy), Professor of Gorbachev T. F. Kuzbass State Technical University, Economical Science Department

УДК 338.49

РАЗВЕРТЫВАНИЕ МАРКЕТИНГА ПО УРОВНЯМ УПРАВЛЕНИЯ

А.М. Лавров, И.А. Уншиков

DEPLOYING MARKETING ON THE LEVELS OF CONTROL

A. M. Lavrov, I. A. Unshchikov

Аннотация: в статье рассматривается подход к разработке моделей многоуровневого управления развитием территорий и отраслей и сфер деятельности. Описываются предпосылки к горизонтальной интеграции территориального и отраслевого маркетинга на каждом уровне многоуровневой системы территориального управления государством. Предлагается схема вертикального развертывания маркетинга по уровням управления. В ходе анализа многоуровневой системы управления рассматриваются три уровня управления: микроуровень, мезоуровень и макроуровень. На мезоуровне управления выделяются три подуровня: муниципальный, региональный и окружной. Предметом исследования является социально-экономическое развитие территорий и отраслей субъекта управления. Объектом исследования выступает маркетинг как инструмент в многоуровневой системе управления территориями и отраслями. Целью исследования является определение возможностей развертывания маркетинга в многоуровневой системе управления территориями и отраслями, формирование научного подхода для широкой интеграции маркетинга для построения нового типа моделей управления. Целесообразность интеграции территориального и отраслевого маркетинга определяется их общими целями.

Annotation: the paper considers an approach to the development of models of multi-level governance development of territories and sectors and spheres of activity. There is presupposition to the horizontal integration of industrial and territorial marketing at each level of a multilevel system of territorial administration of the state. Proposed scheme of vertical deployment marketing of control levels. In the course of analysis of multilevel system of governance, examines three management levels: micro, meso and macro level. At the meso-level management there are three sub-levels: municipal, regional and district. Object of research is social-economic development of territories and sectors of the subject of management. The object of research is marketing as a tool in a multi-tier system of management of territories and industries. The aim of the research is to identify opportunities deployment marketing multilevel system of management of territories and sectors, formation of a scientific approach for the integration of marketing to build a new type of management models. In proof of the feasibility of integration of industrial and territorial marketing are their common goals.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, отраслевой маркетинг, развёртывание маркетинга, многоуровневое управление.

Keywords: territorial marketing, field marketing, deploying of marketing, multi-level governance.

В современных рыночных условиях маркетинг является концепцией управления развитием и функционированием предприятий, организаций, сфер деятельности, отраслей и рынков. Маркетинг широко из-

вестен благодаря эффективности его применения в коммерческой и в некоммерческой сферах. В условиях конкуренции проявление маркетинга достаточно обширно и разнообразно. Маркетинг как вид деятель-

ности и как научное направление начал свое развитие с маркетинга товара и услуг, используемого на микроуровне.

Социально-экономическое развитие России по законам рыночной экономики объективно привело к тому, что многие эффективные подходы, методы и инструменты внутрифирменного маркетинга стали использоваться в управлении государством, региональными и муниципальными органами власти и управления. Сегодня маркетинг обладает весомым набором научного инструментария, достаточного для проведения, как неглубокого анализа, так и комплексных исследований рынков, на основе которых выдаются научно обоснованные предложения по социально-экономическому развитию территорий региона и страны в целом.

В период активного реформирования российской экономики, в процессе становления новых экономических категорий и концепций был введен новый термин – региональный маркетинг. [8] Региональный маркетинг является активным элементом рыночной системы, используется на мезоуровне управления. Он предполагает изучение рыночных параметров и характеристик региона в совокупности, реализацию потенциала территорий и отраслей региона как с точки зрения внутренних, так и с точки зрения внешних потребностей территории региона. [8]

В настоящее время в российской науке предложены теоретические и методологические аспекты регионального маркетинга, выделены его особенности как маркетинга, используемого на мезоуровне управления (уровень региона) [2]. Развитие и расширение теории регионального маркетинга подвигло научных исследователей к работе над обоснованием использования маркетинга на территориальном уровне. Анализ современных тенденций развития маркетинга указывает на смещение акцентов в сторону расширения и развития отношений между рыночными партнерами. [2] Помимо этого, с усилением конкуренции между территориями за привлечение инвесторов, а также их инвестиций в инфраструктуру территории, все большее значение приобретает территориальный маркетинг. Ограниченное количество потенциальных инвесторов на территории и инвестиционных проектов указывает на целесообразность использования территориального маркетинга для привлечения инвесторов, создания устойчивых условий развития бизнеса и, как следствие, улучшения социально-экономической обстановки на территориях региона.

Среди научных публикаций существуют исследовательские работы, в которых авторы по-разному рассматривают роль и значение маркетинга территорий [5]. В последнее время в публикациях отечественных авторов активно исследуются понятия «территориальный маркетинг» и «маркетинг терри-

тории» [11]. Несмотря на разные подходы к определению территориального маркетинга, авторы сходятся во мнении, что маркетинг на заданной территории является эффективным инструментом формирования и развития рыночной среды, создания, укрепления и поддержания конкурентных позиций территории.

Обобщая разновидности территориального маркетинга и выявляя его сущность, отечественные исследователи отмечают, что территориальный маркетинг – это маркетинг, используемый в интересах самой территории, в интересах её внутренних и внешних субъектов, которые способны улучшить социально-экономические показатели развития территории.

В современной экономической науке территориальный маркетинг подразделяют на:

- маркетинг территорий, где объектом исследования является территория в целом, маркетинг территорий осуществляется внутри и за ее пределами;
- маркетинг на территориях, где объектом исследования являются отношения по поводу конкретных товаров, услуг и др., маркетинг осуществляется в географических пределах территории. [10].

Территориальный маркетинг является не одноразовой акцией по решению рыночной проблемы, а осуществляемым на систематической основе процессом мероприятий, необходимым для постоянной адаптации социально-экономического развития территории к непрерывно изменяющимся рыночным условиям» [4].

В территориальном маркетинге любая по размерам и социально-экономическим показателям территория (страна, федеральный округ, регион, муниципальное образование) рассматривается в целом как объект управления. Потребителями территории являются внутренние и внешние по отношению к территории субъекты. Их масштабное и полное потребление ресурсов территории, её продуктов и услуг дает возможность территории развиваться практически во всех направлениях (социально-экономическом, демографическом и т. д.).

На наш взгляд, такой подход, в котором территория представляется как производитель всех необходимых для инвестора ресурсов, ориентированная на потребителей собственных продуктов и услуг, на развитие, стимулирование и поддержание спроса на собственные ресурсы, на развитие своего потенциала, является более маркетинговым, нежели подход, который концентрирует внимание производительных сил исключительно на самом себе.

В исследовании современных тенденций развития маркетинга, авторы А. М. Лавров и И. П. Колечкина представили следующую схему:

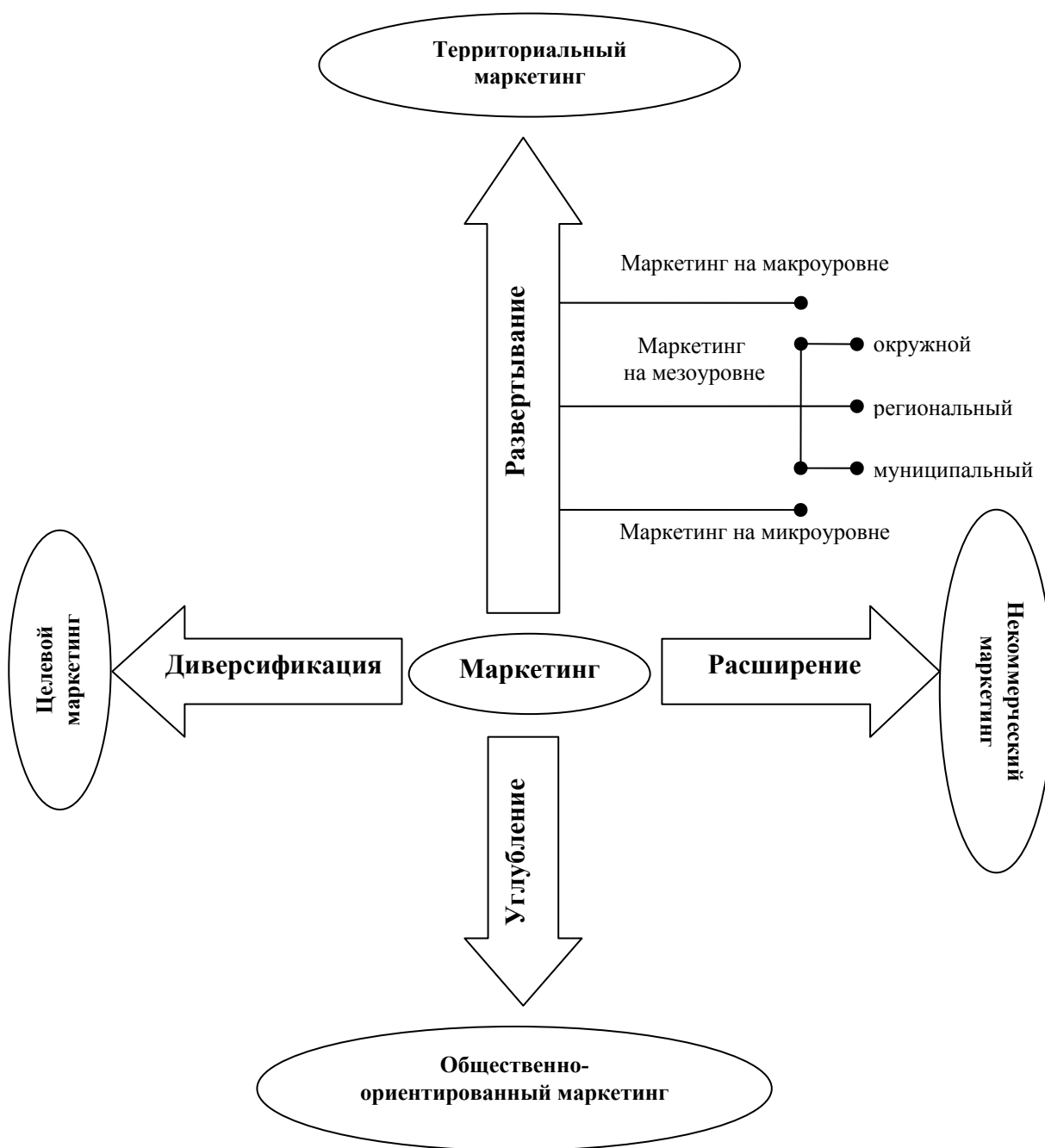

Рис.1. Тенденции развития маркетинга[7]

С точки зрения целей настоящего исследования рассмотрим тенденции развертывания маркетинга по уровням управления.

Как видно из рисунка 1, авторы выделяют три уровня развертывания маркетинга:

- микроуровень, маркетинг на уровне организации;
- мезоуровень, маркетинг на уровне округа, региона, муниципального образования;
- макроуровень, маркетинг на уровне страны.

Маркетинг на макроуровне управления определяет основные рыночные условия функционирования социально-экономической системы государства в це-

лом и направлен на повышение привлекательности национальной экономики, учет национальных особенностей в проведении экономической политики.

К настоящему времени в структуре мезоуровня сформировались три подуровня управления:

- окружной – федеральные округа и различные межрегиональные ассоциации;
- региональный – Субъекты Федерации;
- муниципальный – города, районы или иные поселения, являющиеся муниципальными образованияами.

В связи с этим выделяют мезомаркетинг – маркетинг на мезоуровне управления, а на каждом поду-

ровне соответственно – окружной, региональный и муниципальный маркетинг.

Маркетинг на микроуровне затрагивает интересы территории отдельного предприятия.

К настоящему времени в РФ наработана практика использования маркетинга в деятельности органов власти и управления на уровне регионов и муниципальных образований. В составе администраций субъектов федерации (например, Орловская, Омская, Вологодская и другие области), городов Ржев, Воронеж и др. действуют структурные подразделения, которые выполняют различные маркетинговые функции.

Таким образом, рассмотрение процессов развертывания маркетинга по уровням управления происходит, прежде всего, по территориальному признаку, то есть путем использования маркетинга в многоуровневом управлении территориями (государством, округами, регионами, отдельными муниципальными образованиями и территориями предприятий и организаций). Необходимо отметить неразрывную взаимосвязь процессов в системе многоуровневого управления государством, округом, регионом и муниципальным образованием и высокую степень корреляции их с процессами маркетинга на каждом уровне и подуровне управления. Такой подход к рассмотрению связующих процессов интеграции раскрывает перспективность рассмотрения возможностей интеграции методов и инструментов маркетинга по вертикали.

Одновременно с процессами развертывания маркетинга по территориальному признаку создаются благоприятные условия для расширения и развертывания маркетинга и по отраслевому признаку. Прежде всего, расширение сферы применения маркетинга идет по пути вовлечения отраслей некоммерческих сфер деятельности.

При этом, анализируя основные тенденции развития маркетинга, необходимо подчеркнуть, что такое его представление не исчерпывает всего многообразия современного проявления маркетинга. Такое проявление маркетинга достаточно условно, так как различные его типы в реальной жизни перекликаются, дополняя, при этом друг друга. [6]

Представляется научно-обоснованным и целесообразным расширить предлагаемый подход и рассмотреть развертывание маркетинга по уровням управления в рамках отраслей и видов деятельности.

В настоящее время категория «отрасль» используется нечасто и ограниченно. Основой классификации отраслей и сфер деятельности в СССР, а с 1991 года и в Российской Федерации являлся ОКОНХ [2]. ОКОНХ был утвержден 1 января 1976 года. С 2003 года ОКОНХ упразднен. Вместо него введен Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД).

Понятие «отрасль» также используется в нормативных и законодательных актах Российской Федерации. К примеру, в федеральном законе №165 (статья 2) дано следующее определение отрасли: «отрасль российской экономики – это все российские производители аналогичного товара или непосредственно конкурирующего товара, либо те из них, доля кото-

рых в общем объеме производства в РФ соответственно аналогичного товара или непосредственно конкурирующего товара составляет большую часть». [1]

В российской литературе предлагаются различные определения отраслей, подотраслей и сфер деятельности экономики: «отрасль экономики – совокупность предприятий и производств, обладающих общностью производимой продукции, технологий и удовлетворяемых потребностей» [6]. При этом отрасль промышленности – это объективно обособившаяся часть промышленности, объединяющая предприятия и организации, производящие однородную, специфическую продукцию, имеющую однотипные технологии и ограниченный круг потребителей. [3]

Учитывая вышеизложенное, правомерно использовать понятие «отраслевой маркетинг» для обозначения особенностей маркетинга с учетом специфики конкретного вида экономической и/или социальной деятельности.

Из-за значительных разного рода отличий между отраслями, единой методологии, единого набора инструментов маркетинга, примененного абсолютно во всех отраслях, подотраслях и сферах деятельности, не существует. Однако инструменты маркетинга используются как в функционировании, так и в развитии практически всех отраслей и сфер деятельности. В публикациях специалистов на эту тему [9] раскрываются особенности маркетинга в конкретных отраслях и сферах деятельности с учетом ее специфики.

Предположим, что система управления территориями, как и система управления отраслью, может иметь многоуровневую структуру.

В настоящее время сбалансированная схема управления отраслью производства отсутствует. Поэтому целесообразно предложить вертикально-интегрированную модель управления отраслями и сферами деятельности, направленную на координацию усилий различных уровней управления в целях развития конкретных отраслей или сфер деятельности. Можно предположить, что процесс развертывания маркетинга по уровням управления в такой модели происходит по территориально-отраслевому признаку путем использования маркетинга в многоуровневом управлении развитием отраслей в масштабах территории государства, округов, регионов, муниципальных образований и предприятий. Тогда инструменты отраслевого маркетинга на каждом уровне многоуровневой системы управления отраслью в рамках территории, соответствующей уровню управления, будут использованы в интересах развития данной территории.

Подводя итог вышесказанному, стоит заключить, что в соответствии с рассмотренной многоуровневой структурой развертывания маркетинга по уровням управления территориями происходят процессы формирования и развертывания маркетинга в отраслях и сферах деятельности. Таким образом, для отраслевого маркетинга также характерна многоуровневая структура управления.

Схему на рисунке 2, отражающую тенденции развертывания маркетинга по уровням управления, предлагается дополнить еще одним направлением развертывания маркетинга в отраслях и сферах дея-

тельности. Тенденция расширения маркетинга будет иметь разветвленную структуру, отражая многоуровневый характер отраслевого маркетинга.

Схема современных тенденций развития маркетинга тогда примет вид, представленный на рисунке 2.

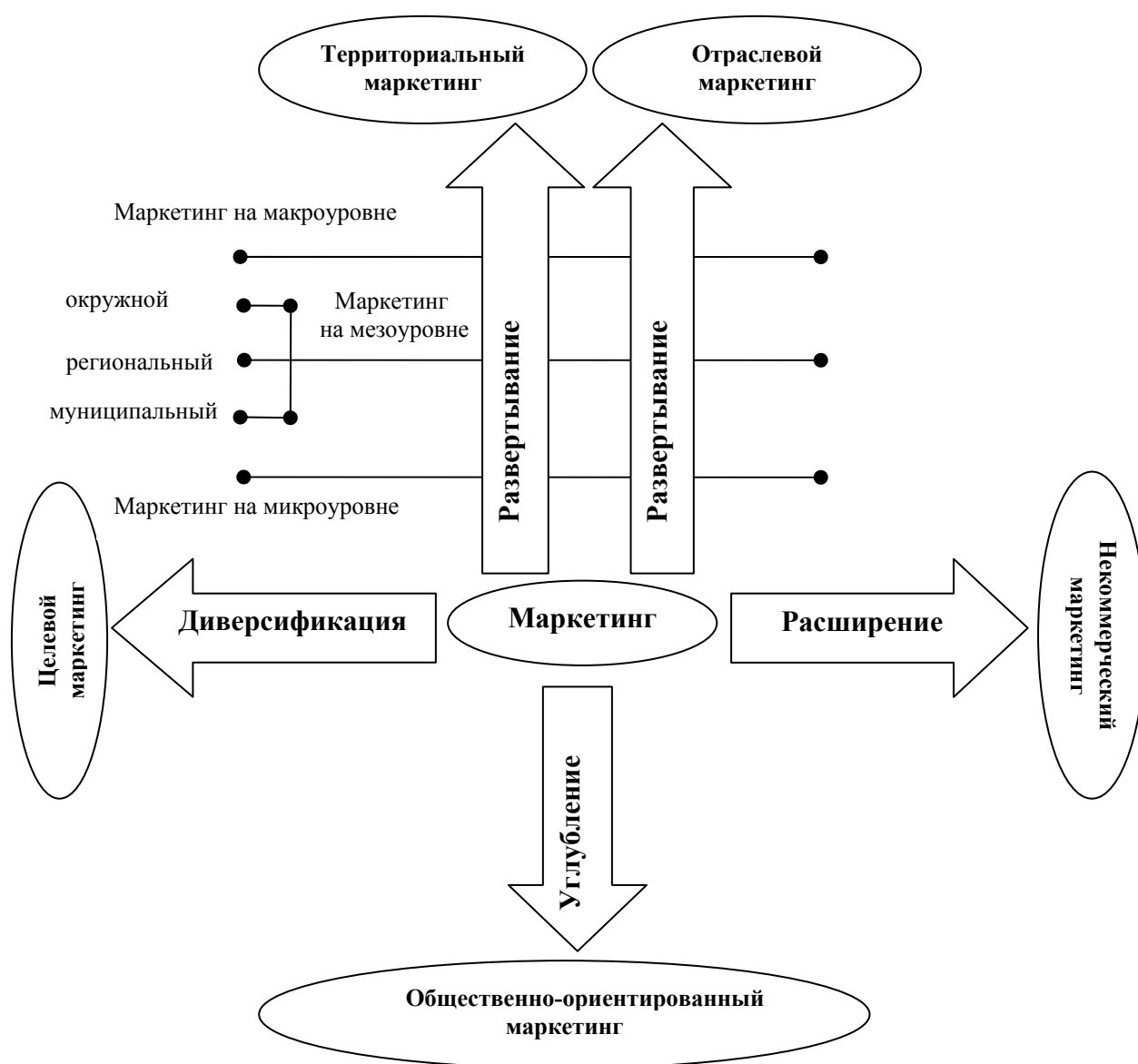

Рис.2. Схема тенденций современного развития маркетинга

Исходя из схемы, представленной на рисунке 2, можно предположить, что развертывание маркетинга, как в территориальном, так и в отраслевом разрезе происходит параллельно на каждом уровне и подуровне системы многоуровневого управления. Такой подход к развертыванию маркетинга в территориально-отраслевом аспекте обоснован тем, что субъекты отраслей и сфер деятельности привязаны к конкретным территориям, на которых осуществляют свою деятельность, воздействуя при этом на социально-экономическую обстановку на территории. Развитие отрасли на конкретной территории – это почти всегда развитие самой территории, так как с развитием производства используются природно-ресурсный и инфраструктурный потенциалы территории.

Подытоживая вышесказанное, выделим схожие цели территориального и отраслевого маркетинга, усиливающие взаимосвязь территориального и отраслевого подхода к управлению развитием отрасли:

- формирование конкурентоспособности (конкурентных позиций);
- вертикальная интеграция маркетинговых механизмов в целях более жесткой координации усилий субъектов управления на разных уровнях;
- привлечение инвесторов одновременно в отрасль и на территорию.

Взаимоувязка целей указывает на целесообразность интеграции территориального и отраслевого маркетинга на каждом уровне управления для более эффективного управления развитием территорий, отраслей и сфер деятельности.

Данный подход может быть использован при разработке моделей многоуровневого управления развитием территорий муниципальных образований и регионов.

Таким образом, мы проанализировали современные тенденции развертывания маркетинга по уровням

управления в системе многоуровневого управления территориями и отраслями страны, обозначив целесообразность интеграции маркетинга в территориально-отраслевом разрезе для более эффективной работы многоуровневых систем управления.

Литература

1. ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» № 165-ФЗ от 8 декабря 2003 г. (в ред. от 11.07.2011 г. № 200-ФЗ).
2. Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства.
3. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abc.informbureau.com>. Дата обращения 15.09.2012.
4. Барабанов, А. С. Развитие территориального маркетинга в регионе / А. С. Барабанов // Проблемы развития территории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pdt.vscs.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=341>. Дата обращения 12.09.2012.
5. Бутов, В. И. Основы региональной экономики: учебное пособие / В. И. Бутов, В. Г. Игнатов, Н. П. Кетова. – М.: Ростов н/Д, 2000. – 448 с.
6. Веретенникова, И. И. Экономика организации (предприятия) / И. И. Веретенникова, И. В. Сергеев. – М.: Юрайт, 2011 – 670 с.
7. Лавров, А. М. Современные тенденции развития маркетинга / А. М. Лавров, И. П. Колечкина // Социально-экономические преобразования в России. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004 – Выпуск № 3. – с. 159.
8. Лавров, А. М. Реформирование экономики: региональные аспекты. Ч. 2: Региональный маркетинг и тенденции его развития / А. М. Лавров, В. С. Сурнин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 146 с.
9. Мхитарян, С. В. Отраслевой маркетинг / С. В. Мхитарян – М.: Эксмо – 2006 – 368 с.
10. Нагапетьянц, Н. А. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности: учебное пособие / под ред. Н. А. Нагапетьянца. – М.: Вузовский учебник, 2007. – 272 с.
11. Панкрухин, А. П. Зачем, кому и какой нужен маркетинг территорий / А. П. Панкрухин // Рекламодатель: теория и практика. – 2002. – № 1.
12. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий: мировая практика и российские перспективы // Россия на рубеже тысячелетий: сб. трудов. – М.: ИМПЭ, 2000. – С. 279 – 320.
13. Панкрухин, А. П. Муниципальное управление: маркетинг территорий / А. П. Панкрухин. – М.: Логос, 2002. – 64 с.

Информация об авторах:

Лавров Александр Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга, КемГУ., + 79059153030, lavrov@kemsu.ru.

Alexandr M. Lavrov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department Marketing of KemsU.

Уншиков Иван Анатольевич – инженер филиала ОАО «МРСК Сибири» – «Кузбассэнерго – РЭС», г. Кемерово, +79236058626, unshch9@rambler.ru.

Ivan A. Unshchikov – Interregional distributive grid company of Siberia, Kemerovo.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 349.2:331.45:656

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
И ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННОМ ТРАНСПОРТЕ*Е. Ю. Вылегжанина*

REGULATORY ISSUES AND SAFETY ON INDUSTRIAL TRANSPORT

E. Yu. Vylegzhanina

В статье анализируется состояние нормативно-правовой базы безопасности и охраны труда на промышленном транспорте с учетом современных тенденций, затрагивается проблема актуальности совершенствования законодательства в данной отрасли, необходимость формирования новых правовых норм, расширения сферы централизованного регулирования трудовых отношений лиц, занятых на работах в сфере промышленного транспорта и необходимостью принятия законодательного акта, который бы заложил правовую основу принципов функционирования всех ветвей управления в формировании системы социально-экономических, организационных, технических, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических основ и нормативного обеспечения вопросов охраны труда.

This article analyzes the state of the legal framework for occupational health and safety on industrial transport, taking into account the current trends, and addresses the issue of the relevance of improving legislation in this sector, the need for a new law expanding the scope of centralized regulation of labour relations of people engaged in work in the field of industrial transport and the need for legislation, which would lay the legal basis for the principles of functioning of all branches of Government in the formation of a system of socio-economic, organizational, technical, sanitary, medical and regulatory frameworks to ensure occupational health and safety issues.

Ключевые слова: субъект трудового права, специальный субъект трудового права, правовой статус, трудовая правоспособность, трудовая дееспособность, охрана труда, вредные и опасные условия труда, аттестация рабочих мест, безопасность труда.

Keywords: subject of labor law, employment law, special subject of labour law, legal status, legal capacity, labour ability, labour protection, harmful and dangerous working conditions, certification of workplaces, occupational safety.

Вопрос о специальном субъекте трудового правоотношения относится к числу дискуссионных. В свете реформирования российской правовой системы данный вопрос приобретает большую актуальность. Для рассмотрения понятия «специальный субъект» трудового правоотношения важно обратиться к выработанным общей теорией права важнейшим характеристикам субъекта права. Одной из таких характеристик является правосубъектность.

«Правосубъектность, — пишет С. С. Алексеев, — это способность лиц (граждан, коллективов граждан) быть субъектами права, т. е. участниками правоотношений, носителями субъективных юридических прав и обязанностей. Она включает в себя как способность обладания правами и обязанностями, так и способность к самостоятельному их осуществлению» [1, с. 145].

Правосубъектность как реальное правовое явление имеет отраслевой характер. Она определяет, какими качествами должны обладать субъекты правоотношения для того, чтобы иметь права и исполнять обязанности в соответствующей отрасли права. Отраслевая правосубъектность выступает как закрепленная правом способность лица иметь и реализовывать конкретные (в соответствии с отраслями права) юридические права, обязанности и законные интересы. Признавая лицо правосубъектным, относительно

определенного круга отраслевых права и обязанностей, государство превалирует его способность к определенному виду сознательной деятельности [3, с. 89 – 90].

Содержание правосубъектности раскрывается через такие понятия, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

Поскольку права и обязанности закрепляются в нормах различных отраслей права, и возникает необходимость в характеристике субъекта с точки зрения какой-то отдельной отрасли, то юридическая наука использует понятие отраслевой правоспособности, которая является составной частью общей. К числу отраслевых относится и трудовая, представляющая собой возможность (способность) субъекта иметь любые права и обязанности, предусмотренные трудовым законодательством.

Объем правоспособности того или иного конкретного субъекта не является постоянным. В разные периоды одни возможности возникают, другие исчезают с различными событиями, актами и т. д. Так, по достижении 14 лет у подростка появляется возможность получить работу в свободное от учебы время, в 15 лет работать в качестве постоянного работника на не запрещенных видах работ, после окончания вуза — возможность работать по полученной профессии, специальности и т. д.

Ввиду того, что объем правоспособности постоянен, следовательно она различна у того или иного субъекта. Например, для сравнения можно взять объем правоспособности мужчин и женщин. На женщин не возлагается обязанность несения военной службы. В составе правоспособности мужчин нет возможности обладать правом на получение, например, дорожного отпуска.

Объем конкретной правоспособности находится в прямой зависимости от объема прав и обязанностей, которые может иметь субъект: чем больше, тем шире правоспособность, чем меньше, тем правоспособность уже.

Что же касается исключительно прав и обязанностей, то они наряду с правоспособностью входят в содержание более емкого понятия – правового статуса.

Проблема правового статуса работника является актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Правовой статус работника как особая категория трудового права охватывает сферу отношений между работником и работодателем, а также и иными субъектами трудового права. Исходя из анализа ст. 61 ТК РФ основанием для возникновения правового статуса работника является трудовой договор. С момента заключения трудового договора физическое лицо приобретает статус работника и на него начинают распространяться законодательство о труде.

Таким образом, субъекту права присущи три основных свойства:

- способность быть носителем субъективных прав и обязанностей;
- свобода воли лица, т. е. свобода выбора своих поступков и способность принимать адекватные решения, способность участвовать в правоотношениях (дееспособность);
- обязательность признания лица субъектом права юридическими нормами.

Все субъекты права равны перед законом, но это не исключает дифференциации их правового регулирования и соответственно наличия в российском трудовом праве специальных субъектов.

Действующий Трудовой кодекс РФ учитывает далеко не все особенности регулирования труда отдельных категорий работников. Кроме того, труд отдельных категорий обладает определенной спецификой, но тем не менее остается за пределами регулирования нормами кодифицированного законодательного акта. К числу таких категорий относятся медицинские работники, работники органов внутренних дел, государственные служащие, надомники, руководители организаций.

Современному состоянию общественных отношений на сегодняшний день присущ процесс специализации и в этой связи обращение к категории «специального субъекта права» является достаточно актуальным.

Специальный субъект трудового права – это такое лицо, которое способно обладать и пользоваться правами, а также иметь обязанности в рамках институтов трудового права и участвовать в трудовых правоотношениях.

В этой связи специальному субъекту трудового права присущи некоторые особенности:

- специальный субъект трудового права – это представитель определенной обособленной социальной группы (по возрасту, состоянию здоровья, роду деятельности, занимаемой должности и т. д.);
- наличия специальной правоспособности;
- чтобы стать специальным субъектом права необходимо наступление определенных юридических фактов (обретение статуса руководителя организации на основе соответствующего приказа, решения, достижения требуемого возраста и т. д.);
- специальный субъект трудового права – это индивид (физическое лицо), которому нормами трудового права установлен определенный комплекс прав и обязанностей, а также возможность своими действиями приобретать эти права и обязанности в правоотношениях специального вида;
- специальный субъект трудового права – работник, на которого распространяются специальные нормы трудового законодательства, имеющие в дополнение к общему статусу специальный правовой статус.

Известно, что специальные нормы, в отличие от общих норм, отражают дифференциацию трудового права. Специальный трудовой правовой статус субъектов трудового права не оторван от их общего трудового правового статуса, а дополняет его.

Следует особо подчеркнуть, что необходимость дальнейших исследований особенностей правового регулирования труда отдельных категорий работников, обусловлена существенными различиями в условиях конкретных видов трудовой деятельности. Данное обстоятельство нельзя не учитывать в целях обеспечения безопасных условий труда, соответствующих государственным нормативным требованиям охраны труда.

В рамках предмета исследования настоящей работы рассматриваются вопросы организации и обеспечения охраны труда работников промышленного транспорта.

Известно, что любой транспорт – источник повышенной опасности. Для того, чтобы обеспечивать безопасность промышленного транспорта, а также осуществлять мероприятия по охране труда персонала предприятий, работающих на нем, необходима четкая нормативная база. Не имея четкого ответа на вопрос что такое промышленный транспорт, сложно на федеральном или локальном уровне сформировать нормативную базу по охране труда и безопасности этого вида транспорта.

1 июня 1992 года Госстроем СССР были введены в действие СНиП 2.05.07-91 «Промышленный транспорт», где установлено, что промышленный транспорт – это комплекс сооружений, устройств и технических средств транспорта, обеспечивающих внешние и внутренние перевозки грузов (исключая перемещение в пределах технологических агрегатов), эксплуатацию и техническое обслуживание транспортных средств, а также производство транспортных погрузо-разгрузочных операций на предприятиях и в органи-

зациях. При этом предусматривается, что независимо от отрасли экономики, ведомственного подчинения и форм собственности к промышленному транспорту относятся:

- промышленный железнодорожный транспорт;
- промышленный автомобильный транспорт;
- гидравлический транспорт;
- канатно-подвесной транспорт;
- конвейерный транспорт.

На сегодняшний день нормативная база по охране труда и безопасности данных видов транспорта существенно изменилась, особенно с появлением Федерального закона от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [11] с последующими изменениями. Тем не менее, четкого нормативно-правового толкования термину «промышленный транспорт» не дано ни в выше названном Федеральном законе, ни в Положении о Министерстве транспорта РФ, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 30.07.04 № 395 [8], ни в Постановлении Правительства от 18.05.01 № 384 «О программе структурной реформы на железнодорожном транспорте».

Транспортная отрасль является одной из тех отраслей экономики нашей страны, где влияние на работников вредных и опасных факторов остается весьма высоким. В этой связи важным является четкое нормативно-правовое обеспечение процедуры учета и расследования транспортных происшествий на промышленном транспорте.

В целях реализации требований Федерального закона от 10.01.03 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [10], Министерством транспорта РФ был утвержден приказ от 25.12.06 № 163 «Об утверждении Положения о порядке служебного расследования и учета транспортных происшествий и иных, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта событий» [9].

Улучшение работы железнодорожного транспорта помимо мер экономического, производственно-технического характера требует также обеспечения занятости в отрасли, создания для всех работников здоровых и безопасных условий труда, повышения заработной платы и многое другое. Но главное – это создание надежного правового механизма, который бы учитывал особенности правового положения работников железнодорожного транспорта, условия их труда. Целесообразно разработать единый нормативный акт об особенностях рабочего времени и времени отдыха отдельных категорий работников железнодорожного транспорта, непосредственно связанных с движением поездов и маневровой работой. Следует согласиться с мнением Ю. И. Клепаловой о необходимости установления в законодательстве запрета на установление ненормированного рабочего дня для всех работников железнодорожного транспорта общего пользования, которые осуществляют трудовую деятельность непосредственно связанную с движением поездов и маневровой работой [5, с. 7, 9].

Полномочия Минтранса России по принятию нормативно-правовых актов в сфере социально-трудовых отношений промышленного транспорта, к сожалению, законодательством не предусмотрены.

На Федеральном уровне не полностью решены вопросы финансирования мероприятий по охране труда работников промышленного транспорта, что затрудняет проведение предупредительных мер по охране труда, особенно по аттестации рабочих мест. В то же время с аттестацией рабочих мест по условиям труда связано решение многих проблем охраны труда – предоставление льгот и компенсаций работникам, занятым на тяжелых и вредных условиях труда, дополнительный оплачиваемый отпуск, сокращенный рабочий день и т. д.

Учитывая отсутствие четкой нормативно-правовой базы по промышленному транспорту в сфере безопасных условий и охраны труда следует на сегодняшний день значительную часть вопросов охраны труда и здоровья работников решать через систему коллективных договоров. Это документ, где взаимные обязательства работников и работодателей можно наполнить конкретным содержанием.

Целесообразно в содержание коллективных договоров включать вопросы, связанные с оплатой, условиями и охраной труда, режимом труда и отдыха, механизмом регулирования оплаты труда, исходя из уровня цен, инфляции и прожиточного минимума; доплатами компенсационного характера; профессиональной подготовки и переподготовки; организацией охраны здоровья работников на производстве путем создания благоприятных условий для работы и отдыха, и обеспечения соответствующей окружающей среды; мерами защиты работников на случай временной приостановки производства.

Необходимо добиться, чтобы каждая организация сферы промышленного транспорта разработала и внесла в свой коллективный договор максимально подробный план мероприятий по охране труда и обеспечила их выполнение.

Как показывает анализ содержания коллективных договоров, есть немало таких, где разделы «Охрана труда» содержат лишь переписанные из законодательных актов нормы и положения, которые и так подлежат обязательному исполнению со стороны работодателя.

Таким образом, осуществляя функции по выработке нормативно-правового регулирования в сфере промышленного транспорта в течение семи лет, прошедших с момента проведения административной реформы, Минтранс России не очень продвинулся в этом направлении. Министерство обходит молчанием вопросы о том, когда и как будет формироваться нормативная база по промышленному транспорту, включающая вопросы безопасности и охраны труда, обеспечения занятости в отрасли, повышения заработной платы, особенности правового положения работников промышленного транспорта и многое другое.

В области рассматриваемого института существует достаточно много проблем, требующих дальнейшего, в первую очередь законодательного, разрешения.

Решение этих проблем должно осуществляться не только путем изменений и дополнений в конкретные нормативно-правовые акты, регулирующих труд работников транспорта, но и в общие начала Трудового кодекса, в частности в главу 51 ТК РФ. Важной задачей реформирования законодательства в сфере промышленного транспорта является необходимость обновления методов правового регулирования в вопросах безопасности и охраны труда. Нормы трудового права, регламентирующие охрану труда и безопасность на промышленном транспорте должны обладать свойством динамизма – способностью приспособиться к новым экономическим и общественным реалиям. В целях решения этой задачи предопределяется необходимость эффективности сочетания разных уровней правового регулирования,

основные из которых – централизованный, региональный и локальный.

К сожалению, на сегодняшний день в системе промышленного транспорта нет законодательного акта, который бы заложил правовую основу принципов функционирования всех ветвей управления в формировании системы социально-экономических, организационных, технических, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических основ и нормативного обеспечения вопросов охраны труда.

В науке трудового права практически отсутствуют современные исследования, посвященные правовому регулированию труда работников промышленного транспорта. Это отрицательно сказывается на уровне и содержании норм о труде и практике их применения в отношении указанной категории работников.

Литература

1. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1966.
2. Бегичев, Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан / Б. К. Бегичев. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 63.
3. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук. – М., 1979.
4. Крутова, Л. А. Работодатель как субъект трудового права: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Л. А. Крутова. – М., 2000. – С. 12.
5. Клепалова, Ю. И. Особенности регулирования труда работников железнодорожного транспорта: автореф. ... канд. юр. наук / Ю. И. Клепалова. – Екатеринбург, 2007.
6. Рожников, Л. В. Трудовые договоры специальных субъектов трудового права: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Л. В. Рожников. – М., 1999.

Нормативно-правовая литература

7. Межотраслевые правила по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (напольный, безрельсовый, колесный транспорт), ПОТ РМ-008-99, утверждены Постановлением Министерства труда и социального развития РФ от 07.07.99 № 18.
8. Положение о Министерстве транспорта РФ, утв. Постановлением Правительства РФ от 30.07.04 № 395.
9. Приказ Министерства транспорта от 25 декабря 2006 г. № 163 «Об утверждении Положения о порядке служебного расследования и учета транспортных происшествий и иных, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта событий» (зарегистрирован Минюстом России от 24.01.07, регистрационный номер 8840).
10. Федеральный закон от 10.01.03 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 27.12.02 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» с изменениями.

Информация об авторе:

Вылегжанина Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса, экологического и трудового права КемГУ, ecolaw@kemsu.ru.

Elena Yu. Vylegzhanina – Senior Lecturer at the Department of Civil, environmental and labor law Kemerovo State University.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕЗАКОННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
(ч. 2 ст. 301 УК РФ)
И. А. Гааз

PROBLEM OF DETERMINING ILLEGALITY OF DETENTION
(Art. 301 § 2 of the Criminal Code of the Russian Federation)
I. A. Gaag

Настоящая статья посвящена исследованию и определению критериев незаконности заключения под стражу, позволяющих установить наличие или отсутствие признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ.

The paper is devoted to analysing and defining the criteria of illegality of detention that allow adjudicating the presence or absence of corpus delicti provided in Art. 301 §2 of the Criminal code of the Russian Federation.

Ключевые слова: незаконное заключение под стражу, меры пресечения, обвиняемый, подозреваемый, основания, условия, личная неприкосновенность.

Keywords: illegal detention, preventive measure, accused, suspect, grounds, conditions, personal integrity.

Количество и периодичность внесения изменений в уголовный закон РФ свидетельствуют не только о недостатках законодательных формулировок действующего УК РФ и низком качестве проработок изменений в уголовный кодекс РФ, но и проблемах в существующей уголовной политике государства.

Несмотря на различные подходы к определению понятия уголовной политики, подавляющее большинство специалистов в области уголовного права полагают, что уголовная политика представляет собой деятельность государства по вопросам борьбы с преступностью. Безусловно, такая деятельность должна носить нормативный характер. Следовательно, от качества законодательных формулировок, содержащихся в уголовном кодексе РФ, зависит качество и результат правоприменительной деятельности, а также успех уголовной политики государства.

Существующее законодательное определение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 301 УК РФ, позволяет сделать вывод об отсутствии описания в диспозиции указанной статьи всех необходимых и достаточных признаков деяния, за которое виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

Проблема определения незаконности заключения под стражу выступает в качестве одной из основных проблем законодательного регулирования исследуемой нормы.

Исключительность меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемого (подозреваемого) подчеркивается как в юридической литературе, так и в международно-правовых актах. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения представляет собой самое острое вторжение в сферу гарантированного Конституцией РФ права на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому вопрос о законности и незаконности заключения под стражу связан, прежде всего, с обеспечением со стороны государства конституционных гарантий права граждан на личную свободу и личную неприкосновенность.

О незаконности заключения под стражу могут свидетельствовать как сами действия, составляющие

заключение под стражу, так и отсутствие оснований или условий для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Основания и условия применения мер пресечения являются одними из основных признаков, характеризующих их юридическую природу. Вопрос о понятии оснований и условий применения мер пресечения до сих пор относится к числу наиболее дискуссионных вопросов в науке уголовно-процессуального права.

Логические особенности правовых понятий обусловлены:

- во-первых, тем статусом, который им придается в рамках права и юридической сферы;
- во-вторых, своим характерным логически значимым содержанием;
- в-третьих, они видны в том, как срабатывает механизм связывания понятий [1, с. 21].

Слово «основание» применительно к мере пресечения имеет значение причины, достаточного повода, оправдывающего что-нибудь [2, с. 475]. Их наличие само по себе уже достаточно для положительного решения вопроса о применении мер пресечения. Условие – это обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; обстановка, в которой происходит, осуществляется что-нибудь [2, с. 869]. Примером удачного сопоставления оснований и условий может служить криминологический подход к определению причин и условий преступности. Под причинами преступности понимаются такие явления общественной жизни, которые порождают преступность, поддерживают ее существование... Условиями, способствующими совершению преступления, являются те факты реальной действительности, которые прямо преступлений не вызывают, но их наличие может способствовать возникновению у человека намерений совершить преступление. Применяя данный подход к рассматриваемой проблеме, можно сделать вывод о том, что в смысловом значении основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу – это побудительные причины, достаточные для принятия решения о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого). Условия же применения меры пресечения

в виде заключения под стражу составляют фактические данные об обстоятельствах, учитываемых в обязательном порядке при избрании этой меры пресечения.

Основания применения мер пресечения определяются их целями. Последние ограничивают перечень оснований, делая его исчерпывающим. По целевому признаку формируются общие основания применения мер пресечения. К таковым, по мнению большинства ученых процессуалистов, которое мы поддерживаем, относятся достаточные фактические данные, указывающие на то, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от дознания, предварительного следствия и суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу; а также фактические данные указывающие на необходимость обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица (экстрадиции). Некоторые авторы дополняют перечисленные основания доказательствами, устанавливающими факт совершения лицом преступления [3, с. 21; 4, с. 436 – 437], относя к ним:

- 1) доказанность материалами дела факта совершения преступления;
- 2) установление лица, в отношении которого в предусмотренной законом форме вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Данная точка зрения была подвержена обоснованной критике со стороны многих ученых процессуалистов [5, с. 16; 6, с. 64 – 66].

Полагаем, что против выделения материально-правовых оснований применения меры пресечения свидетельствует, что предъявление обвинения само по себе не обуславливает необходимость избрания какой-либо меры пресечения, а мера пресечения может быть применена и в отношении подозреваемого и зависит от предполагаемого поведения обвиняемого (подозреваемого). Следует согласиться с мнением В. М. Корнукова о том, что предъявление обвинения и наличие достаточных обвинительных доказательств необходимо рассматривать не как основание для избрания меры пресечения, а как необходимое условие, порождающее право на ее применения и определяющее субъект, к которому эта мера пресечения может быть применена [6, с. 64].

Меры пресечения применяются не для того, чтобы в превентивном смысле обеспечить благоприятные условия для производства по уголовному делу. При таком подходе было бы излишним детализировать основания и определять условия их применения.

Сравнительно-правовой анализ действующего российского уголовно-процессуального законодательства и общепризнанных принципов и норм международного права свидетельствуют о том, что фактические основания применения заключения под стражу соответствуют международным стандартам. Так, перечисленные в статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод случаи, обосновывающие законность лишения и ограничения свободы, включают в себя большинство оснований для применения мер пресечения, предусмотренных

частью 1 статьи 97 УПК РФ. Заключение под стражу является одной из мер пресечения, в то время как в статье 97 УПК РФ сформулированы единые фактические основания для применения любой из них и право дознавателя, следователя, прокурора и суда избрать обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения. В связи с этим некоторые ученые считают, что определенное в законе право на избрание меры пресечения означает факультативность решения о ее применении [7, с. 21; 8, с. 66 – 67; 9, с. 105 – 125]. Указанная позиция подвергалась обоснованной критике, прежде всего, потому, что в части 1 статьи 97 УПК РФ перечислены имеющие форму доказательства основания применения меры пресечения, а не субъективное мнение правоприменителя об их необходимости для осуществления задач уголовного судопроизводства. Следует согласиться с В. А. Михайловым в том, что термин «вправе» использован в другом уголовно-процессуальном значении, прежде всего как возможность выбора из предусмотренных законом мер той, которая наиболее подходит в данном случае [10, с. 68].

В отличие от оснований, которые едины для всех мер пресечения, условия их применения принято подразделять на общие и специальные. Как общие, так и специальные условия применения заключения под стражу не свидетельствуют о необходимости применения меры пресечения. Они не являются причинами, побудившими правоприменителя принять данное процессуальное решение. Целевое предназначение условий состоит в том, чтобы помочь должностному лицу сделать правильный выбор в пользу конкретной меры пресечения, которая бы с одной стороны эффективно обеспечила достижение целей, ради которых она применяется, а с другой стороны исключила бы необоснованное в данном случае, излишнее ограничение прав и свобод обвиняемого или подозреваемого. К общим относятся те условия, которые должны учитываться при применении любой меры пресечения и обусловить выбор одной из них. Специальными являются те условия, которые в силу закона необходимы для применения конкретной меры пресечения, а также те, которые отражают правовые особенности избрания меры пресечения в отношении определенных категорий обвиняемых (подозреваемых). Их отсутствие препятствует применению определенной меры пресечения к конкретному лицу. Однако считать специальные условия особенными и единичными основаниями применения меры пресечения, как предлагает В. А. Михайлов [10, с. 69 – 70], на наш взгляд неконструктивно.

Категоричное требование закона о наличии специальных условий для избрания меры пресечения не превращает их в основания. Оно лишь отражает обобщенные позитивные результаты многолетней следственной и судебной практики, указывающие на то, что при данных условиях избрание определенной меры пресечения является оптимальным решением. Отсутствие специальных условий не исключает необходимость избрания меры пресечения, т. к. присутствуют основания, делающие ее применение необходимым. В подобных случаях правоприменитель должен изменить свой выбор в пользу той меры пресечения,

избрание которой будет являться законным и обоснованным в данной ситуации.

Основное место среди общих условий принадлежит определенным в статье 99 УПК РФ обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения. Ими являются тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Под «другими обстоятельствами» следует понимать любые сведения о фактах, не названных в этой норме, которые характеризуют криминологический образ обвиняемого (подозреваемого) в том числе роль в совершении преступления, возмещение причиненного преступлением ущерба, способствование раскрытию преступления и изобличению других его участников, оказание помощи потерпевшим и т. д. Все эти обстоятельства должны учитываться не по отдельности, а в совокупности, и не сами по себе, а в системе с основаниями для применения меры пресечения.

Системный подход к определению оснований и условий свидетельствует об их двусторонней взаимосвязи. Основания являются предпосылкой для использования условий. Установленная ими направленность противоправного поведения обвиняемого определяет границы требуемых ограничений его прав и свобод, т. е. способствует выбору меры пресечения. Сами же условия влияют не только на выбор конкретной меры пресечения, но и на решение вопроса об ее избрании. Поэтому неудивительно, что основания и условия могут устанавливаться одними и теми же доказательствами.

Как неоднократно отмечались нами общие основания избрания меры пресечения, а также общие и специальные условия для ее избрания обуславливают, прежде всего, необходимость избрания меры пресечения в отношении конкретного обвиняемого, а также выбор одной из названных в статье 98 УПК РФ мер пресечения. Несмотря на то, что основания, сформулированные в статье 97 УПК РФ, не имеют прямого отношения к мере пресечения в виде заключения под стражу, их отсутствие свидетельствует о незаконности избрания меры пресечения как таковой, а, следовательно, и меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом, только отсутствие всех оснований, определенных в статье 97 УПК РФ, свидетельствует о незаконности заключения под стражу, тогда как несоблюдение условий избрания меры пресечения, обозначенных в статье 99 УПК РФ, само по себе не свидетельствует ни о законности заключения под стражу, ни о незаконности этой меры пресечения. Оценка совокупности обозначенных условий позволяет сделать вывод об отсутствии оснований к избранию меры пресечения, и только в этом случае заключение под стражу является незаконным.

Необходимо отметить, что статья 108 УПК РФ устанавливает дополнительные основания и условия применения судьей меры пресечения в виде заключения под стражу. К этим дополнительным основаниям относятся:

1) подозрение или обвинение лица в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок

свыше двух лет (кроме преступлений, предусмотренных статьями 159 – 159.6, 160, 165, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171 – 174, 174.1, 176 – 178, 180 – 183, 185 – 185.4, 190 – 199.2 УК РФ);

2) невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения для предотвращения обстоятельств, указанных в части 1 статьи 97 УПК РФ.

Заключение под стражу лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении перечисленных выше преступлений, а также лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание сроком не свыше двух лет лишения свободы, допускается только при наличии исключительных обстоятельств, прямо названных в части 1 статьи 108 УПК РФ.

Часть 2 статьи 108 УПК РФ устанавливает специальные основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых. К несовершеннолетнему заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и только в исключительных случаях, если подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести.

Анализ указанной нормы позволяет нам сделать вывод, что в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в прямо обозначенных в части 1.1 статьи 108 УПК РФ преступлениях речь идет об исключительных обстоятельствах, которые являются ничем иным как специальными условиями избрания меры пресечения в виде заключения под стражу:

1) отсутствие постоянного места жительства на территории РФ у подозреваемого или обвиняемого;

2) неустановление личности подозреваемого или обвиняемого;

3) нарушение подозреваемым или обвиняемым ранее избранной меры пресечения;

4) если подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Перечень изложенных исключительных обстоятельств является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Для применения заключения под стражу достаточно наличия хотя бы одного из перечисленных исключительных обстоятельств.

Несколько по иному установлены в части 2 статьи 108 УПК РФ условия применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Применительно к несовершеннолетним, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений средней тяжести, к исключительным обстоятельствам следует относить не только обстоятельства, изложенные в части 1 статьи 108 УПК РФ, но и другие. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что чаще всего к таким обстоятельствам относят: совершение условно-осужденным нового преступления в период испытательного срока, совершение нового преступления в период условно-досрочного освобождения от

отбывания наказания; наличие неснятой и непогашенной судимости.

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный законы, ни действующее постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.10.2009 года № 22 не содержат определения законности или незаконности заключения под стражу. Попытка сформулировать понятие законности заключения под стражу и определить критерии законности предпринималась Верховным судом РФ в постановлении от 27 апреля 1993 года «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей». В этом постановлении под законностью заключения под стражу предлагалось понимать «соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок применения указанной меры пресечения и продления срока ее действия». Полагаем, что предложенная формулировка не в полной мере подходит для определения незаконности заключения под стражу применительно к части 2 статьи 301 УК РФ, но может быть использована как отправная точка для дальнейшего исследования.

Литература

1. Грядовой, Д. И. Логика в юридической теории и практике / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, С. С. Пылев. – М.: Юриспруденция, 1997. – 112 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1993. – 955 с.
3. Гуткин, И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе / И. М. Гуткин. – М.: Изд-во ВШ МООП РСФСР, 1963. – 43 с.
4. Коврига, З. Ф. Законность и обоснованность применения мер пресечения / З. Ф. Коврига, Г. Д. Побегайло // Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 9. – Воронеж, 1968. – С. 436 – 446.
5. Лившиц, Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц. – М.: Юрид. лит., 1964. – 138 с.
6. Корнуков, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. – 136 с.
7. Еникеев, З. Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения: учеб. пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Баш. гос. ун-т им. 40-летия Октября, 1979. – 88 с.
8. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: вопросы теории и практики / З. З. Зинатуллин. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1981. – 136 с.
9. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
10. Михайлов, В. А. Уголовно-процессуальные меры в судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов. – М.: Институт защиты предпринимателя, 1997. – 644 с.

Информация об авторе:

Гааг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 8(384-2) 58-37-43, crim_law@kemsu.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Основания и условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, безусловно, являются критериями законности этой меры пресечения, поскольку предотвращают неправомерное и не вызванное крайней необходимостью полное ограничение прав человека на личную свободу.

Оценка наличия или отсутствия оснований и условий избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в их совокупности и взаимосвязи, а также анализ доказательств, подтверждающих наличие либо отсутствие оснований и условий заключения под стражу, позволит сделать вывод о незаконности заключения под стражу как обязательном признаке преступления, предусмотренного частью 2 статьи 301 УК РФ.

Совершение совокупности действий, направленных на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии хотя бы одного из оснований, а также при отсутствии определенных условий, предусмотренных статьей 108 УПК РФ, позволяет сделать вывод о незаконности заключения под стражу и, как следствие, о наличии в действиях специального субъекта признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ.

УДК 343.3

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Н. Б. Гулиева

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE DIGNITY AND HONOUR OF AUTHORITIES

N. B. Gulieva

Настоящая статья посвящена исследованию уголовно-правовых норм, характеризующих признаки составов преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. Цель работы: указать на имеющиеся противоречия, допущенные законодателем при формулировании исследуемых уголовно-правовых норм, рекомендовать законодателю усовершенствовать некоторые положения норм, помочь правоприменителям правильно интерпретировать содержание норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против чести и достоинства представителей власти. Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе. По результатам исследования автор приходит к следующим выводам: законодателю следует придерживаться единых критериев уголовно-правовой защиты чести и достоинства представителей власти, избегая противоречивого формулирования уголовно-правовых норм.

The paper is devoted to studying criminal laws defining the corpus delicti for crimes that infringe on the dignity and honour of authorities. It aims at pointing out some contradictions in the criminal laws under consideration, making recommendations to the legislators to improve some of their provisions, and helping law enforcers to duly interpret the content of the laws criminalizing the infringement on the dignity and honour of authorities. The study uses analysis, synthesis and comparative law methods. It can be applied in law enforcement, academic research and in teaching. As a result of the study, the author concludes that the legislators should use unified criteria for the criminal law protection of the honour and dignity of authorities, avoiding contradictory formulations in criminal laws.

Ключевые слова: представитель власти, оскорбление, честь и достоинство.

Keywords: authorities, offense, dignity and honour.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за посягательство на честь и достоинство представителя власти. Так, часть 2 статьи 297 УК РФ предусматривает ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Статья 319 УК РФ предусматривает ответственность за оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде карается по ст. 298.1 УК РФ.

Непосредственным объектом посягательства являются интересы правосудия для преступления, предусмотренного ст. 297 и 298.1 УК РФ и порядок управления для преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Дополнительным обязательным объектом являются честь и достоинство человека (*Примечание автора: Некоторые ученые разграничивают такие категории как честь и достоинство человека и честь и достоинство представителя власти. Так, А. А. Розикзода в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой выделяет охраны честь и достоинство представителя власти. «Под правовой категорией «достоинство представителя власти», по мнению автора, следует понимать внутреннюю оценку им своих личностных качеств, умений, позиционирования себя в обществе, учитывая свое должностное положение, развитие, воспитание, мировоззрение и т. п., под «честью представителя власти»*

понимается объективная социально значимая оценка обществом морально-правовых качеств представителя власти (моральная репутация), на которые он опирается, исполняя свои служебные обязанности и в своем поведении вне службы») [1, с. 18].

Анализируя признаки объективной стороны указанных деяний, можно сделать вывод о том, что законодатель избирательно подходит к конструированию составов преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. Так, диспозиция статьи 319 УК РФ предусматривает положение, согласно которому под оскорблением представителя власти понимается *публичное* (выделено мною – Н. Б. Гулиева) оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Согласно же ст. 297 УК РФ неуважение к суду выражается в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

Буквальная интерпретация уголовно-правовых норм, характеризующих указанные преступления, означает, что оскорбление представителя власти является преступным и, как следствие, влечет уголовную ответственность только в случае публичного оскорбления. В то время как для привлечения к уголовной ответственности за посягательство на честь и достоинство представителей судебной власти публичности деяния не требуется.

Позиция законодателя представляется несколько противоречивой. По его мнению, посягательство на честь и достоинство представителя власти, совершенное не публично не представляет угрозы для объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем непублич-

ное посягательство на честь и достоинство судей, присяжных заседателей, иных лиц, участвующих в отправлении правосудия как носителей судебной власти, образует общественно опасное деяние. Чем обусловлена такая позиция, если, например, судьи также являются представителями власти?

В примечании к статье 318 УК РФ раскрывается понятие представителя власти, согласно которому представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом в самом примечании делается указание на то, что данное определение представителя власти распространяет свое действие не только на статью 318, но и на другие статьи Уголовного кодекса.

Стало быть, понятие представителя власти, раскрываемое в примечании к статье 318 УК РФ, распространяет свое действие и на судей.

Может быть, законодатель придает несколько иное значение понятию публичности и связывает публичное оскорбление представителя власти вовсе не количеством присутствующих при этом лиц. Так, преступления, предусмотренные главой 32 Уголовного кодекса, посягают на порядок управления. Е. В. Витман, раскрывая понятие порядка управления, отмечает, что данные преступления совершаются в сфере *публичного* (выделено мною – Н. Б. Гулиева) управления. Автор называет ряд особенностей, характеризующих порядок управления:

1. Преступления против порядка управления совершаются в сфере публичного (внеслужебного) управления.

2. Преступления против порядка управления совершаются именно частным лицом, подвластным субъектом, нарушаются те или иные правила организации общественной жизни, изданные властвующим субъектом и адресованные этому самому подвластному субъекту.

3. Нарушение этих правил влечет за собой нарушение в той или иной форме нормальной деятельности органов публичной власти [2, с. 11].

Иными словами, публичный характер в этом смысле подразумевает властный, субординационный, государственный характер деятельности соответствующих органов.

«Оскорбление представителя власти заключается в негативной оценке личности представителя власти и осуществляемой им профессиональной деятельности, являющейся для виновного лица *воплощением системы государственного принуждения* (выделено мною – Н. Б. Гулиева), а не его личности в целом» [3]. Преступления против порядка управления посягают на общественные отношения, построенные на принципе субординации, в которых один субъект – властвующий, а другой подчиняющийся. Подобная позиция не вызывает возражений.

Однако, публичность управления и публичность оскорбления не одно и то же.

В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова термин «публичный» раскрывается

как «совершающийся в присутствии общества, публики, открытый, гласный» [4].

В теории уголовного права понятие публичности раскрывается неоднозначно. Существуют несколько подходов к определению понятия публичности. По мнению Д. А. Бажина, под публичностью можно понимать:

1) обращение к двум и более лицам;

2) обращение ко многим лицам, воспринимаемое в момент его высказывания не только теми, кому субъект преступления его адресовал, но и другими лицами;

3) обращение к широкому кругу лиц, под которым подразумевается большой, но поддающийся определению по численности круг лиц. При этом нижняя граница численности законодателем не указана, но отлична от двух;

4) обращение к неопределенному кругу лиц. Имеется в виду, что аудитория столь велика, что ее численность субъектом преступления не осознается и не конкретизируется [5].

Подобное неоднозначное истолкование понятия публичности и вовсе осложняет квалификацию преступлений, посягающих на честь и достоинство представителей власти. На наш взгляд, законодатель, оперируя термином «публичность», подразумевает обращение к двум и более лицам. Однако каким образом рассчитывать минимальное количество присутствующих при оскорблении представителя власти, если, например, их было двое? Относится ли потерпевший к числу этих двоих или присутствующих при оскорблении лиц должно быть не менее двух наряду с потерпевшим?

Во избежание неоднозначной интерпретации законодателю следовало бы конкретизировать, например, в примечании к статье 319 УК РФ, что следует понимать под публичным оскорблением либо отказаться от этого признака вовсе. Учитывая, что в диспозиции части 2 статьи 297 УК РФ не содержится указания на публичный характер оскорбления судьи, целесообразнее, на наш взгляд, в диспозиции статьи 319 УК РФ и вовсе отказаться от признака публичности оскорбления представителя власти.

Отсутствие указания на публичность оскорбления судьи может быть обусловлено тем, что любое судебное разбирательство всегда предполагает участие нескольких лиц. Например, участниками уголовного судопроизводства помимо председательствующего являются прокурор, потерпевший, адвокат, подсудимый, секретарь судебного заседания. Если истолковывать публичность оскорбления как обращение к двум и более лицам, то судебные заседания всегда публичны. Однако вряд ли законодатель, формулируя признаки данного состава преступления, придавал ему такое значение.

В этой связи возможно следующее видение ситуации. Неуважение к суду предполагает оскорбление судьи или иного лица, участвующего в отправлении правосудия в рамках конкретного судебного разбирательства по делу. Оскорбление же судьи как представителя власти вне судебного заседания, например, в связи с вынесенным по делу решением стороной, проигравшей дело, квалифицируется как оскорбление

представителя власти. А. Бриллиантов, анализируя вопросы квалификации неуважения к суду, также отмечает, что «оскорбление, связанное с отправлением правосудия, но осуществляемое в других условиях, например, публичное оскорбление судьи после полного завершения процесса на почве мести, должно квалифицироваться как оскорбление представителя власти» [6].

Однако не все ученые придерживаются такой позиции. Так, А. Н. Александров полагает, что деятельность судей, присяжных или арбитражных заседателей не ограничивается их участием непосредственно в судебном заседании, поэтому виновные могут оскорбить их как до начала судебного разбирательства, в процессе рассмотрения дела, так и после этого. Автор полагает, что оскорбление лица, участвующего в отправлении правосудия, нанесенное не в судебном заседании, а в другом месте, если оно было связано с деятельностью лица по осуществлению правосудия и с рассмотрением конкретного дела, причиняет вред основному непосредственному объекту. Оскорбление, нанесенное судье, присяжному или арбитражному заседателям вне судебного процесса, но в связи с их исполнением также, по мнению А. Н. Александрова, причиняет ущерб авторитету суда. Далее автор приводит несколько противоречивое суждение о том, что неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ), может быть совершено только в период судебного заседания, в то время как оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 2 ст. 297 УК РФ) – на всех этапах судебного производства, а также в связи с деятельностью лица по осуществлению правосудия, т. е. вне судебного заседания [7].

Подобные противоречивые рассуждения автора свидетельствует, на наш взгляд, о неверном истолковании уголовно-правовой нормы, характеризующей неуважение к суду.

С. С. Омельченко предлагала и вовсе исключить из уголовного закона ст. 319, а ст. 130 УК РФ дополнить особо квалифицирующими признаками: «оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей» и «оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия или участников судебного производства, в связи с рассмотрением дела в суде» [8].

Высказанные автором идеи были предложены до декриминализации оскорбления. Позиция автора заслуживает внимания, хотя определенные возражения все же имеются. Автор предлагала введение двух конкурирующих между собой квалифицирующих признаков, что, по сути, ничем не отличается от существующего положения дел. Единственное отличие сводится к тому, что оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей и оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия в настоящее время образуют самостоятельные составы преступлений, посягающие на разные объекты уголовно-правовой охраны. С. С. Омельченко же рекомендовала декриминализировать указанные деяния и включить их в качестве квалифицирующих признаков оскорбления. Каким образом истолковывать

содержание этих квалифицирующих признаков и как их разграничивать автор не указывает. Можно предположить, что оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия или участников судебного производства, в связи с рассмотрением дела в суде имеет место непосредственно в судебном заседании. Если же оскорбление представителя власти имело место вне судебной тяжбы, но в связи со служебной деятельностью последнего, то содеянное квалифицируется как оскорбление представителя власти в связи с исполнением служебных обязанностей. Иное истолкование, на наш взгляд, затруднит объяснение предложенных автором идей. Иначе чем обусловлена необходимость существования двух квалифицирующих признаков в одной и той же статье, предусматривающих уголовную ответственность за оскорбление представителя власти и лиц, отправляющих правосудие.

В то же время С. С. Омельченко не упоминает о публичности оскорбления, что заслуживает внимания, так как отсутствие указания на публичность во многом облегчит буквальное толкование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против чести и достоинства представителей власти.

Следует отметить, что позиция С. С. Омельченко в настоящее время перестала быть актуальной, ибо статья 130 УК РФ «оскорбление» утратила силу согласно Федеральному закону от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Возможно, идея автора устранила бы имеющиеся противоречия, однако декриминализация оскорбления исключает возможность прибегнуть к такому решению проблемы. Однако дискуссия о необходимости криминализации оскорбления не перестает быть актуальной. Нами неоднократно критиковалась позиция законодателя относительно исключения оскорбления из числа преступных деяний.

На наш взгляд, имеющиеся в юридической литературе неоднозначные выводы и предложения относительно интерпретации исследуемых уголовно-правовых норм обусловлены нелогичностью самого законодателя. Законодатель не последователен в формулировании уголовно-правовых норм. Наличие признака публичности оскорбления в одной норме и отсутствие этого признака в другой, неясность понимания термина «публичность» создают определенные трудности в процессе квалификации преступлений.

Подводя итог, отметим, что уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти обеспечивает неприкосновенность таких объектов как интересы правосудия и порядок управления. Неприкосновенность указанных объектов нарушается, в том числе, и посредством посягательства на честь и достоинство представителей власти. Поэтому надлежащим образом обеспеченная уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти гарантирует неприкосновенность интересов правосудия и порядка управления. Законодатель, предусматривая уголовную ответственность за неуважение к суду и оскорбление представителя власти, следует придерживаться единых критериев уголовно-правовой защиты чести и достоинства представителей власти, избегая противоречивого формулирования уголовно-правовых норм.

Литература

1. Розикзода, А. А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей: опыт России и Республики Таджикистан»: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08/ А. А. Розикзода. – СПб., 2011. – С. 18.
2. Витман, Е. В. Самоуправство: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Е. В. Витман. – Екатеринбург, 2006.
3. Брагина, А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юр. наук / А. Г. Брагина. – Красноярск, 2006. – 236 с. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/ugolovnaya-otvetstvennost-za-oskorblenie-predstavatelya-vlasti>
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – 1935 – 1940 гг. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
5. Бажин, Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Д. А. Бажин // РЮЖ. – 2011. – № 2. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Бриллиантов, А. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации / А. Бриллиантов // Уголовное право. – 2011. – № 4. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. Александров, А. Н. Оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо участника судебного разбирательства: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / А. Н. Александров. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1464724>
8. Омельченко, С. С. «Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления» / С. С. Омельченко. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaya-ocenka-klevety-i-oskorbleniya.html>

Информация об авторе:

Гулиева Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, 8(384-2) 58-37-43, natavan-1212@mail.ru.

Natavan B. Gulieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

УДК 343.2

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ (ст. 82 УК РФ)**

М. С. Красильникова

**SOME ISSUES OF CRIMINAL LEGAL REGULATION OF PUNISHMENT SUSPENSION
(art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation)**

M. S. Krasilnikova

В статье анализируются предписания уголовно-правовой нормы об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ): условия применения отсрочки, ее продолжительность, основания отмены. В рамках условий предоставления отсрочки (ст. 82 УК РФ) исследовано содержание понятия «наличие ребенка», признаки отсутствия осуждения за тяжкие преступления против личности на срок свыше 5 лет, осуждения за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, рассмотрены виды наказаний, исполнение которых может быть отсрочено. Указывается на необходимость пересмотра подходов к установлению продолжительности срока отсрочки отбывания наказания. Дана характеристика оснований отмены отсрочки, внесены предложения по совершенствованию законодательства. Выявлены серьезные пробелы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), предложены рекомендации по их преодолению. Подчеркивается важность детального комплексного – уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного – правового регулирования института отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ).

The paper analyzes the criminal law regulations on punishment suspension (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation): the conditions of application of the suspension, its duration, the grounds for revocation. In the framework of suspension conditions (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation) the content of the «presence of a child» notion, the signs of absense of convictions for serious crimes against the person for a term of over 5 years, conviction for crimes against the sexual inviolability of minors are examined. The author considers the types of punishment whose execution may be delayed. The need for reviewing approaches to determining the duration of punishment sus-

pension is stressed, the characteristics of the grounds for cancellation of punishment suspension are suggested. The author proposes ways of improving the legislation. Serious gaps in criminal legal regulation punishment suspension (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation) are revealed, recommendations for the ways of overcoming them are given. The article emphasizes the importance of the detailed complex (criminal, criminal-procedural and criminal-executive) legal regulation of the institute of punishment suspension (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation).

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, условия, продолжительность, отмена отсрочки отбывания наказания.

Keywords: suspended sentence, conditions, duration, cancellation of punishment suspension.

Гуманизация уголовной политики и нормативные документы, принятые высшими органами власти Российской Федерации, диктуют суду при решении вопросов о применении мер уголовно-правового характера уделять особое внимание соблюдению принципа законности и справедливости, учитывая также возможные последствия как для осужденного, так и для его близких. Очевидно, что правильно назначить наказание или освободить от него – недостаточно для достижения целей общего и специального предупреждения, важным этапом в системе общественных отношений, связанных с реализацией уголовной ответственности, выступает сам процесс исполнения наказания и надзора за лицами, освобожденными от него. Лишь в тесном взаимодействии органов власти – законодательной, исполнительной и судебной – можно эффективно решать проблемы противодействия преступности. Не вызывает сомнений и то, что такое взаимодействие в силу сложившихся в нашей стране особенностей правовой системы должно быть детально урегулировано нормами права. Несмотря на бесспорность изложенного, пробелы в законе все же имеют место, тем более явные, что восполнять их практикой приходится ежедневно. Однако такая деятельность качественно отличается в зависимости от места действия, следовательно, противоречит идеям, заложенным законодателем. Здесь необходимо пояснить следующее. Каждый субъект – будь то суд или сотрудник уголовно-исполнительной системы, реализуя пробельную норму права при отсутствии соответствующих разъяснений, руководствуется собственным внутренним убеждением и сложившейся практикой, которая различается не только в зависимости от региона, но даже имеет особенности в разных административных единицах одного муниципального образования. Поскольку уголовное законодательство, понимаемое в широком смысле как совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных предписаний, относится к предмету ведения Российской Федерации, и учитывая конституционный принцип равенства граждан перед законом, приобретающий особенно важное значение в рассматриваемом контексте, верховенство закона и исключение произвольного его толкования должно обеспечиваться тщательным и всесторонним правовым регулированием.

Вместе с тем, законодатель, стремясь развивать гуманистические начала и поддерживать общую тенденцию соответствия карательной политики международным стандартам, вносит все больше изменений в уголовный закон, усложняя тем самым практику его применения при отсутствии руководящих разъясне-

ний соответствующих органов. Проблемы уголовно-правовой регламентации отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) наглядно иллюстрируют сказанное выше.

Прежде всего, условия предоставления отсрочки можно разделить на две группы – положительные и отрицательные, первые выражены в законе утвердительно, вторые содержат отрицание, т. е. указывают на необходимость отсутствия каких-либо обстоятельств, связанных с содержанием обвинительного приговора. К положительным относятся наличие беременности либо наличие малолетнего ребенка; для осужденного мужчины есть еще одно условие – он должен быть единственным родителем такого ребенка. Группу отрицательных признаков составляют следующие: лицо осуждается не за тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, за которое ему назначено наказание свыше пяти лет, не осуждается к ограничению, лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Рассмотрим условия более детально.

В большинстве случаев на практике не возникает проблем с установлением положительных условий предоставления отсрочки отбывания наказания. Наличие беременности подтверждается медицинскими документами, наличие ребенка – свидетельством о его рождении, где указаны родители. Лицом, имеющим ребенка, может быть и тот, кто усыновил (удочерил) ребенка. Таких лиц закон (Семейный кодекс РФ) уравнивает в правах с родителями. Между тем, УК РФ термин «родитель» употребляет только в отношении осужденных мужчин, указывая на то, что у ребенка нет матери. При описании самого признака родственных отношений между взрослым и ребенком закон использует слово «имеющей, имеющий», что не тождественно понятию «родитель». Означает ли это возможность предоставления отсрочки отбывания наказания лицам, которые являются опекунами (попечителями) либо взяли ребенка на воспитание в приемную семью? Представляется, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным, поскольку служит интересам и ребенка, и осужденного, разумеется, с учетом его личности и характера совершенного деяния. На практике, однако, вопрос о предоставлении отсрочки опекунам (попечителям) либо приемным родителям малолетнего не ставится, поскольку четко не решен на законодательном уровне.

Итак, при наличии к тому оснований, закон предусматривает возможность предоставления осужденному мужчине отсрочки отбывания наказания, если он является единственным родителем. Это норматив-

ное указание, безусловно, нарушает равенство граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), так как в отношении осужденной женщины такого условия нет. Более того, данное обстоятельство является и нелогичным: если осужденный мужчина, к примеру, не единственный родитель малолетнего, но является единственным кормильцем в семье, то негативные последствия его преступления ложатся на близких, находящихся на его иждивении. Другими словами, при осуждении такого лица не только его ребенок, но и его близкие оказываются в более невыгодном положении по сравнению с осужденным одиноким отцом или осужденной матерью, поскольку предоставление отсрочки исключено. Между тем, в отношении осужденного, содержащего свою семью, в случае предоставления ему отсрочки отбывания наказания достижение целей исправления, общей и специальной превенции, восстановления социальной справедливости намного более вероятно, нежели в отношении иных категорий осужденных. В условиях каждодневной необходимости заботиться об интересах своей семьи возможная потеря работы или утрата свободы, иные значительные правоограничения, характерные для наказания, расцениваются как весьма устрашающие факторы, способные удержать лицо от совершения новых преступлений – с одной стороны, с другой – претерпевание процедуры осуждения, контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции, угроза отмены отсрочки отбывания наказания воспринимаются обществом как справедливые меры государственного принуждения за совершенное преступление, которое, исходя из условий предоставления отсрочки, как правило, не является тяжким или особо тяжким преступлением против личности. Таким образом, можно заключить, что провозглашенная в ст. 7 Конституции РФ поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, реализуется не в полной мере в рамках ст. 82 УК РФ.

Теперь перейдем к поиску путей решения вопросов, связанных с установлением отрицательных признаков (условий) применения отсрочки отбывания наказания. Напомним, что осужденному может быть предоставлена отсрочка, если он не осужден за тяжкое или особо тяжкое преступление против личности к лишению свободы на срок свыше 5 лет. С определением категории преступления каких-либо трудностей не возникает (ст. 15 УК РФ) в отличие от определения направленности преступного деяния. Следует ли понимать под преступлениями против личности лишь те, что включены законодателем в одноименный раздел VII УК РФ? Комментаторы уголовного закона едины в том, что по смыслу нормы к преступлениям против личности в данном случае относятся и те деяния, где личность, ее права и законные интересы выступают в качестве дополнительного объекта. В частности, разбой (ст. 162 УК РФ), террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и т. д. Такое решение представляется обоснованным как с точки зрения теории, так и с позиций практики [см., напр.: 2, 3, 4, 5, 7].

Нововведение, включенное в ст. 82 УК РФ, среди отрицательных условий предоставления отсрочки отбывания наказания называет отсутствие осуждения лица к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста. Подобные уточнения, на наш взгляд, являются излишними. Во-первых, деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 131 – 135 УК РФ, содержатся в разделе VII «Преступления против личности» УК РФ. Во-вторых, данные деяния, совершенные в отношении не только малолетних, но и несовершеннолетних, относятся к категории тяжких или особо тяжких, за исключением понуждения к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ). Судя по всему, законодатель предполагал, что в данных обстоятельствах нет формальных препятствий для применения отсрочки. Между тем, суд при решении вопросов, связанных с наказанием, руководствуется общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ), которые предписывают во всех случаях учитывать характер и степень общественной опасности преступления. Исходя из этой предпосылки, суд не может положительно решить вопрос об отсрочке наказания лицу, совершившему половое преступление против несовершеннолетнего.

Несмотря на неоднократную переработку нормы УК РФ об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), закон по-прежнему не называет виды наказаний, исполнение (или дальнейшее отбывание) которых может быть отсрочено. В то же время такой перечень имеется в ст. 398 УПК РФ об отсрочке исполнения приговора. В сложившейся ситуации возникает ряд вопросов: в какой мере можно полагаться на уголовно-процессуальное регулирование при применении отсрочки отбывания наказания, установленной нормой УК РФ? И насколько вообще правомерна ситуация, когда положения процессуального законодательства сужают сферу применения материальных норм? Перечень видов наказаний, даваемый УПК РФ, в целом представляется приемлемым, за исключением ограничения свободы, о котором будет сказано ниже, но обозначенных проблем это не устраняет.

В продолжение вопроса о видах наказания, исполнение (или дальнейшее отбывание) которых может быть отсрочено, мы выявили следующее: в ст. 82 УК РФ отсутствует какое-либо упоминание о дополнительных наказаниях, назначаемых осужденному наряду с основным. Применяется ли к ним отсрочка? Или, напротив, можно ли применить отсрочку исполнения дополнительного наказания, не применив ее к основному? Мнения ученых по данной проблеме расходятся: одни полагают, что любые наказания, исполнение которых затрудняется беременностью женщины или наличием у осужденного малолетнего ребенка, могут быть отсрочены [5, 7], другие исследователи вообще не рассматривают существующее положение как проблему [1, с. 22 – 23; 2, 3, 4]. Действительно, регламентируя этот вид освобождения от наказания, закон в принципе не разделяет основные и дополнительные наказания. Попробуем решить вопрос методом систематического толкования закона, а именно, кратко рассмотрим виды наказаний, которые могут

быть назначены в качестве дополнительных. Согласно ст. 45 УК РФ к ним относятся: штраф, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы. Следует сказать, что применять отсрочку к лишению специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью нецелесообразно в связи с тем, что данные наказания назначаются, исходя главным образом из характера общественной опасности преступления, и их исполнение весьма посредственно влияет на условия жизни семьи осужденного, на его возможность воспитывать ребенка. Например, лицо, допустившее нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение смерти потерпевшему (ч. 3 ст. 264 УК РФ), и лишенное по приговору суда права управления транспортными средствами, назначенным в качестве дополнительного наказания, не должно заниматься соответствующей деятельностью с тем, чтобы не совершать аналогичные преступления в будущем. Исполнение этого вида наказания, равно как и лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград осуществляется без участия самого осужденного и связано с выполнением им родительских обязанностей лишь в контексте возможного снижения доходов от профессиональной или иной законной деятельности. Другими словами, предоставление отсрочки отбывания данных наказаний видится лишним смыслом.

Штраф и ограничение свободы, назначенные в качестве основных или дополнительных наказаний, достаточно строгие по своей сути, целесообразнее не назначать, нежели применять к ним отсрочку. Так, правила назначения штрафа (ст. 46 УК РФ) предполагают учитывать не только материальное положение осужденного и его семьи, но и возможность этот штраф уплатить. Это означает, что при наличии реальной возможности исполнения штрафа и серьезных оснований для его назначения он должен быть применен, а при отсутствии этих критериев речь о назначении штрафа идти не должна, соответственно, не будет ставиться вопрос об отсрочке отбывания наказания.

Ограничение свободы (ст. 53 УК РФ) по своему содержанию во многом дублирует условное осуждение (ст. 73 УК РФ) и условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), заключается в установлении судом осужденному таких ограничений как не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, не выезжать за пределы территории муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Если строго подходить к сути выполнения родительских обязанностей

и фактическому содержанию отсрочки отбывания наказания, то часть правоограничений, имеющих место при отсрочке, совпадает с одноименными требованиями при ограничении свободы: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места. Осужденный и при ограничении свободы, и при отсрочке отбывания наказания находится по месту своего жительства, мерой должного поведения при этом выступает лишь требование не нарушать уголовно-правовые и административные запреты и предписания. Резюмируя изложенное относительно ограничения свободы (ст. 53 УК РФ), подчеркнем, что откладывать исполнение одной меры уголовно-правового воздействия с тем, чтобы исполнять подобную же меру, весьма нелогично и, как мы уже отмечали выше, нецелесообразно.

Из сказанного выше вытекает, что наказания, которые могут назначаться в качестве и основных, и дополнительных – штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы – не следует отлагать исполнением на основании ст. 82 УК РФ. Анализ содержания и условий назначения дополнительных наказаний позволяет утверждать, что существует необходимость указания в ст. 82 УК РФ на то, что отсрочка должна применяться только к основным наказаниям, дополнительные же наказания следует применять без отсрочки их исполнения (в рамках ст. 82 УК РФ).

Несмотря на многочисленные изменения, внесенные в ст. 82 УК РФ, остался нерешенным вопрос о длительности отсрочки. Часть 4 ст. 82 УК РФ предоставляет органу, осуществляющему контроль за осужденным, к которому была применена отсрочка, право ходатайствовать перед судом об отмене отсрочки и освобождении лица от наказания или от его части, а также о снятии судимости, если данный орган придет к выводу о том, что осужденный исправился, хотя ребенок еще не достиг 14-ти лет. Необходимым условием при этом закон называет истечение срока, равного сроку наказания. Подчеркнем, что это право, а не обязанность данного органа и суда, соответственно, вопрос о длительности отсрочки остается открытым. Инициатива ходатайства при этом должна исходить не от осужденного, а от органа, осуществляющего контроль – эта четкая формулировка, изложенная в УК РФ и УИК РФ, дополняется решением Конституционного Суда РФ, где указано, что осужденный также имеет право обращаться с данным ходатайством [8].

В юридической литературе отмечается, что срок отсрочки для беременных женщин (более 14 лет) слишком большой для оценки жизненной позиции осужденной по отношению к ребенку, тогда как осужденные, имеющие детей в возрасте тринадцати лет, получившие отсрочку отбывания наказания, состоят на учете уголовно-исполнительных инспекций лишь один год. Поэтому в целях гуманизации законодательства и создания равных условий для осужденных предлагается установить срок отсрочки в размере оставшейся части назначенного наказания независимо от возраста ребенка, для чего внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 82 УК РФ, ч. 1 ст. 177 и ч. 5

ст. 178 УИК РФ [см.: 6, с. 20; 9, с. 244]. Здесь нужно еще раз пояснить, что закон предусматривает досрочную отмену отсрочки с освобождением от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости в случае, если до достижения ребенком 14-летнего возраста истек срок, равный сроку наказания, отбывание которого было отсрочено (ч. 4 ст. 82 УК РФ). Однако эта норма не учитывает случаи, когда отсрочка была предоставлена, к примеру, лицу, воспитывающему ребенка в возрасте 13 лет, при этом срок наказания, исполнение которого отсрочено, равнялся, скажем, четырем годам. Представляется, что в данном случае закон в ст. 82 УК РФ и суд при постановлении решения о предоставлении отсрочки должен указать на необходимость соблюдения условий отсрочки осужденным вплоть до истечения срока назначенного наказания или оставшейся его части независимо от возраста ребенка. Таким образом, установление в законе для всех категорий осужденных срока отсрочки равным сроку назначенного наказания или его неотбытой части ликвидирует неравенство осужденных, имеющих детей разного возраста, и беременных женщин. Дополнительным аргументом в пользу такого решения является необходимость воспитания несовершеннолетнего и после достижения им 14-ти лет.

Говоря об основаниях отмены отсрочки, закон ограничивается лишь такими, которые выразились в нарушении осужденным родительских обязанностей (отказ от ребенка, злостное уклонение от его воспитания) и предполагают направление осужденного для отбывания назначенного наказания. Не названы основания отмены отсрочки для тех случаев, когда родитель добросовестно относится к условиям отсрочки, кроме истечения срока, равного сроку наказания (уже рассмотренная норма ч. 4 ст. 82 УК РФ), но и это обстоятельство оставлено на усмотрение органа, осуществляющего контроль за осужденным, и суда. В Уголовном кодексе РФ не урегулирован вопрос об отмене отсрочки и в случаях, когда отпали основания ее предоставления: рождение мертвого ребенка, гибель ребенка, появление матери (восстановление родительских прав, усыновление, удочерение, опека и проч.) у ребенка, воспитывавшегося одиноким отцом. При данных обстоятельствах получается, что осужденный пользуется отсрочкой безосновательно. Часть 4 ст. 178 УИК РФ упоминает в этой связи только смерть ребенка, на основании которой в суд направляется представление об отмене отсрочки и решении вопроса о наказании. Можно ли аналогичным образом поступать и в иных, помимо смерти ребенка, случаях? Если оставить в стороне вопрос об улучшении условий воспитания ребенка, когда у него появляется мать,

думается, что действующий закон других вариантов решения не предполагает. Например, если осужденный одинокий отец, которому была предоставлена отсрочка отбывания наказания, вступает в брак, где супруга усыновляет (удочеряет) его ребенка, право на отсрочку он утрачивает постольку, поскольку больше не является единственным родителем. Следовательно, на основании представления уголовно-исполнительной инспекции суд принимает решение об отмене отсрочки и направлении осужденного для отбывания назначенного наказания (оставшейся части наказания) в соответствующий орган или учреждение. Аналогичным образом должен решаться вопрос об отсрочке, предоставленной осужденному мужчине и в случае, если мать ребенка была восстановлена в родительских правах. Подобные позитивные перемены в жизни осужденного и его ребенка не должны становиться причиной отмены отсрочки отбывания наказания, поскольку они с большей степенью вероятности, нежели уголовное наказание, способны мотивировать лицо к исправлению, удержать его от совершения новых преступлений, вызвать стремление создать достойные условия для жизни своей семьи. Правильность решения о сохранении отсрочки еще больше очевидна с позиций воспитания малолетнего ребенка в условиях полной семьи. Путь преодоления данной проблемы мы указывали выше – он видится в устранении дополнительного требования к осужденному мужчине о том, что он должен являться единственным родителем малолетнего (ч. 1 ст. 82 УК РФ).

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Из изложенного выше со всей очевидностью вытекает, что проблемы правовой регламентации отсрочки отбывания наказания существуют, причем такие, которые требуют незамедлительного решения. Остается открытым вопрос о соблюдении принципов законности, справедливости и гуманизма при применении отсрочки отбывания наказания: вышеизложенное и сравнительный анализ отсрочки с условным осуждением, с иными основаниями освобождения от наказания приводит к выводу о том, что сфера применения отсрочки гораздо более узкая, нежели, скажем, условного осуждения либо условно-досрочного освобождения. Причинами тому являются недоработки законодательного регулирования данного института, его низкая в связи с этим эффективность.

Отмеченные нами проблемные вопросы отнюдь не исчерпывают дискуссионных положений, имеющих место в норме УК РФ об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ). Большая часть из них требует фундаментальных комплексных межотраслевых исследований.

Литература

1. Кацуба, С. А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: монография / С. А. Кацуба. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2009. – 121 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т. К. Агузаров, А. А. Ашин, П. В. Головенков [и др.]; под ред. А. И. Чучаева. – М.: Контракт, 2012. – 624 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькина [и др.]; под ред. Г. А. Есакова. – М.: Проспект, 2012. – 544 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2011. – 824 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1392 с.
6. Некрылова, С. Особенности контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей / С. Некрылова // Преступление и наказание. – 2006. – № 9.
7. Новое в Уголовном кодексе / под ред. А. И. Чучаева. – М.: Контракт, 2012. – Вып. 2. – 114 с.
8. Определение Конституционного Суда РФ: от 04.12.2007 № 957-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степиной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 82 и 85 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 176 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». – 2013.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. – М., 2010. – 496 с.

Информация об авторе:

Красильникова Марина Сергеевна – преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, старший лейтенант внутренней службы, +7923-470-4850; +7913-315-4535, borisnat77@mail.ru.

Marina S. Krasilnikova – Lecturer at the Department Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Kuzbass institute of Federal Penitentiary Service of Russia; senior lieutenant of the internal service.

УДК 343.238.5

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. А. Силаев

OBJECTIVE SIGNS OF DELICTUM CONTINUATUM

S. A. Silaev

Статья посвящена рассмотрению объективных признаков продолжаемого преступления. Стоя на позициях субъективной концепции продолжаемого преступления, автор утверждает, что такие обстоятельства, как единство объекта или предмета преступления, тождество деяний или принадлежность их к одному роду (виду), единый ущерб, единство нарушенного права (единство потерпевшего), наличие временной и пространственной связи между эпизодами преступной деятельности, единство способа преступления, использование одной и той же ситуации, одного и того же длящегося отношения и т. п., относятся к числу переменных (вариативных) признаков анализируемой правовой конструкции. Они не имеют самостоятельного юридического значения, а лишь доказывают наличие единства субъективной стороны, которым и определяется природное единство продолжаемого преступления.

The paper focuses on studying objective signs of *delictum continuatum*, i. e. continuous offence or offence of several transactions. Within the subjective conception of continuous offence, the author argues that such circumstances as identity of protected or attacked object; identity or homogeneity of criminal actions or omissions; joint harm or damage; identity of violated right (identity of victim); temporal and spatial bind between episodes of criminal activities; identity of criminal *modus operandi*; use of the same situation or continuous relations, etc. belong to variable signs of the analysed legal construction. They have no independent juridical importance, but only prove the identity of *mens rea*, and just indivisible *mens rea* determines the natural unity of *delictum continuatum*.

Ключевые слова: единый умысел; объективная сторона преступления; продолжаемое преступление; совокупность преступлений; субъективная сторона преступления.

Keywords: *actus reus*; concurrence of offences; continuous offence; criminal intention; *delictum continuatum*; *mens rea*; cumulative offence.

На протяжении двух последних столетий в уголовно-правовой науке континентальной Европы, включая и Россию, не утихают споры по поводу продолжаемого преступления. Дискуссионными остаются

как анализируемая юридическая конструкция в целом, так и каждый отдельный её элемент (признак). При этом концептуальные подходы нередко заменяются сугубо прагматическими, что проявляется прежде

де всего в увеличении числа признаков данного феномена, отмечаемых в его определении. Между тем, ещё Гегель писал о порочности определения понятия через перечисление его признаков, «существенность которых есть для самого предмета нечто безразличное», и требовал «настоящих определений понятия, которые были бы по существу своему принципами предметов» [3, с. 731]. Если описание «предназначено для представления и принимает в себя это дальнейшее, принадлежащее к реальности содержание», то дефиниция, «сводя... предмет к его понятию, отбрасывает его внешние черты, которые необходимы для его существования; она абстрагирует от того, что прибавляется к понятию при его реализации и благодаря чему понятие переходит, во-первых, в идею и, во-вторых, во внешнее существование». В определении понятие «обретает само себя» и «имеет соответствующую ему реальность» [3, с. 728].

В современной учебной литературе по формальной логике отмечается, что определение есть логическая операция, раскрывающая содержание понятия; понятие же есть не что иное как «форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках» [8, с. 47; 30]. Это значит, что в определение должны закладываться не все признаки определяемого предмета, а лишь те, что выражают его сущность; в свою очередь, если признак сущностный, то он характерен для всех без исключения элементов определяемого множества – без этого признака соответствующий предмет существовать не может; несущественные же признаки, пусть даже часто встречающиеся, типичные, в определении отражаться не должны.

Исходя из этой общеправовой посылки, рассмотрим предлагаемые в уголовно-правовой доктрине объективные признаки продолжаемого преступления.

Практически все авторы прежде всего обращают внимание на определённое сходство эпизодов продолжаемого преступления, или «минипреступлений» [10, с. 108]. Напомним, что согласно п. 2 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» продолжаемыми признаются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление» [1, с. 6]. Поскольку данное руководящее разъяснение формально сохраняет юридическую силу на территории Российской Федерации и, следовательно, является обязательным для правоприменителя, не считаться с ним нельзя. Однако при ближайшем рассмотрении требование тождественности образующих продолжаемое преступление действий представляется более чем спорным.

Во-первых, исходя из буквального смысла процитированного руководящего разъяснения, получается, будто бы продолжаемое преступление может быть учинено лишь в форме активного действия; однако ряд авторов справедливо обращают внимание на возможность существования продолжаемого бездействия [6, с. 264; 32, с. 92].

Во-вторых, совершенно ясно, что нескольких абсолютно тождественных преступных действий быть

просто не может. Слово *тождественный* означает в русском языке «равный, одинаковый или вполне подобный; однозначный, равносильный, безразличный, во всём сходный; по смыслу и значению своему один и тот же», а *тождественность* или *тождество* – «полное сходство, подобие, равенство смысла, разума, значения» [4, с. 778]. Ясно, что двух (а тем более нескольких) абсолютно тождественных преступных действий быть просто не может – в конце концов, «тождество с собой уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением *отличие от всего другого*» [29, с. 530]. Поэтому многие учёные уточняют данный признак, полагая, что речь должна идти не о фактическом, а о юридическом тождестве [2, с. 8; 18, с. 96; 21, с. 17; 28, с. 20]. Требование фактической «неоднократной тождественности преступных действий», включая аналогичность «по способу осуществления намерения как криминалистического понятия», высказывалось, пожалуй, лишь П. К. Кривошеиным [12, с. 14 – 15] и нашло справедливую критику как неоправданно сужающее понятие продолжаемого преступления. Однако и критерий юридического тождества оказывается спорным.

По мнению Т. Г. Черненко, юридически тождественными следует считать «действия, совпадающие по своим юридическим признакам, юридической значимости, степени общественной опасности, то есть действия, предусмотренные одной статьёй (если статья без частей) или одной частью статьи Уголовного кодекса» [28, с. 20]. Н. А. Бабий даёт ещё более узкое определение данного понятия. По его мнению, юридически тождественными являются преступления, имеющие одинаковую квалификацию (т. е. квалифицированные по одним и тем же нормам Общей и Особенной части уголовного закона) [2, с. 31]. При этом наравне с тождественными и однородными преступлениями данный автор предлагает выделять категорию нетождественных преступлений одного вида, каковыми он признаёт, во-первых, преступления, квалифицируемые по разным частям одной и той же статьи Особенной части Уголовного кодекса, во-вторых, преступления, различающиеся по стадиям их совершения, в-третьих, случаи выполнения различных ролей в совершении преступлений, в-четвёртых, сочетание любых из вышеперечисленных различий [2, с. 34]. Приветствуя столь строгий подход к определению юридического тождества, полагаем, что нетождественными преступлениями одного вида следует считать и преступления, предусмотренные различными пунктами одной и той же части статьи Особенной части Уголовного кодекса. В самом деле, кража с проникновением в помещение или иное хранилище не только фактически, но и по своей юридической формуле отличается от кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившейся при потерпевшем, хотя оба эти вида квалифицированной кражи предусмотрены ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Сказанное не позволяет согласиться с тем, что продолжаемое преступление может быть образовано только юридически тождественными деяниями. Считая такой взгляд на продолжаемое преступление чрезмерно узким, многие югославянские юристы, основываясь на законодательстве своих государств, в

качестве одного из обязательных признаков продолжаемого преступления называют совершение виновным ряда одинаковых или однотиповых деяний; при этом они, как и Н. А. Бабий, считают однотиповыми преступные деяния, образующие различные формы одного и того же состава (основной, квалифицированный и привилегированный), а равно оконченное преступление и покушение на него [31, с. 651; 33, с. 211; 34, с. 373; 35, с. 1050 – 1051]; иногда в этот перечень добавляются различные формы участия в совершении преступления (исполнение и соучастие в тесном смысле) [32, с. 88 – 96].

Не редки случаи, когда эпизоды продолжаемого преступления (если рассматривать их изолированно) представляют собой нетождественные однотиповые преступления, и в практике российских судов. Так, ночью 24 января 2007 г. П., М. и Я., а также Д., уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, договорившись совершить хищение чужого имущества и взяв с собой выдергу, пришли в гаражный массив, где, разобрав часть кирпичной стены, проникли в гараж, принадлежащий Б., и тайно похитили оттуда автомагнитола, радиоприёмник, электродрель, два баллона автомобильной краски, три ведра картофеля, несколько банок с соленьями и вареньем на общую сумму 12920 руб., чем причинили Б. значительный материальный ущерб. При этом они, видя, что в гараже ещё остались продукты питания и иное ценное имущество, решили в ближайшее время вернуться и продолжить свои преступные действия. На следующий вечер указанные лица вернулись на место преступления, через ранее проделанное отверстие в кирпичной кладке проникли внутрь и тайно похитили из гаража ещё три ведра картофеля, соленья, варенье, двухконфорочную электропечь, различные запчасти для автомобиля на общую сумму 4400 руб., которую потерпевший Б. не счёл значительной. Как видим, первый эпизод, рассмотренный изолированно, представляет собой преступление, предусмотренное п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а второй – преступление, предусмотренное п. «а» и «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Несмотря на это, содеянное представляет собой единое продолжаемое преступление – кражу, совершённую группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище, причинившую значительный ущерб гражданину [37]. Не было бы совокупности и в том случае, если бы при тех же обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у виновных единого умысла, в ходе одного из эпизодов было бы похищено имущество в крупном размере – содеянное всё равно квалифицировалось бы как единое преступление (правда, уже по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Ряд отечественных авторов, отмечая, что понятие тождественности слишком узко для характеристики продолжаемого преступления, предпочитают характеризовать составляющие его эпизоды как тождественные или однородные (либо просто однородные) [6, с. 264; 7, с. 10; 9, с. 52; 17, с. 19; 20, с. 98; 30, с. 26]. При этом следует иметь в виду, что в ряде приведённых работ (равно как и у некоторых дореволюционных русских юристов [26, с. 34]) однородность пони-

мается довольно узко и фактически охватывает лишь однотиповые преступления. Наконец, отдельные учёные, пытаясь избежать терминологических споров, пишут о том, что продолжаемые преступления состоят из ряда деяний, содержащих признаки одного и того же состава преступления [13, с. 261; 21, с. 633]. Думается, что и такое определение чрезмерно узко. По нашему мнению, пусть в редких случаях, но всё же возможно, когда продолжаемое преступление состоит из разнородных общественно опасных деяний, содержащих признаки совершенно разных составов преступления. Приведём пример.

26 февраля 2008 г., около 16 часов, Г., достоверно зная, что по определённому адресу проживает одинокая престарелая женщина Б., не способная в силу своего возраста оказать ему сопротивление, с целью хищения чужого имущества пришёл туда, постучал в дверь, назвался соседом, а когда потерпевшая открыла, незаконно проник в квартиру и потребовал у неё деньги. Б. ответила, что денег у неё нет. Тогда Г. достал из кармана нож и высказывая угрозы убийством, вновь потребовал, чтобы Б. отдала ему деньги. Воспринимая угрозу реально, Б. сказала ему, где лежат деньги, после чего Г. прошёл по квартире и открыто похитил 500 руб. денег и 7 рулонов обоев на сумму 945 руб., причинив потерпевшей материальный ущерб в сумме 1445 рублей. В продолжение своего преступного умысла, направленного на хищение принадлежащего Б. имущества, Г. в тот же день, около 18 часов, вновь проник в ту же квартиру, используя обман (представился сотрудником милиции), и, угрожая хозяйке ножом, опять стал требовать денег. Б. ответила, что денег больше нет, и Г., продолжая угрожать, стал ходить по квартире, отыскивая ценные вещи. Затем он отобрал у потерпевшей ключи от квартиры, а когда она потребовала их вернуть, нанёс один удар кулаком в грудь, отчего Б. упала, а затем ударил ногой по лицу, отчего потерпевшая потеряла сознание. После этого Г. прошёл по квартире и, собрав принадлежащие Б. вещи (аудиомагнитофон, наволочку, пачку стирального порошка, фильмоскоп, фен, две хрустальные вазы, 6 рюмок, чайник и утюг на общую сумму 3600 руб.), скрылся с места преступления, распорядившись впоследствии похищенным по своему усмотрению. Суд обоснованно не нашёл в действиях Г. совокупности преступлений и квалифицировал содеянное им как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой, совершённый с незаконным проникновением в жилище) [38]. Налицо два юридически (да и фактически) тождественных действия, объединённых единым умыслом, – словом, типичное продолжаемое преступление.

А теперь несколько изменим ситуацию и предположим, что Б. потеряла сознание от удара, нанесённого в ходе первого нападения, и находилась в бессознательном состоянии в течение длительного времени, так что вернувшемуся на место преступления Г. не нужно было использовать ни обман, ни насилие, для того чтобы продолжить реализацию своего умысла на завладение имуществом потерпевшей. Если признавать обязательным признаком продолжаемого преступления тождественность или однородность составляющих его деяний, то при изменённых нами

условиях придётся квалифицировать содеянное Г. по правилам реальной совокупности: ведь кража и разбой – явно разнородные преступления (одно посягает исключительно на отношения собственности, а другое – ещё и на общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья человека, телесную неприкосновенность личности). Однако такая юридическая оценка противоречила бы и принципу справедливости (во втором из рассмотренных вариантов ситуации мы вынуждены были бы назначить более строгое наказание, хотя общественная опасность содеянного, по крайней мере, не большая, чем в первом варианте), и принципу вины (Б. не намеревался совершать разбой и кражу – все его действия были направлены на реализацию одного и того же умысла на изъятие имущества потерпевшей путём нападения на неё). Думается, что, два поведенческих акта Г., несмотря на их разнородность, суть лишь составные части одного продолжаемого преступления – разбоя.

Заметим также, что многие специалисты совершенно справедливо считают, что продолжаемое преступление может складываться как из преступных деяний, так и из иных правонарушений [7, с. 10; 9, с. 60; 19, с. 143–144; 28, с. 20] (хотя ряд авторов искусственно сужают данное понятие, полагая, что в состав продолжаемого преступления могут входить лишь деяния, каждое из которых содержит все признаки соответствующего состава преступления [18, с. 96; 27, с. 226], либо, напротив, признавая эпизодами такого преступления лишь деяния, каждое из которых в отдельности не обладает той общественной опасностью, которая присуща данному составу преступления [12, с. 14 ff]). А это ещё один аргумент против отнесения юридического тождества к числу обязательных признаков продолжаемого преступления: скажем, административно наказуемая мелкая (ст. 7.27 КоАП РФ) и уголовно наказуемая «простая» (ч. 1 ст. 158 УК РФ) кражи, будучи основаниями разных форм юридической ответственности, никак не могут быть признаны тождественными, да и об однородности здесь можно говорить с большой долей условности, учитывая качественное различие между преступлениями и иными правонарушениями: первые – общественно опасны, вторые – лишь вредоносны [5, с. 135; 11, с. 44; 25, с. 160–161].

Учитывая изложенное, считаем, что ни юридическое тождество, ни юридическая однородность не являются необходимыми признаками продолжаемого преступления, которое вполне может состоять и из разнородных деяний, если они совершены во исполнение единого преступного умысла. Другое дело, что поэтапная реализация единого умысла зачастую (но не всегда!) предполагает совершение виновным более или менее одинаковых действий. Иными словами, юридическое тождество эпизодов представляет собой лишь одно из возможных доказательств наличия единой вины. Как справедливо отмечал ещё А. Фон-Резон, «можно лишь сказать, что чем более разницы в отдельных действиях, тем безошибочнее можно заключить, что имеем перед нами не одно намерение, не одно продолжаемое преступление, а несколько намерений, несколько преступлений» [26, с. 33–34].

Н. Ф. Кузнецова в начале своей научной деятельности считала главным признаком продолжаемого преступления нанесение единого ущерба единому объекту, причём этот единый ущерб «слагается из ряда более мелких однородных ущербов, которые имеют значение элементов состава только в их совокупности» [14, с. 130]. Схожие мнения высказывались и некоторыми другими авторами – как отечественными [16, с. 159–160; 22, с. 16–18; 30, с. 24], так и зарубежными [36, с. 207]. Однако данный признак на самом деле не позволяет отграничить продолжаемое преступление от совокупности, причём как от однородной (несколько самостоятельных хищений причиняют собственнику, в конечном счёте, единый материальный ущерб), так и от разнородной (единичное преступление, в том числе и продолжаемое, может быть полиобъектным). Й. Л. Бутурович в этой связи обращает внимание ещё на два момента: во-первых, отдельное указание на причинение продолжаемым преступлением единого ущерба излишне («Было бы поистине абсурдным говорить, что действие входит в состав продолжаемого преступления, а последствие остаётся вне его»), а во-вторых, последствия по-разному проявляются в преступлениях с материальными и формальными составами [32, с. 158–159]. С учётом сказанного, логичнее уж говорить не о едином последствии или едином ущербе, а об общем результате как цели поведения лица с начала совершения продолжаемого преступления [10, с. 108], но это уже не объективный, а субъективный признак. К слову сказать, сама Н. Ф. Кузнецова в более поздней монографии предлагает уже совсем иной подход: «Систематические мелкие хищения с производственных объектов так называемыми "несунами" не представляют собой продолжаемого хищения, если отсутствует цель создать из похищенного нечто целое и исполняемое по заранее запланированному сценарию» [15, с. 313]. Здесь налицо явный переход от объективной концепции продолжаемого преступления к субъективной.

Нецелесообразно включать в понятие продолжаемого преступления и указание на единый предмет посягательства, оговаривая его «делимость» либо, наоборот, «неделимость». Предмет как материальное выражение объекта имеется далеко не во всех преступлениях; но и там, где он есть, ему вряд ли стоит придавать самостоятельное значение при решении вопроса о наличии в содеянном признаков продолжаемого преступления или реальной совокупности – хотя бы потому, что не исключена возможность нескольких самостоятельных посягательств на один и тот же предмет.

Многие европейские криминалисты предлагают в качестве альтернативного (переменного) признака продолжаемого преступления рассматривать использование одной и той же ситуации или одного и того же длящегося отношения [32, с. 153–157]. При этом под длящимся отношением понимается любое юридическое или фактическое отношение между виновным и потерпевшим (родственные, трудовые отношения, отношения по гражданско-правовому договору выполнения работ или оказания услуг, отношения между начальником и подчинённым по военной службе и т. п.), которое даёт возможность лицу со-

вершить несколько противоправных деяний или облегчает их совершение; в качестве ситуации в данном аспекте могут выступать временное отсутствие собственника жилища, из которого «по частям» совершается кража, наводнение или иная чрезвычайная ситуация и т. п. Однако, как правильно отмечает А. М. Ораздурдыев, постоянство обстановки является необходимой предпосылкой единого умысла при продолжаемом преступлении [20, с. 104 – 105]. Именно в качестве доказательства единства субъективной стороны продолжаемого преступления и надлежит рассматривать данный признак.

Аналогичное значение следует придавать и таким часто называемым признакам продолжаемого преступления, как наличие временной связи (относительно небольшие промежутки времени) между эпизодами, единство или сходство способа преступного посяательства, единство места совершения преступления и единство источника преступного обогащения [13, с. 264; 28, с. 22; 31, с. 652]: игнорировать их нельзя, ибо с их помощью устанавливается наличие у виновного единого умысла, мотива, цели, единого преступного плана и т. п., однако все эти внешние, формальные признаки в силу своего чрезвычайно оценочного характера неспособны выполнять роль конститутивных атрибутов анализируемой юридической конструкции [32, с. 166; 35, с. 1052 – 1056]. В самом деле, вору или растратчику для реализации единого преступного намерения необходимо действовать в довольно ограниченных пространственных рамках, а распространитель экстремистских материалов, напротив, стремится охватить своей противозаконной агитацией как можно большую территорию; кроме того, как справедливо отмечает Й. Л. Бутурович, современ-

ные транспортные средства позволяют быстро преодолевать большие расстояния, что зачастую сводит на нет значение данного признака [32, с. 166]. Точно так же совершающий в несколько приёмов квартирную кражу стремится закончить всё как можно скорее, а лицо, использующее незаконные схемы «оптимизации налогообложения», в принципе не может совершать акты уклонения от уплаты налогов через короткие промежутки времени, ибо закон связывает исполнение данной обязанности с определённым налоговым периодом (по большинству налогов – один календарный год).

Не может служить самостоятельным признаком продолжаемого преступления и единство нарушенного права (единство потерпевшего). Этот вопрос детально рассматривался нами в рамках отдельной статьи [23, с. 37 – 46]; здесь же укажем лишь, что:

– во-первых, количество потерпевших нередко является случайным и совершенно не отражается в сознании виновного;

– во-вторых, продолжаемый характер могут носить т. н. «преступления без жертв» (например, незаконный оборот наркотиков), где вопрос о потерпевшем в принципе не ставится.

С учётом всего вышесказанного можно прийти к выводу, сделанному более ста лет назад Н. С. Таганцевым: «объединяющее условие» продолжаемого преступления «нужно искать в стороне внутренней, в единстве виновности, причём объективная сторона, единство или раздельность объекта, времени, места и способа действия, а в особенности однородность деятельности будут составлять только доказательства единства или раздельности внутренней стороны» [24 с. 284].

Литература

1. Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1) // сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997.
2. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие / Н. А. Бабий. – Мн.: Тесей, 2008. – 176 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Изд. 2-е, стереотип. – СПб.: Наука, 2005. – 800 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 4. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 912 с.
5. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 316 с.
6. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. – 320 с.
7. Караев, Т. Э. Повторность преступлений / Т. Э. Караев. – М.: Юрид. лит., 1983. – 104 с.
8. Кириллов, В. И. Логика: учебник для вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 256 с.
9. Козлов, А. П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / А. П. Козлов; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2007. – 280 с.
10. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 353 с.
11. Коржанский, Н. И. Очерки теории уголовного права / Н. И. Коржанский. – Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1992. – 92 с.
12. Кривошеин, П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы) / П. К. Кривошеин. – Киев: Вища школа, 1990. – 159 с.
13. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.

14. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н. Ф. Кузнецова. – М.: Госюриздат, 1958. – 218 с.
15. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с.
16. Курс советского уголовного права: в 6 т. – Т. III: Часть Общая. Наказание / ред. колл.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чиквадзе. – М.: Наука, 1970. – 352 с.
17. Малков, В. П. Множественность преступлений и её формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1982. – 176 с.
18. Матышевский, П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности / П. С. Матышевский. – Киев: Вища школа, 1983. – 175 с.
19. Навроцкий, В. О. Основи кримінально-правової кваліфікації / В. О. Навроцький. – Київ: Юрінком Інтер, 2006. – 704 с.
20. Ораздурдыев, А. М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юр. наук / А. М. Ораздурдыев; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1984. – 198 с.
21. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
22. Ришелюк, А. Н. Длющиеся и продолжаемые преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А. Н. Ришелюк; Киев. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1992. – 25 с.
23. Силаев, С. А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении / С. А. Силаев // Советник юриста. – 2011. – № 4.
24. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
25. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1977. – 216 с.
26. Фон-Резон, А. О продолжаемом преступлении (*crimen continuatum*). По поводу решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Качкаевых / А. Фон-Резон // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Кн. 1.
27. Фріс, П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студентів вищих навчальних закладів / П. Л. Фріс. – Київ: Атіка, 2004. – 488 с.
28. Черненко, Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву / Т. Г. Черненко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 203 с.
29. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. / соч. 2-е изд. – Т. 20.
30. Яковлев, А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А. М. Яковлев. – М.: Госюриздат, 1960. – 117 с.
31. Babić, M. Konstrukcija produženog krivičnog djela u Krivičnom zakoniku Crne Gore / M. Babić // Pravni život. – 2008. – God. 21. – Br. 9. – Т. 1.
32. Buturović, J. Lj. Produženo krivično delo / J. Lj. Buturović. – Beograd: Privredna štampa, 1980. – 239 s.
33. Kazensko pravo. Splošni del / Lj. Bavcon, A. Šelih, D. Korošec, M. Ambrož, K. Filipčič. – Peta izdaja. – Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije, 2009. – 568 s.
34. Novoselec, P. Opći dio kaznenog prava / P. Novoselec. – Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu. – 2009. – XX. – 574 s.
35. Vuletić, I. Produljeno kazneno djelo – jedan mogući smjer razvoja de lege ferenda / I. Vuletić // Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. – 2008. – God. 15. – Br. 2.
36. Zlatarić, B. Krivični zakonik u praktičnoj primjeni (kritički pregled judikature). Svezak 1: Opći dio / B. Zlatarić. – Zagreb: Narodne novine, 1956. – 331 s.
37. Архив Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской обл. Дело № 1-256-2007.
38. Архив Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской обл. Дело № 1-172-2008.

Информация об авторе:

Силаев Семён Александрович – ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, siamion_silajeu@tut.by.

Semyon A. Silaev – Assistant Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

УДК 343.3

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОМЕЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА**

В. А. Терентьева

THE LEGAL NATURE OF PLACING MINORS IN SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

V. A. Terentieva

Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы такой принудительной меры воспитательного воздействия для несовершеннолетних преступников, как помещение их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

The paper addresses the study of the legal nature of such compulsory educational measures for juvenile offenders as their placement in special educational institutions.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, освобождения от уголовного наказания.

Keywords: compulsory educational measures, exemption from criminal punishment.

История развития, основания применения и само понятие принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, отражается в ее правовой природе. Существует несколько точек зрения на правовую природу принудительных мер воспитательного воздействия.

Ученые, согласно одной из них, считают, что данные меры воплощают в себе одну из сторон уголовной ответственности, хотя и означают освобождение от уголовного наказания. В обоснование своей позиции они приводят следующие аргументы: указанные меры применяются за совершение общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, выступают в качестве правового последствия нарушения уголовно-правового запрета, имеют принудительный характер, применяются в соответствии с нормами уголовного законодательства, сопряжены с различного рода лишениями и ограничениями, при их применении государство не отказывается от отрицательной оценки деяния и лица, его совершившего.

Принудительные меры воспитательного воздействия не являются ни наказанием, ни какой-либо иной формой реализации уголовной ответственности. Действительно, одной из форм реализации уголовной ответственности является отрицательная оценка преступления и лица его совершившего, в обвинительном приговоре суда. В применении принудительной меры воспитательного воздействия в порядке ч. 2 ст. 92 УК РФ, однако, не содержится осуждения и порицания. Ст. 432 УПК РФ устанавливает, что, постановив обвинительный приговор, суд вправе освободить несовершеннолетнего от уголовного наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия (речь идет о мере, назначаемой в соответствии со ст. 92 УК РФ). В данном случае имеет место уголовная ответственность несовершеннолетнего, но проявлением этой ответственности будут не сами принудительные меры воспитательного воздействия, назначаемые по постановлению суда, а отрицательная оценка преступления и лица, его совершившего, данная в обвинительном приговоре.

Принудительная мера воспитательного воздействия, предусмотренная ч. 2 ст. 92 УК РФ, не может выступать материальным носителем уголовной ответственности, так как лишена возмездного характера, не выражает порицания, направлена на ресоциализацию несовершеннолетних. Мера, предусмотренная ч. 2 ст. 92 УК РФ, не позорит несовершеннолетних, она не является выражением отрицательной оценки государства, поскольку не служит средством передачи лицу негативного отношения со стороны государства к его деянию и личности. В этом случае общество и государство отказываются от наказания, принимая в расчет какие-либо факторы, например, несовершеннолетие и возможность быстрого исправления, а порицание выражается в обвинительном приговоре суда.

Суровость указанной меры не зависит количественно от тяжести преступления, срок принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, определяется количеством времени, необходимого для исправления и воспитания несовершеннолетних, однако должен быть ограничен предельным сроком в три года. Данная мера не преследует цели общего предупреждения и не может быть основана на устрашении, а также установлена для экономии мер государственной репрессии, выраженных в уголовном наказании. На основании всего вышесказанного позиция о том, что принудительные меры воспитательного воздействия являются одной из специфических форм осуществления уголовной ответственности, не представляется верной.

Вторая позиция заключается в том, что принудительные меры воспитательного воздействия понимаются как выражение уголовной ответственности, обладающее особой природой, поскольку несут в себе элементы кары, хотя и не в таком количестве, как уголовное наказание. Другими словами, сторонники этой позиции утверждают, что различие наказания и принудительных мер воспитательного воздействия не качественное, а количественное, поскольку и те и другие содержат в себе как элементы кары, так и элементы исправительного воздействия. Этой же точки

зрения придерживается В. В. Устинова, которая полагает, что помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение является по своему содержанию карательным.

Однако, по нашему мнению, все физические ограничения, претерпеваемые несовершеннолетним при помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, направлены не на обеспечение возмездного характера этой меры, а на обеспечение контроля и специального педагогического режима. Н. К. Семернева, С. Г. Келина также считают, что кара не относится к содержанию принудительных мер воспитательного воздействия.

На наш взгляд, ограничения, применяемые к несовершеннолетнему при назначении принудительных мер воспитательного воздействия служат обеспечением воспитания, а не наказания. Одновременно следует отличать принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 ст. 92 УК РФ, от чисто воспитательных мер, поскольку данная мера применяется к особой категории несовершеннолетних, которые совершили преступление, и, соответственно, наделена особым государственно-принудительным характером реализации.

Все меры воспитательного воздействия, на наш взгляд, являются специфическим видом мер, предусмотренных для несовершеннолетних УК РФ. В данных мерах реализуется сила государственного принуждения. Несмотря на необходимость согласия несовершеннолетнего на прекращение уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии с ч. 6 ст. 427 УПК РФ, если таковые были назначены судом, лицо обязано их исполнять. Принудительный характер указанных мер выражается в том, что принудительные меры воспитательного воздействия в целом осуществляются вне зависимости от воли несовершеннолетнего или его законных представителей, а также могут повлечь неблагоприятные последствия при их неисполнении. Законодатель закрепил в ч. 4 ст. 90 УК РФ возможность привлечения лица к уголовной ответственности при систематическом неисполнении установленных предписаний. Что касается меры, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, то подобные неблагоприятные последствия отсутствуют, однако, этот факт не может свидетельствовать об отсутствии принудительного характера. Полагаем, что это является недостатком, который не позволяет в полном объеме реагировать на противоправное поведение несовершеннолетнего после назначения ему помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Применение принудительных мер воспитательного воздействия, на наш взгляд, направлено на исправление несовершеннолетнего, на привитие ему базовых навыков позитивного поведения в обществе. Принудительные меры воспитательного воздействия призваны выработать у лица необходимые правила общения, скорректировать, перевести его поведение в категорию общественно полезного или социально нейтрального. Поскольку несовершеннолетние отличаются повышенной восприимчивостью к внешнему воздействию в соответствии с особенностями строения их психики, то данная цель может быть достигну-

та скорее методами, не связанными с уголовным наказанием, что соответствует балансу между репрессивностью принуждения и необходимой защитой личности.

Сторонники третьей позиции утверждают, что поскольку законодатель четко различил случаи применения принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении от уголовного наказания и от уголовной ответственности, то правовая природа применяемых в двух случаях мер является различной. В случае применения ст. 90 УК РФ, эти меры будут являться принудительными мерами воспитательного воздействия, а при освобождении от уголовного наказания, по их мнению, указанные меры будут являться выражением уголовной ответственности. «Юридическая природа принудительных мер воспитательного характера, назначаемых в соответствии с ч. 1 настоящей статьи (92 УК РФ) заключается в их значении как особой формы реализации уголовной ответственности...» [1, с. 259].

Думается, что представленная точка зрения не является убедительной. Принудительные меры воспитательного воздействия, указанные в ст. 90 УК РФ, могут применяться как при освобождении от уголовной ответственности, так и при освобождении от уголовного наказания. При этом одни и те же принудительные меры воспитательного воздействия не могут рассматриваться в двух разных категориях как воплощение уголовной ответственности и как освобождение от нее. Принудительные меры воспитательного воздействия не могут являться формой реализации уголовной ответственности, поскольку эти меры не несут в себе осуждения лица и элементов кары, что было указано выше.

Н. В. Щедрин объясняет юридическую природу принудительных мер воспитательного воздействия через теорию мер безопасности. Под мерами безопасности Н. В. Щедрин понимает: «...меры некарательного ограничения поведения физических... лиц... применяемые специально уполномоченными субъектами при наличии указанных в законе фактических оснований, на определенный законом срок, в целях... ограждения объекта охраны от вредного влияния любых источников опасности» [4, с. 3]. Е. А. Попкова указывает, что меры безопасности заключаются в специальных правоограничениях, необходимых для безопасности общества и для предупреждения совершения новых преступлений.

Меры безопасности в отношении несовершеннолетних должны сопровождаться воспитанием. Как утверждает Н. В. Щедрин: «... воспитательные меры должны составлять основу, а ограничения – условия для воздействия на несовершеннолетних с помощью этих воспитательных средств» [4, с. 7]. Данное утверждение, по нашему мнению, должно составлять суть помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ. В этих учреждениях меры ограничения должны играть второстепенную роль по отношению к воспитательным мерам. Весь принудительный потенциал должен быть направлен на реализацию воспитания и ни на что иное (ни на кару, ни на ограничение прав несовершеннолетних).

Раскрывая правовую природу такой принудительной меры воспитательного воздействия, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, необходимо отметить, что это, прежде всего, – специфическая разновидность освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних.

Необходимо особо подчеркнуть, что сутью этих мер является воспитание и ограничение несовершеннолетних в неправомерном поведении. Наряду с педагогическим (воспитательным) характером в данных мерах присутствует принудительное исполнение. Принудительный характер указанных мер выражается в том, что они применяются независимо от согласия несовершеннолетних и их законных представителей, что было рассмотрено выше. Принудительное исполнение не превращает эти меры в уголовное наказание, поскольку, как было указано выше, нет характерных последствий (судимость) и содержания (кара). На этот момент указывает и Д. Меркушов, говоря, что при осуществлении принудительных мер воспитательного воздействия положение несовершеннолетнего не равно положению осужденного: «Применяя эти меры, суд не ставит несовершеннолетнего в положение осужденного» [2].

Для уяснения указанной позиции полагаем верным рассмотреть институт судимости в уголовном праве. Судимость – это уголовно-правовое последствие наказания, определяющее не только особое правовое положение лица, но и влекущее неблагоприятные последствия общеправового характера. Как последствие уголовного наказания судимость имеет два аспекта: перспективный – контроль за осужденным вследствие его правового положения, и ретроспективный – возможность особых последствий при рецидиве. Исходя из смысла принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ, несовершеннолетний освобождается от обоих аспектов и считается несудимым.

Судимость, как показывают криминологические исследования, является существенным препятствием, затрудняющим процесс социальной адаптации лиц. У несовершеннолетних в силу их возрастных особенностей возможностей адаптироваться еще меньше. Наши исследования показали, высокую степень отчуждения обществом несовершеннолетних преступников. На вопрос: «Изменилось ли отношение к вам после вынесения приговора» – 13,9 % несовершеннолетних воспитанников спецшколы ответили «не очень»; «нет» – 25 %, «да» – 47,2 %, а 13,9 % – затруднились ответить. На вопрос: «Изменилось ли отношение к вам после вынесения приговора» – 15,4 % несовершеннолетних воспитанников спецПТУ ответили «не очень»; «нет» – 23,1 %, «да» – 61,5 %. Считаем верным исключение законодателем такого последствия, как судимость, при применении принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, поскольку это соответствует нормам международного права и способствует адаптации несовершеннолетних.

Отказавшись от такого существенного последствия, законодатель провел явную грань между уголовным наказанием и принудительными мерами воспита-

тельного воздействия. Судимость не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 90 УК РФ и от уголовного наказания на основании ст. 92 УК РФ. Принудительные меры воспитательного воздействия представляются более предпочтительными по сравнению с уголовным наказанием, поскольку включают больше возможностей для развития положительных качеств личности несовершеннолетнего и являются более гибкими, они в большей мере способствуют расширению круга субъектов воспитания, включая в том числе и общественность.

Изучение правовой природы данной меры невозможно без анализа процедуры назначения помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Для анализа процедуры назначения принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, большое значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». В указанном постановлении поднимаются вопросы, касающиеся рассмотрения материалов при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и наказания с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Применение части 2 статьи 92 УК РФ в судебном заседании проходит в два этапа: вынесение обвинительного приговора суда ст. 432 УПК РФ и вынесение постановления об освобождении несовершеннолетнего от уголовного наказания с применением помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. «Решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания и применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 и ч. 2 ст. 92 УК, принимается судом коллегиально, в результате судебного разбирательства... При прекращении производства по делу (в этих случаях – при поступлении дел с обвинительными заключениями) суды выносят определение, а при освобождении от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного характера – приговор с освобождением от наказания» [2].

В приговоре суда необходимо дать анализ обстоятельств, которые предоставляют возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания: «Обстоятельства, устанавливаемые для... применения принудительных мер воспитательного воздействия: зрелость эмоций, степень социализации, особенности характера личности, факторы, влияющие на степень и характер ответственности» [3, с. 19]. Именно на необходимость этого анализа указывают и международные акты, касающиеся несовершеннолетних.

Согласно законодательству помещение в одно специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа лиц возможно в порядке применения принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, и в порядке реализации процедуры защиты несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении, следова-

тельно, необходимо рассмотреть отличия этих двух процедур помещения.

1. Разные правовые основания (у тех, кто не достиг возраста уголовной ответственности, основанием для помещения в указанные учреждения служит закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 30.06.1999, а не УК РФ).

2. Различность процедур рассмотрения (при помещении не в порядке ст. 92 УК РФ возбуждается производство на основе прекращенного уголовного дела, не выносятся приговор).

3. Разные правоотношения (отсутствие уголовного правоотношения при помещении малолетних в данные учреждения, поэтому производство направлено на применение принудительных государственно-властных мер, а не уголовно-правовых, как в случае с освобождением от уголовного наказания).

4. Разные основания применения данной меры (у малолетних нет основания для уголовной ответственности – состава преступления (этот признак схож с применением принудительных мер медицинского характера, тоже есть дефект в субъекте), а при применении ч. 2 ст. 92 УК РФ такое основание имеется).

Следовательно, правовая природа принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, будет существенно отличаться от правовой природы помещения в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, поскольку последнее не является принудительной мерой воспитательного воздействия. В связи с этим полагаем целесообразным создание иных учреждений для лиц, находящихся в социально-опасном положении.

Литература

1. Комментарий к УК РФ / под ред. Ю. И. Скуратова, Л. М. Лебедева. – М., 2000.
2. Меркушов, Д. Практика рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних / Д. Меркушов // Справочно-правовая система «Консультант +».
3. Просвирин, В. Г. Особенности предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юр. наук / В. Г. Просвирин. – Волгоград, 2001.
4. Щедрин, Н. В. Виды антикриминальных мер безопасности / Н. В. Щедрин // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. – Т. 2. – Красноярск, 2003.

Информация об авторе:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, 8(3842)58-37-43, crim_law@kemsu.ru

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

УДК 347.93

ФИКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И МЕХАНИЗМЫ ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. С. Трезубов, Н. С. Щеглова

FICTITIOUSNESS OF CIVIL PROCEDURE: CONSTITUTIVE SIGNS AND MECHANISMS OF PROHIBITING ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. S. Trezubov, N. S. Shcheglova

В настоящей статье авторы анализируют действующее гражданское и арбитражное процессуальное законодательство России на предмет регулирования категории злоупотребления правом. В рамках анализа дается самостоятельное понятие «злоупотребление процессуальными правами», а также раскрываются признаки фиктивного гражданского процесса.

The authors analyze the current Russian legislation for civil and arbitration procedure the regulating the category of abuse of rights. The analysis provides an independent concept of "abuse of procedural rights", and through it reveals the features of fictitious civil procedure.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестность лиц, участвующих в деле, фиктивный гражданский процесс, компенсация за потерю времени, возложение судебных расходов.

Keywords: abuse of rights, unconscionability of people participating in case, fictitious civil procedure, compensation for loss of time, imposing court costs.

Частью 1 ст. 35 ГПК РФ закреплено общее положение, согласно которому, лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Между тем, само закрепление начала добросовестности в процессуальном законе остается лишь на уровне своего рода принципа, не развиваясь достаточно подробно в отдельных положениях нормативного акта. ГПК РФ не закрепляет общих последствий злоупотребления процессуальными правами, а АПК РФ в ч. 1 ст. 41 закрепляет положение, в соответствии с которым злоупотребление процессуальными правами влечет для лиц, участвующих в деле, неблагоприятные последствия.

Судебная защита нарушенных прав и законных интересов есть функция государства, реализация которой осуществляется, в том числе, и посредством гражданского процесса. На начальном этапе обращения заинтересованного лица в компетентный юрисдикционный орган ему не может быть отказано в защите при соблюдении формальных процессуальных требований, т. к. в подавляющем большинстве случаев материальное право на иск, в отличие от процессуального, может быть выяснено лишь после рассмотрения дела по существу. Предрешение же вопроса о наличии материальных предпосылок обращения в суд на стадии возбуждения дела означало бы ограничение конституционного права на доступность правосудия. Между тем, сама доступность правосудия на практике ставит вопрос появления злоупотребления процессуальным правом.

В ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [5] злоупотребление правом определяется как деятельность или действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции. Последствия подачи индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека при злоупотреблении правом на подачу жалобы предусмотрены в ст. 35 Конвенции, и заключаются в признании такой жалобы неприемлемой.

Проблема злоупотребления процессуальными правами со стороны участников гражданских споров в настоящее время имеет особую значимость в связи с тем, что нередко лица, участвующие в деле, в целях неосновательного получения необходимого решения суда, затягивания процесса либо для иных недобросовестных целей используют принадлежащие им процессуальные права в противоречии с их действительным назначением. Данное явление выступает фактором, дестабилизирующим правосудие и создающим серьезные препятствия для эффективного разрешения споров. Е. В. Васьковский также отмечал «почвой» злоупотребления процессуальными правами ничем не ограниченную возможность возбуждения и ведения гражданских дел, а в качестве примеров недобросовестного поведения указывал предъявление заведомо неосновательных исков при условии осведомленности об отсутствии у ответчика опровергающих иски требования доказательств, обжалование судебных решений при полном сознании их правильности, воз-

буждение бесцельных ходатайств лишь для провокации процесса [3, § 59] и т. д.

Под злоупотреблением правом, как материальным, так и процессуальным, Европейский Суд по правам человека в своей практике понимает такое его использование, которое направлено на борьбу с заложенным в нем же позитивным регулятивным потенциалом, в том числе, противоречащее принципу правовой определенности [15, § 36; 17, § 44; 18, § 36]. Важно, что недопустимо смешение категорий злоупотребления процессуальным правом и реализация процессуальных прав. Так, в ряде случаев, тот же ЕСПЧ, указывал в своих постановлениях, что заявление ходатайств об отложении судебных заседаний на длительные сроки по причине болезни стороны, неоднократное изменение заявленных требований, сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении [14, § 56; 16, § 29; 19, § 50; 20, § 38].

Как было указано, отечественный процессуальный закон не раскрывает понятия «злоупотребление процессуальным правом», в связи с чем для формирования представления о данном термине, необходимо проанализировать положения иных отраслей права. Так, согласно конституционному принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Дальнейшее развитие данная норма получила в ст. 10 ГК РФ, закрепившей аналог немецкой шиканы, – злоупотребления правом, состоящего в использовании своего субъективного права, с целью причинить вред иному лицу. Пунктом 2 ст. 10 ГК РФ (в редакции, действовавшей на 1.01.2013 года) установлено и последствие такого злоупотребления: суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. В последнее время установление факта злоупотребления правом все чаще становится основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, примером чему могут служить руководящие разъяснения Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ [26; 27; 28; 29]. Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] дает более развернутое представление о злоупотреблении правом – осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Между тем, простое заимствование положений ст. 10 ГК РФ в рамках гражданских процессуальных отношений невозможно, в связи с существенным различием между материальными и процессуальными отношениями, составляющими предмет гражданского и гражданского процессуального права соответственно. В материальном праве для определения действий лица как злоупотребление правом необходимо наличие самого права, которым злоупотребляют [29, п. 2]. В процессуальном праве же в силу ст. 3 ГПК РФ любое заинтересованное лицо обладает правом на обращение в суд вне зависимости от того, может оно доказать или

нет тот факт, что его право либо законный интерес нарушены, данное положение основано на ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется право на судебную защиту. Следовательно, в гражданском процессе для квалификации злоупотребления правом не требуется проверять наличие самого права, поскольку оно презюмируется, неотъемлемо от гражданской процессуальной правоспособности.

Целью осуществления правосудия по гражданским делам является защита нарушенного или оспариваемого права, а также законного интереса заявителя. Следовательно, злоупотребление процессуальными правами, так или иначе, должно быть направлено на воспрепятствование реализации механизма защиты. При этом под субъектами, которые могут злоупотребить своими процессуальными правами, мы усматриваем не только лиц, участвующих в деле, но и иных участников процесса, т. к. в силу закона каждый из них наделен процессуальными правами и обязанностями в той или иной степени, и, как следствие, может влиять на ход самого производства. Формы реализации при этом могут быть выражены путем срыва судебного заседания, неосновательного затягивания судебного процесса, воспрепятствования рассмотрению дела, в том числе путем непредставления доказательств, либо предоставления ненадлежащих доказательств по делу, безосновательного обжалования судебного постановления, а также иными путями, влекущими за собой воспрепятствование принятию законного и обоснованного решения, его исполнению. Нередко злоупотребление процессуальными правами вытекает из нарочито неверной трактовки принципов гражданского процесса, таких как принципа состязательности и диспозитивности.

Так, зачастую принцип состязательности раскрывается через допустимость любых процессуальных приемов, приводящих к необходимому результату, или любого процессуального поведения, однако данный принцип должен, в первую очередь, обеспечивать реализацию законных и обоснованных интересов всех лиц, участвующих в деле. А. В. Юдин также отмечает, что для отождествления принципа диспозитивности и ничем не ограниченной свободы реализации процессуальных прав отсутствуют основания. По своему значению принцип диспозитивности не является абсолютным, поэтому он не может служить оправданием произвольному осуществлению процессуальных прав, не связанных с целью реальной защиты прав субъекта. Свобода распоряжения процессуальными средствами защиты ограничена, прежде всего, требованиями закона и интересами других лиц, которые могут пострадать в случае ненадлежащей реализации процессуальных прав, составляющих содержание диспозитивного начала судопроизводства [10, с. 46].

Злоупотребление процессуальным правом в гражданском процессе также может возникнуть в связи с недобросовестными действиями лиц, участвующих в деле, совершаемыми в суде первой инстанции, начиная с момента обращения истца в суд за защитой потенциально «нарушенного» или действительного права, а также с неосновательным возбуждением производств по проверке вынесенных судебных актов, в том числе уже вступивших в законную силу, что в

свою очередь, противоречит принципу правовой определенности и влечет за собой уже более тяжкие последствия для добросовестной стороны.

Наделяя участников процесса различными правами, в том числе и корреспондирующими друг другу, закрепляя принципы диспозитивности, состязательности, равноправия и др. в гражданском процессе, законодатель исходит из императивного правила недопущения ограничения прав иных лиц. С учетом изложенного, представляется возможным определить злоупотребление процессуальными правами как *действия или бездействие участников процессуальных правоотношений, направленные на реализацию принадлежащих им процессуальных прав с целью причинить имущественный или нематериальный вред иным участникам процесса, воспрепятствовать реализации процессуальной формы, либо деятельность, направленная на реализацию принадлежащих такому лицу прав в обход закона*.

Е. В. Васьковский отмечал, что со времен римского частного процесса против злоупотребления процессуальными правами в различных правовых системах были испробованы на практике четыре меры:

- 1) предварительное удостоверение тяжущимся своей добросовестности посредством принесения присяги;
- 2) возложение судебных издержек на виновную в недобросовестном ведении дела сторону;
- 3) взыскание с нее убытков, причиненных противнику;
- 4) наложение на нее штрафа, заменяемого в случае несостоятельности, арестом [3, § 59].

Дореволюционная процессуальная мысль была воспринята в ГПК РСФСР 1923 года, ст. 6 которого предусматривала, что всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом. Однако, кроме как в данной декларативной норме, механизмы запрещения злоупотребления процессуальными правами не были закреплены ни в ГПК РСФСР 1923 года, ни в ГПК РСФСР 1964 года.

Как известно, ст. 10 ГК РФ в качестве последствий установления злоупотребления правом в материальных правоотношениях предусматривает реализацию права суда на отказ в защите прав недобросовестного лица. Представляется правильным установить в качестве последствий процессуального злоупотребления также отказ суда в реализации прав такого участника производства. Гражданско-процессуальная форма в силу своих признаков нормативности, формальной определенности и системности регулирования предполагает соблюдение определенных правил и облачения деятельности субъектов правоотношений в рамках регламентированных законом процедур [8]. Так, активные действия в подавляющем большинстве случаев облачены в соответствующие ходатайства, заявления, жалобы и т. д., бездействие же не выражается в той или иной форме. Признав факт злоупотребления процессуальными правами, суд должен пресечь такую процессуальную деятельность, тем самым, отказав в реализации права недобросовестным путем. При этом необходимо учитывать, что в силу особой конституционной значимости государственных механизмов су-

дебной защиты, суду следует отказывать в реализации права лишь после предупреждения лица об обнаружении в его действиях злоупотребления и вынесения соответствующего мотивированного определения.

Между тем, декларативного закрепления недопустимости злоупотребления процессуальными правами явно недостаточно, необходима реализация механизма защиты от злоупотребления. В АПК РФ такой механизм реализован в ст. 111, предусматривающей возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. В отдельных видах производств ГПК РФ закрепляет специальные последствия недобросовестного использования процессуальных прав. Так, можно отметить положения ч. 2 ст. 284 ГПК РФ, закрепляющей механизм возложения судебных издержек на действовавшего недобросовестно заявителя по делам об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным. Также в ч. 2 ст. 319 ГПК РФ содержится специальное правило, в соответствии с которым при заведомо ложном заявлении о восстановлении утраченного судебного производства судебные расходы, связанные с возбуждением дела, взыскиваются с заявителя. В качестве общего же правила в ст. 99 ГПК РФ содержится иное, позволяющее взыскать компенсацию за фактическую потерю времени с недобросовестной стороны. Указанная компенсация представляет собой **меру гражданской процессуальной ответственности стороны**, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Такая компенсация относится к **издержкам, связанным с рассмотрением дела**, то есть является одним из видов судебных расходов (ст. 88, 94 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). В том числе из-за столь сложного понимания правовой природы рассматриваемой компенсации практика применения положений ст. 99 ГПК РФ на сегодняшний день не сформировалась [12; 13; 21; 22; 31; 32; 33], т. к. не выработаны критерии определения систематического противодействия разрешению дела, а имеющиеся постановления о взыскании компенсации больше напоминают результат эксперимента, нежели акт единообразного правоприменения [34]. Ряд исследователей также указывают на неработоспособность рассматриваемой нормы [11, с. 42 – 44; 9, с. 80 – 87; 6, с. 134 – 141].

В абсолютном большинстве случаев суды исходят лишь из того, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, необходимо присуждать компенсацию понесенных судебных расходов, т. е., по сути, применяя положения ст. 98 ГПК РФ как общее правило [30]. Полагаем, конструкция ст. 111 АПК РФ, предусматривающей возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, изначально намного более эффективна, нежели норма ст. 99 ГПК РФ. Практика применения соответствующего механизма арбитражными судами также показывает практическую значимость института перераспределения судебных расходов, что находит свое отражение, в том числе, и в

руководящих разъяснениях Пленума и Президиума ВАС РФ [23; 24; 25].

С учетом изложенного, можно утверждать о неэффективности предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом механизмов, полагая целесообразным исключить из действующего ГПК РФ норму ст. 99, предусматривающей право присуждения компенсации за фактическую потерю времени, и внедрить положение, аналогичное предусмотренному в ст. 111 АПК РФ. Определение же действенных механизмов правового регулирования воспрепятствования злоупотреблению процессуальными правами приводит к необходимости анализа категории «фиктивный процесс».

«Фиктивный», или «симулятивный», гражданский процесс по своей сути является формой для злоупотребления данными в силу закона процессуальными правами, лицами, участвующими в деле, судом, иными участниками процесса.

Проблема фиктивных процессов впервые была затронута в немецкой процессуальной доктрине в начале XX в. Г. Зинтенисом, авторству которого приписывается происхождение самого термина «симулятивный процесс».

Согласно определению, данному Г. Зинтенисом, под «симулятивным процессом» следует понимать судебный спор, в котором стороны на основании предварительной договоренности заявляют перед судом о наличии несуществующего спора для достижения своей, скрытой от суда, цели [1, с. 358]. Обращение с иском в суд для возбуждения «симулятивного процесса», по мнению немецких теоретиков, является одной из форм злоупотребления правом на иск, так как истец, заявляя, с согласия ответчика, о существовании нарушения его субъективных прав или законных интересов, в действительности не нуждается в оказании ему судебной защиты и, следовательно, подает безосновательный иск, злоупотребляя своим правом.

В литературе сегодня встречается различное понимание фиктивного гражданского процесса. Например, В. О. Аболонин отмечает, что о фиктивности гражданского процесса может свидетельствовать, в том числе, и сговор судьи с одной из сторон спора, при котором другая сторона участвует в «постановке процесса», итог которого predetermined, также, по его мнению, на фиктивность процесса может указывать и фактическое наличие готового текста постановления суда еще до удаления в совещательную комнату [2, с. 5 – 7]. С указанной позицией не представляется возможным согласиться, т. к. первая ситуация есть следствие коррупционной деятельности, и в силу преступного содержания, не может рассматриваться в целом как государственная судебная деятельность. Вторая же ситуация абсолютно оправданна практическим подходом и загруженностью судей в своей профессиональной деятельности. При этом уходить в крайность и подводить под процессуальную фикцию «неспособность» судьи услышать сторону, проанализировать закон и исследовать доказательства мы также не склонны в силу «человеческого фактора», а не дефекта судебной системы. Более того, наличие у судьи до момента рассмотрения дела

некоего текста, в котором уже дана оценка имеющимся в деле материалам, свидетельствует о реализации стадии подготовки дела к судебному разбирательству или подготовительной части стадии пересмотра судебного постановления, если только этот текст не воспринимается как непрекаемая истина, не связанная с представляемыми в предстоящих заседаниях материалами.

Таким образом, представляется возможным определить фиктивный гражданский процесс как процесс, при котором дело изначально возбуждается без цели защиты нарушенных прав, либо в ходе которого лица, участвующие в деле, злоупотребляют своими процессуальными правами без достаточных на то оснований и такое злоупотребление причиняет вред как участвующим в деле лицам, так и иным лицам, а также государству как обеспечивающему функционирование судебной системы образованию. Таким образом, в рамках фиктивного процесса допустимо как злоупотребление материальными, так и процессуальными правами отдельно или совместно.

Фиктивность гражданского процесса, по нашему мнению, может быть выражена как в действиях обеих сторон, так и посредством процессуальных действий одного лица, участвующего в деле: известный и распространенный механизм «Грин мейла», в частности, предполагает злоупотребление правом лишь истца, который направляет в суды множество надуманных исков, парализуя работу добросовестного ответчика.

На сегодняшний день в практике встречается немало примеров «симулятивных» процессов.

В частности, одной из их основных предпосылок являются корпоративные споры, где фиктивный процесс используется с целью узаконивания мнимых, притворных или иных незаконных сделок, при этом цели совершения данных сделок могут быть различными, например, вывод активов хозяйственного общества недобросовестным руководителем в ущерб собственнику и его участникам. Не менее популярным основанием «недобросовестного» иска является мнимый заем, данный вид сделок, как правило, используется для сокрытия денежных средств, при реальной возможности их взыскания с злоупотребляющей стороны. Фиктивность процесса существует в значительном количестве дел о несостоятельности, в рамках которых в реестр включаются требования кредиторов, основанные на так называемом «золотом парашюте», решениях третейских судов о взыскании вексельного долга и т. д.

Достаточно известными являются дела о расторжении брака, когда в суд с требованием о его расторжении и разделе совместной собственности, обращаются супруги в действительности преследующие цель сохранения этого имущества от кредиторов, которые требуют исполнения долговых обязательств одним из супругов. Таким образом, судебное производство по делу направлено не на исполнение положений закона и реализацию прав граждан, а на содействие недобросовестной стороне по делу.

Заинтересованность в данного рода судебных процессах связана со свойствами законной силы судебных актов, такими как обязательность для исполнения, особый порядок их отмены и необходимость

соблюдения при этом установленных процессуальных сроков, что создает препятствия для дальнейшей защиты своих прав добросовестной стороной, практически лишает ее возможности изменить закрепленное постановлением суда положение [4, с. 129]. Таким образом, свойства судебного акта делают его удобным инструментом для придания видимой законности мнимым сделкам и прочим противоправным действиям [2, с. 6].

Убеждены, что при злоупотреблении процессуальными правами участники процесса нарушают не только частно-правовые интересы участвующих в деле лиц, но и публично-правовые интересы. Предусмотренные действующим гражданско-процессуальным законодательством способы возложения неблагоприятных последствий на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, не направлены на защиту публичных интересов. В связи с указанным, полагаем целесообразным установить особую публично-правовую ответственность за злоупотребление процессуальными правами в дополнение к механизмам, направленным на защиту частных интересов.

Процессуальному законодательству хорошо известна такая санкция имущественного характера как штраф, в частности, этой процессуальной мере посвящены глава 8 ГПК РФ, а также глава 11 АПК РФ. Институт судебных штрафов служит обеспечению выполнения задач судопроизводства в арбитражных судах, закрепленных в ст. 2 АПК РФ, и судах общей юрисдикции, закрепленных в ст. 2 ГПК РФ, и направлен на укрепление законности, предупреждение процессуальных правонарушений, а также на формирование уважительного отношения к государству, закону и суду.

Судебные штрафы налагаются судами общей юрисдикции или арбитражными судами только в случаях, предусмотренных гражданско-процессуальным законодательством. В связи с чем представляется необходимым законодательно закрепить еще одно основание, по которому суды в случае установления злоупотребления процессуальным правом со стороны лиц, участвующих в деле, могли бы налагать на недобросовестного субъекта процессуальный штраф. В таком случае судебные штрафы смогут обеспечивать исполнение требований процессуального законодательства и служить мерой ответственности не только за его нарушение, но и за злоупотребление процессуальными правами. При этом целесообразным видится объявление предупреждения злоупотребляющему лицу до вынесения определения о наложении процессуального штрафа для обеспечения реализации превентивной функции по обеспечению законности.

Определение размера штрафа за злоупотребление процессуальными правами является вопросом отдельного подробного исследования, однако стоит отметить, что сумма денежного взыскания должна быть единой и закреплена императивно, т. к. любое злоупотребление является следствием нарушения закона путем недобросовестных действий лиц, и практически невозможно определить степень тяжести того или иного злоупотребления. При таких обстоятельствах

определять тяжесть незаконных действий исходя из наступивших последствий не логично, поскольку за последствия недобросовестное лицо будет отвечать посредством иных механизмов защиты нарушенных прав перед добросовестной стороной по делу.

Важной особенностью наложения штрафа за злоупотребление процессуальными правами должна быть

обязательность установления самого факта злоупотребления, который выявляется как по инициативе суда, так и по соответствующему ходатайству других лиц, участвующих в деле. Однако мотивированность определения о назначении штрафа может быть основана лишь на четких критериях, определяемых процессуальным законом.

Литература

1. Sintenis. Der simulierte Prozess. ZZP. 30. – 1902.
2. Аболонин, В. О. Фиктивные судебные процессы - нерешенная проблема гражданского процессуального права / В. О. Аболонин // Российский судья. – 2011. – № 5.
3. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – М., 1917.
4. Загайнова, С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С. К. Загайнова. – М., 2007.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Медведев, И. Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы / И. Р. Медведев // Журнал российского права. – 2006. – № 7.
7. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627.
8. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М., 2008.
9. Туманов, Д. А. Юридическое толкование и пробелы в гражданском процессуальном праве / Д. А. Туманов // Право и политика. – 2006. – № 6.
10. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами при рассмотрении дел в арбитражных судах: проблемы теории и практики / А. В. Юдин // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 7.
11. Юдин, А. В. Предотвращение злоупотреблений процессуальными правами / А. В. Юдин // Законность. – 2009. – № 5.

Акты судебных органов

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2012 по делу № 11-6529. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2012 по делу № 11-25967. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
14. Дело «Баранцева (Barantseva) против Российской Федерации» (жалоба № 22721/04): Постановление ЕСПЧ от 04.03.2010 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 7.
15. Дело «Ерогова (Yerogova) против Российской Федерации» (жалоба № 77478/01): Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 11.
16. Дело «Коломиец и Коломиец (Kolomiets) против Российской Федерации» (жалоба № 76835/01): Постановление ЕСПЧ от 22.02.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 8.
17. Дело «Кузнецова (Kuznetsova) против Российской Федерации» (жалоба № 67579/01): Постановление ЕСПЧ от 07.06.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 9.
18. Дело «Мальцева (Maltseva) против Российской Федерации» (жалоба № 76676/01): Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 10.
19. Дело «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 7025/04): Постановление ЕСПЧ от 24.09.2009 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 1.
20. Дело «Токазов (Tokazov) против Российской Федерации» (жалоба № 19440/05): Постановление ЕСПЧ от 13.01.2011 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 11.
21. Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 07.11.2011 по делу № 33-3378. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
22. Кассационное определение Суда Ненецкого автономного округа от 15.11.2011 по делу № 33-192/2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
23. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 года № 144 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

24. О некоторых вопросах применения законодательства о залоге: Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 года № 10 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 4.
25. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42. – Режим доступа: <http://arbitr.ru> (дата обращения: 22.01.2013).
26. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 года № 42 // Экономика и жизнь. – 2012. – № 34 (бухгалтерское приложение).
27. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.
28. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 127.
29. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 года № 127 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 2.
30. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2011 года № 3-В11-35 // Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
31. Определение Воронежского областного суда от 23.03.2010 по делу № 33-1539. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
32. Определение Свердловского областного суда от 10.04.2012 по делу № 33-3790/2012. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
33. Определение Свердловского областного суда от 21.07.2011 по делу № 33-10249/2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).
34. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда по делу № 33-8989/2011 // Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда (второй квартал 2011 г.): утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 05.10.2011. Документ опубликован не был. Доступ из компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2013).

Информация об авторах:

Трезубов Егор Сергеевич – ассистент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического факультета КемГУ. +7-923-618-9815, trezubov@kemsu.ru.

Egor S. Trezubov – Assistant Lecturer at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Procedure, Kemerovo State University.

Щеглова Наталья Сергеевна – студентка юридического факультета КемГУ, cheglova@kemcity.ru.

Natalya S. Shcheglova – student at the Faculty of Law, Kemerovo State University.

УДК 340.130.5 (430)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

И. В. Фатьянов

EXPERIMENTAL LAW-MAKING PROCESS

I. V. Fatianov

В статье рассматриваются стадии экспериментально-правотворческого процесса. Предлагается принять акт подзаконного характера для формирования унифицированной правовой базы экспериментально-правотворческого процесса в России.

The paper addresses the stages of experimental law-making process. The author suggests introducing a sublegislature act to create a unified base of experimental law-making process in Russia.

Ключевые слова: государственное право, правотворческий эксперимент, исполнительные органы государства, правотворческий процесс, этапы эксперимента.

Keywords: public law, legal experiment, executive authorities, law-making process, stages of the experiment.

Актуальность данного исследования затрагивает одновременно две проблемные области: во-первых, практический вопрос функционирования экспериментально-правотворческого процесса в России, а во-

вторых, сугубо научный вопрос о содержании понятия экспериментально-правотворческий процесс, описание его стадий.

Для раскрытия тематики и предмета исследования необходимо решить несколько задач:

- 1) проанализировать существующие в научной литературе мнения по вопросу понимания и определения экспериментально-правотворческого процесса;
- 2) установить характер экспериментально-правотворческого процесса;
- 3) рассмотреть экспериментальный процесс по стадиям на примере эксперимента, проведенного в Кемеровской области;
- 4) исследовать цели, задачи и некоторые возможные ошибки при планировании, проведении и подведении итогов экспериментальной деятельности.

Прежде чем приступить к решению поставленных в изыскании задач, следует определиться с понятиями, используемыми в данной статье. Под правотворческим экспериментом будет пониматься такая деятельность компетентных субъектов права, при которой происходит апробация предполагаемых законодательных нововведений имеющих целью проверки научно-правовой гипотезы. Научно-правовую гипотезу определим, как научно-обоснованное предположение об эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм, а также о факторах, воздействующих на указанный результат.

Экспериментально-правотворческий процесс по своей сущности понятие сложное и многосоставное. Экспериментально-правотворческий процесс обладает столь же спорной правовой природой, сколь процесс юридический, являясь разновидностью последнего. Определения понятию юридический процесс предлагаются самые различные.

Так, одни авторы считают юридический процесс динамическим составом фактов, имеющих правовое значение [1, с. 15; 14, с. 9; 16, с. 331]. Положительные стороны данного определения находим в том, что в определении указывается на состояние движения исследуемого понятия, развитие юридического процесса. Отрицательные стороны определения находим в отсутствии указания на определенный порядок данных фактов, их четкая последовательность. Другое мнение основывается на том, что под юридическим процессом следует всегда понимать определенную совокупность последовательно совершаемых действий и постановляемых фактов [8, с. 13; 10, с. 25; 16, с. 33]. Думается, что данное определение более удачно, однако представляется, что дефиниция тоже не лишена особенностей. Так, не ясно, для чего авторы указывали в определении о «последовательно совершаемых действиях», а в дальнейшем указывали на совокупность «постановляемых фактов». Более удачно под юридическим процессом, в данном случае, рассматривать определенную совокупность последовательно совершаемых юридических фактов, без упоминания о совершаемых действиях, по той причине, что последние уже содержатся в составе юридических фактов. Применительно к арбитражному процессу, совершенно справедливо, юридический процесс определяют как «постатийное движение дела» [2, с. 11], что в свою очередь, при характеристике процесса юридического, выводит признак процедурности на главенствующее место. У В. М. Горшенева встречаем: «юридический процесс – это комплексная система ор-

ганически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права» [17, с. 6]. Интерес вызывает мнение А. В. Малько, который определяет юридический процесс как нормативно установленные формы упорядочения юридической деятельности, направленные на оптимальное удовлетворение и гарантирование интересов субъектов права [7, с. 127].

С учетом изложенного считаем возможным определить экспериментально-правотворческий процесс как процедурную форму превращения юридически-идеальных моделей правотворческого эксперимента в реальную систему правоотношений, объединенных общей целью.

Вместе с тем экспериментально-правотворческий процесс обладает и другими признаками, не отраженными в последнем определении. Данные признаки также необходимо учитывать по причине их важности для уяснения смысла данного понятия.

Экспериментально-правотворческий процесс состоит из стадий, где стадия – это совокупность процессуальных действий, связанных ближайшей целью. Совокупность реализованных целей каждой из стадий экспериментально-правотворческого процесса позволяет достичь главной цели правотворческого эксперимента – проверку правовой гипотезы об эффективности той или иной правотворческой идеи, об эффективности действия экспериментально-правовых норм.

Вместе с тем, экспериментально-правотворческий процесс состоит из правоприменительных циклов, которые, в свою очередь, включают в себя законченные с точки зрения достижения целей отдельные действия или процессуальные производства (совокупность таких действий).

Следующий признак экспериментально-правотворческого процесса заключается в том, что он предполагает наличие обязательного субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями. Данным субъектом в России может быть государство, субъект федерации, муниципальное образование.

Рассматривая действия субъекта экспериментального процесса отметим, что данные действия субъекта, обладающего властными полномочиями, должны быть результативны.

Экспериментально-правотворческий процесс динамичен. При этом происходит постоянное развитие событий, изменение состояния правотворческого эксперимента. Правотворческий эксперимент – это развернутая во времени деятельность с целью проверки правовой гипотезы.

Требования, предъявляемые к экспериментально-правотворческим стадиям, имеют общий характер, что предполагает их единство и нормативную определенность.

Отличительным признаком экспериментально-правотворческого процесса, является то, что его промежуточные и окончательные итоги закрепляются в официальных документах.

Относительно правовой природы экспериментально-правотворческого процесса, считаем необхо-

димым подчеркнуть следующее. Всякий экспериментально-правотворческий процесс – вид юридического процесса. Последний, в свою очередь, является правовым явлением, поэтому должен быть регламентирован правовыми актами. Вместе с тем существуют мнения и о том, что следует рассматривать юридический процесс в более широком значении и не ограничивать его только отношениями, которые связаны с применением права. В. Н. Баландин и А. А. Павлушина отмечают, что «при всем «естественно-правовом» отношении к праву, следует признать, что оно не безгранично. Иные «процессы» должны изучаться иными, не правовыми науками» [3, с. 32]. Считаем необходимым согласиться с данным мнением, поскольку широкое толкование юридического процесса излишне.

Экспериментально-правотворческий процесс должен основываться на принципах. Так, выделяют следующие принципы:

- принцип законности;
- принцип сочетания интересов личности, общества и государства;
- принцип объективной (материальной) истины, который заключается в том, что при осуществлении экспериментально-правотворческого процесса необходимым условием для принятия справедливых, законных и обоснованных решений является всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств имеющих отношение к эксперименту;
- принцип обеспечения охраны прав субъектов экспериментально-правотворческого процесса;
- принцип гласности;
- принцип осуществления экспериментально-правотворческого процесса на национальном языке;
- принцип оперативности, экономичности, эффективности экспериментально-правотворческого процесса;
- принцип ответственности должностных лиц за ненадлежащее ведение экспериментально-правотворческого процесса и за принятый в соответствии с ним акт.

Экспериментально-правотворческий процесс состоит из стадий. Стадия экспериментально-правотворческого процесса – последовательность взаимосвязанных действий и актов, направленных на проведение правотворческого эксперимента и достижение его целей. Переход к каждой следующей стадии экспериментально-правотворческого процесса свидетельствует о том, что работа по достижению целей правотворческого эксперимента переходит на новую ступень развития. В связи с этим многосоставность экспериментально-правотворческого процесса будет характеризовать его определенным количеством стадий.

Основными стадиями экспериментально-правотворческого процесса являются: 1) подготовка; 2) проведение; 3) подведение итогов.

Каждой стадии свойственны относительно самостоятельные задачи, специфический состав действий и процессуальные документы, отражающие и закрепляющие итоги совершенных в данной стадии действий.

Выделим основные этапы экспериментально-правотворческого процесса на примере правотворческого эксперимента, проведенного в Кемеровской области в соответствии с Постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 11 августа 2009 года «О проведении эксперимента по применению новой модели оплаты труда работников государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений в 2009/2010 и 2010/2011 учебных годах» (далее по тексту – Постановление по применению экспериментальной модели оплаты труда) [11].

Первая стадия – подготовка к правотворческому эксперименту. Стадия включает в себя три подстадии, начинающиеся с принятия решения о проведении эксперимента и заканчивающиеся днем начала эксперимента по разработанной программе.

Первая подстадия стадии подготовки к правотворческому эксперименту – это принятие решения о проведении эксперимента. Данная подстадия обусловливается возникновением задач в общественной сфере, которые необходимо разрешить. Инструментом данной подстадии будут служить обсуждения, согласования мнений перед внесением проекта акта, имеющего нормы об экспериментальной деятельности. Оформленный надлежащим образом итоговой акт данной подстадии необходимо внести в орган, правомочный принимать решения о принятии данных актов и решение о принятии которого входит в его компетенцию. При анализе данного примера следует обратить внимание на мнение, согласно которому до стадии законодательной инициативы имеется важная «предпроектная стадия», на которой решаются вопросы различного подготовительного характера [15, с. 4]. Приводим примерный перечень основных вопросов, связанных с правотворческим экспериментом:

- какой круг задач должен быть реализован в рамках проведения правотворческого эксперимента;
- какой конечный эффект можно ожидать от реализации этих задач (учитывая как прямой эффект, так и косвенный эффект);
- какие затраты потребуются для разработки, реализации и поддержания необходимого правотворческого эксперимента, вопрос о возможности ближайших перспектив дальнейшего совершенствования экспериментальной деятельности, относительно назревшей юридической задачи, требующей выполнения и др.

Вторая подстадия – стадия законодательной инициативы. Данная подстадия представляет собою юридическую возможность вносить в компетентные органы необходимые проекты актов.

В Кемеровской области право законодательной инициативы принадлежит Губернатору Кемеровской области, депутатам Совета народных депутатов Кемеровской области, представительным органам местного самоуправления, избирательной комиссии Кемеровской области, Кемеровскому областному суду, Арбитражному суду Кемеровской области, прокурору Кемеровской области, уполномоченному по правам человека в Кемеровской области, совету муниципальных образований Кемеровской области [18]. Более того, при анализе п. 3 ст. 12 Устава Кемеровской области усматривается, что по некоторым экономико-

правовым экспериментам будет требоваться заключение Губернатора Кемеровской области или его представление. Речь идет о вопросах, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств бюджета Кемеровской области.

При анализе Постановления по применению экспериментальной модели оплаты труда усматривается, что юридическая возможность вносить в компетентные органы необходимые проекты актов выражена в преамбуле – «на основании обращения глав муниципальных образований Кемеровской области». Проект муниципального акта, содержащий в себе нормы об экспериментальной деятельности, должен основываться на принципах демократии, гласности, эффективности, использования рациональных, выработанных практикой правил подготовки проектов муниципальных актов применительно к конкретным муниципальным образованиям, квалифицированного обеспечения правотворческой деятельности (научная экспертиза проектов, аналитическое обеспечение правотворческой работы); закрепления наиболее важных правил подготовки проектов правовых актов в регламентах органов местного самоуправления.

«Серьезный недостаток подготовки проектов нормативных правовых актов, – указывают А. Н. Кокотов, А. С. Саломаткин, – неоправданная поспешность» [9]. Авторы рекомендуют проводить довольно большой перечень работ в отношении проекта муниципального акта: согласование подготовленного текста проекта с заинтересованными органами (структурами), обсуждения населением, создание подготовительных комиссий, рабочих групп и другие. Следует согласиться с мнением авторов. Более того, одним из руководящих начал правотворческого эксперимента является его тщательно разработанная программа. С другой стороны, следует проводить рациональный набор мероприятий по подготовке законопроекта, содержащего нормы об экспериментальной деятельности. В данном законопроекте должны иметь место только необходимые работы.

На этапе законодательной инициативы, как обязывает Постановление Совета народных депутатов Кемеровской области [13], в экспертно-правовом управлении Совета народных депутатов Кемеровской области проводится антикоррупционная экспертиза, итогом которой является составление заключения на предмет соответствия нормативно-правовых актов внутреннему законодательству Российской Федерации, выявления коррупционных факторов, а также проверка комплектности документов, необходимых при внесении законопроекта, содержащего нормы об экспериментальной деятельности. Так же на данном этапе решается вопрос об альтернативных проектах законов. П. 3 ст. 44 Постановления Совета народных депутатов Кемеровской области устанавливает, что из двух или более внесенных проектов законов Кемеровской области может быть принят только один. Специальный комитет Совета народных депутатов Кемеровской области самостоятельно определяет органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, заключения, отзывы, предложения которых будут учитываться в законодательстве.

Постановление по применению экспериментальной модели оплаты труда является нормативным актом Коллегии Администрации Кемеровской области. Нормы о возможности и порядке издания нормативно-правовых актов в форме Постановлений Коллегии Администрации Кемеровской области содержится в ст. 9 Закона Кемеровской области «О Коллегии Администрации Кемеровской области» [5], устанавливающей, что коллегия Администрации Кемеровской области на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, устава Кемеровской области и законов Кемеровской области издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение.

Третья подстадия – обсуждение, принятие, одобрение (подписание) закона, содержащего нормы об экспериментальной деятельности.

Проект закона, внесенного в законодательный орган Кемеровской области, подлежит тщательному рассмотрению Советом народных депутатов Кемеровской области в трех чтениях. В каждом из трех чтений решается определенный перечень вопросов, закрепленный в ст. 49, 52, 54 Постановления Совета народных депутатов Кемеровской области от 28 октября 2009 «О Регламенте Совета народных депутатов Кемеровской области» [13].

Как исключительная стадия законотворчества может иметь место повторное рассмотрение закона Кемеровской области, содержащего нормы об экспериментальной деятельности, отклоненных губернатором Кемеровской области с созданием согласительных комиссий и других мероприятий по урегулированию разногласий между субъектами нормотворчества.

Постановление по применению экспериментальной модели оплаты труда состоит, как этого требуют правила законодательной техники, закрепленные в законе Кемеровской области от 23 июня 2003 года «О законодательной деятельности в Кемеровской области» [6], из содержательной части и реквизитов. Представляется, что особого внимания при подготовке акта, содержащего в себе нормы об экспериментальной деятельности, заслуживает преамбула, которая содержит в себе разъяснение мотивов и целей принятия закона – «в целях продолжения в 2009/2010 и 2010/2011 учебных годах эксперимента по применению новой модели оплаты труда работников общеобразовательных учреждений, повышения эффективности использования средств, направляемых из областного бюджета на реализацию основных общеобразовательных программ общеобразовательными учреждениями, улучшения качества предоставления образовательных услуг».

В ст. 3 Постановления по применению экспериментальной модели оплаты труда утверждается методика планирования расходов на оплату труда при формировании сметы доходов и расходов и начисления оплаты труда педагогическим работникам, осуществляющим учебный процесс в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях, которая является обособленной, неотъемлемой частью к данному постановлению. Методика планирования расходов на оплату труда при формировании

сметы доходов и расходов и начисления оплаты труда педагогическим работникам, осуществляющим учебный процесс в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях в свою очередь содержит 5 приложений, которые закрепляют отдельные механизмы работы данного правотворческого эксперимента.

В соответствии со п. 7 ст. 9 Закона Кемеровской области 09 марта 2005 «О Коллегии Администрации Кемеровской области» [5], Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области подписываются Губернатором Кемеровской области.

Вторая стадия – непосредственное проведение правотворческого эксперимента.

Экспериментальная ситуация вводится со дня вступления в силу экспериментальных правовых норм. Орган, ответственный за проведение правотворческого эксперимента, обязан обеспечить полную реализацию его условий.

Существо эксперимента в области оплаты труда заключается в повышении эффективности использования средств, направляемых из областного бюджета на реализацию основных общеобразовательных программ общеобразовательными учреждениями, улучшения качества предоставления образовательных услуг.

Поскольку ход правотворческого эксперимента необходимо контролировать, в заключительной ст. 9 Постановления по применению экспериментальной модели оплаты труда устанавливается лицо, на которое возлагаются обязанности по контролю исполнения постановления.

Следует обратить внимание на возможность внесения изменений в программу правотворческого эксперимента при его непосредственном исполнении. Необходимость внесения поправки в программу правотворческого эксперимента может возникнуть вследствие различных изменений в жизни и деятельности государства. В экономическом плане это могут быть изменения экономической состоятельности в контрольной группе, социальном плане – существенное изменение «социальных настроений» в контрольной группе, политическом плане – существенное изменение политической обстановки на подконтрольной территории и т. д. Внесение необходимых изменений обеспечивает разрешение задач правотворческого экспериментирования. Вместе с тем, данные шаги могут привести к искажению результатов эксперимента. В любом случае, при необходимости, следует закончить проведение эксперимента, в котором на стадии его проведения обнаружили существенные изменения, и перейти к проектированию эксперимента на новых условиях. Именно такой подход позволит получить достоверные сведения о предмете исследования.

Третья стадия – подведение итогов.

Орган, ответственный за проведение эксперимента, проводит анализ результатов экспериментального исследования. При анализе результатов экспериментального исследования необходимо сделать конкретные выводы об эффективности экспериментальных правовых норм, о побочных эффектах реализации экспериментальных правовых норм, о ресурсных за-

тратах, о прогнозируемых результатах действия правовых норм, принятых по результатам эксперимента.

При подведении итогов эксперимента принимается одно из следующих решений:

1) о придании экспериментальным правовым нормам общего действия;

2) о придании общего действия экспериментальным правовым нормам с внесением в них изменений и дополнений;

3) о нецелесообразности придания экспериментальным правовым нормам общего действия. В последнем случае возможно принятие решения о подготовке правотворческого эксперимента с иным экспериментальным фактором.

Именно на данном этапе появляется возможность проанализировать избранную методику проведения эксперимента и принять решение о необходимости проведения повторного правотворческого эксперимента для выполнения задач, которые не были достигнуты, учитывая полученный опыт в конкретной сфере общественных отношений.

Итоги эксперимента подлежат официальному опубликованию в официальном издании, публикующем правовые акты органа, принявшего решение о проведении эксперимента.

Применительно к рассматриваемому в данной статье эксперименту по применению экспериментальной модели оплаты труда укажем следующее. Цели эксперимента в общей части были достигнуты. В итоге основные выводы были использованы при подготовке Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области от 5 марта 2011 № 120 «О введении новой системы оплаты труда для работников государственных образовательных учреждений Кемеровской области» [12]. В данном акте сфера экономических отношений по оплате системе труда для работников государственных образовательных учреждений в Кемеровской области была улучшена. Однако официальный подробный отчет о проведенном экспериментально-правотворческом процессе нам найти не удалось. Данный факт считаем не благоприятным как с точки зрения доверия населения к проводимой правотворческой деятельности, так и возможности аналитического изучения допущенных ошибок экспериментального процесса в дальнейшем.

В заключение следует отметить, что экспериментально-правотворческий процесс требует большего внимания со стороны государственных органов. Автор солидарен с мнением В. Н. Ельцова, о том, что в России до сих пор нет целостной концепции организации правотворческих экспериментов [4]. Первое, по нашему мнению, действие со стороны государства должно состоять в принятии подзаконного акта, описывающего экспериментально-правотворческий процесс. Данный подзаконный акт будет иметь рекомендательный характер. При этом представляется, что глубина проработки и юридической взвешенности решения о проведении правотворческих экспериментов приведет к формированию унифицированной правовой базы экспериментально-правотворческого процесса в России.

Литература

1. Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: сб. научных трудов / под ред. Э. А. Пушмана. – Ярославль, 1980. – 145 с.
2. Арбитражный процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. – М., 1994. – 672 с.
3. Баландин, В. Н. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» / В. Н. Баландин, А. А. Павлушина // Журнал российского права. – 2002. – № 6.
4. Ельцов, В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юр. наук / В. Н. Ельцов. – Тамбов, 2009. – 23 с.
5. Закон Кемеровской области от 09 марта 2005 № 43-ОЗ «О Коллегии Администрации Кемеровской области». Принят Советом народных депутатов Кемеровской области 18 февраля 2005 г. № 832 // Кузбасс. – 2005. – 15 марта. – № 42.
6. Закон Кемеровской области от 23 июля 2003 г. № 33-ОЗ «О законодательной деятельности в Кемеровской области». Принят Советом народных депутатов Кемеровской области 28 мая 2003 г. № 24 // Кузбасс. – 2003. – 9 июля. – № 120.
7. Малько, А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие / А. В. Малько. – М., 2004. – 272 с.
8. Мельников, Ю. И. Юридический процесс как средство обеспечения социалистической законности / Ю. И. Мельников // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве / сб. науч. тр. – Ярославль. – 1980.
9. Муниципальное право России: учебник / под ред. А. Н. Кокотова, А. С. Саломаткина. – М., 2005. – 284 с.
10. Осипов, А. В. Реализация права и толкование его норм / А. В. Осипов // Курс лекций по теории государства и права: пособие: в 2 ч. – Ч. 2. – Саратов, 1993. – 196 с.
11. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 11 августа 2009 г. № 350 «О проведении эксперимента по применению новой модели оплаты труда работников государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений в 2009/2010 и 2010/2011 учебных годах» // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/zakon/default.asp> (дата обращения: 20.10.2012).
12. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 5 марта 2011 № 120 «О введении новой системы оплаты труда для работников государственных образовательных учреждений Кемеровской области» // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/zakon/viewzakon.asp?C56571=On> (дата обращения: 20.01.2013).
13. Постановление Совета народных депутатов Кемеровской области от 28 октября 2009 № 492 «О Регламенте Совета народных депутатов Кемеровской области» // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. – 2009. – № 91.
14. Протасов, В. Н. Юридическая процедура / В. Н. Протасов // Юридическая литература. – М., 1991. – 79 с.
15. Скурко, Е. В. К проблеме становления институтов общественной экспертизы в законотворчестве в Российской Федерации / Е. В. Скурко // Российская юстиция. – 2010. – № 2.
16. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 1995. – 776 с.
17. Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. – Харьков, 1985. – 192 с.
18. Устав (Основной Закон) Кемеровской области. Принят Законодательным Собранием Кемеровской области 09 апреля 1997 г. № 45 // Кузбасс. – 1997. – 11 июля. – № 102.

Информация об авторе:

Фатьянов Илья Валерьевич – аспирант кафедры административного и государственного права КемГУ, ведущий специалист отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам по кассационным и надзорным инстанциям Кемеровского областного суда, юрист 3 класса, 8-923-607-63-55, fiv_d@mail.ru.

Ilya V. Fatjanov – post-graduate student at the Department of Administrative and Public Law, Kemerovo State University; Specialist of ensuring justice in criminal cases on appeal and the supervising authorities. Lawyer 3 class.

УДК 347.72

ПОРЯДОК ЛИКВИДАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В. Г. Филиппов

LIQUIDATION PROCEDURE FOR COMMERCIAL ORGANIZATIONS

V. G. Philippov

В статье рассматриваются некоторые особенности установленного законодательного порядка ликвидации коммерческих организаций. На основании анализа правового регулирования порядка ликвидации, а также сложившейся судебно-арбитражной практики, автор указывает на его основные недостатки и вносит предложения, направленные на совершенствование отдельных законодательных положений.

The paper discusses some features of the established legal liquidation procedure for commercial organizations. Basing on the analysis of the legal regulation of liquidation procedure, as well as on the current arbitration court rulings, the author lists its basic shortcomings and makes suggestions to improve certain legal provisions.

Ключевые слова: коммерческая организация, ликвидация, порядок ликвидации, правовое регулирование, судебно-арбитражная практика.

Keywords: commercial organization, liquidation, liquidation procedure, legal regulation, arbitration court rulings.

Ликвидация коммерческой организации является одной из процедур, направленных на прекращение существования данной организации и должна реализовываться в соответствии с установленными для неё требованиями, то есть в определённом законодательном порядке. В этой связи некоторые учёные полагают, что порядок ликвидации это «...определённая совокупность юридических фактов, наступление которых необходимо для достижения юридической цели ликвидации – прекращения юридического лица; установленная законом последовательность наступления таких фактов; срок осуществления ликвидации» [1, с. 111]. Другие, исходя из анализа правил п. 2 ст. 61 ГК РФ рассматривают порядок ликвидации в более узком содержании, разделяя его на два вида: добровольный и принудительный [2, с. 129].

При этом необходимо проводить различие между порядком и основаниями ликвидации. Соответственно отметим, что в ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) определены основания, по которым юридическое лицо может быть ликвидировано, то есть, указаны определённые юридические факты, с которыми закон связывает прекращение деятельности юридического лица в форме ликвидации и сделано только указание на то, в каком порядке может быть осуществлена ликвидацию, а непосредственно основные требования к самому порядку, процедуре осуществления ликвидации установлены в ст. 63 ГК РФ.

Поэтому представляется, что порядок ликвидации коммерческих организаций необходимо понимать как установленную и регламентированную нормами права, процедуры осуществления ликвидации коммерческой организации.

В п. 1 ст. 63 ГК РФ сделано указание на важный момент проведения ликвидационной процедуры, поскольку после своего образования, ликвидационная комиссия помещает в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, публикацию о его ликвидации и

о порядке и сроке заявления требований его кредиторами. Этот срок не может быть менее двух месяцев с момента публикации о ликвидации.

Публикация данных о ликвидации имеет важное юридическое значение, поскольку связана с выявлением кредиторов ликвидируемой организации и последующем определением судьбы имущества такой организации.

В настоящее время официальным печатным изданием, в котором должна быть размещена публикация о ликвидации в соответствии с п. 1 Приказа Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 16.06.2006 г. № САЭ-3-09/355@ «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации», [4] является журнал «Вестник государственной регистрации».

Следует отметить, что ГК РФ не установлен срок, в течение которого должны быть опубликованы соответствующие сведения о ликвидации организации. Это в свою очередь порождает различные нарушения, выражающиеся в уклонении ликвидируемой коммерческой организации от исполнения обязательств перед своими кредиторами. Суды в данных случаях, не смотря на установление ими фактов отсутствия сведений публикации о ликвидации коммерческой организации, отказывают в удовлетворении исковых требований, мотивируя это тем, что такой способ защиты как возложение на ликвидационную комиссию (ликвидатора) выполнить действия, предусмотренные ст. 63 ГК РФ, а именно установить порядок и срок ликвидации общества, уведомить кредиторов о своей ликвидации законом не предусмотрен [5].

Таким образом, публикация информации о ликвидации является одним из юридических действий совершаемых коммерческой организацией, направленных на реализацию ликвидации и достижению поставленных данной процедурой целей, должно способствовать нормальному и последовательному осу-

ществлению ликвидации коммерческой организации, а также обеспечению прав и законных интересов всех заинтересованных лиц.

В соответствии с п. 2 ст. 63 ГК РФ, ликвидационная комиссия после окончания срока для предъявления требований кредиторами составляет промежуточный ликвидационный баланс, который содержит сведения о составе имущества ликвидируемого юридического лица, перечне предъявленных кредиторами требований, а также о результатах их рассмотрения.

Промежуточный ликвидационный баланс утверждается учредителями (участниками) юридического лица или органом, принявшими решение о ликвидации юридического лица. В случаях, установленных законом, промежуточный ликвидационный баланс утверждается по согласованию с уполномоченным государственным органом.

Промежуточный ликвидационный баланс характеризует имущественное и финансовое положение коммерческой организации, то есть её активы и пассивы по состоянию на установленную дату истечения срока для предъявления требований кредиторов.

Следовательно, до составления промежуточного баланса какие-либо расчёты с кредиторами по общему правилу запрещены.

Необходимо заметить, что ГК РФ и законодательством о коммерческих организациях не определён также срок, в течение которого должен быть составлен промежуточный ликвидационный баланс, что приводит к нарушениям, связанным с порядком его составления. Исключение здесь составляют только лишь кредитные организации. Так, согласно п. 1 ст. 50.42 Федерального закона от 25.02.1999 г. № 40-ФЗ (ред. от 28.07.2012 г.) «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», [6] после составления и закрытия реестра требований кредиторов конкурсный управляющий в срок не позднее шести месяцев со дня открытия конкурсного производства составляет промежуточный ликвидационный баланс, который содержит сведения о составе имущества ликвидируемой кредитной организации, перечень предъявленных кредиторами требований, а также сведения об осуществлённых предварительных выплатах кредиторам первой очереди. Срок составления реестра требований кредиторов и срок составления промежуточного ликвидационного баланса могут быть продлены арбитражным судом по заявлению конкурсного управляющего.

Рассматривая порядок ликвидации, нельзя не упомянуть также и некоторых новеллах вносимых Проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», [7] (далее – Проект Поправок в ГК РФ) связанных с установлением порядка прекращения и возобновления процедуры ликвидации. Так, согласно п. 3 ст. 63 ГК РФ в будущей редакции, в случае возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица ликвидация прекращается, ликвидационная комиссия уведомляет об этом всех известных ей кредиторов. Требования кредиторов в случае прекращения ликвидации при воз-

буждении дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица рассматриваются в порядке, установленном законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Помимо этого ГК РФ также будет предусматриваться и порядок возврата к процедуре ликвидации. В соответствии с п. 5 ст. 64 ГК РФ в будущей редакции, в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключённого из единого государственного реестра юридических лиц, в том числе в результате признания его несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о возобновлении (назначении) процедуры ликвидации такого юридического лица для распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. К указанному имуществу относятся также требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам, в том числе возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнение в полном объеме. В этом случае суд назначает ликвидатора из числа арбитражных управляющих.

Возобновление (назначение) процедуры ликвидации допускается в течение трех лет с момента внесения записи в государственный реестр юридических лиц об исключении юридического лица из этого реестра при наличии достаточных средств для её возобновления (назначения) и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц.

Как видно данные меры также направлены на обеспечение соблюдения интересов кредиторов, удовлетворение заявленных ими требований.

Вносимые изменения в ГК РФ, связанные с возобновлением процедуры ликвидации после внесения записи в Единый государственный реестр об исключении юридического лица, в некотором роде могут изменить взгляд на прекращение его как субъекта гражданских правоотношений, когда составлен и утверждён окончательный ликвидационный баланс после завершения всех расчётов с кредиторами в порядке очередности, установленной п. 1 ст. 64 ГК РФ, что является завершающей стадией ликвидации. Вместе с тем, как представляется в данном случае речь не идёт о восстановлении правосубъектности юридического лица, а имеет место распределение имущества прекратившей своё существование организации, которая уже была исключена из реестра юридических лиц, поскольку в соответствии с п. 9 ст. 63 ГК РФ в будущей редакции, юридическое лицо считается прекратившим своё существование после внесения в единый государственный реестр сведений о его прекращении. Помимо этого, согласно п. 3 ст. 49 ГК РФ в будущей редакции, правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается с момента внесения в указанный реестр сведений о его прекращении.

Положительным моментом Проекта поправок в ГК РФ на наш взгляд является установление трёхлетнего срока в течение которого может быть возобно-

лена процедура ликвидации. Стремление законодателя к установлению конкретных сроков, связанных с осуществлением процедуры ликвидации представляется оправданным и должно стать ещё одной дополнительной гарантией по защите прав и законных интересов кредиторов и участников ликвидируемой организации.

В настоящий момент ГК РФ и законодательство о коммерческих организациях не устанавливает ни минимальных, ни максимальных сроков, предусмотренных на проведение процедуры ликвидации, поскольку данные сроки в силу п. 2 ст. 62 ГК РФ определяются учредителями (участниками) юридического лица или органом, принявшим решение о ликвидации. Исключение составляет только срок, предусмотренный п. 1 ст. 63 ГК РФ на заявление кредиторами своих требований, который не может быть менее двух месяцев с момента публикации о ликвидации.

Исходя из этого, Федеральным законом от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», [8] данный срок установлен в качестве минимального, предусмотренного для осуществления процедуры ликвидации. Так, в соответствии с п. 2 ст. 22 данного закона, ликвидационная комиссия (ликвидатор) уведомляет регистрирующий орган о завершении процесса ликвидации юридического лица не ранее чем через два месяца с момента помещения в органах печати ликвидационной комиссией (ликвидатором) публикации о ликвидации юридического лица.

В связи с этим видится также обоснованным установление в ГК РФ определённых сроков при осуществлении некоторых конкретных действий по ликвидации юридического лица, которые особенно затраги-

вают интересы кредиторов, а возникающие нарушения при их осуществлении, как было показано нами ранее, способствуют нарушению прав кредиторов, затрудняют их реализацию, затягивают саму процедуру ликвидации. Для этого целесообразно:

– в п. 1 ст. 63 ГК РФ установить срок в течение, которого ликвидационной комиссией должно быть опубликовано сообщение о ликвидации. Такой срок по аналогии с п. 1 ст. 62 ГК РФ в будущей редакции может быть установлен в течение трёх рабочих дней с момента назначения ликвидационной комиссии;

– в п. 2 ст. 63 ГК РФ определить конкретный срок, не позднее которого ликвидационная комиссия должна составить промежуточный ликвидационный баланс, который подобно установленному для кредитных организаций может быть не позднее шести месяцев, исчисляемых со дня окончания установленного срока для предъявления требований кредиторами. Также следует указать на возможность продления данного срока арбитражным судом по заявлению ликвидационной комиссии.

Кроме того, в п. 1 и в п. 2 ст. 63 ГК РФ необходимо указать также на последствия, которые должны наступать в результате пропуска данных сроков, в виде признания арбитражным судом ликвидации недействительной в тех случаях, когда судом не будут признаны причины такого пропуска уважительными.

Таким образом, установление данных сроков окажет определённое воздействие на упорядочивание процедуры ликвидации, обеспечение прав всех заинтересованных лиц и в конечном итоге будет способствовать достижению главной цели проводимой процедуры – прекращение коммерческой организации в качестве субъекта гражданского права в соответствии с установленным для её реализации порядком.

Литература

1. Габов, А. В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы / А. В. Габов. – М.: Статут, 2011.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2005.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 16.06.2006 г. № САЭ-3-09/355@ «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 28.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 28.07.2011 г. № Ф09-4383/11 по делу № А07-16615/2010 // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.01.2006 г. по делу № А05-2887/2005-2 // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 01.02.2007 г. по делу № А 57-30850/05-33 // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.05.2010 г. № 07-АП3191/10 по делу № А27-918/2010 // Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 40-ФЗ (ред. от 28.07.2012 г.) «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 9. – Ст. 1097.
7. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (во втором чтении). – Режим доступа: <http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/site.xp/0510540561240-54053054.html> (дата обращения: 10.04.2013 г.).

8. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I) . – Ст. 3431.

Информация об авторе:

Филиппов Вячеслав Геннадьевич – соискатель кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, +7 (499) 744-12-52, vya8954@yandex.ru.

Viacheslav G. Philippov – post-graduate student at the Department of Civil and Family Law, Saratov State Legal Academy.

УДК 343.2

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ

Т. Г. Черненко, Н. В. Суворова

SOME ISSUES OF IMPOSING CUMULATIVE SENTENCES

T. G. Chernenko, N. V. Suvorova

В статье исследуются проблемные вопросы назначения наказания по совокупности приговоров. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательной регламентации правил назначения наказания по совокупности приговоров.

The paper addresses certain problems of imposing cumulative sentences. Some legislative regulation improvements of imposing cumulative sentences are proposed.

Ключевые слова: совокупность приговоров, назначение наказания, неотбытое наказание, сложение наказаний, дополнительные наказания.

Keywords: cumulative sentences, imposing sentence, unserved penalty, summation of penalties, additional penalties.

Суд, назначая наказание лицу, виновному в совершении преступления, наряду с другими обстоятельствами учитывает и степень опасности личности виновного. Совершение лицом нового преступления после осуждения за предыдущее, но до полного отбытия наказания, за него назначенного, свидетельствует о повышенной опасности данного лица не только в сравнении с первичными преступниками, но и лицами, совершившими несколько преступлений не будучи осужденными. Совершение нового преступления осужденным лицом свидетельствует о том, что оно не сделало для себя выводов из факта предшествующего осуждения, что цели исправления преступника и специальной превенции в отношении данного лица не достигнуты. Эти обстоятельства должны учитываться при назначении наказания таким лицам, подход к ним должен быть более строгим. Правила же назначения наказания для указанной категории преступников должны быть сконструированы таким образом, чтобы они позволяли назначать наказание, соответствующее не только характеру и степени опасности совершенных преступлений, но и повышенной опасности лиц, совершающих новое преступление при неотбытом наказании за предыдущее, такого наказания, которое способствовало бы достижению целей, стоящих перед наказанием в отношении указанной категории преступников.

В статье 70 УК РФ – "Назначение наказания по совокупности приговоров" – сформулированы особые правила (порядок) назначения наказания при множе-

ственности преступлений, соединенной с предшествующим осуждением. Они касаются как рецидива преступлений, так и совершения преступления лицом, имеющим судимость, но без признаков рецидива, и распространяются на случаи, когда наказание за ранее совершенное преступление не было отбыто в полном объеме.

В соответствии с частью 1 указанной статьи "при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда". Законодатель не дает прямого указания на то, с какого момента должны применяться правила назначения наказания по совокупности приговоров, а это может породить определенные трудности в разграничении положений части 5 статьи 69 УК РФ и части 1 статьи 70 УК РФ, ведь и в том, и в другом случаях налицо два самостоятельных приговора суда, в обоих случаях может наличествовать отбытая часть наказания.

В литературе нет единого подхода к вопросу о том, с какого момента следует применять правила назначения наказания по совокупности приговоров. Одна группа авторов полагает, что совершение лицом нового преступления после вынесения (провозглашения) приговора, но до его вступления в законную силу, должно влечь назначение наказания по совокупности приговоров [см., например: 1; 2; 3; 4].

Аналогичный подход отражен и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 11 января 2007 года, в пункте 36 которого отмечено, что "при совершении лицом нового преступления после провозглашения приговора за предыдущее преступление судам следует исходить из того, что, поскольку вынесение приговора завершается его публичным провозглашением, правила назначения наказания по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ) применяются и в случае, когда на момент совершения осужденным лицом нового преступления первый приговор не вступил в законную силу" [5].

Конечно, вполне понятно стремление применять более жесткие правила назначения наказания лицу, которое не реагирует на отрицательную оценку его деяния и личности со стороны государства, выраженную в обвинительном приговоре суда, не делает должных для себя выводов и вновь совершает очередное преступление. Однако необходимо иметь в виду, что в действующем Уголовном кодексе многие нормы увязаны с фактом вступления приговора суда в законную силу, в том числе и нормы, касающиеся множественности преступлений. Так, сроки давности привлечения к уголовной ответственности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу; лицо, осужденное за преступление, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу; рецидив преступлений может быть констатирован только в том случае, когда новое преступление совершено после вступления в силу приговора суда по предыдущему преступлению.

Думается, что законодателю следует проявить последовательность и в статье 70 УК РФ отразить, что наказание по совокупности приговоров должно назначаться в случае совершения осужденным нового преступления после вступления приговора суда по предыдущему преступлению в законную силу [6, с. 184 – 185]. Данная позиция нашла отражение и в работах других авторов [см., например: 7; 8; 9; 10].

Необходимо также указать и конечный момент применения правил назначения наказания по совокупности приговоров. Это может быть не только факт полного отбытия наказания, ибо при условном осуждении, отсрочке отбывания наказания и при условно-досрочном освобождении от наказания лицо совершает новое преступления в тот период, когда наказание им не отбывается.

С учетом изложенного считаем целесообразным изложить часть 1 статьи 70 УК РФ в следующей редакции: "Если осужденный после вступления приговора суда в законную силу, но до полного отбытия наказания или до полного погашения обязанности его отбывания совершил новое преступление, то к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, полностью или частично присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда". Данная редакция части 1 статьи 70 УК РФ потребует уточнения редакции части 5 статьи 69 УК РФ: слова "после вынесения судом приговора по делу" необходимо заменить на слова "после вступления приговора суда в силу" и слова "до вынесения приговора суда"

следует заменить на "до вступления в силу приговора суда".

Наказание по правилам совокупности приговоров назначается в том случае, когда по предыдущему приговору наказание не было отбыто либо полностью, либо частично, то есть правила статьи 70 УК РФ применяются к лицам:

- а) отбывающим реальное наказание и совершившим в этот период новое преступление;
- б) условно осужденным, совершившим новое преступление во время испытательного срока;
- в) лицам, в отношении которых была применена отсрочка отбывания наказания, совершившим преступление в период отсрочки;
- г) условно-досрочно освобожденным от наказания, совершившим новое преступление в период неотбытой части наказания.

д) лицам, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора на основании статьи 398 УПК РФ (например, вследствие болезни осужденного).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 2 от 11 января 2007 года "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" обратил внимание судов на необходимость выяснять при решении вопроса о назначении наказания по совокупности приговоров, какая часть основного и дополнительного наказания реально не отбыта лицом по предыдущему приговору, и указывать на это во вводной части приговора. Неотбытым наказанием, указано в постановлении, следует, в частности, считать весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору при условном осуждении; срок, на который осужденный был фактически условно-досрочно освобожден от дальнейшего отбывания наказания; назначенное наказание, которое отсрочено в порядке статьи 82 УК РФ" [5].

Относительно неотбытой части наказания у лиц, которым была применена отсрочка, необходимо уточнить следующее. При отсрочке отбывания наказания осужденным, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, неотбытым наказанием признается весь срок наказания, если отсрочка была предоставлена сразу же при вынесении обвинительного приговора суда. Если же отсрочка была дана ос во время отбывания наказания, то неотбытой считается та часть наказания, которая реально еще не была исполнена на момент фактического освобождения лица от наказания в связи с предоставлением отсрочки от его отбывания.

При условно-досрочном освобождении от наказания неотбытой считается часть наказания, от которой лицо было фактически освобождено.

Применительно к наказанию, отбываемому реально, неотбытой частью наказания следует, на наш взгляд, считать срок, который не был отбыт к моменту вынесения приговора за последнее преступление. Именно такой подход воспринят и судебной практикой.

Назначение наказания по совокупности приговоров осуществляется двумя этапами. На первом – назначается наказание за новое преступление с учетом всех общих начал назначения наказания. На втором этапе выносятся окончательное, итоговое наказание.

При назначении наказания по совокупности приговоров в соответствии с частью 1 статьи 70 УК РФ должен использоваться метод сложения наказаний. Сложение может быть полным или частичным.

Как показывает изучение судебной практики, суды отдают предпочтение частичному сложению наказаний: по данным нашего исследования, полное сложение вновь назначенного наказания и неотбытой части наказания по предыдущему приговору было осуществлено в отношении 11,5 % осужденных по совокупности приговоров, в отношении же 88,5 % осужденных было осуществлено частичное присоединение неотбытой части наказания к наказанию, назначенному по последнему приговору суда.

Определение максимального размера наказаний по совокупности приговоров зависит от вида итогового наказания. В соответствии с частью 2 статьи 70 УК РФ, если окончательное наказание менее строгое, чем лишение свободы, оно не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью Уголовного кодекса. Так, например, максимальный срок исправительных работ равен двум годам, максимальный срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого в качестве основного наказания, равен пяти годам.

Окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров не должно превышать тридцати лет (ч. 3 ст. 70 УК РФ).

Законодатель в части 4 статьи 70 УК РФ сформулировал важное положение, в соответствии с которым окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда. Иное означало бы необоснованное поощрение преступника.

Несмотря на то, что законом не предусматривается применение метода поглощения менее строгого наказания более строгим при назначении наказания по совокупности приговоров, суды порой вынуждены прибегать к этому методу, чтобы не выйти за максимально допустимые законом пределы наказания. Например, лицо, отбывающее исправительные работы, совершает преступление небольшой тяжести, за которое ему определяется наказание в виде двух лет исправительных работ. Назначая окончательное наказание по совокупности приговоров, суд вынужден применить поглощение неотбытой части наказания по первому приговору наказанием за новое преступление, ибо максимальный срок исправительных работ в соответствии с частью 1 статьи 50 УК РФ равен двум годам.

В связи с тем, что применения метода поглощения не избежать в ситуациях, подобных вышеизложенной, считаем необходимым урегулировать данный вопрос законодательным путем и статью Уголовного кодекса, посвященную назначению наказания по совокупности приговоров, дополнить отдельной частью следующего содержания:

"Если за вновь совершенное преступление назначено менее строгое, чем лишение свободы, наказание

в максимальных размерах, установленных для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса, и по предыдущему приговору было назначено наказание того же вида, неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда подлежит поглощению наказанием, назначенным по последнему приговору".

При назначении наказания по совокупности приговоров возможна ситуация, когда лицу одним из приговоров было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы. В данном случае сложение вновь назначенного наказания и неотбытой части наказания по предыдущему приговору невозможно, следовательно, эта ситуация требует законодательного разрешения. Для таких случаев законом необходимо предусмотреть специальное правило, которое позволяло бы пожизненным лишением свободы поглощать другое наказание, независимо от того, каким приговором (первым или последним) было назначено пожизненное лишение свободы. В связи с изложенным считаем целесообразным статью УК РФ, посвященную назначению наказания по совокупности приговоров, дополнить еще одной частью следующего содержания:

"Если по одному из приговоров назначено пожизненное лишение свободы, то окончательное наказание по совокупности приговоров назначается путем поглощения пожизненным лишением свободы менее строгого наказания".

Если по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в других преступлениях, часть из которых была совершена до осуждения по первому делу, а часть – после осуждения, наказание должно назначаться с применением правил и статьи 69 УК, и статьи 70 УК РФ. При этом наказание назначается вначале по совокупности преступлений (дополнительно выявленных), совершенных до вынесения первого приговора, затем – по правилам части 5 статьи 69 УК РФ, после этого – по совокупности преступлений, совершенных после вынесения первого приговора, и окончательное наказание – по правилам статьи 70 УК РФ" [5], то есть к наказанию, назначенному по совокупности преступлений, совершенных после вынесения первого приговора, прибавляем полностью или частично неотбытую часть наказания, назначенного с применением части 5 статьи 69 УК РФ по совокупности всех преступлений, совершенных до вынесения первого приговора. Правила об одновременном назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров должны быть предусмотрены на законодательном уровне.

Серьезные трудности возникают при назначении наказания условно осужденным, совершившим в период испытательного срока преступления по неосторожности или умышленные преступления небольшой тяжести. В части 4 статьи 74 УК РФ сформулировано положение, в соответствии с которым, в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести, вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом. В части же 5 статьи 74 УК РФ указано, что по правилам, предусмотренным стать-

ей 70 Уголовного кодекса, назначается наказание и в случаях, предусмотренных частью 4 статьи 74 УК РФ.

Представим, что суд не счел нужным отменить условное осуждение, примененное первым приговором. А за новое преступление назначает реальное наказание, например, в виде лишения свободы. Далее, в соответствии с частью 5 статьи 74 УК РФ, должны применяться правила назначения наказания по совокупности приговоров. При назначении наказания же по совокупности приговоров, гласит часть 1 статьи 70 УК РФ, к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда. У условно осужденного является неотбытым все наказание, назначенное по предыдущему приговору. Но в рассматриваемой ситуации присоединить неотбытое наказание к наказанию за новое преступление нельзя: это противоречило бы части 4 статьи 74 УК РФ (когда условное осуждение сохранено). Налицо явное противоречие положений, предусмотренных частью 1 статьи 70 УК РФ и частями 4, 5 статьи 74 УК РФ. И какой же выход должен искать суд из этого тупика? Суд, в соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ, вынужден будет вынести решение о самостоятельном исполнении условного осуждения по первому приговору и наказания, назначенного за новое преступление" [5]. Получается парадоксальная ситуация, когда одно и то же лицо одновременно отбывает реальное наказание в виде лишения свободы и является условно осужденным к лишению свободы или другому виду наказания, предусмотренному частью 1 статьи 73 УК РФ.

На наш взгляд, следует в статье 74 УК РФ предусмотреть отмену условного осуждения в случае совершения условно осужденным в период испытательного срока любого преступления, независимо от степени его тяжести, и назначения наказания по совокупности приговоров. Если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он может постановить считать назначенное по совокупности приговоров наказание условным.

Возможна при назначении наказания и следующая ситуация: лицо за совершенное преступление осуждено к лишению свободы условно. В период испытательного срока оно совершает новое преступление. Кроме того, выясняется, что до условного осуждения было совершено не одно преступление, а два (или более). Каким образом должно назначаться наказание за все содеянное лицом при изложенных обстоятельствах? Выход видится в отмене условного осуждения в случае совершения лицом в период испытательного срока нового преступления, о чем уже говорилось выше. После отмены условного осуждения наказание вначале должно быть назначено по совокупности преступлений (совершенных до первого осуждения), с применением правил части 5 статьи 69 УК РФ, затем – за преступление, совершенное в период испытательного срока, после чего к наказанию, назначенному за последнее преступление, должно быть присоединено полностью или частично неотбытое наказание, назначенное по совокупности ранее совершенных преступлений.

При назначении наказания по совокупности приговоров иногда возникает необходимость сложения разнородных наказаний. Это происходит в тех случаях, когда лицу за новое преступление, совершенное после осуждения за предыдущее, но до полного отбывания назначенного за него наказания, избирается наказание другого вида. Например, лицо отбывало исправительные работы, а за совершенное в этот период преступление ему назначается наказание в виде лишения свободы.

При сложении разнородных наказаний менее тяжкий вид наказания переводится в более тяжкий. Иной порядок означал бы необоснованное смягчение наказания лицам, повторно совершающим преступления после осуждения. Правила перевода одних видов наказаний в другие предусмотрены в статье 71 УК РФ.

Если для разных видов наказания не предусмотрены правила перерасчета, то при совокупности приговоров осуществляется сложение двух самостоятельных частей (нового наказания и неотбытой части предыдущего), и в рамках данного единого итогового наказания каждый вид наказания будет исполняться самостоятельно.

Назначая наказание по совокупности приговоров, суд к основным видам наказания может присоединить дополнительные. В соответствии с частью 5 статьи 70 УК РФ присоединение дополнительных видов наказаний при назначении наказания по совокупности приговоров производится по правилам, предусмотренным частью 4 статьи 69 УК РФ.

Особо следует подчеркнуть, что дополнительное наказание по совокупности приговоров, так же, как и по совокупности преступлений, может назначаться только в том случае, если оно было назначено за отдельные преступления, образующие совокупность.

При назначении наказания по нескольким приговорам суд сначала назначает основное наказание и дополнительное (если сочтет это целесообразным) за новое преступление, затем устанавливает неотбытые части основных и дополнительных наказаний по предыдущим приговорам, после этого к наказанию (основному и дополнительному), назначенному за новое преступление, присоединяет неотбытую часть наказания (основного и дополнительного) по предшествующему приговору.

При определении размера неотбытой части дополнительного наказания, подлежащей присоединению к дополнительному наказанию, назначенному по последнему приговору, необходимо учитывать следующие положения.

1. Дополнительные наказания, исполняемые одновременно (лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград) могут быть либо полностью исполнены, либо полностью не исполнены к моменту вынесения приговора за новое преступление. В последнем случае они присоединяются к дополнительным наказаниям, назначенным по последнему приговору.

2. Дополнительное наказание в виде штрафа может быть исполнено частично к моменту вынесения нового приговора. В таком случае суд должен точно

установить, какая часть штрафа еще не взыскана с осужденного [8, с. 206].

3. Дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью считается полностью не отбытым, если осужденный совершил новое преступление во время отбывания основного наказания в виде лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части, ареста (в соответствии с частью 4 статьи 47 УК РФ).

4. В случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы а также при условном осуждении, его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу (ч. 4 ст. 47 УК РФ). Следовательно, в случае совершения лицом но-

вого преступления во время отбывания указанных основных наказаний или в период испытательного срока при условном осуждении, необходимо установить, какая часть дополнительного наказания была уже отбыта к моменту постановления нового приговора, и за ее вычетом определить часть наказания, подлежащую присоединению к дополнительному наказанию, назначенному по последнему приговору.

5. Если новое преступление совершено в период неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении и лицо при применении условно-досрочного освобождения не было освобождено от дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, это дополнительное наказание следует присоединить к новому наказанию в неотбытой части.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 4-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. – М., 2012.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – М., 2012.
3. Малков, В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / В. П. Малков. – Казань, 2006.
4. Непомнящая, Т. В. Проблемы назначения наказания: учебное пособие / Т. В. Непомнящая, В. М. Степашин. – Омск, 2011.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // Справочная правовая система "Консультант Плюс".
6. Черненко, Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву / Т. Г. Черненко. – Кемерово, 2007.
7. Горелик, А. С. Наказание по совокупности преступлений и приговоров (принципы, законодательство, судебная практика) / А. С. Горелик. – Красноярск, 1991.
8. Дуюнов, В. К. Дополнительные наказания: теория и практика / В. К. Дуюнов, А. Л. Цветинович. – Фрунзе, 1986.
9. Жинкина, Е. Ю. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Е. Ю. Жинкина. – Краснодар, 2002.
10. Становский, М. Н. Назначение наказания / М. Н. Становский. – СПб., 1999.

Информация об авторах:

Черненко Тамара Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ, 8(384-2)58-37-43, 89236141004, chernenkotg@mail.ru.

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Суворова Надежда Викторовна – судья Кемеровского областного суда.

Nadegda V. Suvorova – judge at Kemerovo regional court.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.
Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-38-85
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150.

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 28.08.2013 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 6.09.2013 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 38,75. Уч.- изд. л. – 36,77.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.